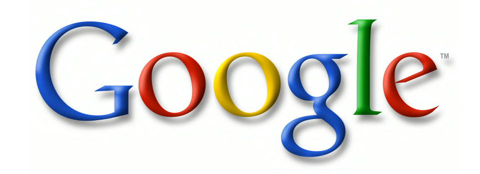

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

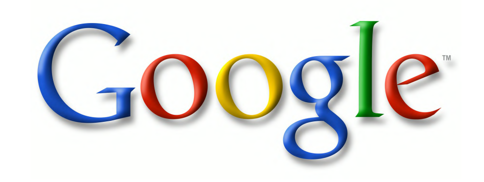
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

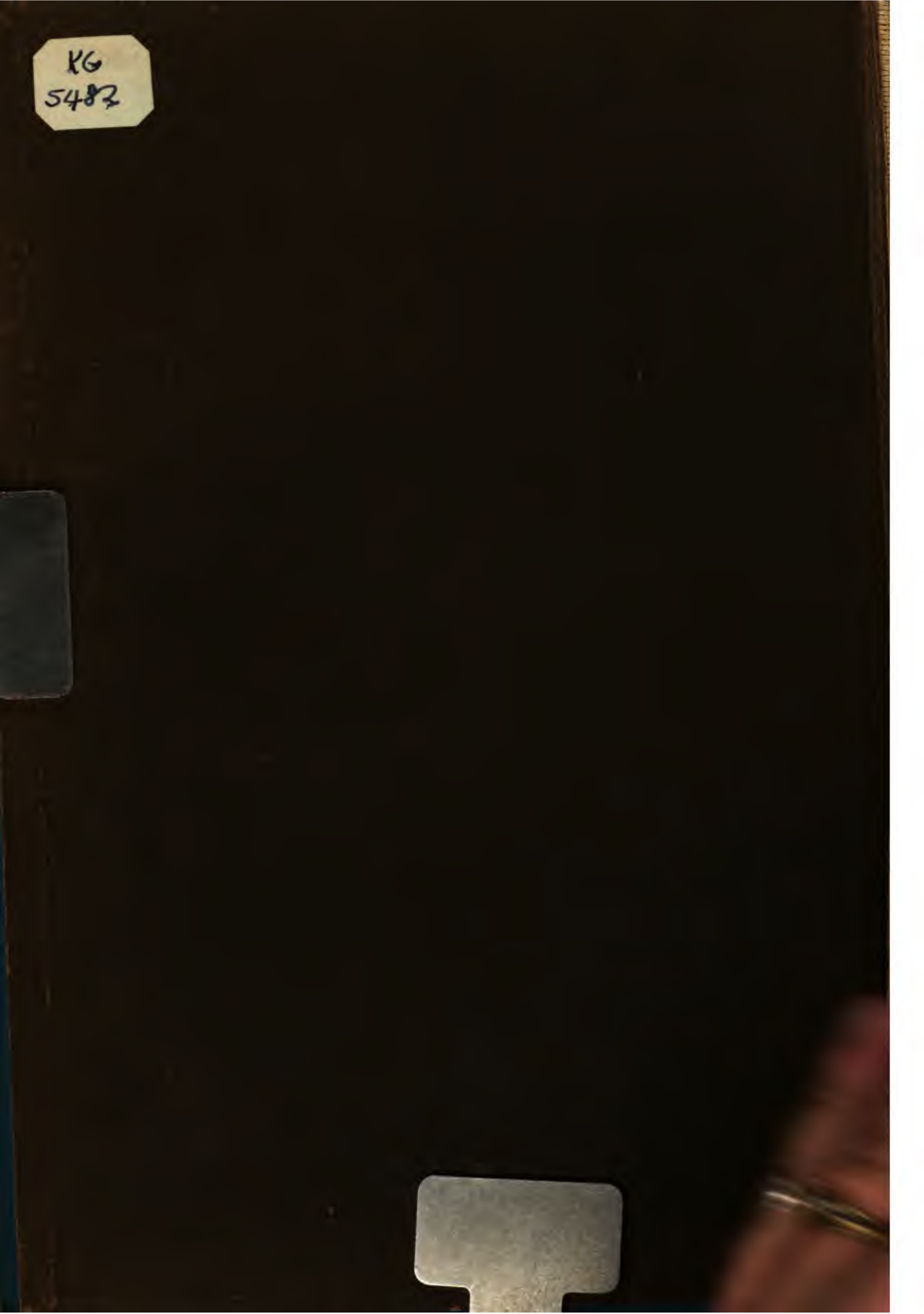
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

HN 65PP F
С. Гединъ
Въ сердцѣ Азіи.
Памиръ, Тибетъ, Восточный Туркестанъ.
С. Петербургъ
Изд. А. Ф. Девріена

KG
483

KG
5483

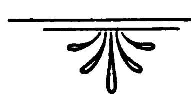

Исламъ-бай, вѣрный спутникъ Свена Гедина.

ВЪ СЕРДЦѢ АЗІИ.

ПАМИРЪ.—ТИБЕТЪ.—ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАНЪ.

ВЪ СЕРДЦѢ АЗІИ.

ПАМИРЪ.—ТИБЕТЪ.—ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАНЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

СВЕНА ГЕДИНА

въ 1893—1897 годахъ.

Переводъ со шведскаго А. и П. Ганзенъ.

Съ разрѣшенія автора.

Томъ II.

Со 140 рисунками и 1-ой картой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. Девріена.

1899.

48 * 90

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Сентября 1899 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр. 9 лин., № 12).

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА II.

Гинду-ку; видъ около перевала Упрангъ.
(Съ рисунка автора).

I.

Черезъ перевалъ Улугъ-артъ.

10 іюля я съ Исламъ-баемъ, двумя другими слугами и шестью лошадьми выступилъ изъ Кашгара въ селеніе Токузъ-акъ (девять бѣлыхъ), куда и прибылъ въ тотъ-же день. Вѣрный спутникъ мой въ пустынѣ Касимъ остался сторожемъ въ консульствѣ. Изъ лошадей одна — небольшой пѣгій жеребчикъ — была куплена еще у Хотанскихъ купцовъ въ то время, какъ я проживалъ въ бесѣдкѣ, въ лѣсу, на Хотанъ-дарьѣ. Это была славная лошадка, веселая, ласковая, ручная, точно собачка. Для себя лично я купилъ превосходную рослую верховую лошадь, которой и предстояло носить меня больше года по азіатскимъ пустынямъ. Всѣ пять новыхъ лошадей стоили только 124 рубля. Лошади въ Кашгарѣ дешевы.

11 іюля мы продолжали путь на юго-западъ до большого селенія Упалъ (2,000 дворовъ), являющагося вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпостью, съ гарнизономъ въ 200 чел., и резиденціей двухъ мандариновъ низшаго ранга. Весь день лилъ дождь, и лессовый грунтъ, по которому вела дорога, размякъ, обратился въ скользкую, липкую грязь. Вымокшіе до костей заѣхали мы въ одинъ изъ дворовъ около базара и развели большой костеръ, чтобы обсушиться.

Посреди селенія протекаетъ небольшая рѣчка, берущая начало на перевалѣ Улугъ-артъ, и орошаетъ рисовыя и хлѣбныя поля и сады. Рѣчка эта вырыла себѣ довольно широкое и глубокое русло въ ярко-желтомъ лессѣ, но въ селеніи берега подымаются отлого до ясно выраженныхъ террасъ. Глиняныя сакли съ плоскими кровлями тянутся по самому берегу.

Немного спустя, по нашемъ прибытіи въ селеніе, мнѣ пришлось наблюдать еще невиданное мною, но обычное здѣсь въ дождливое время года явленіе. Послѣ продолжительнаго дождя, горные ручьи сливаются въ одинъ мощный потокъ, переполняющій русло рѣчки и производящій иногда большія опустошенія. Этимъ-то мощнымъ скопленіемъ водъ, извѣстнымъ здѣсь подъ названіемъ „зиль", и промыто такое глубокое русло, ограниченное глинистыми террасами.

Въ 7 ч. мы услыхали отдаленный шумъ, который, все приближаясь и разростаясь, превратился, наконецъ, въ оглушительный грохотъ. Словно кипящая, шипящая глиняная каша, дико несся потокъ, захватившій въ своемъ стремленіи массу землистыхъ частицъ съ горъ, и переполнилъ русло. Населеніе съ криками и жестами ужаса разбѣжалось кто куда. Я съ Исламомъ взлѣзъ на крышу сакли.

Минуту спустя, аллеи изъ ивъ и тополей по обоимъ берегамъ стояли затопленныя водой, почва дрожала подъ тяжестью вырвавшейся изъ береговъ водной массы, волны такъ и кипѣли грязной пѣной, брызги стояли столбомъ, точно туманъ. Стволы деревьевъ, обрубки, вѣтви, хворостины, копны сѣна и другіе предметы такъ и плясали по волнамъ, ударялись о берега, ныряли, всплывали снова и уносились по теченію. Деревянный мостъ, соединявшій берега рѣчки, разомъ былъ смытъ и тоже поплылъ, треща и кряхтя всѣми бревнами.

Вода все прибывала, затопила лучшую улицу и ворвалась въ низкіе домишки; переполошившіеся жители съ криками взбирались со своими пожитками вверхъ по скату на террасы. Нѣкоторые торопились набросать лопатами передъ своими жилищами валы изъ глины, чтобы преградить путь водѣ. Вся нижняя часть базара въ какія нибудь двѣ минуты была подъ водой. Оглушительный грохотъ потрясалъ воздухъ, наводя на всѣхъ ужасъ.

Матери бѣжали по поясъ въ водѣ, таща на рукахъ дѣтей. Всѣ крыши были покрыты перепуганными людьми; тѣ-же, кому нечего было терять, видимо, любовались величественнымъ зрѣлищемъ. Къ счастью, дворъ, на которомъ мы остановились, лежалъ такъ далеко отъ берега, что нашимъ пожиткамъ не угрожало никакой опасности.

Послѣ того, какъ все, что можно было спасти, было спасено, вниманіе всѣхъ устремилось на бахчу со спѣлыми дынями. По бороздамъ между грядками уже быстро ползли змѣйками струи воды. Обыватели устремились туда, набирали полныя охапки дынь, спѣшили къ подножію террасы и перебрасывали дыни другимъ, которые укладывали ихъ въ кучи.

Перевалъ Улугъ-артъ; видъ изъ аула Улугъ-артъ.
(Съ рисунка автора).

Часть дынь, однако, такъ и погибла, унесенная водой; десятка полтора сакль также были смыты цѣликомъ. Можно было-бы думать, что туземцы, наученные опытомъ, остерегаются разлива, повторяющагося ежегодно. Ничуть не бывало. Едва вода спадетъ, они возводятъ новые домишки на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ стояли старые.

Въ 9 ч. вечера вода стала спадать, и утромъ 12-го рѣчка приняла уже свой обычный видъ. Сообщеніе между берегами возстановилось. Съ нихъ было смыто все до чиста. На всякій случай мы остались на мѣстѣ до слѣдующаго дня.

Черезъ Мустагъ-ату, или Кашгарскій хребетъ, ограждающій Памиръ съ востока, ведутъ въ этихъ широтахъ че-

тыре перевала: Аягъ-артъ (Пѣшеходный перевалъ) и Казыартъ (названный по имени киргизскаго рода), которые мы оставили къ сѣверу или по правую руку отъ себя, Буры-кузъ (Волчій глазъ), который остался налѣво, и Улугъ-артъ (Большой перевалъ), который мы выбрали для перехода.

Вода, образующаяся изъ тающихъ снѣговъ, стекаетъ съ обоихъ послѣднихъ переваловъ по одной и той-же долинѣ въ равнину, гдѣ находится киргизскій караулъ; трактъ этотъ называется Оругума. Мѣстные киргизы принадлежатъ къ роду Тавуръ. Самый трудно-проходимый изъ переваловъ это Буры-кузъ, и пользуются имъ лишь въ такихъ случаяхъ, когда три другіе занесены снѣгомъ. Улугъ-артъ тоже довольно опасенъ для перехода, и имъ пользуются только въ періодъ половодья на Гезъ-дарьѣ, когда черезъ нее нѣтъ брода. Даже въ самые благопріятные годы перевалъ этотъ свободенъ отъ снѣга въ теченіе всего двухъ мѣсяцевъ: съ 15 іюня по 15 августа.

Отъ Упала дорога идетъ отлого подымающейся безплодной степной равниной, прорѣзанной глубокими и широкими оврагами, на днѣ которыхъ растетъ сочная трава, и пасутся стада овецъ. Затѣмъ мы въѣхали черезъ ущелье въ долину, высокіе отвѣсные бока которой состояли изъ черныхъ и зеленыхъ сланцевъ. Еще въ теченіе одного дня пути попадались обычныя деревья — ивы и тополи, но затѣмъ прекратились. Долина рѣзко очерчена, и по ней протекаетъ прозрачно хрустальный ручеекъ, врѣзавшійся въ мощные конгломераты. Въ главную долину открывается справа боковая, подъ названіемъ Яманъ-сара (дурной домъ).

Вечеромъ 14 іюля небо потемнѣло; въ горахъ начало громыхать. Западный вѣтеръ погналъ надъ долиной тяжелыя дождевыя тучи, и полилъ холодный дождь. Мы, закутавшись въ шубы, продолжали путь по становившемуся все круче подъему къ аулу Улугъ-артъ, который примостился съ правой стороны долины на конгломератовой террасѣ.

Изъ аула открывался видъ на всю долину. Смотрѣть на нее приходилось почти съ высоты птичьяго полета. Ручеекъ, значительно увеличившійся въ размѣрахъ, издавалъ какое-то металлическое бульканье. Вечеромъ повалилъ снѣгъ и покрылъ все кругомъ бѣлой пеленой. Большіе тяжелые хлопья

медленно падали, кружась въ воздухѣ; плотные снѣжные облака заволокли всю панораму.

Можно было подумать, что стоитъ середина зимы, а не середина іюля. Въ селеніи полагали, что перевалъ будетъ непроходимъ послѣ такого снѣга дня три, а, можетъ статься, закроется и на цѣлый годъ, если снѣгъ будетъ продолжаться. Даже въ ясные дни на перевалѣ случалось тонули въ снѣгу лошади.

Итакъ, оставалось только вооружиться терпѣніемъ и выжидать хорошей погоды. Намъ, впрочемъ, не на что было жаловаться, такъ какъ мы устроились хорошо. Аулъ состоялъ изъ двухъ чудесныхъ кибитокъ, одной, принадлежавшей кипчакъ, а другой найманъ-киргизамъ. Лошади наши могли пастись на окрестныхъ пастбищахъ, а для себя мы купили у нашихъ хозяевъ барана. Здѣшніе киргизы, такъ-же какъ и проживающіе въ аулѣ, расположенномъ въ горахъ повыше, проводятъ въ горахъ лишь лѣтніе мѣсяцы, зимою-же спускаются въ долины и равнину.

16 іюля мы рѣшили направиться къ Аягъ-арту, — киргизы знали тамъ одно мѣсто, черезъ которое легче было перебраться, но прибывшій въ аулъ киргизъ изъ аула, расположеннаго повыше, предостерегъ насъ. Самый перевалъ, правда, былъ удобенъ для перехода, но по ту сторону протекала р. Марканъ-су, черезъ которую какъ разъ въ это время нельзя было перебраться, и намъ пришлось-бы вернуться ни съ чѣмъ назадъ.

Тотъ-же киргизъ ручался, что мы благополучно переберемся черезъ Улугъ-артъ и за 150 тенегъ (30 кронъ) брался съ 10 людьми перенести весь нашъ багажъ. Лошадямъ и безъ вьюковъ трудно было карабкаться по крутизнамъ. Мы и отправились въ слѣдующій аулъ изъ 6 юртъ, принадлежавшихъ кипчакъ-киргизамъ; самый путь туда [illegible] часа, а въ аулѣ мы остались до слѣд[illegible] дня.

17 іюля въ половинѣ [illegible], тихая, хотя надъ перевал[illegible]; восточный-же склонъ пер[illegible] нѣсколько поосвободил[illegible]

Черезъ час[illegible] 10 кирги[illegible] дей и [illegible]

пaслись провіантомъ и топорами. Подъемъ велъ по узкой извилистой балкѣ, на днѣ которой журчалъ между гнейсовыми и сланцевыми валунами крохотный прозрачный ручеекъ. По обѣ стороны вздымались часто почти отвѣсныя скалы конгломерата. На ихъ округленныхъ вершинахъ паслись верблюды и овцы.

Еще выше громоздились скалы и гребни самыхъ причудливыхъ формъ, покрытые снѣгомъ. Въ 9 часовъ перевалъ не на шутку заволокся густыми облаками, и пошелъ снѣгъ, не перестававшій весь день. Словомъ, погода обѣщала мало хорошаго, и киргизы покачивали головами.

Налѣво виднѣлись два небольшихъ ледниковыхъ языка съ поперечными уступами и провалами, небольшими конечными моренами и ручейками, сливающимися въ одинъ потокъ. На гребняхъ направо, обнаженныхъ отъ снѣга солнцемъ, оставались только рудиментарные ледники. Мы ѣхали по ручью. Подъемъ сдѣлался страшно крутъ. Лошади безпрестанно останавливались, задыхаясь въ разрѣженномъ воздухѣ.

Наконецъ, мы достигли корытовидной ложбины у подножія перевала и принялись взбираться на крутизну тысячами извилинъ. Снѣжный покровъ достигалъ 1 ф. глубины, и лошади часто спотыкались о скрытыя подъ снѣгомъ кучи щебня.

Послѣдній конецъ пути былъ особенно тяжелъ. Весь багажъ пришлось нести на рукахъ, и киргизы поочередно взваливали себѣ на спину тяжелые ягданы. Каждый ягданъ несъ одинъ человѣкъ, а другой шелъ рядомъ, поддерживая ношу то съ боковъ, то сзади. Лошадей вели по одиночкѣ.

Въ 11 часовъ я пѣшкомъ достигъ гребня перевала, гдѣ возвышается мазаръ Хазретъ-Улугъ-арта, небольшая куча камней съ шестами, украшенными тряпицами. Киргизы считаютъ погребеннаго здѣсь святаго господиномъ перевала и погоды и покровителемъ путниковъ, поэтому и теперь, какъ при переходѣ черезъ перевалъ Кызылъ-артъ, имя святого не сходило съ устъ моихъ проводниковъ, особенно въ наиболѣе трудныхъ мѣстахъ.

Пока киргизы возились съ багажомъ и отыскивали наиболѣе удобныя для спуска мѣста на западномъ склонѣ, я часа полтора занимался на гребнѣ измѣреніемъ абсолютной высоты

и другими наблюденіями. Высота оказалась 5.150 м.; температура воздуха —0.6°.

Подъемъ на перевалъ былъ труденъ, но спускъ по западному склону оказался прямо головоломнымъ. Пройдя небольшой конецъ по очень отлогому западному склону, мы очутились у края обрыва, представлявшаго настоящій хаосъ скалъ, высовывавшихся изъ подъ снѣга, пробираясь между которыми, намъ и предстояло спускаться въ буквальномъ смыслѣ и пѣшкомъ и ползкомъ, цѣпляясь за что попало руками и ногами.

Снѣгъ достигалъ здѣсь 2 ф. глубины. Киргизы вырубили въ обледенѣлой снѣжной корѣ ступеньки, по которымъ осторожно и сводили лошадей. При этомъ одинъ держалъ лошадь за хвостъ, чтобы затормазить въ случаѣ, если животное по-

Аулъ въ долинѣ Сары-колъ.
(Съ рисунка автора).

скользнется и покатится внизъ. Первый, самый крутой спускъ, миновали съ лошадьми благополучно. Теперь очередь была за ящиками. Ихъ обвязывали длинными веревками и сталкивали по скату внизъ, не выпуская изъ рукъ концовъ веревокъ, чтобы направлять спускъ.

У подножія скалъ начался спускъ по склону, падавшему подъ угломъ $35\frac{1}{2}°$ и покрытому щебнемъ. Тутъ лошади были предоставлены самимъ себѣ. Пѣгій жеребчикъ съ Хотанъ-дарьи поскользнулся, скатился на нѣсколько сотъ метровъ внизъ, сломалъ спину и тутъ-же испустилъ духъ. Улугъ-артъ вообще крайне опасенъ, и по трудностямъ перехода не можетъ сравниться ни съ однимъ изъ пройденныхъ мной переваловъ.

Погода была отвратительная, юго-западный вѣтеръ кру-

тилъ вокругъ насъ цѣлыя облака снѣга, сквозь которыя лишь временами проглядывала окружавшая насъ величественная панорама. Налѣво открылся съ высоты птичьяго полета мощный ледникъ, занесенный снѣгомъ.

Около праваго берега его виднѣлось треугольное моренное озерко, образованное ручейкомъ, вытекавшимъ изъ-подъ небольшаго ледника, проходившимъ между двумя черными скалами причудливой формы. Отъ ихъ подножія спускался до самаго озерка щебневый конусъ. Изъ-за массы снѣга, выпавшаго въ послѣдніе дни, конусъ сталъ ненадежнымъ, наружные слои его сползли внизъ и тропинка исчезла.

Когда мы двинулись по рыхлой поверхности конуса, мы то и дѣло скользили и катились по направленію къ озеру, лежавшему внизу на глубинѣ 50 м.; еле-еле удавалось справиться и удержаться на ногахъ. Переходъ вообще представлялъ смертельныя опасности, тѣмъ болѣе, что глыбы, разбросанныя по скату, могли скатиться намъ на головы. Лошадей опять пришлось развьючить и нести багажъ на себѣ съ полкилометра.

Гигантскій ледникъ Улугъ-артъ выступаетъ изъ ущелья въ верхней части долины слабо изогнутою дугою. Мы подвигались внизъ по крутому спуску между краемъ льда и правымъ берегомъ долины и миновали на пути еще одно озеро. Вода его отливала свѣтло-зеленымъ цвѣтомъ, и въ ней плавали оторвавшіяся и упавшія сверху ледяныя глыбы. Отвѣсная боковая стѣна ледника была прозрачна, словно сдѣлана изъ стекла, и спускалась прямо въ воду, отражаясь въ ней, какъ въ зеркалѣ.

Ледниковый потокъ спускался подъ угломъ въ 4°; правая боковая морена и срединная были видны очень ясно. Около третьяго и самаго большого озера, имѣвшаго 3 килом. въ длину, насъ опять окутало облаками крутящагося снѣга, и мы еле различали, куда шли. Только спустя часъ, мы, миновавъ крутые уступы, вышли изъ полосы мятели, продолжавшей крутиться въ высшихъ поясахъ.

По западной долинѣ Улугъ-артъ стали подвигаться быстрѣе. Долина становилась все шире, а снѣговой покровъ на окрестныхъ горахъ все тоньше. Черезъ 14 часовъ безостановочной ѣзды мы сдѣлали, наконецъ, привалъ между двумя

холмами сложенными изъ конгломерата, неподалеку отъ впаденія долины въ широкую долину Сары-колъ. Подножнаго корма для лошадей не отыскалось нигдѣ, но воду мы добыли изъ снѣжнаго сугроба, уцѣлѣвшаго въ расщелинѣ. Проводниковъ нашихъ киргизовъ уже не было съ нами, — они повернули обратно, какъ только мы миновали послѣднее трудное мѣсто.

На слѣдующій день, 18 іюля, мы достигли яйлака Мужи, съ 60 юртами найманъ-киргизовъ, пасшихъ здѣсь своихъ овецъ, козъ, яковъ, лошадей и верблюдовъ. 20-го мы достигли озерка Чакыръ-агылъ и провели въ небольшомъ аулѣ, расположенномъ около озера, два дня, занимаясь наблюденіями. „Чакыръ" означаетъ крикъ, агылъ — аулъ, или селеніе изъ кибитокъ. Вѣроятно, такое наименованіе объясняется тѣмъ, что аулы здѣсь расположены на очень небольшихъ разстояніяхъ другъ отъ друга и можно „докрикнуть" отъ одного до другого.

Вода въ этомъ озеркѣ, какъ и въ Кара-кулѣ, отливаетъ чуднымъ голубымъ и зеленымъ цвѣтомъ. Берега щебнево-песчаные, кое-гдѣ обросли тростникомъ и водорослями. Къ западу находятся тучныя лужайки и болота. Озеро, словно втиснуто въ устье долины Калыма и принимаетъ въ себя всѣ ея воды.

Пройду молчаніемъ нашъ путь по извѣстнымъ уже мѣстамъ черезъ Булюнъ-куль, Кара-куль, Су-баши и черезъ Гыджакъ. 26-го мы вступили въ новыя области. Мы пересѣкли здѣсь рѣку Тагарму, впадающую въ рѣку Кара-су, которая беретъ начало на южныхъ склонахъ Мустагъ-аты. Стремясь дальше къ востоку, Кара-су промыла въ горахъ узкую долину „Тенги", черезъ которую и лежалъ нашъ путь.

Скоро, однако, рѣка сама впадаетъ въ Тагдумбашъ-дарью, которая съ чисто лихорадочной энергіей прорѣзала въ горномъ хребтѣ, вытянутомъ по меридіану, поперечную долину Шинди-джильгу. Долина эта очень узка, рѣзко очерчена и вся заполнена рѣкой, такъ что лишь въ холодныя зимы, когда рѣка замерзаетъ, можно попасть въ Яркендъ прямымъ путемъ.

До сихъ поръ дорога вела по склону внизъ, но отъ мѣста сліянія рѣкъ, пошелъ легкій подъемъ; мы направились къ югу вдоль лѣваго берега Тагдумбашъ-дарьи. Грунтъ былъ

ровный, твердый; часто попадались лужайки съ сочной травой. Вдали виднѣлась крѣпость Ташъ-курганъ, цѣль нашего сегодняшняго пути.

Миновавъ селенія Чапманъ (145 дворовъ) и Тызнапъ (200 двор.), мы очутились въ широкой долинѣ Тагдумбашъ; передъ нами разстилались поля и луга, на которыхъ паслись овцы, козы и рогатый скотъ. Направо возвышалась конгломератовая терраса, на верху которой находится селеніе и крѣпость Ташъ-курганъ (каменная крѣпость). По расположенію она напоминаетъ Памирскій постъ. И тамъ тоже широкая долина, большая рѣка и конгломератовая терраса, откуда открывается такой-же широкій видъ кругомъ.

Аулъ таджиковъ въ Тагдумбашъ-Памирѣ.
(Съ рисунка автора).

Для меня было большой, но очень пріятной неожиданностью встрѣтить здѣсь моего друга, мистера Мэкэртнея, который внезапно получилъ отъ Индійскаго правительства приказъ присоединиться къ англо-русской комиссіи, обсуждавшей вопросъ о границахъ на Памирѣ. Я разбилъ свою палатку рядомъ съ его, и мы провели вмѣстѣ очень пріятный вечеръ.

27 іюля мы съ Мэкэртнеемъ посѣтили Ташъ-курганъ. И селеніе и крѣпость имѣли жалкій видъ. Большинство жилищъ представляли однѣ развалины послѣ землетрясенія, потрясавшаго эту область съ 5 по 20 іюля; уцѣлѣвшіе дома были испещрены трещинами сверху до низу.

Правда и возведены-то они были изъ крайне непрочнаго

матеріала, обломковъ конгломерата; цементомъ-же служили просто комья земли. Множество трещинъ виднѣлось и на поверхности земли; направленіе ихъ было SSW—NNO. Китайскій гарнизонъ и жители селенія размѣщались частью въ юртахъ, частью во временныхъ палаткахъ.

Отъ начала землетрясенія уже насчитывали до 80 подземныхъ ударовъ; первые изъ нихъ были всего ужаснѣе и обратили селеніе въ развалины. Послѣдній толчекъ поколебалъ почву еще сегодня утромъ въ 8 ч. 10 м. Я лежалъ, какъ всегда, на подстилкѣ прямо на землѣ и явственно различилъ, что толчекъ шелъ подъ прямымъ угломъ къ продольной оси долины, т. е. съ запада на востокъ.

Землетрясеніе вызываетъ непріятное ощущеніе страха. Земля какъ будто волновалась подо мной, явственно слышался грохотъ точно отдаленнаго грома, но черезъ нѣсколько секундъ все прекратилось.

Осмотрѣвъ селеніе, мы посѣтили коменданта крѣпости Ми-дарина и нѣсколькихъ другихъ мандариновъ, которые всѣ приняли насъ очень привѣтливо. Для насъ были поставлены въ юртѣ столъ, стулья и ложа, на которыхъ занимаютъ мѣста курильщики опіума. Угощали насъ всячески. Я затянулся раза два изъ трубки съ опіумомъ, но никакого особеннаго наслажденія не испыталъ.

Въ первой части своего труда я такъ много отвелъ мѣста описанію разныхъ областей Памира, что объемъ книги не позволяетъ мнѣ такъ-же подробно трактовать мое новое путешествіе по этимъ областямъ. Можетъ быть, для этого представится другой случай, когда я и опишу свое путешествіе по южному Памиру въ 1895 г.

Передъ нами лежитъ долгій путь до Пекина. Я и имѣю въ виду вести читателей и читательницъ, если ихъ терпѣніе уже не истощилось, по старому пути Марко Поло въ Хотанъ.

Намъ предстояло еще разъ пересѣчь пустыню Такла Маканъ, чтобы разыскать слѣды древнѣйшей буддійской культуры и погребенныхъ въ этомъ песчаномъ морѣ городовъ,

посѣтить дикихъ верблюдовъ на ихъ безплодной родинѣ и разыскать слѣды озера Лобъ-норъ, отмѣченнаго на китайскихъ картахъ. Оттуда-же предстояло форсированнымъ маршемъ пройти сотни миль обратно до Хотана, проникнуть черезъ сѣверныя нагорья Тибета въ Цайдамъ и познакомиться съ монголами, тангутами и тибетцами, чтобы затѣмъ черезъ Гань-су, Ала-шань, Ордосъ и сѣверный Китай добраться послѣ трехъ съ половиной лѣтъ странствованія до цѣли моего путешествія, до Пекина.

Немудрено поэтому, что мысль о такомъ долгомъ путешествіи заставляетъ меня спѣшить. Путешествіе по Памиру въ 1895 г. включаетъ, однако, событіе, которое я не могу пройти молчаніемъ. Слѣдующая глава и будетъ посвящена краткому описанію его.

II.

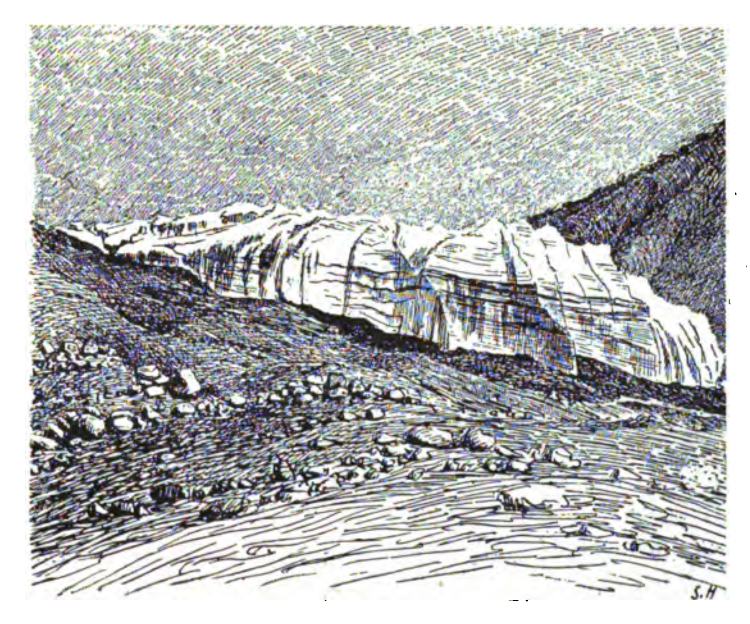
Между русскими и англичанами на Памирѣ.

Другъ мой, мистеръ Мэкэртней, отправившійся къ озеру Викторіи (Зоръ-куль), чтобы примкнуть къ пограничной комиссіи, уговаривалъ меня присоединиться къ нему, но я, имѣя намѣреніе изслѣдовать верховья Яркендъ-дарьи, отклонилъ его приглашеніе. Послѣ нѣсколькихъ дней совмѣстнаго пути, мы и разстались съ нимъ 30 іюля около Гуджатъ-бая, какъ полагали, на всегда, такъ какъ Мэкэртнею предстояло затѣмъ отправиться съ англійской комиссіей въ Индію. Онъ направился къ западу вдоль Тагдумбашъ-дарьи, а я къ югу вдоль Хунджуръ-аба и черезъ нѣсколько дней достигъ сѣверной подошвы Гинду-ку.

Въ продолженіи 12 дней я предпринималъ здѣсь разныя экскурсіи, изслѣдовалъ наиболѣе значительныя долины, которыя снабжаютъ водой р. Хунджуръ-абъ, и восходилъ на перевалъ того-же имени (4,810 метр.), чтобы окинуть взоромъ мѣстность до самаго Канджута, первое селеніе котораго ле-

жить въ разстояніи всего 2 дней пути, — и взглянуть, какъ воды, вытекающія изъ подъ одного изъ ледниковъ, находящихся на перевалѣ, направляются частью въ Индійскій океанъ, а частью въ Яркендъ-дарью и Лобъ-норъ.

Пытался я также, но тщетно, пробраться черезъ перевалы Упрангъ, Кара-су и Илы-су къ верховьямъ Яркендъ-дарьи, называющейся здѣсь Заравшаномъ или Раскемъ-дарьей. Повсюду мнѣ говорили одно и тоже: добраться до рѣки можно

Языкъ ледника близъ Упранга.

(Съ рисунка автора).

въ нѣсколько дней, но перебраться черезъ нее лѣтомъ нигдѣ нельзя.

Узкое, глубокое ущелье Илы-су такъ было исковеркано послѣднимъ землетрясеніемъ, что стало недоступнымъ даже для яковъ, и пробраться черезъ него можно было лишь пѣшкомъ.

Итакъ, я попалъ въ глухой закоулокъ. Только къ западу открывались передо мной неизвѣстныя области Памира, я и рѣшилъ направить путь къ истокамъ Аму-дарьи.

Мы двинулись черезъ верхній Тагдумбашъ-Памиръ, — „голову хребтовъ“ или „крышу міра“ и 15 августа перешли

черезъ перевалъ Ваxджиръ (4,936 м.), неподалеку отъ котораго водораздѣлъ. Воды направляются въ три стороны, такъ какъ здѣсь берутъ начало одинъ изъ истоковъ Аму-дарьи, Пянджъ или Ваханъ-дарья, направляющаяся къ западу, и Тагдумбашъ-дарья, текущая на востокъ, а по южному склону Гинду-ку воды собираются въ русло Инда.

17 августа мы достигли Чакмактынъ-куля (огниво-озеро), откуда вытекаетъ рѣка Акъ-су (или Мургабъ).

Зная, что большая англо-русская комиссія, назначенная для проведенія пограничной линіи отъ озера Викторіи до Китайской границы, какъ разъ работала теперь въ Михманъ-джолы (дорога въ гости) — небольшой поперечной долинѣ, всего въ одномъ днѣ пути къ сѣверо-востоку, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи побывать тамъ.

Я, однако, не желалъ нагрянуть на занятыхъ разрѣшеніемъ такихъ щекотливыхъ вопросовъ комиссаровъ врасплохъ, словно воръ ночью, и поэтому предварительно написалъ двумъ главнымъ комиссарамъ письмо, въ которомъ спрашивалъ, примутъ ли они меня. Получивъ отъ нихъ съ моимъ же курьеромъ любезныя приглашенія, я выступилъ 19 августа въ путь, къ вечеру того-же дня прибылъ въ Михманъ-джолы и разбилъ палатку на нейтральной почвѣ, между киргизской юртой русскихъ комиссаровъ и индійской палаткой англичанъ.

Русскій комиссаръ, генералъ Повало-Швыйковскій, губернаторъ Ферганы, былъ моимъ старымъ знакомымъ и покровителемъ, поэтому первый мой визитъ я считалъ долгомъ сдѣлать ему. Но попасть въ русскій лагерь можно было, только проѣхавъ черезъ англійскій, а тутъ перехватилъ меня мистеръ Мэкэртней, передавшій мнѣ приглашеніе къ обѣду отъ генерала Джерарда, главнаго англійскаго комиссара.

Такимъ образомъ, я очутился между двухъ огней. Единственнымъ средствомъ спасти свой нейтралитетъ было — сослаться на давнишнее знакомство съ русскимъ главнымъ комиссаромъ и на свой непрезентабельный костюмъ.

Генералъ Швыйковскій встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями, мы засидѣлись въ бесѣдѣ за полночь, и хозяинъ мой, не слушая моихъ протестовъ и ссылокъ на нейтралитетъ, велѣлъ поставить для меня чудесную юрту съ постелью. Я давно уже отвыкъ отъ такой роскоши.

На слѣдующее утро я сдѣлалъ визитъ генералу Джерарду, который принялъ меня съ такимъ-же радушіемъ и тутъ-же перезнакомилъ со всѣми членами комиссіи. Ближайшимъ помощникомъ генерала былъ полковникъ Гольдишъ, который за свои тригонометрическіе и астрономическіе труды при изслѣдованіи пограничныхъ областей Индіи, былъ награжденъ большой золотой медалью англійскаго Королевскаго Географическаго Общества. Остальные члены: маіоръ Уохэбъ — топографъ, капитанъ Свайней, бѣгло говорившій по русски,

Чакмактынъ-куль; видъ на западъ.
(Съ наброска автора).

докторъ Алькокъ — директоръ музея въ Калькуттѣ и профессоръ Калькуттскаго университета, и, наконецъ, мой другъ, мистеръ Мэкэртней. Кромѣ того англичане привезли съ собой для производства съемокъ трехъ пундитовъ.

Между русскими я нашелъ много знакомыхъ изъ Туркестана: полковника Залѣсскаго — астронома, капитана Скерскаго — новаго коменданта Памирскаго поста, и стараго знаменитаго топографа Бендерскаго, который исколесилъ всю западную Азію и былъ прикомандированъ къ посольству, отправленному русскими въ Кабулъ при эмирѣ Ширъ-Алиханѣ.

Ближайшими помощниками русскаго главнаго комиссара были: господинъ Панафидинъ, бывшій русскій консулъ въ Багдадѣ, гдѣ у насъ съ нимъ нашлись общіе друзья, и полковникъ Галкинъ, путешествовавшій по Восточному Туркестану и Или. Остальные члены: докторъ Вельманъ и четверо молодыхъ офицеровъ.

Эскортъ русскихъ составляли 40 казаковъ, военный оркестръ изъ 18 чел. и масса туземцевъ — джигитовъ и караванныхъ проводниковъ. У англичанъ было съ собою до 200 солдатъ индійской арміи, индусовъ, афридіевъ и канджутцевъ.

Я не стану касаться важныхъ задачъ комиссіи, упомяну только, что нельзя и представить себѣ болѣе товарищескихъ и пріятныхъ отношеній, нежели отношенія, установившіяся между этими двумя лагерями, которые отстаивали столь противоположные интересы. Здѣсь всегда господствовало такое веселое, откровенно дружеское отношеніе, что посторонній человѣкъ, не предупрежденный заранѣе, ни за что не догадался бы, что тутъ въ сущности идетъ серьезная борьба интересовъ двухъ государствъ: русскимъ хотѣлось отодвинуть пограничную линію, какъ можно дальше къ югу, а англичанамъ, наоборотъ, къ сѣверу.

Русскіе устроили „офицерское собраніе" въ большой прекрасно убранной юртѣ, англичане — въ огромной изящной палаткѣ. Часто, то тѣ, то другіе приглашали своихъ иностранныхъ коллегъ на обѣдъ, что-же до меня, то я одинъ день бывалъ гостемъ русскихъ, другой англичанъ и находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и съ тѣми и съ другими.

Большинство офицеровъ говорили по французски, и вообще, по правдѣ сказать, оба государства не могли найти болѣе способныхъ, дѣльныхъ и образованныхъ людей для выполненія такой задачи, какъ проведеніе пограничной линіи на Памирѣ. Для меня-же, одиноко блуждавшаго въ пустыняхъ Азіи около 2 лѣтъ, было настоящимъ воскресеньемъ изъ мертвыхъ очутиться, словно по мановенью волшебнаго жезла, среди такого избраннаго общества.

Вскорѣ по моемъ прибытіи генералъ Швыйковскій далъ вечеръ. Въ 9 ч. явились англичане въ своихъ красивыхъ и практичныхъ мундирахъ. Передъ каждою изъ русскихъ юртъ

стояли казаки съ факелами, бросавшими багровый отблескъ на берегъ Акъ-су.

Гости собрались въ пріемной юртѣ изъ бѣлаго войлока. Внутреннее убранство ея состояло изъ восточныхъ матерій и пестрыхъ Кашгарскихъ ковровъ. Столъ ломился подъ обиліемъ бутылокъ съ европейскими винами и ликерами и подносовъ литого серебра съ фруктами — виноградомъ, апельсинами и грушами дюшессъ изъ собственнаго сада губернатора въ г. Маргеланѣ.

Гуламъ-Мохеддинъ-ханъ и его секретарь.
(Съ фотографіи полковника Гольдишъ).

Мы размѣстились на мягкихъ и удобныхъ походныхъ стульяхъ и импровизированныхъ пуфахъ. Нѣкоторые изъ гостей сѣли за карты, но большинство предпочло живую, непринужденную бесѣду на разныхъ языкахъ. Военный оркестръ исполнилъ разнообразную программу, составленную изъ русскихъ мотивовъ, популярныхъ маршей и англійскаго гимна. Послѣ ужина генералъ при свѣтѣ факеловъ проводилъ своихъ гостей до ихъ лагеря.

29 и 30 августа, къ великому удовольствію нижнихъ чиновъ и киргизовъ, офицеры обоихъ лагерей устроили для нихъ грандіозное „тамаша“ (зрѣлище). 29-го праздникъ начался стрѣльбой въ цѣль на разстояніи 250 шаговъ, въ которой приняли участіе и нѣкоторые изъ офицеровъ. Стрѣльбище представляло великолѣпную, пеструю картину. Изъ индійскихъ солдатъ особенно выдѣлялись афридіи изъ области, расположенной около Пешавера, красивые, рослые молодцы съ воинственнымъ взглядомъ. Между ними еще со-

храняется страшный обычай кровавой мести. Въ числѣ зрителей находился со своей свитой и афганскій комиссаръ, Гуламъ-Мохеддинъ-ханъ. Этотъ типичный афганецъ, представитель эмира Абдуррахмана, явился въ парадномъ одѣяніи, весь въ золотѣ и побрякушкахъ.

Генералы лично раздавали за стрѣльбу призы, состоявшіе изъ серебряныхъ чарокъ, серебряныхъ приборовъ (вилки, ножа и ложки), халатовъ, матерій, рублей и рупій. Затѣмъ генералъ Швыйковскій предложилъ гостямъ роскошный завтракъ, на которомъ шампанское лилось рѣкою, и провозглашались тосты за все на свѣтѣ, даже за молюсковъ Индійскаго океана—спеціальность доктора Алькока.

Солдатъ-афридій изъ англійскаго конвоя.
(Съ рисунка автора).

Второе отдѣленіе разнообразной программы прошло также очень весело. Началось оно состязаніемъ въ силахъ. Двѣ партіи, по 8 человѣкъ въ каждой, изо всѣхъ силъ тащили каждая къ себѣ одинъ изъ концовъ веревки, стараясь перетянуть противниковъ. Сначала „тягались“ казаки съ афридіями, и первые побѣдили, потомъ киргизы съ канджутцами, и опять побѣдила русская партія. Борьба между двумя послѣдними была особенно упорной и продолжительной; зрители слѣдили за ея перепетіями съ напряженнымъ вниманіемъ.

Потомъ состоялся бѣгъ въ запуски, свободный и въ мѣшкахъ, съ перепрыгиваньемъ, вѣрнѣе, перекувыркиваньемъ черезъ протянутую веревку, и бѣгъ въ запуски между „сіамскими близнецами“, т. е. попарно связанными людьми. Затѣмъ канджутцы исполнили красивый воинственный танецъ съ саблями, напоминающій подобный-же танецъ у китайцевъ. Зрителей все время угощали разными прохладительными напитками и пуншемъ.

30 августа состоялись „скачки". Около 200—300 всадниковъ собрались на равнинѣ, около сосѣдняго Кызылъ-рабата. Дистанція была назначена въ $1\frac{1}{2}$ версты, и казаки обскакали индійскихъ кавалеристовъ на 2 минуты. Зато въ другомъ состязаніи („lime cutting") побѣдителями оказались послѣдніе. Были установлены въ одну линію трое воротъ (столбы съ перекладинами); къ перекладинамъ подвѣсили картофелины, и наѣздники должны были, проносясь въ карьеръ подъ воротами, разсѣчь на всемъ скаку однимъ ударомъ сабли любую изъ картофелинъ пополамъ, что и удавалось многимъ.

Слѣдующій нумеръ (Filting at the ring) былъ еще труднѣе. Картофелины замѣнили желѣзными кольцами, 4 сантим. въ діаметрѣ; ихъ надо было, также на всемъ скаку, поддѣть и снять кончикомъ сабли. Это состязаніе велъ самъ генералъ Джерардъ, который, поймавъ два кольца, и остался побѣдителемъ.

Казакъ.
(Съ рисунка автора).

Слѣдующій нумеръ — скачки на верблюдахъ и якахъ—вышелъ очень комичнымъ. Непривычные къ спорту верблюды съ дикимъ ревомъ ринулись галопомъ въ ряды зрителей, произведя не малый переполохъ. Яки, напротивъ, отнеслись къ дѣлу черезчуръ равнодушно и ни за что не хотѣли проникнуться праздничнымъ настроеніемъ. Двое изъ нихъ не двинулись съ мѣста, не смотря на то, что дубинки киргизовъ такъ и гуляли по ихъ бокамъ, одинъ тотчасъ-же повернулъ назадъ и отправился въ совершенно противоположную сторону, нѣкоторые потрусили въ разныя стороны, и только двое-трое направились съ спокойствіемъ философовъ по намѣченному пути.

На слѣдующій нумеръ смотрѣть даже было страшно, а

участвовать въ немъ, навѣрное, и вовсе не сладко. 20 киргизовъ верхами двинулись въ одну сторону отъ зрителей, 20 въ другую и оставили между собою пространство приблизительно въ 250 метр. Затѣмъ, по данному знаку, они разомъ ринулись другъ другу на встрѣчу, столкнулись, причемъ нѣкоторымъ какъ-то удалось проскользнуть сквозь непріятельскій строй цѣлыми и невредимыми, большинство-же сшиблось, перепуталось, и образовалась настоящая каша. Диво, что пострадала всего на всего одна лошадь.

Только къ сумеркамъ успѣли закончить всю программу, и какъ только пестрая толпа всадниковъ направилась къ лагерямъ, поднялась вьюга, засыпавшая поле состязанія снѣгомъ.

Оба лагеря представляли замѣчательно живописную картину. Разбиты они были на ровномъ полѣ у подошвы конгломератовой террасы, на лѣвомъ берегу Акъ-су. Англичане со своими индусскими солдатами занимали шестьдесятъ бѣлыхъ палатокъ, русскіе — дюжину отличныхъ большихъ юртъ. Кругомъ расположились афганцы, караванные проводники разныхъ національностей и ваханцы. Въ общемъ выходила богатѣйшая картина, предлагавшая рядъ эскизовъ для изображенія сценъ изъ восточной народной жизни. Художникъ нашелъ-бы здѣсь неистощимый запасъ сюжетовъ. Даже такой диллетантъ въ живописи, какъ я, работалъ цѣлыми днями, — я, вѣдь, къ сожалѣнію, утратилъ свои фотографическіе аппараты въ пустынѣ.

Оба генерала участвовали на своемъ вѣку во многихъ жестокихъ схваткахъ, и генералъ Повало-Швыйковскій былъ неистощимъ по части разсказовъ и анекдотовъ изъ эпохи турецкой войны, а генералъ Джерардъ, знаменитый охотникъ на тигровъ, разсказывалъ много интереснаго о своихъ охотничьихъ приключеніяхъ. Въ теченіе своей службы въ Индіи онъ собственноручно убилъ 216 тигровъ. Самъ генералъ смотрѣлъ на охоту на тигровъ, какъ другіе смотрятъ на охоту на зайцевъ, — какъ на моціонъ, или пріятное препровожденіе времени, но въ разсказахъ его выступали моменты, по истинѣ захватывающіе, приковывавшіе вниманіе слушателей.

Каждый вечеръ въ 8 ч. казаки собирались на молитву, и въ разрѣженномъ воздухѣ гулко раздавались, въ исполненіи военнаго оркестра, торжественные задушевные звуки молитвъ

и національнаго гимна. Тамъ и сямъ пылали костры, у которыхъ готовили себѣ ужинъ нижніе чины и прочій народъ, но костры погасали куда раньше, чѣмъ воцарялась тишина въ офицерскихъ палаткахъ.

Изъ-за быстро проносившихся облаковъ время отъ времени выглядывалъ мѣсяцъ, освѣщая обширную, открытую долину Акъ-су, которую съ сѣвера ограждаетъ хребетъ Императора Николая II съ высшей точкой, именуемой „пикомъ Сольсбюри“, а съ юга хребетъ Мусъ-тагъ. Особенно эффектная картина получалась, когда мѣсяцъ скрывался за плотными облаками, погружавшими лагерь во мракъ, тогда какъ серебристый лунный свѣтъ обливалъ своимъ сіяньемъ вѣчные снѣга отдаленныхъ горъ.

Мальчикъ-индусъ изъ англійскаго лагеря.
(Съ рисунка автора).

Никогда еще эти пустынныя плато, по которымъ блуждаетъ только кучка полудикихъ киргизовъ, не представляли такого зрѣлища, какъ теперь. Пожалуй, всѣ архары и пугливыя дикія козы съ недоумѣніемъ поглядывали со своихъ заоблачныхъ пастбищъ у снѣговой линіи на кипучую жизнь, смѣнившую безмолвный покой въ долинѣ Акъ-су. О томъ, гдѣ именно пройдетъ пограничная линія, раздѣляющая владѣнія англичанъ и русскихъ, они мало безпокоились. Людскіе интересы не подымаются до ихъ заоблачныхъ владѣній, гдѣ они дѣлятъ власть только съ вѣчными снѣгами.

Дни проходили, между тѣмъ, какъ часы, и я самъ удивился, когда начало сентября застало меня все на томъ же мѣстѣ, въ этомъ веселомъ обществѣ. Я много разъ порывался уѣхать, но оба гостепріимные генерала, расположеніе которыхъ я успѣлъ пріобрѣсть, уговаривали меня остаться еще день-другой.

Дѣлать нечего, пришлось прибѣгнуть къ „военной хитрости“, такъ какъ важные дѣла настоятельно призывали меня въ Кашгаръ. Въ одинъ прекрасный день я велѣлъ Исламъ-баю приготовить все къ выступленію, а самъ отправился проститься къ генералу Повало-Швыйковскому, причемъ сообщилъ ему, что караванъ мой готовъ уже выступить. Генералъ на это сказалъ, что мнѣ слѣдовало-бы переждать еще денекъ, — случится нѣчто очень замѣчательное. Военная хитрость моя не привела ни къ чему, я остался и не на денекъ, а на нѣсколько.

На слѣдующій-же день дѣйствительно случилось нѣчто очень замѣчательное, а именно получена была отъ лорда Сольсбюри телеграмма съ послѣдней станціи на сѣверной границѣ Индіи. Телеграмма содержала важную новость, что Англія приняла предложенныя русскими условія относительно проведенія границы.

Извѣстіе это было принято въ обоихъ лагеряхъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Всюду виднѣлись довольныя радостныя лица. Въ теченіе слѣдующихъ дней была воздвигнута пограничная пирамида отъ № IX до XII. Комиссія выполнила свою задачу, установила опредѣленную границу между русскими и англійскими владѣніями въ Памирѣ недалеко отъ Гинду-ку, и теперь можно было вернуться по домамъ.

Оставалось только одно. Члены комиссіи проработали вмѣстѣ три мѣсяца подъ рядъ, и представителямъ двухъ государствъ нельзя-же было разстаться, не задавъ другъ другу прощальныхъ обѣдовъ. Я былъ торжественно приглашенъ на оба обѣда, и, такъ какъ подобные званые обѣды должны считаться въ числѣ диковинокъ Центральной Азіи, то я ради нихъ съ удовольствіемъ пожертвовалъ еще двумя днями.

11 сентября состоялся русскій обѣдъ. Генералъ Джерардъ и я были посажены одинъ по правую, другой по лѣвую руку хозяина. Мой порядкомъ потертый дорожный костюмъ, безъ всякаго признака манжетъ или воротничковъ, рѣзко выдѣлялся среди парадныхъ мундировъ генераловъ, полковниковъ, капитановъ и дипломатическихъ агентовъ, мундировъ, украшенныхъ вдобавокъ орденами и медалями за храбрость. Но я, покидая Кашгаръ, не подозрѣвалъ, что попаду въ такое изысканное общество, и не взялъ съ собою парадназо костюма.

Я, впрочемъ, не унывалъ, а военные льстили мнѣ, увѣряя, что мой походъ по пустынѣ стоитъ иныхъ военныхъ походовъ.

Обѣдъ представлялъ рядъ гастрономическихъ сюрпризовъ, казавшихся прямо невѣроятными при мысли, что дѣло происходитъ у подножія Гинду-ку. Обильная закуска состояла изъ икры, консервовъ, швейцарскаго сыра, страсбургскихъ паштетовъ и прочихъ деликатессовъ. За обѣдомъ подавали, между прочимъ, раковый супъ, майонезъ изъ омаровъ, спаржу и проч. Единственное блюдо, не вызвавшее удивленія, было мороженое: льду было вдоволь на „Крышѣ міра".

Вина подавались не туркестанскія, а французскія. Шампанское на Памирѣ! Первый тостъ провозгласилъ хозяинъ за Императора Николая II и королеву Викторію. Второй тостъ былъ за эмира афганскаго; третій — за короля Швеціи и Норвегіи, который также имѣлъ на обѣдѣ своего представителя.

Оффиціальная часть праздника закончилась къ полуночи, когда англичане стали качать хозяина. Руки у нихъ были сильныя, а до потолка на „крышѣ міра" было высоко! Затѣмъ слѣдовалъ неоффиціальный оживленный эпилогъ, на вольномъ воздухѣ, вокругъ костра. Говорили рѣчи, пѣли пѣсни, покрываемыя громкимъ „ура" и англійской пѣснью: „For he is a jolly good fellow, that nobody can deny".

На слѣдующій день далъ обѣдъ генералъ Джерардъ; этотъ обѣдъ прошелъ такъ-же весело, и съ такимъ-же длиннымъ рядомъ тостомъ. Между прочимъ, капитанъ Свайней провозгласилъ горячій тостъ за дамъ, и кому-то пришла въ голову оригинальная идея заставить меня отвѣчать отъ имени этихъ отсутствующихъ дамъ. Я повиновался, закончивъ свой тостъ слѣдующими словами: „Если эти далекія дамы такъ-же любезны и гостепріимны, какъ ихъ мужья и женихи, съ которыми я имѣлъ удовольствіе познакомиться здѣсь, то онѣ навѣрное уже не земныя сущеста, а небесныя, и общество ихъ сулитъ рай здѣсь на землѣ".

По окончаніи обѣда насъ ждалъ пріятный сюрпризъ. Около самаго лагеря былъ разложенъ громадный костеръ, дрова для котораго были доставлены спеціально на этотъ случай изъ Канджута, лежащаго по ту сторону Гинду-ку!

Костеръ зажгли, и пламя его озарило всю окрестность съ бѣлыми палатками.

При этомъ свѣтѣ представители всѣхъ народностей, подвластныхъ англичанамъ и входившихъ въ составъ ихъ эскорта, исполнили свои національные танцы; танецъ съ саблями произвелъ при заревѣ костра особенно сильное, почти жуткое впечатлѣніе. Мы созерцали зрѣлище, сидя на разставленныхъ полукругомъ стульяхъ и попивая пуншъ и другіе напитки, которые разносились слугами съ тюрбанами на головахъ.

13 сентября рано утромъ англійскіе пундиты сняли насъ всей группой, и затѣмъ начались крѣпкіе прощальные рукопожатья. Англичане направлялись къ югу черезъ проходъ Даркотъ въ Кашмиръ и дальше въ Индію, а русскіе къ сѣверу. Генералъ Джерардъ послѣдовалъ за своимъ русскимъ коллегой, имѣя въ виду совершить путешествіе по Россіи, а лейтенантъ Майльсъ, стоявшій въ Гильгитѣ, получилъ позволеніе отправиться на Памирскій постъ. Въ этотъ день мы сдѣлали только 22 версты до киргизскаго аула Акъ-ташъ, гдѣ снова разбили лагерь и провели еще одинъ пріятный вечеръ.

Я не могъ принять любезнаго приглашенія генерала Повало-Швыйковскаго сопровождать его въ Маргеланъ, — это ужъ слишкомъ выходило изъ рамокъ моей программы. И какъ ни интересно было бы цѣлый мѣсяцъ путешествовать по Памиру при такихъ необычайныхъ условіяхъ и затѣмъ присутствовать при торжественной встрѣчѣ, ожидавшей, какъ я зналъ, англійскаго гостя въ Маргеланѣ, я устоялъ противъ искушенія, вспомнивъ о томъ, что прибылъ сюда не ради удовольствія, и что мнѣ уже знакомъ тотъ путь, по которому направится генералъ.

Въ высшей степени заманчивымъ было и любезное приглашеніе генерала Джерарда отправиться вмѣстѣ съ англичанами и полковникомъ Гольдишъ въ Индію. Я не знаю, что привлекало меня въ данномъ случаѣ больше — самая страна, окутанная дымкой легендъ, или общество полковника, знаю только, что мнѣ очень трудно было преодолѣть это искушеніе, и я разстался съ полковникомъ, въ которомъ успѣлъ оцѣнить благороднаго, любезнаго и полнаго достоинствъ человѣка, съ чувствомъ живѣйшаго желанія поскорѣе встрѣтиться съ нимъ вновь.

Итакъ, чувство долга восторжествовало, и я направился къ востоку. Меня ожидало много дѣла въ пустыняхъ, около Лобъ-нора, въ Сѣверномъ Тибетѣ, да и почта изъ Швеціи, ждавшая меня въ Кашгарѣ, притягивала меня не мало. 14 сентября я сердечно распрощался съ обоими генералами и офицерами, которые скоро скрылись вдали, и направился со своимъ караваномъ къ пустыннымъ безмолвнымъ горамъ, составляющимъ восточную границу плато Памира.

Теперь всѣ эти событія — достояніе исторіи англо-русской политики въ Центральной Азіи. Оба государства стали теперь бокъ о бокъ на Памирѣ, гдѣ не осталось больше областей „безъ хозяина", никакихъ нейтральныхъ „буферовъ", и киргизы, такъ же, какъ и афганцы, не могутъ уже безъ паспорта переходить новую пограничную линію.

Послѣдняя-ли это была комиссія, окончательно-ли рѣшенъ вопросъ объ англо-русской границѣ въ Центральной Азіи? Можно надѣяться, но... судьба Персіи еще не рѣшена, да и какъ знать вообще, какія перемѣны несетъ съ собою будущее?

Я радъ, что былъ свидѣтелемъ этого замѣчательнаго событія въ политической исторіи Центральной Азіи, радъ не только потому, что событіе это имѣетъ историческое значеніе, но и потому, что провелъ эти дни въ дружескомъ общеніи съ такими прекрасными людьми, какихъ нашелъ въ членахъ комиссіи.

III.

Черезъ четыре горныхъ хребта.

Изъ Акъ-таша мы направились къ востоку и въ тотъ-же день перешли черезъ перевалъ Лакшакъ (4,645 м. высоты) въ Сарыкольскомъ хребтѣ, а заночевали въ Кенъ-шеберѣ по ту сторону перевала, гдѣ стоялъ караулъ изъ восьми таджиковъ и двухъ китайцевъ.

До сихъ поръ дорога шла по чернымъ сланцамъ, но нѣ-

сколько подальше за ауломъ сланецъ смѣнился гнейсомъ, представленнымъ различными красивыми сочетаніями. Вмѣстѣ съ появленіемъ гнейса, измѣнился и самый ландшафтъ. Наименованіе Кара-корумнынъ-баши, т. е. начало чернаго каменистаго пути, указываетъ на трудности пути, встрѣчающія здѣсь путешественника.

Тропинка, то и дѣло исчезающая между рухнувшихъ глыбъ, ведетъ на сѣверо-востокъ черезъ Шинди, поперечную долину, глубоко врѣзавшуюся въ Сарыкольскій хребетъ. За Ярь-откомъ (терраса-сапогъ), маленькой боковой долиной влѣво, по обѣ стороны потянулись отвѣсныя скалы, оставляющія по срединѣ лишь узкій проходъ въ видѣ корридора. Почти вся долина загромождена мощными гнейсовыми отторженцами, острые ребра и свѣжіе изломы которыхъ указываютъ, что они

Юрта таджиковъ въ Тагдумбашъ-Памирѣ.
(Съ рисунка автора).

низверглись сюда во время послѣдняго землетрясенія.

Дорога прескверная. Часто мы ѣдемъ подъ нависшими сводомъ скалами, испещренными безчисленными трещинами и готовыми рухнуть. То и дѣло приходится переѣзжать черезъ прозрачный голубоватый ручей, журчащій между гнейсовыми глыбами. Наконецъ, пошелъ гранитъ, впадина Шинди открылась треугольникомъ въ широкую долину Тагдумбашъ, ручей раздѣлился на множество рукавовъ, орошающихъ поля, и мы разбили палатку неподалеку отъ крѣпости Ташъ-курганъ.

Итакъ, мы оставили позади себя первую изъ меридіональныхъ горныхъ цѣпей, точно бастіоны ограждающихъ Памиръ съ востока, а 16 сентября — и вторую, перевадивъ черезъ Сергекъ. Добыть проводника оказалось не такъ-то

Ми-даринъ, комендантъ крѣпости Ташъ-курганъ.
(Съ рисунка автора).

легко. Таджики отказывались подъ предлогомъ полевыхъ работъ, а на самомъ дѣлѣ опасались гнѣва Ми-дарина, если

проведутъ европейца черезъ этотъ перевалъ, имѣющій важное стратегическое значеніе. Наконецъ, намъ удалось найти человѣка, который послѣдовалъ за нами пѣшкомъ, но и тотъ отсталъ, какъ только мы достигли перевала, и больше о немъ не было ни слуха, ни духа.

Мы пересѣкли долину Тагдумбашъ между разбросанными по всѣмъ направленіямъ полями и домами. Рѣка представляла теперь по количеству воды только третью часть противъ того, что было всего полтора мѣсяца тому назадъ; самая вода стала совсѣмъ прозрачною. На восточномъ склонѣ долины мы вдругъ очутились въ узкомъ оврагѣ съ крутымъ подъемомъ и сухимъ ложемъ. Тутъ опять показался слюдяной сланецъ, который и преобладалъ среди горныхъ породъ въ теченіе всего дня пути.

Вскарабкались мы на лѣвый скатъ оврага по крутой узкой и отвратительной тропинкѣ; иногда приходилось дѣлать зарубки на этомъ гладкомъ сланцѣ, чтобы лошади не такъ скользили.

Достигнувъ мягко-округленныхъ, куполообразныхъ высотъ боковыхъ отроговъ хребта, мы увидѣли въ глубинѣ подъ собою долину Тагдумбашъ съ ея зелеными и желтыми полосами полей и рѣкою.

Ландшафтъ опять совершенно измѣнился. Со всѣхъ сторонъ окружили насъ пологіе холмы, покрытые пескомъ и щебнемъ — продуктами вывѣтриванья сланца, который теперь рѣдко попадался in situ. Но тамъ и сямъ виднѣлись глубокіе овраги, зигзагообразно прорѣзывавшіе холмы. Воды нигдѣ не было ни капли, но бороздъ, промытыхъ дождевыми потоками, попадалось очень много. Самая дорога не была особенно тяжела, но вела все время съ горки на горку, то внизъ, то вверхъ, и намъ пришлось перейти черезъ множество второстепенныхъ переваловъ прежде, чѣмъ мы добрались до высшей точки хребта — 4,032 м. высоты.

Отсюда открывался такой широкій видъ, что можно было оріентироваться. На югѣ возвышались мощныя снѣговыя горы, составлявшія прямое продолженіе хребта, на которомъ мы находились и отклонявшіяся къ юго-востоку, къ Тибету, чтобы перейти въ хребетъ Кунь-лунь. На сѣверѣ-же эти горы упирались въ Мустагъ-ату и такимъ образомъ составляли прямое

продолженіе Мусъ-тага, или Кашгарскаго хребта. Глубоко внизу подъ нами виднѣлась на востокѣ долина Ичизъ, упирающаяся въ Тагдумбашъ-дарью.

Восточные склоны нашего хребта спускались въ долину причудливыми отрогами и развѣтвленіями. Тропинка то вела по нимъ, то черезъ ущелье, промытое водами, то черезъ небольшой перевалъ. Послѣдній спускъ былъ необычайно крутъ.

Мы остановились въ поселкѣ Малый Бельдиръ; въ поселкѣ всего одинъ дворъ. Проживающій здѣсь юзъ-баши, однако, старшина надъ 50 домами, разбросанными по долинѣ. Жители всѣ таджики; занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ, лѣто проводятъ здѣсь, но зимою уходятъ дальше внизъ, доходя до того пункта, гдѣ р. Ичизъ сливается съ Тагдумбашъ-дарьей, чтобы затѣмъ подъ прямымъ угломъ повернуть къ востоку, къ Яркендъ-дарьѣ.

Около сліянія рѣкъ расположено селеніе Большой Бельдиръ, гдѣ р. Ичизъ извѣстна подъ названіемъ Бельдиръ-дарьи; а Тагдумбашъ-дарья зовется въ долинѣ, которую прорываетъ, Шинди, и по причинѣ отвѣсныхъ скалистыхъ береговъ переходъ черезъ нее здѣсь невозможенъ. Бельдиръ находится такимъ образомъ какъ-бы въ тупикѣ.

17 сентября мы двинулись по долинѣ въ юго-восточномъ направленіи. То сжатая между конгломератами, то расширяющаяся, чтобы дать мѣсто небольшимъ полосамъ, засѣяннымъ пшеницею, овсомъ и клеверомъ, долина эта, наконецъ, открывается въ обширную котловину съ почти ровнымъ глинистымъ дномъ. Мѣсто это называется по персидски Тенъ-абъ (узкая вода); здѣсь находятся нѣсколько таджикскихъ поселковъ.

Значительная абсолютная высота мѣстности и суровая природа заставляютъ большинство здѣшнихъ таджиковъ вести образъ жизни, сходный съ жизнью киргизовъ; таджики также владѣютъ большими стадами овецъ, козъ, яковъ, лошадей и ословъ. Часть населенія живетъ въ юртахъ и палаткахъ, часть—главнымъ образомъ земледѣльцы, въ сакляхъ изъ высушенной на солнцѣ глины и камней, съ плоскими деревянными кровлями. Сами таджики арійскаго племени и говорятъ по персидски; жилища ихъ также не мало напоминаютъ персидскія; нѣкоторыя сакли имѣютъ балконы.

18 сентября мы продолжали путь по расширившейся до-

линѣ до того мѣста, гдѣ она дѣлится на двѣ боковыхъ: Лянгаръ и Шуйдунъ. Черезъ первую ведетъ дорога къ большому селенію таджиковъ Маріанъ и дальше къ Раскемъ-дарьѣ. Мы же направились по долинѣ Шуйдунъ по прекраснымъ лугамъ къ „рабату", расположенному у подошвы перевала Кандахора; въ рабатѣ мы и заночевали.

На слѣдующее утро мы опять очутились среди зимняго ландшафта. Всю ночь валилъ снѣгъ, и снѣговой покровъ достигъ нѣсколькихъ вершковъ толщины. Отъ рабата дорога пошла довольно круто въ гору; снѣгъ, набившись въ углубленія между камнями, облегчилъ намъ подъемъ. Самый перевалъ (5062 м. высоты) очень крутъ; зеленый сланецъ образуетъ здѣсь почти отвѣсно торчащіе острые гребни.

Спускъ на ту сторону былъ довольно труденъ, и мы едва ли справились-бы съ навьюченными лошадьми. Но мы догадались нанять нѣсколькихъ таджиковъ съ тремя яками, которые со своей обычной увѣренностью и понесли тяжелые ягданы. Вначалѣ крутой спускъ шелъ между зловѣщими отрогами скалъ; мы катились точно на лыжахъ по плотному снѣговому покрову, въ 1 ф. толщины, но затѣмъ спускъ сдѣлался болѣе отлогимъ. Снѣговой покровъ здѣсь всюду былъ значительно толще, нежели на лѣвой сторонѣ перевала. Небо, съ утра ясное, теперь заволоклось облаками, и пошелъ легкій снѣгъ, продолжавшійся до самаго нашего прибытія въ маленькій рабатъ Кочкаръ-бекъ-бай, расположенный посреди узкой долины Кандахоръ. Вблизи проживаетъ нѣсколько семей таджиковъ.

Лѣтомъ и осенью стада ихъ пасутся по обѣ стороны перевала, но зимою жители перекочевываютъ внизъ, въ мѣстность Тонгъ, куда и мы теперь направились. Переваломъ Кандахоръ, по мѣрѣ возможности, пользуются, и зимою, хотя обыкновенно онъ бываетъ заваленъ снѣгомъ. Таджики пускаютъ тогда впередъ яковъ, которые и пропахиваютъ борозды. Когда перевалъ оказывается совсѣмъ непроходимымъ, въ Ташъ-курганъ можно попасть лишь окружнымъ путемъ, черезъ Яркендъ и Тагарму.

Весь вечеръ снѣгъ продолжалъ падать большими, но легкими, какъ пухъ, хлопьями, образовывая рыхлые сугробы. Тьма стояла непроницаемая; въ воздухѣ было холодно и сыро.

Наши сосѣди таджики пекли чудесный хлѣбъ; нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ явились ко мнѣ въ палатку безъ покрывалъ и принесли мнѣ хлѣба, за что получили куски матеріи изъ Кашгара.

20 сентября снѣгъ шелъ до 11 часовъ. Мою палатку такъ занесло, что ее нѣсколько разъ приходилось откапывать, и къ утру она оказалась окруженной настоящими валами изъ снѣга. Выступивъ въ путь, мы обрѣли двухъ спутницъ, молодыхъ женщинъ, ѣхавшихъ верхомъ на якахъ въ долину за топливомъ.

Обѣ были превеселыя и прехорошенькія, съ черными волосами, густыми рѣзко очерченными бровями, тонкими чертами лица и большими, живыми цыганскими глазами. Онѣ самымъ непринужденнымъ образомъ, какъ будто оно такъ и слѣдовало, помогали намъ подгонять нашихъ вьючныхъ животныхъ, покрикивая своими звонкими серебристыми голосами такъ, что эхо отдавалось въ горахъ. Тонкое тряпье обвивалось вокругъ ихъ стана, а смуглыя шея и грудь не были ничѣмъ прикрыты отъ обильно падавшаго снѣга.

Нѣсколько подальше, долина сузилась и сдѣлалась трудно проходимой, напоминая оврагъ, усѣянный глыбами, между которыми извивался и журчалъ прозрачный и холодный ручеекъ. Черезъ него то и дѣло приходилось переѣзжать, причемъ часто грозила опасность принять холодную ванну. Часто также тропинка вела по самому краю конгломератовой террасы; цементомъ въ ней служила глина, которая теперь размокла отъ снѣга, и можно было опасаться обвала.

Въ небольшихъ расширеніяхъ долины виднѣлись березовыя рощицы. Одна изъ нихъ называлась Тирсекъ. По словамъ нашихъ проводниковъ роща дальше внизу прерывалась, и намъ, если мы хотѣли развести на ночь хорошій костеръ, слѣдовало остановиться здѣсь. Палатку разбили подъ плакучими березками съ уже пожелтѣвшею листвою.

Привалъ вышелъ необычайно пріятнымъ. Жаль только, что небо было все въ облакахъ, и густой туманъ заволокъ вершины горъ. Женщины и проводники наши набрали хворосту, который нагрузили на яковъ, и повернули обратно домой.

21 сентября двинулись дальше внизъ по круто спускав-

шейся долинѣ, по каменистой, крайне неудобной дорогѣ. Невдалекѣ отъ нашего лагеря мы наткнулись на колоссальный отторженецъ гранита, мощностью въ нѣсколько сотъ тысячъ кубическихъ метровъ, а формой напоминавшій окаменѣлый тополь; онъ рухнулъ съ высоты скалъ прямо на середину долины. Стѣны скалъ подымались большею частью совершенно отвѣсно и ограждали дорогу съ обѣихъ сторонъ, словно ряды каменныхъ домовъ улицу. Продолжали попадаться рощицы съ березами, шиповникомъ и можевельникомъ.

Мы остановились въ селеніи Лянгаръ; кругомъ шли поля, засѣянныя пшеницей, овсомъ и клеверомъ. Населеніе — одни таджики, но, странно, большинство мѣстныхъ географическихъ названій джагатай-тюркскія.

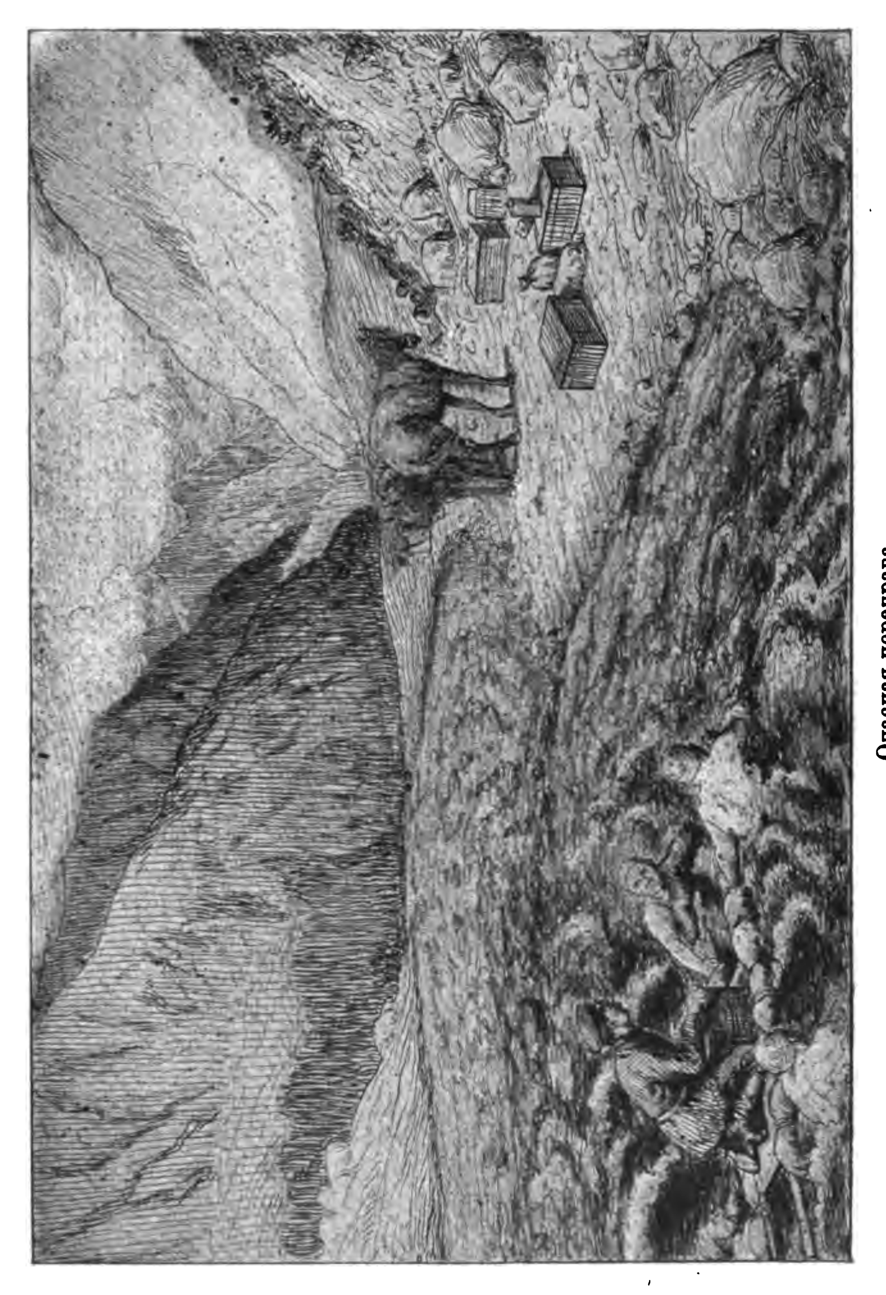
Перевалъ Арпа-таля, черезъ который намъ предстояло перейти черезъ нѣсколько дней, представляетъ демаркаціонную линію религій. Къ востоку обитаютъ суниты, а къ западу шіиты. Обѣ мусульманскія секты живутъ здѣсь, однако, дружно, ничуть не враждуя, какъ, напримѣръ, турки и персы. Здѣшніе шіиты и суниты даже роднятся между собою. Въ настоящее время таджики несутъ только натуральную повинность, доставляя китайцамъ топливо и съѣстные припасы, но во времена Якубъ-бека налоги были довольно чувствительны, на что, впрочемъ, жители не роптали, такъ какъ онъ былъ мусульманинъ.

Время дождей бываетъ здѣсь лѣтомъ, и часто дожди выпадаютъ въ такомъ изобиліи, что рѣка выходитъ изъ береговъ. Послѣднее землетрясеніе разрушило большую часть домовъ въ селеніяхъ. Мѣстность здѣсь вообще дикая и живописная, природа величественная, а населеніе отличается открытымъ, свободолюбивымъ и веселымъ характеромъ.

22 сентября мы миновали по пути восемь селеній, состоявшихъ всего изъ нѣсколькихъ дворовъ и окруженныхъ полями и садами, гдѣ росли грецкіе орѣхи, абрикосы, яблоки, дыни и проч. Запахъ только что сжатыхъ хлѣбовъ казался намъ особенно пріятнымъ послѣ нашего путешествія по безплоднымъ нагорьямъ. Яковъ здѣсь не держатъ, верблюдовъ тоже; видны только коровы, ослы, лошади, овцы и козы.

Самое красивое изъ селеній — Тонгъ; плодовые сады и живописныя сакли его красиво выдѣляются на фонѣ голыхъ

скалистыхъ стѣнъ. Старшина селенія Гассанъ-бекъ, настоящій патріархъ съ виду, отличался большой оригинальностью

Опасная переправа.
(Съ рисунка Линдберга).

и невѣроятной разсѣянностью, и то и дѣло вполголоса разговаривалъ съ самимъ собою.

Въ слѣдующемъ, находившемся неподалеку, селеніи Кандалакшъ мы сдѣлали привалъ, расположившись на террасѣ дома мѣстнаго минъ-баши (тысяченачальника), гдѣ насъ и посѣтили всѣ именитые мѣстные жители.

Отсюда всего нѣсколько километровъ разстоянія до Яркендъ-дарьи, которая около Тонга зовется попросту Дарьей (т. е. рѣкой) или Тонгнынъ-дарьязы (рѣка Тонгъ). Наименованіе Раскема или Заравшана она принимаетъ выше.

Лѣтомъ вода въ рѣкѣ такъ прибываетъ, что переправа черезъ нее прекращается; такимъ образомъ сообщеніе съ Яркендомъ поддерживается только осенью и зимою; конному туда три дня пути. Изъ Яркенда сюда наѣзжаютъ купцы, торгующіе матеріями, чаемъ, сахаромъ. Гассанъ-бекъ и его люди полагали, что теперь уже возможно было перебраться черезъ рѣку; старикъ просилъ насъ только переждать ночь, чтобы онъ успѣлъ сдѣлать нужныя распоряженія насчетъ нашей переправы.

23 сентября мы направились къ Яркендъ-дарьѣ, и я былъ очень удивленъ, найдя, что боковая долина Тонгъ гораздо шире, нежели главная, въ которую она открывается. Огромныя массы воды побѣдоносно пролагали себѣ путь въ горныхъ породахъ, и ущелье представляло величественную панораму.

Оставшіеся на стѣнахъ скалъ знаки показывали, что уровень воды въ рѣкѣ теперь на $3^1/_2$ м. ниже, нежели во время лѣтняго половодья, но и теперь еще рѣка катила свои полупрозрачныя, отливающія зеленымъ цвѣтомъ, мощныя волны съ глухимъ грохотомъ, будившимъ странное эхо между сланцевыми стѣнами ущелья.

Итакъ, надо было переправиться черезъ эту рѣку, преграждавшую намъ путь. На берегу насъ ждали шесть „сучи" въ просторныхъ шароварахъ и съ привязаннымъ къ груди „толумомъ" т. е. надутымъ козьимъ бурдюкомъ. Они приготовили плотъ, съ виду внушавшій мало довѣрія; это были обыкновенныя носилки, подъ которыя подвязали двѣнадцать надутыхъ бурдюковъ. Лошадей развьючили. Сначала на плотъ погрузили ящики съ провіантомъ. Одну изъ лошадей привязали за хвостъ къ плоту, а одинъ изъ „сучи" повелъ ее за поводъ вбродъ между круглыми отшлифованными каменьями,

покрывавшими дно у береговъ. Остальные „сучи“ поддерживали равновѣсіе плота на водѣ.

Лошадь скоро потеряла точку опоры подъ ногами и погрузилась въ воду почти съ головой. Тогда „сучи“ обвилъ ее за шею правой рукой, а лѣвой принялся грести по нужному направленію. Всю компанію подхватило теченіемъ, и они, гребя руками изо всѣхъ силъ, быстро понеслись внизъ по рѣкѣ, забирая, однако, къ противоположному берегу.

Какъ разъ напротивъ насъ, на правомъ берегу, высились отвѣсныя скалы, о которыя съ яростью разбивались волны, но ниже по теченію находилась маленькая защищенная бухточка. Сюда-то и держали „сучи“ и, наконецъ, осторожно причалили къ берегу.

Въ одномъ километрѣ отъ мѣста переправы, рѣка дѣлала загибъ, откуда водная масса устремлялась къ лѣвому берегу, образовывая водопадъ. Надо было поэтому стараться достигнуть противоположнаго берега раньше, нежели теченіе могло унести насъ къ загибу и водопаду, въ которомъ насъ завертѣло-бы и разбило о скалы и глыбы.

Послѣ того, какъ весь багажъ въ четыре пріема былъ переправленъ, пришла моя очередь. Я ожидалъ переправы съ нетерпѣніемъ и почти съ такимъ-же жуткимъ чувствомъ, съ какимъ въ дѣтствѣ, бывало, собирался купаться, не умѣя еще плавать. Плотъ былъ очень неустойчивъ, колебался изъ стороны въ сторону на надутыхъ бурдюкахъ, и тамъ, гдѣ теченіе было особенно сильно, можно было съ минуты на минуту ожидать, что онъ вотъ-вотъ перекувырнется. Оно такъ и случилось-бы, не поддерживай его со всѣхъ сторонъ „сучи“.

Я предпочелъ обойтись безъ лошади, и „сучи“ подхватили плотъ-носилки за палки со всѣхъ четырехъ концовъ. Въ слѣдующую минуту теченіе понесло насъ внизъ по рѣкѣ. Съ непривычки кружилась голова; скалы противоположнаго берега какъ будто бѣжали мимо вверхъ по теченію, панорама безпрестанно мѣнялась, словно я смотрѣлъ изъ окна курьерскаго поѣзда. „Сучи“ изо всѣхъ силъ работали и руками и ногами, чтобы выбраться изъ теченія и, наконецъ, мы попали въ сравнительно спокойныя воды бухты и пристали къ берегу.

При обратной переправѣ съ плотомъ на лѣвый берегъ,

„сучи“ удалось пристать къ берегу только гораздо ниже мѣста переправы, и пришлось вести туда плотъ по водѣ съ помощью лошади, которая шла по берегу. Остальныя лошади переправились вплавь съ помощью „сучи“.

Исламъ-бай предпочелъ переплыть черезъ рѣку на лошади, но во время переправы растерялся, голова у него закружилась, онъ позабылъ какого направленія держаться и чуть не потопилъ свою лошадь, слишкомъ наваливаясь на нее. Его понесло внизъ по рѣкѣ, и я страшно боялся, что его увлечетъ къ водопаду, и онъ разобьется.

Но ему удалось таки пробиться къ берегу. То-то хорошо было очутиться, наконецъ, всѣмъ вмѣстѣ съ багажомъ цѣлыми и невредимыми на правомъ берегу Яркендъ-дарьи! „Сучи“ получили 100 тенегъ за труды, а старшій изъ нихъ еще шапку и ножъ, и всѣ остались очень довольны.

Яркендъ-дарья замерзаетъ въ концѣ декабря, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теченіе не слишкомъ сильно, ледъ бываетъ толстъ. Тогда открывается путь по льду вдоль рѣки въ селеніе Кичикъ-Тонгъ и боковую долину Чепъ, ведущую къ перевалу Корумъ-артъ (каменный перевалъ), находящемуся въ горной цѣпи праваго берега. Прибыль воды начинается въ концѣ мая, и половодье продолжается около трехъ мѣсяцевъ.

Лошадей опять навьючили, и мы продолжали путь по правому берегу внизъ по рѣкѣ. Скоро, однако, дорогу преградила скала, отвѣсно спускавшаяся въ воду. Таджики вырубили въ скалѣ, должно быть въ очень уже отдаленное время, тропинку, вродѣ карниза; край ея сильно вывѣтрѣлъ и сталъ покатымъ въ сторону обрыва и пѣнящейся рѣки. Тропинку кое-какъ уравняли съ помощью кольевъ, вѣтвей и каменныхъ плитъ, зато въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она стала такъ узка, что навьюченнымъ лошадямъ не пройти было, — вьюки терлись и задѣвали за стѣну скалы подымавшуюся справа. Мы чуть было не потеряли одну изъ лошадей, которая зацѣпилась вьюкомъ на самомъ узкомъ мѣстѣ и неминуемо полетѣла-бы внизъ, если-бы Исламъ-бай не успѣлъ уцѣпиться за нее, а остальные въ ту-же минуту не освободили ея отъ вьюка. Весь багажъ пришлось перенести черезъ опасныя мѣста на рукахъ. Въ селеніи Курукъ-лянгаръ (сухой заѣзжій дворъ), расположенномъ въ устьѣ долины того-же названія, мы сдѣ-

лали привалъ. Орошеніе зависитъ здѣсь отъ дождей, выпадающихъ въ горахъ, и, если въ горахъ засуха — въ долинѣ неурожай. Селеніе расположено очень живописно — кругомъ тѣнистые сады и гигантскія скалы.

24 сентября мы двинулись по долинѣ Арпа-таля; на пути насъ захватилъ градъ, и мы разбили лагерь въ полѣ около селенія Сугетлыкъ, а на слѣдующій день перешли черезъ перевалъ Арпа-таля (3,838 м.).

Тропа идетъ зигзагами довольно круто вверхъ по округленнымъ, поросшимъ травою высотамъ, сѣверные склоны которыхъ покрыты снѣгомъ, или пропитаны влагою отъ растаявшаго снѣга. Лошади спотыкаются и скользятъ на глинистыхъ скатахъ. Ѣзда при такихъ условіяхъ не очень пріятна, особенно, если при этомъ съ одной стороны у васъ пропасть.

Съ перевала видны: на западѣ покрытый снѣгомъ гребень, черезъ который мы перешли по перевалу Кандахоръ, на востокѣ цѣлая панорама гребней, постепенно понижающихся и вдали тонущихъ въ желтомъ туманѣ, говорящемъ о пустынныхъ равнинахъ Восточнаго Туркестана. Въ восточномъ направленіи снѣга нигдѣ не видно. Всѣ селенія, которыя мы миновали, заселены джагатай-тюрками. Перевалъ является такимъ образомъ и климатическою и этнографическою границею.

Дорога повела на ONO къ селенію Онгурлукъ (овраги), гдѣ какъ разъ происходила молотьба. Способъ молотьбы здѣсь крайне примитивный: десять быковъ ходятъ, тѣсно сомкнувшись въ рядъ, вокругъ столба, по разбросанному по землѣ зерну. Сѣютъ здѣсь маисъ, пшеницу и овесъ, причемъ поля засѣваютъ не каждый годъ, а черезъ годъ.

26 сентября мы остановились въ плодородной и густо заселенной мѣстности Ичъ-Бельдиръ. На слѣдующій день мы вышли изъ горной области и еще разъ переправились черезъ Яркендъ-дарью, около селенія Хушерабъ, гдѣ рѣка имѣетъ въ ширину 78 м., а въ глубину самое большее 3,14 м. Скорость теченія ея здѣсь не превосходитъ 48 сантим. въ секунду, и переправа на паромѣ поэтому не представила особыхъ затрудненій. Паромъ былъ очень большихъ размѣровъ и перевезъ весь нашъ караванъ заразъ; не понадобилось даже

разъвьючивать лошадей. Ночевали мы въ селеніи Качунгъ, имѣвшемъ 200 домовъ. Здѣсь также воздѣлываютъ рисъ.

На слѣдующій день мы прибыли въ селеніе Яръ-арыкъ, орошаемое довольно значительнымъ каналомъ; послѣдній выведенъ изъ рѣки и орошаетъ также лежащее къ сѣверо-востоку селеніе Лянгаръ. Направо отъ насъ разстилалась безграничная пустынная равнина; налѣво крайнія развѣтвленія горъ, неясно рисовавшіяся въ насыщенномъ пылью воздухѣ.

Въ теченіе слѣдующихъ дней мы черезъ селенія Кокърабатъ и Кызылъ, Янги-гиссаръ и Япчанъ достигли Кашгара, куда прибыли 3 октября, и гдѣ меня съ обычнымъ гостепріимствомъ принялъ генеральный консулъ Петровскій.

Здѣсь, въ этой низменной области, погода стояла еще теплая, мягкая. Рѣзкіе переходы изъ одного климата въ другой отозвались на мнѣ сильной лихорадкой, отъ которой я отдѣлался лишь въ серединѣ ноября.

Всѣ потери, понесенныя мною во время злополучнаго перехода черезъ пустыню, были теперь пополнены. Изъ Берлина мнѣ прислали ящикъ съ тремя превосходными анероидами, гипсотермометрами, психрометрами и термометрами; все прибыло въ полной исправности, благодаря тщательной упаковкѣ въ Берлинѣ, и заботливости шведскаго консула въ Батумѣ, отправившаго эти хрупкія вещи дальше въ Азію.

Изъ Ташкента пришли три ящика съ разными необходимыми вещами: одеждой, консервами, табакомъ и проч. Такимъ образомъ я былъ опять во всеоружіи, какъ и въ началѣ моей экспедиціи.

IV.

Верхомъ до Хотана.

Оправившись отъ лихорадки и организовавъ новый караванъ, я окончательно покинулъ самый западный изъ городовъ Китая. Выступленіе наше, означавшее долгую разлуку съ крайней станціей европейской цивилизаціи на востокѣ, было обставлено большою торжественностью. Дао-тай сдѣлалъ мнѣ прощальный визитъ собственной персоной съ боль-

шимъ блескомъ и помпой, въ сопровожденіи остальныхъ моихъ китайскихъ друзей.

Караванъ, состоявшій изъ 9 лошадей и 3 людей, подъ начальствомъ моего испытаннаго Ислама, выступилъ къ югу рано утромъ 14 декабря 1895 г.; самъ-же я выѣхалъ верхомъ съ 2 остальными слугами въ полдень — въ тотъ-же самый день, въ который въ 1890 г. я увидалъ Кашгаръ впервые.

На дворѣ собралось проводить меня цѣлое общество: самъ генеральный консулъ, его любезная супруга, Адамъ Игнатьевичъ, 50 казаковъ съ двумя офицерами и, наконецъ, туземцы—писаря, толмачи и слуги консульства. Когда я простился съ этимъ гостепріимнымъ домомъ, гдѣ провелъ столько пріятныхъ и поучительныхъ часовъ, мы сѣли на коней и поѣхали рысцой по улицамъ въ сопровожденіи офицеровъ, Адама Игнатьевича и казаковъ, распѣвавшихъ солдатскія пѣсни, которыя будили громкое веселое эхо въ узкихъ, какъ корридоры, улицахъ.

Около дома шведскаго миссіонера я остановился, чтобы проститься съ симпатичной и умной г-жей Гёгбергъ и ея дѣтьми; самъ Гёгбергъ поѣхалъ провожать меня. Подъ конецъ къ намъ присоединился еще въ своей голубой повозкѣ русско-китайскій переводчикъ, нашъ общій другъ Янъ-Да-ой, и легко себѣ представить, что за пестрая кавалькада понеслась по пыльной широкой дорогѣ къ Янги-шару! Въ Янги-шарѣ мы обмѣнялись послѣдними привѣтствіями. Я громко крикнулъ казакамъ: „Прощайте, ребята!“ и они въ униссонъ прокричали: „Съ Богомъ! Счастливый путь!“.

И вотъ, я остался одинъ между азіатовъ. Но, когда зубцы башенъ Кашгара скрылись за горизонтомъ, и пѣсня казаковъ замерла вдали, я всетаки вздохнулъ съ облегченіемъ при мысли, что какъ-никакъ, а я теперь „на пути домой“. Сладость этой мысли не умѣрялась даже тѣмъ соображеніемъ, что на пути этомъ лежала цѣлая половина Азіи, и что меня отдѣляли отъ Стокгольма полтора десятка тысячъ верстъ.

Въ Кызылѣ я присоединился къ своему каравану. Желая избѣгнуть большой дороги, уже извѣстной мнѣ, я направилъ путь черезъ лежащіе въ пустынѣ мазары Урданъ-Падишахъ и Хазретъ-Бегамъ.

500 верстъ, отдѣлявшихъ насъ отъ Хотана, мы проѣхали

въ 13 дней, и я такимъ образомъ имѣлъ время близко познакомиться съ этимъ важнымъ и во многихъ отношеніяхъ интереснымъ путемъ; къ сожалѣнію, объемъ книги не позволяетъ мнѣ подробно описать этотъ долгій путь. Надѣюсь, впрочемъ, мнѣ для этого представится другой случай, когда я и воспользуюсь моими обширными дневниками, содержащими не мало новыхъ свѣдѣній и интересныхъ замѣтокъ.

Путешествіе мое вообще было столь обильно наблюденіями, что одной книги для изложенія ихъ всѣхъ далеко не достаточно, къ тому-же большая часть собраннаго матеріала такого рода, что требуетъ спеціальной обработки и подкрѣпленій ссылками на историческіе факты, на что нуженъ большій срокъ времени, нежели какой былъ въ моемъ распоряженіи до сихъ поръ.

Путь въ Хотанъ уже пройденъ цѣликомъ или частью многими европейскими путешественниками, напримѣръ Джонсономъ, Шлагинтвейтомъ, Шау, Форсэйтомъ и его экспедиціей, Громбчевскимъ, Пѣвцовымъ, Дютрейль де Риномъ, Литледэлемъ и др. Могу, однако, сказать, не преступая границъ скромности, что мнѣ удалось собрать изрядное количество новыхъ свѣдѣній, какъ объ этомъ главномъ пути съ его селеніями, такъ и о примыкающихъ къ нему побочныхъ путяхъ. Но для размѣщенія всего этого матеріала понадобился-бы еще небольшой томикъ, и я снова принужденъ отказаться отъ желанія подѣлиться этими свѣдѣніями съ читателями, чтобы поскорѣе добраться до описанія тѣхъ областей, гдѣ у меня не было стольких предшественниковъ. Отмѣчу лишь нѣсколько отдѣльныхъ событій и моментовъ.

20 декабря въѣхали мы въ двойныя ворота Янги-шара (Новый городъ), китайской части города Яркенда, а въ нѣкоторомъ разстояніи оттуда черезъ ворота Алтынъ-дервазе (Золотыя ворота) въ Кохне-шаръ (старый городъ), магометанскую часть. Обѣ эти части Яркенда лежатъ другъ отъ друга всего въ одномъ километрѣ и на всемъ этомъ разстояніи между воротами ихъ, черезъ которыя пролегаетъ большая кашгарско-хотанская дорога, тянется длинная широкая базарная улица, крытая деревяннымъ навѣсомъ. По этой улицѣ даже поздно вечеромъ не прекращается оживленное движеніе при мигающемъ свѣтѣ масляныхъ фонарей.

Въ общемъ улица напоминаетъ безконечный тунель, стѣны котораго образуютъ лавки и лари. По тѣснотѣ, сумятицѣ, множеству верблюжьихъ каравановъ, крику и гаму, царствующимъ здѣсь, сразу замѣтно, что находишься въ большомъ городѣ. Яркендъ и есть самый большой городъ Восточнаго Туркестана; въ немъ съ его предмѣстьями насчитывается 150,000 жителей.

Проѣхавъ Алтынъ-дервазе, мы пересѣкли цѣлый лабиринтъ извилистыхъ улицъ и переулковъ, пока, наконецъ, достигли дома, который отвелъ въ наше распоряженіе аксакалъ андижанскихъ купцовъ.

Въ теченіе слѣдующихъ дней мы оставались въ Яркендѣ, частью, чтобы дать лошадямъ отдохнуть, частью, чтобы хорошенько ознакомиться съ городомъ и его ближайшими окрестностями. Я, между прочимъ, посѣтилъ, въ сопровожденіи аксакала, здѣшняго амбаня, „яменъ“ котораго былъ гораздо пышнѣе, чѣмъ яменъ амбаня Кашгарскаго.

Въ яменъ вели трое высокихъ, пестрорасписанныхъ и покрытыхъ лѣпными украшеніями воротъ, живописной архитектуры. На дворѣ, передъ яменомъ собралась толпа туземцевъ, явившихся искать китайскаго правосудія. Тутъ были и сельскіе жители, жаловавшіеся на то, что ихъ обдѣлили водой изъ оросительныхъ каналовъ, и слуги, жаловавшіеся на хозяевъ, которые не заплатили имъ жалованья, и пойманные воры, ожидавшіе суда и расправы.

Амбань Панъ-даринъ былъ пожилой человѣкъ, высокаго роста, дородный, съ сѣдой козлиной бородкой. Принялъ онъ меня съ любезной улыбкой и милостиво поинтересовался моими планами. Вечеромъ онъ прислалъ мнѣ въ даръ маиса и пшеницы, а отъ меня, явившись ко мнѣ на слѣдующій день съ визитомъ, получилъ револьверъ.

Обозрѣвая городъ, я осмотрѣлъ между прочимъ главныя медрессе и мечети. Самое большое изъ первыхъ — Кокъ-медрессе (голубое медрессе), „пиштакъ“ или сводчатый фасадъ котораго, выложенный голубыми и зелеными изразцами, не можетъ, однако, сравниться даже съ самыми простыми образцами этого рода архитектуры въ Бухарѣ. На дворѣ медрессе находятся мазары разныхъ святыхъ. Акъ-медрессе (бѣлое), Яшиль-(зеленое), Каликъ-Касимъ-Азунъ-и Бадаулетъ-ме-

дрессе еще меньшихъ размѣровъ и по архитектурѣ уже ровно ничего замѣчательнаго не представляютъ. Послѣднее изъ названныхъ, возведенное въ правленіе Якубъ-бека, имѣетъ 36 коллонъ и веранду.

Въ сѣверо-восточной части Яркенда возвышается холмъ Наурузъ-дунъ (Новогодній холмъ), съ котораго открывается видъ на весь городъ. Лежитъ холмъ у самой городской стѣны; стѣна эта, зубчатая, тонкая, хрупкая, изъ высушенной на солнцѣ глины, извивается по старымъ береговымъ террасамъ и окружаетъ городъ. На вершинѣ холма возведенъ минаретъ—собственно помостъ на высокихъ деревянныхъ столбахъ; съ высоты его раньше, чѣмъ откуда либо изъ города, бываетъ видно новолуніе, разрѣшающее правовѣрныхъ отъ рамазана (поста).

Внутри обнесеннаго стѣною круга, внизу подъ нами, раскинулась настоящая мозаика изъ четыреугольныхъ крышъ; узкіе извилистые линіи переулковъ едва замѣтны, зато рѣзко выдѣляются базары, сады и одинокія ивы. По ту сторону стѣны взоръ теряется въ лабиринтѣ полей, овраговъ и каналовъ, а подальше, на сѣверовостокѣ, видна Яркендъ-дарья, змѣей убѣгающая въ пустыню, стремясь къ своей далекой цѣли Лобъ-нору.

Хотя городъ находится вблизи самой большой рѣки Центральной Азіи, яркендцы пьютъ не воду, а настоящій ядъ. Выведенная изъ рѣки каналами въ городъ и скопляющаяся здѣсь въ прудахъ и бассейнахъ рѣчная вода застаивается и заражается всевозможными міазмами, такъ что всѣ эти бассейны и пруды истинные очаги всякой заразы, кишащіе бактеріями. Въ этихъ бассейнахъ купаются, моютъ грязное бѣлье и посуду, купаютъ собакъ и скотъ, въ нихъ же валятъ всякіе отбросы, изъ нихъ же и берутъ воду для кушаній и для питья.

Слѣдствіемъ такого неряшества и безпечности является обычная въ Яркендѣ болѣзнь, „бугакъ“ —зобъ, или опухоль кадыка. Опухоль эта бываетъ величиною съ кулакъ, а иногда и съ цѣлую голову и придаетъ своему обладателю уродливый, отталкивающій видъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что около 75 процентовъ коренныхъ жителей города страдаютъ въ большей или

меньшей степени этой болѣзнью, которая въ большинствѣ случаевъ и сопровождаетъ своихъ обладателей въ могилу. Встрѣчая въ другомъ какомъ нибудь городѣ человѣка съ такимъ зобомъ, можно почти быть увѣреннымъ въ томъ, что онъ яркендецъ, равно, какъ можно принять за правило, что попадающіеся на базарахъ Яркенда люди съ нормальными шеями — пріѣзжіе изъ Кашгара, Хотана или изъ какого либо другого города.

Яркендцы ничѣмъ не лечатся отъ этой болѣзни, которая впрочемъ, иногда, вѣроятно, отъ перемѣны мѣста, проходитъ сама собой. Индусы, говорятъ, знаютъ отъ нея средство, но, какъ и андижанцы, не страдаютъ ею, такъ какъ употребляютъ лишь колодезную воду.

О происхожденіи болѣзни сложилась легенда, гласящая, что когда Салихъ-пейгамберъ проѣзжалъ черезъ Яркендъ, какіе то воры украли его верблюда, перерѣзали ему горло и бросили его трупъ на берегу Яркендъ-дарьи. Святой человѣкъ и проклялъ всю мѣстность, наславъ на жителей на вѣчныя времена „бугакъ“. Трупъ верблюда отравилъ воду въ рѣкѣ и посѣялъ въ нее сѣмена заразы.

Въ городѣ проживаютъ до 40 андижанскихъ купцовъ, которыя ввозятъ сюда матеріи, шапки, халаты, сахаръ, спички и проч., и вывозятъ отсюда шерсть, войлока и проч. Барыши они получаютъ хорошіе и выстроили себѣ 26 лѣтъ тому назадъ прекрасный караванъ-сарай. Яркендцы не любятъ ихъ такъ-же, какъ и китайцевъ.

На улицахъ ихъ сейчасъ-же узнаешь по ихъ сравнительно опрятнымъ одеждамъ и наружности. Жилища ихъ отличаются чисто убранными комнатами и опрятными дворами. Афганскіе и индусскіе купцы имѣютъ свои караванъ-сараи.

Городъ дѣлится на 24 большихъ „махалля“, или квартала; каждый находится подъ управленіемъ своего юзъ-баши, въ помощь которымъ приставлены по два, или болѣе онъ-баши. Кромѣ того порядокъ въ Яркендѣ и въ окрестностяхъ поддерживается не малымъ числомъ бековъ.

23 декабря мы переправились на паромѣ черезъ Яркендъ-дарью, притокъ воды въ которой еще и теперь равнялся 93 куб. метрамъ въ секунду. Такимъ образомъ, притокъ воды въ рѣкѣ понизился съ конца сентября, когда я

измѣрялъ ее около Хушераба, на 60 куб. м. Со стороны праваго берега изъ рѣки выведены арыки, расходящіеся по всей мѣстности вплоть до Посгама; за этимъ-же селеніемъ мѣстность орошается водами Тызнапа.

Слѣдуя по густо населеннымъ, плодороднымъ трактамъ, черезъ цѣлый рядъ селеній, которыя я всѣ и занесъ на карту, достигли мы въ сочельникъ города Каргалыка (Вороній городъ), гдѣ ничто не напоминало о значеніи дня,—не было ни снѣга, ни елокъ; одно радушіе жителей придало дню праздничный оттѣнокъ. Мы остановились у купца изъ Кокана, который предложилъ намъ вечеромъ обильный „дастарханъ" изъ грушъ, апельсиновъ, изюму, миндалю и разныхъ сладостей. Въ общемъ вышло что-то похожее на рождественскій столъ, хотя самого стола-то и не было, — подносы ставились прямо на полъ. Попозже явились привѣтствовать меня десять городскихъ бековъ въ китайскихъ парадныхъ одѣяніяхъ, съ косами, а подъ конецъ и самъ амбань Ли-даринъ изволилъ прислать мнѣ „гостинцевъ на елку": рису, баранины, пшеничной и маисовой муки, топлива и корму для лошадей.

Какъ только гости ушли, и я покончилъ со своими замѣтками, я тотчасъ-же улегся спать, чтобы скорѣе забыться сномъ и уйти отъ тоски, которая въ этотъ день сильнѣе, чѣмъ когда либо, глодала сердце одинокаго путника.

Если яркендскій амбань былъ олицетвореніемъ любезности, то каргалыкскій положительно превзошелъ всякія ожиданія своей любезностью. Я не успѣлъ еще собраться къ нему, какъ онъ уже явился ко мнѣ съ визитомъ самъ, рано утромъ, въ первый день Рождества; я еще былъ въ постели. Когда-же я явился отдать ему визитъ, меня привѣтствовали во дворѣ ямена троекратнымъ залпомъ изъ пушки; я чуть не полетѣлъ кувыркомъ съ своей лошади, которая не привыкла къ такимъ привѣтствіямъ.

Амбань былъ славный, чистенькій человѣчекъ, лѣтъ 50, съ небольшими сѣдыми холеными усами и большими круглыми стеклянными глазами. По окончаніи обѣда, на который я былъ приглашенъ, я нарисовалъ портретъ хозяина, и вдругъ, къ моему немалому изумленію, къ намъ вышла его молодая, желтая супруга, балансируя на своихъ крохотныхъ, едва въ 5 сант. длиною, ножкахъ, и попросила меня нарисовать и ея

портретъ, который она хотѣла послать родителямъ своимъ въ Пекинъ. Разумѣется, я поспѣшилъ исполнить столь лестную просьбу.

26 декабря я оставилъ Каргалыкъ. Амбань снарядилъ мнѣ въ провожатые одного бека, поручивъ ему заботиться о моихъ удобствахъ въ пути. А, когда мы выѣхали изъ восточ-

Ли-даринъ, амбань Каргалыкскій.
(Съ рисунка автора).

ныхъ воротъ города, въ честь мою снова грянули три пушечныхъ выстрѣла.

Черезъ небольшой промежутокъ времени мы миновали послѣднія селенія и очутились въ пустынной мѣстности, гдѣ дорога, обыкновенно выдѣляющаяся свѣтлою полосою, совершенно заметается во время булановъ. Для того, чтобы

путешественники не сбивались съ пути, китайцы и распорядились установкой столбовъ, указывающихъ направленіе дороги. Столбы разставлены на разстояніи 80—90 метровъ другъ отъ друга, и, такимъ образомъ, ихъ всегда видно впереди 6—7 штукъ заразъ. Во время самаго бурана отъ нихъ толку немного; зато, когда буранъ прекратится, они очень полезны и даже необходимы; пока ихъ не было, говорятъ, многіе путешественники, сбившись съ пути, такъ таки и пропадали безслѣдно. Глядя на эти столбы, вспоминаешь слова Марка Поло: „А передъ тѣмъ, какъ расположиться на ночной отдыхъ, ставятъ сигнальный шестъ, чтобы онъ указывалъ направленіе завтрашняго маршрута".

Отъ оазиса Бэшъ-арыкъ (пять каналовъ) тянется ровная безплодная равнина вплоть до Кошъ-лянгара (двѣ станціи), каравантъ-сарай котораго, обсаженный ивами, виденъ издалека; находясь на возвышеніи, онъ какъ будто паритъ надъ горизонтомъ.

Этотъ „лянгаръ" отличная постройка изъ сѣрозеленаго кирпича, возведеннаго еще въ началѣ правленія Якубъ-бека. Внутри находится большой четыреугольный дворъ, вымощенный крупными кирпичами. Въ „лянгарѣ" 10 отдѣльныхъ помѣщеній для путниковъ; полы въ этихъ помѣщеніяхъ также вымощены кирпичами, а свѣтъ проникаетъ сквозь небольшое оконце въ сводчатой крышѣ.

Рядомъ съ этой солидной каменной постройкой, рѣзко отличающеюся отъ глиняныхъ лачугъ, къ которымъ мы привыкли, находятся службы и конюшня изъ обыкновенной глины, съ бревенчатыми крышами. Тутъ-же съ юговосточной стороны „лянгара" находится и большой водоемъ, въ который собираются воды, стекающія съ горъ весною и который такимъ образомъ служитъ запаснымъ водохранилищемъ на жаркое, сухое время года. Вокругъ водоема растетъ нѣсколько красивыхъ ивъ.

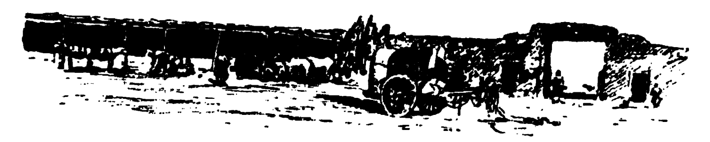
До настоящей песчаной пустыни насчитывается отсюда полтора дня пути. Пустыня извѣстна здѣсь подъ названіемъ „Такла-маканъ", „Джалатъ-кумъ" и „Адамъ-олтургенъ-кумъ" („Губящій людей песокъ").

Соотвѣтственно континентальному климату мѣстности, зима здѣсь бываетъ суровая, а лѣто страшно знойное. Въ

концѣ марта начинается время песчаныхъ булановъ, продолжающееся до конца лѣта. Среднимъ числомъ въ годъ бываетъ до пятнадцати жестокихъ бурановъ. Разражаются они обыкновенно только послѣ полудня, почти никогда утромъ или ночью, и длятся всего съ часъ; вѣтеръ дуетъ при этомъ чаще съ запада, нежели съ востока.

Бураны бываютъ необычайно свирѣпы; случается, что вихремъ уноситъ овецъ, пасущихся около селеній или отбившихся въ туманѣ отъ стада. По здѣшнему обычаю пастухи и отвѣчаютъ передъ хозяевами лишь за овецъ, пропавшихъ въ тихую погоду. Точно также и владѣльцы овецъ отвѣчаютъ только за потраву, произведенную ихъ овцами, забравшимися въ чужое поле въ тихую погоду; если-же животныя очутятся въ чужомъ полѣ или въ саду въ буранъ, или туманъ, то ни хозяинъ, ни пастухъ не отвѣтчики.

Сторожъ „лянгара“ разсказывалъ, что особенно силь-

Конюшня въ Чулакъ-лянгарѣ.
(Съ рисунка автора).

ными буранами переноситъ воронъ и другихъ птицъ изъ Каргалыка до Гумы, или наоборотъ, причемъ птицы часто убиваются на смерть о попадающіеся на пути предметы.

Насчетъ упорнаго вѣтра сложилась такая легенда. Около Чулакъ-лянгара одинъ святой человѣкъ нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ вырылъ колодезь, теперь давнымъ давно занесенный пескомъ. Когда святой вырылъ яму въ 80 саженъ глубины, земля подъ нимъ вдругъ разверзлась, оттуда поднялся страшный вихрь и унесъ его на небо. Изъ колодца-же съ тѣхъ поръ и выходятъ всѣ вѣтры, дующіе въ этой мѣстности. Другая легенда, основывающаяся на наблюденіи, правдоподобнѣе. Она гласитъ, что если послѣдній буранъ проносится изъ Каргалыка, слѣдующій пронесется изъ Гумы и, что это или тотъ же самый буранъ, возвращающійся обратно, или другой, отправляющійся къ первому въ гости.

На слѣдующій день мы добрались до Чулакъ-лянгара

(постоялый дворъ калѣки), прозванный такъ потому, что тутъ около стѣны много лѣтъ тому назадъ постоянно сидѣла нищая безногая старуха. Въ общемъ лянгаръ этотъ точная копія Кокъ-лянгара. Каждая сторона квадратнаго водоема имѣетъ 85 метр. въ длину, а глубина, когда водоемъ бываетъ полонъ водой, равняется 4 саженямъ. Въ настоящее время глубина воды доходила всего до $1\frac{1}{2}$ саж., и блестящая ледяная кора предохраняла воду отъ загрязненія. Лянгаръ расположенъ на холмѣ, съ котораго открывается безконечный видъ на востокъ. Равнины тянутся узкой нескончаемой полосой, сливающеюся съ горизонтомъ въ желтоватомъ туманѣ.

Весь путь отъ Кашгара до Хотана, какъ и путь отъ Кашгара до Акъ-су, китайцы размѣтили „потаями" или путевыми

Китайскій „потай" по дорогѣ въ Хотанъ.
(Съ рисунка автора).

знаками. Поэтому и магометане обыкновенно измѣряютъ здѣсь разстоянія „потаями", а не такъ, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ „потаевъ" не существуетъ, „ташами" (камень), „джолы" (дорога), или „чакырымами" (окрикъ). Потаи—усѣченныя глиняныя пирамиды, высотою въ 6 — 7 метр. Среднимъ числомъ между двумя станціями приходится по 10 потаевъ.

Я нѣсколько разъ измѣрялъ разстояніе между двумя потаями, и всякій разъ получались разныя цифры: то 3,720, то 3,687, то 3,502 м. Я, такимъ образомъ, и не знаю, чѣмъ руководствуются китайцы, воздвигая свои пирамиды именно на такихъ-то и такихъ-то пунктахъ; видно, однако, что особенной точности при измѣреніи они не придерживаются. Мы съ

нашей обычной караванной скоростью проѣзжали разстояніе между двумя потаями въ три четверти часа.

Подвигаясь по пустыннымъ степнымъ участкамъ и безплоднымъ равнинамъ, достигли мы маленькаго, привлекательнаго и обильно орошаемаго городка Гумы, настоящаго оазиса въ пустынѣ. Мы пробыли здѣсь весь день 29 декабря, а затѣмъ продолжали путь до селенія Муджи, откуда въ послѣдній день года совершили небольшую экскурсію къ развалинамъ древняго города; развалины эти находятся едва въ разстояніи „полпотая" къ сѣверо-востоку отъ караванъ-сарая. Проѣхавъ пустынную степную мѣстность, мы достигли небольшихъ глинистыхъ террасъ, съ разбросанными по нимъ могилами. Мы раскопали нѣкоторыя. Внутри онѣ были обшиты досками и прутьями, и въ глубинѣ ямъ, наполненныхъ пескомъ и пылью, мы нашли побѣлѣвшія кости и черепа. Какъ форма могилъ, такъ и положеніе ихъ относительно киблы, указывали, что онѣ хранили прахъ джагатай-тюрковъ. Нѣкоторые скелеты были завернуты въ лохмотья, распадавшіяся въ прахъ при одномъ прикосновеніи.

Судя по всему, кладбище это не особенно древняго происхожденія; вѣроятно, ему не болѣе двухъ, трехъ вѣковъ. Расположеніе кладбища, а также развалинъ домовъ и стѣнъ указываетъ на то, что обитавшіе здѣсь нѣкогда люди принуждены были отступить передъ надвигавшимся пескомъ дальше къ югу. Такое отступленіе передъ пескомъ пустыни происходило, вѣроятно, въ теченіе тысячелѣтій, и барханы пустыни Такла-маканъ скрываютъ подъ собою, безъ сомнѣнія, много достопримѣчательностей.

О гораздо древнѣйшей культурѣ говорятъ милліоны мелкихъ черепковъ, остатковъ глиняныхъ сосудовъ и обожженнаго кирпича, разбросанные по всей мѣстности, по обѣимъ сторонамъ большой дороги. По разсказамъ туземцевъ, это слѣды древняго города Назара. Время отъ времени находятъ и древнія монеты, кольца, бронзовыя украшенія и осколки стекла. Я тоже нашелъ здѣсь нѣсколько стеклянныхъ осколковъ свѣтлоголубаго и зеленаго цвѣта.

Достойно вниманія, что нынѣшніе обитатели мѣстности не умѣютъ выдѣлывать стекла. Черепки и осколки, попадающіеся не только около Муджи, но и въ другихъ мѣстахъ въ

Восточномъ Туркестанѣ, свидѣтельствуютъ объ упадкѣ мѣстной промышленности. До нѣкоторой степени упадокъ этотъ объясняется измѣненіемъ климатическихъ условій. Всюду, гдѣ климатъ ухудшается, недостатокъ воды и количество безплоднаго песку увеличивается, тамъ и культура идетъ назадъ, и населеніе теряетъ жизненную энергію и убываетъ.

Видъ разбросанныхъ по песку безчисленныхъ черепковъ сначала приводитъ даже въ недоумѣніе: начинаешь копать,—ничего кромѣ песку и пыли, никакихъ признаковъ кипѣвшей здѣсь жизни, кромѣ этихъ черепковъ! Причиной — вѣтеръ. Онъ сметаетъ песокъ и пыль, но оставляетъ на мѣстѣ черепки въ силу ихъ вѣса и формы. Можно предполагать, что вѣтеръ въ теченіе тысячелѣтій сдулъ массу слоевъ песку и пыли, содержавшихъ черепки, благодаря чему послѣдніе и оказались на теперешней поверхности.

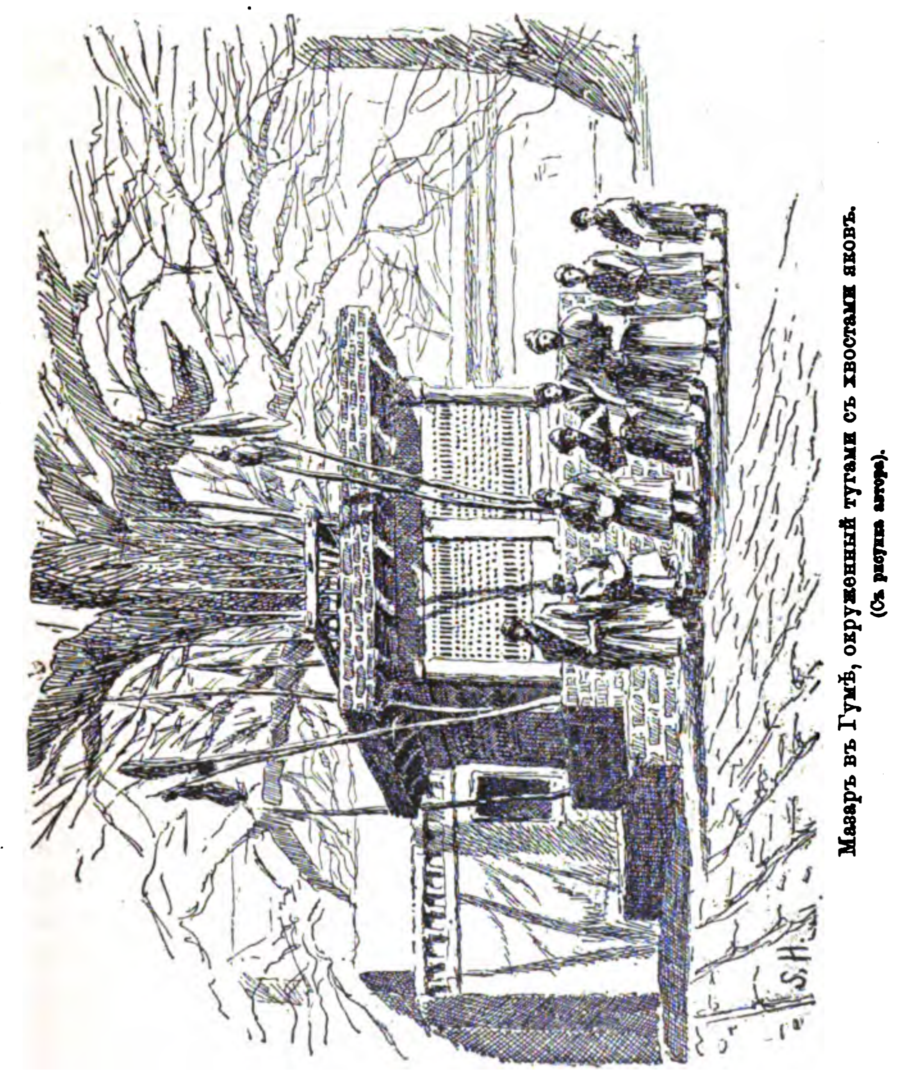
Медленно, но неустанно вѣтеръ нивеллируетъ пустынную мѣстность; туземцы сами замѣчаютъ, что нивелирующая сила вѣтра гораздо сильнѣе, нежели сила воды.

Красные глиняные кувшины, черепки которыхъ попадаются тутъ, представляли, какъ видно, слѣдующія различныя формы: совершенно шарообразныя съ двумя ушками, иногда поставленными горизонтально, иногда вертикально, круглыя съ расширеннымъ горлышкомъ и яицевидныя съ высокимъ узкимъ горлышкомъ. Попадаются здѣсь и черепки толстыхъ мисокъ изъ твердой, словно камень, голубой обожженной глины. Нѣкоторые черепки были покрыты зеленой эмалью. Стеклянные осколки были, какъ видно, остатками небольшихъ бутылокъ и блюдечекъ, а также цвѣтковъ лотоса.

1 января 1896 г. мы отправились въ Зангъ-ую, небольшое селеніе въ 150 дворовъ. Степные участки безпрестанно смѣнялись безплодными, и селенія являлись оазисами. Иногда дорога шла такъ близко около края пустыни, что вдали ясно рисовались очертанія баргановъ. Въ ясную погоду на югѣ виднѣлся даже массивъ хребта Кунь-луня. Отъ Муджи, гдѣ хребетъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ Дуа-тагъ, онъ рисуется вдали въ видѣ голубоватой стѣны, но отъ Зангъ-уи его уже нельзя различить.

Въ жаркое время года, когда то и дѣло подымаются бураны, и воздухъ пропитанъ песчаною пылью, можно проѣхать

весь этотъ путь, не подозрѣвая, что такъ близко, чуть южнѣе, возвышается одинъ изъ самыхъ мощныхъ хребтовъ земли. Марко-Поло, совершившій этотъ путь, ни слова и не говоритъ о хребтѣ.

Мазаръ въ Гумѣ, окруженный тугами съ хвостами яковъ.
(Съ рисунка автора).

Зангъ-уя производитъ пшеницу, маисъ, ячмень, сахарныя дыни и арбузы, виноградъ, персики, яблоки, тутовыя ягоды, лукъ и другую зелень. Всего этого съ избыткомъ хватаетъ для нуждъ мѣстнаго населенія; излишекъ идетъ въ сосѣднія селенія.

2 января. Весь день дулъ свѣжій вѣтеръ съ ONO, и за караваномъ хвостомъ мелась пыль. Воздухъ, впрочемъ, былъ довольно чистъ, и Дуа-тагъ со своими снѣжными полями виднѣлся ясно. Тотчасъ за Зангъ-уей опять начались ровныя пустынныя мѣста, покрытыя степной растительностью, рѣдкими кустиками тамариска, тополями и камышомъ.

Почти на полпути до слѣдующаго селенія возвышается небольшой „лянгаръ", гдѣ какой-то старикъ за крайне ничтожную плату снабжалъ путниковъ водой, доставая ее ведромъ изъ колодца, глубиною въ 25 саженъ.

Селеніе Піяльма, гдѣ мы ночевали, имѣетъ, говорятъ, 200 дворовъ и около 1,000 жителей.

На слѣдующій день такая-же пустынная дорога привела насъ къ одинокому „Акъ-лянгару" (Бѣлый постоялый дворъ), расположенному въ двухъ съ половиной потаяхъ отъ края пустыни. Изрѣдка встрѣчались намъ другія путники, по большей части небольшія партіи купцовъ, ѣхавшихъ изъ Хотана верхомъ, съ небольшимъ багажомъ на сѣдлѣ; попадались и земледѣльцы, направлявшіеся изъ одного оазиса въ другой; иногда они гнали ословъ, нагруженныхъ зерномъ, или зеленью.

Акъ-лянгаръ, какъ и всѣ оазисы, расположенъ на берегу ручейка, направляющагося съ юга на сѣверъ; русло его, однако, содержитъ воду не всегда, а только послѣ продолжительныхъ дождей въ горахъ. Въ остальное время здѣсь пользуются водой изъ колодца, глубиною 38,47 м. Вырытъ онъ въ слояхъ тонкой темножелтой глины съ примѣсью округленныхъ галекъ, самое большее, 5 сант. въ діаметрѣ; гальки эти или изъ твердаго синевато-чернаго мелкозернистаго сланца съ тонкими бѣлыми прожилками, или изъ краснаго и сѣрозеленаго гранита.

Два или три раза въ годъ колодезь чистятъ, такъ какъ глинистыя стѣнки его осыпаются. Одинъ человѣкъ обвязываетъ себѣ вокругъ пояса веревку, его спускаютъ въ колодезь, и онъ вычерпываетъ деревяннымъ ведромъ глину и илъ. Когда ведро наполняется, его вытаскиваютъ посредствомъ ворота. Вычерпанная глина кучами лежитъ вокругъ колодца, который закрывается деревянной крышкой съ подъемной дверцей; крышка защищаетъ колодезь отъ заноса пескомъ.

Температура воды на глубинѣ 38,47 м. равнялась 12,79° при температурѣ воздуха 2,9° (въ 5 ч. пополудни). Вода солоноватая и имѣетъ непріятный привкусъ, такъ что сырую ее пить не станешь, но для заварки чая она годится.

Кстати упомяну здѣсь, что колодезь около Кызыла (между Янги-гиссаромъ и Яркендомъ) имѣетъ 36,3 м. глубины, и что вода въ немъ совершенно прѣсная и постоянно сохраняетъ температуру 15,5°. Туземцевъ-же сбиваетъ съ толку измѣненіе температуры воздуха, и они увѣряютъ, что вода въ колодцѣ лѣтомъ холодная, а зимою теплая.

4 января. Проѣхавъ два „потая", мы попали въ полосу

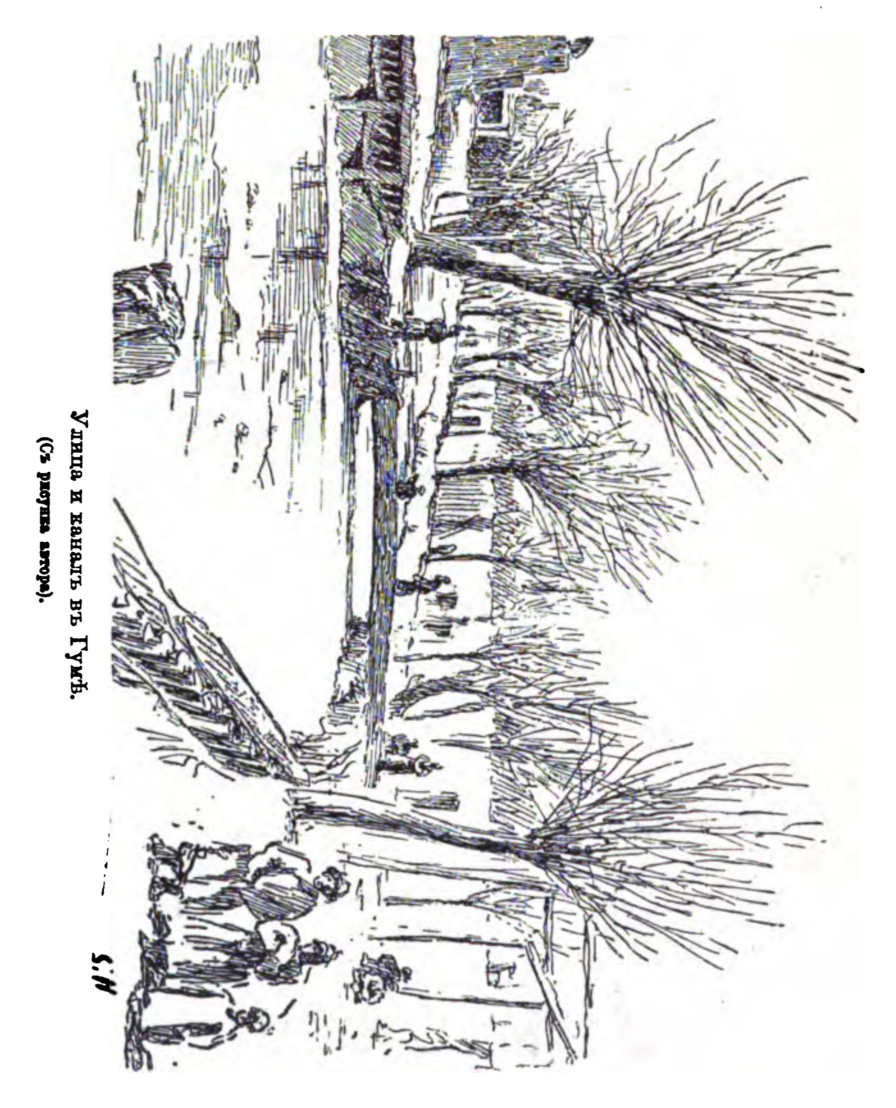
Толпа передъ моимъ караванъ-сараемъ въ Муджи.
(Съ рисунка автора).

песку, нагроможденнаго довольно высокими непрерывными барханами. Посреди этой полосы возвышался глинистый холмъ, на которомъ росло нѣсколько тополей и торчали „туги", обозначавшіе, что тутъ находится мазаръ. Около восточной подошвы холма мы нашли нѣсколько деревянныхъ лачугъ; самая большая изъ нихъ пряталась подъ нависшею деревянной крышей, подпертой четырьмя столбами.

Мазаръ этотъ, одинъ изъ наиболѣе интересныхъ изо всѣхъ видѣнныхъ мною, носитъ названіе, по имени погребеннаго здѣсь святаго, Имамъ Хакиръ, но болѣе извѣстенъ подъ именемъ Кумъ-рабатъ-пашахымъ (постоялый дворъ моего ко-

роля въ пескѣ) или по просту Кептеръ-мазаръ (голубиный мазаръ).

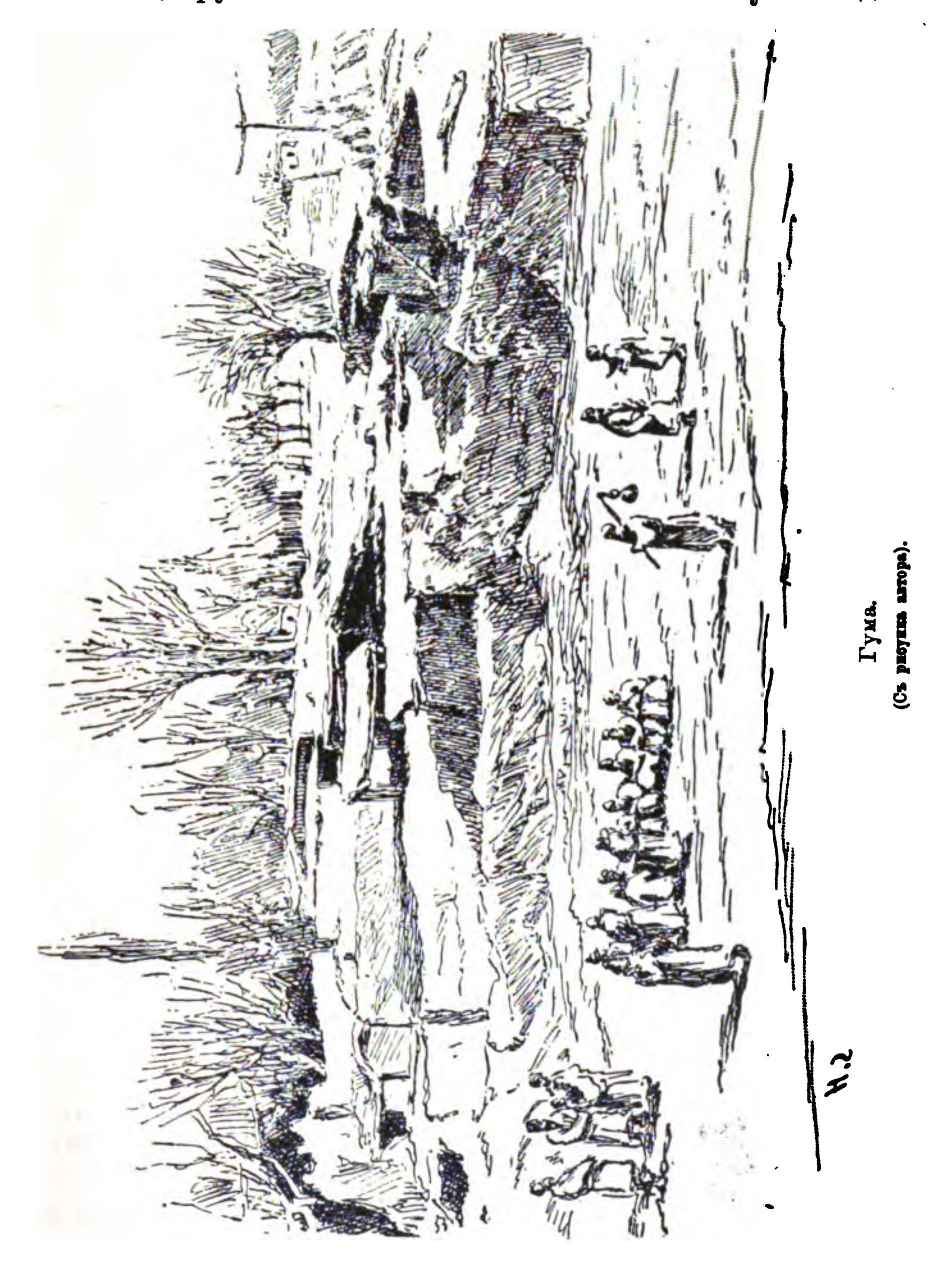
Особенность этого мазара въ томъ, что онъ даетъ кровъ и пропитаніе тысячамъ чудесныхъ голубей, всевозможныхъ

Улица и каналъ въ Гумѣ.
(Съ рисунка автора).

оттѣнковъ оперенія: тутъ и желтые, и сизые, и бѣлые, и бурые, и зеленоватые, и мраморные и пр. Въ „лянгарѣ“ имѣются помѣщенія — съ землянымъ поломъ, загородками и нашестями — предназначенныя и для путниковъ и для голубей вмѣстѣ.

Нѣкоторые изъ голубей сидѣли на яйцахъ или грѣли птенцовъ, другіе стаями влетали и вылетали изъ узкихъ две-

Гума.
(Съ рисунка автора).

рей и слуховыхъ оконъ. На крышѣ и подъ выступами крыши ихъ сидѣло видимо-невидимо. Веселое воркованье не умолкало ни на минуту. Путниковъ голуби ничуть не боятся.

На щипцѣ крыши возвышались шесты, увѣшанные кожанными лоскутьями, вмѣсто пугалъ для хищныхъ птицъ. Сторожъ мазара увѣрялъ, что стоитъ какому нибудь соколу, или другому хищнику обидѣть одну изъ священныхъ птицъ, какъ онъ тотчасъ падаетъ мертвымъ. Сторожъ самъ былъ недавно свидѣтелемъ, какъ соколъ схватилъ голубя, но тотчасъ-же словно какою-то невидимою силою принужденъ былъ выпустить свою добычу, и самъ упалъ мертвымъ.

Здѣсь изстари и установился обычай, что каждый путникъ, заѣзжающій въ „лянгаръ", жертвуетъ голубямъ хоть небольшое количество маисовыхъ зеренъ, что считается вмѣстѣ съ тѣмъ жертвоприношеніемъ самому погребенному здѣсь святому. Запасы зерна все ростутъ, и голубямъ голодать не приходится, но не будь этого обычая, имъ пришлось-бы плохо, такъ какъ въ этой мѣстности ничего не родится, а голуби далеко отъ гнѣздъ не улетаютъ.

Мы тоже захватили съ собой изъ Піяльмы мѣшокъ маиса. Поставили его на дворѣ, я взялъ фарфоровую чашку и, зачерпывая ею зерна изъ мѣшка, разсыпалъ ихъ вокругъ по землѣ. Вотъ поднялось хлопанье крыльевъ и воркованье! Отовсюду слетались новыя и новыя стаи цѣлыми тучами, птицы садились мнѣ на плечи, на голову, клевали и прямо изъ мѣшка и изъ чашки. Я не смѣлъ пошевельнуться, чтобы не наступить на нихъ.

Полюбовавшись съ часокъ этой милой картиной и утоливъ жажду изъ сосѣдняго источника, вода котораго при глубинѣ едва 2 м. имѣла 2.2° тепла, мы продолжали путь по плодородному и густо заселенному тракту Сэва; многочисленныя селенія тракта управляются минъ-баши и 11 онъ-баши. Ночевали мы въ селеніи Милле, гдѣ подъ управленіемъ юзъ-баши проживаетъ 260 семействъ.

V.

Нѣсколько дней въ Хотанѣ.

5 января мы проѣхали послѣдній конецъ пути, отдѣлявшій насъ отъ Хотана. Дорога шла по прелестной тополевой

аллеѣ, 15 м. въ ширину; по обѣимъ сторонамъ тянулись арыки, селенія и пахатныя поля. Мы проѣхали цѣлый рядъ крупныхъ селеній: Кумъ-арыкъ, Шейданъ, Гульбагъ, Акъ-сарай, Чинакла съ мазаромъ въ тѣни 280-лѣтнихъ тополей, Сура, Шума, Буразанъ, Безинъ и Тозанла, пока не достигли воротъ Янги-гиссара (т.е. „Новаго“, китайскаго города), а вскорѣ затѣмъ и главной базарной улицы Хотана.

Хотанскій амбань еще утромъ отправилъ мнѣ на встрѣчу своего толмача вмѣстѣ съ аксакаломъ западно-туркестанскихъ купцовъ. Они проводили насъ въ большое красивое, расположенное въ тихой части города и самое опрятное изъ видѣнныхъ мною въ странѣ жилище съ деревянными перегородками и живописной крышей.

Древнѣйшая исторія Хотана исчезаетъ во мглѣ преданій, восходя къ тому времени, когда бассейнъ Тарима еще не превращался въ песчаную пустыню. Европѣ городъ сталъ извѣстенъ, благодаря Марко-Поло, венеціанскому купцу, который во время своего знаменитаго путешествія по Азіи 625 лѣтъ тому назадъ совершилъ путь изъ Самарканда въ Хотанъ черезъ Яркендъ по той же дорогѣ, по которой мы только что проѣхали. Въ новѣйшее время Хотанъ былъ взятъ Якубъ-бекомъ у прежняго его властителя Ходжи Падишаха. Въ 1878 и 1879 гг. китайцы вновь отвоевали Хотанъ вмѣстѣ со всѣмъ Восточнымъ Туркестаномъ и мирно владѣютъ имъ и до сихъ поръ.

Въ китайской имперіи Хотанъ съ древнихъ временъ игралъ значительную роль, находясь въ тѣсныхъ торговыхъ, хотя и прерывавшихся время отъ времени, сношеніяхъ со столицей „Срединнаго царства“. Главное значеніе города связано съ нахожденіемъ коренныхъ нефритовыхъ мѣсторожденій въ его окрестностяхъ, въ горахъ по берегамъ рѣкъ Кара-каша и Юрунъ-каша; въ размытомъ видѣ нефритъ находятъ въ руслѣ Юрунъ-каша.

Нефритъ (по китайски юй-тянь, по джагатай-тюркски кашъ-ташъ) чрезвычайно цѣнится въ Китаѣ; изъ него дѣлаютъ ларцы, кувшины, чашки, мундштуки для трубокъ, браслеты и проч. Одни изъ Пекинскихъ воротъ такъ и называются „нефритовыми“, такъ какъ черезъ нихъ драгоцѣнный камень ввозится въ городъ.

Въ настоящее время Хотанъ незначительный городъ, вмѣщающій въ своихъ стѣнахъ не больше 5,000 жителей магометанъ и 500 китайцевъ. Главнѣйшіе продукты, кромѣ нефрита, шелкъ, бѣлые войлока, кожи, виноградъ, рисъ и другіе хлѣба, овощи, яблоки, дыни, хлопокъ и др. Вырабатываемые здѣсь бархатные ковры отличаются изумительной красотой и тонкостью работы. Китайцы покрываютъ ими столы въ торжественныхъ случаяхъ; въ западномъ Туркестанѣ ихъ вѣшаютъ на стѣны.

Хотаномъ называется собственно весь оазисъ съ тремя стами селеній. Самый-же городъ зовется обыкновенно Ильчи; кромѣ того, въ оазисѣ еще два города, Кара-кашъ и Юрунъ-кашъ.

Торговое сообщеніе съ Китаемъ поддерживается отчасти по пути вдоль Хотанъ-дарьи черезъ города Акъ-су и Турфанъ; частью черезъ Яркендъ и Маралъ-баши, и весьма рѣдко черезъ Лобъ-норъ. Торговля съ Россіей ведется черезъ Кашгаръ, съ Индіей черезъ Ле въ Ладакѣ. На базарахъ въ Хотанѣ встрѣтишь купцовъ со всѣхъ концовъ Азіи: китайцевъ, афганцевъ, индусовъ, западныхъ туркестанцевъ и даже татаръ изъ Оренбурга.

Девять дней пробыли мы въ Хотанѣ. Мѣстный амбань Лю-даринъ принялъ меня съ истиннымъ радушіемъ, и всякій разъ, какъ я посѣщалъ его ямень, привѣтствовалъ меня троекратнымъ пушечнымъ выстрѣломъ. Мы въ первый-же день обмѣнялись церемоніальными визитами и дарами.

Послѣ перваго знакомства я часто и охотно посѣщалъ Лю-дарина, который оказался, даже по европейскимъ понятіямъ, человѣкомъ честнымъ, здравомыслящимъ и справедливымъ, и между нами возникла настоящая дружба. Это былъ высокій 70-лѣтній старикъ съ рѣшительнымъ выраженіемъ лица, маленькими умными глазами, жидкими бѣлыми усами и маленькой косичкой. Изо всѣхъ азіатовъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться во время моей экспедиціи, я охотнѣе всего вспоминаю Лю-дарина, и съ большимъ удовольствіемъ встрѣтился-бы съ нимъ опять.

Лю-даринъ часто приглашалъ меня къ себѣ и въ это и въ слѣдующее мое пребываніе въ Хотанѣ; не разъ приходилось мнѣ и обѣдать у него въ обществѣ главныхъ чиновни-

Лю-Даринъ, амбань Хотанскій.
(Съ рисунка автора).

ковъ города, причемъ насъ всякій разъ угощали такими деликатессами, которыя одобрилъ-бы любой европейскій гастро-

номъ. На большихъ обѣдахъ, между прочимъ, постоянно подавался супъ изъ ласточкиныхъ гнѣздъ, отличающійся необыкновенно ароматнымъ запахомъ.

Обѣды у Лю-дарина вносили желанное и пріятное разнообразіе въ мое однообразное будничное меню, состоявшее изъ риса, баранины и хлѣба. Вообще, кушанья, которыми угощалъ амбань Хотанскій, были не то, что протухлыя утки и засахаренная ветчина друга нашего дао-тая Кашгарскаго; послѣдній руководился, вѣроятно, здравымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ экономическимъ соображеніемъ: все равно, ѣсть не будутъ, такъ не все-ли равно, что поставить на столъ? У Лю-дарина я, однако, ѣлъ, какъ настоящій китаецъ, и чувствовалъ себя потомъ отлично, не такъ, какъ послѣ обѣдовъ у дао-тая.

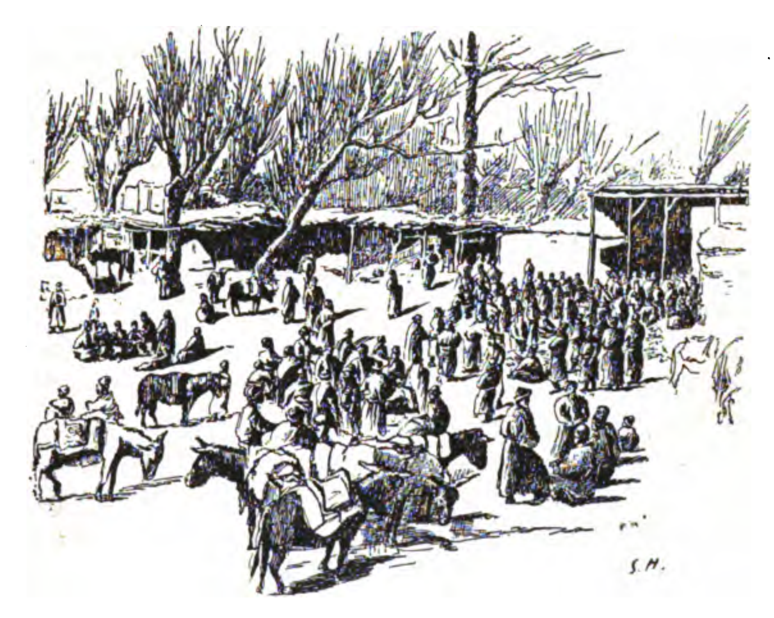
О современномъ Ильчи остается сказать не много. Мѣсто крайне не интересное. Тотъ-же хаосъ жалкихъ ничтожныхъ домишекъ, узкихъ улицъ и переулковъ, какъ и въ Яркендѣ. Семь медрессе, двадцать мечетей и множество мазаровъ, усердно посѣщаемыхъ правовѣрными. Наибольшею славою пользуется мазаръ Алтунъ-Бузуругваръ. Мазары того-же имени находятся также въ Яркендѣ, Акъ-су и Турфанѣ; возведены они, какъ говорятъ, сыновьями Ходжи-Исакъ-и-вели. Могила послѣдняго находится въ Чирѣ и является одной изъ наиболѣе почитаемыхъ въ странѣ. Пилигриммы, отправляющіеся на могилу Имама Джафара Садыка, находящуюся въ пустынѣ, гдѣ теряется въ пескахъ Нія-дарья, всегда сначала заходятъ на могилу Ходжи Исакъ-и-вели. Мечеть Джами отличается очень красивою коллонадою; мечеть Газретъ-и-Султанъ, какъ и большинство современныхъ религіозныхъ памятниковъ, воздвигнута Якубъ-бекомъ.

Базаръ здѣсь, какъ и во всѣхъ магометанскихъ городахъ, средоточіе городской жизни. Въ улицы упирается множество невѣроятно узкихъ, извилистыхъ и грязныхъ переулковъ. Тамъ и сямъ виднѣются и открытыя площади съ прудами, обсаженными деревьями.

Посреди города, какъ разъ около базара, возвышается такъ называемый Кохне-сефидъ-потай (старая бѣлая пирамида) съ развалившимися стѣнами и башней, уцѣлѣвшей отъ „орды“ или ставки Ходжи Падишаха. Съ вершины потая открывается видъ на весь городъ, съ его плоскими четыре-

угольными крышами и дворами, и дальше — на поля, затопленныя водою, похожія на гладкоотполированную шахматную доску, разбитую темными линіями на квадратики. Линіи эти — земляные валы, отдѣляющіе полевые участки одинъ отъ другого. Вдали на самомъ горизонтѣ виднѣется темная линія аллей и садовъ сосѣднихъ селеній.

На недѣлѣ приходится два базарныхъ дня, когда въ городъ съѣзжаются со своими продуктами поселяне изъ окрестныхъ селеній. Въ торговлѣ принимаютъ участіе и женщины, сидящія на базарахъ безъ покрывалъ. Впрочемъ, онѣ лучше-

Базаръ въ Муджи.
(Съ рисунка автора).

бы сдѣлали, завѣсивъ лица, такъ какъ отличаются невѣроятнымъ безобразіемъ и неряшливостью. Но женщина подъ покрываломъ рѣдкое явленіе въ Хотанѣ. Нравственность стоитъ здѣсь на самомъ низкомъ уровнѣ, и заразныя болѣзни весьма распространены.

Въ городѣ проживаютъ до 40 западно-туркестанскихъ купцовъ, вывозящихъ отсюда шерсть, войлока, ковры и др., а ввозящихъ, какъ и афганцы, матеріи и разные колоніальные товары. Табакъ и опіумъ воздѣлываютъ здѣсь въ довольно большомъ количествѣ; производство шелку-сырцу стоитъ на

очень высокой ступени развитія. Шелкъ вывозится въ Индію и западный Туркестанъ, или-же идетъ въ дѣло при выдѣлкѣ мѣстныхъ ковровъ.

Важными предметами вывоза служатъ также кожи и овечья шерсть; онѣ идутъ, главнымъ образомъ, въ западный Туркестанъ через Кашгаръ и Нарынскъ. Старый татаринъ Магометъ Рафиковъ изъ Оренбурга устроилъ здѣсь настоящій кожевенный заводъ. Рафиковъ живетъ въ Хотанѣ уже десять лѣтъ и выстроилъ себѣ хорошенькій домъ около базара, заводъ-же расположенъ около рѣки Юрунъ-кашъ и состоитъ изъ огромнаго навѣса-амбара и небольшого домика русскаго типа.

Старикъ разсказывалъ, что онъ каждый годъ въ февралѣ мѣсяцѣ приказываетъ сносить всѣ эти постройки, какъ будто желая прекратить дѣло и вернуться на родину. Тогда хотанцы начинаютъ торопиться сбыть ему побольше кожъ и отдаютъ товаръ за самую сходную цѣну. Но въ маѣ онъ вновь возводитъ свой заводъ, и такъ въ теченіе 10 лѣтъ. Я выразилъ удивленіе, какъ это хотанцы до сихъ поръ не раскусили такой хитрости, но старикъ возразилъ, что они для этого слишкомъ глупы и лѣнивы.

11 января я предпринялъ экскурсію въ селеніе Кальта-Куматъ (малый песокъ), расположенное въ 2½ потаяхъ къ сѣверо-востоку отъ города. Чтобы попасть туда, пришлось перебраться черезъ рѣку Юрунъ-кашъ и проѣхать городъ того-же наименованія, лежащій всего въ четверти часа ѣзды отъ Ильчи.

За Ташъ-агыломъ (каменное селеніе) начинается пустыня съ рѣдко разбросанными барханами и балками, промытыми горными потоками. Затѣмъ почва становится каменистой, и мы скоро замѣтили, что попали въ старое русло рѣки, по всей вѣроятности, Юрунъ-кашъ, которая нѣкогда протекала здѣсь; рѣка эта, слѣдовательно, въ противоположность общему закону, уклонилась отсюда къ западу.

Это старое русло и является однимъ изъ главнѣйшихъ мѣстонахожденій нефрита. Повсюду виднѣются вырытыя ямы, глубиною метра въ два, шириною въ нѣсколько метровъ и длиною самое большее въ 10 метровъ. Матеріалъ, извлекаемый изъ этихъ ямъ, состоитъ изъ валуновъ, гальки, песку и глины.

Между этими валунами и попадается нефритъ. Мнѣ разсказывали, что нерѣдко искатели нефрита роются по нѣскольку мѣсяцевъ, не находя ничего, а то вдругъ въ теченіе нѣсколькихъ дней добываютъ столько нефрита, что сразу богатѣютъ, или во всякомъ случаѣ дѣлаютъ блестящую аферу.

Цѣны на нефритъ различны, въ зависимости отъ цвѣта, чистоты и цѣльности камня. Желтый, или бѣлый нефритъ съ темно-красными жилками считается рѣдкимъ и дорогимъ; шероховатость камня, называемая „гушъ" (мясо) еще увеличиваетъ его цѣнность. Одноцвѣтный нефритъ, напротивъ, совсѣмъ не въ цѣнѣ. Мнѣ предлагали пару прекрасныхъ камней за 100—140 сэръ (80—112 рублей), но кошелекъ мой былъ слишкомъ тощъ.

Тутъ-же около стараго русла рѣки выросъ небольшой поселокъ изъ деревянныхъ и каменныхъ лачугъ; вода проведена сюда арыкомъ. Вся мѣстность раздѣлена по закону на участки, такъ что каждая яма имѣетъ своего хозяина; такимъ образомъ избѣгаются споры и ссоры изъ-за находокъ. Большинство искателей нефрита китайцы, но и магометане иногда пытаютъ счастье. Порядокъ поддерживается бекомъ.

Пребываніе въ Хотанѣ вышло для меня во всѣхъ отношеніяхъ пріятнымъ. Неудача розысковъ пропавшаго у насъ въ пустынѣ верблюда мало безпокоила меня, такъ какъ всѣ потери по части снаряженія были теперь пополнены. Весь мой багажъ помѣщался въ просторномъ хорошо обставленномъ покоѣ, гдѣ на очагѣ постоянно весело горѣлъ огонь, а въ сосѣднемъ помѣщеніи расположились мои люди.

Изъ Кашгара я взялъ съ собой въ качествѣ секретаря „мирзу" по имени Искандера. Съ его помощью я во время путешествія узнавалъ, записывалъ и переводилъ названія разныхъ мѣстечекъ, рѣкъ, горъ и проч., не только находившихся непосредственно на нашемъ пути, но и далеко за предѣлами его.

На пути между Кашгаромъ и Хотаномъ я такимъ образомъ и нанесъ на мою карту свыше 500 названій, изъ которыхъ другими путешественниками упомянуты лишь главнѣйшія. Въ Хотанѣ мы составили кромѣ того схематическую карту 300 селеній оазиса и расположенія ихъ въ связи съ безчислен-

ными арыками, выведенными изъ Кара-каша и Юрунъ-каша и словно пальцы указывающими на сѣверъ.

Большинство путешественниковъ, совершающихъ свои экспедиціи на курьерскихъ, упускаютъ изъ вида это дѣло, между тѣмъ оно представляетъ большой интересъ и значеніе. Прежде всего собираніе и записываніе названій даетъ отличную практику языка. Восемьсотъ названій, состоящихъ почти сплошь изъ существительныхъ съ прилагательными, напр. „Кара-кашъ“ (черный нефритъ) могутъ доставить порядочный запасъ словъ. Кромѣ того мѣстныя географическія названія всегда характерны и даютъ извѣстное понятіе о продуктахъ или природѣ данной мѣстности. Наконецъ, между 800 такихъ названій найдется всегда нѣсколько, которыя своимъ звукомъ невольно наводятъ мысль на давно прошедшія времена и могутъ натолкнуть на важныя историческія открытія или вопросы.

Въ связи съ этимъ я придаю также большое значеніе самымъ разспросамъ. Личныя наблюденія должны, разумѣется, всегда быть на первомъ планѣ. Но, посѣтивъ, напримѣръ, какое нибудь мѣсто лѣтомъ, путешественникъ не можетъ знать, выпадаетъ-ли здѣсь снѣгъ зимою, или, попавъ туда въ ясный день, не можетъ, не спрашивая у мѣстныхъ жителей, узнать, часто-ли и въ какомъ количествѣ выпадаетъ здѣсь дождь.

Я всегда предлагалъ одни и тѣ-же вопросы въ одномъ и томъ-же порядкѣ: о числѣ жителей, о мѣстныхъ продуктахъ, мазарахъ, мечетяхъ, легендахъ, сѣютъ-ли здѣсь яровые хлѣба, или озимые, или и то и другое, засѣваютъ-ли одно и то-же поле два раза въ годъ, или только разъ или даже черезъ годъ, о торговлѣ, о торговыхъ сношеніяхъ, дорогахъ, разстояніи отъ пустыни и горъ, о количествѣ воды въ рѣкахъ, о времени ихъ замерзанія и вскрытія, о томъ, куда онѣ впадаютъ, о системѣ орошенія и мѣстныхъ запасахъ воды, колодцахъ, о преобладающихъ вѣтрахъ, буранахъ, дождяхъ, снѣгѣ и пр. и пр.

Одинъ вопросъ ведетъ за собой другой. Обыкновенно на разспросы уходило часа два-три, затѣмъ я все записывалъ. Поэтому, въ обитаемыхъ мѣстностяхъ, я рѣдко ложился спать раньше полуночи, когда люди мои давнымъ давно храпѣли. Часто отвѣтъ на какой нибудь изъ моихъ вопросовъ

являлся причиной, что ранѣе составленный мною планъ путешествія совершенно измѣнялся. Я никогда-бы и не отважился

Площадь въ Хотанѣ.
(Съ рисунка Ларсонъ-Пальмэ).

на новый переходъ по пустынѣ, еслибы изъ разспросовъ не убѣдился, что могу сдѣлать это въ полномъ расчетѣ на успѣхъ.

Но, какъ я уже говорилъ, объемъ книги не позволяетъ мнѣ пользоваться здѣсь богатымъ матеріаломъ, собраннымъ мною такимъ путемъ.

Въ подобныхъ занятіяхъ и подготовленіяхъ къ новому большому путешествію черезъ пустыню, девять дней, проведенныхъ мною въ Хотанѣ, промелькнули очень быстро.

VI.

Находки около Буразана.

9 января я предпринялъ изъ Хотана экскурсію за нѣсколько верстъ къ западу, въ селеніе Буразанъ, которое, благодаря находимымъ около него остаткамъ древней культуры, является для археологовъ однимъ изъ интереснѣйшихъ пунктовъ Центральной Азіи. Верхній почвенный слой здѣсь лёссовый, мощностью до 8 м.; подпочва-же каменисто-конгломератовая.

Ручеекъ, питаемый отчасти ключами, размылъ мягкій лёссъ, и русло ручья глубоко врѣзывается въ твердые конгломераты. Весною и лѣтомъ, когда таетъ снѣгъ на сѣверныхъ склонахъ Кунь-луня, ручей раздувается въ значительную горную рѣку, водная масса которой смываетъ и сравниваетъ лёссовыя террасы.

Осенью, когда вода спадаетъ, на мѣстѣ смытыхъ террасъ находятъ разные образчики древняго искусства: издѣлія изъ терракоты, изображенія Будды изъ бронзы, драгоцѣнные камни съ рѣзьбой, монеты и пр. Для жителей Хотана подобныя вещицы, разъ онѣ не изъ благороднаго металла, не имѣютъ никакой цѣны, и они отдаютъ ихъ дѣтямъ, въ игрушки. Но для археолога эти предметы представляютъ большую цѣнность, такъ какъ доказываютъ, что облагороженное вліяніемъ грековъ древне-индійское искусство проникало въ самое сердце Азіи.

Посѣтилъ я Буразанъ, какъ сказано, въ началѣ января. Ручей въ это время сузился въ ничтожную канавку, такъ какъ

ключи, питающіе его, замерзли. Послѣдняя жатва находокъ была уже собрана хотанцами, которыхъ привлекаетъ сюда собственно надежда найти золото, или другія сокровища.

Я нашелъ поэтому лишь весьма незначительное число древнихъ вещицъ. Коллекція, привезенная мною домой и заключающая 523 предмета, не считая монетъ и рукописей, составлена главнымъ образомъ путемъ покупокъ въ Хотанѣ и у мѣстныхъ жителей, которымъ я поручилъ искать для меня древности, пока я путешествовалъ на Лобъ-норъ.

Поводомъ къ тому, что я вообще заинтересовался этой отраслью науки послужило то обстоятельство, что я еще въ Кашгарѣ у консула Петровскаго видѣлъ подобную коллекцію. Онъ составилъ ее изъ вещей, привезенныхъ ему изъ Буразана западно-туркестанскими купцами. Коллекція эта описана

Буразанъ.
(Съ рисунка автора).

вкратцѣ Кизерицкимъ въ „Запискахъ Императорскаго русскаго Археологическаго общества“.

Я позволю себѣ дать здѣсь лишь нѣкоторыя общія свѣдѣнія о своей коллекціи, детальная-же разработка передана компетентному изслѣдователю. Трудъ Кизерицкаго служитъ мнѣ въ данномъ случаѣ исходной точкой, такъ какъ предметы описанія однородны и найдены на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Кромѣ того я пользуюсь превосходнымъ трудомъ Грюнведеля: „Буддійское искусство въ Индіи“.

Во избѣжаніе частыхъ ссылокъ на эти два источника, я и называю ихъ здѣсь оба заранѣе.

Терракотовыя издѣлія, о которыхъ идетъ рѣчь, исполнены съ большимъ искусствомъ изъ тонкой пластичной глины и, видимо, подвергнуты затѣмъ дѣйствію сильнаго огня, судя по

ихъ ярко-красному кирпичному цвѣту и необычайной твердости.

Въ общемъ вещицы эти можно раздѣлить на двѣ группы: памятники искусства натуралистическаго и памятники искусства стилистическаго.

Первая группа, о которой даетъ понятіе рисунокъ на страницѣ 69, вообще говоритъ не очень-то много, а о времени происхожденія самыхъ памятниковъ и вовсе ничего. Она свидѣтельствуетъ только, что прежніе обитатели Буразана, какъ и нынѣшніе обитатели оазиса Хотана, пользовались для верховой и вьючной ѣзды лошадьми и двугорбыми или бактрійскими верблюдами. Дромадеры-же, или одногорбые верблюды были, какъ и теперь, неизвѣстны въ этихъ мѣстахъ. Мы находимъ ихъ только въ Персіи, гдѣ географическая область ихъ распространенія соприкасается съ областью распространенія бактрійскаго верблюда. Изображенія верблюдовъ безъ вьюка и безъ всадниковъ или сѣделъ, конечно, не обозначаютъ, какъ то полагали, дикихъ верблюдовъ. Напротивъ, есть всѣ основанія полагать, что дикіе верблюды, водящіеся нынѣ въ пустынѣ Гоби, къ сѣверу отъ Хотана, одичали въ періодъ, смѣнившій періодъ процвѣтанія области Буразанъ.

Зато одна китайская лѣтопись сообщаетъ, что въ 746 по Р. Х., т. е. въ правленіе династіи Танъ, посланцы изъ Хотана явились къ императору китайскому и привели между прочимъ „дикаго верблюда, быстроногаго, какъ вѣтеръ“.

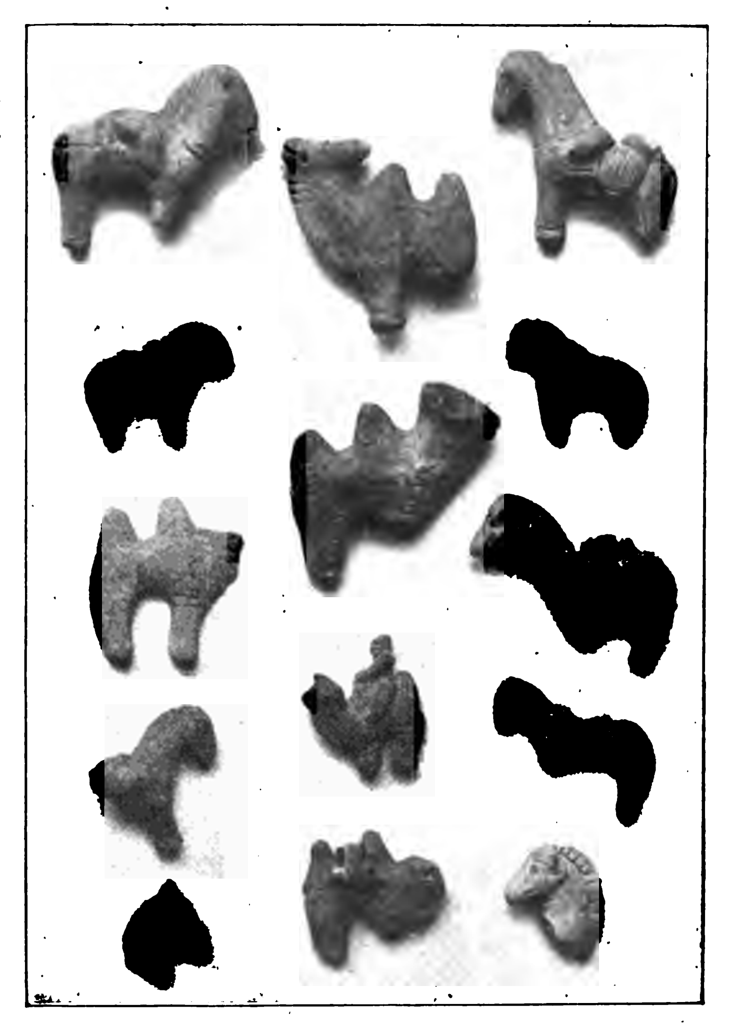
Но въ одномъ отношеніи и эта группа имѣетъ значеніе, такъ какъ говоритъ намъ о происхожденіи людей, выдѣлывавшихъ такія вещицы. Особенное значеніе въ этомъ смыслѣ имѣютъ изображенія людей и обезьянъ.

Внизу на рисункѣ страницы 71, находится изображеніе головы обезьяны, служащей горлышкомъ кувшина; изображеніе это походитъ на Macacus rhesus, встрѣчающуюся въ Индіи и дальше къ югу, вплоть до подошвы Гималаевъ. Въ моей коллекціи до 40 изображеній обезьянъ; нѣкоторыя изображены играющими на гитарахъ.

Еще большій интересъ представляютъ изображенія человѣческихъ головъ, которыя по различнымъ признакамъ, — разъясненіе ихъ завело-бы насъ слишкомъ далеко, — легко отличить отъ головъ Будды. Большинство этихъ головъ

имѣютъ около 5 сантим. высоты и, видимо, являются частями статуэтокъ, изображавшихъ женщинъ, о чемъ говорятъ и черты лица и особенно прическа.

Индусскій типъ бросается въ глаза съ перваго взгляда:

Терракотовыя фигуры верблюдовъ и лошадей (1/3 натуральной величины).
(Съ фотографіи Даллёфа).

миндалевидные глаза, благородный изгибъ бровей, полныя щеки, орлиный носъ, малоразвитой подбородокъ и часто та же самая прическа, что у женскихъ изображеній на рельефахъ Барахаты и Сангіи и на мавзолеѣ-ступѣ Амаравати. Послѣднія

относятся къ эпохѣ царя Ассоки, или эпохѣ персидскаго вліянія, расцвѣтъ которой начался приблизительно около 300 года до Р. Х.

Характерная мужская голова, 12 сантим. въ длину, находящаяся въ серединѣ рисунка на стр. 71, съ длинной, клинообразной, тщательно расчесанной бородой, горизонтально поставленными глазами и большимъ орлинымъ носомъ, представляетъ совсѣмъ иной типъ и поражаетъ сходствомъ съ изображеніями Ахеменидовъ въ развалинахъ Персеполя.

Рѣзкую дисгармонію съ этими отличительными чертами персидскаго типа составляютъ присущія индійскому искусству длинныя уши и знакъ на лбу. Знакъ этотъ или „урна", на изображеніяхъ Будды часто замѣняющійся вставленнымъ въ углубленіе драгоцѣннымъ камнемъ, служилъ, согласно свидѣтельству Грюнведеля, для соединенія бровей, такъ какъ люди со сросшимися бровями считались избранными натурами, богато одаренными духовно. Можно предполагать, что голова эта изображаетъ какого-нибудь персидскаго царя или героя, но является произведеніемъ индійскаго мастера или-же изображаетъ какого-нибудь Буразанскаго вельможу и является произведеніемъ мастера, находившагося подъ вліяніемъ персидскаго искусства.

Фактъ тотъ, что персидское искусство въ эпоху Ахеменидовъ имѣло большое вліяніе на индійскую архитектуру и скульптуру.

Достовѣрно мы не знаемъ, когда именно началась и кончилась политическая связь Персіи съ Индіей, но изъ персидскихъ мидо-скиѳскихъ и вавилонскихъ клинообразныхъ надписей, найденныхъ въ западной Персіи и разобранныхъ Brugsch'емъ мы знаемъ вполнѣ достовѣрно, что въ составъ 23 сатрапій Дарія Гистаспа, царствовавшаго съ 521 по 485 г. до Р. Х., входили и два племени: Гинду, жившее около Инда, и Гандхара, арійское племя, жившее къ югу отъ рѣки Кабула.

Въ началѣ своего царствованія царю Дарію пришлось бороться съ возмутившимися вассалами, но затѣмъ, согласно Геродоту, онъ началъ изслѣдованіе большихъ пространствъ Азіи. Одна изъ посланныхъ имъ экспедицій, подъ начальствомъ Скилака, отплывъ изъ Каріанды по Инду, обогнула

вокругъ Аравійскаго полуострова по Аравійскому морю до Суэзскаго залива.

Терракотовыя головы ($^1/_3$ натуральной величины).
(Съ фотографіи Даллёфа).

Геродотъ сообщаетъ еще, что сакіи или скиѳы и каспіи платили царю ежегодную дань въ 250 серебряныхъ талантовъ. Эти сакіи проживали въ нынѣшней Кашгаріи, гдѣ и по-

нынѣ многія географическія названія, какъ-то Секи, Сокуташъ и др. нѣсколько напоминаютъ о прежнихъ обитателяхъ страны.

Какимъ путемъ вліяніе персидскаго искусства могло проникнуть въ Буразанъ, рѣшить трудно, да и знать относительно не важно. По всей вѣроятности, мѣстность эта имѣла непосредственныя сношенія съ Гандхарой и, кромѣ того, въ древности Мервъ былъ соединенъ черезъ Каратегинъ торговымъ путемъ съ главнымъ городомъ серовъ Хотаномъ.

Изображенія львиныхъ головъ (см. рис. стр. 73), такъ-же какъ и изображенія обезьянъ въ моей коллекціи, носятъ ясные слѣды антропоморфизма. Такимъ образомъ, эти львиныя головы, которыя, судя по ихъ формѣ, служили украшеніемъ кувшиновъ, стоятъ на границѣ между натуралистическимъ и стилистическимъ искусствомъ. Многія изъ нихъ прямо уже примыкаютъ къ послѣднему. Кизерицкій признаетъ въ подобныхъ изображеніяхъ миѳическаго народнаго вавилонскаго героя Издубара; но нельзя и отрицать въ нихъ извѣстнаго сходства съ древне-греческими сатирами.

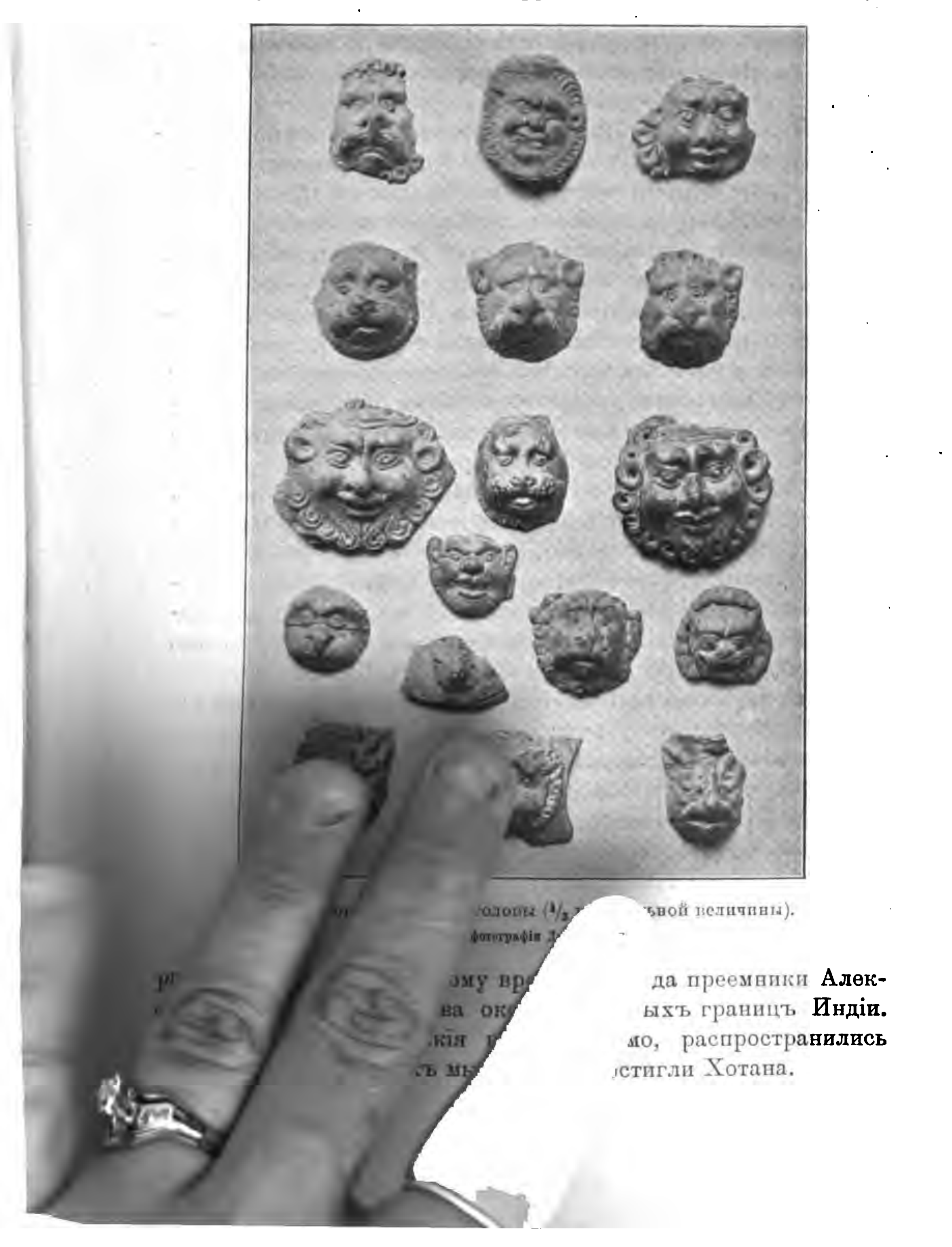
Во второй группѣ особенный интересъ представляютъ изображенія грифовъ (грифоновъ). Въ нихъ мы находимъ формы, развившіяся изъ туземныхъ древне-индійскихъ изображеній „Гаруды", или фантастической птицы, считавшейся конемъ боговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они обнаруживаютъ сходство съ типомъ греческихъ грифовъ, бывшимъ въ употребленіи около 3 вѣка до Р. Х.

Двадцать два года тому назадъ Куртіусъ, опираясь на имѣвшіеся у него въ рукахъ матеріалы, пришелъ къ заключенію, что вліяніе греческаго искусства проникло въ Индію вмѣстѣ съ побѣдоноснымъ шествіемъ Александра Великаго и основаніемъ греческихъ царствъ у границъ Индіи, когда по смерти Александра могущественное царство великаго кедонца распалось (4 и 3 вѣкъ).

Грюнведель различаетъ въ древне-индійскомъ и два главныхъ періода: древній, во время котора дало персидское вліяніе и который начался со вр Ассоки или въ 3 вѣкѣ до Р. Х. (къ этому періоду жатъ знаменитыя находки въ Барахатѣ, Сангіи и и мн. др.) и второй періодъ Гандхара-монаст

греко-буддійскій. Винцентъ Смитъ включаетъ еще въ средину между ними періодъ индо-греческій.

Вѣроятно, издѣлія изъ терракоты, находимыя около Бу-

...олоды ($^1/_2$ ... ьной величины).

фотографія Д...

р... ому вр... да преемники Алек-
... ва ок... ыхъ границъ Индіи.
... кія ... мо, распространились
... ъ мы... стигли Хотана.

Въ Хотанѣ мнѣ посчастливилось пріобрѣсти также нѣсколько литыхъ бронзовыхъ и мѣдныхъ изображеній Будды, найденныхъ въ Буразанѣ и относящихся, безъ сомнѣнія, къ позднѣйшему періоду, когда туземное искусство окончательно освободилось отъ греческаго вліянія. Древность этихъ бронзовыхъ издѣлій, вѣроятно, надо опредѣлить 4 или 5 вѣкомъ по Р. Х.

Рисунокъ на стр. 79, представляетъ нѣсколько чисто индійскихъ бронзовыхъ изображеній Будды, найденныхъ въ Буразанѣ. Особенный интересъ представляетъ предметъ въ формѣ щита. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что здѣсь 7 изображеній Будды, одно наверху и по три съ каждой стороны. Но, какъ древнее, такъ и современное индійское искусство обыкновенно изображаетъ Гаутаму Будду, окруженнымъ семью бодисатвами; здѣсь же, если принять за Будду верхнюю фигуру, послѣднихъ оказывается только шесть; кромѣ того изображеніе Гаутамы бываетъ обыкновенно большихъ размѣровъ, нежели остальныя, слѣдовательно, надо истолковать значеніе данныхъ фигуръ иначе.

„Существо, „сатва“ или свойство котораго есть „боди“, или знаніе, заявляетъ Буддѣ во время исполненія благочестиваго дѣла свое желаніе — стать новымъ воплощеніемъ Будды. И самъ Гаутама Сидхарта, по теоріи буддистовъ, заявилъ такое желаніе старѣйшему Буддѣ и имѣлъ шесть предшественниковъ, каждый изъ которыхъ въ свое время былъ свѣточемъ міра и проповѣдовалъ „Дарму“. Въ силу добрыхъ дѣяній Будды, онъ въ каждомъ новомъ воплощеніи является все болѣе совершеннымъ, высшимъ существомъ до тѣхъ поръ, пока въ небесномъ царствѣ Тушита приметъ еще одинъ человѣческій образъ, чтобы показать грѣшникамъ путь къ спасенію, и затѣмъ самъ погрузится въ Нирвану“ (Грюнведель).

Майтрея, или, какъ называютъ его монголы, Майдари, прекрасный храмъ котораго въ Ургѣ я посѣтилъ годъ тому назадъ, является бодисатвой нынѣшняго вѣка.

Итакъ, Гаутама имѣлъ шесть предшественниковъ или бодисатвъ и долженъ былъ имѣть еще одного преемника, который и будетъ послѣднимъ въ данный міровой періодъ. На бронзовомъ щитѣ мы и видимъ этихъ шестерыхъ предше-

ственниковъ и седьмого — преемника, но самого Гаутамы Сидхарты здѣсь нѣтъ.

Не трудно объяснить это обстоятельство. На изображеніи

Терракотовые грифоны ($^{1}/_{3}$ натуральной величины).
(Съ фотографіи Даллёфа).

имѣется сіяніе, окружающее обыкновенно голову Гаутамы, и это доказываетъ, что на щитѣ имѣлось еще отдѣльное литое изображеніе его самого, которое просто отпало. Безъ сомнѣ-

нія, оно походило на изображеніе, находящееся въ лѣвомъ верхнемъ углу рисунка.

Сіяніе, или колесо со спицами, „среди которыхъ нѣтъ последней“, играло важную роль уже у ведійскихъ аріевъ и позднѣйшими буддистами считалось за символическое изображеніе ихъ религіи. Въ Ригведѣ колесо часто выступаетъ въ поэтическихъ картинахъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ говорится: „Сакра, или богъ грома съ молніей въ рукѣ господствуетъ надъ всѣми людьми, какъ ободокъ колеса надъ спицами“ (Грюнведель). Среднее изъ трехъ отдѣльныхъ верхнихъ изображеній представляетъ Будду съ головой на фонѣ лепестка лотоса, стебелекъ котораго виднѣется подъ ногами Будды. Вѣроятно, здѣсь было семь такихъ лепестковъ, и стебли ихъ соединялись въ одинъ стволъ. Въ такомъ случаѣ уцѣлѣвшее изображеніе представляетъ одного изъ бодисатвъ, и вся группа являлась варіантомъ темы, изображенной на щитѣ.

Хотанъ, въ окрестностяхъ котораго найдены эти древности, самъ очень древній городъ. По санскритски онъ назывался Кустана, и названіе это нельзя считать, какъ то полагали многіе, тождественнымъ съ монгольскимъ словомъ „хотенъ“ — городъ. Китайцы уже во 2 вѣкѣ до Р. Х. называли его Юй-чинъ. Въ Китайской лѣтописи Тай-цзинь-и-тунъ-цзи находится много свѣдѣній о древнемъ Хотанѣ, которыя Abel Rémusat и приводитъ въ своей „Histoire de la ville de Khotan“.

Изъ нихъ мы узнаемъ, что императоръ Ву-ди изъ династіи Хань, царствовавшій въ 140 — 87 г. до Р. Х., былъ первымъ императоромъ, пославшимъ своихъ военноначальниковъ въ Хотанъ, а въ царствованіе императора Минь-ди, городъ былъ подчиненъ китайскому владычеству (въ 73 г. по Р. Х.), и съ тѣхъ поръ оставался въ большей или меньшей зависимости отъ Китая.

Въ цитируемомъ трудѣ найдется много цѣнныхъ свѣдѣній по исторіи Хотана и его обитателей въ теченіе правленія династій Цзинь, Лянъ, Вэй, Чэнь, Суй и Танъ, т. е. отъ 397 г. на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій.

„Это очень богатое, цвѣтущее и густо населенное царство. — Жители ревностные буддисты. — Женщины появляются

въ обществѣ даже въ присутствіи чужеземцевъ. Волосы онѣ носятъ заплетенными въ косы и ѣздятъ на верблюдахъ и лошадяхъ по-мужски. Всѣ жители этой мѣстности имѣютъ впалые глаза и рѣзко очерченный носъ.

„Характера туземцы кроткаго, обходительнаго и веселаго, но также хитры и льстивы и питаютъ страсть къ церемоніямъ. При встрѣчахъ привѣтствуютъ другъ друга, преклоняя одно колѣно. Они употребляютъ печатки изъ нефрита и, получивъ письмо, прикладываютъ его ко лбу, прежде чѣмъ распечатать. Они любятъ повеселиться, поплясать, попѣть, но также свѣдущи въ законахъ и ученіи своей религіи.

Терракотовая посуда изъ Буразана ($^4/_{17}$ натуральной величины).
(Съ фотографіи Даллёфа).

„Мертвыхъ своихъ они сожигаютъ, послѣ чего кости собираютъ и погребаютъ, а на могилѣ воздвигаютъ часовню въ честь Фео-То, т.е. Будды“.

Особенно интересенъ для насъ фактъ, что промышленность хотанцевъ стояла на очень высокомъ уровнѣ развитія. Одно изъ многочисленныхъ посольствъ, посылавшихся изъ Хотана ко двору китайскихъ императоровъ, привезло императору въ числѣ прочихъ даровъ нѣсколько стеклянныхъ вазъ. Я лично не только около Хотана, но и во многихъ мѣстахъ въ Восточномъ Туркестанѣ, находилъ стеклянные осколки тарелокъ, небольшихъ кувшиновъ, чашекъ и украшеній въ формѣ

цвѣтка лотоса. Далѣе лѣтописецъ разсказываетъ, что хотанцы были искусны въ тканьѣ и выдѣлкѣ мѣдныхъ кувшиновъ, и что печатки были у нихъ въ общемъ употребленіи. (Я въ окрестностяхъ Хотана нашелъ десятка два такихъ печатокъ).

Около 400 г. по Р. Х., согласно той же китайской лѣтописи, въ Хотанъ прибылъ китайскій путешественникъ Ши-Фа-Хіанъ, чтобы „изучить начертанія законовъ". Этотъ-то Ши-Фа-Хіанъ и описалъ религіозныя празднества хотанцевъ или „процессіи съ изображеніями боговъ".

„Въ первый день четвертаго мѣсяца въ городѣ начинается всеобщая чистка. Улицы, площади и переулки поливаютъ водой. Городскія ворота убираютъ коврами, надушенными тканями и разными другими украшеніями, и подъ образовавшимся балдахиномъ занимаютъ мѣста князь съ супругой и приближенными женщинами.

„Кью-Ма-ди, верховный лама храма идетъ впереди главной статуи. Когда они приближаются къ городу на разстояніе 3—4 ли, берутъ четырехъ-колесную повозку въ 30 ф. высоты, похожую на обыкновенныя телѣги, украшаютъ ее драгоцѣнностями, лентами, флагами и ставятъ на нее статую между двумя изображеніями Фо-са, окружаютъ ее изображеніями другихъ боговъ, а также множествомъ украшеній изъ золота, серебра и мрамора.

„Когда статуя находится уже въ 100 шагахъ отъ воротъ, князь снимаетъ съ себя свой вѣнецъ, накидываетъ на себя новую мантію, выходитъ босикомъ изъ города и направляется на встрѣчу изображеніямъ, держа въ рукахъ цвѣты и благовонія. Приблизившись къ статуѣ, онъ бросается ницъ передъ нею и кладетъ къ ея подножію благовонія и цвѣты.

„Когда повозка со статуей приближается къ городскимъ воротамъ, гдѣ возсѣдаетъ супруга властителя со своими женщинами, онѣ всѣ начинаютъ осыпать статую и повозку цвѣтами. Повозокъ столько-же, сколько храмовъ, т. е. 14, и для каждой процессіи отводится особый день, такъ что первая процессія приходится на первый день четвертаго мѣсяца, а послѣдняя на четырнадцатый. По окончаніи процессіи, князь съ супругой возвращаются во дворецъ.

„Въ 7 или 8 ли отъ города находится монастырь, именуемый Новымъ княжескимъ храмомъ. Строили его 80 лѣтъ

и цѣлыхъ 3 князя посвятили ему свои заботы. Высота его равняется 250 ф.; онъ изукрашенъ живописью и надписями, вырѣзанными на металлѣ, а также золотомъ, серебромъ и

Бронзовыя изображенія Будды, найденныя въ Буразанѣ ($^2/_3$ натуральной величины).
(Съ фотографіи Даллёфа).

разною драгоцѣнною рѣзьбой. Храмъ вѣнчаетъ башня; Буддѣ посвящена особая молельня; балки ея украшены драгоцѣннѣйшею рѣзьбой, колонны, двери, окна и ставни обиты зо-

лотыми листами. Для жрецовъ возведены особыя кельи, тоже очень красивыя и богато украшенныя."

Такимъ образомъ, изъ китайской лѣтописи мы узнаемъ, что Хотанъ еще въ 400 году былъ богатымъ городомъ, гдѣ процвѣталъ буддизмъ.

Въ другомъ мѣстѣ въ лѣтописи говорится, что вокругъ города расположено множество храмовъ и башенъ со жрецами и жрицами. Обиліе изображеній Будды, находимыхъ въ лёссѣ около Буразана, подтверждаетъ вѣрность сообщеній китайской лѣтописи. Безъ сомнѣнія, Буразанъ, по индусски Барасана, въ теченіе вѣковъ являлся однимъ изъ центровъ буддизма, наиболѣе посѣщаемымъ паломниками. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и находимыя здѣсь терракотовыя изображенія, 700 лѣтней древности, относящіяся къ періоду, когда Хотанъ еще не находился въ зависимости отъ Китая.

Но позже 400 года городъ въ теченіе столѣтій все падалъ и падалъ. Лѣтопись говоритъ еще о посланникахъ хотанскихъ властителей къ китайскимъ императорамъ, но уже не упоминаетъ о блестящихъ религіозныхъ празднествахъ.

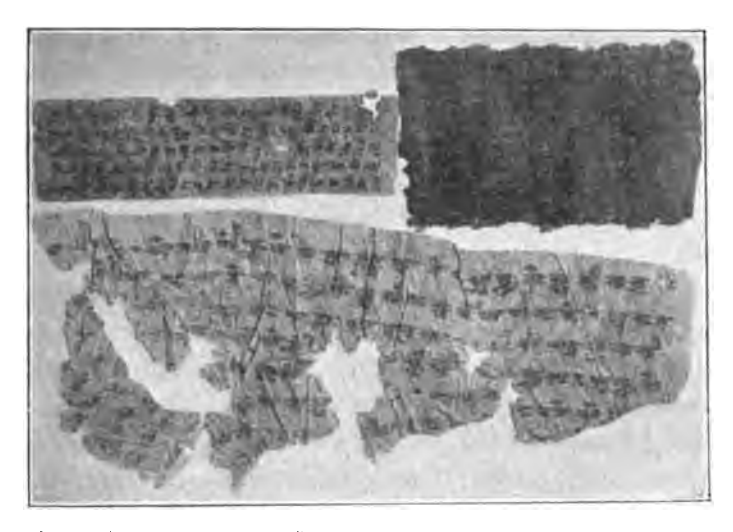
Къ 632 году относится легенда объ одномъ изображеніи Будды, находившемся въ городѣ Пи-мѣ (можетъ быть нынѣшняя „Піальма"), къ западу отъ Хотана. Статуя эта, изъ сандальнаго дерева, имѣла 20 ф. высоты, отличалась чудодѣйственными свойствами и испускала сіяніе. Еще въ древнія времена она была привезена въ лежащій къ сѣверу отъ Пи-мы городъ Хо-ляо-ло-кія, богатые жители котораго предавались веселой жизни и пренебрегали святыней.

Въ городъ прибылъ раханъ или ученый, чтобы поклониться святынѣ. Жители города разгнѣвались на него за это и закопали его въ песокъ по самый ротъ. Одинъ благочестивый человѣкъ, который тоже почиталъ статую Будды, однако, тайкомъ приносилъ закопанному ученому пищу. Когда раганъ, наконецъ, освободился и собрался въ обратный путь, онъ сказалъ своему избавителю: „Черезъ семь дней пойдетъ дождь изъ песку и земли и погребетъ весь этотъ городъ, такъ что кромѣ тебя никто не спасется".

Раханъ скрылся. Избавитель его предостерегъ своихъ родственниковъ, но всѣ только осмѣяли его. Тогда онъ самъ укрылся въ одной пещерѣ, и на седьмыя сутки послѣ полуночи

пошелъ дождь изъ песку, который засыпалъ весь городъ. Когда дождь кончился, человѣкъ этотъ вышелъ изъ пещеры и отправился въ Пи-му. Но статуя Будды была тамъ уже раньше его.

Для сравненія съ современными легендами о пустынѣ Такла-маканъ и погребенныхъ подъ ея песками городахъ, приведу заключительныя слова легенды объ этомъ злополучномъ городѣ Хо-ляо-ло-кія. „Теперь онъ сталъ огромнымъ песчанымъ холмомъ. Властители разныхъ странъ часто увлекались желаніемъ отрыть сокровища города, но при каждой

Древнія рукописи, найденныя въ окрестностяхъ Хотана (1/4 натуральной величины).
(Съ фотографіи Даллёфа).

попыткѣ подымался жесточайшій вѣтеръ, песокъ свивался въ смерчи, дорогу заметало, и работники сбивались съ пути“.

Мнѣ одинъ хотанецъ разсказывалъ, что онъ однажды нашелъ въ пустынѣ погребенный городъ, въ домахъ котораго видѣлъ трупы людей въ такомъ положеніи, въ какомъ застигла ихъ смерть; по его разсказамъ выходило, что они были засыпаны пескомъ, какъ жители Помпеи пепломъ. Довольно замѣчательно это общее убѣжденіе мѣстныхъ жителей, что города были засыпаны пескомъ внезапно и даже въ теченіе всего нѣсколькихъ минутъ.

Въ томъ, что легенды и преданія эти имѣютъ реальную подкладку, я имѣлъ случай убѣдиться, открывъ два погребенныхъ въ пустынѣ Такла-маканъ древнихъ буддистскихъ города. Можно, однако, быть увѣреннымъ, что надвиженіе песковъ не было дѣломъ мгновенья, но совершалось въ теченіе десятковъ тысячелѣтій.

Къ тому-же 632 году восходятъ свѣдѣнія, что жители Хотана имѣли свои лѣтописи и что ихъ письменность, законы и литература были заимствованы изъ Индіи. Указаніе это получаетъ значеніе, если поставить его въ связь съ найденными мною древними рукописями, которыя оказались не индійскими; древность же ихъ надо исчислить по крайней мѣрѣ 13-ью вѣками.

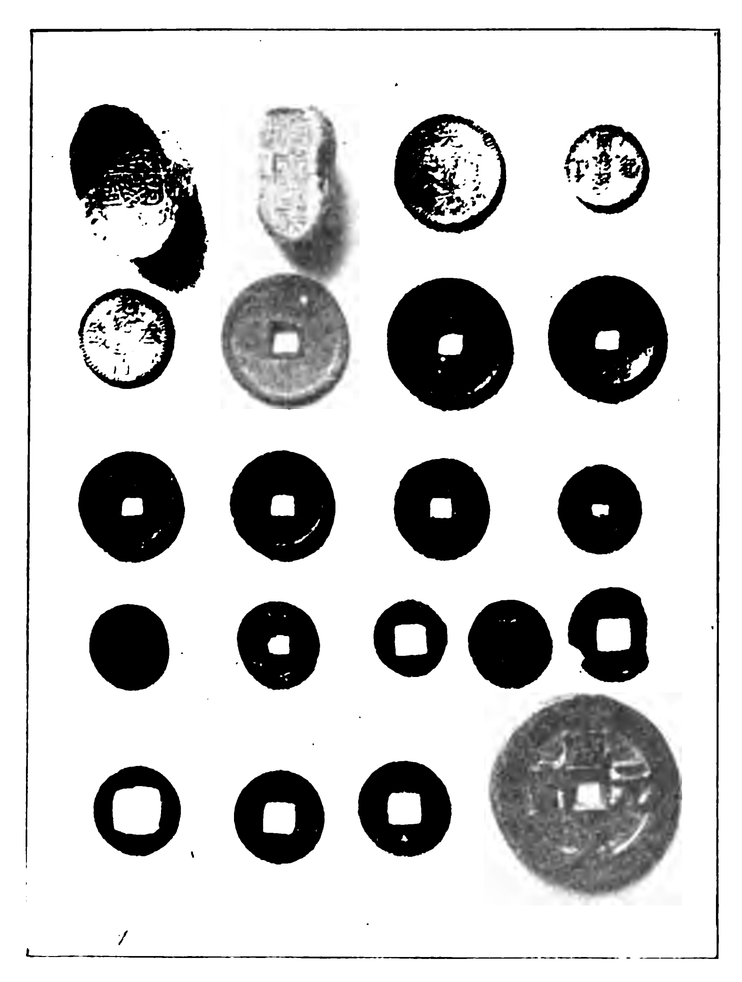
Несмотря на ограниченность мѣста, я не могу не привести еще одного сообщенія того-же китайца-путешественника, который въ шестой годъ царствованія императора Тай-Цзунга изъ династіи Танъ, или въ 632 г., отправился изъ Хотана на Лобъ-норъ.

Онъ сообщаетъ, что всѣ путешествующіе по этому пути, чтобы не заблудиться и не попасть въ болото, направляются черезъ городъ Ни-янъ (т. е. Нію), лежащій на границѣ страны Кью-са-танъ-насъ, Хіо-танъ или Хо-танъ. Наименованіе Хотанъ употребляется въ китайскихъ лѣтописяхъ здѣсь впервые. Но замѣчательнѣе всего, что китайскій путешественникъ зналъ Нію, городъ, о которомъ Марко Поло даже не упоминаетъ 600 годами позже. Между тѣмъ описаніе самаго города и его мѣстоположенія, сдѣланное китайцемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности и нынѣ, 600 лѣтъ спустя послѣ путешествія Марко Поло. Что-же до описываемаго послѣднимъ города Пена, который находился въ той-же мѣстности, то его мѣстоположенія нельзя установить теперь.

Затѣмъ въ лѣтописи говорится: „Если направиться къ востоку оттуда (т. е. отъ Ни-яна), то очутишься въ области глубокаго летучаго песку, называемаго такъ потому, что онъ передвигается по волѣ вѣтра и образуетъ волнистые холмы. Слѣды путешественниковъ заметаются такъ, что многіе сбиваются съ пути въ этихъ необозримыхъ пространствахъ и бродятъ, не встрѣчая ничего, никакой примѣты, которая моглабы указать направленіе; вернуть на настоящій путь; путники,

наконецъ, изнемогаютъ и погибаютъ, о чемъ свидѣтельствуютъ во многихъ мѣстахъ кучи костей.

„Здѣсь нѣтъ ни воды, ни растительности, но часто подымается горячій вѣтеръ, который захватываетъ дыханье людямъ,

Древнія и новыя китайскія серебряныя и мѣдныя монеты ($^1/_2$ натуральной величины).
(Съ фотографіи Даллёфа).

лошадямъ и животнымъ, и часто приноситъ съ собой заболѣванія. Почти постоянно слышится то рѣзкій свистъ, то громкій крикъ, но, когда начинаютъ доискиваться причины этихъ звуковъ, то къ ужасу своему не находятъ ея. Часто случается

также, что люди пропадаютъ тутъ безслѣдно, такъ какъ мѣстность эта полна злыхъ духовъ.

„Сдѣлавъ 400 ли, попадаешь въ древнее царство Ту-хо-ло. Давно уже эта страна превратилась въ пустыню. Всѣ города ея лежатъ въ развалинахъ, и поросли сорной травой".

Описаніе пустыни Лобъ, сдѣланное Марко-Поло, такъ схоже съ описаніемъ китайскаго путешественника, что невольно готовъ заподозрить венеціанца въ заимствованіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ крайне интересно узнать, что уже 1250 лѣтъ тому назадъ область къ востоку отъ Ніи была такою-же пустынею, какъ теперь.

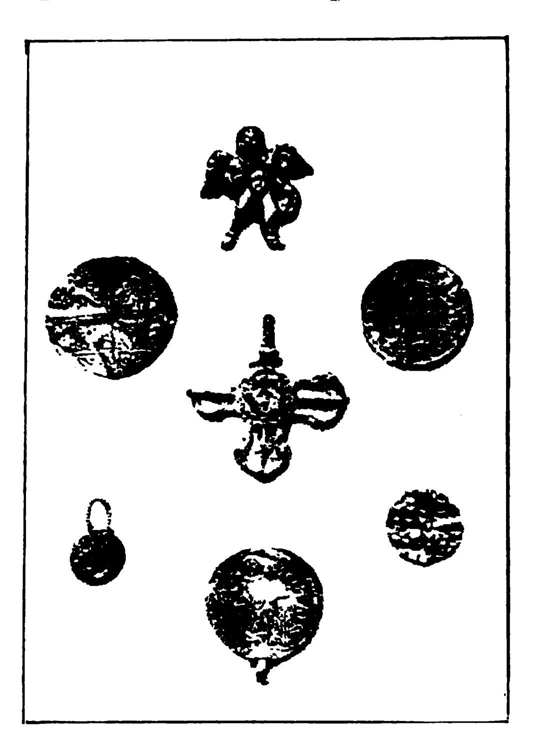
Что-же касается до древняго царства Ту-хо-ло съ его погребенными городами, я ограничусь здѣсь упоминаніемъ, что Ту-хо-ло тождественно съ Тухари, измѣнившимся въ Ту-хо-ло, согласно законамъ китайской транскрипціи, и что это названіе народа, жившаго до 157 г. до Р. Х. около Булюнгыръ-гола, а затѣмъ перекочевавшаго въ западный Туркестанъ, гдѣ названіе Тохаристанъ и до нынѣ напоминаетъ о его древнихъ обитателяхъ.

Затѣмъ, надо упомянуть, что наименованіе Ту-хо-ло, безъ сомнѣнія, тождественно съ именемъ Такла, и что открытыя мною мѣста, которыя, какъ и вся пустыня, называются туземцами Такла-маканъ, навѣрно, принадлежали къ древнему царству Ту-хо-ло. Наконецъ, небольшое селеніе Токла около Хотана, куда жители древнихъ городовъ переселились, когда песокъ началъ надвигаться, напоминаетъ, по крайней мѣрѣ, своимъ названіемъ, о нѣкогда мощномъ народѣ, который, согласно Клапроту и Вивіану де С. Мартину, былъ тибетскаго происхожденія.

Послѣ 632 года китайской лѣтописи уже нечего разсказывать о культѣ Будды. Но 1094—1097 г. г. отмѣчены въ ней сообщеніемъ, что обитатели Хотана, арабы, римляне и др. правильно посылали дань императору. Арабы давно уже владѣли городомъ. Въ 712 г. одинъ изъ арабскихъ вождей Кутейба-ибнъ-муслимъ взялъ приступомъ Коканъ въ западномъ Туркестанѣ, затѣмъ завоевалъ весь Восточный Туркестанъ и распространилъ тамъ исламъ.

Около могилъ святыхъ имамовъ находятъ рукописи, такъ называемыя „тезкере", содержащія изложеніе этихъ событій.

Мнѣ посчастливилось добыть одну такую „тезкере“ около могилы или мазара Имама Джафара Садыка, находящагося къ сѣверу отъ Ніи. Арабамъ пришлось воевать цѣлыхъ 25 лѣтъ, прежде чѣмъ имъ удалось навязать жителямъ оазиса Хотанъ новую религію. Можетъ быть, тогда-же арабы и сравняли съ землей величественный храмъ, описанный въ 400 г. до Р. Х., такъ какъ магометане не терпятъ языческихъ храмовъ. Если-же что и уцѣлѣло отъ разрушенія арабами, то навѣрное постарались разрушить до основанія монголы, завоевавшіе городъ подъ предводительствомъ Чингисъ-хана въ 1220 г.

Монеты и серафимъ изъ золота и мѣдный крестикъ, пріобрѣтенные въ Хотанѣ ($^{16}/_{17}$ натуральной величины).
(Съ фотографіи Даллефа).

Какъ-бы то ни было, достовѣрно то, что въ настоящее время въ Хотанѣ не осталось и слѣда древнихъ архитектурныхъ памятниковъ. Ихъ, повидимому, не существовало уже и во времена Марко-Поло. Венеціанскій путешественникъ посѣтилъ городъ въ 1274 г. и говоритъ о немъ лишь слѣдующее: „жители города подвластны великому хану (т. е. Хубилай-хану) и исповѣдуютъ религію Магомета. Въ странѣ множество городовъ и селеній, но главный городъ Готанъ самый великолѣпный изъ всѣхъ и по имени его называется и все царство. Въ этомъ городѣ можно получить въ изобиліи всякіе продукты, даже хлопокъ. Жители имѣютъ виноградники, сады и пахатныя поля. Живутъ торговлею и промышленностью, но не воинственны“.

Это краткое описаніе знаменитаго венеціанца и нынѣ

еще согласуется съ дѣйствительностью; разница лишь въ томъ, что нынѣ Хотанъ подвластенъ императору Китайскому.

Марко Поло сообщаетъ, что въ Кашгарѣ и Яркендѣ нашелъ христіанъ — несторіанцевъ и якобитовъ, „которые имѣли свои храмы“, говоря-же о Хотанѣ, онъ не упоминаетъ о христіанахъ. Поэтому пріобрѣтенная мною въ Хотанѣ древняя медаль является въ высшей степени интересною находкой. Медаль эта свидѣтельствуетъ, что христіанскіе миссіонеры заходили въ древнія времена и сюда. Она, вѣроятно, служила орденскимъ знакомъ какого нибудь католическаго братства. На одной сторонѣ медали изображеніе монаха, съ сіяньемъ вокругъ головы, молящагося передъ распятіемъ; вокругъ идетъ надпись S. Andrea Avelin. На другой сторонѣ изображеніе святой Ирины также съ вѣнчикомъ вокругъ головы; въ рукахъ-же у нея пальмовая или лавровая вѣтвь. Съ помощью надписей опредѣлить древность медали окажется вѣроятно не труднымъ для спеціалистовъ.

Я нашелъ въ Хотанѣ и другія эмблемы христіанства: миніатюрнаго серафима изъ золота и мѣдный крестъ. Въ коллекцію мою входятъ также нѣсколько византійскихъ золотыхъ монетъ.

Такимъ образомъ этотъ древнѣйшій городъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ три міровыя религіи, смѣнявшія одна другую. Побѣдитъ-ли когда нибудь здѣсь крестъ луну, какъ эта послѣдняя въ свое время побѣдила священный лотосъ Гаутамы Будды?

VII

Еще разъ черезъ Такла-маканъ.—Помпея въ пустынѣ.

11 января 1896 г. я оставилъ Хотанъ съ небольшимъ, тщательно подобраннымъ караваномъ, состоявшимъ изъ 4 людей и 3 верблюдовъ. Кромѣ того я взялъ съ собою двухъ ословъ, чтобы испытать ихъ пригодность для форсированнаго перехода по пустынѣ. Спутниками моими были: Исламъ-бай,

Керимъ-Джанъ, тоже Ошскій уроженецъ, и два охотника Ахметъ Мергенъ и сынъ его Касимъ-ахунъ, которые помогали намъ въ розыскахъ послѣ крушенія въ пустынѣ нашего перваго каравана.

Наученные опытомъ перваго тяжелаго перехода, мы теперь знали, что снаряженіе экспедиціи должно быть по возможности несложнымъ и легкимъ. Поэтому мы на этотъ разъ взяли съ собой лишь самое необходимое, что все и составило три легкихъ вьюка для нашихъ трехъ отличныхъ верблюдовъ-самцовъ. Такимъ образомъ, еслибы намъ опять пришлось бросить караванъ на произволъ судьбы, потеря была-бы не такъ чувствительна.

Главные наши пожитки и большую часть запаса китайскаго серебра мы оставили въ домѣ аксакала въ Хотанѣ, куда должны были рано или поздно вернуться. Провіанту мы взяли всего на пятьдесятъ дней, экспедиція наша между тѣмъ продолжалась четыре съ половиной мѣсяца, и мы немалое время должны были питаться чѣмъ пришлось изъ мѣстныхъ продуктовъ.

Христіанскія бронзовыя медали изъ Хотана (натуральной величины)

(Съ фотографіи Даллёфа).

Намѣреніемъ моимъ было изслѣдовать Мазаръ-тагъ Пржевальскаго, затѣмъ отправиться къ востоку черезъ пустыню къ Керіи-дарьѣ и посѣтить по пути развалины древняго города, о которомъ мнѣ разсказывали въ Хотанѣ. Обратный путь я расчитывалъ сдѣлать, направившись къ югу по руслу Керіи-дарьи, и затѣмъ черезъ городъ Керію вернуться въ Хотанъ. Этотъ первоначальный скромный планъ разросся, однако, не на шутку, и вышла крупная экспедиція, богатая неожиданными важными открытіями, какъ читатель узнаетъ изъ слѣдующихъ главъ.

Худо было лишь то, что я не захватилъ съ собой китайскаго паспорта и разъ чуть было не попалъ изъ-за этого въ большую бѣду; но и это приключеніе окончилось благопо-

лучно. Составляя свой планъ, я и не помышлялъ, что намъ придется придти въ столкновеніе съ китайскими мандаринами.

Для моихъ вещей и инструментовъ понадобился одинъ ягданъ, для кухонныхъ принадлежностей другой; кромѣ того понадобилось нѣсколько переметныхъ сумъ для муки, хлѣба, риса, сушеной зелени, макаронъ, котловъ и кастрюль, сахару, чая, свѣчей, фонарей и пр. Наконецъ, мы взяли съ собой шубы и большой спальный мѣшокъ изъ козьяго мѣха, нѣсколько войлоковъ, два топора, двѣ лопаты, заступъ, оружіе и боевые припасы.

Такіе предметы, какъ палатка и кровать, были сочтены излишней роскошью. Я спалъ, какъ и мои люди, въ продолженіе всего путешествія, завернувшись въ шубы, прямо на землѣ, даже зимою при 22° мороза. Въ топливѣ не предвидѣлось недостатка, да и весна была не за горами.

Мой новый другъ Лю-даринъ полагалъ, что трехъ верблюдовъ было мало, и хотѣлъ на свой счетъ подкрѣпить караванъ еще двумя верблюдами и двумя людьми. Но я пуще всего-то и опасался обременить себя слишкомъ большимъ караваномъ и постарался отговорить его.

Лю-даринъ удовлетворился тѣмъ, что отправился впередъ насъ въ лежавшее на нашемъ пути селеніе Хазретъ-Султанъ, гдѣ и велѣлъ разбить большую красную палатку, открытую со стороны дороги; защитой отъ солнца служила выдающаяся крыша. Внутри палатка была убрана на китайскій манеръ стульями и столомъ и вся задрапирована красной матеріей.

На виду огромной массы народа мы побесѣдовали здѣсь часокъ, покурили, напились чаю и разстались. Я сѣлъ на своего отличнаго верховаго верблюда, и подъ звонъ колокольчиковъ мы продолжали путь къ сѣверу, слѣдуя по лѣвому берегу рѣки Юрунъ-кашъ. Въ теченіе четырехъ дней мы ѣхали по пустыннымъ мѣстамъ, прорѣзаннымъ лѣсными участками, пока не добрались до Исламъ-абада, послѣдняго населеннаго пункта на этомъ берегу; здѣсь мы перебрались черезъ рѣку по крѣпкому льду.

Въ ближайшемъ расположенномъ на правомъ берегу селеніи Тавекъ-кэль мы дали верблюдамъ отдохнуть день и сдѣлали послѣднія приготовленія къ экспедиціи. Передъ нами простиралась къ востоку полоса безплоднаго песку, шириною

вдвое уже, нежели пройденная нами въ прошломъ году, отъ послѣдняго озера до русла Хотанъ-дарьи, и притомъ куда менѣе опасная. Мы знали, что песокъ здѣсь не образовывалъ такихъ мощныхъ толщъ, что всюду можно было дорыться до грунтовой воды и что тамъ и сямъ должны были попадаться и кусты тамариска и тополи.

Въ селеніи мы наняли двухъ проводниковъ, которые много разъ бывали на развалинахъ погребеннаго въ пескахъ города, ища тамъ золота и другихъ сокровищъ.

19 января мы покинули рѣку и направились прямо на востокъ, между барханами. Первые дни барханы были совсѣмъ ничтожные, всего въ 2—3 метра высоты; рѣдкая растительность также еще не прекращалась. На третій день высота

Базаръ въ Тавекъ-кэлѣ.
(Съ рисунка автора).

бархановъ достигала уже 5—10 метр.; сами барханы образовывали цѣлую сѣть грядъ, расходящихся къ востоку и къ западу, къ сѣверу и югу; крупные склоны были обращены къ западу, къ югу и юго западу; скрещивающіеся барханы образовывали пирамидальныя нагроможденія.

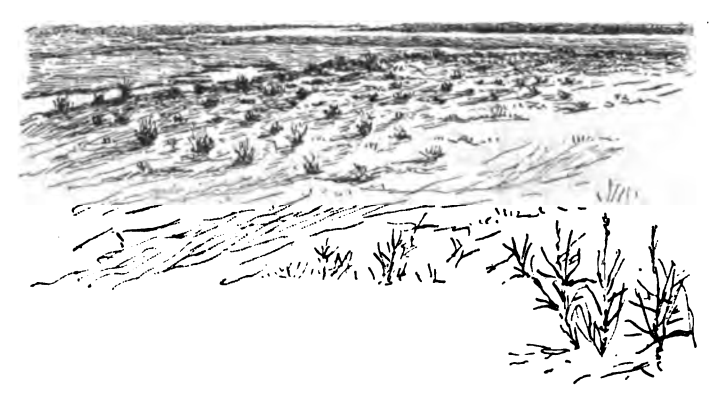
Мы шли обыкновенно не больше 5—6 часовъ въ день, чтобы не переутомить животныхъ. Расположившись лагеремъ мы принимались за обычныя занятія: двое изъ людей рыли колодезь, двое другихъ выкапывали корни тамариска для костра, Исламъ-бай готовилъ мнѣ обѣдъ, а Керимъ-Джанъ разъвьючивалъ и убиралъ верблюдовъ.

Я самъ усаживался въ шубѣ и валенкахъ на войлочномъ коврѣ и дѣлалъ замѣтки, набрасывалъ эскизы, измѣрялъ углы

паденія бархановъ, высоту ихъ, направленіе и пр., а затѣмъ направлялся къ колодцу, который къ тому времени почти всегда былъ уже вырытъ.

Въ первые дни мы находили воду на глубинѣ 2,41, 1,81 и 1,67. м.; температура-же воды равнялась 9—12°. Почва оказывалась промерзшей на 22 сантим. въ глубину. Вода въ колодцахъ на глубинѣ 1,67 м. была совершенно прѣсною какъ рѣчная. Замѣчательно, что и здѣсь, какъ въ области Яркендъ и Угенъ-дарьи, чѣмъ ближе къ самой рѣкѣ копали мы колодезь, тѣмъ солонѣе оказывалась въ немъ вода.

Скоро мы привыкли распознавать, стоитъ копать на данномъ мѣстѣ колодезь или нѣтъ. Если по близости растетъ

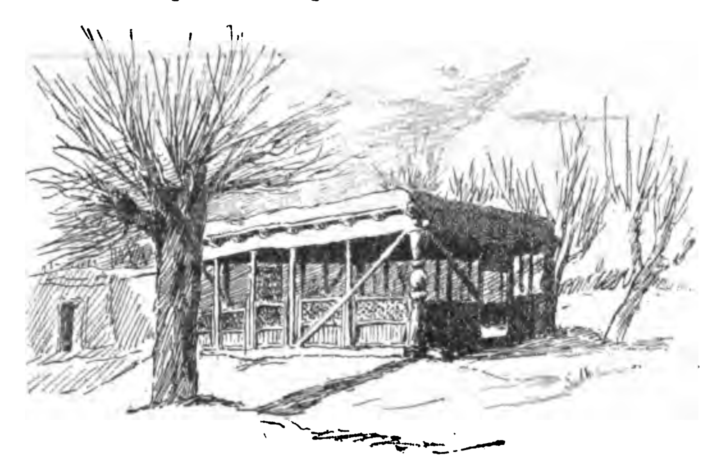
Рѣка Юрунъ-кашъ (Хотанъ-дарья) около селенія Исламъ-абадъ; видъ на западъ.
(Съ рисунка автора).

свѣжій тамарискъ (юлгунъ) или тополь (тогракъ) и верхній слой чисто песчаный, влажный почти до самой поверхности, можно быть увѣреннымъ, что прѣсная вода покажется приблизительно на глубинѣ 2 метр. Мы только на такихъ мѣстахъ и разбивали лагерь, поэтому къ концу дневного перехода я всегда высылалъ впередъ кого нибудь изъ людей отыскать наиболѣе подходящее мѣсто для стоянки.

Мало по малу нагроможденія песку становились все выше, а самая мѣстность все пустыннѣе. 22 января высота бархановъ достигла 12 метровъ. Въ этой части пустыни Такла-маканъ мы нашли такія-же песчаныя образованія, какъ и въ западной части: мощныя гряды бархановъ, тянущіяся къ сѣверу или

югу и, такимъ образомъ, параллельныя обѣимъ рѣкамъ Хотанъ-и Керіи-дарьѣ.

Во впадинахъ между барханами мы обыкновенно находили кусты тамариска, тоже идущіе рядами съ сѣвера къ югу и отмѣчающіе мѣста, гдѣ грунтовая вода стоитъ ближе къ поверхности. Такъ называемые по туземному „даваны“ или перевалы открывались въ зависимости отъ измѣненія нашего кругозора. Подымаясь на пологій западный склонъ давана, мы видѣли впереди на востокѣ не болѣе двадцати бархановъ. Но, когда мы достигали вершины перевала, взору открывался широкій видъ на мертвое пустынное море, и можно было насчитать до ста гребней бархановъ на востокѣ.

Открытая мечеть-павильонъ въ Тавекъ-кэлѣ.

На гребнѣ каждаго перевала мы и дѣлали продолжительный привалъ, чтобы высмотрѣть въ какомъ направленіи можно найти наиболѣе удобный путь. Если впереди виднѣлся тамарискъ, мы направлялись прямо къ нему. Онъ то и дѣло нырялъ за барханами, но показывался опять. Часто онъ казался намъ совсѣмъ близехонько, но добраться до него оказывалось не такъ-то скоро.

25 января высота бархановъ равнялась уже 15 м. Въ одной впадинѣ мы нашли два тополя съ засохшими, истрескавшимися стволами; вѣтви, однако, еще жили и готовились покрыться почками, но увы! не пришлось имъ дождаться этого, — наши верблюды и ослы общипали ихъ съ жадностью. Для животныхъ переходъ этотъ былъ настоящимъ курсомъ

голодовки; хорошо еще, что время какъ разъ было такое, когда верблюды ѣдятъ мало, но зато кипятъ задоромъ, и все

Изображенія Будды и фризы, найденныя въ первомъ открытомъ авторомъ древнемъ городѣ въ пустынѣ Такла-маканъ ($^1/_3$ натуральной величины).

(Съ фотографіи Даллёфа).

рвутся въ драку; черезъ нѣсколько дней пути они, однако, уходились и присмирѣли.

Около полудня мы достигли впадины, гдѣ кётекъ, т. е.

мертвый лѣсъ, или высохшія деревья стали попадаться въ изобиліи. Низкіе стволы и пни, сѣрые хрупкіе, какъ стекло, перекоробившіяся вѣтви, корни, выбѣленные солнцемъ — вотъ все, что осталось отъ прежняго лѣса. Лѣсъ этотъ шелъ вдоль

Изображенія Будды, найденныя въ древнемъ городѣ въ пустынѣ Такла-маканъ (1/3 натуральной величины).
(Съ фотографіи Даллёфа).

впадины по направленію съ юга къ сѣверу и, безъ сомнѣнія, отмѣчалъ пересохшее русло рѣки — ясное дѣло — Керіи-дарьи.

Какъ я уже имѣлъ случай отмѣтить, восточно-туркестанскія рѣки обыкновенно стремятся перемѣститься къ востоку.

Живыхъ тополей оставалось всего два-три; это были послѣдніе представители вымершаго рода, оставленные лицомъ къ лицу съ всеумерщвляющимъ пескомъ, какъ-бы брошенные товарищами, перемѣстившимися вмѣстѣ съ рѣкою къ востоку.

Для насъ эта полоса высохшаго лѣса представляла большое значеніе, такъ какъ проводники наши хорошо знали, что старый городъ, который они называли Такла-маканъ, расположенъ около восточнаго края этой лѣсной полосы. Судя по поверхности почвы, они заявили, что мы уже недалеко отъ развалинъ, въ чемъ убѣждали насъ и найденные нами здѣсь глиняные черепки. Мы расположились на привалъ. Вырывъ колодезь и найдя воду на глубинѣ 2,02 м., мы послали проводниковъ отыскивать самыя развалины.

Люди тѣмъ временемъ взяли одного изъ верблюдовъ и черезъ нѣкоторое время вернулись съ цѣлымъ вьюкомъ топлива, набраннаго въ мертвомъ лѣсу. Въ этотъ вечеръ и ночью мы и наслаждались тепломъ отъ двухъ чудесныхъ костровъ; огонь былъ далеко не лишнимъ, такъ какъ температура доходила до 15—20 градусовъ мороза.

24 января, оставивъ нашъ лагерь на мѣстѣ, мы всѣ отправились къ развалинамъ съ лопатами и топорами. Я ѣхалъ на своемъ славномъ верблюдѣ. Ѣхать пришлось, впрочемъ, недалеко, развалины оказались совсѣмъ близехонько.

Изъ всѣхъ урочищъ Восточнаго Туркестана, гдѣ мнѣ до сихъ поръ пришлось побывать, ни одно не было похоже на этотъ оригинальный городъ, остатки котораго лежали теперь передъ нами. Обыкновенно мѣстныя развалины представляютъ остатки стѣнъ и башенъ изъ сырца или въ лучшемъ случаѣ изъ обожженнаго кирпича. Здѣсь-же всѣ дома были построены изъ дерева (тополя), и не было и слѣда каменныхъ или глиняныхъ построекъ. Весь типъ города оказывался инымъ, хотя планъ расположенія домовъ во многомъ и напоминалъ современныя постройки.

Большинство жилищъ представляло форму небольшого квадрата, заключеннаго внутри квадрата побольше, или прямоугольниковъ, раздѣленныхъ переборками на нѣсколько небольшихъ помѣщеній.

Отъ нихъ остались теперь лишь столбы въ 2—3 метра высоты, съ заостренными верхушками, истрескавшіеся, изъ-

ѣденные вѣтромъ и пескомъ, твердые, но тѣмъ не менѣе хрупкіе, какъ стекло, и разлетающіеся въ дребезги отъ удара.

Такихъ остатковъ домовъ насчитывались здѣсь сотни. Изъ расположенія ихъ нельзя, однако, было вывести заключенія о планѣ города, или опредѣлить улицы, базары или открытыя площади. Причиною то, что весь городъ цѣликомъ, занимающій обширную площадь въ 3—4 килом. въ поперечникѣ, погребенъ подъ высокими барханами. Лишь остатки тѣхъ изъ домовъ, которые были расположены на возвышенностяхъ первоначальной поверхности, или приходились теперь во впадинахъ между барханами, высовываются изъ песку.

Пытаться отрыть что нибудь изъ подъ сухого песку — безнадежный трудъ. Песокъ тотчасъ же осыпается назадъ и снова заполняетъ копаемую яму. Надо снести цѣликомъ весь барханъ, чтобы обнажить то, что скрывается подъ нимъ, а это не по силамъ человѣческимъ. Лишь бураны способны кое-что сдѣлать. Мнѣ, однако, посчастливилось наткнуться на такія находки, которыя помогли мнѣ составить понятіе относительно общаго характера древняго города.

Отъ одной постройки, которую люди называли „будхана“, или храмомъ Будды, уцѣлѣли между вертикальными столбами стѣны, вышиною приблизительно въ метръ. Стѣны были заплетены изъ камыша и обмазаны глиной, смѣшанной съ рубленой соломой. Какъ съ наружной, такъ и съ внутренней стороны, тонкія стѣнки эти были кромѣ того покрыты бѣлой штукатуркой.

Самая штукатурка была украшена живописью, изображавшею полуодѣтыя колѣнопреклоненныя женскія фигуры, со сложенными, какъ на молитву, руками; черные волосы ихъ были закручены въ узелъ на макушкѣ головы; брови сходились надъ переносьемъ, носившимъ такую-же мѣтку, какая и до сихъ поръ въ обычаѣ у индусовъ.

Были тутъ изображены и мужчины съ черными бородами; арійскій типъ ихъ сразу бросался въ глаза; одѣянія-же напоминали современныя персидскія. Затѣмъ были здѣсь изображенія собакъ, лошадей, кораблей, качающихся на волнахъ, — картина, производившая своеобразное впечатлѣніе среди этой песчаной пустыни! Наконецъ, на одной фрескѣ находился рядъ оваловъ, и въ каждомъ изображеніе сидящей женщины

съ четками въ рукахъ. Особенно-же изобиловала эта стѣнная живопись изображеніями цвѣтовъ лотоса.

Увезти кусокъ такой стѣны было невозможно. Самая то стѣна выдержала-бы путешествіе, но штукатурка съ живописью разсыпалась-бы въ прахъ. Я поэтому лишь срисовалъ узоры и нѣкоторыя изображенія и отмѣтилъ размѣры и цвѣта.

Отрывая изъ подъ песку верхнія части стѣны, мы нашли клочекъ бумаги, съ непонятной для насъ надписью, большей частью хорошо сохранившеюся. Кромѣ того мы нашли гипсовый слѣпокъ съ человѣческой ноги въ натуральную величину, изобличавшій, какъ и живопись, руку тонкаго мастера. Видимо, нога эта принадлежала статуѣ Будды, и предположеніе людей, что мы находимся въ древнемъ буддійскомъ храмѣ, было весьма правдоподобно. О томъ-же говорили мѣстоположеніе развалинъ на возвышеніи и живопись на стѣнѣ, изображавшая молящіяся фигуры.

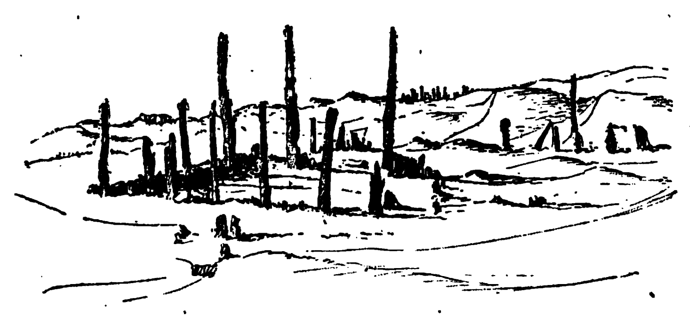
Больше тутъ искать нечего было, и мы перешли къ развалинамъ другой постройки. Наружныя стѣны ея были разрушены, да и изъ столбовъ уцѣлѣло немного. На верхушкахъ двухъ изъ нихъ, повыше другихъ, были четыреугольныя отверстія, которыя въ связи съ другими примѣтами обнаруживали, что домъ былъ двухъэтажный, или, какъ персидскія жилища и вообще многіе дома въ Хотанѣ, Каргалыкѣ и Яркендѣ, обнесенъ вокругъ крыши галлереей или балкономъ. Здѣсь-же, въ неглубокомъ пескѣ наши лопаты отрыли цѣлую массу гипсовыхъ горельефныхъ фигуръ, величиною въ 1—2 десим., съ плоской изнанкой; ясно было, что это были лѣпныя стѣнныя украшенія. Изображали онѣ частью сидящихъ Буддъ съ головой на фонѣ лепестка лотоса или окруженною сіяньемъ, частью стоящихъ Буддъ, у которыхъ одна рука была опущена внизъ, а другая прижата къ груди; широкія одѣянія спадали богатыми складками, рукава спускались очень низко, а воротъ одѣянія былъ вырѣзанъ и позволялъ видѣть ожерелье на шеѣ.

Лица были почти круглы, волосы закручены узломъ на макушкѣ, уши очень длинные, отвислые, какъ и у современныхъ изображеній буддійскихъ божествъ, миндалевидные глаза поставлены косо; голову окружало кольцо въ видѣ сіянья.

Остальныя фигуры изображали женщинъ съ обнаженною грудью и дугообразной гирляндой на головѣ. Наконецъ, мы нашли еще много разнообразныхъ фризовъ, обломковъ коллонъ, карнизовъ и цвѣтовъ — все изъ гипса. Всѣ эти находки были разсортированы, сдѣланъ строгій выборъ, и кое что я взялъ съ собой.

Еще въ нѣсколькихъ домахъ нашли мы разную мелочь, напримѣръ, длинный рѣзной деревянный карнизъ (я срисовалъ узоръ), шелковичную куколку, ось отъ колеса, повидимому, отъ прялки или тому подобнаго орудія, черенки и ручки отъ глиняныхъ кувшиновъ, хорошо сохранившуюся простую спираль или деревянный винтъ и жерновъ изъ порфира, почти въ два аршина въ діаметрѣ.

Между многими барханами виднѣлись еще слѣды садовъ.

Развалины дома въ древнемъ городѣ.
(Съ рисунка автора).

Пни обыкновенныхъ тополей тянулись рядами, показывая, что тутъ шли нѣкогда тѣнистыя аллеи. Росли здѣсь когда-то и абрикосовыя и сливовыя деревья.

Итакъ, этотъ погребенный въ песчаной пустынѣ городъ лежалъ во время оно на берегу Керіи-дарьи, и вдоль его домовъ и храмовъ струились воды арыковъ. Подъ самымъ городомъ, по берегамъ рѣки, росли великолѣпные лѣса, подобные нынѣ растущимъ по берегамъ Керіи-дарьи; въ лѣтнія жары жители города наслаждались тѣнью въ своихъ фруктовыхъ садахъ. Здѣсь-же текли мощные потоки, которые могли приводить въ движеніе тяжелые жернова. Здѣсь процвѣтали шелководство, садоводство и промышленность, здѣсь жилъ народъ, умѣвшій художественно, со вкусомъ украшать свои жилища и храмы.

Въ какое время былъ обитаемъ этотъ таинственный городъ? Когда цвѣли здѣсь въ послѣдній разъ абрикосовыя деревья, когда пожелтѣли на вѣкъ вершины тополей? Когда замолкло журчанье ручьевъ, приводившихъ въ движеніе жернова, когда были покинуты своими обитателями послѣднія жилища въ этомъ царствѣ пустыни?

Что за народъ жилъ здѣсь, на какомъ языкѣ говорилъ, откуда взялся, какъ долго процвѣталъ его родной городъ и куда онъ ушелъ отсюда, увидѣвъ, что здѣсь нельзя дольше оставаться? Сейчасъ я не могу отвѣтить на эти вопросы, но послѣ тщательнаго изученія предмета еще вернусь къ нимъ.

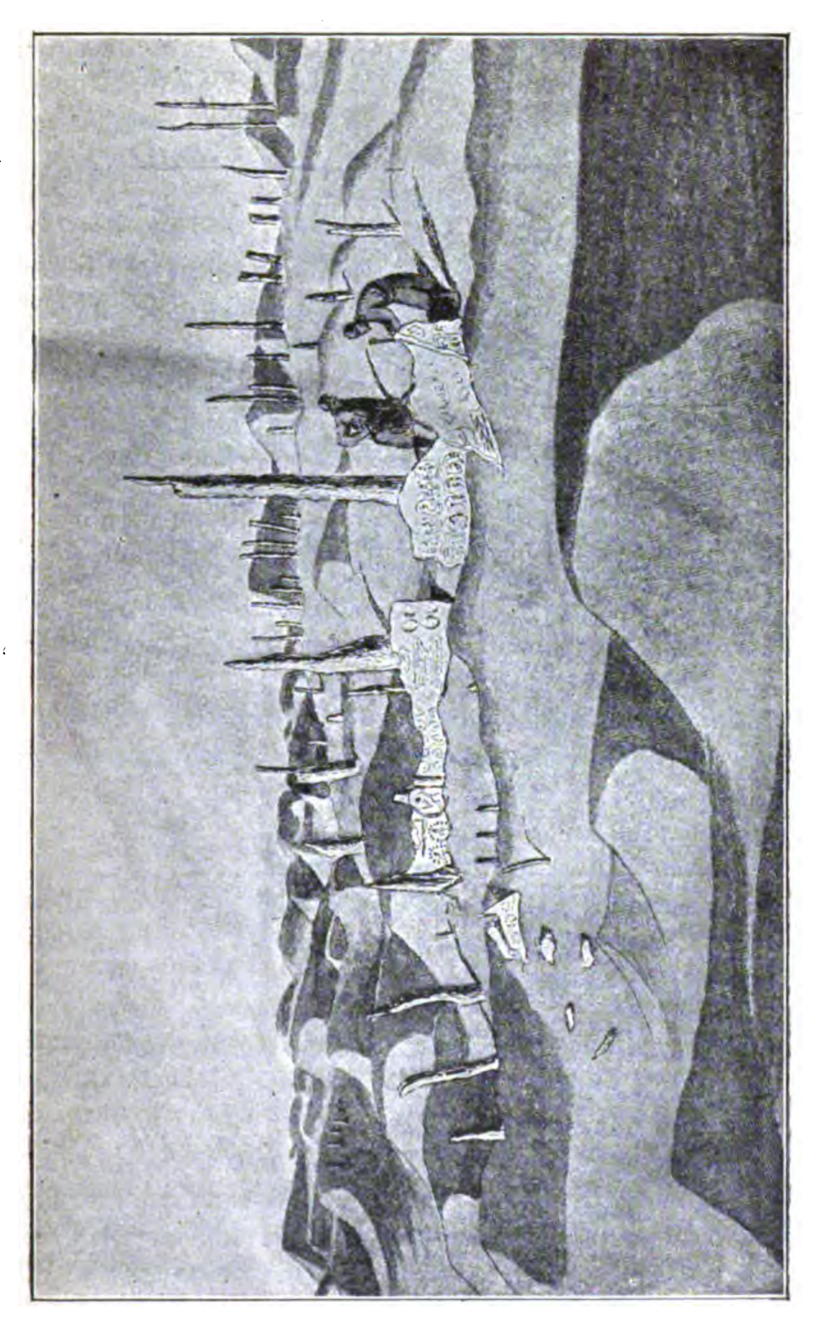
Мои проводники называли этотъ городъ Такла-маканъ, мы и сохранимъ за нимъ это названіе, такъ какъ съ нимъ связано множество загадокъ, вопросовъ и задачъ, разрѣшеніе которыхъ дѣло будущаго. До сихъ поръ никто и не подозрѣвалъ о существованіи этого города. Кто могъ въ самомъ дѣлѣ думать, что въ сердцѣ пустыни Гоби, въ той ея части, которая является пустыннѣйшею изъ всѣхъ пустынь земли, находятся развалины большихъ городовъ и остатки богатой культуры?

И вотъ, я стоялъ тутъ, посреди обломковъ минувшаго, среди развалинъ домовъ, въ которыхъ хозяйничали теперь лишь песчаные бураны! Я стоялъ здѣсь, словно принцъ въ очарованномъ лѣсу, я нарушилъ тысячелѣтній сонъ города, пробудилъ его къ новой жизни въ человѣческомъ знаніи.

Если на всѣ приведенные выше вопросы отвѣтить трудно, то можно, по крайней мѣрѣ, съ полной увѣренностью сказать, что такого художественнаго развитія, какое обнаруживаютъ описанные выше памятники искусства, нельзя найти у населяющихъ нынѣ Восточный Туркестанъ тюркскихъ народовъ. Нѣтъ также сомнѣнія въ томъ, что городъ былъ буддійскій, и мы можемъ поэтому съ полной достовѣрностью сказать, что онъ древнѣе 700 года, т. е. года вторженія въ Туркестанъ арабовъ подъ предводительствомъ Кутейбы-ибнъ-Муслима.

Если присоединить къ этому заключенія, которыя можно вывести на основаніи сдѣланныхъ мною находокъ и собранныхъ мною матеріаловъ по изслѣдованію скорости передвиженія моими бархановъ, мы получимъ частью историческія данныя,

частью чисто геологическія опредѣленія времени, достаточныя

Уцѣлѣвшія стѣны дома въ древнемъ городѣ.
(Съ рисунка автора).

для приблизительнаго вычисленія срока, какой понадобился

пескамъ, чтобы удалиться отъ города къ юго-западу до тѣхъ

предѣловъ, гдѣ находятся *нынѣ* крайніе барханы, приближающіеся къ западной подошвѣ Кунь-луня.

Изъ того обстоятельства, что и дерево и рѣзьба на немъ такъ хорошо сохранились и что камышъ, изъ котораго были сдѣланы стѣны, до сихъ поръ еще оказывался лакомой пищей для верблюдовъ и ословъ, нельзя выводить заключенія, что городъ сравнительно недавняго происхожденія. Противъ такого предположенія говоритъ медленность передвиженія песковъ; кромѣ того, я уже упоминалъ выше, что сухой, мелкій песокъ обладаетъ извѣстной способностью сохранять органическія тѣла отъ гніенія.

Въ этихъ областяхъ господствуютъ сѣверо-восточные и восточные вѣтры, которые бываютъ особенно сильны въ апрѣлѣ и маѣ. Они-то и подымаютъ большинство „кара-бурановъ“ или черныхъ бурь, во время которыхъ тучи песку и пыли превращаютъ день въ ночь. Въ мартѣ и іюнѣ къ нимъ присоединяются „сарыкъ-бураны“, т. е. желтыя бури; эти послабѣе, но тоже обладаютъ значительной силой передвиженія. Въ теченіе остальныхъ мѣсяцевъ вѣтры дуютъ гораздо рѣже и съ разныхъ сторонъ.

25 января я констатировалъ, что барханъ въ теченіе 45 минутъ былъ передвинутъ довольно сильнымъ юго-западнымъ вѣтромъ на 11.9 сантим. къ сѣверо-востоку. Ночью вѣтеръ перемѣнился, и барханъ снова передвинулся къ юго-западу на 91 сантим. въ теченіе девяти часовъ.

Если предположить, что сильный сѣверо-восточный вѣтеръ дуетъ въ теченіе всего 24 дней въ году, притомъ цѣлый день безпрерывно и въ теченіе дня передвигаетъ барханъ на 2 метра къ юго-западу, въ годъ барханъ передвинется приблизительно на 50 м. Такимъ образомъ понадобилось-бы тысячу лѣтъ для того, чтобы барханъ достигъ того пункта на югѣ, куда заходитъ песокъ теперь.

Къ этому надо прибавить, что я беру максимальное число бурановъ въ году и опредѣляю этимъ лишь минимальную древность города, но такъ какъ барханы не двигаются прямо къ югу, а къ юго-западу, то это обстоятельство еще прибавляетъ городу лѣтъ 500.

Если-же еще принять во вниманіе менѣе сильные вѣтры, которые дуютъ въ обратномъ направленіи, то придется на-

кинуть еще лѣтъ 500. Но къ этой темѣ я еще вернусь, когда разработаю привезенный мною матеріалъ, метеорологическіе журналы и пр., и когда въ рукахъ у меня будутъ точныя цифры.

Наконецъ, можно съ увѣренностью утверждать, что жители города, исповѣдовавшіе буддійскую религію, были арійскаго происхожденія. Вѣроятно, они явились изъ Индостана и, можетъ быть, и подали поводъ къ многочисленнымъ легендамъ о народахъ Тогда-рашидъ, Нокта-рашидъ, противъ которыхъ по преданіямъ воевалъ Сеидъ Арсланъ (Урданъ Падишахъ). Можетъ быть, и этотъ городъ процвѣталъ въ одно время съ Буразаномъ.

Въ связи съ этимъ я хочу сказать нѣсколько словъ о самыхъ барханахъ. Основаніе ихъ имѣетъ первоначально форму полумѣсяца; выпуклая сторона его и пологій склонъ бархана приходятся съ навѣтренной стороны, вогнутая же сторона и крутой ея склонъ подъ вѣтромъ. Съ подвѣтренной же стороны приходятся и рога полумѣсяца, понижающіеся и заостряющіеся къ концамъ.

Въ области сплошного песку эта первоначальная форма кисажается: барханы сливаются одинъ съ другимъ, но строеніе ихъ всегда одинаково, и на всемъ переходѣ сохраняется одна и та же форма. Подвѣтренный склонъ падаетъ всегда подъ угломъ 33°; уклоненія бываютъ развѣ весьма незначительныя. Навѣтренный склонъ падаетъ подъ углами отъ 20 °до 1°, и даже до 0° и—10°, другими словами, навѣтренный склонъ часто представляется нависшимъ у гребня бархана. Если начать рыть яму у подножія подвѣтренняго склона, то сверху тоже начинается осыпаться песокъ, и мало по малу образуется борозда до самаго гребня.

Такъ какъ песокъ здѣсь спрессованъ силою вѣтра особенно плотно, то по достиженіи линіи гребня здѣсь обнаруживается двоякая внутренняя структура, соотвѣтствующая склонамъ бархана и выражающаяся въ расположеніи песка параллельно этимъ склонамъ. Эта структура подобна спайности кристалла и проходитъ черезъ весь барханъ.

Тонкая красивая рябь на поверхности бархана является вторичной поверхностной структурой, совершенно независящею отъ внутренней. Эта мелкая рябь, при средней ско-

рости вѣтра 24 сантим. въ часъ, движется впередъ съ гораздо большею скоростью, нежели самый барханъ, такъ какъ образуетъ эту рябь движимый вѣтромъ летучій песокъ. Когда этотъ летучій песокъ достигаетъ линіи гребня, то пересыпается на подвѣтренную сторону, гдѣ вообще всегда и бываетъ болѣе рыхлымъ, такъ какъ осѣдаетъ лишь въ силу собственной тяжести, а не прессуется давленіемъ вѣтра.

Взобраться на такой подвѣтренный склонъ съ верблюдами невозможно, и, встрѣчая на пути барханъ, обращенный къ вамъ подвѣтреннымъ склономъ, вы должны обходить его. Въ промежуткахъ между барханами песокъ также рыхлъ, и ноги верблюдовъ уходятъ въ него иногда на 2 десим. Мы и старались всегда, по возможности, держаться линій гребней, такъ какъ тамъ ноги животныхъ уходили въ песокъ не болѣе, какъ на 1 сантим.

Такъ часто упоминавшіеся вначалѣ „даваны" суть нагроможденія безчисленныхъ подобныхъ バархановъ и, повидимому, простираются во всю ширину пустыни. Каждый даванъ съ примыкающими впадинами имѣетъ около 2 килом. ширины. Общій профиль мѣстности представляетъ зубчатую волнистую линію, — зубьями служатъ барханы, а волнами нагроможденія.

Вѣроятно, эти послѣднія находятся въ извѣстной зависимости отъ конфигураціи поверхности, и такъ какъ они въ этой части пустыни расположены на сѣверѣ и на югѣ, то весьма возможно, что они или пріурочены къ прежнимъ русламъ рѣкъ, или что песокъ преимущественно громоздился на такихъ полосахъ поверхности, которыя не затоплялись въ то время, когда рѣки мѣняли свои русла.

Въ старомъ городѣ распростились съ нами наши проводники, ставшіе ненужными, и повернули назадъ по нашимъ слѣдамъ съ тѣмъ, чтобы останавливаться на привалы около вырытыхъ нами колодцевъ.

25 января мы прошли 8 давановъ, самое большее 25 м. высоты; подъ вечеръ нашли воду на глубинѣ 1.87 м.

На слѣдующій день песокъ сталъ глубже, идти становилось все труднѣе, но мы всетаки прошли 8 давановъ. Перевaливъ черезъ восьмой, мы нашли во впадинѣ массу кустовъ тамариска и умирающаго камыша, что весьма и соблазняло

насъ разбить лагерь, хотя мы и прошли въ этотъ день еще немного. Къ востоку высился колоссальный даванъ, казавшійся въ туманѣ далекою горою.

Посовѣтовались и рѣшили, однако, посмотрѣть, что будетъ за этимъ даваномъ. Высота его равнялась 40 м., и переходъ черезъ него оказался страшно труднымъ. Люди упали духомъ, верблюды еле брели, ослы порядкомъ отставали.

Наконецъ, мы достигли гребня. Вотъ такъ сюрпризъ! Впереди ни одного давана больше! Далеко-то, впрочемъ, мы не могли видѣть изъ за пыльнаго тумана, носившагося въ воздухѣ послѣ послѣдняго бурана. Скоро мы наткнулись на слѣдъ лисицы, нашли мертвую утку; кусты тамариска и другіе растенія пустыни попадались все чаще. Мы съ радостью замѣчали, какъ толща песку становилась все тоньше; вотъ показались слѣды лошадей и людей, мы вышли на равнину, поросшую тополевымъ лѣсомъ, наткнулись на брошенный шалашъ, состоявшій изъ крыши, покоящейся на нѣсколькихъ столбахъ и, наконецъ, расположились на ночлегъ на берегу, около скованной толстымъ льдомъ Керіи-дарьи.

VIII.

Въ лѣсахъ Керіи-дарьи. Безвѣстное пастушье племя.

Итакъ, мы благополучно совершили переходъ черезъ эту часть пустыни и достигли рѣки. Тучная растительность береговой полосы восхищала наши взоры, не встрѣчавшіе въ теченіе цѣлой недѣли ничего, кромѣ желтаго песку. Ширина рѣки около нашего лагеря равнялась 32 м.; рѣка была покрыта толстой ледяной корой; мы прорубили въ ней колодезь, болѣе обильный водой, чѣмъ тѣ, которые мы рыли въ пескѣ, и верблюды напились ледяной воды всласть.

Закололи послѣдняго барана, развели бивуачные огни, и всѣ чувствовали себя прекрасно; хорошее расположеніе духа не нарушалось даже тѣмъ, что густая пыльная мгла скры-

вала отъ насъ и окрестность и звѣздное небо. Шалашъ служилъ кому-то пріютомъ не далѣе, какъ вчера, если судить по чуть тлѣвшимся еще угольямъ отъ костра и свѣжимъ слѣдамъ, которые вѣтеръ не успѣлъ замести. Но людей нигдѣ не было видно.

На слѣдующій день, 27 января, мы направили путь къ сѣверу, вдоль лѣваго берега рѣки, занятые одной мыслью—поскорѣе найти проводника, чтобы добиться отъ него свѣдѣній относительно этой рѣки, на которой до сихъ поръ не бывалъ ни одинъ европеецъ и теченіе которой къ сѣверу отъ города Керіи обозначается на нашихъ картахъ лишь пунктиромъ.

Но нигдѣ не было и признака человѣческаго существованія. Часъ за часомъ подвигались мы по густому тополевому лѣсу, продирались сквозь частые кустарники, шагали по кучамъ валежника и засохшаго тростника, обходили барханы, которые порою подступали къ самому берегу, окаймляя лѣсную полосу.

Ледяная лента рѣки, извиваясь, тянется къ сѣверу и нерѣдко достигаетъ такой ширины, что напоминаетъ озеро, противоположный берегъ котораго исчезаетъ въ туманѣ. Часто мы пересѣкали тропинки, которыя скоро опять исчезали въ чащѣ, видѣли безчисленные слѣды дикихъ кабановъ, зайцевъ, лисицъ, оленей, ланей, домашнихъ овецъ, а иногда и отпечатокъ голой ступни человѣческой, но окрестность оставалась попрежнему пустынной, безмолвной. Ниоткуда не слышалось ни звука.

Слѣды людей и овецъ шли къ югу, и мы опасались, что пастухи въ это время года, пожалуй, держатся ближе къ Керіи, и мы не встрѣтимъ поэтому никого.

День, а съ нимъ и переходъ нашъ, близился къ концу, когда намъ недалеко отъ рѣки предстояло пересѣчь камышевую заросль, окруженную частымъ лѣсомъ.

Вдругъ послышалось блеяніе овецъ, и мы увидѣли большое стадо, разсыпавшееся въ камышахъ, достигавшихъ высоты человѣческаго роста. Тутъ, наконецъ, должны были найтись и люди. Мы принялись кричать и свистать, но никто не отзывался, никто не показывался.

Тогда всѣ четверо людей разбрелись по лѣсу, а я остался ждать около верблюдовъ. Прошло съ полчаса, и Ахметъ Мер-

генъ вернулся, ведя съ собой пастуха и его жену. Оказалось, что они, испугавшись нашего появленія, сломя голову кинулись въ чащу и спрятались. Скоро, однако, они успокоились и проводили насъ къ своей „сатмѣ“ (шалашъ изъ камыша), гдѣ мы всѣ вмѣстѣ и провели ночь. Пастухъ былъ осыпанъ вопросами, весь небогатый запахъ его свѣдѣній былъ исчерпанъ до дна и занесенъ въ мою записную книжку.

„Тебя какъ зовутъ?“ спросилъ я и услышалъ въ отвѣтъ: „Гуссейнъ и Гассанъ!“ — Я былъ удивленъ двойнымъ именемъ, и пастухъ объяснилъ, что имя Гассанъ принадлежитъ собственно его брату-близнецу, живущему въ Керіи, но онъ, въ виду того, что они близнецы, пользуется обоими именами. Гуссейнъ сообщилъ также, что вдоль всего теченія рѣки къ сѣверу идутъ расположенные другъ отъ друга въ значительныхъ разстояніяхъ стойбища пастуховъ, пасущихъ стада „баевъ“ Керійскихъ.

Стада состояли изъ 300—2000 головъ. Каждый пастухъ имѣлъ свой лѣсной участокъ, за предѣлы котораго не имѣлъ права выходить. Въ этомъ участкѣ онъ проводилъ круглый годъ, переходя съ мѣста на мѣсто и оставаясь на каждомъ отъ 10 до 20 дней, пока хватало подножнаго корму для стада. Въ распоряженіи Гуссейна было свыше 13 „агыловъ“ или стойбищъ, расположенныхъ другъ отъ друга въ разстояніи двухъ дней пути.

Владѣлецъ стада проживалъ въ Керіи и наѣзжалъ въ лѣсъ два раза въ годъ, весною и осенью, для стрижки и счета овецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ привозилъ для пастуха маисовую муку и прочее продовольствіе на полгода. Самъ же Гуссейнъ бывалъ въ городѣ разъ въ два года, хотя городъ и находился отъ того пункта (Кочкоръ-агылъ), гдѣ мы достигли рѣки, всего въ 4 дняхъ пути. Дальше по теченію рѣки мы встрѣчали пастуховъ, которые бывали въ Керіи всего разъ въ жизни; попался даже одинъ такой, который, несмотря на свои 35 лѣтъ отъ роду, ни разу не бывалъ въ городѣ и не могъ даже представить себѣ, что такое городъ или базаръ.

Въ лѣсахъ Керіи-дарьи проживаетъ такимъ образомъ около 150 человѣкъ, живущихъ въ своемъ особенномъ замкнутомъ міркѣ, вдали отъ проѣзжихъ дорогъ, отъ всякаго начальства.

Пастухи видятъ только своихъ ближайшихъ сосѣдей, да баевъ, проѣзжающихъ въ свои агылы, и поэтому крайне робки и полудики, настоящіе лѣсные дикари. Они не знаютъ и не умѣютъ ничего другого, кромѣ какъ пасти стада, стричь овецъ, отыскивать для нихъ хорошія пастбища, срѣзывать для нихъ молодые побѣги, доить ихъ и во время отнимать ягнятъ отъ матокъ. Еще они умѣютъ печь листовый хлѣбъ, мастерить себѣ шалаши и рыть колодцы, когда рѣка пересыхаетъ или когда они со стадами заходятъ далеко отъ нея. „Китмень" (заступъ) и „балта" (топоръ) поэтому у нихъ главныя орудія. Топоръ они всегда носятъ за спиною, заткнутымъ за поясъ.

Въ области Хотанъ-дарьи пастухи живутъ бобылями безъ женъ и дѣтей, которыя остаются въ Хотанѣ, что меня очень удивляло. Но по Хотанъ-дарьѣ идетъ торговый, хотя и не очень бойкій, трактъ. Тамъ ѣздятъ и китайцы, и пастухи побаиваются со стороны послѣднихъ слишкомъ вольнаго обращенія съ туземными женщинами.

На Керіи-дарьѣ дѣло обстоитъ иначе. Тутъ не пролегаетъ никакого пути, и пастухи живутъ здѣсь со своими семьями. Жизнь Гуссейна съ женою — бездѣтной четы — напоминала своей уединенностью и простотой жизнь прародителей Адама и Евы, съ тою лишь разницей, что пастухъ и его подруга ходили съ головы до пятъ одѣтыми въ овечьи шкуры.

Относительно рѣки Гуссейнъ сообщилъ, что воды ея повыше Керіи распредѣляются на множество арыковъ, которые орошаютъ окрестныя поля, вслѣдствіе чего самая рѣка почти пропадаетъ. Это-то обстоятельство отчасти и послужило причиною, что никому изъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Керію (Пржевальскій, Пѣвцовъ, Громбчевскій, Дютрейль де-Ринъ, Литледэль) и не вздумалось сдѣлать экскурсію внизъ по рѣкѣ. На картахъ всѣ они, кромѣ Пѣвцова, и показали ея теченіе черезчуръ короткимъ.

За городомъ, между тѣмъ, излишекъ воды изъ арыковъ образуетъ множество обильныхъ водою потоковъ, которые вновь и питаютъ рѣку. Туземцы утверждаютъ поэтому, что Керія-дарья, чѣмъ дальше, тѣмъ больше богатѣетъ водою, хотя и слѣдовало бы ожидать обратнаго; утвержденіе это, разумѣется, справедливо, лишь отчасти.

Въ іюнѣ и іюлѣ, когда снѣгъ и ледъ таютъ въ горахъ

Тибета, по руслу рѣки струится масса воды, но глубина ея всетаки такъ не велика, что повсюду найдутся мѣста, гдѣ можно перейти рѣку вбродъ.

Эта масса воды не попадаетъ въ арыки, и называется „акъ-су“, т. е. бѣлая вода, такъ какъ происхожденіемъ своимъ обязана горнымъ снѣгамъ, и въ противоположность „кара-су“ — черной водѣ, которую приносятъ источники. Осенью вода въ рѣкѣ быстро спадаетъ, а въ концѣ ноября покрывается льдинами, которыя громоздятся одна на другую, такъ что рѣка кажется шире, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ.

Теперь рѣка находилась какъ разъ въ такомъ періодѣ. Ожидали, что она тронется недѣли черезъ три, если погода простоитъ ясная и тихая; иначе ледъ могъ продержаться еще дольше. Во время вскрытія разливъ воды причиняетъ иногда немалыя опустошенія. Послѣ того русло въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ остается сухимъ, такъ что пастухамъ приходится выкапывать колодцы. Однимъ словомъ, Керія-дарья отличается тѣми же свойствами, какъ и ея сосѣдка, Хотанъ-дарья, но далеко уступаетъ послѣдней обиліемъ воды и протяженіемъ.

Гуссейнъ отправился къ югу, мы къ сѣверу, держась русла, оставленнаго рѣкою 15 лѣтъ тому назадъ; рѣка проложила себѣ въ 3 километрахъ новое, по которому и течетъ на протяженіи полуторыхъ дней пути. Итакъ, и эта рѣка обнаруживаетъ стремленіе перемѣститься къ востоку.

Новый рукавъ проложилъ себѣ путь въ безплодномъ пескѣ; вся растительность — лѣса и камышевыя заросли остались около стараго русла, питаясь грунтовыми водами. Но настанетъ время, когда корни уже не будутъ доставать до нея, когда песокъ возьметъ верхъ, и лѣсъ умретъ, превратится въ „кётекъ“, какой нашли мы около развалинъ. Новое же русло обростетъ мало по малу молодымъ лѣскомъ.

Вечеромъ 28 января мы встрѣтили около Курукъ-акина (сухое русло) новыхъ пастуховъ. Ихъ было трое, и пасли они стадо въ 400 головъ. И у этихъ пастуховъ повыпытали все, что они только знали. Владѣльцемъ овецъ былъ ихъ отецъ. Имъ предоставлено было право заколоть въ годъ для своего пропитанія до 20 овецъ; кромѣ того въ ихъ пользу должны были поступать всѣ овцы и ягнята, которыхъ зарѣжутъ волки

или кабаны, или которыя поломаютъ себѣ ноги и вообще станутъ негодными. Такимъ путемъ выбываетъ изъ стада обыкновенно овецъ 15 въ годъ.

Тѣмъ не менѣе стадо въ 400 головъ выростаетъ за три года въ 550 головъ. Но такъ какъ лѣсной участокъ владѣльца въ состояніи прокормить не больше 400 овецъ, то ежегодно продаютъ отъ 60 до 70 овецъ въ Керію. Деньги, выручаемыя отъ этой продажи, да шерсть, снимаемая два раза въ годъ, и составляютъ годовой доходъ владѣльца отъ своего стада. Лучшая овца стоитъ въ Керіи около $1^1/_2$ рублей, но и за 50 коп. можно пріобрѣсти порядочную.

Отдохнувъ день, мы продолжали путь дальше на сѣверъ. Теперь недостатка въ проводникахъ не было, и насъ постоянно велъ черезъ лѣсъ какой-нибудь пастухъ. Часто приходилось намъ продираться сквозь такія чащи, гдѣ верблюды еле пробирались, а мнѣ то и дѣло приходилось остерегаться, чтобы какая нибудь вѣтка или сукъ не содрали съ меня кожу.

30-го миновали мѣсто, гдѣ старое и новое русло снова соединяются. Рѣка представляла здѣсь величественное зрѣлище; ширина ея превосходила 100 м.; толщина льда достигала 36 сантим.; ледъ мѣстами блестѣлъ какъ зеркало, мѣстами былъ слегка запорошенъ пылью. Атмосфера въ теченіе 10 дней оставалась насыщенной этой тончайшей пылью, которую вздымаютъ первые весенніе вѣтры; она долго носится въ воздухѣ прежде, чѣмъ опять осядетъ на поверхность земли.

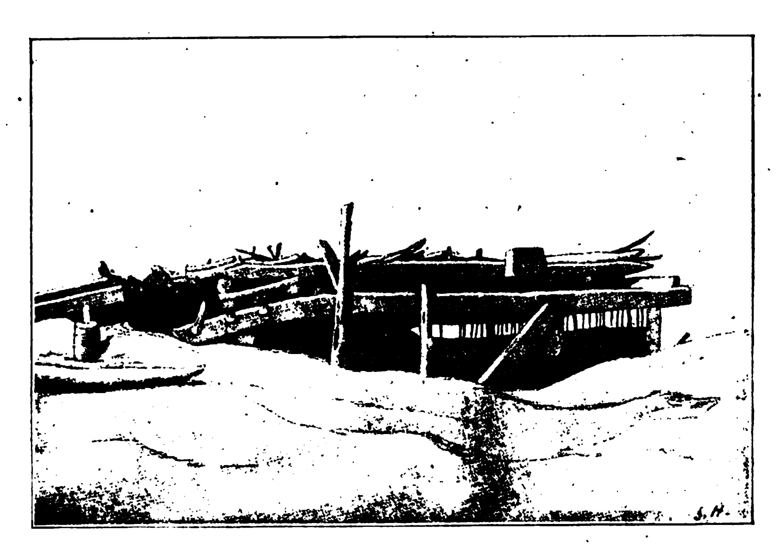
Пыльные туманы въ это время года — обычное, но мало пріятное для пастуховъ, явленіе. Пыль покрываетъ тончайшимъ налетомъ каждую былинку, и у овецъ, поѣдающихъ пыльную траву, начинаетъ першить въ горлѣ. Пыль проникаетъ всюду и покрываетъ всѣ предметы. Желтые песчаные барханы становятся отъ нея бѣлыми, и слѣды, оставленные на пескѣ, бываютъ видны издалека, выступая темной линіей.

1-го февраля рѣка явно выразила стремленіе завернуть къ сѣверо-востоку. — У меня же былъ планъ пересѣчь всю эту часть пустыни Гоби съ юга на сѣверъ и попытаться достигнуть р. Тарима, поэтому я съ нѣкоторой тревогой наблюдалъ уклоненіе рѣки вправо. Быть можетъ, чѣмъ дальше, тѣмъ оно будетъ сильнѣе; пожалуй, въ концѣ концовъ, рѣка пойдетъ параллельно Тариму къ Лобъ-нору, но, разумѣется, не достиг-

нетъ этого озера! Съ каждымъ днемъ вопросъ все обострялся: удастся ли наша экспедиція или мы принуждены будемъ вернуться обратно по собственнымъ слѣдамъ?

Въ этотъ день мы достигли области Юганъ-кумъ, вполнѣ оправдывающей свое названіе: мощный песокъ. Высокіе голые барханы отвѣсно спускаются здѣсь въ рѣку. У южной же ихъ подошвы простиралась степь, гдѣ мы снова встрѣтили пастуховъ. Одинъ изъ нихъ проводилъ насъ дальше, до лѣсной области Тонкузъ-басте (подвѣшенный кабанъ).

Здѣсь проживали двѣ пастушьи семьи, образовавшія

Деревянный фундаментъ сохранившійся въ древнемъ городѣ около Кара-дунъ.
(Съ рисунка автора).

настоящій лагерь дикарей вокругъ костра, подъ открытымъ небомъ. Матери были окружены ребятишками, все одѣяніе которыхъ состояло изъ распахнутаго тулупчика. По близости лагеря паслось 300 овецъ. Еще имѣлся въ лагерѣ пѣтухъ, три курицы, голубь и пара собакъ.

Тутъ же на землѣ были разбросаны ихъ пожитки: разная деревянная посуда для печенія хлѣба, доенія овецъ и трапезъ. Вода хранилась въ кожаныхъ мѣшкахъ и ведрахъ, выдолбленныхъ изъ тополевыхъ пней. Муку держали въ мѣшкахъ. Лежали здѣсь еще пара кунгановъ (мѣдныхъ кувшиновъ), нѣсколько ножей, ножницы, деревянныя ложки, „дутаръ“

(двухструнный инструментъ), войлочные ковры, котелъ, сито изъ конскихъ волосъ для процѣживанья молока и кое какая одежда.

Двое изъ мужчинъ носили оригинальную обувь, которую намъ пришлось видѣть здѣсь впервые: подошвы дикаго верблюда цѣликомъ съ когтями. Пастухи и ихъ семьи скоро перестали дичиться насъ и позволили срисовать съ себя портреты.

Эти пастухи дали намъ важное указаніе, что въ днѣ пути къ сѣверо-западу погребены въ пескѣ развалины еще одного древняго города. Они называли его Кара-дунъ (черный холмъ): нѣкоторые изъ баргановъ поросли кустами тамариска, которые издали смотрятъ черными силуетами на желтомъ пескѣ.

2 и 3 февраля и посвятили экскурсіи на развалины. Уже по дорогѣ туда сдѣлали интересное открытіе. Мы ѣхали какъ разъ по высохшему руслу, которое неподалеку отъ небольшой солоноватой лужицы, называющейся Сызма-куль, терялось между барханами. Рѣка, слѣдовательно, и здѣсь перемѣстилась къ востоку, а когда-то она, какъ видно, струилась около самаго города, представляющаго нынѣ однѣ развалины.

Этотъ городъ занималъ меньшую площадь, нежели первый, но относился къ тому-же времени. Мы нашли здѣсь такіе-же образчики стѣнной живописи, но менѣе хорошо сохранившіяся, ту-же архитектуру и тотъ-же строительный матеріалъ. Одна почти квадратная постройка, стѣны которой имѣли въ длину 85 и 76 м. напоминала караванъ-сарай; внутри находился дворъ, а посреди двора еще четыреугольная постройка меньшихъ размѣровъ. Отъ другой постройки удивительно хорошо сохранились стропила. Чего нибудь особенно замѣчательнаго мы не нашли, но хорошо познакомились со способомъ постройки домовъ, связью стропилъ и устройствомъ очага. Ось отъ арбы свидѣтельствовала, что здѣсь когда-то пролегала проѣзжая дорога. Нашли также множество черепковъ глиняной посуды.

Пастухи и охотники изъ области Хотанъ-дарьи знали эти развалины; такъ однажды ходилъ сюда съ Хотанъ-дарьи мой слуга Касимъ и провелъ въ пути 5 дней. Но удивительное дѣло! Имъ никогда не приходило въ голову продолжать путь къ востоку еще въ теченіе одного дня, — тогда-бы они нашли воду, людей, говорившихъ однимъ съ ними языкомъ, овецъ,

хлѣбъ и все, въ чемъ нуждались. Имъ удавалось проводить на развалинахъ, гдѣ они по обыкновенію искали сокровищъ,

Пастушье стойбище въ Тонкузъ-бастѣ.
(Съ рисунка Линберга).

не болѣе дня, такъ какъ они не могли захватить съ собой воды и хлѣба на одномъ ослѣ болѣе, чѣмъ на 10 дней. Обитатели лѣсной полосы около Керіи-дарьи тоже бывали на развали-

нахъ, но никогда не встрѣчались тамъ съ хотанъ-дарьинцами. Этимъ отчасти и объясняется, что первые не слыхали о Хотанъ-дарьѣ, а вторые не знаютъ Керіи-дарьи. И тѣ и другіе называютъ развалины „Кара-дунъ" по характернымъ кустамъ тамариска, похожимъ издали на черныя пятна.

Вернувшись къ рѣкѣ, мы продолжали путь внизъ по ея теченію. Теченіе становилось все болѣе неправильнымъ. Отъ главной рѣки отдѣлялись узкіе рукава и образовывали около береговъ болота.

Недалеко отъ Тонкузъ-басте рѣка мѣстами дѣлилась на два расходящихся рукава. Пастухи сообщили, что лѣтъ 6—8 тому назадъ вся водная масса устремлялась по правому, восточному руслу, а затѣмъ перемѣстилась въ лѣвое, по которому текла еще и теперь. Лишь въ этомъ году часть зимней воды снова начала струиться по восточному рукаву, и полагали, что туда-же направится вода и во время лѣтняго половодья.

Оба русла такимъ образомъ періодически мѣняются ролями. Ежегодно вода наноситъ илу и песку, который осаждается на ложѣ, образуя слой толщиною въ ширину ладони. Ложе вслѣдствіе этого подымается настолько, что вода принуждена искать другого пути. Такимъ образомъ уровень воды въ обоихъ руслахъ періодически мѣняется Около конечнаго пункта восточнаго рукава, который также обросъ по берегамъ лѣсомъ, и въ 4 дняхъ пути отъ лѣсной области Катакъ находится нѣсколько небольшихъ соленыхъ озеръ.

Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ для того, чтобы примѣромъ пояснить, съ какою легкостью водные потоки мѣняютъ въ этой мѣстности свое направленіе. Дальше мы встрѣтимъ тѣ же условія въ области Лобъ-нора. Но здѣсь, въ области Керіи-дарьи мѣняетъ положеніе рѣка, а тамъ озеро.

4 февраля мы посѣтили пастуховъ въ лѣсной области Арка-чатъ (задній островъ или полоса земли между двумя рукавами). На слѣдующій день поверхность сильно измѣнилась; рѣка отдѣляла отъ себя на обѣ стороны все больше и больше рукавовъ, которые, словно узенькія, извивающіяся, порой отрѣзанныя отъ главной рѣки, ледяныя ленточки, пропадали въ лѣсу.

Какъ полоса лѣса, такъ и камышевая опушка, становилась все шире. Мы шли какъ будто по тропической дельтовой об-

ласти; на горизонтѣ, насколько хваталъ глазъ, не было и признака бархановъ.

Какъ-же далеко къ сѣверу могли продолжаться столь благопріятныя для нашей экспедиціи условія поверхности? Не сливаются ли эти лѣса съ лѣсами Тарима? Вотъ вопросы, неотступно стоявшіе передо мною. Мы ежедневно встрѣчали пастуховъ, но они не могли ничего сказать относительно дальнѣйшаго протяженія рѣки къ сѣверу. Вечеромъ 5 февраля мы расположились лагеремъ около Чугутмека, въ стойбищѣ четырехъ пастуховъ, пасшихъ 800 овецъ и 6 коровъ.

6 февраля мы достигли Сарыкъ-кетме, гдѣ рѣка имѣла 79 м. ширины, и, судя по ея общему виду, можно было думать, что ей еще долго конца не будетъ. Замѣчательно, что мощная Хотанъ-дарья, которая лѣтомъ катитъ черезъ пустыню Такламаканъ такія огромныя массы воды и, соединяясь съ Яркендъ и Акъ-су-дарьей, образуетъ Таримъ, зимою такъ изсыхаетъ, что узкая ледяная лента ея совсѣмъ обрывается къ югу отъ Буксама, т. е. около того пункта, гдѣ я въ прошломъ году достигъ рѣки.

Дѣло въ томъ, что она питается исключительно горными потоками, получающимися при таяніи снѣговъ и ледниковъ сѣвернаго Тибета, тогда какъ менѣе значительная Керія-дарья даже осенью и зимою получаетъ значительное подкрѣпленіе изъ источниковъ.

Тѣмъ не менѣе и этой рѣкѣ, которая была для насъ до сихъ поръ неоцѣнимымъ путеводителемъ въ пустынѣ, вскорѣ предстояло быть побѣжденной песками. Достигнувъ 7 февраля лѣсной области Катакъ, мы узнали, что намъ остается идти по рѣкѣ всего въ теченіе полуторыхъ дней, а затѣмъ мы вступимъ въ область голаго песку.

Мы остановились здѣсь на день, пользуясь гостепріимствомъ стараго Магометъ-бая, истинно комическаго персонажа, который всю свою жизнь провелъ въ лѣсу и даже не зналъ, кто теперь владѣетъ страною — Якубъ-бекъ или китайцы. Эти лѣсные жители свободны отъ податей и вслѣдствіе этого отъ всякаго сношенія съ китайскими властями. Пожалуй, китайцы и не подозрѣваютъ, что лѣса Керіи-дарьи населены, иначе, навѣрное, и эти туземцы не избѣгли-бы посѣщеній сборщиковъ податей.

Между прочимъ, насъ здѣсь удивили сообщеніемъ, что три года тому назадъ изъ-за рѣки явился тигръ и зарѣзалъ корову. Магометъ-бай и его пастухи унесли остатки животнаго въ свой лагерь, желая воспользоваться шкурой, а затѣмъ вернулись къ овцамъ, чтобы загнать ихъ въ загонъ. Въ ихъ отсутствіе тигръ вернулся и докончилъ свою трапезу, несмотря на то, что зарѣзанная корова лежала около самаго костра.

Магометъ-бай.
(Съ рисунка автора).

Слѣды показали, что звѣрь ушелъ затѣмъ на сѣверъ. Но черезъ нѣсколько дней онъ опять вернулся и направился къ востоку въ пустыню. Вообще-же въ этихъ мѣстахъ тигръ крайне рѣдкое явленіе. Насъ это сообщеніе о тигрѣ очень оживило, такъ какъ мы предположили, что тигръ появился изъ окрестностей Шахъ-яра на Таримѣ, въ лѣсной области котораго водятся тигры. Но старикъ сомнѣвался въ этомъ и сообщилъ, что песокъ дальше къ сѣверу образуетъ высокія

нагроможденія, и что, если вообще тамъ на сѣверѣ и есть рѣка по имени Яркендъ-дарья или Таримъ, то ужъ, навѣрно, до нея не менѣе двухъ мѣсяцевъ пути. Въ теченіе тѣхъ 35 лѣтъ,

Сатма Магомета-бая въ Катакѣ.
(Съ рисунка автора).

что онъ живетъ въ этой области, воды въ рѣкѣ нисколько не убавилось, но песку стало больше, и онъ сильно напираетъ на лѣсъ. По соображеніямъ Магометъ-бая песчаная пустыня

простиралась къ сѣверу „до самаго конца свѣта, до котораго и было около трехъ мѣсяцевъ пути".

Совершенно отрѣзанный со своей семьей — женой, сыновьями и внучатами отъ внѣшняго міра, Магометъ-бай, однако, сохранилъ свою магометанскую религію и неукоснительно исполнялъ всѣ ея обряды. „Не дѣлай я этого" — пояснялъ онъ: — „волки или дикіе кабаны давно-бы покончили съ моими овцами".

Покровителемъ своимъ эти лѣсные жители считаютъ Хазретъ-и-Музу (Моисея), который, по преданіямъ, самъ былъ пастухомъ, и ежедневно молятся ему. Они не знаютъ названій мѣсяцевъ и дней, но родного языка, который сопровождаетъ людей на край свѣта, не забыли; по разговору они почти и не отличаются отъ своихъ родичей, разбросанныхъ по всей странѣ. Можно подмѣтить лишь нѣкоторыя особенности выговора и сравнительную бѣдность языка.

Я высказалъ Магометъ-баю, что, по моему, хорошо пользоваться такой неограниченной свободой и, главное, знать-не знать никакихъ китайскихъ властей, и онъ отвѣтилъ, что считаетъ волковъ и дикихъ кабановъ такими-же жестокими врагами, какъ и китайцевъ.

9 февраля мы направились дальше къ сѣверу. Рѣка, которая еще около Катака имѣла въ ширину 84 м. — правда въ томъ мѣстѣ, гдѣ она образуетъ озеровидное расширеніе — сузилась теперь до 15 м. и текла между непроходимыми лѣсными чащами медленно, крупными извилинами.

Вечеромъ мы расположились лагеремъ въ пустынѣ, такъ какъ послѣднія пастушьи стойбища остались уже позади насъ. Здѣсь рѣка походила на ручеекъ, шириною въ 5 м.; притокъ воды въ ней едва достигалъ 1 куб. м. въ секунду.

На слѣдующій день послѣдній нашъ проводникъ повернулъ обратно, а мы продолжали путь, руководясь этой изсыхающей полоской воды, продираясь съ помощью топора сквозь чащи тамариска, пересѣкая небольшія камышевыя заросли или шагая между поросшими рѣдкой растительностью барханами.

Сердце у меня сжалось, когда мы, наконецъ, дошли до того мѣста, гдѣ рѣка погибала въ неравной борьбѣ съ песками и гдѣ полоска хрупкаго пористаго льда обрывалась. Въ тече-

ніе цѣлаго дня мы, однако, еще безъ труда руководились сухимъ русломъ рѣки, которое наполняется водой лишь въ лѣтнее половодье. Русло это было узко и глубоко; по берегамъ росъ лѣсъ, настолько частый, что путь въ немъ можно было проложить лишь огнемъ.

Тамъ и сямъ въ чащѣ виднѣлись проходы, вродѣ туннелей, проложенные къ рѣкѣ дикими кабанами. Ландшафтъ нѣсколько напоминалъ каналы, вырытые между сплошными рядами темныхъ финиковыхъ пальмъ около Басры.

Вечеромъ 10 февраля мы расположились лагеремъ въ самомъ руслѣ, гдѣ вырыли колодезь и нашли воду на глубинѣ 1.85 м., здѣсь-же въ послѣдній разъ слышали мы, какъ вѣтеръ шуршалъ желтой, высохшей листвой, опавшей съ тополей осенью. Затѣмъ опять со всѣхъ сторонъ объялъ насъ вѣчный песокъ, и намъ предстояло еще разъ помѣряться съ нимъ силами.

IX.

Родина дикихъ верблюдовъ.

Странствуя по этой сказочной странѣ, я все время горѣлъ желаніемъ хоть разъ увидать дикаго верблюда. Но я и не мечталъ никогда познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ животнымъ такъ близко, какъ это удалось мнѣ теперь. Вообще, хоть и я видѣлъ въ петербургскомъ музеѣ Акамедіи наукъ чучело дикаго верблюда, привезенное Пржевальскимъ, и зналъ, что Литледэлю, Пѣвцову и его офицерамъ случалось подстрѣливать дикихъ верблюдовъ, я какъ-то не могъ освободиться отъ нѣкотораго скептицизма по отношенію къ этому животному, и оно все оставалось для меня почти миѳическимъ существомъ.

Чтобы такимъ торжественнымъ вступленіемъ не ввести въ заблужденіе читателя, который, пожалуй, сочтетъ меня какимъ-то Немвродомъ, спѣшу добавить, что самъ я не застрѣлилъ ни одного дикаго верблюда. Во первыхъ, я вовсе не охотникъ, что, впрочемъ, отчасти и хорошо, такъ какъ можно употреблять время съ большею пользою, во вторыхъ, я близорукъ, что представляетъ большое неудобство: дичь

успѣваетъ скрыться прежде, чѣмъ я успѣю уловить тѣнь ея; наконецъ, въ третьихъ, будь я даже охотникомъ, я врядъ-ли рѣшился бы произвести выстрѣлъ въ такое животное, какъ дикій верблюдъ.

Но, приближаясь къ обѣтованной землѣ дикихъ верблюдовъ, самой внутренней и непроходимой части пустыни Гоби, я, конечно, не желалъ упустить случая пріобрѣсти шкуру этого животнаго, которую надѣялся когда нибудь привезти въ Стокгольмъ.

Моя собственная непригодность, какъ охотника, съ избыткомъ возмѣщалась охотничьими способностями Исламъ-бая и двухъ изъ моихъ людей, взятыхъ съ Хотанъ-дарьи. Они были отличными стрѣлками и сгорали желаніемъ узрѣть это животное, о которомъ лишь слыхали. Во время странствованія по лѣсамъ Керіи-дарьи у насъ только и разговору было, что о дикихъ верблюдахъ.

„Происходятъ дикіе верблюды отъ домашнихъ, которыхъ держали въ древнихъ городахъ" — съ увѣренностью объяснялъ мой славный Ахметъ-Мергенъ, и я, при всемъ моемъ уваженіи къ Пржевальскому, склоняюсь на сторону Ахмета. Если судить по собранію найденныхъ мною около Буразана терракотовыхъ изображеній верблюдовъ, изображеній, которымъ, по всей вѣроятности, не менѣе 2 тысячъ лѣтъ, верблюдъ уже и въ тѣ древнія времена считался однимъ изъ главнѣйшихъ домашнихъ животныхъ.

Да и вполнѣ правдоподобно, что погребенные въ пустынѣ Такла-маканъ города вели съ Китаемъ и Индіей караванную торговлю на верблюдахъ. Когда-же песокъ сталъ грозно надвигаться на города, душить растительность и запружать каналы, корабли пустыни, вѣроятно, находили массу удобныхъ случаевъ освободиться отъ ярма, надѣтаго на нихъ человѣкомъ. Размножившись на свободѣ, они теперь и водятся въ изобиліи и въ этой и въ другихъ частяхъ пустыни Гоби.

Какъ ни рискованно съ моей стороны высказывать такое предположеніе, я всетаки скажу, что если-бы удалось прослѣдить по восходящей линіи родъ нынѣшнихъ дикихъ верблюдовъ, мы не далѣе, какъ въ сотомъ поколѣніи, вернулись-бы къ домашнимъ. Приведу нѣкоторые доводы въ пользу этого предположенія.

Пржевальскій нашелъ дикихъ верблюдовъ въ области Астынъ-тага и около Лобъ-нора и выводитъ изъ своихъ наблюденій заключеніе, что нынѣшніе дикіе верблюды происходятъ прямо отъ дикихъ предковъ, но что, вѣроятно, нѣсколько разъ скрещивались съ домашними верблюдами, убѣжавшими на волю. Эти послѣдніе и оставили въ тѣхъ случаяхъ, когда были способны къ производительности, потомство, которое въ слѣдующихъ поколѣніяхъ уже ничѣмъ не отличалось отъ типа дикихъ. Въ томъ-же духѣ высказывается и докторъ Е. Ганъ въ своей книгѣ „Домашнія животныя“ (Die Hausthiere).

Все сказанное относится, разумѣется, лишь, къ тѣмъ верблюдамъ, которыхъ Пржевальскій видѣлъ самъ. Онъ, ясное дѣло, не могъ ничего сказать о верблюдахъ, водящихся въ области нижняго теченія Керіи-дарьи, такъ какъ и не подозрѣвалъ о ихъ существованіи здѣсь, опредѣливъ районъ распространенія дикихъ верблюдовъ слѣдующимъ образомъ:

„По единогласнымъ утвержденіямъ жителей области Лобъ-норъ, настоящею родиною дикихъ верблюдовъ должна считаться песчаная пустыня Кумъ-тагъ, къ востоку отъ Лобъ-нора. Водится онъ и въ области нижняго теченія Тарима и въ Курукъ-тагѣ; въ области Черченъ-дарьи встрѣчается рѣдко, а къ западу отъ Хотана и вовсе не попадается“.

Докторъ Ганъ пишетъ: „Родиною дикаго верблюда можно считать пустыни Центральной Азіи. Районъ распространенія всѣхъ животныхъ пустыни обыкновенно очень широкъ, и можно поэтому предполагать, что и дикій верблюдъ водился нѣкогда по всей обширной пустынной области отъ Западной Индіи и Сѣверной Персіи до Монголіи.

„Гдѣ, когда и какимъ народомъ обращенъ верблюдъ въ домашнее животное, мы не знаемъ. Вѣроятно, приручили его кочевавшіе по пустынѣ племена, которыя, можетъ быть, тамъ и сямъ на оазисахъ занимались отчасти земледѣліемъ, но главнымъ образомъ жили охотой“.

Хотя описаніе дикаго верблюда, сдѣланное Пржевальскимъ, въ общихъ чертахъ подходитъ къ верблюдамъ, водящимся въ пустынѣ, къ сѣверу отъ Керіи-дарьи, нельзя, однако, прямо подвести послѣднихъ подъ одну категорію съ первымъ, такъ какъ, повидимому, районъ ихъ распространенія ограниченъ, и они не имѣютъ никакой связи съ лобъ-норскими вер-

блюдами. То, что относится къ одной группѣ, не можетъ быть безусловно отнесено къ другой. Въ одной можетъ преобладать кровь домашнихъ, въ другой кровь дикихъ животныхъ.

Въ зоологическомъ отношеніи различіе между домашнимъ и дикимъ верблюдомъ, во всякомъ случаѣ, крайне незначительно, и докторъ Ганъ говоритъ: „Дикій верблюдъ отличается отъ домашняго только отсутствіемъ жировыхъ отложеній на горбахъ, присущихъ домашнему". Что-же до меня, то я нашелъ у трехъ застрѣленныхъ нами дикихъ верблюдовъ совершенно ясно выраженныя жировыя отложенія на горбахъ, хотя и не столь сильно развитыя, какъ у домашнихъ.

Впервые услыхали мы о keрiи-дарьинскихъ дикихъ верблюдахъ 1 февраля въ области Тонкузъ-басте. Пастухи, проживающіе въ этой области, не видали самыхъ верблюдовъ, но видали ихъ слѣды на пескѣ, прилегавшемъ къ опушкѣ лѣса. Съ тѣхъ поръ дня не проходило, чтобы мы не узнавали чего нибудь новаго объ этихъ замѣчательныхъ животныхъ.

Многіе-же пастухи, жившіе дальше внизъ по рѣкѣ, видали верблюдовъ, бродящихъ въ одиночку или стадами по пяти, шести головъ. Они точь въ точь походили на домашнихъ своихъ родственниковъ: та-же величина, та-же поступь, тѣ-же привычки. Время течки наступаетъ и для дикихъ верблюдовъ въ январѣ, февралѣ; и даже слѣды ихъ подошвъ на пескѣ оказались совершенно одинаковыми со слѣдами, оставленными домашними.

Мнѣ говорили, что дикій верблюдъ очень пугливъ и, замѣчая, что его преслѣдуютъ, несется, какъ вѣтеръ, безъ остановки дня два, три. Особенный ужасъ наводитъ на него дымъ отъ костра, и пастухи утверждали, что, зачуявъ запахъ горящаго дерева, онъ также обращается въ бѣгство и исчезаетъ надолго.

Проживающіе недалеко отъ устья рѣки пастухи держали однажды пару домашнихъ верблюдовъ, и, когда послѣдніе паслись на свободѣ, дикіе, завидѣвъ ихъ, убѣгали отъ нихъ, какъ отъ чумы, считая ихъ за такихъ-же враговъ, какъ волковъ или тигровъ.

Пастухи разсказывали, что дикій верблюдъ мгновенно замѣчаетъ отверстіе въ носовомъ хрящѣ, а также палочку и

веревку, посредствомъ которыхъ управляютъ домашними верблюдами. Дикій верблюдъ сразу угадываетъ также, что домашній родственникъ его носитъ вьюки — будь то мука, мясо, шерсть или тому подобное — по сплюснутымъ горбамъ.

Я не зоологъ, но позволю себѣ высказать предположеніе, что именно эти черты, которыя, впрочемъ, какъ я имѣлъ случай наблюдать, проявляются не такъ ужь рѣзко, слѣды атавизма, доказывающіе, что дикій верблюдъ былъ нѣкогда домашнимъ, и что поколѣніе, нынѣ блуждающее по пескамъ Гоби, еще сохраняетъ безсознательный страхъ передъ всѣмъ, что напоминаетъ о рабствѣ его предковъ, о томъ времени, когда они стояли на привязи у лагерныхъ костровъ, когда тиранъ-человѣкъ прокалывалъ имъ шиломъ носовой хрящъ и придавливалъ имъ горбы и шерсть тяжелыми вьюками.

Мой верховой верблюдъ.

(Съ рисунка автора).

Старикъ Магометъ-бай, послѣдній пастухъ, котораго мы встрѣтили по теченію Керіи-дарьи, зналъ повадки своихъ дикихъ сосѣдей такъже хорошо, какъ повадки своихъ овецъ. Его маленькій агылъ, съ населеніемъ изъ 10 человѣкъ, питался въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ главнымъ образомъ мясомъ дикихъ верблюдовъ. Такъ нынѣшній годъ онъ застрѣлилъ трехъ верблюдовъ.

Ружье у него было такое, что попадать изъ него можно было лишь въ 50 шагахъ, и онъ поэтому забирался въ засаду, становясь противъ вѣтра, и терпѣливо поджидалъ верблюда. Если-же верблюдъ завидитъ врага, то пускается прочь галопомъ, и догнать его нечего и думать, такъ какъ онъ бѣжитъ, не останавливаясь, дня два.

Въ прошломъ году Магометъ-баю удалось поймать недѣльнаго дѣтеныша, который всю весну и лѣто пасся на

свободѣ вмѣстѣ съ овцами и скоро сталъ совсѣмъ ручнымъ. Къ сожалѣнію, онъ недолго пожилъ.

Въ томъ, что дикій верблюдъ такъ легко становится ручнымъ, можно, пожалуй, тоже видѣть черту атавизма. Зато съ другой стороны и домашніе верблюды тоже удивительно быстро дичаютъ и забываютъ, что они рабы человѣка. Когда мой караванъ въ прошломъ году погибъ въ пустынѣ, одинъ изъ верблюдовъ спасся, убѣжавъ въ лѣсъ на берегу Хотанъ-дарьи, и я уже упоминалъ, какъ трудно было охотнику поймать одичавшее въ теченіе двухъ недѣль животное, убѣгавшее со всѣхъ ногъ при его приближеніи.

Вообще домашній верблюдъ злонравенъ и далеко не кротокъ. Его никогда не удается приручить такъ, какъ лошадь. Вздумаешь потрепать его по ребрамъ, онъ того и гляди лягнетъ тебя, начнешь гладить по головѣ, онъ сердито кричитъ и плюется. Одинъ мой верховой верблюдъ составлялъ исключеніе изъ общаго правила. Мы съ нимъ очень сдружились. Но онъ зналъ, что я никогда не прибью его, не дерну за веревку, продѣтую въ носовой хрящъ.

Относительно дикаго верблюда мы узнали еще, что онъ держится въ самомъ сердцѣ пустыни и въ хорошо знакомыхъ ему впадинахъ, кое-гдѣ поросшихъ кустами тамариска и тополями. Лѣтомъ обильная водою рѣка течетъ далеко за предѣлы послѣднихъ людскихъ поселеній. Дикіе верблюды время отъ времени и ходятъ тогда стадами къ рѣкѣ напиться и хорошенько попировать въ камышахъ. Зимою-же дикій верблюдъ вовсе не пьетъ, какъ увѣрялъ меня Магометъ-бай.

Дикій верблюдъ боится лѣса и никогда не забирается въ чащу, гдѣ нельзя видѣть во всѣ стороны и гдѣ ему нѣтъ простора разбѣжаться, спасаясь отъ нападенія. Онъ любитъ открытыя песчаныя пространства и, если домашняго верблюда зовутъ кораблемъ пустыни, то дикаго можно уподобить „летучему голландцу", который „носится, носится и никогда не тонетъ" даже въ этихъ ужасныхъ областяхъ, гдѣ домашній „корабль пустыни" терпитъ крушеніе.

9 февраля мы наткнулись на первый признакъ, говорившій, что мы вступаемъ въ область, гдѣ водится дикій верблюдъ: на кустѣ висѣлъ клокъ шерсти. Спустя-же день, стали попадаться въ изобиліи свѣжіе слѣды и пометъ верблюдовъ. Охот-

ники наши оживились, предприняли длинный обходъ по песку, но возвратились только съ сообщеніемъ, что видѣли, какъ стадо въ семь головъ скрылось въ пустынѣ.

Отъ керіи-дарьинскихъ пастуховъ я слышалъ такую легенду о происхожденіи дикаго верблюда.

Аллахъ послалъ на землю одного изъ небесныхъ духовъ, превративъ его въ дервиша и велѣвъ ему отправиться къ Хазретъ-Ибрагиму (патріарху Аврааму) и попросить у того часть его домашнихъ животныхъ.

Въ теченіе 20 дней Авраамъ ежедневно давалъ бѣдному дервишу по тысячѣ головъ скота; въ первый день — овецъ, на второй — козъ, потомъ яковъ, лошадей, верблюдовъ и т. д. Аллахъ спросилъ затѣмъ дервиша, исполнилъ-ли Авраамъ его просьбу, и узналъ, что Авраамъ отдалъ весь свой скотъ и самъ сталъ бѣднякомъ.

Тогда Аллахъ повелѣлъ дервишу вернуть Аврааму всѣхъ животныхъ. Но Авраамъ отказался, говоря, что не беретъ обратно того, что разъ далъ. Дервишъ передалъ Аллаху отвѣтъ Авраама, и Аллахъ повелѣлъ дервишу выпустить всѣхъ животныхъ на волю, блуждать безъ хозяина, и предоставилъ каждому желающему право ловить и убивать ихъ.

Овцы превратились въ архаровъ, козы въ дикихъ козъ, кіиковъ и мараловъ, яки убѣжали въ горы и одичали, лошади стали куланами, а верблюды ушли въ пустыню.

11 февраля мы шли по переходной области, гдѣ русло рѣки становилось все менѣе замѣтнымъ, лѣсъ понемногу рѣдѣлъ, кусты тамариска попадались все рѣже, а песокъ становился все толще, но еще не особенно затруднялъ нашъ путь. Тамъ и сямъ вдоль прежняго русла, теперь засыпаннаго пескомъ, попадался одинокій тополь. Зато старые стволы, хрупкіе какъ стекло, шли тѣсными рядами, отмѣчая путь рѣки въ тѣ времена, когда она съ большимъ успѣхомъ боролась съ песками.

По такой мѣстности шли мы почти цѣлый день. Слѣды дикихъ верблюдовъ попадались теперь въ такомъ изобиліи, что мы уже не обращали на нихъ вниманія.

Подъ вечеръ достигли мы области, гдѣ старое русло стало опять замѣтнѣе, а кусты тамариска многочисленнѣе. Вдругъ Касимъ, который съ ружьемъ на плечѣ всегда шелъ впереди, чтобы высматривать удобные переходы, остановился, какъ

вкопанный, съежился, какъ кошка, подалъ намъ знакъ не трогаться съ мѣста, и словно пантера безшумно шмыгнулъ въ кусты тамариска.

Тутъ и мы всѣ увидѣли въ разстояніи шаговъ двухсотъ стадо дикихъ верблюдовъ. Бинокль у меня, по обыкновенію, былъ подъ руками, и я отлично могъ прослѣдить всю сцену охоты. Касимъ былъ вооруженъ своимъ примитивнымъ кремневымъ ружьемъ, а Исламъ-бай, послѣдовавшій за нимъ, русскою берданкою.

Когда раздался выстрѣлъ Касима, верблюды вздрогнули, внимательно смотрѣли въ теченіе нѣсколькихъ секундъ въ нашу сторону, потомъ круто повернули и пустились къ сѣверу, но не особенно быстро, вѣроятно, еще не вполнѣ придя въ себя отъ удивленія или не понимая хорошенько въ дѣло.

Голова домашняго верблюда.
(Съ рисунка автора).

И тотъ верблюдъ, въ котораго стрѣлялъ Касимъ, потрусилъ рысцею, но тяжело и медленно, такъ что мы настигли его почти въ ту-же минуту, какъ онъ упалъ. Онъ еще дышалъ, но ударъ ножа въ горло сразу прервалъ его агонію.

Что было лихорадочнаго оживленія, болтовни и возни въ этотъ вечеръ! Мы, вѣдь, почти уже потеряли надежду даже увидать дикаго верблюда, и вотъ онъ лежалъ передъ нами — чуть было не сказалъ: живехонькимъ!

Приступили къ разглядыванью и изслѣдованью животнаго. Оно оказалось самцомъ, лѣтъ двѣнадцати, и той-же величины,

какъ и наши верблюды. Но шерсть на немъ, исключая нижней стороны шеи, макушки, горбовъ и наружной стороны лопатокъ, была короткая, и, въ сравненіи съ нашими верблюдами, онъ смотрѣлъ голымъ.

Длина его отъ верхней губы, вдоль туловища и до хвоста равнялась 3,3 м.; обхватъ (между горбами) 2,14 м. Подошвы переднихъ ногъ имѣли 21 сантим. ширины и 22 сантим. длины, мозоли на нихъ были жестче и менѣе стерты, чѣмъ у нашихъ верблюдовъ.

Копыта тоже были длиннѣе и болѣе похожи на загнутые когти, такъ что слѣды, оставляемые ими на пескѣ выходили рѣзче, нежели оставляемые нашими верблюдами. Верхняя губа была не такъ сильно раздвоена и короче, нижняя не отвисала, и взглядъ былъ болѣе дикимъ, чѣмъ у домашнихъ верблюдовъ.

Голова дикаго верблюда.
(Съ рисунка автора).

Горбы были меньшихъ размѣровъ и правильной формы, образуя прямо торчащіе конусы, тогда какъ у домашнихъ верблюдовъ вслѣдствіе ношенія тяжестей и жировыхъ наростовъ, они свѣшиваются на стороны. Убитый верблюдъ былъ красновато-бурой масти, нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ у домашнихъ. Шерсть была замѣчательно тонкая, мягкая и безъ всякихъ изъяновъ.

Но время терять некогда было. Солнце опускалось все ниже, и вечерняя свѣжесть становилась все ощутительнѣе (въ 9 ч. вечера было — 8.4°). „Надо спасти шкуру“ — объявилъ я. Но Исламъ основательно замѣтилъ, что она составитъ еще цѣлый верблюжій вьюкъ, а какъ разъ теперь-то меньше всего и слѣдовало обременять верблюдовъ,—намъ предстоялъ переходъ черезъ песчаное море, и надо было еще захватить съ собой запасъ воды. Минутному колебанію былъ положенъ конецъ, когда Касимъ, застрѣлившій верблюда, рѣшительно объявилъ, что шкуру надо взять, хоть-бы ему самому пришлось нести ее на плечахъ.

Закипѣла работа. Исламъ и Ахметъ принялись снимать шкуру, Касимъ сталъ копать колодезь, а Керимъ Джанъ устраивать лагерь и разъвьючивать верблюдовъ, которыхъ на эту ночь оставили связанными изъ опасенія, чтобы они не вздумали отправиться въ пустыню розыскивать своихъ дикихъ родственниковъ. Я занялся приготовленіемъ себѣ ужина, а затѣмъ принялся за свой дневникъ.

Поздно вечеромъ всѣ снова собрались вокругъ костра. Шкура оказалась такой тяжелой, что трое людей еле доволокли ее до лагеря. Съ головы и съ ногъ шкура, впрочемъ, еще не была снята, и работа продолжалась при свѣтѣ костра. Но не скоро то удалось закончить ее и разстелить всю шкуру цѣликомъ на пескѣ. Шкуру посыпали теплымъ пескомъ, который въ теченіе ночи нѣсколько разъ замѣняли новымъ. Песокъ впитывалъ въ себя влажность, и шкура къ утру значительно убавилась въ вѣсѣ.

Рытье колодца, напротивъ, дало менѣе утѣшительные результаты. Касимъ рылъ неутомимо, но и на глубинѣ 3.20 м. песокъ оказался лишь чуть сыроватымъ, и онъ бросилъ попытки.

Мы положили поэтому остаться на этомъ мѣстѣ весь слѣдующій день: опытъ научилъ насъ, что пускаться вглубь пустыни безъ достаточнаго запаса воды — значитъ идти на гибель. У насъ и рѣшено было идти къ сѣверу лишь до тѣхъ поръ, пока у насъ въ запасѣ будетъ вода, во всякомъ случаѣ не идти, не находя воды, долѣе одного дня. Въ такомъ случаѣ возвращеніе наше было обезпечено. Но, конечно, перспектива вернуться назадъ по тому же пути была намъ очень не по вкусу.

Попытка вырыть колодезь въ другомъ мѣстѣ, предпринятая на слѣдующее утро 12-го февраля, также не удалась. Тогда Касимъ сталъ продолжать рыть начатый наканунѣ колодезь и нашелъ таки воду на глубинѣ 4.16 м. Температура воды равнялась 13.75°, хотя поверхность воды и была прохвачена морозомъ (температура воздуха въ 9 ч. утра равнялась — 3.6°). Въ колодезь спустили наскоро смастеренную лѣстницу и стали черпать ведромъ воду, медленно сочившуюся изъ песчанаго слоя, находившагося между двумя слоями глины.

Сначала дали напиться всласть верблюдамъ и осламъ, потомъ въ теченіе дня наполнили водою четыре козьихъ бур-

дюка, и 13 февраля могли снова съ легкимъ сердцемъ пуститься въ путь. Верблюжья шкура стала послѣ обработки ея теплымъ пескомъ, такою легкою, что ее могъ нести даже оселъ, но само собой вѣчно отставалъ отъ другихъ.

Тотчасъ послѣ того, какъ мы оставили за собою ясно выраженную борозду рѣчного русла, налѣво отъ насъ показалось стадо изъ шести верблюдовъ. Нѣкоторые паслись, другіе отдыхали. Одинъ былъ самецъ, двое дѣтенышей и три самки. Къ удивленію нашему, мы могли подойти къ нимъ почти на 200 шаговъ, наблюдая за всѣми ихъ движеніями; это было тѣмъ легче, что солнце стояло высоко, и воздухъ былъ чистъ. Большой самецъ лежалъ совершенно спокойно около тополя; остальные стояли въ выжидательной позѣ и смотрѣли на насъ съ большимъ вниманіемъ, не проявляя ни малѣйшаго намѣренія обратиться въ бѣгство.

Мы медленно продолжали свой путь, а Исламъ въ это время, забравъ въ обходъ, подкрался къ нимъ на 50 шаговъ. Животныя, однако, почуяли опасность. Самецъ всталъ, и стадо медленною рысью пустилось къ сѣверо-востоку, причемъ имъ предстояло пересѣчь нашъ путь и пробѣжать мимо тамариска, за которымъ притаился Исламъ.

Раздался выстрѣлъ, самецъ сдѣлалъ еще шага три и упалъ. Когда мы приблизились къ нему, онъ былъ уже мертвъ. Пуля попала въ горло, и отверстіе, пробитое ею, было такъ невелико, что мы съ трудомъ нашли его, — изліяніе крови задерживалось густою шерстью.

Это былъ великолѣпный экземпляръ; но намъ предстоялъ переходъ черезъ пустыню, и нельзя было терять время на сниманье шкуры. Люди удовольствовались тѣмъ, что вырѣзали изъ горбовъ жиръ, который отлично пригодился для сдабриванья рисовой каши. Сняли также съ животнаго порядочное количество шерсти; изъ нея мы потомъ свили веревки, въ которыхъ нуждались.

У этого верблюда горбы были очень сильно развиты. Передній горбъ упирался на семь спинныхъ позвонковъ, задній на шесть. У первыхъ изъ этихъ позвонковъ дуги были сильно развиты, у другихъ же дуги почти не выдавались изъ хребта. Между позвонками были натянуты крѣпкія желтыя жилы, а жировыя отложенія горбовъ связывались съ туловищемъ

только соединительной тканью, такъ что ихъ легко было срѣзать.

Остальную тушу всю бросили, уготовавъ „роскошный дастарханъ волкамъ и лисицамъ", — какъ выразился Ахметъ-Мергенъ. Первый убитый верблюдъ, съ котораго сняли шкуру, застылъ за ночь такъ, что обратился въ твердую замороженную глыбу. Безъ сомнѣнія, дикіе верблюды долго будутъ обѣгать мѣстъ, гдѣ лежали убитые ихъ товарищи.

Мы успѣли пройти не оообенно большой конецъ, какъ наткнулись на третье стадо изъ 5 головъ: одного самца, двухъ самокъ и двухъ дѣтенышей. И эти оказались не особенно пугливыми. Они отбѣжали только шаговъ на пятьдесятъ, подпустили насъ къ себѣ довольно близко, послѣ чего опять отбѣжали и такъ до трехъ разъ. Тутъ Исламъ выстрѣлилъ прежде, чѣмъ я успѣлъ остановить его, въ самку. Пуля попала ей въ колѣно правой передней ноги. Она сразу упала, принявъ обычную позу лежащихъ верблюдовъ. Затѣмъ она склонила голову на лѣвый бокъ, открыла пасть, уткнулась мордой въ песокъ и дико заревѣла отъ боли.

Она не смотрѣла на насъ, но мнѣ почудилось въ ея потухающемъ взорѣ выраженіе ненависти къ мучителямъ ея родичей. Не успѣли воткнуть ей ножъ въ горло, какъ она испустила духъ. Мнѣ совѣстно было за это жестокое, безполезное убійство, и я строго запретилъ впредь стрѣлять въ дикихъ верблюдовъ.

Итакъ, разсказы пастуховъ о необычайной пугливости дикихъ верблюдовъ не подтвердились. Животныя не проявили также на нашихъ глазахъ ни особенной осторожности, ни быстроты и подпускали насъ къ себѣ очень близко. Застрѣлить же дикаго верблюда оказалось вовсе не трудно: онъ падалъ отъ первой пули, куда-бы она ни попадала: въ спину, шею или ногу. Какъ то обстоятельство, что они не были на сторожѣ, такъ и худоба ихъ, ясно указывали, что и они теперь находились въ періодѣ течки.

Преинтересно и презабавно было наблюдать за нашими тремя верблюдами-самцами. Они замѣчали дикихъ куда раньше, чѣмъ мы, и начинали глухо ревѣть, бить хвостомъ по спинѣ, а пѣна такъ и клубилась у нихъ изо рта. При видѣ-же умирающей самки, они совсѣмъ взбѣсились, такъ что пришлось

ихъ привязать; пѣна бѣжала у нихъ изо рта, и они дико вращали свои обыкновенно столь спокойные глаза.

Въ теченіе слѣдующихъ дней мы видѣли еще нѣсколько стадъ, а иногда и одиночекъ. Подъ конецъ, мы такъ привыкли къ этому зрѣлищу, что перестали обращать на него вниманіе. Животныя паслись, поѣдая сухую листву тополей и кусты тамариска; убѣгая-же, они всегда направлялись вглубь пустыни, къ высокимъ барханамъ, на гребни которыхъ взбѣгали съ удивительной легкостью.

Бѣгали они почти такою-же неуклюжею рысью, какъ и домашніе верблюды, такъ-же неграціозно вскидывая на ходу своими длинными ногами. Но у домашнихъ верблюдовъ горбы на бѣгу колеблются и качаются, у дикихъ-же горбы остаются неподвижными и торчатъ прямо кверху. Ревъ дикихъ верблюдовъ по звуку и жалобному тону вполнѣ схожъ съ ревомъ домашнихъ.

Вопросъ о водѣ вдругъ неожиданно разрѣшился. Вечеромъ 13-го мы нашли чистую прѣсную воду уже на глубинѣ 1.53 м. (температура 5. 6°).

14 мы сдѣлали большой переходъ. Песокъ сталъ громоздиться выше, живые тополи и кусты тамариска попадались рѣже, но мертвый лѣсъ въ теченіе всего дня почти не прерывался. Мѣстами твердые побѣлѣвшіе стволы шли такъ часто, что напоминали кресты на кладбищѣ, и мы медленно лавировали между ними. Если верблюды стукались о нихъ вьюками, они разбивались въ дребезги, звеня, точно стекло.

Крутые склоны баргановъ обращены были къ югу и западу. Горизонтъ былъ со всѣхъ сторонъ окаймленъ высокими грозными даванами, среди которыхъ намъ вовсе нежелательно было очутиться. Около каждаго живого тополя виднѣлись остатки верблюжьяго помета, а вѣтви и сучья были объѣдены вплоть до такой высоты, до которой могли дотянуться животныя.

О томъ обстоятельствѣ, что мы все еще шли по старому рѣчному руслу, свидѣтельствовалъ и мертвый лѣсъ и глинистые откосы и гряды, которые попадались между барханами и нѣкогда ясно отмѣчали русло рѣки. Но, чѣмъ дальше мы подвигались къ сѣверу, тѣмъ болѣе прежнія неровности поверхности оказывались сглаженными наноснымъ летучимъ пескомъ.

Иногда мы теряли слѣды русла и разъ, увлекшись слѣдами дикихъ верблюдовъ, далеко уклонились къ западу. Пришлось бросить этотъ слѣдъ. На дневномъ привалѣ, счетомъ XXIV со времени нашего выступленія изъ Тавекъ-кэля, мы нашли воду на глубинѣ 1.65 м. Вода оказалась не хуже рѣчной; температура ея равнялась 6.72°.

Случай помогъ намъ найти на глубинѣ 2 сантим. подъ гребнемъ бархана толстый слой снѣга, который былъ втиснутъ въ самый песокъ и шелъ совершенно параллельно поверхности бархана. Это показывало во первыхъ, что и въ этихъ областяхъ иногда выпадаетъ снѣгъ, во вторыхъ, что и зимою здѣсь бываютъ вѣтры, такъ какъ высота бархана увеличилась на 22 сантим. съ тѣхъ поръ, какъ выпалъ этотъ снѣгъ. Это было единственный разъ, что мы видѣли снѣгъ въ пустынѣ Такла-маканъ.

15 февраля мы очутились между барханами, достигавшими даже 30 м. высоты. Подвѣтренная сторона ихъ была обращена къ юго-западу, а высота относилась къ разстоянію между гребнями слѣдующихъ бархановъ среднимъ числомъ, какъ 1:12.8.

Почти весь день тополи и кусты тамариска попадались крайне рѣдко, но къ вечеру мы опять набрели на полоску растительности. Отъ нашего лагеря мы могли насчитать впереди до 42 живыхъ тополей.

На пескѣ былъ виденъ всего одинъ верблюжій слѣдъ, зато заячьихъ и птичьихъ было вдоволь. По близости-же какой-то охотникъ съ Керіи-дарьи поставилъ нѣсколько шестовъ въ видѣ сигнала. По всей вѣроятности, эти охотники дальше къ сѣверу и не заходятъ.

Вечеромъ нашли воду на глубинѣ 1.92 м.; температура воды равнялась 7.51°. Температура воздуха въ 9 ч. вечера равнялась — 9.9°; минимальный термометръ далъ за ночь — 17.5°. Почва оказалась промерзшей до глубины 14 сантим. Содержавшій воду песчаный слой покоился на вязкой глинѣ.

16 февраля. Медленно продолжаемъ подвигаться къ сѣверу. Каждый день точно высчитываемъ пройденное разстояніе, а каждый вечеръ вѣроятное разстояніе, еще отдѣляющее насъ отъ Тарима, къ берегамъ котораго мы такъ стремимся изъ этой опасной пустыни. Утромъ барханы стали пониже, и

мы съ нетерпѣніемъ искали на сѣверномъ горизонтѣ темной линіи, обозначавшей лѣсную полосу Тарима.

Оазисъ съ 70-ю свѣжими тополями манилъ насъ отдохнуть, но тутъ Ахметъ-Мергенъ открылъ слѣдъ пантеры и сказалъ, что врядъ ли этотъ звѣрь удаляется отъ воды болѣе, чѣмъ на день пути, мы и продолжали путь, не допуская мысли, чтобы пантера эта могла явиться съ юга, съ Керіи-дарьи.

Между тѣмъ барханы опять достигли 15 м. высоты, ландшафтъ оставался мертвымъ, и только раза два попался на дорогѣ пометъ дикихъ верблюдовъ. Тѣмъ временемъ уже смерклось, и мы расположились лагеремъ около одинокаго тополя, вѣтви котораго скоро были общипаны нашими верблюдами.

Нашъ лагерь около одинокаго тополя въ пустынѣ.

(Съ рисунка автора).

Ослы наши во время перехода по этой части пустыни питались, главнымъ образомъ, пометомъ дикихъ верблюдовъ.

Копать колодезь было слишкомъ поздно, но у насъ еще оставался запасъ воды въ бурдюкахъ. Топливо нашлось, и скоро мы сидѣли въ бесѣдѣ вокругъ весело горѣвшаго костра, подъ открытымъ небомъ, на темной синевѣ котораго ярко сіяли звѣзды.

Люди въ отличномъ настроеніи и возлагаютъ на завтрашній день самыя свѣтлыя надежды. Керимъ-Джанъ убираетъ и кормитъ нашихъ верблюдовъ, Ахметъ и Касимъ, набравъ по близости сухихъ корней и вѣтвей, поддерживаютъ огонь. Исламъ сидитъ на корточкахъ и помѣшиваетъ ложкой въ котелкѣ, гдѣ варится пилавъ съ лукомъ, изюмомъ, мор-

9*

ковью и жиромъ изъ горбовъ верблюдовъ. Я самъ лежу въ растяжку на войлочномъ коврѣ, попыхиваю трубкой и заношу при свѣтѣ костра замѣтки въ свой дневникъ.

Вокругъ насъ громоздятся барханы. Тополь, ярко освѣщенный огнемъ, стоитъ одинокій, сиротливый, а звѣзды словно факсируютъ насъ своими острыми взорами и какъ бы раздумываютъ — ужь не обитатели-ли древнихъ городовъ возстали въ нашемъ лицѣ къ новой жизни?

Тихо, пустынно вокругъ. Было-бы прямо жутко, если-бы не трескъ сухого топлива, жадно пожираемаго пламенемъ. Я кажусь самому себѣ какимъ-то конунгомъ въ этой странѣ, куда предпринялъ настоящій походъ. Я и завоевалъ ее. Она принадлежитъ мнѣ. Я первый европеецъ, вступившій въ эту неизвѣстную, забытую область.

17 февраля. Ландшафтъ не мѣняется, песокъ все такъ-же мощенъ и трудно проходимъ. На востокѣ и западѣ снова показались даваны. Тѣмъ не менѣе время отъ времени встрѣчались тополи. Всѣ они попрежнему оказывались почти на прямой линіи SN, т. е. шли параллельно Хотанъ-и Керіи-дарьѣ, а не Тариму. И ничто не говорило о близости послѣдняго.

Мы сдѣлали привалъ около двухъ тополей, такъ какъ расчитывали найти здѣсь воду, и дѣйствительно нашли ее на глубинѣ 1.63 м. (температура + 5.4°). Это было тѣмъ болѣе кстати, что запасъ воды у насъ вышелъ еще вчера.

18 февраля. Вода просачивалась такъ медленно, что намъ удалось наполнить всего одинъ толумъ (козій бурдюкъ), съ чѣмъ мы и выступили въ путь. Путь становился все затруднительнѣе. Одинъ даванъ оказался 40 м. высоты. Мы медленно взбирались по уступамъ баркановъ и, наконецъ, достигли вершины. Но даже и съ этой возвышенной точки не было видно ничего, кромѣ безплоднаго песку. Видъ напоминалъ западную часть пустыни Такла-Маканъ.

Мы были необычайно молчаливы въ этотъ день. Разъ только Ахметъ-Мергенъ разсмѣялся, когда я, указавъ ему внизъ съ вершины одного бархана на циркообразную впадину между рогами баркановъ, спросилъ, не хочетъ-ли онъ скатиться туда, присѣвъ на корточки, и принести оттуда водицы. Исламъ и я побывали въ худшей передѣлкѣ, и наше спокойствіе дѣйствовало на другихъ, которые начали уже было падать духомъ.

Выбрали наиболѣе благопріятное мѣстечко, сдѣлали привалъ и принялись рыть колодезь. На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ м. песокъ сталъ лишь чуть влажнымъ, и мы бросили рыть. Запасъ воды выпили вечеромъ и утромъ. Верблюды были голодны и принялись за свои сѣдла.

Больше всего ободряло насъ то, что мы въ теченіе дня два раза пересѣкли слѣды лисицы, которая забѣгала въ пустыню и затѣмъ вернулась къ сѣверу. И что ей понадобилось тутъ? Искала здѣсь зайцевъ? Пожалуй, но она могла найти ихъ поближе. Въ томъ-же направленіи пролетѣла ворона. Ахметъ полагалъ, что она летала на запахъ мертвыхъ верблюдовъ и теперь летѣла назадъ, чтобы созвать на пиръ своихъ подругъ. Можетъ быть, но вѣтеръ въ послѣдніе дни дулъ все съ сѣвера.

Итакъ, вода у насъ вышла, и колодезь оставался сухимъ. Что-жъ, и здѣсь ожидала насъ такая же ужасная пустыня и горькая участь, какъ въ западной части Такла-маканъ? Нѣтъ, на этотъ разъ надо быть умнѣе. Мы составили совѣтъ и рѣшили продолжать путь къ сѣверу еще въ теченіе одного дня. Лисица не могла забѣжать особенно далеко отъ Тарима; но, вѣдь, лиса хитрый звѣрь, коварный путеводитель, и даваться ей въ обманъ не слѣдовало.

Мы и положили, если не найдемъ воды и завтра, вернуться къ колодцу лагеря XXVII.

X.

По лѣсамъ Тарима. Курля. Кара-Шаръ.

19 февраля. Послѣ двухчасоваго пути по барханамъ снова завидѣли на сѣверѣ кое-какую растительность. Оказалось, что она состояла, главнымъ образомъ, изъ столь извѣстнаго въ закаспійской области саксаула, на кашгарскомъ нарѣчіи „саксака“, на хотанскомъ „курука“, а по латыни Anabasis ammodendron. Саксаулъ, повидимому, вытѣснилъ тамарискъ, такъ какъ послѣдняго не было видно.

Снова показались слѣды дикихъ верблюдовъ, зайцевъ, ли-

сицъ и ящерицъ. Въ промежуткахъ между нѣкоторыми барханами попадались участки, называемые моими людьми „шоръ“, т. е. влажные глинистые участки, покрытые выцвѣтами соли. Тамъ и сямъ виднѣлись занесенные вѣтромъ пожелтѣвшіе листья камыша. Таримъ не могъ быть далеко.

Барханы достигали 8—10 м. высоты. Съ вершины одного голаго давана мы, наконецъ, завидѣли неподалеку небольшую камышевую заросль. Около нея мы и сдѣлали привалъ ради верблюдовъ. За ночь они покончили съ этимъ жалкимъ запасомъ. Воду нашли на глубинѣ 1.57 м. (+4.6°), но она оказалась горько соленой, такъ что даже животныя не стали ея пить.

Ахметъ былъ вполнѣ спокоенъ, такъ какъ и онъ успѣлъ замѣтить, что вблизи рѣкъ колодезная вода всегда бываетъ соленой. Во всякомъ случаѣ, я получилъ отличный подарокъ въ день своего рожденія, такъ какъ колодезь далъ намъ ясное доказательство близости Тарима. Вечеромъ мы тѣмъ не менѣе наполнили этой водой нѣсколько сосудовъ, а утромъ растопили образовавшійся изъ нея ночью ледъ (минимальная ночная температура равнялась —15.6°), и вода получилась менѣе соленая; заварили чай, но всетаки можно было лишь съ трудомъ сдѣлать нѣсколько глотковъ.

20 февраля. Лисица обманула насъ лишь на одинъ день. Уже утромъ высота бархановъ равнялась сначала 5, потомъ 2 м. Разбросаны они были рѣдко, какими-то пятнами на ровной твердой поверхности. Изрѣдка стали попадаться тополи и кусты тамариска, и, наконецъ, вдали обрисовалась темная линія лѣсовъ Тарима.

Какое чудное зрѣлище! Всѣмъ опасностямъ конецъ! Вотъ показались и обычные ясные признаки: ситникъ, слѣды дикихъ кабановъ, свѣжій слѣдъ, оставленный всадникомъ, вѣроятно охотникомъ, пересѣкавшій нашъ путь, слѣдъ босоногаго человѣка, должно быть, пастуха. Замѣчательнѣе-же всего было то, что и здѣсь еще виднѣлись слѣды дикихъ верблюдовъ. Въ концѣ концовъ, животныя эти, пожалуй, водятся и на югъ отъ Тарима и вдоль всего его южнаго теченія? Рѣшить этотъ вопросъ не берусь.

Поверхность стала ровнѣе, открытѣе и богаче растительностью; барханы становились все рѣже. Затѣмъ, мы перешли

направляющееся къ востоку сухое русло, — вѣроятно, рукава Тарима, наполняющагося водой въ половодье. Въ немъ оставалась замерзшая лужица, къ которой вела недавно протоптанная тропинка. Намъ слѣдовало-бы сдѣлать тутъ привалъ, но мы продолжали путь, такъ какъ были увѣрены, что до Тарима всего часъ — другой пути.

Лѣсъ становился чаще, но время отъ времени перемежался полянками. Мы были изумлены тѣмъ, что всѣ тропинки, протоптанныя овцами, шли по направленію къ востоку и западу; большая проѣзжая дорога со слѣдами колесъ отъ арбъ тоже. Часъ за часомъ шли мы къ сѣверу. Кругомъ было тихо, не слышалось ни звука. Стало смеркаться, но мы все шли по прежнему направленію. Стемнѣло, а рѣка все не показывалась. Наконецъ, поздно вечеромъ мы прямо таки завязли въ непроходимой чащѣ.

Усталые расположились мы лагеремъ около овечьяго загона, калитка отъ котораго пошла на топливо. Но это уже второй вечеръ мы были безъ воды, и жажда сильно мучила насъ. Люди разбрелись по лѣсу искать воды, но ничего не нашли и, наконецъ, мы рѣшили отложить всякіе поиски до зари.

21 февраля. Таримъ какъ будто убѣгалъ отъ насъ. Цѣлый день искали мы воды и все тщетно, а между тѣмъ слѣдовъ людскихъ и лошадиныхъ попадалось тутъ множество. Мы то пробирались сквозь самую чащу, гдѣ мнѣ приходилось палкой отстранять отъ себя вѣтви и сучья, грозившія исцарапать мнѣ все лицо, то по сочнымъ камышевымъ зарослямъ, то опять по безплоднымъ сухимъ участкамъ съ рѣдкими травяными кочками и степными растеніями.

Жажда стала такъ донимать насъ, что мы раза два пробовали рыть колодезь, но только даромъ потратили время и трудъ. Въ одной рощицѣ набрели мы на три сатмы, на крышахъ которыхъ былъ сложенъ камышъ. Тутъ-же виднѣлись слѣды людей и коровъ.

Слѣды были совсѣмъ свѣжіе, самое большее вчерашніе. Мы стали кричать, отвѣта не было. Нѣсколько сухихъ бороздъ пересѣкали лѣсъ, но въ нихъ не было ни капли воды, ни одной лужицы. И мы все больше и больше углублялись въ этотъ лѣсъ.

Вдругъ послышался крикъ Исламъ-бая, который шелъ впереди: „Су, су!“ (Вода, вода!). Дѣйствительно въ глубокой,

извилистой бороздѣ находился настоящій прудъ, затянутый толстымъ льдомъ. Мы прибавили шагу и, когда добрались до мѣста, люди немедленно прорубили прорубь, припали къ водѣ и стали пить.

Тутъ-же, въ рощѣ изъ старыхъ великолѣпныхъ тополей, разбили лагерь. Люди соединенными силами устроили два большихъ костра, которые и освѣтили весь лѣсъ.

Теперь все опять было хорошо, но еще лучше стало, когда мы разслышали вдали лай собакъ. Ахметъ и Касимъ поспѣшили въ ту сторону. Возвратились они не скоро, но зато съ тремя людьми, которыхъ мы основательно и повыспросили. Между прочимъ, они сообщили намъ, что первое русло, которое мы перешли вчера, называлось Ачикъ-дарья (соленая рѣка), а что лѣсная область эта называлась Кара-ташъ. Пастушьихъ стойбищъ здѣсь много; пасется-же здѣсь до 4,000 овецъ, принадлежащихъ баямъ изъ Шахъ-яра.

На слѣдующій день мы продолжали путь съ проводникомъ къ сѣверовостоку и перешли около Тереса черезъ Яркендъ-дарью (Таримъ), имѣвшую здѣсь 156 м. ширины. Ледъ былъ довольно крѣпокъ, но подъ тяжестью верблюдовъ поддавался и трещалъ. Ихъ переводили поэтому по одиночкѣ, и видно было, что они сами опасались провалиться и выкупаться. Чтобы распредѣлить тяжесть на большую поверхность, они инстинктивно вытягивали ноги какъ можно дальше, а голову пригибали къ самому льду, чтобы не разбиться объ ледъ, еслибъ случилось провалиться.

Въ селеніи Чименъ мы снова нашли кровъ въ примитивной лачужкѣ. Ахметъ и Касимъ были вознаграждены за свои большія услуги мнѣ и должны были вернуться отсюда по руслу Хотанъ-дарьи въ Тавекъ-кэль. Я привязался къ этимъ славнымъ охотникамъ, и мнѣ прямо тяжело было разстаться съ ними. Но ихъ ожидалъ дома яровой посѣвъ, да и голова у нихъ кружилась при мысли о возростающемъ день ото дня разстояніи отъ знакомыхъ областей.

Кромѣ платы китайскимъ серебромъ, я отдалъ имъ обоихъ ословъ и далъ продовольствіе на весь обратный путь до Тавекъ-кэля. Я поручилъ имъ также доставить въ Хотанъ шкуру дикаго верблюда, и они честно исполнили порученіе.

Намъ-же теперь нужны были другіе проводники, которые-бы знали лѣса Тарима и запутанное теченіе рѣки.

Вступивъ 23 февраля въ Шахъ-яръ, мы такимъ образомъ закончили 41 дневный переходъ черезъ пустыню Такла-маканъ, во время котораго сдѣлано было много неожиданныхъ открытій. Я до малѣйшихъ деталей занесъ на карту теченіе Кери-дарьи, установилъ фактъ существованія дикихъ верблюдовъ въ пустынѣ къ сѣверу отъ Керіи-дарьи, нашелъ полудикое пастушье племя и открылъ развалины двухъ древнихъ городовъ. Если первое мое странствованіе по пустынѣ Такла-маканъ было несчастливо, то второе зато представляло цѣлый рядъ удачъ. Въ первое путешествіе мы напрасно искали какихъ либо слѣдовъ древней культуры, зато во второе мы убѣдились, что безчисленныя преданія о погребенныхъ въ пустынѣ сокровищахъ и городахъ не совсѣмъ пустыя басни.

* * *

Въ Шахъ-ярѣ мнѣ пришелъ въ голову смѣлый планъ: отправиться прямо на Лобъ-норъ вмѣсто того, чтобы возвращаться по знакомой уже намъ Хотанъ-дарьѣ, и, такимъ образомъ, сразу-же выполнить одну изъ главнѣйшихъ задачъ моей программы.

Разумѣется, осуществленію этого плана мѣшало многое. Въ Хотанѣ мнѣ еще и въ голову не приходило сдѣлать такой огромный крюкъ въ 2,000 верстъ, и снаряженіе нашей экспедиціи было расчитано вообще только на 50-ти дневную экскурсію. Хуже же всего было то, что я не догадался захватить съ собою ни одной карты Лобъ-нора и оставилъ свой китайскій паспортъ въ Хотанѣ.

Къ счастью, амбань Хотанскій выдалъ мнѣ мѣстный паспортъ, дѣйствительный въ Хотанской области. Намѣреваясь только пересѣчь пустыню, я было считалъ и этотъ клочокъ бумаги безполезнымъ, но впослѣдствіи онъ мнѣ очень и очень пригодился. Въ сравненіи съ этими важными пробѣлами недохватки по части одежды и обуви, — у насъ была взята съ собою лишь зимняя, да валенки, — письменныхъ принадлежностей, чаю и табаку можно было считать пустяками.

Но нужда научитъ извернуться! Я зналъ наизусть карту Лобъ-нора, составленную Пржевальскимъ, да и кромѣ того

старыя карты Лобъ-норской области все равно приходилось подвергнуть основательной провѣркѣ. Рѣшилъ я также избѣгать всякихъ сношеній съ китайскими мандаринами, которымъ могло придти въ голову докучливое желаніе спросить у меня паспортъ. Лѣтнее платье мы могли сшить себѣ сами въ Курлѣ и тамъ-же на базарѣ купить себѣ кожаную обувь. Бумагу оказалось возможнымъ пріобрѣсти въ Шахъ-ярѣ, правда дрянную, но набросанныя на ней замѣтки и эскизы не потеряли отъ этого своего значенія.

„Кокъ-чай", или зеленый чай тоже не трудно было достать здѣсь, а въ нуждѣ можно было обойтись и китайскимъ табакомъ, стертымъ съ зловоннымъ масломъ и глиной изъ какой-то горы въ Китаѣ, ради придачи табаку особаго привкуса. Кромѣ того Исламъ купилъ пшеничной муки, рису, хлѣба, яицъ и сахару и возобновилъ вьючныя сѣдла верблюдовъ. Отдохнувъ два дня въ Шахъ-ярѣ, мы такимъ образомъ готовы были снова выступить въ походъ.

Но сначала нѣсколько словъ о Шахъ-ярѣ. Маленькій городокъ этотъ орошается водами, текущими съ горъ Тянь-шаня. Музъ-артъ-дарья (рѣка ледяного перевала), текущая оттуда къ юго-востоку, дѣлится нѣсколько сѣвернѣе города на два рукава; одинъ изъ нихъ направляется въ Пяснынъ-куль (озеро низменной области), другой течетъ чуть сѣвернѣе города, который и орошается выведенными изъ этого рукава арыками.

Около мѣста раздѣленія рѣки на рукава находится плотина, которая лѣтомъ принуждаетъ полую воду направляться въ озеро, чѣмъ и предупреждается наводненіе; зато, когда вода въ рѣкѣ спадаетъ до минимума, затворы открываютъ, и вода изъ озера течетъ къ городу на пользу окрестнымъ селеніямъ и полямъ.

Шахъ-яръ (терраса царя) управляется бекомъ, двумя минъ-баши и нѣсколькими юзъ-баши. Первый изъ названныхъ, Темиръ-бекъ—„желѣзный предводитель", заговорилъ было со мною свысока, такъ какъ у меня не было паспорта, пытался помѣшать мнѣ продолжать путь и запретилъ подвластнымъ ему жителямъ служить мнѣ проводниками. Мы, однако, перехитрили его, благодаря магической силѣ китайскаго серебра.

Въ окрестностяхъ города воздѣлываются рисъ, пшеница,

маисъ, ячмень, ростутъ абрикосы, персики, виноградъ, яблоки, груши, дыни; разводится также хлопчатникъ и въ небольшомъ количествѣ шелкъ. Главнѣйшими предметами торговли являются, однако, овцы, кожи и шерсть, отправляемыя водою въ Акъ-су. На базарѣ есть лавки двухъ китайскихъ и пяти западно-туркестанскихъ купцовъ. Пріѣзжаютъ сюда купцы и изъ Кашгара, изъ Акъ-су и Хотана. „Ханка" или домъ молитвы, два медрессе и нѣсколько караванъ-сараевъ — единственныя зданія, выдающіяся изъ кучи вѣчныхъ низенькихъ глиняныхъ сакль.

Не стану утруждать читателя подробнымъ описаніемъ нашего путешествія по лѣсамъ Тарима. Но, чтобы дать хоть бѣглый очеркъ этой области, приведу нѣсколько эпизодовъ изъ этого путешествія.

26-го караванъ нашъ изъ трехъ верблюдовъ и 4 людей оставилъ Шахъ-яръ. Когда воздѣланныя окрестности города остались позади насъ, мы вступили въ обширную степную полосу, гдѣ въ изобиліи попадались стада съ пастухами. Сначала мы направились къ юго-востоку и достигли Тарима, называемаго здѣсь Угенъ-дарьей. Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней мы держали путь прямо на востокъ, между названной рѣкой и Инчке-дарьей.

27-го февраля мы шли то лѣсомъ, то открытыми луговинами, покрытыми пастушьими стойбищами, направляясь къ лѣсной области Іолбарсбаши (начало мѣстопребыванія тигровъ). Здѣсь мы заночевали около пастушьей „сатмы". Одинъ изъ пастуховъ сообщилъ намъ, что Ачикъ-дарья, называется здѣсь Арка-дарья (Дальняя рѣка), что она не пересыхаетъ даже лѣтомъ, течетъ на нѣсколько дней пути къ востоку и, наконецъ, изсякаетъ въ пескахъ.

По его разсказамъ, къ югу отъ этой рѣки не рѣдко показываются дикіе верблюды, а далеко въ глубинѣ пустыни находятся развалины города, котораго никто не видалъ, но которомъ ходятъ разсказы. Называется онъ Шаръ-и-кётекъ, т. е. „городъ въ мертвомъ лѣсу". Называютъ его также Шаръ-и-катахъ; названіе это встрѣчается и въ пустынѣ между Яркендъ-дарьей и Кашгаръ-дарьей.

Относительно главной рѣки пастухъ сообщилъ, что въ іюнѣ прибыль воды въ ней огромна. Вода ежедневно прибы-

ваетъ въ теченіе 20-ти дней, пока ширина рѣки не достигнетъ трехсотъ саженей, а глубина высоты тополя, т. е. приблизительно 15 м. Такая высокая вода держится въ теченіе мѣсяца, послѣ чего начинаетъ спадать, сначала медленно, потомъ все быстрѣе, до самаго ноября, когда рѣка замерзаетъ.

Ледъ держится три съ половиной мѣсяца, и теперь какъ разъ ждали, что дней черезъ 10 по льду нельзя будетъ переходить. Замерзаніе рѣки начинается съ нижнихъ слоевъ воды, а вскрытіе наоборотъ съ верхнихъ. Въ началѣ мая наблюдается самый низкій уровень воды въ рѣкѣ.

28 февраля. Начиная съ Ачикъ-дарьи, мы ежедневно видѣли множество дикихъ гусей, но около мѣста дневной нашей стоянки, „Тюпе-тюшди", заброшенной „сатмы" на лѣсной полянѣ, мы наблюдали ихъ въ необычайномъ количествѣ. Чуть не каждую минуту, надъ нашими головами пролетала по направленію къ востоку, должно быть, на Лобъ-норъ, стая въ тридцать, пятьдесятъ гусей.

Временами пролетали и небольшія стаи изъ четырехъ-пяти гусей, — вѣроятно, отставшіе. Пока солнце стояло высоко, и птицы летѣли такъ высоко, что въ небѣ виднѣлись лишь маленькія черныя точки, но послѣ заката онѣ большею частью летѣли на высотѣ всего нѣсколькихъ десятковъ метровъ, часто кружились около вершинъ тополей и иногда тихонько перекрикивались, словно совѣщаясь насчетъ удобнаго ночлега. Нѣкоторыя стаи, впрочемъ, и ночью держались на значительной высотѣ. Летѣвшія низко, видно, сдѣлали болѣе продолжительный перелетъ, чѣмъ другія, и намѣревались усѣсться на ночной отдыхъ.

Право, можно подивиться этимъ птицамъ, которыя такъ хорошо знаютъ географію мѣстности, какъ будто обладаютъ самыми лучшими картами и приборами. Онѣ всегда летятъ въ рядъ и по одной и той-же линіи, мимо тѣхъ-же самыхъ тополей и къ той-же самой цѣли. Заслышавъ ихъ крикъ издалека, можно съ увѣренностью указать, у какой вѣтви покажется передовой гусь.

Чутье мѣстности развито у дикихъ гусей прямо поразительно. Безъ сомнѣнія, они руководятся въ пути безчисленными примѣтами и задолго передъ тѣмъ, какъ сѣсть, начинаютъ уже спускаться съ высоты, чуя близость отдыха.

Разъ въ годъ они совершаютъ перелетъ изъ Индіи въ Сибирь и обратно; такой путь взялъ-бы у человѣка цѣлый годъ и стоилъ-бы большихъ трудовъ.

Для орнитолога было-бы интересной задачей изучить торные воздушные пути дикихъ гусей и другихъ перелетныхъ птицъ; карта этихъ путей представила-бы огромный интересъ.

Въ области бассейна Тарима они, безъ сомнѣнія, руководятся теченіемъ рѣки, а озеро Лобъ-норъ является первостепеннымъ сборнымъ пунктомъ, гдѣ скрещивается много путей и гдѣ дикіе гуси, утки, и массы болотныхъ птицъ, останавливаются на нѣкоторое время для отдыха. Но какъ перелетаютъ онѣ черезъ высокія горы, черезъ колоссальныя нагорья Тибета? Мы въ этихъ областяхъ видѣли дикихъ гусей всего раза два. Напротивъ, черезъ долину Сары-колъ и озера Рангъ-куль и Чакмактынъ-куль ведутъ, повидимому, важные пролетные пути.

Что-же до области, въ которой мы теперь находились, то здѣсь пролегалъ изстари извѣстный маршрутъ перелетныхъ птицъ — вдоль меридіана Кучи до Тарима и дальше вдоль этой рѣки къ Лобъ-нору.

Вся эта область вообще называется Угенъ. Но каждая „сатма“ съ прилегающимъ къ ней лѣснымъ участкомъ и пастбищами носитъ свое особое названіе.

Обыкновенный типъ жилищъ туземцевъ — глиняныя сакли съ плоской кровлей. Но для лѣта здѣшніе жители мастерятъ себѣ легкіе шалаши съ выдающейся крышей на столбахъ. Въ лѣсахъ и степяхъ эти пастушескія племена ведутъ такую-же кочевую жизнь, какъ и пастушескія племена, живущія по Хотанъ- и Керіи-дарьѣ. Но здѣшніе жители далеко не такъ гостепріимны и добродушны, какъ тѣ, и часто относились къ намъ съ большимъ недовѣріемъ. Дворы охранялись полудюжиной дикихъ, злющихъ псовъ.

Съ каждымъ днемъ мы все больше знакомились съ этой сложной рѣчной системой и ея характеромъ. Главная рѣка не вездѣ течетъ по одному руслу, но, извиваясь по лѣсу, часто дѣлится на рукава. Около Дунъ-сальмы Яркендъ-дарья называется еще Юмалакъ-дарьей (Круглая рѣка), а лѣвый рукавъ ея Угенъ-дарьей. Названія вообще крайне спутаны; та-же

самая рѣка въ различныхъ областяхъ носитъ и различныя названія, и безъ помощи моего крайне точнаго и подробнаго маршрута, едва-ли можно было-бы разобраться въ нихъ. Но я еще буду имѣть случай вернуться къ этой интересной гидрографической задачѣ.

Пробираться сквозь лѣсныя чащи и заросли камыша, достигавшаго 3 метр. высоты, было дѣломъ не легкимъ. Но, къ счастью, у насъ былъ надежный проводникъ Исламъ-ахунъ изъ Шахъ-яра.

2 марта мы разбили лагерь на берегу Угенъ-дарьи, которая является здѣсь совсѣмъ ничтожною узенькою рѣчонкою, а на слѣдующій вечеръ опять около Инчке-дарьи, свободныя ото льда свѣтло-синія воды которой плавно струились по глубокому, узкому руслу.

5 марта мы остановились въ лѣсу Чонъ-тукай (Большой лѣсъ), чтобы дать отдыхъ верблюдамъ, купить барана и произвести астрономическія наблюденія. Инчке-дарья называется здѣсь Чаянъ; ширина ея равнялась 8 м., а глубина $1\frac{1}{2}$ м.

6 марта мы направили путь къ сѣверовостоку въ сопровожденіи одного пастуха изъ Чонъ-тукая. Лѣсъ порѣдѣлъ и перешелъ въ рѣдкій кустарникъ; кусты тамариска и саксаула росли на буграхъ, остовомъ которымъ служатъ корни растеній. Тамъ и сямъ выступали маленькіе барханы, и еще до конца дневного перехода мы опять очутились среди песчаной пустыни.

Этотъ клочекъ пустыни, который идетъ по сосѣдству съ Конче-дарьей и суживается по направленію къ области, находящейся къ югу отъ Кучи, не носитъ особаго названія, но извѣстенъ по просту подъ названіемъ Кумъ (песокъ) или Чӧль (пустынная равнина). И здѣсь, какъ намъ говорили, находятся развалины древнихъ городовъ, но указанія были, по обыкновенію, очень неопредѣленны, и всѣ наши находки свелись къ лезвію каменнаго ножа, да черепкамъ обожженной глиняной посуды.

Мы набрали въ „толумъ“ воды и разбили стоянку въ старомъ, высохшемъ рѣчномъ руслѣ, по берегамъ котораго высились барханы въ 6—8 м. высоты. Это русло съ его поперечными извилинами, направлявшимися, главнымъ образомъ, къ востоку, служило нѣкогда истокомъ нѣкоторыхъ изъ рѣкъ,

оставленныхъ нами теперь позади, и представляло новое доказательство сильной измѣнчивости теченія водъ въ этихъ равнинахъ.

На слѣдующій день мы прошли остальной конецъ пустыни и вступили опять въ частый тополевый лѣсъ. Здѣсь намъ предстояло перейти черезъ рукавъ Чарчакъ, шириною въ 9 м., и глубиною въ 3 м. Черезъ него былъ переброшенъ мостъ изъ колеблющихся бревенъ, возвышавшихся надъ водной поверхностью на 3 метра.

Два большихъ верблюда перешли, какъ всегда, спокойно и увѣренно, хотя мостъ такъ и плясалъ подъ ними. Но самый молодой, который вообще доставлялъ не мало хлопотъ, ни за что не хотѣлъ вступить на мостъ. Уперся, какъ столбъ, и ни дерганье веревки, продѣтой въ носъ, ни палки, обрабатывавшія его бока, не могли заставить его сдвинуться съ мѣста. Пришлось пуститься съ нимъ въ обходъ и перейти черезъ рѣку около Айюбъ-серкера, по болѣе надежному мосту, черезъ который упрямый верблюдъ и перебрался въ два неуклюжихъ прыжка.

10 марта мы, наконецъ, прибыли въ Курлю. Наши три верблюда, привыкшіе къ безмолвію и тишинѣ пустынныхъ областей, были просто перепуганы шумомъ и гамомъ, наполнявшимъ узкія улицы. Цѣлая толпа мальчишекъ съ крикомъ и хохотомъ слѣдовала за нами по пятамъ и, повидимому, очень забавлялась, глядя на меня. Я торчалъ на спинѣ высокаго верблюда и, безъ сомнѣнія, представлялъ довольно комичную фигуру.

На базарѣ нашлось таки нѣсколько купцовъ изъ русскаго Туркестана. Аксакалъ ихъ, Куль-Магометъ изъ Маргелана, принялъ меня съ изысканною учтивостью и предоставилъ въ мое распоряженіе два большихъ помѣщенія, которыя, однако, пришлось дѣлить съ полчищемъ крысъ, топавшихъ по ночамъ вокругъ моего ложа.

Китайцы не удостаиваютъ Курлю назначеніемъ особаго амбаня, и она подчинена въ административномъ отношеніи Кара-шару; здѣсь стоитъ только „лянцза“ (гарнизонъ въ 250 ч.) подъ начальствомъ Ли-далоя. Даже новая телеграфная линія изъ Пекина въ Кашгаръ (черезъ Лянъ-чжо-фу, Урумчи, Кара-шаръ и Акъ-су) минуетъ городокъ.

Зато Курля лежитъ на большомъ торговомъ и караванномъ трактѣ, связывающемъ Пекинъ съ западными провинціями, и видитъ проѣздомъ много знатныхъ, богатыхъ китайцевъ. Для меня интересъ города сосредоточивался на томъ обстоятельствѣ, что онъ расположенъ на рѣкѣ Конче- или Курля-дарьѣ, вытекающей изъ самаго большаго озера внутренней Азіи, Баграшъ-куля, въ сравненіи съ которымъ Лобъ-норъ лишь затхлое болото.

11 марта я измѣрилъ притокъ воды въ Конче-дарьѣ; онъ равнялся 71.7 куб. метр. въ секунду. Меня удивило, что бревенчатый мостъ, перекинутый въ городѣ черезъ рѣку, почти касается поверхности воды. Теперь было какъ разъ начало весны, когда всѣ рѣки Восточнаго Туркестана обыкновенно сильно мелѣютъ, а нѣкоторыя даже и совсѣмъ пересыхаютъ.

Я полагалъ, что и Курля-дарья подчинялась тѣмъ же условіямъ, т. е., что въ концѣ лѣта здѣсь наступало половодье. Но тогда рѣка должна была снести этотъ мостъ, какъ соломинку, и такимъ образомъ сообщеніе по этому важному торговому пути прервалось-бы. Это было немыслимо.

Мнѣ, однако, объяснили, что уровень воды въ рѣкѣ *всегда* остается почти одинаковымъ, повышаясь или понижаясь противъ нормы всего пальца на два.

Если прибавить къ этому, что рѣка эта, въ противоположность другимъ рѣкамъ, несетъ прозрачную и чистую, какъ хрусталь, воду, чуднаго синяго цвѣта, то является предположеніе что она находится въ какихъ то особенныхъ отношеніяхъ къ Баграшъ-кулю. Если не считать временныхъ случайныхъ и ничтожныхъ атмосферныхъ осадковъ, попадающихъ иногда въ формѣ дождя въ это озеро, оно принимаетъ воду только изъ одного притока, зато огромныхъ размѣровъ: въ него вливается водная артерія долины Юлдусъ, рѣка, называющаяся по монгольски Хайды или Хайдыкъ-голъ; магометане-же зовутъ ее Кара-шаръ-дарьязы.

Эта рѣка отличается тѣми-же свойствами, какъ и всѣ рѣки Восточнаго Туркестана: лѣтомъ несетъ огромныя массы воды мутной отъ ила, осенью и весной принимаетъ средніе размѣры, зимою-же наименьшіе и, какъ и озеро, сковывается толстымъ льдомъ.

Представлявшаяся мнѣ гидрографическая загадка сма-

нила меня предпринять экскурсію въ Кара-шаръ, расположенный на лѣвомъ берегу Хайдыкъ-гола. Меня не остановило даже то обстоятельство, что тамъ повелѣвалъ всесильный амбань, а у меня не было съ собой паспорта.

12 марта я выѣхалъ туда верхомъ въ сопровожденіи одного Куль-Магомета, а Исламъ-бай и Керимъ-джанъ остались въ Курлѣ присматривать за верблюдами и багажомъ.

Шестимильный путь этотъ мы совершили рысью въ шестичасовой срокъ.

Прибыли мы въ Кара-шаръ какъ разъ, когда рѣка вскрылась, и монголы или калмыки, какъ ихъ называютъ здѣшніе магометане, спустили уже на воду свои паромы для перевозки путниковъ и каравановъ. Такимъ образомъ и тутъ мнѣ представился прекрасный случай измѣрить притокъ воды. 14-го марта онъ равнялся 53,5 куб. м. въ секунду, т. е. въ это время въ каждую секунду изъ озера вытекало на 18 куб. м. больше воды, чѣмъ оно принимало. Знаки, отмѣчавшіе уровень воды прошлымъ лѣтомъ, помогли мнѣ составить приблизительный расчетъ и, прибавивъ къ этому свѣдѣнія, полученныя отъ монголовъ перевозчиковъ, я вывелъ заключеніе, что въ годъ рѣка принимаетъ среднимъ числомъ на 2 милліарда куб. м. больше воды, нежели вытекаетъ изъ нея. Такому отношенію не станешь удивляться, если подумаешь, что озеро Лобъ-норъ, принимающее по меньшей мѣрѣ такое-же количество воды, не отдаетъ ни одной капли инымъ путемъ, кромѣ какъ черезъ испареніе и просачиванье въ почву. Испареніе, однако, самый могущественный факторъ въ этомъ климатѣ, гдѣ относительная влажность воздуха такъ незначительна.

Удивительнѣе всего то, что озеро зимою отдаетъ больше воды, чѣмъ принимаетъ. Причиною, должно быть, то, что значительный бассейнъ между Тянь-шанемъ и Курукъ-тагомъ, простирающійся въ длину на 3 дня пути, а въ ширину на одинъ день, является регуляторомъ, играющимъ роль гуттаперчеваго шарика въ пульверизаторѣ.

Наконецъ, я упомяну, что вода, впадающая въ озеро, мутна, холодна и совершенно прѣснаго вкуса, вытекающая-же изъ него хрустально-прозрачна, нѣсколькими градусами теплѣе и слегка солоновата. Объясняется все это очень просто.

Большое озеро Иссыкъ-куль въ Семирѣченской области

тоже представляетъ загадку, заставившую поломать головы геологовъ, гидрографовъ и путешественниковъ. Всего въ нѣсколькихъ километрахъ разстоянія отъ западнаго края озера и по совершенно ровной поверхности течетъ порядочная рѣка Чу. Но она не впадаетъ, какъ можно было-бы ожидать, въ озеро, а продолжаетъ путь къ сѣверо-западу, предпочитая прорѣзать мощный хребетъ Ала-тау. Лишь при необычайно сильномъ притокѣ водъ случается, что русло переполняется, и незначительный излишекъ воды отыскиваетъ дорогу въ озеро.

Это явленіе находило различныя болѣе или менѣе сложныя объясненія, какъ геологическаго, такъ и гидрографическаго характера. И я нашелъ свое объясненіе, которое имѣетъ по крайней мѣрѣ то достоинство, что очень просто. Хайдыкъ-голъ и Конче-дарья находятся въ такихъ-же отношеніяхъ къ Баграшъ-кулю, какъ рѣка Чу къ Иссыкъ-кулю.

Разстояніе между устьемъ-дельтой Хайдыкъ-гола, впадающаго въ озеро и истокомъ Конче-дарьи равняется только 25 килом. Часть озера между этими устьями мелководна, поросла сочнымъ тростникомъ, и Хайдыкъ-голъ высылаетъ къ юго-западу въ озеро длинный дельтообразный рукавъ. Напротивъ, въ остальныхъ мѣстахъ озеро глубоко и лишено растительности.

По дорогѣ въ Кара-шаръ, мы миновали, всего въ полуторыхъ часахъ пути отъ Хайдыкъ-гола, сухое русло, отдѣляющееся отъ этой рѣки и впадающее въ Конче-дарью. Когда я поближе познакомился со всѣми этими условіями, я узналъ, между прочимъ, что разъ въ пять, въ восемь лѣтъ, когда прибыль воды въ Хайдыкъ-голѣ достигаетъ необычайныхъ размѣровъ, часть воды переливается по этому нынѣ сухому руслу въ Конче-дарью, не проходя черезъ Баграшъ-куль. Поверхность здѣсь почти совершенно ровная и только чуть выше уровня озера.

Пусть это явленіе повторится разъ пятнадцать въ столѣтіе, въ слѣдующее столѣтіе оно можетъ уже повториться тридцать разъ, затѣмъ все чаще и чаще по мѣрѣ того, какъ Хайдыкъ-голъ будетъ выдвигать свою илистую дельту въ озеро и собственными отложеніями преграждать путь своему теченію; послѣднее, наконецъ, и бросится всей своей водной массой въ это

сухое нынѣ русло, являющееся лишь бороздой, наполовину занесенною пескомъ и пылью.

Рѣкѣ, бросившей свое русло, предстоитъ тогда протекать всего въ нѣсколькихъ километрахъ отъ озера, не обращая на него вниманія. И получатся тѣ-же самыя своеобразныя условія, какія мы наблюдаемъ теперь около Иссыкъ-куля: большое, заключенное между высокими гребнями Тянь-шаня озеро, мимо западнаго края котораго протекаетъ мощная рѣка, да такъ близко, что кажется вотъ-вотъ коснется его, и тѣмъ не менѣе не отдаетъ ему ни капли изъ своихъ водъ. Озеру-же предстоитъ со временемъ обмелѣть и сдѣлаться солонѣе, какъ это уже и замѣтно на Иссыкъ-кулѣ.

Кара-шаръ, т. е. черный городъ, заслуживаетъ свое прозвище, отличаясь еще большимъ обиліемъ грязи, нежели другіе города внутренней Азіи. Расположенный на гладкой, неплодородной равнинѣ на лѣвомъ берегу рѣки, онъ лишенъ всякой живописности. Зато это большой городъ, въ нѣсколько разъ больше Курли. Въ стѣнахъ его ютится безчисленное количество жалкихъ сакль и дворовъ, базаровъ и кибитокъ монголовъ. Въ общемъ онъ служитъ складочнымъ депо для областной торговли. Жители по большей части монголы и китайцы; затѣмъ дунгане; магометанъ-же всего меньше.

Я счелъ долгомъ вѣжливости сдѣлать визитъ Кара-шарскому амбаню Хуэнь-дарину и преспокойно отправился къ нему въ ямень одинъ, захвативъ съ собой свой хотанскій паспортъ. Амбань, оказавшійся небольшимъ шестидесятилѣтнимъ сѣдобородымъ старичкомъ съ улыбающимся лицомъ, принялъ меня очень дружелюбно и вѣжливо и угостилъ чаемъ, печеньемъ и трубкой. Я съ помощью толмача объяснилъ, какъ попалъ сюда, и выразилъ сожалѣніе, что не захватилъ съ собой паспорта. На это амбань съ любезностью, сдѣлавшею-бы честь и французу, заявилъ: „Вы, вѣдь, нашъ другъ и гость; вамъ не нужно никакого паспорта; вы сами стоите всякаго паспорта“. Вѣроятно, Хуэнь-даринъ не находилъ меня особенно опаснымъ для мира страны.

Затѣмъ онъ приказалъ изготовить для меня паспортъ, дѣйствительный въ данной провинціи. Посидѣвъ у него съ полчаса, я распростился съ нимъ, вѣроятно, навсегда, но навсегда-же и унесъ съ собою добрую память о немъ. Я и те-

перь еще вижу его передъ собой, точно мы видѣлись лишь вчера.

Сообщу еще одинъ эпизодъ изъ пребыванія въ этой области. Довольный своей экскурсіей, прибылъ я 15 марта обратно въ Курлю и узналъ, что съ слугой моимъ Исламъ-баемъ случилось въ мое отсутствіе слѣдующее. Сидѣлъ онъ въ одной лавкѣ на базарѣ и разговаривалъ съ андижанскимъ купцомъ, какъ вдругъ на улицѣ показались верхомъ пять солдатъ китайцевъ, и старшій держалъ древко съ эмблемой власти и могущества императора. По китайскимъ законамъ при видѣ этого значка всѣ должны отдавать ему честь, словно шляпѣ Гесслера: сидящіе вставать, а всадники слѣзать съ коней и тѣмъ свидѣтельствовать свои вѣрноподданническія чувства.

Но Исламъ-бай, въ качествѣ русскаго подданнаго, не счелъ нужнымъ подчиниться этому правилу и остался сидѣть. Солдаты остановились, соскочили съ лошадей, схватили его, стащили съ него „чапанъ“ и въ то время, какъ четверо держали его, пятый отстегалъ до крови.

Частью для того, чтобы доставить удовлетвореніе моему вѣрному слугѣ, частью для того, чтобы поддержать престижъ европейца, я тотчасъ-же написалъ начальнику солдатъ Лидалою такое письмо.

„Во время моего отсутствія ваши солдаты избили моего слугу, русскаго подданнаго. Если вы мнѣ предъявите соглашеніе между Россіей и Китаемъ, предоставляющее китайскимъ солдатамъ такое право, я оставлю это дѣло, если-же нѣтъ, я требую, чтобы вы подвергли насильниковъ аресту и публичному наказанію на площади. Если-же вы этого не сдѣлаете, я телеграфирую изъ Кара-шара объ этомъ случаѣ русскому консулу въ Урумчи, а также и Фу-таю (генералъ губернатору восточнаго Туркестана, проживающему въ Урумчи)“.

Эффектъ отъ письма получился мгновенный и поразительный. Ли-далой явился самъ и смиренно, со слезами въ голосѣ, сталъ увѣрять, что исполнитъ всѣ мои требованія. Затѣмъ онъ исчезъ, но скоро вернулся съ сообщеніемъ, что не могъ найти виновныхъ и что никто даже не слыхалъ объ этомъ происшествіи. Тогда Исламъ показалъ свою спину и заявилъ, что полосовавшій его кнутомъ солдатъ имѣлъ глубокій шрамъ на лѣвой щекѣ.

По моему требованію вся, „лянцза“ была прислана на дворъ караванъ-сарая андижанцевъ, гдѣ мы остановились. „Вотъ онъ!“ закричалъ Исламъ, когда мимо насъ прошелъ солдатъ со шрамомъ, схватилъ его за шиворотъ и подтащилъ къ Ли-далою. Тутъ послѣдній проявилъ необычайное рвеніе и молніеносную распорядительность. Послѣдовавшей затѣмъ сцены жители Курли, я думаю, долго не забудутъ. Они биткомъ набили весь дворъ и заняли даже всѣ сосѣднія крыши.

Виновнаго растянули на землѣ, двое изъ его товарищей держали его за руки, двое за ноги, а пятый освободилъ нижнюю часть его тѣла отъ прикрытія, послѣ чего солдатъ получилъ воздаяніе той-же монетой, какою онъ наградилъ Ислама. Черезъ нѣсколько минутъ я объявилъ, что теперь довольно, и что мы удовлетворены.

Сцена эта, разумѣется, была далеко не изъ пріятныхъ. Я вообще люблю дѣйствовать добромъ, но нельзя-же было оставить безнаказаннымъ избіеніе моего ни въ чемъ неповиннаго слуги.

Въ тотъ-же день я отправился къ Ли-далою поблагодарить его за его распорядительность и былъ по дорогѣ предметомъ особаго вниманія и почтенія: всѣ прохожіе сторонились, давая мнѣ дорогу, и мальчишки больше не осмѣливались насмѣхаться надо мной. Сидя у Ли-далоя, я все время думалъ объ одномъ обстоятельствѣ. Будь онъ похитрѣе, онъ-бы, въ отвѣтъ на мои требованія, потребовалъ отъ меня паспорта и удостовѣренія, что Исламъ-бай дѣйствительно русскій подданный; что бы я сталъ дѣлать? Пришлось-бы тогда мнѣ сократиться. Но, къ счастью, Ли-далой не подумалъ о паспортѣ.

Магометанская часть города управляется тремя беками. Одинъ изъ нихъ сѣдобородый старикъ служилъ въ Кашгарѣ лѣтъ сорокъ тому назадъ во время правленія Вали-ханъ-Тюри, умертвившаго Адольфа Шлагинтвейта, и находился въ большой милости еще у Якубъ-бека. Аксакалъ андижанскихъ купцовъ Куль-Магометъ велъ въ Курлѣ торговлю уже много лѣтъ и находился здѣсь во время смерти Якубъ-бека, явившагося въ 1877 г. въ Курлю съ 6,000 солдатъ и готовившагося къ сраженію съ китайцами.

Разсказъ аксакала объ убійствѣ Якубъ-бека значительно отличается отъ другихъ разсказовъ объ этомъ убійствѣ. За-

воеватель пилъ вечеромъ чай у своего наперстника, могущественнаго бека хотанскаго Ніазъ-Хакимъ-бека, того самаго, который по приказанію Якубъ-бека воздвигъ упоминавшіеся въ предыдущемъ караванъ-сараи: Кошъ-лянгаръ и Чулакъ-лянгаръ. Ніазъ-бекъ, соперничавшій со своимъ повелителемъ, влилъ ему въ чай яду, и ядъ быстро подѣйствовалъ.

Курля и 55 окрестныхъ селеній отправляютъ въ Акъ-су и Дуралъ шерсть, овечьи и лисьи шкуры, хлопокъ, шелкъ и рисъ, а также пшеницу, маисъ, ячмень, гранаты и множество другихъ плодовъ. Желтыя сладкія мѣстныя груши, тающія на языкѣ и называемыя „нэсбетъ“, славятся по всему Восточному Туркестану. Пшеницу сѣютъ обыкновенно въ мартѣ; вызрѣваетъ она въ теченіе 4 мѣсяцевъ. Въ селеніяхъ-же съ плохимъ орошеніемъ ее сѣютъ осенью. Рисъ сѣютъ въ апрѣлѣ и вызрѣваетъ онъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

По величинѣ городъ принадлежитъ къ одному разряду съ Маралъ-баши, Янги-гиссаромъ, Гумой и Шахъ-яромъ; здѣшній базаръ не особенно богатъ продуктами, но самое расположеніе города на берегу хрустально прозрачной рѣки, бѣгущей подъ небольшими мостами, можно назвать счастливымъ. Ради сбереженія мѣста въ городѣ многія жилища воздвигнуты на сваяхъ у самой рѣки. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли очень живописный видъ. Сквозь щели пола виднѣлась темно голубая вода, текущая тихо и плавно, словно масло.

Хотя въ водѣ было всего 5°, подъ мостомъ плескались и отдавались теченію съ дюжину мальчишекъ. Жители Курли слывутъ отличными пловцами и въ жаркое время года ежедневно ищутъ прохлады въ свѣжихъ струяхъ рѣки.

XI.

Древній Лобъ-норъ.

Въ Курлѣ мы прибавили къ нашему каравану двухъ людей, возобновили запасъ продовольствія и наняли двухъ отличныхъ проводниковъ, которые проводили насъ до Тыккелика, небольшого селенія, расположеннаго на нижнемъ теченіи Конче-дарьи въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаютъ два развѣтвленныхъ рукава Тарима.

Ведутъ туда три дороги: одна вдоль Конче-дарьи, другая вдоль подошвы хребта Курукъ-тагъ (сухія горы) и третья, между двумя первыми, по песчано-каменистой пустынѣ.

Первая была уже извѣстна. Я выбралъ послѣднюю изъ названныхъ дорогъ и открылъ во время слѣдованія по ней двѣ древнія, но хорошо сохранившіяся, китайскія крѣпости и цѣлый рядъ такъ называемыхъ „потаевъ", высокихъ усѣченныхъ пирамидъ изъ дерева и глины, отмѣчающихъ разстоянія, измѣряемыя китайскою мѣрою „ли".

Это открытіе представляло большой интересъ, такъ какъ доказывало, что тутъ въ древности пролегалъ важный проѣзжій трактъ, связывавшій Курлю съ —?, да, съ какимъ городомъ? Югозападнымъ продолженіемъ тракта является теперь безконечная пустыня. Но здѣсь, на $40\frac{1}{2}°$ с. ш. лежало древнее озеро Лобъ-норъ, какъ свидѣтельствуютъ китайскія карты и какъ я во время этого интереснаго путешествія имѣлъ случай убѣдиться на основаніи геологическихъ и гидрографическихъ данныхъ.

Только что упомянутый трактъ, безъ сомнѣнія, и велъ къ древнему Лобъ-нору, а когда озеро, по причинамъ, на которыя укажу ниже, высохло, трактъ этотъ былъ заброшенъ. О прежнемъ его немаловажномъ значеніи свидѣтельствуютъ потаи; китайцы и въ нынѣшнія времена утруждаютъ себя возведеніемъ этихъ путевыхъ знаковъ только на важнѣйшихъ трактахъ.

Пржевальскій первый изъ европейцевъ отправился на розыски Лобъ-нора и нашелъ, что озеро лежитъ на цѣлый градусъ южнѣе, нежели показываютъ китайскія карты, и что кромѣ того вода въ немъ прѣсная, а не соленая. Вслѣдствіе этого между Пржевальскимъ и нѣмецкимъ географомъ Рихтгофеномъ завязалась полемика, которая со смертью Пржевальскаго такъ и ждетъ своего разрѣшенія. Въ статьѣ, помѣщенной въ „Verhandlungen" Берлинскаго географическаго общества, Рихтгофенъ съ удивительною прозорливостью доказывалъ, что такое внутреннее озеро, какъ Лобъ-норъ, не имѣющее стока въ океанъ, безусловно должно быть солено-воднымъ. И разъ открытое Пржевальскимъ озеро оказалось прѣсноводнымъ, а китайскіе топографы, никогда не заносящіе на свои карты того, чего не видѣли своими глазами, помѣстили

свой Лобъ-норъ на цѣлый градусъ къ сѣверу отъ найденнаго Пржевальскимъ, то Рихтгофенъ считалъ, что послѣднее новѣйшаго происхожденія, т. е. образовалось уже послѣ того, какъ китайцы занесли на карту древній Лобъ-норъ*).

Пржевальскій, отправляясь на Лобъ-норъ, слѣдовалъ по большой дорогѣ между низовьемъ Тарима и Конче-дарьей, и такимъ образомъ не могъ убѣдиться — находится-ли дальше на востокъ какое нибудь озеро или хоть остатки озера, или нѣтъ. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо было слѣдовать по восточной сторонѣ Конче-дарьи, отъ которой, можетъ быть, отдѣлялся рукавъ, впадавшій въ древній Лобъ-норъ. Въ полемикѣ, которую вели два великіе путешественника, оба они, какъ я постараюсь доказать, были правы.

Европейцы, побывавшіе на Лобъ-норѣ послѣ Пржевальскаго: Кэри и Дальглейшъ, принцъ Орлеанскій и Бонвало, Пѣвцовъ, его двое помощниковъ: Роборовскій и Козловъ и геологъ Богдановичъ, и, наконецъ, Литледэль съ супругой — всѣ шли по слѣдамъ русскаго генерала. За исключеніемъ Пѣвцова, они и не могли поэтому прибавить какихъ-либо цѣнныхъ добавленій къ добросовѣстному и мастерскому описанію этихъ трактовъ, составленному Пржевальскимъ послѣ перваго-же его путешествія на Лобъ-норъ (1876—1877 г. г.) и пополненному имъ послѣ вторичнаго посѣщенія озера весною 1885 г.

Если я теперь, отправляясь на Лобъ-норъ, желалъ видѣть и узнать что нибудь новое, что помогло-бы мнѣ рѣшить спорный вопросъ, я, прежде всего, долженъ былъ избѣгать пути, по которому прошли уже мои предшественники. Наоборотъ, мнѣ слѣдовало отыскать тѣ области, гдѣ должно было, по свидѣтельству китайскихъ авторитетовъ и согласно Рихтгофену, находиться древнее озеро Лобъ-норъ.

Со свѣжими силами и надеждой на успѣхъ оставилъ я 31 марта селеніе Тыкkеликъ и направился прямо къ востоку. Сопровождали меня Исламъ-бай, Керимъ-Джанъ и двое людей, хорошо знакомыхъ съ мѣстными путями. Они еще въ Тыккеликѣ сообщили мнѣ, что далеко къ востоку находится цѣлая цѣпь озеръ.

Уже въ началѣ пути мы увидѣли, что Конче-дарья къ

*) См. Вступленіе.

сѣверу отъ Тыккелика впадаетъ въ озеро-болото Малтыкъ-куль. Большая часть водъ Конче-дарьи затѣмъ снова вытекаетъ изъ этого озера, соединяется съ двумя рукавами Тарима (*Кокъ-ала*) и течетъ уже подъ именемъ Кунче-

Упрямый верблюдъ.
(Съ рисунка Линдберга).

кишъ-тарима (Восточнаго потока) частью въ Чивилыкъ-куль, а оттуда обратно въ Таримъ, частью прямо въ Таримъ, въ который впадаетъ, уже потерявъ, вслѣдствіе испаренія, большую часть своихъ водъ, около переправы Арганъ или Айрылганъ, какъ называетъ Пржевальскій.

Остальная часть водъ Конче-дарьи, напротивъ, течетъ подъ именемъ Илека (рѣка) къ OSO и, какъ я, къ своему большому удовольствію, убѣдился 4 апрѣля, на третій день слѣдованія по лѣвому берегу рѣки, впадаетъ — согласно показаніямъ китайцевъ и Рихтгофена — въ длинное озеро, по восточной береговой линіи котораго мы и слѣдовали въ теченіе трехъ дней.

Въ настоящее время озеро почти заросло камышомъ, но всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ мѣстные жители еще ловили здѣсь рыбу. Озеро въ различныхъ своихъ частяхъ носитъ различныя названія и дѣлится на четыре бассейна: Авулу-куль, Кара-куль, Таекъ-куль и Арка-куль. Въ дѣйствительности-же это *одно* озеро, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ суживается въ проливъ, благодаря выступающимъ возвышеннымъ береговымъ косамъ.

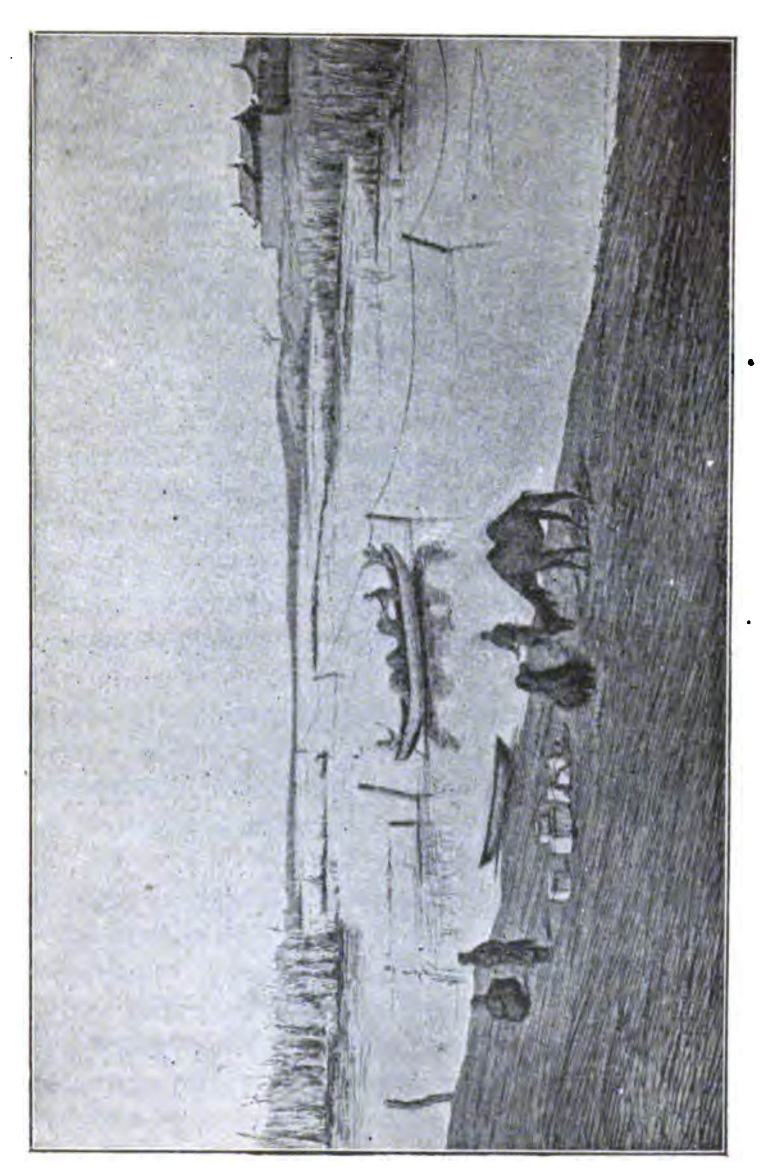
Расположено озеро, какъ и древній Лобъ-норъ китайцевъ, почти на $40\frac{1}{2}°$ с. ш. Китайцы и теперь еще зовутъ мѣстность между Тыккеликомъ и Айрылганомъ Лобъ-норомъ, тогда какъ названіе это никогда не примѣняется ими къ открытому Пржевальскимъ озеру.

Сами Лобъ-норцы, какъ и обитатели Восточнаго Туркестана вообще, называютъ, насколько они въ общемъ сумѣли выяснить себѣ дѣло, всю область, начиная съ сліянія Угенъ-дарьи съ Таримомъ и вплоть до Чакалыка, по просту „Лобъ". Открытое Пржевальскимъ озеро распадается на два бассейна: Кара-буранъ (Кара-боёнъ) и Кара-кошунъ (у Пржевальскаго Кара-курчинъ).

Что-же до открытаго мною озера, то здѣсь съ перваго же взгляда поражаетъ то обстоятельство, что оно вытянуто въ направленіи NS, тогда какъ древній Лобъ-норъ китайцевъ имѣлъ протяженіе WO. Но и этому обстоятельству можно найти естественное объясненіе. Прежде всего надо вспомнить, что почти вся Лобъ-норская область лежитъ чуть-ли не на одномъ и томъ-же уровнѣ, а потому въ ней даже малѣйшія

гидрографическія измѣненія обнаруживаются вскорѣ совершенно явственно.

Измѣненія же эти обусловливаются непрестанно прежде

Переправа черезъ Конче-дарью около мѣста впаденія ея въ Малтыкъ-куль.
(Съ рисунка автора).

всего двумя силами: преобладающими въ данной области вѣтрами и рѣчными отложеніями Тарима. Преобладающія въ области Лобъ вѣтры дуютъ съ O и ONO, и въ теченіе марта,

апрѣля и мая песчаныя восточныя и восточно-сѣверно-восточныя бури здѣсь обычное явленіе. Во время нашего пребыванія на берегахъ озера равновѣсіе въ атмосферѣ не нарушалось, но едва мы успѣли оставить ихъ, какъ поднялся буранъ, продолжавшійся съ перерывомъ въ нѣсколько дней до конца нашего странствованія въ этой области.

Только представить себѣ, какую непреодолимую силу представляютъ эти періодическія весеннія бури. Онѣ прямо оттѣсняютъ озера обратно къ западу, а летучій песокъ въ это время старается занести ихъ русло.

О томъ, что древній Лобъ-норъ на самомъ дѣлѣ простирался нѣкогда къ востоку, свидѣтельствуетъ слѣдующее. Вдоль всего восточнаго берега вьется поясъ маленькихъ соленыхъ лагунъ, лужъ и болотъ, которыя въ недавнее время были отрѣзаны отъ озера наступающимъ пескомъ.

Вдоль того-же берега нашли мы узкую лѣсную полосу, (по большей части тополь и кусты тамариска), въ которой мы различили три періода развитія: въ песчаной пустынѣ къ востоку отъ озера — мертвый лѣсъ, между наиболѣе далеко на западъ выдвинувшимися барханами — великолѣпный зеленый лѣсъ и, наконецъ, у самой береговой линіи — молоденькій лѣсокъ.

Отсюда выводъ, что лѣсъ, нуждающійся во влагѣ, сопровождаетъ перемѣщающіяся къ западу озера, и что мертвый лѣсъ, находящійся среди все надвигающихся баррхановъ, далеко къ востоку отъ озера, находился нѣкогда на самомъ берегу и питался влагою изъ озера.

Такимъ образомъ это длинное озеро представляетъ, безъ сомнѣнія, остатки древняго Лобъ-нора. Изъ южной его части, Арка-куль, снова вытекаетъ Илекъ и причудливыми извилинами течетъ къ югу, оставляя развалины старой китайской крѣпости Мердекъ-шаръ въ разстояніи 5 верстъ къ востоку.

Послѣ того рѣка снова образуетъ цѣлую цѣпь мелкихъ озеръ; самыя крупныя изъ нихъ называются по имени двухъ туземцевъ, возведшихъ около нихъ свои шалаши, озерами Садакъ-куль и Ніязъ-куль. Около Ширга-чапкана рѣка снова сливается съ Таримомъ.

Теперь нужно замѣтить, что вся эта цѣпь озеръ наполнилась водой черезъ временные рукава Тарима всего

девять лѣтъ тому назадъ. Прежде здѣсь была пустыня, но и тогда въ ней существовали всѣ эти озерныя впадины и рѣчныя русла, а въ углубленіяхъ ихъ сохранялись лужицы солоноватой воды, которою и утоляли жажду дикіе верблюды.

Итакъ, Пржевальскій, оспаривая, по возвращеніи изъ второго своего путешествія на Лобъ-норъ въ 1885 г., существованіе какого либо озера къ востоку отъ Тарима, былъ случайнымъ образомъ правъ, такъ какъ сухія русла вновь наполнились водой лишь три года спустя. Но Рихтгофенъ былъ еще болѣе правъ, подозрѣвая въ этой области существованіе озера; оно дѣйствительно и существовало, хотя въ то время и находилось въ періодѣ пересыханья.

Южный Лобъ-норъ — мы охотно сохранимъ за нимъ это имя, получившее уже право гражданства на европейскихъ картахъ — представлялъ во время пребыванія на немъ Пржевальскаго, довольно значительное озеро, и путешественникъ имѣлъ возможность совершить отъ селенія Абдалъ порядочную экскурсію на лодкѣ къ югу до рыбачьяго селенія Кара-кошунъ.

Когда-же я, спустя одиннадцать съ половиной лѣтъ, также предпринялъ изъ Абдала экскурсію на лодкѣ, я могъ уже и то съ трудомъ плыть къ востоку только въ теченіе двухъ дней, продираясь межъ тростникомъ, и прежній Кара-кошунъ оказался заброшеннымъ, такъ какъ озеро въ этомъ мѣстѣ совсѣмъ заросло тростникомъ.

Озеро Кара-буранъ (Кара-боёнъ) во времена Пржевальскаго тоже было большимъ открытымъ озеромъ, настоящимъ моремъ, такъ какъ, стоя на одномъ его берегу, нельзя было видѣть другого. Самое названіе показываетъ, что „черныя бури" здѣсь были особенно сильны. И вотъ, плывя вдоль праваго берега рѣки, я нашелъ на мѣстѣ Кара-бурана лишь незначительное озерко, которое такъ занесено иломъ Тарима, что стало непроходимымъ даже для мелкосидящихъ челноковъ.

Лѣтомъ этотъ жалкій остатокъ нѣкогда большого озера бываетъ совсѣмъ отрѣзанъ отъ Тарима и Черченъ-дарьи. Вода въ немъ поэтому быстро становится соленою, а въ концѣ лѣта и совсѣмъ испаряется, и образуется отличное пастбище для овецъ и коровъ, принадлежащихъ жителямъ Чакалыка. Направляясь въ концѣ апрѣля изъ Абдала въ Чакалыкъ, мы пересѣкли значительное пространство сухой аллювіальной

почвы, которое во времена Пржевальскаго было покрыто водами Кара-бурана.

Словомъ, въ настоящее время Таримъ отдаетъ Южному Лобъ-нору куда меньше воды, чѣмъ во времена Пржевальскаго. Это наблюденіе было сдѣлано уже принцемъ Орлеанскимъ, который посѣтилъ озеро всего черезъ четыре года послѣ русскаго путешественника, и это служитъ сильнымъ подтвержденіемъ того взгляда, что озеро находится теперь въ періодѣ осыханія.

Уже отъ Чигеликъ-уя, гдѣ рѣка дѣлаетъ заворотъ къ ONO, она поразительно быстро мелѣетъ. Этому содѣйствуютъ прежде всего небольшія мелководныя озерки, частью естественныя, частью искусственныя (для ловли рыбы), лежащія въ ближайшемъ разстояніи отъ русла рѣки. Вода задерживается въ нихъ и испаряется. Они постоянно и высасываютъ воду изъ рѣки. Нижеслѣдующая таблица можетъ подтвердить вышесказанное. Надо еще имѣть въ виду, что разстояніе между Чигеликъ-уемъ и Кумъ-чапканомъ едва равняется 60 верстамъ.

	Ширина рѣки.	Максимальная глубина.	Скорость теч. въ сек.	Притокъ воды въ секунду.
Чигеликъ-уй	45.91	4.25	0.52	71.60 куб. м.
Абдалъ	45.10	6.08	0.36	60.72 „ „
Кумъ-чапканъ . . .	30.02	6.80	0.30	50.22 „ „

Наблюденія производились съ 18 по 23 апрѣля. Цифры показаны въ метрахъ. Около Кумъ-чапкана рѣка развѣтвляется и теряется въ озерахъ и болотахъ; самые большіе изъ этихъ бассейновъ, находящіеся въ серединѣ, содержатъ совершенно прѣсную воду; напротивъ, отрѣзанныя береговыя лагуны соленую. Таблица показываетъ, что ширина рѣки, скорость ея теченія и притокъ воды въ ней уменьшается по мѣрѣ ея теченія на востокъ, тогда какъ глубина увеличивается.

Найдя, что остатки бассейна древняго Лобъ-нора въ теченіе послѣднихъ девяти лѣтъ вновь наполнились водой, тогда какъ новый Лобъ-норъ въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ превратился въ рядъ болотъ, мы не только вправѣ, но въ силу данныхъ обстоятельствъ прямо принуждены утверждать, что

оба водныхъ бассейна находятся въ чрезвычайно тѣсной зависимости другъ отъ друга, иными словами, что въ то время, какъ Сѣверный Лобъ-норъ увеличивается, Южный, напротивъ, уменьшается.

Не могу не привести еще нѣсколькихъ доказательствъ въ подтвержденіе той теоріи, что Южный Лобъ-норъ, открытый Пржевальскимъ, самаго новѣйшаго, съ точки зрѣнія геологовъ, образованія.

По берегамъ всѣхъ рѣкъ Восточнаго Туркестана, сливающихся, для образованія Тарима, ростутъ густые тополевые лѣса. Даже на Керіи-дарьѣ, которая теперь уже отрѣзана отъ рѣчной системы Тарима песками, мы мѣстами нашли непроходимые лѣса. Въ виду того, что лѣсъ начинается всегда тамъ, гдѣ притоки Тарима выходятъ на ровную мѣстность, лѣсъ принадлежитъ одному и тому-же климатическому поясу. И такъ какъ рѣка является однимъ изъ вѣрнѣйшихъ проводниковъ растительности, то можно было-бы съ полнымъ основаніемъ ожидать, что около пункта сліянія всѣхъ рѣкъ въ *одну*, растительность окажется особенно густой и мощной.

Вмѣсто этого мы находимъ, что лѣсъ вдругъ прерывается около этого пункта и что послѣдніе экземпляры Populus diversifolia, ростущіе около Чигеликъ-уя, насчитываютъ всего тридцать лѣтъ, тогда какъ берега Кара-бурана и Кара-кошуна совсѣмъ лишены всякихъ слѣдовъ стараго или молодого лѣса. Озеро лежитъ среди совершенной пустыни. Около Сѣвернаго Лобъ-нора я, напротивъ, нашелъ и мертвый и живой лѣсъ.

За объясненіемъ этого бросающагося въ глаза распредѣленія лѣсной растительности не далеко ходить: Южный Лобъ-норъ столь недавняго происхожденія, что лѣсъ еще не успѣлъ дойти до его береговъ.

Къ этому чисто физико-географическому доказательству присоединяется еще нѣсколько историческихъ. Выше я уже упоминалъ, что китайскіе топографы нанесли на свои карты на $40\frac{1}{2}°$ с. ш. большое озеро, окруженное нѣсколькими мелкими.

625 лѣтъ тому назадъ, Марко Поло посѣтилъ „городъ Лобъ", почти исчезнувшія развалины котораго, вѣроятно, находятся теперь чуть южнѣе Кара-бурана. Если-бы въ тѣ времена тамъ находилось какое нибудь озеро, знаменитый венеціанецъ наврядъ-ли не замѣтилъ-бы его. Правда, онъ не

упоминаетъ также о Яркендъ-, Хотанъ- и Черченъ-дарьѣ, хотя всѣ эти рѣки и лежали на его пути. Но, во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что Марко Поло ни словомъ не обмолвился объ *озерѣ*, а напротивъ подробно описалъ *пустыню* Лобъ, которая „такъ велика, что для перехода черезъ нее нуженъ цѣлый годъ“, — не лишено значенія.

Старый бекъ Кунчиканъ, проживавшій въ Абдалѣ, большой пріятель Пржевальскаго, а также мой, которому самому уже больше 80 лѣтъ, а отецъ и дѣдъ котораго (Джеганъ-бекъ и Нуметъ-бекъ) дожили до 90 лѣтъ*), разсказывалъ мнѣ, что дѣдъ его Нуметъ-бекъ жилъ около большого озера къ сѣверу отъ нынѣшняго Лобъ-нора; на мѣстѣ-же послѣдняго тогда была одна песчаная пустыня.

Кунчиканъ-бекъ.
(Съ рисунка автора).

Южный Лобъ-норъ началъ образовываться, когда Нумету было около 25 лѣтъ отъ роду. Рѣка Таримъ отыскала себѣ тогда новое русло, и сѣверное озеро, на берегахъ котораго Нуметъ провелъ свою молодость, и въ которомъ его предки ловили рыбу, стало осыхать. Нуметъ-бекъ тогда и основалъ селеніе Абдалъ, гдѣ теперь живутъ его потомки. Случилось-же это, по моимъ расчетамъ, около 175 лѣтъ назадъ, т. е. около 1720 года.

Зимою 1893 — 94 г. Лобъ-норскую область посѣтилъ П.

*) Въ этой области достоинство бека наслѣдственно.

К. Козловъ, участникъ нѣсколькихъ экспедицій Пржевальскаго и Пѣвцова. Онъ выступилъ изъ Тыккелика вдоль лѣваго берега Кунчекишъ-Тарима и открылъ озеро Чивиликъ-куль, которое я въ свою экспедицію видѣлъ лишь издали. Изъ Айрылгана онъ предпринялъ экскурсію на озеро Соготъ, которое, вѣроятно, тождественно съ моимъ Арка-кулемъ. Отсюда онъ отправился старымъ обычнымъ путемъ въ Абдалъ и затѣмъ изслѣдовалъ южный берегъ Кара-кошуна по направленію къ сѣверо-востоку.

Въ Тыккеликѣ я получилъ первыя свѣдѣнія о томъ, что въ этой области побывалъ уже одинъ „тюря" (господинъ). Я поэтому предпринялъ самое тщательное дознаніе относительно избраннаго имъ пути, чтобы напрасно не прогуляться въ тѣже самыя мѣста. Однимъ изъ интереснѣйшихъ открытій Козлова было открытіе имъ стараго рѣчного русла, которое, отдѣляясь отъ Конче-дарьи немного сѣвернѣе Тыккелика, направлялось прямо къ востоку, слѣдуя вдоль южной подошвы Курукъ-тага. Туземцы называютъ это русло Кумъ-дарья (Песочная рѣка).

Какъ изслѣдованія Козлова, такъ и мои, значительно увеличили свѣдѣнія относительно области Лобъ-норъ. Теперь имѣется уже довольно точная карта ея, такъ какъ наши открытія дополнили сдѣланныя Пржевальскимъ.

Но споръ относительно Лобъ-нора этимъ еще не конченъ. Козловъ въ своей статьѣ: „Лобъ-норъ; по поводу доклада Свена Гедина въ Императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ $^{15}/_{27}$ октября 1897 г." оспариваетъ взглядъ Рихтгофена и мой насчетъ мѣстонахожденія древняго китайскаго Лобъ-нора. Я, съ своей стороны, еще изъ Хотана послалъ Рихтгофену увѣдомленіе о сдѣланныхъ мною открытіяхъ, которое и было напечано въ Zeitschrift d. Gesellschaft f. Erdkunde zu Berlin" (томъ XXXI, 1896 г., стр. 295 — 361).

Въ примѣчаніи къ этой статьѣ баронъ фонъ Рихтгофенъ послѣ краткаго резюме первой стадіи полемики о Лобъ-норѣ, высказалъ слѣдующее: „конечно, многіе путешественники слѣдовали по теченію Тарима, но всѣ слѣдовали по пути Пржевальскаго. Поэтому г. Свенъ Techинъ задался цѣлью поискать разрѣшенія вопроса. И онъ совершенно вѣрно смотрѣлъ на свою задачу, избравъ трудный наиболѣе восточный путь съ

сѣвера на югъ. Его наблюденія и заключенія и дали ему возможность подтвердить сказанное въ упомянутой статьѣ“ (критическій разборъ Рихтгофена вопроса о мѣстонахожденіи древняго Лобъ-нора; см. „Verhandlungen d. Ges. f. Erdkunde zu Berlin“ 1878 г., стр. 121 — 144).

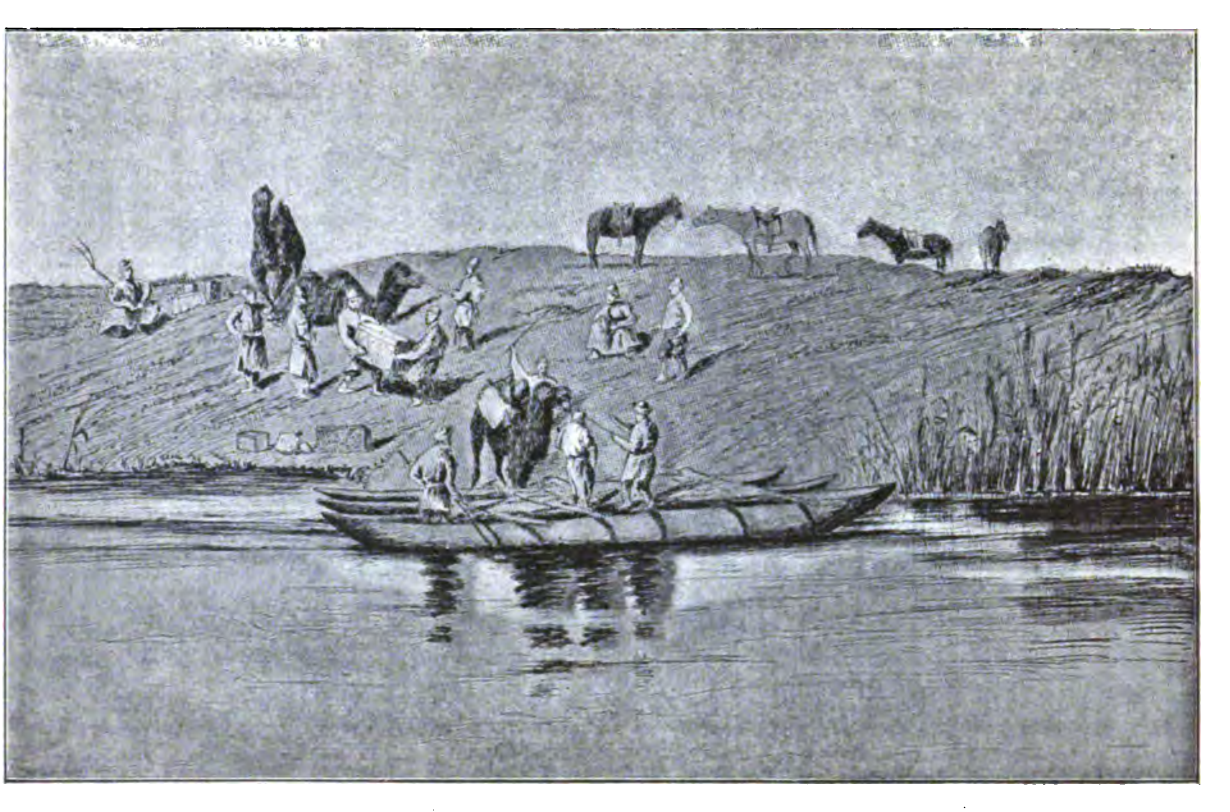
Козловъ-же, разобравъ все высказанное о Лобъ-норѣ Пржевальскимъ, Рихтгофеномъ, Пѣвцовымъ, Богдановичемъ, имъ самимъ и мною, пришелъ къ слѣдующему выводу:

„Единственное заключеніе, которое я могу вывести изъ всего вышеприведеннаго то, что Кара-кошунъ-куль есть Лобъ-норъ не только моего незабвеннаго учителя Н. М. Пржевальскаго, но и древній, историческій настоящій Лобъ-норъ китайскихъ топографовъ. Такимъ было озеро въ теченіе послѣдняго тысячелѣтія, такимъ и останется“...

Это заключеніе является тѣмъ болѣе неожиданнымъ, что двумя строками выше на той-же страницѣ встрѣчаются слѣдующія слова: „Я держусь того-же взгляда, какъ Свенъ Грединъ, относительно того вопроса, что предки нынѣшнихъ обитателей Лобъ-нора жили около озера, расположеннаго къ сѣверу отъ Лобъ-нора, а именно около озера Учу-куль, о которомъ сообщаетъ и Пѣвцовъ“. Въ этихъ словахъ несомнѣнное противорѣчіе съ высказаннымъ выше заключеніемъ, такъ какъ они какъ разъ свидѣтельствуютъ, что озеро „въ послѣднее тысячелѣтіе“ никоимъ образомъ не было такимъ, каково оно теперь.

О томъ, насколько не выдерживаетъ критики утвержденіе относительно тысячелѣтней неизмѣняемости озера, лучше всего свидѣтельствуетъ собственная карта Козлова, который къ югу отъ Курукъ-тага показываетъ „старое русло Конче-дарьи (Кумъ-дарья)“, въ 10 верстахъ къ западу отъ меридіанальнаго теченія Тарима — „сухое рѣчное русло Кётекъ-таримъ“, въ 18 верстахъ къ сѣверу отъ впаденія Черченъ-дарьи въ Карабуранъ — „старое рѣчное русло Черченъ-дарьи“ и, наконецъ, въ 12 верст. къ сѣверу отъ Абдала — „сухое русло Ширгачапканъ“.

Я также нашелъ около Кумъ-чеке и Мердекъ-шара старыя рѣчныя русла, но и четырехъ, упомянутыхъ выше, довольно, чтобы доказать, что Лобъ-норъ и питающія это озеро рѣки, далеко не постоянны въ своемъ теченіи, и озеро поэтому

Переправа черезъ рукавъ Малтакъ-куля.

(Съ рисунка автора).

подвержено, пожалуй, бо́льшимъ измѣненіямъ, чѣмъ какое либо другое озеро въ свѣтѣ.

Объемъ и цѣль данной книги не позволяютъ мнѣ увлечься здѣсь подробнымъ разборомъ этого въ высшей степени интереснаго и увлекательнаго вопроса, но въ слѣдующемъ трудѣ я разберу его во всѣхъ деталяхъ. Мой даровитый и пылкій коллега Козловъ уже открылъ полемику, въ которой я съ удовольствіемъ приму участіе. Такимъ образомъ, вопросъ о Лобъ-норѣ вступитъ во вторую стадію. Матеріалы у насъ уже есть, и теперь все дѣло сведется къ доказательству того, которая изъ двухъ группъ озеръ — сѣверная или южная, т. е. открытая мной или Пржевальскимъ, *древнѣйшая*, такъ какъ, безъ сомнѣнія, именно древнѣйшая тождественна съ Лобъ-норомъ китайскихъ картъ.

Которая изъ сторонъ окажется правой — не важно, и я надѣюсь, что національное самолюбіе при этомъ не окажетъ никакого давленія на рѣшеніе вопроса. Главное есть и будетъ — истина, и въ смыслѣ способствованія открытію истины полемика всегда полезна.

Изслѣдуя берега перемѣщающагося озера, мы, такимъ образомъ, узнали, что гигантская водная система, питающая весь центральный бассейнъ внутренней Азіи, недостаточно обильна для образованія постояннаго озера въ сердцѣ Азіи. Для этого оказывается недостаточно соединенныхъ водъ: рѣки *Кызылъ-су*, вытекающей изъ вѣчныхъ снѣговъ Терекъ-давана, рѣки *Раскемъ-дарьи*, которую питаютъ ледники Восточнаго Памира, Гинду-ку и сѣверо-западнаго Тибета, и черезъ которую мы съ трудомъ перебрались, такъ какъ она даже въ сентябрѣ (1895 г.) несла 151 куб. м. воды въ секунду, и рѣки *Хотанъ-дарьи*, прорѣзывающей всю пустыню Такла-маканъ и съ непреодолимою силою прорывающейся подъ песчаными барханами.

Названныя рѣки не въ состояніи образовать такого озера даже въ соединеніи съ *Акъ-су* и *Таушканъ-дарьей*, черезъ которую мы за годъ до этого въ то же время года еле переправились верхомъ съ помощью 10 „сучи“, съ *Черченъ-дарьей*, несущею въ долины часть снѣговыхъ водъ Сѣвернаго Тибета и такъ разливающеюся лѣтомъ, что она иногда прямо прерываетъ сообщеніе между Хотаномъ и Лобъ-норомъ, и, наконецъ,

даже съ *Конче-дарьей*, которая и зимою и лѣтомъ, и днемъ и ночью, несетъ 72 куб. м. воды въ сек.

Около Чигеликъ-уя оказалось, что вся эта составившаяся изъ столькихъ притоковъ рѣка несетъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ такое-же количество воды, сколько несетъ около Курли одинъ изъ притоковъ ея, Конче-дарья.

Куда-же дѣвается остальное количество воды? Большая часть водъ Конче-дарьи идетъ на наполненіе сѣверной группы озеръ, гдѣ она и испаряется. Песокъ пустыни словно губка всасываетъ въ себя другую часть, да и жаждущая атмосфера, относительная влажность которой въ этихъ областяхъ такъ ничтожна, вбираетъ въ себя неимовѣрное количество воды. Всѣ эти факторы, словно жадные волки, оспариваютъ другъ у друга воду. Немудрено поэтому, что небольшой остатокъ ея, ведущій отчаянную борьбу за существованіе на поверхности земли, подверженъ такимъ сильнымъ колебаньямъ, какъ въ смыслѣ мѣстонахожденія, такъ и обилія воды.

Около рыбачьяго селенія Кумъ-чапканъ, такъ сказать могила Тарима. Здѣсь мощная пустыня, въ которой гибнутъ и люди и воды, произноситъ свой неумолимый приговоръ: „Здѣсь успокоятся твои гордыя волны!“

XII.

Экскурсія на челнокѣ по Илеку, Тариму и Южному Лобъ-нору.

Послѣ того, какъ я далъ краткій обзоръ нынѣшней стадіи Лобъ-норскаго вопроса, мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о нашей экскурсіи по области Лобъ-норъ.

4 апрѣля мы открыли ту часть древняго Лобъ-нора, которая по имени одного туземца называется Авулу-куль, и въ теченіе трехъ дней слѣдовали вдоль восточнаго берега этого озера. Поверхность въ продолженіе всего пути представляла чрезвычайныя затрудненія для передвиженія. Барханы высотою въ 10 — 15 м. обыкновенно спускались въ воду подъ угломъ въ 33°.

Мѣстами, гдѣ песокъ нѣсколько отступалъ отъ воды, по берегу росъ тополевый лѣсъ, а гдѣ барханы были низкіе, показывались кусты тамариска, возвышающіеся на вершинахъ бугровъ, остовомъ которыхъ служили корни самыхъ растеній. Эти тамарисковые бугры иногда были расположены такъ часто, что мы оказывались въ настоящемъ лабиринтѣ и нерѣдко даже предпочитали дѣлать небольшіе обходы по пустынѣ.

Озера до такой степени заросли тростникомъ, что лишь съ вершинъ высокихъ бархановъ можно было видѣть открытую воду въ самой серединѣ. Мы нѣсколько разъ и пробовали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода была мелкая или совсѣмъ высохла, продираться сквозь тростникъ, хотя онъ вдвое превышалъ ростъ верблюдовъ и образовывалъ чащи, вродѣ стѣнъ туземныхъ жилищъ (сатмъ).

Одинъ изъ нашихъ проводниковъ шелъ въ такихъ случаяхъ впередъ и высматривалъ дорогу. За нимъ люди вели верблюдовъ, которые своими мощными громоздкими туловищами раздвигали тростникъ и приминали его ногами, такъ что кругомъ стоялъ трескъ и хрустъ. Идешь за ними по образовавшемуся тѣсному корридору и ждешь не дождешься, когда, наконецъ, опять выйдешь на просторъ.

Верблюды были такъ изнурены этимъ продираньемъ сквозь чащи тростника, что пришлось имъ дать день отдыха 6 апрѣля. Мы разбили стоянку, по обыкновенію, подъ открытымъ небомъ, на высокомъ барханѣ, подъ тѣнью старыхъ тополей, недавно одѣвшихся свѣжей зеленью.

Отсюда намъ открывался обширный видъ на Кара-куль, а вдали на западѣ виднѣлась чаща тростника, окружавшая, какъ стѣною, озеро Чивиликъ-куль. Жара уже стояла удушливая (въ 1 пополудни 33. 1° въ тѣни), въ воздухѣ не шелохнулось, что бываетъ здѣсь рѣдко въ это время года.

Особенно донимали насъ въ эту тихую погоду комары. Во время перехода эти ненавистныя насѣкомыя вились около насъ тучами, а когда мы располагались на привалъ, они набрасывались на насъ милліардами съ такой безцеремонностью, точно мы только для этого и явились въ эти страны, чтобы предложить имъ ужинъ. Удобно-ли, спрашивается, писать, когда въ одну руку тебѣ впиваются тысячи жалъ, а другая

должна безостановочно махать во всѣ стороны тряпкой? И мало удовольствія окружать въ такую жару свой лагерь цѣпью горящихъ костровъ и задыхаться отъ дыму!

Около Кара-куля мы, однако, додумались до утонченнаго способа раздѣлаться съ комарами. На закатѣ мы подожгли сухой прошлогодній тростникъ; огонь разросся въ настоящій степной пожаръ, охвативъ большую часть озера, а дымъ легкимъ облакомъ стлался надъ нашимъ лагеремъ. Я до полуночи лежалъ съ открытыми глазами, любуясь великолѣпнымъ зрѣлищемъ и наслаждаясь злорадною мыслью, что дымъ гонитъ сонмы комаровъ, словно шелуху, на край свѣта.

Вообще-же мнѣ по ночамъ приходилось, ради цѣлости моей бѣдной кожи, прибѣгать къ неособенно пріятному средству: я натиралъ руки и лицо табачнымъ сокомъ. И какой табакъ курилъ я, чтобы получать этотъ сокъ въ достаточномъ количествѣ! Мой собственный табакъ, котораго я взялъ съ собою изъ Хотана небольшой запасъ, лишь на 50 дней, давно весь вышелъ, а купленный въ Шахъ-ярѣ китайскій табакъ можно было курить лишь въ крайности. Я и купилъ въ Курлѣ еще немного горькаго и кислаго мѣстнаго табаку, въ сравненіи съ которымъ махорка покажется настоящимъ гаванскимъ табакомъ.

По поводу этого пожара въ тростникѣ, проводники мои разсказали, что разъ тоже подожгли такимъ образомъ тростникъ на Кара-кулѣ въ вѣтряную погоду, и пожаръ свирѣпствовалъ на озерѣ три лѣта и три зимы. Разумѣется, разсказъ этотъ былъ не болѣе, какъ басней, сочинять которыя азіатскіе народы, какъ извѣстно, горазды, но вообще-то дѣйствительно не легко потушить огонь, разгулявшійся въ сухомъ тростникѣ. Огонь пожираетъ его до самой поверхности воды, и тростникъ трещитъ, стрѣляетъ и разбрасываетъ искры, а длинные хвосты изъ дыма и сажи такъ и вьются по воздуху.

Въ теченіе недѣли мы не видали ни души человѣческой. 9 апрѣля мы разбили лагерь около Кумъ-чеке, гдѣ на берегу Илека, неподалеку оттуда покидавшаго остатки древняго Лобъ-нора, проживали три рыбачьихъ семьи. Хрустально-прозрачная, темносиняя рѣка, воды которой прошли сквозь фильтръ камышей, струилась по глубокому руслу по направленію къ югу, чтобы затѣмъ снова слиться съ Таримомъ въ

Плаванье въ челнокѣ по Илеку.

(Съ рисунка Д. Люнгдаля).

двухъ дняхъ пути отсюда, образовавъ по пути еще цѣпь мелкихъ озеръ.

Отсюда я послалъ Исламъ-бая съ караваномъ впередъ къ мѣсту сліянія рѣкъ, а самъ съ двумя гребцами отправился по рѣкѣ въ челнокѣ, и въ восемь дней, не считая дней отдыха, добрался до самаго конца новаго Лобъ-нора или Кара-кошуна.

Прогулка вышла чудесная. Никогда ни одно судно не носило на себѣ болѣе благодарнаго пассажира. Что за отдыхъ, что за спокойствіе послѣ тяжелаго, труднаго душнаго перехода по песку!

Туземцы, проживающіе около новаго Лобъ-нора, какъ и проживающіе около стараго, называютъ себя „лоплыками", а челноки свои „кеми"; слово это означаетъ и лодку, и паромъ и вообще судно. Челноки, разумѣется, бываютъ различной величины. Самый большой изъ видѣнныхъ мною имѣлъ почти 8 м. въ длину и $^3/_4$ м. въ поперечникѣ. Челнокъ, въ которомъ я совершилъ свою экскурсію, имѣлъ едва 6 м. длины и не болѣе $^1/_2$ м. въ поперечникѣ.

Выдолбить годный для плаванія челнокъ изъ хорошаго, свѣжаго, не дуплистаго тополеваго ствола могутъ при усердіи трое людей въ пять дней. Парусовъ туземцы никогда не употребляютъ, но ловко управляются однимъ весломъ. Послѣднее имѣетъ тонкую, широкую лопасть и называется „гыджакъ" (то-же слово обозначаетъ нѣсколько схожую съ нимъ формою скрипку). Плывя по открытой водѣ, гребецъ стоитъ обыкновенно въ челнокѣ на колѣняхъ, но, попадая въ тростниковую заросль, онъ выпрямляется во весь ростъ, чтобы лучше различать фарватеръ, поворачивается лицомъ къ носу судна и держитъ весло въ водѣ вертикально. На каждомъ челнокѣ бываетъ обыкновенно по двое гребцовъ, и находящійся на кормѣ стоитъ, такъ какъ иначе передній мѣшалъ-бы ему править.

Сдѣлавъ въ день отдыха нѣсколько пробныхъ экскурсій на челнокѣ, чтобы узнать среднюю его скорость, другими словами, найти единицу времени для опредѣленія проходимаго пространства, мы отправились въ путь 11 апрѣля. Одинъ изъ гребцовъ занялъ мѣсто на носу, другой на кормѣ, а я посреди челнока, гдѣ расположился на своихъ подушкахъ и войлокахъ такъ-же удобно, какъ въ chaise-longue. Дневникъ, компасъ

и перо были у меня подъ руками, а во всѣ свободные уголки челнока насованы разные приборы, линь для промѣра глубины, и продовольствіе дня на два.

Пріятнымъ товарищемъ въ пути оказался для меня Джолдашъ № 3, щенокъ китайской породы, ярко-рыжаго цвѣта, взятый мною изъ Курли. Онъ не могъ угнаться за карваномъ во время долгихъ утомительныхъ переходовъ, и поэтому его сажали въ особую корзину, подвѣшенную къ верблюду. Въ первые дни пути щенокъ страдалъ отъ морской болѣзни, потомъ привыкъ. Уставъ бѣжать въ припрыжку, онъ преспокойно садился около какой нибудь кочки, дожидаясь, пока кто нибудь изъ людей не вернется за нимъ и не отнесетъ его въ корзину.

Эта собака составляла мнѣ самую пріятную компанію въ теченіе всего остальнаго путешествія по Азіи и не разлучалась со мной почти никогда. И теперь она плыла со мной въ челнокѣ, повидимому, очень довольная новымъ удобнымъ способомъ передвиженія. Потомъ Джолдашъ совершилъ со мной длинный путь обратно въ Хотанъ, затѣмъ по Тибету, Цайдаму, Китаю, Монголіи и Сибири. Бо́льшую часть этого огромнаго пути онъ продѣлалъ въ припрыжку и тѣмъ не менѣе въ вожделенномъ здравіи прибылъ въ Петербургъ.

Къ сожалѣнію, закономъ воспрещено ввозить въ Швецію собакъ изъ Россіи, и мнѣ въ самую послѣднюю минуту пришлось покинуть моего вѣрнаго спутника. Но столь много путешествовавшій песъ здравствуетъ и по сейчасъ, найдя счастливый пріютъ у директора Пулковской обсерваторіи г. Баклунда. Тамъ Джолдаша скоро отучили отъ его азіатскихъ повадокъ, и онъ съ нетерпѣніемъ дожидается слѣдующаго путешествія по безконечнымъ пустынямъ.

Когда все было въ порядкѣ, гребцы погрузили весла въ воду, и челнокъ легко и быстро, точно угорь, заскользилъ по извивающейся темносиней рѣкѣ.

Но тутъ тихой погодѣ насталъ конецъ. Какъ разъ въ эту ночь поднялась съ востока „черная буря,“ заволокшая все небо и заставившая старые величественные тополи смиренно поникнуть головами. Пока мы плыли по рѣкѣ, мы были въ безопасности, такъ какъ ея глубоко врѣзавшееся въ почву русло ограждено отъ вѣтра и песку стѣной камыша.

По рѣкѣ, однако, намъ предстояло плыть всего нѣсколько часовъ, а затѣмъ тянулись почти до самаго конца открытыя озера. Ихъ-то и боялись мои гребцы, и мнѣ стоило большихъ трудовъ убѣдить ихъ въ томъ, что бояться нечего. Впрочемъ, мы всѣ трое умѣли плавать, и Джолдашъ также. Въ моихъ глазахъ буря скорѣе еще увеличивала, нежели уменьшала, прелесть этой экскурсіи, такъ какъ температура въ 1 ч. пополудни поднялась только до 20.7°, и кромѣ того вѣтеръ пѣлъ въ вершинахъ тополей свою, столь знакомую мнѣ, пѣсню, которую никогда не устаешь слушать и которая всегда навѣваетъ на тебя новыя думы и мечты.

Лоплыкъ въ своемъ челнокѣ.
(Съ рисунка автора).

Итакъ, мы быстро подвигались по торной рѣчной дорогѣ. Тростникъ окаймляетъ рѣку узкой, но густой

зарослью, и рѣка часто становится похожею на пустынную улицу-каналъ въ Венеціи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы останавливались, чтобы сдѣлать промѣръ глубины. Разъ гребцы остановились, не дожидаясь моего приказа, и сообщили, что „какъ разъ тутъ“ въ то время, когда рѣка и озера были еще сухи, „находилась соленая лужа“. Я сдѣлалъ примѣръ; оказалось $9^1/_2$ м.,—глубина необычайная для рѣки съ притокомъ воды въ 23 куб. м. въ секунду.

Одинъ изъ моихъ гребцовъ, охотникъ Курбанъ, который бродилъ въ этихъ мѣстахъ въ теченіе 50 лѣтъ, т. е. и тогда, когда здѣсь еще была пустыня, и тогда, когда, 9 лѣтъ тому назадъ, сюда вновь прибыла вода, разсказалъ мнѣ, что Пржевальскій посылалъ въ эти мѣста его и еще нѣсколькихъ охотниковъ изъ Абдала, чтобы добыть шкуры дикихъ верблюдовъ. Они застрѣлили одного, и за его шкуру получили богатые подарки и деньгами и ножами и пр. Съ тѣхъ-же поръ, какъ сюда вмѣстѣ съ водою вернулись и люди, дикіе верблюды исчезли безслѣдно, найдя себѣ болѣе безопасныя убѣжища въ глубинѣ пустыни къ востоку отсюда.

Между тѣмъ мы уже скользили по первымъ озерамъ, пѣнящіяся волны которыхъ катились къ западу. Тутъ гребцамъ надо было глядѣть въ оба за вертлявымъ челнокомъ, такъ какъ озера очень мелководны, а, еслибы челнокъ ткнулся о голое песчаное дно, онъ непремѣнно перевернулся-бы подъ напоромъ бури и волнъ. Мы поэтому старались держаться по возможности поближе къ восточному берегу, — съ той стороны мы были защищены отъ вѣтра высокими барханами.

Мало-по-малу мы счастливо добрались до безымяннаго селенія у начала Садакъ-куля, гдѣ проживало въ камышевыхъ хижинахъ нѣсколько семействъ. Они приняли меня съ безъискуственнымъ радушіемъ, приготовили для меня свѣжую рыбу и угостили утиными яйцами, нѣжными молодыми побѣгами тростника и хлѣбомъ. Когда я принялся за этотъ простой, но въ высшей степени вкусный ужинъ, меня окружила цѣлая толпа веселыхъ, болтливыхъ лоплыковъ разнаго пола и возраста. Даже молодыя дѣвушки, не стѣсняясь, показывали свои цвѣтущія, но далеко не красивыя лица.

Это необычайное отсутствіе всякаго страха и застѣн-

чивости объяснялось очень просто. Они никогда не видали европейца и представляли его себѣ совсѣмъ инымъ, наслушавшись разсказовъ о „Чонъ-тюрѣ“ — большомъ господинѣ“, т. е. Пржевальскомъ, который явился къ ихъ южнымъ родичамъ въ сопровожденіи двадцати вооруженныхъ съ головы до ногъ казаковъ, длиннаго каравана верблюдовъ и вообще въ полномъ блескѣ европейскаго престижа.

А тутъ вдругъ они увидали меня одного, какъ перстъ, безъ слугъ, безъ каравана, прибывшаго на челнокѣ съ двумя изъ ихъ родичей; я говорилъ на ихъ языкѣ, ѣлъ ихъ пищу и казался почти такимъ-же неимущимъ, какъ и они.

Лоплыкскій мальчикъ съ береговъ Садакъ-куля.
(Съ рисунка автора).

Они, вѣрно, и нашли, что разница между лоплыкомъ и европейцемъ на самомъ дѣлѣ не такъ ужъ велика!

12 апрѣля буря такъ свирѣпствовала, что мы не могли отправиться въ путь. Но, день спустя, она немного поутихла,

такъ что мы могли спустить челнокъ на воду. По окончаніи плаванья челнокъ обыкновенно вытаскиваютъ на берегъ и опрокидываютъ кверху дномъ; время отъ времени его поливаютъ водой, чтобы онъ не далъ трещинъ. Больше десяти лѣтъ челнокъ рѣдко можетъ прослужить.

Мы были въ пути еще до восхода солнца; плаванье по мѣстами чистымъ, мѣстами заросшимъ тростникомъ озерамъ, вышло чудеснымъ. Максимальная глубина оказалась 3.50 и 4.70 м. Около полудня буря снова разсвирѣпѣла, и остальное наше плаванье въ тотъ день прошло въ какой-то сказочной обстановкѣ. Часто приходилось проплывать большія открытыя пространства воды, соединенныя между собой узкими проливами. Для того, чтобы добраться до входа въ эти проливы, намъ неизбѣжно приходилось пересѣкать открытые заливы.

Какъ оріентировались тутъ гребцы, для меня оставалось загадкой; береговыя линіи были до крайности неправильны, всѣ въ извилинахъ, благодаря безчисленнымъ заливчикамъ, полуостровкамъ и островкамъ, да и самыя устья проливовъ не были видны, пока мы не подплывали къ нимъ вплотную. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что летучій песокъ, подымаемый вѣтромъ съ бархановъ восточнаго берега, крутился смерчами, свивался въ облака и окутывалъ желтою дымкою озера, часто совершенно скрывая отъ нашихъ взоровъ берега.

Водная поверхность сильно волновалась. Волны такъ и кипѣли вокругъ челнока и обдавали насъ брызгами и клоками пѣны. Надо было глядѣть въ оба. Мы поснимали съ себя лишнюю одежду, чтобы, въ случаѣ нужды, было легче плыть. Приходилось также сильно балансировать всѣмъ тѣломъ и веслами, чтобы сохранить равновѣсіе челнока среди этихъ волнъ, и зорко слѣдить за тѣмъ, не стережетъ-ли насъ гдѣ предательская мель.

Пока, однако, все обходилось благополучно. Мы проплывали одинъ заливъ за другимъ. Только посреди большого озера Ніязъ-куль пришлось намъ съ часъ стоять на мѣстѣ, держась въ защитѣ небольшого песчанаго островка. Но затѣмъ озера стали уменьшаться и, наконецъ, мы опять очутились на рѣкѣ Илекъ. По ея спокойнымъ водамъ мы плыли до селенія

Ширга-чапканъ (каналъ лоплыка Ширга), гдѣ проживало съ полдюжины семей и гдѣ уже съ нетерпѣніемъ и тревогой ожидалъ насъ Исламъ-бай съ караваномъ.

Послѣ двухдневнаго отдыха караванъ продолжалъ путь до Чигеликъ-уя на Таримѣ по суху, а я на лодкѣ по „Большой рѣкѣ". Чонъ-Таримъ все время дѣлаетъ самые причудливые завороты и извилины, иногда описывая чуть-ли не полный кругъ, такъ что курсъ приходилось держать попеременно на всѣ четыре стороны свѣта. Буря свирѣпствовала съ удвоенной яростью, и мои гребцы, отправляясь въ путь, приняли мѣру предосторожности, связавъ вмѣстѣ два челнока. Послѣдніе были поставлены бокъ-о-бокъ, но съ разстояніемъ въ одинъ футъ, и съ борта одного перекинули на бортъ другого два шеста, которые затѣмъ прикрѣпили къ самымъ бортамъ. Такой парный челнокъ, называющійся „кошъ-кеми", требовалъ уже четырехъ гребцовъ, которымъ и приходилось въ бурю напрягать всѣ свои силы, такъ какъ судно на заворотахъ рѣки къ западу, подхватываемое вѣтромъ, летѣло мимо береговъ съ головокружительной быстротой.

Мало по малу лѣсная растительность совсѣмъ прекратилась; и съ востока и съ запада простирались пустынныя области.

Чигеликъ-уй типичный азіатскій рыбачій поселокъ. Рядъ желтыхъ камышевыхъ хижинъ тянулся по берегу, на которомъ лежали десятка два перевернутыхъ кверху дномъ челноковъ; между высокими шестами протянуты были для просушки сѣти, и въ воздухѣ пахло гнилой рыбой. Восемь семей живутъ тутъ круглый годъ, но по зимамъ прибываетъ еще пятнадцать, которыя въ весеннее, лѣтнее и осеннее время занимаются земледѣліемъ въ Чакалыкѣ и такимъ образомъ ведутъ полукочевой образъ жизни.

Караванъ двинулся дальше въ Абдалъ сухимъ путемъ, а я опять въ лодкѣ, теперь уже по небольшимъ остаткамъ озера Кара-буранъ бывшаго 12 лѣтъ назадъ такимъ значительнымъ.

Буря опять поутихла, зато весь день 18 апрѣля шелъ дождь. Во время самаго сильнаго ливня намъ пришлось на нѣсколько часовъ укрыться въ маленькомъ селеніи Токкузъ-аттанъ (девять отцовъ), со всѣхъ сторонъ окруженномъ водой.

Озера всюду были очень мелководны, занесены рѣчнымъ иломъ и пескомъ; на большихъ протяженіяхъ глубина едва доходила до одного десиметра, такъ что гребцамъ моимъ приходилось идти пѣшкомъ по водѣ, таща за собою челнокъ за веревки.

Проведя ночь въ селеніи Чай, мы проплыли въ теченіе слѣдующаго дня при чудной погодѣ 60 килом. (по прямой линіи всего 39,8 килом.) по Тариму, который къ востоку становится все уже и глубже; пустынные берега его были почти совсѣмъ лишены растительности.

Вечеромъ, когда мы достигли Абдала, на берегу собралось уже, поджидая насъ, все населеніе. Я, выходя на берегъ, указалъ на маленькаго старичка, котораго видѣлъ въ первый разъ, и воскликнулъ: „А вотъ и Кунчиканъ-бекъ!“ — чѣмъ привелъ всѣхъ въ немалое изумленіе. Но его характерныя черты не трудно было узнать по портрету, помѣщенному въ описаніи четвертаго путешествія Пржевальскаго. Кунчиканъ-бекъ съ своей стороны встрѣтилъ меня, какъ стараго знакомаго, и повелъ въ прибранный „покой“ въ своей просторной камышевой хижинѣ.

Кунчиканъ-бекъ былъ поистинѣ славный старикъ. Онъ говорилъ безъ умолку и сообщилъ много интересныхъ свѣдѣній. Пржевальскій подарилъ ему свой портретъ и нѣсколько фотографій, изображавшихъ сцены изъ морскаго быта, а также рыбачьи сѣти, котелъ и много другихъ полезныхъ вещей. И старикъ хранилъ всѣ эти драгоцѣнности въ песчаномъ барханѣ къ сѣверу отъ Абдала; тамъ онѣ были въ безопасности отъ пожара и отъ грабителей-дунганъ.

Когда я сталъ описывать ему наши лодки и нашъ способъ грести, онъ отмахнулся рукой и воскликнулъ самымъ увѣреннымъ тономъ: „Да я давно уже знаю все это. „Чонъ-тюря“ ужъ разсказывалъ мнѣ. Я отлично знаю, какъ у васъ тамъ на родинѣ; я самъ сталъ чуть-ли не такимъ-же русскимъ, какъ вы!“

21 апрѣля мы сдѣлали экскурсію по рѣкѣ до довольно большого селенія Кумъ-чапканъ, причемъ старикъ Кунчиканъ-бекъ — „вождь восходящаго солнца“ самъ дѣйствовалъ однимъ весломъ съ такою-же силою и ловкостью, съ какою, вѣроятно, дѣйствовалъ и 65 лѣтъ тому назадъ.

Въ Абдалѣ я узналъ, что за Кумъ-чапканомъ рѣка уже не судоходна, такъ какъ дѣлится тамъ на множество рукавовъ и теряется въ озерахъ и болотахъ. Весь водный путь до Каракошуна, которымъ плылъ Пржевальскій, заросъ теперь осокой

Сноха Кунчиканъ-бека съ прялкой.
(Съ рисунка автора).

и тростникомъ, и люди повыселились съ его береговъ уже десять лѣтъ тому назадъ.

Въ Кумъ-чапканѣ мы нашли, однако, двухъ людей, которые взялись плыть со мной въ теченіе двухъ дней, къ ONO,

т. е. до того мѣста, дальше котораго нельзя уже плыть въ челнокѣ. Я ни за что не хотѣлъ упустить случая нанести на свою карту этихъ озеръ съ возможною точностью и рѣшился сдѣлать эту поѣздку. Но сначала надо было вернуться въ Абдалъ за продовольствіемъ. Этотъ обратный путь мы сдѣлали по Абдальскимъ озерамъ, которыя идутъ по правому берегу рѣки и принадлежатъ, слѣдовательно, къ группѣ мелкихъ, прибрежныхъ озеръ, истощающихъ Таримъ. Съ теченіемъ времени рѣка сама наносимымъ ею иломъ подняла свое ложе и течетъ точно по приподнятому руслу. Поверхность рѣки при высокомъ ея уровнѣ лежитъ, такимъ

Мальчуганы изъ Кумъ-чапкана.
(Съ рисунка автора).

образомъ, выше плоскихъ равнинъ, идущихъ по обѣ стороны рѣки.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берега состоятъ изъ легко размываемаго матеріала, вода ихъ прорываетъ и, образовавъ канавы, заливаетъ низменности; иногда же сами лоплыки прокапываютъ такія канавы ради образованія искусственныхъ озеръ. Дѣло въ томъ, что въ эти озера заходитъ рыба и, когда въ началѣ лѣта вода въ рѣкѣ спадаетъ до минимума, плотины закрываютъ, такъ что рыба остается запертой въ озерахъ.

Когда вода въ нихъ начинаетъ испаряться, рыбу лови хоть руками.

Зимою здѣсь питаются вяленой рыбой и хлѣбомъ. Семьи-же, проживающія около Кумъ-чеке, являются настоящими ихтіофагами, такъ какъ питаются почти исключительно рыбою, изрѣдка утиными яйцами, молодыми побѣгами камыша и солью. Согласно Пѣвцову, въ Южномъ Лобъ-норѣ водятся слѣдующія породы рыбъ: Schizostorax Biddulphi, Aspiorrhynchus Przevalski, Nemachilus jarkandensis, Schizostorax argentatus u Diptychus gymnogaster.

22 апрѣля я съ тремя гребцами сѣлъ въ одинъ челнокъ, Исламъ-бай съ кухонными принадлежностями и двумя гребцами въ другой, а третій челнокъ со старымъ опытнымъ гребцомъ Тузуномъ долженъ былъ расчищать намъ путь въ камышахъ.

Погода выдалась чудная, и мы быстро полетѣли мимо Кумъ-чапкана, гдѣ рѣка развѣтвляется, а затѣмъ по лѣвому самому большому изъ рукавовъ, который, однако, скоро оказался прегражденнымъ чащей камыша, представившею бы настоящій непроницаемый барьеръ, не прочисти въ немъ лоплыки узенькихъ канальчиковъ. Но и эти, такъ называемые, „чапканы" снова заросли-бы въ теченіе одного года, если-бы лоплыки каждую весну не вырывали съ корнями молодой поросли камыша.

Ширина чапкана обыкновенно не превышаетъ одного метра; по обѣимъ сторонамъ идутъ настоящія стѣны камыша, вышиною иногда до 5 м. Часто его связываютъ пучками или сбиваютъ на бокъ, чтобы онъ не склонялся и не закрывалъ прохода.

Цѣль чапкановъ, однако, не только въ томъ, чтобы поддерживать сообщеніе водою. Въ этихъ проходахъ также ставятъ сѣти и мережи, и мы скользили надъ сотнями такихъ мережей, въ которыхъ сквозь прозрачную воду ясно, словно въ акваріумѣ, виднѣлось множество рыбы. Мы по пути и вытащили себѣ нѣсколько, чтобы освѣжить нашъ запасъ продовольствія.

Каждая семья имѣетъ свои извѣстные чапканы, гдѣ никто другой уже не смѣетъ ставить мережей. Узкіе корридоры эти перекрещиваются по всѣмъ направленіямъ, образуя

лабиринты, въ которыхъ чужой человѣкъ непремѣнно заблудится.

И просто непонятно, какъ туземцы могутъ разбираться въ этихъ лабиринтахъ. Часто канальчикъ впадаетъ въ небольшой, круглый открытый бассейнъ, со всѣхъ сторонъ окаймленный камышомъ, и въ тотъ-же бассейнъ впадаетъ еще съ полдюжины чапкановъ, расходящихся радіусами во всѣ стороны.

Попадая въ такое озерко, на противоположномъ краю котораго высится съ виду непроницаемая стѣна камыша, гребцы начинаютъ бѣшенно грести веслами, челнокъ несется, какъ вѣтеръ, черезъ озеро, такъ и кажется, что сейчасъ разможжишь себѣ голову объ эту стѣну, но нѣтъ, стѣна со свистомъ и шелестомъ раздается, камышевые стволы раздвигаются, словно занавѣски, на обѣ стороны, и челнокъ скользитъ по слѣдующему чапкану.

Такъ проходилъ весь день. Мѣстами еще ясно различался умирающій Таримъ. Иногда мы попадали въ довольно большія озера; въ одномъ изъ нихъ, Джоканакъ-куль, оказалась наибольшая измѣренная мною глубина на всемъ Южномъ Лобъ-норѣ: 4.25 м. Оказывается, такимъ образомъ, что озера очень мелководны и скорѣе походятъ на болота.

Подъ вечеръ мы понеслись по самому крупному изъ всѣхъ озеръ, Баклаганъ-кулю (озеро привязаннаго крыла), названнаго такъ, вѣроятно, потому, что около устья одного чапкана въ нѣсколькихъ мѣстахъ привязано по утиному крылу, которыя и служатъ путевыми знаками. Большихъ трудовъ стоило намъ пробраться къ сѣверному берегу, гдѣ мы, наконецъ, вышли на сушу; почва состояла изъ влажнаго ила, пропитаннаго солью.

На слѣдующій день поплыли дальше по большому озеру. Въ одну изъ остановокъ для промѣра глубины, Джолдашъ, которому, должно быть, показалось, что въ лодкѣ слишкомъ жарко, прыгнулъ за бортъ. Увидавъ, что до ближайшей земли слишкомъ далеко, онъ, однако, основательно выкупавшись, вернулся обратно въ лодку. Первымъ шелъ челнокъ съ проводникомъ, за нимъ челнокъ съ провіантомъ и, наконецъ, мой челнокъ; первые два челнока въ случаѣ надобности прочищали дорогу. Свой простой завтракъ я съѣдалъ въ лодкѣ. Передача

провизіи съ челнока Ислама на нашъ совершалась такимъ образомъ: Исламъ укладывалъ провизію въ деревянную чашку, которую и спускалъ на тихую водную поверхность, а мы, поровнявшись съ чашкой, ловили ее.

Поперекъ озера шла широкая полоса частаго густого камыша, вышиною до 8 ф., 6 сантим. въ обхватѣ около водной поверхности. Сами лоплыки рѣдко бываютъ въ этихъ мѣстахъ, поэтому чапканы успѣли здѣсь зарости. Узкій передовой челнокъ, однако, легко проскользнулъ сквозь тѣсный проходъ, но нашимъ большимъ грузнымъ челнокамъ пришлось пробираться шагъ за шагомъ. Гребцы отложили весла въ сторону, стали на колѣни и принялись обрабатывать камышъ и руками и ногами, чтобы пробраться сквозь него.

Того и гляди застрянешь въ такомъ проходѣ. Воды совсѣмъ не видно: ее заслоняютъ челнокъ и тростникъ. Ни единый лучъ солнца не проникаетъ въ этотъ мрачный, душный туннель. Испускаешь поэтому вздохъ истиннаго облегченія, когда узкій корридоръ останется позади, и челнокъ заскользитъ по открытой водѣ, на которой вѣтерокъ разводитъ легкую рябь.

Около полудня мы добрались до самаго конца открытыхъ озеръ. Чащи камыша стали окончательно непроходимыми; тутъ нельзя было ни пробраться въ челнокѣ въ лѣтнее время, ни пройти пѣшкомъ по льду въ зимнее. Камышъ стоитъ сплошною стѣною; тамъ и сямъ бури, поломавъ стволы камыша, такъ перепутали и переплели ихъ, что мы могли даже совершить небольшую прогулку пѣшкомъ по этой тростниковой настилкѣ, нужды нѣтъ, что подъ ногами была вода, достигавшая въ глубину 3 м.

Прежде, чѣмъ вернуться, мы еще разъ пробрались къ сѣверному берегу, на которомъ росли на высокихъ буграхъ кусты тамариска. Съ этихъ бугровъ открывался широкій видъ во всѣ стороны. На востокѣ не было видно ни полоски открытой воды, даже въ квадр. метръ, все пространство казалось сплошною пышною зарослью камыша. На западѣ виднѣлась только узенькая водяная дорожка, по которой мы плыли, похожая на голубую ленту въ желтѣющемъ тростникѣ, среди котораго зеленѣли лишь небольшія кущи молоденькаго, весенняго.

Затѣмъ, мы повернули обратно къ Абдалу, по тому же пути. Такъ какъ маршрутъ былъ уже занесенъ на карту, то я могъ теперь всласть нѣжиться на своихъ коврахъ и подушкахъ, прислушиваясь къ шопоту тростника, плеску воды о борта челнока и любуясь переливами прозрачной воды, отливавшей въ глубокихъ мѣстахъ цвѣтомъ морской воды, а въ мелкихъ, вслѣдствіе рефлексовъ отъ желтаго камыша, цвѣтомъ желе изъ рейнвейна.

Когда мы достигли мѣстности сейчасъ на востокъ отъ Кумъ-чапкана, гдѣ Таримъ еще очень быстръ, грести стало труднѣе, чѣмъ когда мы плыли въ другую сторону. Когда мы собрались въ путь, челнокъ, направляемый рѣдкими ударами веселъ, летѣлъ въ этомъ мѣстѣ по теченію съ быстротой вѣтра.

Чтобы выиграть время, я предоставилъ гребцамъ работать веслами весь день и даже часть ночи. Они работали охотно, такъ какъ имъ было обѣщано хорошее вознагражденіе. Мѣсяцъ, точно маякъ, освѣщалъ узкую живописную водяную дорогу; картина получалась восхитительная. Ночь была теплая, тихая; лишь мѣрные удары веселъ, да изрѣдка всплески рыбъ нарушали глубокую тишину.

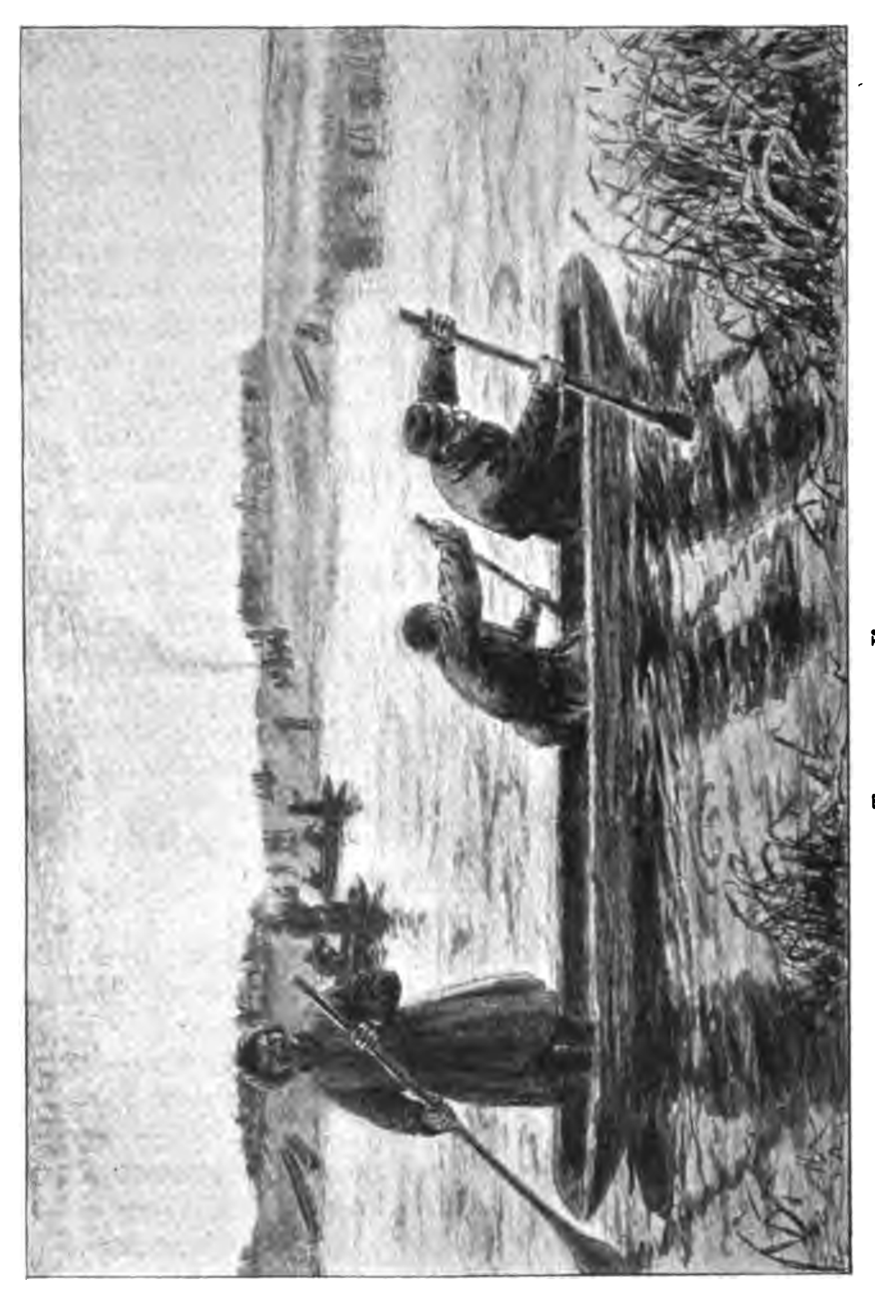
XIII.

Возвращеніе въ Хотанъ. Правосудіе Людарина.

Итакъ, первые четыре мѣсяца года мы цѣликомъ провели въ дорогѣ, все болѣе и болѣе удаляясь на востокъ отъ новаго нашего операціоннаго базиса, Хотана. Въ концѣ концовъ мы очутились у конца Лобъ-норской цѣпи озеръ, въ тысячѣ верстъ съ лишкомъ отъ названнаго города, гдѣ я оставилъ почти всѣ свои пожитки и свои деньги, исключая самаго необходимаго.

Въ теченіе этого долгаго путешествія мнѣ посчастливилось разрѣшить поставленныя мною себѣ задачи. Мы по-

бывали на развалинахъ древнихъ городовъ, слѣдовали по

Таримъ около Кумъ-чапкана.
(Съ рисунка Линдберга).

теченію Керіи-дарьи до самаго ея конца, пересѣкли пустыню Гоби, уяснили себѣ сложную рѣчную систему Тарима и за-

гадку, представляемую озеромъ Баграшъ-куль и, наконецъ, изслѣдовали Лобъ-норскую область.

Форсированный, трудный переходъ по пустынѣ порядкомъ истощилъ наши силы; приближалось лѣто съ удушливыми жарами, тѣмъ болѣе непріятными для насъ, что мы захватили съ собой лишь зимнюю экипировку; всѣ мы и горѣли желаніемъ отдохнуть въ Хотанѣ.

Будь у насъ крылья, мы-бы съ радостью перелетѣли туда по воздуху, такъ какъ оба пути вдоль сѣверной подошвы Кунь-луня изслѣдованы и описаны Пржевальскимъ, Пѣвцовымъ, Дютрейль-де-Риномъ и Литледэлемъ, да и кромѣ того представляютъ мало интереса. Тѣмъ не менѣе выбора не было, и приходилось ѣхать. 25 апрѣля, сердечно распрощавшись съ престарѣлымъ Кунчиканъ-бекомъ, мы съ караваномъ изъ трехъ верблюдовъ и двухъ лошадей оставили Абдалъ.

Пріятно всетаки было сознавать, что находишься на пути къ западу; по благополучномъ возвращеніи въ Хотанъ, мнѣ оставалось выполнить только еще одну задачу моей программы — изслѣдовать сѣверный Тибетъ. Кромѣ того въ Хотанѣ, какъ я узналъ изъ сообщенія, посланнаго мнѣ въ Карашаръ генеральнымъ консуломъ Петровскимъ, меня ждала солидная кипа писемъ изъ Швеціи. Чего, чего ни могло случиться тамъ за мое долгое отсутствіе!

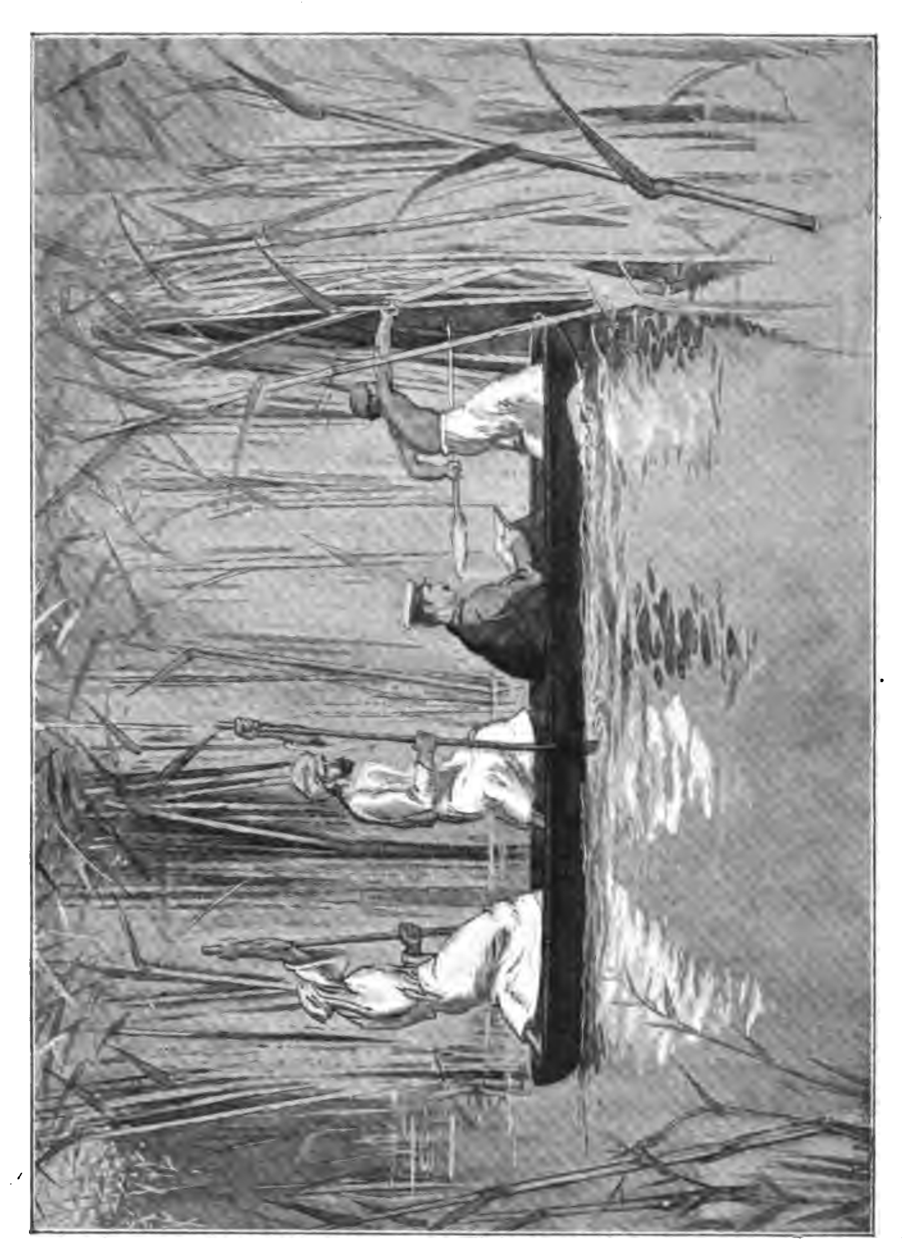
Эти письма магнитомъ тянули меня на западъ. И какъ только мы выѣхали изъ Абдала, поднялся упорный вѣтеръ съ востока, гнавшій намъ вслѣдъ тучи песку и пыли, словно само небо подгоняло насъ къ западу.

Такая буря, какъ я уже упоминалъ, представляетъ поражающее величественное зрѣлище. Воды Тарима гнало сильнымъ вѣтромъ вспять; уровень воды около Абдала понизился на 40—50 сант. зато въ озерѣ Кара-буранъ повысился на 20—30, благодаря чему озеро значительно увеличилось въ размѣрахъ.

Въ такую бурю нельзя чувствовать себя въ сѣдлѣ особенно прочно: вѣтеръ, того и гляди, сорветъ тебя. Лошадь шатается, какъ пьяная, а верблюды широко разставляютъ ноги, чтобы не потерять равновѣсія.

Хотя, вслѣдствіе бури, Кара-буранъ и сталъ обильнѣе водою, мы всетаки пересѣкли озеро, т. е. тѣ его части, которыя

со времени Пржевальскаго успѣли высохнуть. Затѣмъ, мы достигли низовья рѣчки Чакалыкъ, которая впадала-бы въ

Челнокъ у входа въ „чапканъ" на Лобъ-норѣ.
(Съ рисунка Ніоблома).

Кара-буранъ, еслибы не изсякала раньше въ низменной равнинѣ. Буря и эту рѣчку заставила свернуть въ сторону отъ

русла и залить всю низменность кругомъ, такъ что исчезла подъ водой и тропа.

Мы поэтому ѣхали больше на угадъ по водѣ, глубиною въ нѣсколько десим. Всюду, куда ни погляди кругомъ, волновалась вода, — настоящее море. Пѣна такъ и кипѣла вокругъ насъ, водяныя брызги взлетали на воздухъ и разсыпались мелкой пылью. Кругозоръ былъ очень ограниченъ: пыль, насыщавшая атмосферу, заволакивала видъ. Въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней буря не стихала ни на минуту, и температура не поднималась выше 15—18°, такъ что намъ, по крайней мѣрѣ, было довольно прохладно.

27 апрѣля вечеромъ мы прибыли въ Чакалыкъ, небольшой „городокъ", населенный сотней семействъ. Въ воздухѣ стояла уже тишина, но въ нашемъ лагерѣ было шумно. Прежде всего намъ предстояло сбыть здѣсь своихъ трехъ верблюдовъ, сослужившихъ намъ съ того времени, какъ мы оставили Хотанъ, неоцѣненную службу. Истинными философами шагали они цѣлые мѣсяцы по ужасной пустынѣ, величественно разсѣкали мощныя заросли и чащи, безбоязненно шли по водѣ и болотамъ, никогда не роптали, никогда не причиняли намъ никакихъ затрудненій и часто еще ободряли насъ самихъ своимъ спокойствіемъ.

Но мы слишкомъ ужь использовали ихъ силы, и имъ теперь нуженъ былъ отдыхъ; тащить ихъ съ собой до Хотана было-бы варварствомъ, — верблюдовъ никогда не употребляютъ въ дѣло лѣтомъ, но даютъ имъ полные каникулы, которые они и проводятъ на подножномъ корму въ горахъ.

Особенно жаль мнѣ было разстаться съ моимъ верховымъ верблюдомъ, великолѣпнымъ самцомъ, 10 лѣтъ. Какъ я уже упоминалъ, верблюды не любятъ людей и никогда такъ не приручаются, какъ лошади. Но у насъ съ моимъ верблюдомъ была большая дружба. Зато, когда къ нему подходили мои люди, которые обыкновенно вели его за веревку, продѣтую въ носъ, онъ сердито ревѣлъ и плевался. Убѣдившись, что я никогда не трогаю веревки, онъ уже встрѣчалъ меня совершенно иначе. Я могъ гладить его по мордѣ и по лбу, и онъ не выказывалъ при этомъ ни малѣйшаго неудовольствія. Каждое утро я давалъ ему два большихъ ломтя маисоваго хлѣба, и онъ подъ конецъ такъ привыкъ къ этой подачкѣ, что въ из-

вѣстный часъ самъ подходилъ къ моему войлоку и напоминалъ о себѣ. Иногда онъ даже будилъ меня, изрядно толкнувъ мордой.

И вотъ, теперь приходилось разстаться съ этими тремя заслуженными слугами, дѣлившими съ нами и горе и радость. Купилъ ихъ у меня одинъ андижанскій купецъ за полцѣны противъ заплоченной нами, а мы взамѣнъ пріобрѣли еще четырехъ лошадей. Но я почувствовалъ себя просто осиротѣвшимъ, когда покупщикъ увелъ нашихъ верблюдовъ; дворъ опустѣлъ безъ нихъ.

Къ счастью, у меня оставался Джолдашъ, который постоянно лежалъ рядомъ со мной въ лачугѣ, гдѣ я помѣщался. Разъ я сидѣлъ на своемъ войлокѣ и писалъ, вдругъ Джолдашъ вскочилъ и началъ ворчать, тыкая носомъ въ землю. Я сначала не обращалъ на него вниманія, но онъ мало по малу приблизился ко мнѣ вплотную, выказывая всѣ признаки сильнѣйшаго безпокойства.

Тогда я сталъ осматриваться и почти у самыхъ ногъ своихъ увидалъ двухвершковаго отвратительнаго скорпіона, который вилялъ своимъ ядовитымъ хвостомъ, защищаясь отъ собаки, которая, однако, инстинктивно остерегалась укусить его. Скорпіонъ былъ раздавленъ, а Джолдашъ награжденъ кускомъ мяса и ласками, показавшими ему, что онъ велъ себя молодцомъ.

Чакалыкомъ правитъ китайскій амбань Ли-даринъ. Кромѣ того, со времени вспыхнувшаго въ декабрѣ 1894 г. въ области Си-нинъ-фу дунганскаго возстанія, китайцы держатъ въ городкѣ гарнизонъ изъ 265 солдатъ, вооруженныхъ старыми, забракованными англійскими ружьями 60-хъ годовъ. По своему обычаю и соблюдая долгъ вѣжливости, я немедленно по прибытіи послалъ Ли-дарину мою китайскую визитную карточку и мѣстный паспортъ, выданный мнѣ Хуэнь-дариномъ Карашарскимъ, и поручилъ освѣдомиться, когда я лично могу сдѣлать амбаню визитъ.

На это Ли-даринъ черезъ своего переводчика отвѣтилъ, что предварительно требуетъ отъ меня большого, годнаго и для здѣшнихъ областей паспорта. Я попросилъ переводчика, оказавшагося любезнымъ бекомъ мусульманиномъ, объяснить амбаню, что мой большой паспортъ изъ Пекина и Кашгара

остался въ Хотанѣ, такъ какъ, выѣзжая оттуда, я не предполагалъ забираться такъ далеко, и что я лучше сумѣю объяснить все это при личномъ свиданіи съ амбанемъ.

Отвѣтъ гласилъ, что лицо, не имѣющее настоящаго паспорта, является субъектомъ подозрительнымъ, что амбань меня не приметъ и что южная дорога въ Хотанъ для меня закрыта, но что я, въ силу имѣющагося у меня мѣстнаго паспорта, могу получить разрѣшеніе вернуться въ Кара-шаръ и затѣмъ направиться въ Хотанъ тою-же дорогою, какою пришелъ.

Вотъ такъ славно! Употребить въ лѣтнія жары цѣлыхъ три съ половиной мѣсяца на путешествіе по пустынѣ, по уже изслѣдованному пути, тогда какъ по южной дорогѣ черезъ Черченъ мы могли добраться до Хотана въ одинъ мѣсяцъ! Я и поручилъ переводчику передать своему амбаню, что во первыхъ я презираю его, а во вторыхъ, что я во всякомъ случаѣ завтра-же выступлю въ Черченъ.

Лаконическимъ отвѣтомъ было: „Выѣзжайте, но я арестую васъ и съ десятью солдатами отправлю въ Кара-шаръ!"

Тутъ надо было подумать, да подумать! Скоро, однако, я сообразилъ свое положеніе и принялъ слѣдующее рѣшеніе: выступить въ Черченъ на слѣдующій день и дать Лидарину арестовать себя и отправить въ Кара-шаръ; оттуда я отправлюсь въ Урумчи и тамъ съ помощью русскаго консула не только добьюсь свободнаго пропуска черезъ Черченъ въ Хотанъ, но и устрою, что Ли-даринъ получитъ заслуженный нагоняй и долженъ будетъ возмѣстить мнѣ убытки, причиненные задержкой и лишней дорогой.

Согласно съ этимъ я и условился, что упоминавшійся выше андижанскій купецъ побережетъ наши пожитки и нашихъ лошадей. Сопровождать меня долженъ былъ одинъ Исламъ-бай; крохотный багажъ нашъ помѣстился позади насъ на сѣдлахъ.

Сначала я былъ очень разсерженъ перспективою такой значительной задержки въ пути, тѣмъ болѣе, что ни силою, ни хитростью ничего нельзя было подѣлать съ упрямымъ мандариномъ, у котораго имѣлось подъ руками 265 солдатъ. Но къ вечеру мысли мои прояснились, и путешествіе въ Урумчи представилось мнѣ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Отдѣлявшія

насъ отъ него 700 верстъ сулили мнѣ новые пути и интересныя области; я могъ ознакомиться съ главнымъ городомъ китайской части внутренней Азіи, который кишитъ знатными мандаринами и въ которомъ находится небольшая русская колонія. Все это было очень заманчиво, хоть сердце и болѣло по письмамъ съ родины.

Но моя счастливая звѣзда оказалась сильнѣе Ли-дарина, амбаня Чакалыкскаго. Поздно вечеромъ, во дворъ къ намъ явился мандаринъ лѣтъ 50, съ тонкими интеллигентными чертами лица, и назвался Ши-дариномъ, комендантомъ гарнизона. Онъ сообщилъ мнѣ, что получилъ приказъ арестовать меня завтра, и явился теперь выразить мнѣ свое сожалѣніе по поводу грубаго поступка Ли-дарина, обѣщаясь при этомъ постараться уговорить послѣдняго.

Бесѣда перешла на другіе предметы. Ши-даринъ очень заинтересовался моимъ путешествіемъ и разспрашивалъ меня обо всемъ. Когда я разсказалъ ему о своей первой попыткѣ пересѣчь Такла-маканъ, онъ вскрикнулъ и чуть не бросился мнѣ на шею. „Такъ это вы были? Я какъ разъ находился тогда въ Хотанѣ и слышалъ разговоры о вашемъ несчастномъ путешествіи. Линъ-даринъ тоже разсказывалъ о васъ, и мы оба надѣялись увидѣть васъ въ Хотанѣ.

Этотъ Линъ-даринъ былъ никто иной, какъ Павелъ Сплингертъ, бельгіецъ, который находился въ Хотанѣ 30 лѣтъ, четыре года раздѣлялъ, въ качествѣ переводчика, экспедиціи Рихтгофена и теперь былъ вліятельнымъ мандариномъ въ Са-чжоу. Онъ въ концѣ концовъ сталъ настоящимъ китайцемъ, женился на китаянкѣ и имѣлъ отъ нея одиннадцать человѣкъ дѣтей. Нѣкоторые изъ нихъ были отданы въ католическую миссіонерскую школу въ Шанхаѣ.

Сплингертъ и Ши-даринъ имѣли порученіе отъ Урумчійскаго генералъ-губернатора обревизовать Восточный Туркестанъ, особенно южныя его границы и ознакомиться съ условіями добыванія золота. Въ теченіе тѣхъ недѣль, которыя я провелъ въ лѣсахъ Буксама, они находились въ Хотанѣ. Когда-же они прибыли въ Кашгаръ, я только что выступилъ оттуда въ Памиръ, а когда я осенью вернулся въ Кашгаръ, они уже успѣли выѣхать оттуда.

Мнѣ давно хотѣлось встрѣтиться со Сплингертомъ, тѣмъ

болѣе, что я привезъ ему поклоны отъ Рихтгофена. Но удалось мнѣ это лишь годъ спустя, когда мы встрѣтились съ нимъ въ русскомъ посольствѣ въ Пекинѣ. Сплингертъ собирался тогда переселиться въ Тянь-цзинь, гдѣ Ли-Хунгъ-Чангъ давалъ ему выгодное мѣсто.

Поговоривъ о нашихъ общихъ знакомыхъ, мы съ Ши-дариномъ подружились такъ, какъ будто знали другъ друга много лѣтъ. Онъ просидѣлъ у меня до полночи. Мы поужинали вмѣстѣ, закурили трубки и продолжали бесѣду. Я показалъ ему свои маршруты и эскизы и развилъ передъ нимъ весь Лобъ-норскій вопросъ, который заинтересовалъ его тѣмъ болѣе, что онъ самъ зналъ, что озеро въ прежнія времена имѣло иное положеніе.

Вмѣсто того, чтобы отправиться въ Урумчи, мы остались на другой день въ городѣ, и я отдалъ визитъ Ши-дарину. Онъ принялъ меня какъ нельзя любезнѣе и показалъ мнѣ собственноручно выполненныя съемки своихъ маршрутовъ по горнымъ областямъ къ югу отъ Чакалыка и Черчена. Я былъ просто пораженъ. Не будь на картахъ китайскихъ надписей, никто-бы не повѣрилъ, что это сдѣлано не европейцемъ; горы были нанесены на карту по современнымъ методамъ.

Затѣмъ Ши-даринъ показалъ мнѣ свои англійскіе компасы, діоптры, измѣрительные приборы и пр. и пр. Наконецъ, онъ повелъ меня осматривать крѣпость, склады аммуниціи и оружія и во время обхода выказалъ себя совершенно свободнымъ отъ всякихъ предразсудковъ; словомъ, это былъ необычайный китаецъ. Онъ скорѣе производилъ впечатлѣніе европейца, нежели сына Поднебесной имперіи. Онъ долго служилъ въ Кульджѣ, гдѣ свелъ знакомство съ многими русскими, что дало ему возможность научиться, какъ должно, цѣнить преимущества цивилизаціи. Долговременныя сношенія съ Сплингертомъ только укрѣпили его взгляды на Европу.

За обѣдомъ я нашелъ своевременнымъ спросить, какъ-же теперь насчетъ моего ареста. Ши-даринъ сообщилъ, что все утро провелъ у амбаня, но тотъ стоитъ на своемъ, говоря, что имѣетъ приказъ на все время возстанія дунганъ охранять дорогу въ Черченъ и Хотанъ. Ши-даринъ старался втолковать ему, что тутъ нѣтъ никакихъ дунганъ, а есть только мирный

европеецъ. Но амбань заявилъ, что не можетъ знать, кто я, такъ какъ у меня нѣтъ паспорта.

„Ну, такъ придется, пожалуй, отправиться въ Урумчи!“ — сказалъ я.

„Въ Урумчи? Вы въ умѣ?“ — воскликнулъ Ши-даринъ и принялся хохотать. „Нѣтъ, отправляйтесь преспокойно въ Черченъ, я отвѣчаю за послѣдствія! Амбань, правда, приказалъ арестовать васъ, но, вѣдь, я начальникъ гарнизона и не дамъ ему для этой цѣли ни одного солдата. А если онъ захочетъ арестовать васъ съ помощью туземныхъ бековъ, я дамъ вамъ охрану изъ своихъ солдатъ“.

Древній мѣдный кунганъ изъ Вашъ-шари. ($^2/_5$ натур. велич.).
(Съ фотографіи Далѣфа).

Кто-бы могъ надѣяться на такой оборотъ дѣла! Тѣ-же самые солдаты, которые по приказу надменнаго Ли-дарина должны были арестовать меня, употребивъ въ случаѣ надобности даже силу, становились теперь моей защитой! Случаи такого разлада между представителями гражданской и военной власти, однако, не рѣдки въ Китаѣ. И въ Кашгарѣ и въ Хотанѣ я наблюдалъ такія же обостренныя отношенія.

На другой день все было готово къ отъѣзду. Ши-даринъ, какъ будто мало сдѣлалъ для меня, прислалъ мнѣ богатый запасъ сахару и табаку, въ чемъ я какъ разъ нуждался, а взамѣнъ получилъ нѣсколько мелкихъ вещицъ и картъ, безъ которыхъ я могъ обойтись.

Затѣмъ, мы выступили на западъ. Въ рощѣ, на окраинѣ города стояли трое бывшихъ нашихъ верблюдовъ, пощипывая листву. Мы послали имъ грустное прости, но они не удостоили насъ даже взглядомъ, продолжая свою сочную трапезу.

Здѣсь мнѣ опять придется почти совершенно обойти молчаніемъ эти 900 верстъ, отдѣлявшія насъ отъ Хотана. Какъ ни хотѣлось-бы мнѣ поподробнѣе поговорить объ областяхъ, гдѣ мы собрали богатую жатву наблюденій, я принужденъ отказаться отъ этого за недостаткомъ мѣста, но я надѣюсь вернуться и къ этой части моего путешествія въ слѣдующемъ своемъ трудѣ.

Миновавъ Вашъ-шари, гдѣ мы посѣтили развалины и купили у одного земледѣльца старинный мѣдный кувшинъ, мы достигли Черченъ-дарьи и по ея рѣдкимъ лѣсамъ направились къ городу Черчену.

Изъ Черчена ведутъ двѣ дороги въ Керію. Слѣдуя по сѣверной, пустынной, которую, повидимому, избралъ Марко Поло, можно достигнуть Керіи въ 10 дней. Но такъ какъ въ это время года она являлась совершенно безлюдной, вода въ колодцахъ была соленой, и насъ всю дорогу донимали-бы полчища комаровъ, то мы и выбрали болѣе южную дорогу, ведущую вдоль хребта Кунь-лунь и лежащую среднимъ числомъ на тысячу метровъ выше сѣверной.

Климатъ на такой высотѣ чудесный, свѣжій; живутъ въ этихъ областяхъ таглыки (племя тюркскаго происхожденія), занимающіеся, главнымъ образомъ, скотоводствомъ и отчасти земледѣліемъ; природа на этомъ пути обѣщала намъ большое разнообразіе, а то обстоятельство, что путь этотъ требовалъ лишнихъ четырехъ дней, не играло для насъ никакой роли.

И вотъ, мы направились къ золотымъ пріискамъ Копы, гдѣ туземцы, ищущіе счастья и золота, роютъ колодцы (канъ) до 50 саж. глубиной, пока не дойдутъ до жилы. Узкіе туннели, похожіе на подземные ходы кротовъ, идутъ по направленію стараго рѣчнаго русла, въ которомъ и находится золотой песокъ.

На этомъ слѣдовало-бы остановиться подольше, посвятить добыванью золота въ этой области цѣлую главу, но приходится торопиться пройти скорѣе Кыркъ-сай или „сорокъ руселъ“, гдѣ снѣговая вода стекаетъ съ горъ по глубокимъ бороздамъ, чтобы вскорѣ затѣмъ изсякнуть въ раскаленной печи, называемой пустынею Гоби или Такла-маканъ.

Проѣхавъ черезъ Соургакское золотое поле, мы опять спустились въ низменныя области и пустыню, гдѣ чудеснѣй-

шимъ убѣжищемъ отъ песковъ явился маленькій оазисъ Ясъ-улгунъ (Лѣтній тамарискъ).

Въ Керіи меня радушно встрѣтилъ мой кашгарскій пріятель Цзянь-далой, котораго только что назначили сюда амбанемъ.

27 мая мы прибыли въ Хотанъ, здоровые, но усталые, съ несказаннымъ чувствомъ удовольствія предвкушая отдыхъ на нѣкоторое время.

Читатель, безъ сомнѣнія, помнитъ, что мы въ несчастное наше странствованіе по пустынѣ въ апрѣлѣ и началѣ мая 1895 г. оставили между барханами палатку, почти весь нашъ багажъ, стоимостью до 5,000 кр., и двухъ людей, умиравшихъ отъ жажды. Вдовы послѣднихъ являлись ко мнѣ въ Кашгарѣ и съ плачемъ и рыданьемъ просили вернуть имъ покойниковъ. Я помогъ имъ по силѣ возможности деньгами, потомъ собрался въ новое путешествіе, и новыя приключенія почти стерли изъ моей памяти событія перваго.

Лѣтомъ 1895 г. неожиданно вынырнулъ на свѣтъ Божій шведскій офицерскій револьверъ, находившійся во вьюкѣ Нэра, и у насъ зародились подозрѣнія. И генеральный консулъ Петровскій и дао-тай послали приказы въ Хотанъ о новыхъ розыскахъ, но розыски эти не привели ни къ чему.

Въ началѣ января 1896 г. я вернулся въ Хотанъ и снова выступилъ оттуда, оставаясь въ полной увѣренности, что палатка, багажъ и оба умершіе были давно засыпаны пескомъ. Судите-же о моемъ удивленіи: въ самый день моего прибытія въ Хотанъ 27 мая, Лю-даринъ прислалъ на мою квартиру значительную часть пропавшихъ у меня вещей, которыхъ я не видалъ уже больше года.

Спѣшу прибавить, что, принимая вещи, я испытывалъ самыя смѣшанныя чувства. Ясно было, что съ находкой этой связано было разоблаченіе интриги, и что мы были обмануты. И, дѣйствительно, открылась цѣлая запутанная исторія, настоящій уголовный романъ, о которомъ я разскажу вкратцѣ, такъ какъ онъ освѣщаетъ характеръ туземцевъ-мусульманъ не меньше, чѣмъ правосудіе китайскихъ властей.

Купецъ Юсуфъ, напоившій умиравшаго Ислама водою, вернувшись въ Хотанъ, подарилъ шведскій револьверъ аксакалу западно-туркестанскихъ купцовъ Сейдъ-Ахрамъ-баю,

съ явнымъ расчетомъ обезпечить себѣ его довѣріе и молчаніе.

Но аксакалъ, во время предупрежденный Петровскимъ, не дался въ обманъ. Онъ подвергъ Юсуфа строгому допросу, и купецъ, наконецъ, признался, что получилъ револьверъ отъ Тогда-бека, управлявшаго селеніемъ Тавекъ-кэль. Аксакалъ передалъ затѣмъ револьверъ Лю-дарину, который черезъ даотая доставилъ его мнѣ въ Кашгаръ. Когда Юсуфъ увидѣлъ, что дѣло возбудило нѣкоторыя подозрѣнія, онъ счелъ за лучшее уѣхать въ Урумчи. Такъ какъ больше о немъ не было ни слуха, ни духа, то у аксакала зародились новыя подозрѣнія, и онъ послалъ въ Тавекъ-кэль лазутчика съ порученіемъ слѣдить за Тогда-бекомъ и его домомъ. Одѣтый въ рубище лазутчикъ такъ хорошо сыгралъ свою роль, что Тогда-бекъ взялъ его къ себѣ въ услуженіе, въ пастухи. Въ качествѣ пастуха, лазутчикъ и бродилъ по области со стадами бека, выполняя свои обязанности къ полному удовольствію новаго хозяина.

Плату онъ получалъ небольшую, но вотъ разъ явился онъ въ жилище бека за своимъ ничтожнымъ жалованьемъ и уже ступилъ на порогъ, какъ бекъ вдругъ выскочилъ къ нему съ сжатыми кулаками и прогналъ. Пастуху, однако, большаго и не требовалось; онъ успѣлъ замѣтить, что бекъ съ тремя охотниками (нашими проводниками) Ахметъ-Мергеномъ, Касимъ-ахуномъ и Тогда-шахомъ, и съ Якубъ-шахомъ, который водилъ насъ на первыя развалины въ пустынѣ, сидѣли на корточкахъ вокругъ какихъ-то сундуковъ. Кругомъ, на коврѣ, разложены были разныя вещи, которыя могли принадлежать только европейцу.

Лазутчикъ не подалъ и вида, получилъ жалованье и побрелъ своей дорогой. Но едва онъ отошелъ подальше, какъ вскочилъ на первую попавшуюся лошадь и въ карьеръ помчался въ Хотанъ, чтобы донести о видѣнномъ аксакалу. Послѣдній доложилъ сейчасъ-же обо всемъ Лю-дарину, и этотъ послалъ въ Тавекъ-кэль двухъ чиновниковъ съ нѣсколькими солдатами, чтобы обыскать домъ бека и арестовать вещи.

Бекъ, однако, скоро хватился пастуха, обнаружилъ въ то-же время исчезновеніе лошади, понялъ, что дѣло не ладно, и отправилъ погоню. Но лазутчикъ имѣлъ слишкомъ большое

преимущество во времени, да и понималъ кромѣ того, что тутъ дѣло идетъ о его головѣ, и поэтому не щадилъ лошади.

Бекъ увидалъ, что попалъ въ просакъ, но выпутался, какъ настоящій дипломатъ: уложилъ всѣ вещи въ сундуки и отправилъ ихъ въ Хотанъ. Сюда онъ прибылъ вмѣстѣ съ посланными Лю-дарина и доставилъ всѣ пожитки амбаню, объясняя, что они были найдены всего нѣсколько дней тому назадъ.

Охотники тоже отправились въ Хотанъ и поселились въ одномъ караванъ-сараѣ съ бекомъ. Но и тутъ у аксакала былъ лазутчикъ, который скоро и донесъ ему, что бекъ по вечерамъ обучаетъ охотниковъ, какъ и что имъ говорить Лю-дарину на допросахъ.

Аксакалъ принялся за охотниковъ, тѣхъ самыхъ, которые съ Исламомъ-баемъ ходили на розыски нашей палатки, но ничего не нашли. Они и сообщили аксакалу, что зимою вернулись къ тремъ тополямъ и оттуда шли нѣсколько дней дальше къ западу по слѣдамъ лисицы. Наконецъ, они достигли пункта, гдѣ лисица остановилась и рылась въ пескѣ, бывшемъ на взглядъ бѣлымъ, какъ мѣлъ. Песокъ этотъ и оказался мукою.

Охотники принялись затѣмъ копать и, наконецъ, нашли палатку, занесенную пескомъ на цѣлый футъ выше ея подпорокъ. Мало по малу они повытаскали оттуда одну вещь за другой и на ослахъ перевезли ихъ къ рѣкѣ.

Это сообщеніе было интересно само по себѣ. Оно свидѣтельствовало, что барханъ, на которомъ была поставлена палатка, выросъ на 2 м. Въ немалой степени это зависѣло, конечно, отъ того, что съ подвѣтренной стороны палатки громоздилось немало песку уже въ то время, когда мы ее оставили. Лѣтомъ 1898 г., видимо, дули сильные вѣтры, но зимою погода стояла, по обыкновенію, почти все время тихая, и слѣды лисицы виднѣлись явственно.

Вѣроятно, лисицы еще лѣтомъ почуяли куръ и провизію и отправились на поиски добычи. Скелетъ одной курицы охотники нашли на поверхности бархана недалеко отъ лагеря, но скелетовъ двухъ людей не видали. Возможно, что умиравшіе отползли за ночь на нѣкоторое разстояніе отъ лагеря. Аксакалъ приступилъ къ дальнѣйшимъ разспросамъ: почему они тотчасъ же не препроводили вещей къ Лю-дарину, не дожидаясь, пока

о нихъ узнаетъ шпіонъ? Оказалось, что о вещахъ какъ то провѣдалъ Тогда-бекъ (бывшій юзъ-баши при Якубъ-бекѣ и уже тогда ненавидимый за свою жестокость и дурныя качества) и уговорилъ этихъ въ сущности честныхъ и хорошихъ людей припрятать всѣ вещи и продавать ихъ по частямъ, оставивъ себѣ лишь то, что можетъ пригодиться.

Поэтому я теперь и получилъ обратно лишь такія вещи, которыя оказались безполезными для туземцевъ: приборы, штативъ, аптеку, ульстеръ, сигары, керосиновую кухню и два фотографическихъ аппарата. Отъ послѣднихъ, впрочемъ, было мало толку, такъ какъ жители Тавекъ-кэля примѣнили пластинки къ дѣлу, вставивъ ихъ вмѣсто стеколъ въ свои рѣшетчатыя окна. Пришлось поэтому и впредь довольствоваться собственными набросками. Вотъ причина, почему лишь первая часть этого труда снабжена снимками съ фотографій.

Охотники поддались уговорамъ бека и успѣли уже растратить часть вещей, приблизительно на 1,000 рублей. Ахметъ-Мергенъ и Касимъ-ахунъ, сопровождавшіе насъ на Керію-дарью, во все время путешествія и виду ни о чемъ не подавали, но, вѣроятно, совѣсть ихъ всетаки мучила, такъ какъ они всегда, какъ только рѣчь заходила о нашей несчастной экспедиціи, говорили, что пропавшее еще отыщется и что они на возвратномъ пути изъ Чимена будутъ продолжать розыски.

Понялъ я теперь и причину, почему бекъ, во время моего пребыванія въ Тавекъ-кэлѣ, помѣстилъ меня въ частномъ домѣ и ни разу не пригласилъ къ себѣ. Похищенныя вещи лежали у него подъ коврами и войлоками и могли быть нечаянно обнаружены.

Лю-даринъ тоже вызвалъ охотниковъ къ допросу и, увидавъ, что такъ тщательно запертые мною сундуки оказались взломанными, спросилъ людей, какъ они осмѣлились на такое дѣло; развѣ они не знали, что и китайскіе законы и магометанскій „шаріатъ“ запрещаютъ присваивать себѣ чужое добро? На это охотники отвѣчали, что сундуки были слишкомъ тяжелы, и они принуждены были выгрузить изъ нихъ все и перевезти частями.

Вся эта исторія разыгралась мѣсяца за два до моего прибытія въ Хотанъ. Охотниковъ допрашивали „съ пристрастіемъ“,

чтобы вынудить у нихъ полное признаніе, высѣкли и засадили въ темницу. Лишь хитрый бекъ остался на свободѣ.

По моемъ возвращеніи въ Хотанъ, слѣдствіе возобновилось. У аксакала былъ шпіонъ въ „яменѣ", слѣдившій за всѣмъ, что тамъ происходитъ. Мы, однако, были убѣждены, что Лю-даринъ будетъ дѣйствовать по чистой совѣсти и не дастъ подкупить себя.

Судьба воровъ была теперь въ моихъ рукахъ; изъ рукъ китайскаго правосудія люди выходятъ уже калѣками, и бѣднымъ заключеннымъ, ожидавшимъ своей участи въ тюрьмѣ, нельзя было позавидовать. Я, разумѣется, съ самаго-же начала рѣшилъ отпустить ихъ съ миромъ; довольно съ нихъ было страха, какого они натерпѣлись.

Лю-даринъ приступилъ теперь къ исполненію обязанностей судьи. Онъ потребовалъ перечня вещей, находившихся въ сундукахъ и обозначенія ихъ стоимости. Вооружившись этими данными, онъ собственной персоной отправился въ Тавекъ-кэль, гдѣ дѣло было снова поднято, чтобы продолжаться затѣмъ въ Хотанѣ. Собранныя на мѣстѣ данныя сильно противорѣчили одно другому. Лю-даринъ хотѣлъ поэтому прибѣгнуть къ пыткамъ. Но такъ какъ я воспротивился этому самымъ категорическимъ образомъ, то онъ рѣшилъ пустить въ дѣло только розги. Тогда я объяснилъ, что если такой приговоръ состоится, я долженъ буду удалиться, такъ какъ, по обычаямъ моей родины, считается несправедливымъ обращаться такъ даже съ преступниками. Лю-даринъ и обѣщалъ сообразоваться съ моими желаніями.

Охотники продолжали утверждать, что они оставили всѣ вещи у Тогда-бека и что, если чего нибудь не хватаетъ, то это его дѣло; бекъ-же утверждалъ, что недостающія вещи утащили сами охотники. Лю-даринъ, какъ истый Соломонъ, и постановилъ слѣдующее рѣшеніе: „Такъ какъ обѣ стороны врутъ, и нельзя добраться, которая, то я присуждаю обѣ стороны въ теченіе двухъ дней выплатить нашему гостю стоимость растраченныхъ вещей — 5,000 тенегъ (1000 рублей).

Я тотчасъ послѣ произнесенія приговора и въ присутствіи обвиняемыхъ заявилъ, что нахожу приговоръ справедливымъ, но не желаю брать денегъ съ обвиняемыхъ, какъ они тамъ ни виноваты.

Лю-даринъ съ твердостью возразилъ, что, если даже я не нуждаюсь въ деньгахъ, китайскимъ властямъ крайне важно показать своимъ подданнымъ, что они не могутъ безнаказанно грабить европейскихъ гостей, иначе грабежъ повторится при первомъ-же удобномъ случаѣ, когда въ этихъ областяхъ появится путешественникъ.

Я не имѣлъ никакихъ доказательствъ, что и оставленный около рѣки верблюдъ былъ ограбленъ тѣми-же людьми; кромѣ того охотники увѣряли, что часть вещей такъ и осталась на мѣстѣ; поэтому я постарался сбавить сумму взысканія до 1000 тенегъ (200 рублей). Такимъ образомъ, если я не извлекъ иныхъ выгодъ изъ этого дѣла, то по крайней мѣрѣ заслужилъ общее одобреніе и благодарность виновныхъ.

Проявленныя Лю-дариномъ справедливость и энергія въ защиту интересовъ европейца были поистинѣ необычайными для китайскаго чиновника. Но я уже говорилъ, что этотъ Лю-Сюй-Цзай (его полное имя) былъ на рѣдкость хорошимъ человѣкомъ; послѣднее можно подтвердить еще слѣдующими данными.

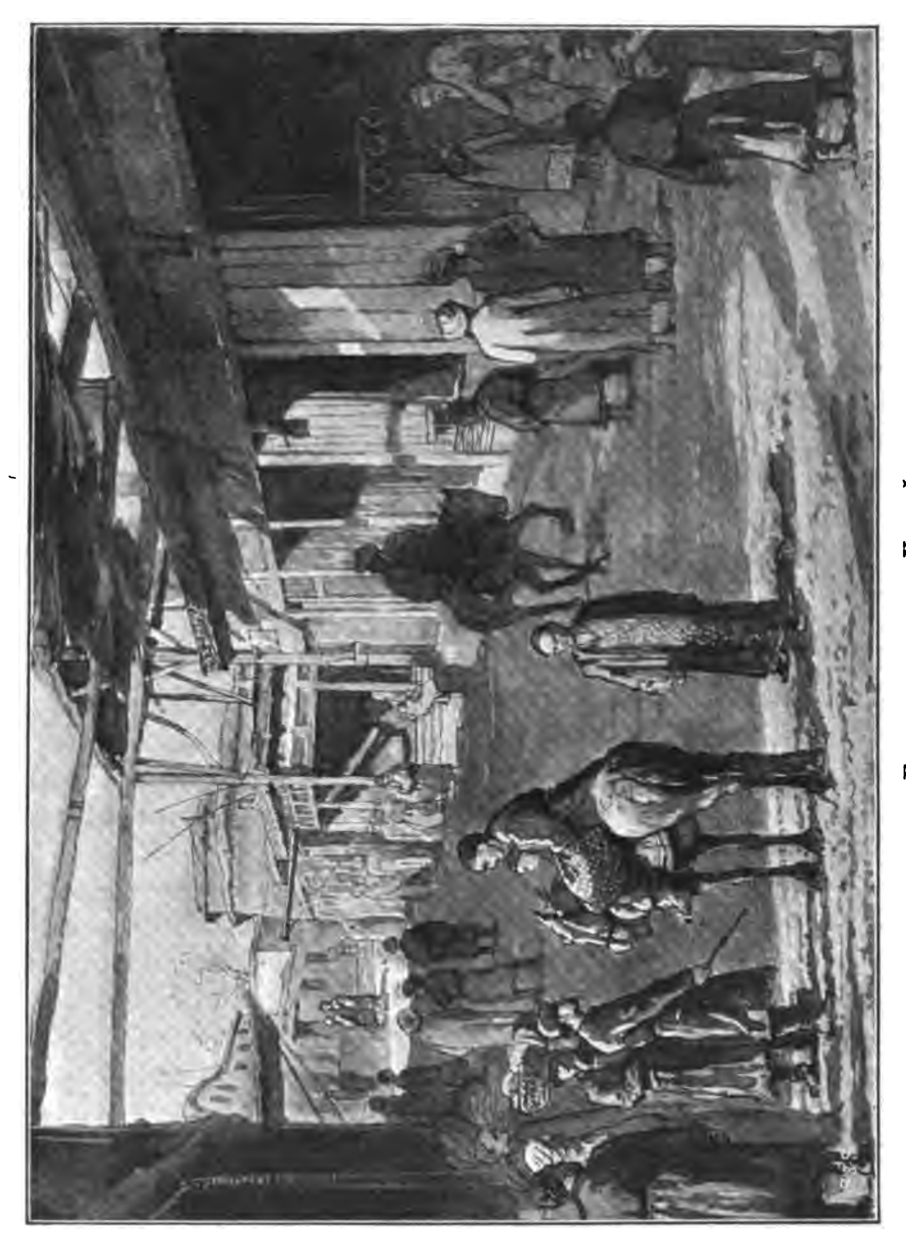
Весь хотанскій оазисъ уплачиваетъ Китаю ежегодную подать приблизительно въ 3,000 ямбъ (300,000 рублей). Амбани смѣняются здѣсь, какъ и въ другихъ восточно-туркестанскихъ городахъ, каждые три года, и въ теченіе этого срока успѣваютъ скопить себѣ до полумилліона и больше, такъ какъ добрая часть собираемыхъ податей прилипаетъ къ ихъ рукамъ.

Лю-даринъ былъ амбанемъ три года, и каждый годъ отсылалъ всю сумму полностью въ Пекинъ. Его честность обратила на него вниманіе въ Урумчи, и его назначили амбанемъ въ Яркендъ, куда онъ и долженъ былъ выѣхать въ тотъ-же день, какъ я оставлялъ Хотанъ.

Славное время провели мы въ Хотанѣ. Первый богачъ въ городѣ Алимъ-ахунъ предоставилъ, по приглашенію Лю-дарина, въ мое распоряженіе свою великолѣпную лѣтнюю резиденцію. Все было готово къ нашему прибытію. Сначала меня провели въ ворота, потомъ черезъ два двора и, наконецъ, уже въ обширный, обнесенный высокими стѣнами четыреугольный садъ.

Дорожка, выложенная кирпичомъ, вела въ середину сада,

гдѣ возвышался, сложенный изъ кирпичей домъ. Въ домѣ была только одна большая комната въ 15 оконъ, деревянные рѣшет-

Базарная улица въ Хотанѣ.
(Съ рисунка П. Ларошъ-Пальма).

чатые переплеты которыхъ могли подыматься и опускаться, какъ жалюзи. Терраса была окружена глубокимъ рвомъ, въ которомъ журчала вода, пробѣгая подъ четырьмя мостиками.

Ни одинъ лучъ солнца не проникалъ сквозь густую сѣнь развѣсистыхъ ивъ, окружавшихъ этотъ домъ, построенный для Якубъ-бека. Вода журчала въ каналахъ, вѣтеръ шелестѣлъ въ вѣтвяхъ ивъ, полуденная жара, доходившая на солнцѣ до 38 градусовъ, не распространялась сюда, и температура оставалась здѣсь 10 градусами прохладнѣе. Даже песчаные бураны, обычные въ этихъ мѣстахъ въ это время года, не нарушали моего покоя.

Въ домѣ была всего одна дверь. Вдоль остальныхъ трехъ внутреннихъ стѣнъ комнаты шелъ широкій деревянный помостъ въ метръ вышины, такъ что оставалась свободной только середина комнаты съ каменнымъ поломъ. Этотъ помостъ мы убрали коврами и моими сундуками. Въ одномъ углу устроили мнѣ на помостѣ постель, на помостѣ-же я и сидѣлъ, поджавъ по азіатски ноги, передъ моимъ письменнымъ столомъ — однимъ изъ сундуковъ и работалъ часто далеко за полночь. Въ общемъ выходило что-то вродѣ кабинета ученаго; разбросанные дорожные предметы придавали комнатѣ живописный видъ.

Кухня помѣщалась въ маленькой мазанкѣ около входныхъ воротъ сада, и, чтобы не мѣшать мнѣ безъ надобности въ моемъ уединеніи, Исламъ-бай провелъ звонокъ между обоими помѣщеніями. Ѣлъ я всего два раза въ день. Прежде всего являлся Исламъ-бай и провозглашалъ: Ашъ-таяръ, тюря! (пилавъ готовъ, господинъ), накрывалъ скатертью мѣстечко около меня на помостѣ и подавалъ кушанья. Они состояли изъ пилава, т. е. риса съ лукомъ и бараниной, шурпы, т. е. супа съ зеленью и мозгомъ, свѣжаго хлѣба, кислаго молока, чаю съ сахаромъ и сливками, яицъ, огурцовъ, дынь, винограда и абрикосовъ. Да, мнѣ жилось, какъ у Христа за пазухой!

Обыкновенно все общество мое составлялъ Джолдашъ. Туземцы почтительно величали его „Джолдашъ-ахунъ", т. е. *господинъ* дорожный товарищъ. Онъ караулилъ мой домъ и заискивающе вилялъ хвостомъ, когда появлялся Исламъ съ подносомъ.

Какъ я наслаждался покоемъ въ этомъ чудномъ саду, среди полной тишины, куда не достигалъ ни одинъ звукъ съ шумнаго базара, ни единое дуновенье вѣтра изъ нездороваго, антисанитарнаго города!

Испытываемому мною чувству полнаго наслажденія жизнью не мало способствовало, вѣроятно, то обстоятельство, что нынѣшнее мое существованіе представляло такой огромный контрастъ съ переходами по пустынямъ, и то, что письма съ родины содержали однѣ добрыя вѣсти.

Послѣ обѣда я гулялъ нѣкоторое время по саду, вдыхая ароматъ зрѣющихъ тутовыхъ ягодъ и персиковъ и пышныхъ розъ. Иногда ко мнѣ подбѣгала и заигрывала со мной ручная лань съ голубымъ бантикомъ и бубенчикомъ. Словомъ, это былъ самый чудный уголокъ для отшельника, чистый рай, въ которомъ не хватало только Евы.

Въ конюшнѣ ржали пятнадцать вновь пріобрѣтенныхъ нами лошадей. Съ лѣта 1895 г. у насъ оставалась только одна моя верховая лошадь, но мы не брали ея съ собой на Лобъ-норъ. Животныя набирались теперь силъ для будущихъ трудовъ. Лю-даринъ снабжалъ насъ въ изобиліи маисомъ и другимъ кормомъ. Я было заявилъ ему, что это принудитъ меня возможно скорѣе уѣхать, чтобы не злоупотребить его гостепріимствомъ, но изъ этого не вышло толку. Лю-даринъ упрашивалъ меня оставаться и увѣрялъ, что это долгъ каждаго настоящаго китайца обходиться такъ со своимъ гостемъ. Мало того: когда мы выступали, онъ снабдилъ меня и мой караванъ продовольствіемъ на цѣлый мѣсяцъ. Словомъ, всѣхъ услугъ и любезностей этого славнаго человѣка и не перечесть.

Но надо упомянуть еще объ одной вещи. Лю-даринъ рекомендовалъ мнѣ также одного переводчика, молодого, очень симпатичнаго китайца, по имени Фонгъ-Ши, который свободно писалъ на родномъ языкѣ, бѣгло говорилъ по джагатай-тюркски и — не курилъ опіуму. Въ Хотанѣ оставалась у него жена и дѣти, Лю-даринъ взялъ на себя всѣ заботы объ ихъ существованіи. Фонгъ-Ши, впрочемъ, получилъ жалованье впередъ за три мѣсяца и оставилъ его женѣ. Онъ взялся учить меня въ свободные часы китайскому языку, и мы начали заниматься еще до отъѣзда. Вечеромъ Исламъ опускалъ жалюзи, зажигалъ двѣ стеариновыя свѣчи, и я ложился спать только часа въ два ночи. Однажды темною и бурною ночью я проснулся отъ неистоваго лая Джолдаша, кидавшагося къ окну. Никакого подозрительнаго шума, однако, не было слышно изъ-за рева бури. Я прокрался къ веревкѣ звонка, но она оказалась

оборванной. Мы такъ и не узнали, оборвала-ли ее буря, или какой-нибудь злоумышленникъ.

Я вышелъ на террасу; собака бѣшено прыгала между кустами, въ которыхъ какъ будто мелькнули двѣ тѣни и скрылись по направленію къ садовой стѣнѣ. Я поспѣшилъ къ Исламъ-баю, у котораго хранилось оружіе, и мы дали два выстрѣла наудачу.

На слѣдующее утро мы нашли около стѣны лѣстницу, которую воры — безъ сомнѣнія, это были воры — въ переполохѣ не успѣли захватить. Съ тѣхъ поръ я всегда клалъ рядомъ съ постелью заряженный револьверъ, а въ саду поставили двухъ сторожей, которые отбивали три удара въ минуту, какъ это дѣлается въ ночное время на базарахъ, чтобы пугать воровъ, и я могъ спать спокойно.

Но время шло. Больше мѣсяца намъ нельзя было предаваться отдыху, и скоро мы заскучали по жизни на волѣ. Въ концѣ іюня все было готово къ выступленію. Исламъ-бай, все время пользовавшійся моимъ неограниченнымъ довѣріемъ, нанялъ новыхъ слугъ и закупилъ все нужное. Базарный швецъ парусовъ сшилъ большую палатку для моихъ людей. Для себя же я сохранилъ возвращенную мнѣ теперь мою старую походную палатку, съ которой были соединены такія печальныя воспоминанія.

Въ послѣдній вечеръ нашего пребыванія въ Хотанѣ люди мои справили себѣ торжественные проводы. Одинъ изъ маленькихъ дворовъ былъ кругомъ обвѣшанъ цвѣтными фонариками, оркестръ изъ барабанщиковъ и флейтщиковъ наигрывалъ во всю, подъ музыку кружилось двое плясуновъ, одинъ изъ которыхъ былъ одѣтъ женщиной, а вокругъ возсѣдали правовѣрные и восторженно хлопали въ ладоши. Затѣмъ было предложено угощенье: пилавъ и чай, и только подъ утро замолкли звуки прощальной музыки.

XIV.

Къ сѣверной подошвѣ Кунь-луня.

29 іюня мы съ зари были уже на ногахъ, и мой мирный пріютъ въ саду опустѣлъ. Привели лошадей и принялись ихъ вьючить. Нѣкоторыя изъ лошадей стали за долгій срокъ отдыха норовистыми и пугливыми, такъ что въ теченіе первыхъ дней путешествія каждую пришлось везти въ поводу особому человѣку.

Пока люди снаряжали караванъ, я отправился проститься съ Лю-дариномъ и подарилъ ему золотые часы, купленные мною у одного богача купца изъ Ладака. Военный начальникъ города, подарившій мнѣ чудесный коверъ для моей палатки, получилъ отъ меня все ненужное намъ боевое снаряженіе и револьверъ. Алиму-ахуну, моему хозяину, я вручилъ часы и халатъ, а всѣмъ людямъ, оказавшимъ намъ разныя услуги, сдѣлалъ денежные подарки.

Татаринъ Рафиковъ взялъ на себя отправку въ Швецію моихъ археологическихъ коллекцій, шкуры дикаго верблюда и массы купленныхъ въ Хотанѣ ковровъ. И, благодаря его стараніямъ, а также заботамъ генеральнаго консула Петровкаго, всѣ эти вещи въ полной цѣлости достигли мѣста назначенія.

Только въ 10 ч. утра все было готово, и длинный караванъ изъ 20 лошадей и 30 ословъ, сопровождаемыхъ цѣлой толпой слугъ пѣшкомъ и верхомъ, выступилъ изъ города и направился къ востоку.

Черезъ какой-нибудь часъ мы были на лѣвомъ берегу Юрунъ-каша. Рѣка теперь имѣла совсѣмъ иной видъ, нежели мѣсяцъ тому назадъ, когда мы безъ малѣйшаго затрудненія переѣзжали черезъ ея единственное русло. Теперь она дѣлилась на четыре рукава, изъ которыхъ ближайшій къ правому берегу былъ наиболѣе многоводный. Вода прибывала съ такой силой, что почва дрожала подъ нашими ногами. Наканунѣ я, измѣряя притокъ воды, нашелъ, что онъ равняется 360 куб. м. въ сек. Сегодня уровень воды, къ счастью, понизился на 35 сантим. Тѣмъ не менѣе пришлось прибѣгнуть къ услугамъ 20-ти „сучи“, которые прежде всего переправили лошадей,

навьюченныхъ продовольственными запасами, палаткой и менѣе хрупкими вещами. Низкій щебневый островъ въ руслѣ ограничивалъ послѣдній самый трудный для переправы рукавъ. Тутъ стояла къ услугамъ путешественниковъ неуклюжая лодка, напоминавшая формою длинный, тяжелый, угловатый ящикъ. Я помѣстился въ ней со всѣми своими ящиками, содержавшими болѣе хрупкія вещи, и съ Джолдашемъ, находившимъ переправу въ такой валкой лодкѣ крайне непріятною. Вода была мутная; температура ея равнялась 14.4° (температура воздуха въ 1 часъ пополудни 24°).

Миновавъ Юрунъ-кашскій базаръ, мы проѣхали цѣлый рядъ селеній, утопавшихъ въ лѣтней роскошной зелени, и черезъ безчисленное множество арыковъ, наполненныхъ до краевъ полою водою изъ рѣки.

Проведя ночь въ прекрасномъ домѣ въ Сампулѣ, мы 30 іюня миновали послѣднія юговосточныя селенія хотанскаго оазиса. Около Котасъ-лянгара (постоялый дворъ яка) протекалъ послѣдній арыкъ этой оросительной системы, и тутъ-же растительность разомъ прекращалась, словно ошпаренная кипяткомъ. Ни единой былинки не переходило черезъ границу искусственно орошенной области. Передъ нами разстилался твердый, желтый, съ пологимъ подъемомъ и совершенно безплодный сай, образующій переходную ступень между пустыней и горами, и знакомый уже намъ по областямъ Копы и Соургака.

Между этою полосой сая, являющагося собственно щебневымъ конусомъ у подошвы хребта, и песчаною пустынею мы нашли узкую и прерывающуюся полосу оазисовъ и караванныхъ путей. Сай прорѣзывается небольшими рѣчками, текущими по глубокимъ русламъ съ сѣверныхъ склоновъ Кунь-луня. Главнѣйшія изъ нихъ, которыя намъ предстояло перейти: Уллугъ-сай, Керія-дарья, Нія-дарья, Толанъ-ходжа, Бостанъ-тогракъ, Мольджа и Кара-муранъ.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣки эти выступаютъ изъ горъ, находятся небольшія селенія, жители которыхъ сѣютъ ячмень и кромѣ того занимаются скотоводствомъ. Такимъ образомъ можно различить три типа оазисовъ въ Восточномъ Туркестанѣ: оазисы, идущіе по теченію рѣкъ, оазисы, лежащіе у границъ пустыни и орошающіеся искусственными арыками, —

къ этимъ оазисамъ принадлежатъ всѣ города — и, наконецъ, оазисы, находящіеся около пунктовъ выхода рѣкъ изъ горъ, и также очень богатые травяной растительностью.

Въ Котасъ-лянгарѣ мы сдѣлали небольшой привалъ, чтобы напоить караванныхъ животныхъ. Здѣсь-же простились съ нами аксакалъ Мирза-Искандеръ, и вся кавалькада провожатыхъ изъ Хотана. Первый захватилъ мою кореспонденцію, и отнынѣ я не могъ уже больше сообщаться съ Европой. Только въ Пекинѣ разорванная связь возобновилась.

Въ теченіе слѣдующихъ дней мы ѣхали по чудеснымъ, прохладнымъ областямъ около подошвы хребта, черезъ селенія Хаши, Чакаръ и Нура до Дортъ-имамъ-Себулла по близости Полу. Первоначально я намѣревался отсюда же попытаться пробраться на Тибетское нагорье, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ необычайный разливъ Керіи-дарьи преградилъ узкую, трудную горную дорогу.

Толанъ-ходжа.
(Съ рисунка автора).

Другого не оставалось, какъ снова спуститься къ сѣверу на большой караванный трактъ, котораго мы и достигли около Керіи. Тутъ мы остановились на 4 дня и лишь здѣсь могли переправиться черезъ рѣку.

Черезъ Ой-тогракъ и Аврасъ добрались въ три дня до Ніи, небольшого городка съ 500 уйлыками (домами); управляли имъ бекъ, два юзъ-баши и четыре онъ-баши. Оазисъ

орошается водами Уллугъ-сая или Ніи-дарьи; когда рѣка пересыхаетъ, прибѣгаютъ къ прудамъ, но запаса воды въ нихъ хватаетъ ненадолго, и остальное время года приходится довольствоваться колодцами, глубиною до 5—6 саженъ и съ хорошей, прѣсной водой. Заниматься земледѣліемъ здѣсь поэтому нельзя, и мѣстные сады значительно бѣднѣе, нежели въ другихъ оазисахъ.

Значеніе Ніи собственно въ томъ, что въ двухъ дняхъ пути отъ нея къ сѣверу лежитъ въ пескахъ мазаръ Имама Джафаръ-Садыка, который ежегодно, особенно въ концѣ лѣта и осенью, привлекаетъ до 3—4 тысячъ богомольцевъ. Послѣдніе приносятъ сюда, какъ и на могилу Урданъ-Падишаха, дары натурой и деньгами, идущіе на содержаніе мазара, пяти шейховъ и прочихъ служителей святыни. Мазару принадлежатъ между прочимъ до 4,000 овецъ, пасущихся въ лѣсахъ Ніи-дарьи. Недалеко къ сѣверу отъ мазара рѣка изсякаетъ въ пескахъ, образовавъ сначала небольшое озеро, снабжающее мѣстечко водой.

Изъ Ніи, которую мы оставили 18 іюля, мы направились снова вдоль подошвы горъ, черезъ Чижганъ-лянгаръ и Юлгунъ-булакъ къ рѣкѣ Толанъ-ходжа, глубоко врѣзавшейся въ конгломераты. По дорогѣ туда съ нами приключилась непріятность. Исламъ-бай, ѣхавшій нѣсколько впереди, привязалъ свою лошадь, а самъ прокрался по балкѣ къ стаду пасшихся антилопъ и выстрѣлилъ въ нихъ. Убить онъ никого не убилъ, а нашихъ вьючныхъ лошадей перепугалъ такъ, что они опрометью кинулись по сильно пресѣченной и поросшей кочками степи и скоро исчезли изъ вида.

Къ счастью, лошадь, навьюченную ящиками съ моими дорогими приборами, всегда вели подъ уздцы, и такимъ образомъ она не могла принять участія въ этой бѣшенной скачкѣ. Остальныя лошади остановились тогда только, когда вьюки ихъ сбились на сторону, сползли и стали мѣшать ихъ бѣгу. Многіе ящики оказались разбитыми, одинъ изъ кухонныхъ разлетѣлся къ куски, причемъ все содержимое разсыпалось, и разная фарфоровая посуда разбилась въ дребезги.

Въ области Кара-сай мы въ первый разъ услыхали о перевалѣ черезъ Кунь-лунь, находящемся, какъ говорили, къ югу отъ Далай-кургана, въ одномъ днѣ пути къ юго-востоку

отъ Копы. Мы рѣшили поэтому вернуться въ Копу за точными свѣдѣніями и за проводниками.

Для нашего путешествія по сѣверному Тибету намъ нужны были нѣсколько верблюдовъ, и я поручилъ Парпи-баю, одному изъ лучшихъ моихъ слугъ, отправиться впередъ къ рѣкѣ Мольджѣ, — въ яйлакахъ, расположенныхъ по ея верховью, пасется масса верблюдовъ — и присмотрѣть нужныхъ намъ животныхъ. Парпи выполнилъ порученіе съ честью, и, прибывъ 28 іюля къ рѣкѣ, мы нашли здѣсь 15 отличныхъ верблюдовъ и ихъ хозяевъ. Мы заблаговременно послали также курьера къ беку Копы, Тогда-Магометъ-беку, который теперь прибылъ сюда и помогъ намъ купить верблюдовъ по сходной цѣнѣ. За 1,275 тенегъ (255 рублей) мы пріобрѣли шесть от-

Богана, мѣстность у сѣверной подошвы Кунь-луня.
(Съ рисунка автора).

гулявшихся верблюдовъ-самцовъ, изъ породы, привыкшей къ горнымъ дорогамъ.

30 іюля мы оставили Копу и направились къ OSO, пересѣкая цѣлый рядъ такъ называемыхъ чаповъ или глубокихъ рѣзко-очерченныхъ въ конгломератахъ балокъ, которыя наполняются водою лишь послѣ дождей. Около Митта, притока Кара-мурана, мѣстность стала очень живописной. Рѣка вытекаетъ изъ воротъ гранитнаго ущелья, имѣющихъ всего нѣсколько десятковъ метровъ въ ширину, но затѣмъ рѣка расширяется и, протекая между отвѣсными конгломератовыми стѣнами, достигаетъ въ ширину нѣсколькихъ сотъ метр.

Съ правой стороны впадаетъ въ рѣку Акка-чапъ, въ данное время сухая балка съ каменистымъ ложемъ и крутыми боками, между которыми громко перекликалось эхо, пробу-

жденное шумомъ нашего каравана. Балка ведетъ къ поросшимъ травой, мягко-округленнымъ лёссовымъ холмамъ. Тропа сворачиваетъ тамъ къ юго-востоку, къ устью поперечной долины, по которой журчитъ ручеекъ, сбѣгая внизъ, въ равнину.

Область эта называется Далай-курганъ; проживаютъ здѣсь 18 семей таглыковъ, обладающихъ 6,000 головъ овецъ. Живутъ таглыки въ маленькихъ сакляхъ, а частью въ землянкахъ, вырытыхъ въ лессовыхъ террасахъ. Мы разбили наши палатки близъ лѣваго берега рѣки въ самомъ устьѣ долины и пустили всѣхъ нашихъ животныхъ пастись на сочной травѣ. Абсолютная высота равнялась 3,343 метр.

Сейчасъ къ югу возвышался мощный хребетъ, называемый китайцами Кунь-лунемъ. У таглыковъ-же нѣтъ для него общаго названія. Та часть его, которая прорѣзывается долиной Далай-курганъ, называется къ востоку отъ Кара-мурана Токкузъ-даваномъ (девять переваловъ), здѣсь-же этого названія не употребляютъ. Здѣшніе таглыки увѣряли насъ, что лишь одинъ изъ переваловъ Чакалыкъ велъ на нагорье. Но они не ручались, что мы переберемся черезъ него съ верблюдами.

Поэтому, прежде, чѣмъ выступать въ путь со всѣмъ караваномъ, я рѣшилъ произвести рекогносцировку и отправился 1 августа, въ сопровожденіи Фонгъ-Ши, Исламъ-ахуна, Рослака и двухъ таглыковъ, по долинѣ Далай-курганъ къ перевалу того-же названія (4,367 м.). На слѣдующій день я продолжалъ путь къ востоку до главнаго перевала (4,932 м.), съ котораго открывается величественный видъ на цѣлое море скалъ. Подъемъ на перевалъ съ запада очень крутъ, но мы всетаки полагали, что верблюды осилятъ его.

Восточный склонъ перевала представлялъ гораздо большія трудности, такъ какъ здѣсь изъ крутого конуса острореберного щебня торчали острія скалъ. Посовѣтовавшись между собою, мы рѣшили всетаки попытаться перейти перевалъ. Багажъ можно было спустить на веревкахъ по откосу, лошади и ослы могли пробраться сами, а верблюдовъ, если они не могутъ спуститься, мы рѣшили окутать войлоками и спустить внизъ волокомъ. Съ этимъ мы и вернулись черезъ перевалъ Сарыкъ-колъ (4,182 м.) въ Далай-курганъ, куда прибыли 3 августа вечеромъ.

Отдохнувъ еще день, нашъ длинный караванъ двинулся

къ сарыкъ-кольскому агылу, т. е. „селенію желтой долины“, гдѣ животныя въ послѣдній разъ полакомились сочной травой.

6 августа нашъ внушительный караванъ двинулся, разбившись на кучки, къ перевалу Сарыкъ-колъ. Чѣмъ выше мы

Тогда Магометъ-бекъ.
(Съ рисунка автора).

подымались, тѣмъ пастбища становились рѣже и большею частью были пріурочены къ берегамъ ручьевъ.

Русло небольшого потока обыкновенно прорѣзало слои лёсса, рѣже конгломераты; по ложу его были разбросаны обломки свѣтло-сѣраго и зеленаго гранита. Выше, въ долинѣ

громоздились около самаго ручья голыя гранитныя скалы, но на вершинахъ ихъ кое-гдѣ виднѣлись еще небольшія площадки, поросшія травой.

Долина все суживалась, подъемъ становился круче; животныя медленно и съ трудомъ карабкались по крутымъ конусамъ щебня въ корытообразной впадинѣ. Изъ этой впадины направлялись вверхъ по долинѣ вымытыя потоками борозды. Верблюды осторожно пробирались по скользкому щебню. Лошади и ослы часто падали, приходилось ихъ разъвьючивать, потомъ снова навьючивать, и они потомъ спѣшили догнать остальныхъ. Я, какъ всегда, ѣхалъ верхомъ позади каравана, чтобы мнѣ виднѣе было все происходящее вокругъ, и только тогда вздохнулъ свободно, когда послѣднія животныя скрылись за переваломъ.

Нашъ лагерь въ Далай-курганѣ.
(Съ рисунка автора).

Южный склонъ былъ значительно менѣе крутъ и велъ по широкой долинѣ съ лёссовой почвой и довольно скудными пастбищами. По обѣ стороны шли, однако, мощные отроги горъ, похожіе на тѣ, которые окаймляютъ сѣверную долину Сарыколъ. По причинѣ незначительнаго паденія и незначительной силы размыва здѣсь не видно горныхъ породъ in situ, но на вершинахъ гребня онѣ опять выступали причудливыми массами.

Придерживаясь небольшого ручейка, журчавшаго по серединѣ долины, спустились мы къ широкой долинѣ Лама-чименъ и уже готовились свернуть налѣво къ находившемуся на востокѣ перевалу Чокалыкъ, какъ вдругъ аксакалъ, предводитель нашихъ проводниковъ-таглыковъ, объявилъ намъ — нѣсколько поздно — что есть другой, болѣе удобный перевалъ Япкаклыкъ около верховьевъ Митта. Такимъ образомъ онъ

лгалъ, увѣряя насъ сначала, что Чокалыкъ единственный перевалъ.

Дѣло въ томъ, что онъ, боясь китайцевъ, не смѣлъ указать намъ неизвѣстный до тѣхъ поръ новый путь въ Тибетъ. Теперь-же, когда мы уже забрались сюда, онъ, наконецъ, набрался храбрости и сказалъ намъ правду. Я далъ ему хорошій нагоняй за обманъ, заставившій насъ сдѣлать такой крюкъ черезъ перевалы Далай-курганъ, Чокалыкъ и Сарыкъ-колъ. Въ сущности-же я не очень претендовалъ на него за этотъ крюкъ, давшій мнѣ возможность болѣе подробно ознакомиться съ областью.

Итакъ, мы направили путь сначала на юго-западъ, затѣмъ прямо на югъ, перешли черезъ стекающій съ Чокалыка ручей, оставивъ совсѣмъ близко вправо южную долину перевала Далай-курганъ, а также расположенную дальше къ западу переходную долину Митта. И эта долина очень широка и ровна; мы, привыкнувъ къ крутому подъему, могли-бы даже предположить, что она имѣетъ уклонъ къ югу, если-бы текущія къ сѣверу рѣки не увѣряли насъ въ обманѣ зрѣнія.

По этой ровной, какъ полъ, поверхности, между двумя мощными гранитными отрогами, образовавшими родъ воротъ, течетъ широкая и мелководная рѣка, тихо, безшумно струясь по ложу, покрытому мягкимъ иломъ, въ которомъ лошади вязнутъ копытами, и на которомъ не видно ни камешка. Мѣстами рѣка образовываетъ озеровидныя расширенія, а береговыя линіи свидѣтельствуютъ, что въ половодье она заливаетъ почти все ложе долины.

Часто рѣка дѣлаетъ порядочныя извилины и развѣтвляется на рукава, встрѣчая на пути мели-островки изъ наноснаго ила. Изъ горъ налѣво она принимаетъ нѣсколько притоковъ, съ совершенно прозрачной и прѣсной водой, хотя русла ихъ и окаймлены тонкими бѣлыми выцвѣтами соли.

Близъ подошвы конгломератовой террасы, на правомъ берегу, мы разбили лагерь. На югѣ открывалась величественная панорама. Долина расширяется все больше и, наконецъ, переходитъ въ обширную равнину, въ которую открываются нѣсколько боковыхъ долинъ и въ которой рѣка Миттъ дѣлится на нѣсколько рукавовъ, пересохшихъ и съ водою. Вдали на югѣ встаютъ изъ-за ближайшихъ гребней, образующихъ какъ-

бы кулисы, снѣжныя вершины, неясными контурами рисующіяся въ непрозрачномъ воздухѣ.

Мѣсто, выбранное нами теперь для лагеря, куда беднѣе подножнымъ кормомъ, чѣмъ наша бывшая стоянка около Лама-чимена. Въ самомъ лагерѣ и вокругъ кипитъ жизнь и движеніе. Центромъ являются двѣ бѣлыя палатки, между которыми сложены мѣшки съ кормомъ и продовольствіемъ, ящики, вьючныя и верховыя сѣдла и проч. Лошадей спутали попарно, чтобы онѣ не забрели слишкомъ далеко отъ лагеря, ослы и верблюды, оставленные на свободѣ, жадно поѣдаютъ подножный кормъ.

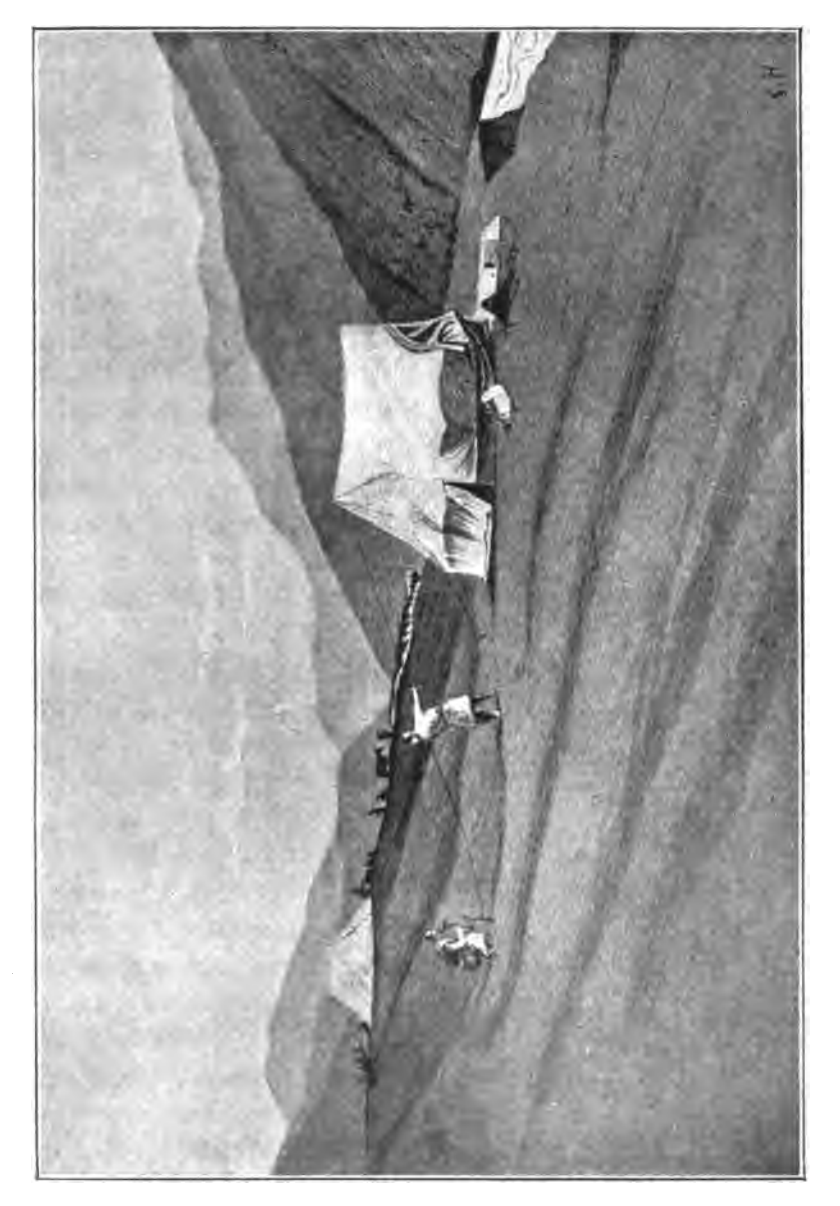
Лагерь на берегу Митта явился первымъ, расположеннымъ въ совершенно необитаемой мѣстности. Теперь передъ нами былъ безвѣстный пустынный сѣверный Тибетъ, и только черезъ два мѣсяца предстояло намъ вновь придти въ соприкосновеніе съ людьми. Здѣсь мы сожгли наши корабли, испытывая при этомъ пріятное чувство отъ сознанія, что находимся внѣ сферы вліянія китайскихъ мандариновъ. Отнынѣ мы должны были, однако, подвигаться ускореннымъ маршемъ и отдыхать лишь въ такихъ областяхъ, гдѣ могли найти подножный кормъ.

Свѣдѣнія, полученныя на этотъ счетъ отъ таглыковъ, были мало утѣшительны. Они единогласно утверждали, что вся страна къ югу совершенно безплодна. Это утвержденіе согласовалось съ опытомъ, вынесеннымъ экспедиціей Пѣвцова изъ путешествія по восточнымъ областямъ страны, и я уже приготовлялся къ тому, что животныя наши мало-по-малу падутъ отъ изнуренія и истощенія. Для насъ же, людей, я не видѣлъ ничего опаснаго въ этой экспедиціи, надѣясь, что въ худшемъ случаѣ мы сможемъ пѣшкомъ добраться до населенныхъ мѣстностей — на сѣверѣ, или на югѣ.

Точно также остались теперь позади и области, обыкновенно посѣщаемыя таглыками и обозначенныя у нихъ географическими названіями. Мнѣ пришлось поэтому съ этихъ поръ отмѣчать мѣста на своемъ маршрутѣ и въ дневникахъ буквами и цифрами. Довольно замѣчательно, что какъ разъ въ этой области многія географическія названія указывали на монгольское происхожденіе, напр. Калмакъ-чапъ (балка монголовъ), Калмакъ-ютургёнъ (монгольская лодка), Кара-муранъ (Черная

рѣка), Далай-курганъ (Далайская крѣпость) и Лама-чименъ (пастбище ламы).

Животныя наши въ послѣднiй разъ спокойно и мирно

Нашъ лагерь въ долинѣ Сарыкъ-колъ.
(Съ рисунка автора).

наслаждались сочнымъ подножнымъ кормомъ, не подозрѣвая, что̀ ждетъ ихъ впереди. Два мѣсяца спустя, большинство ихъ погибло на сѣверныхъ нагорьяхъ Тибета, а караванъ нашъ

при выступленіи въ путь былъ немаленькимъ. Мы взяли съ собою 17 лошадей, 12 ословъ и 6 верблюдовъ, не считая временно нанятыхъ животныхъ. Около Сарыкъ-кола нашъ караванъ увеличился еще 4 лошадьми и 17 ослами. Ослы были навьючены мѣшками съ маисомъ для корма животнымъ.

Всего на всего, значитъ, было у насъ 56 животныхъ; изъ нихъ достигли окраинныхъ горъ Цайдама три изнуренныя, полумертвыя лошади, да одинъ оселъ, иными словами 90% пало. Поэтому можно, судить чего довелось натерпѣться бѣднымъ животнымъ. Для насъ, однако, эти потери въ сущности не имѣли большого значенія, такъ какъ теряли мы животныхъ постепенно и почти въ соотвѣтствующей прогрессіи съ убылью продовольствія, но было мучительно видѣть ихъ страданія.

Въ Сарыкъ-кольскомъ аулѣ мы купили 12 овецъ и 2 козы, предназначая ихъ на убой по мѣрѣ надобности. Я хотѣлъ было купить 20 овецъ, но слуги мои объяснили, что на значительныхъ высотахъ, по которымъ намъ предстояло странствовать, мы не такъ охотно будемъ ѣсть мясо, какъ рисъ. Купленныхъ овецъ, однако, только-только хватило на половину пути, а затѣмъ намъ пришлось пробавляться мясомъ дикихъ яковъ.

Къ нашему походному звѣринцу принадлежали еще три отличныя собаки. Прежде всего мой вѣрный Джолдашъ изъ Курли, постоянно спавшій рядомъ со мной и сторожившій палатку съ такимъ усердіемъ, что никто, кромѣ Исламъ-бая не смѣлъ и войти въ нее. Далѣе Джолбарсъ (тигръ) изъ Кара-сая, большой, желтый, лохматый песъ и, наконецъ, черный съ бѣлымъ Буру (волкъ) изъ Далай-кургана. Двѣ послѣднія собаки постоянно держались около людской палатки, подымая по ночамъ страшный шумъ и ворча на караванныхъ животныхъ, если тѣ отходили слишкомъ далеко отъ лагеря.

Во время перехода всѣ собаки, играя и обгоняя другъ друга, бѣжали то впереди каравана, то позади, то предпринимали экскурсіи въ стороны, въ горы, за дичью. Въ общемъ онѣ очень развлекали насъ во время нашихъ странствованій и оживляли лагерь. При переходѣ черезъ нагорья, собаки чувствовали себя лучше всѣхъ животныхъ и людей. Разрѣженный воздухъ какъ будто не оказывалъ на нихъ ни малѣйшаго вліянія, аппетитъ у нихъ всегда былъ прекрасный, и онѣ

отлично справлялись со своей порціей, а она была не маленькая, такъ какъ въ ихъ пользу поступали всѣ остатки отъ заколотыхъ овецъ, застрѣленныхъ яковъ и кулановъ и, за недостаткомъ лучшаго, павшія лошади, верблюды и ослы, которыхъ мы потомъ теряли на каждой стоянкѣ.

Постоянныхъ слугъ у меня было восемь: Исламъ бай — нашъ караванъ-баши, Фонгъ-Ши — китайскій переводчикъ, Парпи-бай изъ Оша, Исламъ-ахунъ изъ Керіи, Гамданъ-бай изъ Черчена, Ахметъ-ахунъ — полукитаецъ, Рослакъ изъ Карасая и Курбанъ-ахунъ изъ Далай-кургана. Въ Далай-курганѣ я кромѣ того нанялъ 17 таглыковъ, подъ предводительствомъ ихъ аксакала. Они были взяты только для того, чтобы помочь намъ перебраться черезъ самые трудные перевалы, а черезъ нѣсколько недѣль могли вернуться обратно.

Одинъ изъ нашихъ таглыковъ.
(Съ рисунка автора).

Двое таглыковъ, бывшихъ со мной на рекогносцировкѣ, бѣжали утромъ изъ боязни наказанія за то, что заставили насъ напрасно перейти трудный перевалъ. Они исчезли по прибытіи на то мѣсто, гдѣ аксакалъ рѣшился показать намъ дорогу къ Япкаклыку, но мы не хватились ихъ, пока не остановились на привалъ. Такимъ путемъ они, конечно, избѣгли заслуженнаго наказанія, но лишились и

платы за лошадей, которыхъ доставили намъ для рекогносцировки.

Сегодняшній переходъ былъ поистинѣ чудеснымъ; не смотря на значительную высоту, на солнышкѣ было такъ тепло, что я ѣхалъ, одѣтый по лѣтнему. Но едва дневное свѣтило скрылось за западнымъ хребтомъ горъ, какъ ночная прохлада дала себя знать и пришлось прибѣгнуть къ пальто и зимней шапкѣ. Въ 9 часовъ термометръ показалъ 5.2°.

Изъ другой палатки доносился веселый говоръ, достигшій своего апогея, когда подали дымящійся пилавъ. Мои слуги-туркестанцы не желали ѣсть изъ одной посуды со случайными нашими проводниками-таглыками, къ которымъ — и основательно — не питали особеннаго довѣрія. Таглыки поэтому оставались подъ открытымъ небомъ и ѣли отдѣльно.

За ѣдой разговоръ шелъ о предстоящемъ путешествіи. Съ особеннымъ вниманіемъ прислушивались къ рѣчамъ Парпибая, который нѣсколько разъ пересѣкалъ Тибетъ. Онъ участвовалъ въ экспедиціяхъ Кэри и убитаго Дальглэйша, Бонвало и принца Орлеанскаго, также убитаго Дютрейля де Рина и Гренара, и въ нѣкоторыхъ русскихъ экспедиціяхъ, но не могъ указать, въ какихъ именно.

Онъ былъ для насъ настоящею находкою, — никто лучше его не зналъ этихъ областей. Злые языки говорили, что у него въ каждомъ мѣстечкѣ оставалось по женѣ, которыхъ онъ покидалъ, какъ только онѣ ему надоѣдали. Исламъ-бай находилъ дурнымъ предзнаменованіемъ, что онъ находился на службѣ у двухъ европейцевъ, которыхъ убили въ пути.

На службѣ у меня Парпи-бай все время велъ себя отлично, былъ всегда вѣжливъ и полонъ достоинства и пользовался большимъ уваженіемъ всего каравана, не только за свою опытность, но и за лѣта: ему было около 60-ти лѣтъ.

Теперь онъ какъ разъ разсказывалъ о томъ, какъ падали одно за другимъ животныя каравана Бонвало, какъ рѣдѣлъ караванъ Дютрейля-де Рина и какъ нападеніе туземцевъ около Тамъ-будды уничтожило его вконецъ. При этомъ повѣствованіи другіе люди отвернулись и замѣтили, что, значитъ, счастье будетъ, если мы выйдемъ изъ опаснаго путешествія цѣлыми и невредимыми.

Нашу стоянку на берегу Митта таглыки основательно на-

зывали Лайка, т. е. глинистая, такъ какъ рѣка отложила здѣсь на большомъ пространствѣ слои глинистаго ила. Еще въ теченіе одного дня трактъ былъ знакомъ таглыкамъ, и они называли намъ наиболѣе выдающіяся мѣста, но дальше уже спасовали. Они сообщили, что долина р. Митта, прорѣзывавшая горный хребетъ, который мы пересѣкли по перевалу Сарыкъ-колъ, очень глубока, узка и непроходима во всѣ времена года. Она представляетъ глубокую балку съ отвѣсными боками, по которой между рухнувшими обломками скалъ дико пѣнится рѣка, тѣсно прижимаясь къ скаламъ.

Напротивъ, на западѣ, находился удобный для перехода перевалъ Пеласлыкъ, ведущій къ верховьямъ Кокъ-мурана и въ область, богатую подножнымъ кормомъ и потому носящую названіе Чимлыкъ. Выше въ долинѣ Митта находятся „каны" или колодцы, т. е. ямы, которыя роются золотоискателями не глубже высоты человѣческаго роста. Тамъ находились теперь нѣсколько золотоискателей изъ Керіи, которымъ не посчастливилось въ Копѣ; они и направились сюда въ надеждѣ на большую удачу. Отправились они сюда десять дней тому назадъ и предполагали оставаться съ мѣсяцъ.

Эти золотоискатели ежегодно отправляются въ долину Митта, но работаютъ тамъ не болѣе шести недѣль, частью потому, что не могутъ запастись продовольствіемъ на болѣе продолжительное время, частью потому, что уже въ началѣ сентября почва замерзаетъ и нельзя болѣе рыть. Оттаиваетъ она снова въ началѣ іюня. Песокъ промываютъ въ корытахъ, и добыча золота бываетъ не велика, такъ что каждый работникъ добываетъ золота не болѣе какъ на сумму 2 тенегъ въ день. Такъ какъ область, гдѣ они работаютъ, совершенно лишена растительности, то вьючныхъословъ, привезшихъ продовольствіе, отводятъ въ Лама-чименъ, гдѣ они и пасутся на свободѣ, пока хозяева ихъ работаютъ.

Атмосферныя осадки выпадаютъ лѣтомъ большею частью въ формѣ града, а снѣгу выпадаетъ зимой столько, что долины и перевалы становятся недоступными. Рѣка Миттъ несла теперь по причинѣ холодной погоды лишь 4 куб. метра воды въ секунду. Дальше, внизъ по теченію она принимаетъ много притоковъ и становится въ теплую солнечную погоду порядочною рѣкою.

Съ непривычки къ ночнымъ холодамъ мы порядкомъ померзли въ первый разъ (минимумъ — 27). Но какъ только взошло солнце, стало опять тепло. Утромъ сбѣжали еще двое таглыковъ, и аксакалу снова досталось за то, что онъ не умѣлъ поддержать дисциплину среди своихъ людей. У насъ оставалось еще 13 таглыковъ, и этого было достаточно; вообще-же намъ требовалось порядочно людей, такъ какъ караванъ шелъ, разбившись на пять кучекъ.

Верблюды, шествовавшіе медленно, выступали изъ лагеря первые подъ надзоромъ Гамданъ-бая и въ сопровожденіи 2 таглыковъ. Затѣмъ выступалъ лошадиный караванъ съ моими вещами: палаткой, кухней и проч. подъ надзоромъ Ислама, Парпи-бая и еще нѣсколькихъ туркестанцевъ. Этотъ караванъ подвигался быстрѣе всѣхъ и приходилъ первымъ на мѣсто стоянки, выборъ котораго и былъ порученъ Исламу. Ослы подъ надзоромъ остальныхъ людей, выступали вслѣдъ за лошадьми, но скоро отставали и приходили на мѣсто привала обыкновенно съ верблюдами. Еще позже являлось стадо овецъ со своими пастухами.

Я и Фонгъ-Ши ѣхали въ сопровожденіи одного таглыка, которому мѣстность была знакома еще на протяженіи нѣсколькихъ дней пути. Мы ѣхали послѣдними, такъ какъ я всю дорогу занимался съемкой маршрута, а также геологическими и гипсометрическими наблюденіями, наброской эскизовъ и проч.

Это имѣло свое преимущество: пріѣзжая въ лагерь, спустя нѣсколько часовъ послѣ лошадей, мы находили уже палатку разбитою, а чай и кушанье кипящими надъ огнемъ; такимъ образомъ мнѣ не приходилось ждать, пока мнѣ приготовятъ кровъ и постель.

И славно было послѣ долгаго труднаго пути очутиться въ своей уютной палаткѣ, выстланной дорогимъ ковромъ, подареннымъ мнѣ на прощанье хотанскимъ комендантомъ. У одной продольной стѣны помѣщалась моя постель, состоявшая изъ шубъ, войлоковъ и пары подушекъ; у другой стояли мои сундуки.

Джолдашъ, весь путь вертѣвшійся около меня, взялъ привычку, едва завидитъ вдали палатки, летѣть къ нимъ стремглавъ и располагаться на моемъ ложѣ. Когда я въ свою оче-

редь подъѣзжалъ къ палаткѣ, собака показывалась у входа въ палатку и привѣтствовала меня, помахивая хвостомъ, словно она собственно была хозяиномъ палатки, а я гостемъ. Ей, однако, приходилось довольствоваться ковромъ, когда я самъ располагался на мягкомъ ложѣ и принимался за дневникъ и прочія свои дѣла.

Фонгъ-Ши велъ себя прекрасно. Я очень дорожилъ его обществомъ; образованный китаецъ стоитъ въ умственномъ отношеніи куда выше магометанскаго муллы. Въ свободные часы, а часто и во время пути, мы занимались съ нимъ китайскимъ языкомъ и вели бесѣду по-китайски, насколько позволялъ мнѣ мой скудный запасъ словъ.

Одно горе: слуги мои, магометане, питали зависть къ нему за то, что онъ такъ часто составлялъ мнѣ компанію и во время уроковъ сидѣлъ въ моей палаткѣ. Они насмѣшливо называли его „Кичикъ-тюря“, т. е. барчукомъ, и досадовали, что они— правовѣрные мусульмане должны готовить кушанье китайцу-язычнику. Нѣсколько разъ мнѣ приходилось вмѣшиваться въ ихъ ссоры и водворять миръ.

XV.

Первые дни путешествія по Сѣверному Тибету.

7 августа выдался долгій и трудный переходъ. Сначала путь нашъ велъ по правой береговой террасѣ рѣки, у подошвы хребта, гдѣ гранитъ смѣнился чернымъ сланцемъ; затѣмъ черезъ отвѣсный холмъ и дальше подъ гору, къ рѣчкѣ Кызылъ-су, которая течетъ изъ широкой долины налѣво. Направо осталась у насъ широкая открытая долина р. Митта, а нашъ путь пошелъ черезъ широкую, съ отлогимъ подъемомъ долину Япкаклыкъ, заключенную между двумя мощными горными отрогами.

И въ эту долину открывалось нѣсколько боковыхъ. Правая изъ нихъ, такъ называемая „бикаръ-джилга“ или „обратная

долина", говорятъ вела къ „Акъ-чалыкъ-тагу", т. е. бѣлымъ дикимъ скаламъ. Другая вела къ золотымъ копямъ, гдѣ десять человѣкъ золотоискателей нашли въ послѣднее время столько золота, что могли бросить работу и вернуться домой.

Долина постепенно заворачивала къ востоку. Далеко на югѣ виднѣлись мощныя горы, гребни и снѣжныя вершины. По „саю" (слово это обозначаетъ также каменистое рѣчное русло) Япкаклыкъ струилась мутная горная рѣчка, принимавшая притоки изъ сосѣднихъ долинъ. Сай былъ очень широкъ и мелокъ и занималъ добрую половину ложа долины; остальная часть ложа состояла изъ рыхлаго матеріала, скудно поросшаго травою.

Сланецъ выступаетъ только на гребняхъ и у подошвы горныхъ склоновъ, гдѣ онъ размытъ водой. Въ общемъ горы имѣютъ сильно округленныя формы и изобилуютъ рыхлымъ матеріаломъ и продуктами вывѣтриванья.

Мало по малу долина суживается, и ложе ея все болѣе и болѣе загромождается щебнемъ. Подъемъ на перевалъ Япкаклыкъ становится все круче. Но всѣ животныя нашего каравана, включая и верблюдовъ, шли удивительно бодро. Мы было ожидали, что на послѣднемъ крутомъ подъемѣ намъ придется нести весь багажъ на рукахъ, но, къ счастью, животныя не спасовали и тутъ.

Я съ двумя спутниками достигъ перевала раньше, чѣмъ караванъ, казавшійся тамъ въ глубинѣ рядомъ черныхъ точекъ. На западѣ разстилалось настоящее море горныхъ пиковъ и гребней; на востокѣ также открывалась величественная горная панорама. Долина, идущая въ томъ направленіи, такъ загромождена щебнемъ и аллювіальными отложеніями, что блеститъ между изжелта-сѣроватыми горами, словно стальная лента.

Самый перевалъ представляетъ неособенно острый гребень, покрытый продуктами вывѣтриванья и черными обломками сланца и напоминаетъ въ этомъ отношеніи Чакалыкъ, но несравненно болѣе удобенъ для перехода. Склоны не такъ круты, и самый перевалъ ниже 4,780 м. Погода стояла чудесная, и термометръ показывалъ въ $1\frac{1}{2}$ ч. пополудни 14.2° тепла.

Спускъ по восточной долинѣ былъ также не труденъ, хотя въ верховьѣ ея и пришлось пройти нѣсколько ущелій.

Дальше долина, однако, расширилась, и по серединѣ ея зажурчала небольшая рѣчка.

На лѣвой береговой террасѣ мы спугнули чудеснаго кулана (дикій оселъ), который съ быстротой вѣтра понесся отъ собакъ внизъ по долинѣ, но время отъ времени останавливался и оглядывался на насъ. Потомъ мы узнали, что люди, сопровождавшіе караванныхъ лошадей, которыя шли впереди, видѣли стадо кулановъ въ 20 головъ. Исламъ-бай выстрѣлилъ въ нихъ, одно животное и отбилось отъ стада.

Лѣвый берегъ долины, сложенный изъ рыхлаго матеріала, изрѣзанъ множествомъ чаповъ, т. е. овраговъ. Правый, напротивъ, представляетъ менѣе размытый увалъ, который мы пересѣкли въ нижней его части по небольшому перевалу Кумъ-боёнъ; таглыки воздвигли на немъ „обо“ (алтарь, т. е. собственно груда камней).

Спускаясь съ перевала по горному его склону, мы ѣхали сначала по боковой долинѣ, пока не добрались до верхняго теченія р. Кара-мурана, которая протекаетъ по широкому саю къ сѣверо-западу и ниже принимаетъ восточный притокъ, текущій съ Чокалыкъ-давана.

Трехногая собака, сопровождавшая нашихъ проводниковъ таглыковъ, не могла слѣдовать за караваномъ далѣе подошвы Кумъ-боёна. Тутъ она остановилась и проводила насъ грустнымъ воемъ, гулко отдававшимся между голыми стѣнами скалъ.

Было уже темно, когда мы добрались до нашего лагеря, разбитаго у подошвы отвѣсной скалы, близъ берега Кара-мурана, теперь крайне бѣднаго водой. На берегахъ не росло ни былинки, и пришлось выдать животнымъ порціи маиса и ячменя. Веселый огонь костровъ, поддерживаемыхъ собранными по пути твердыми сухими корнями япкака (бѣлолозника?) бросалъ багровый отблескъ на скалы.

У всѣхъ, кромѣ меня, болѣла голова, и всѣхъ клонило ко сну послѣ долгаго перехода. Исламъ-бай и Фонгъ-Ши сильно страдали отъ припадковъ „горной болѣзни“ и принуждены были немедленно лечь. Я же закончилъ свои обычныя работы только къ полуночи; съемка маршрута заняла цѣлыхъ пять листовъ.

Ночь была тихая и холодная (минимальный термометръ

показалъ 2.4°), но мы въ нашихъ шубахъ и войлокахъ не зябли.

Рано утромъ начался сильный западный вѣтеръ, перешедшій въ настоящій циклонъ на крутой скалѣ, гдѣ находилась наша стоянка. Урганъ въ одно мгновенье опрокинулъ мою палатку. По счастью, всѣ приборы были уже уложены, такъ что бѣды никакой не случилось.

Пятеро таглыковъ, въ томъ числѣ и лживый аксакалъ, получили сегодня разсчетъ и повернули во-свояси пѣшкомъ, радуясь, что имъ не надо идти съ нами дальше.

Мѣстность эту таглыки называли Булакъ-баши (начало ключей). Это было послѣднее записанное мною въ Азіи тюркское названіе. Въ моихъ дневникахъ я также называю это мѣсто лагеремъ № I, а мѣсто нашей стоянки 8 августа, около истоковъ Кара-мурана, лагеремъ № II.

Около Булакъ-баши протекалъ небольшой ручеекъ, одинъ изъ рукавовъ Кара-мурана, но немного подальше русло его уже оказалось сухимъ. Когда вода низкая, онъ сочится подъ щебнемъ и показывается на поверхность только гораздо дальше.

Въ противоположность рѣзко очерченнымъ боковымъ долинамъ, которыя попадались на нашемъ пути до сихъ поръ, долина Кара-мурана все расширяется кверху, относительная высота горныхъ кряжей понижается, но сами кряжи по прежнему тянутся непрерывными цѣпями, высылая свои отроги въ долину. По обѣ стороны вздымаются конгломератовыя террассы, все понижавшіяся, однако, по мѣрѣ того, какъ мы подымались выше.

Сай во все время пути оставался безплоднымъ; лишь въ мѣстахъ, орошающихся водою, встрѣчаются рѣдко разбросанные кусты япкака съ отдѣльными, твердыми, какъ дерево, корнями. Ложе долины покрыто компактнымъ щебнемъ и очень удобно для ходьбы. Нигдѣ ни признака тропинки, ни слѣда человѣческой ноги. Послѣднимъ напоминаніемъ о людяхъ была небольшая груда камней—„обо" на перевалѣ Кумъ-боёнъ.

Скоро береговыя террасы исчезли совершенно, и сай оказался изрѣзаннымъ множествомъ мелкихъ сухихъ руселъ одинаковыхъ размѣровъ. По всему видно, что ложе долины заливается неглубокой водой во время весенняго половодья.

Долина становилась шире, открывая вверху болѣе широкій горизонтъ. Ландшафтъ напоминалъ переходную область, похожую на тѣ, которыя мы встрѣчали на Памирѣ, и представляющую подобные же переходы отъ периферической области къ плато. Въ главную долину открывались еще небольшія поперечныя, а въ глубинѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя приходились у насъ по правую руку, выступалъ время отъ времени мощный снѣжный хребетъ Арка-тагъ (Акка-тагъ), т. е. дальнія или верхнія горы, называющіяся такъ въ противоположность Алтынъ или Астынъ-тагу, т. е. нижнимъ горамъ, идущимъ къ югу отъ Лобъ-нора.

Ни признака жизни среди этого однообразнаго безплоднаго каменнаго ландшафта, даже ни слѣда кулановъ, которые напрасно-бы искали тутъ подножнаго корма; только свѣтло-зеленая ящерица мелькнула и скрылась въ щебнѣ.

Около десяти часовъ выпалъ небольшой снѣгъ; зато весь день порывами дулъ WNW вѣтеръ, подымая облака пыли и песку. Хорошо еще, что онъ дулъ намъ въ спину. Летучій песокъ скоплялся съ подвѣтренной стороны выступовъ скалъ, гдѣ и образовывались зачаточные барханы.

Вывѣтриванье играетъ на этихъ высотахъ важную роль. Западный вѣтеръ, который, говорятъ, преобладаетъ здѣсь, уноситъ весь тонкій матеріалъ, а щебень остается лежать въ долинѣ обнаженнымъ, пока не распадется на мелкія частицы, которыя въ свою очередь уносятся вѣтромъ. Горы всюду и представляютъ вывѣтрѣлыя и разрыхленныя поверхности.

Болѣе-же всего способствуетъ распаду горныхъ породъ сильная разница между дневной и ночной температурой, затѣмъ вѣтеръ, уносящій мелкіе продукты распада, и, наконецъ, третьимъ разрушающимъ факторомъ являются атмосферные осадки, выпадающіе здѣсь въ видѣ дождя только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ году, да и то неправильно и непостоянно.

Типъ долинъ очень характеренъ. Въ поперечномъ разрѣзѣ онѣ представляютъ прямую линію, къ которой по обѣ стороны перпендикулярно падаютъ бока горъ; ни одного щебневаго конуса или холма, который представлялъ-бы откосъ на бокахъ долины.

Чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ мельче становился щебень и, наконецъ, смѣнился крупнозернистымъ пескомъ.

Вѣтеръ окуталъ весь ландшафтъ желтымъ туманомъ, и лошади скоро исчезли изъ вида. Въ теченіе дня верблюды и ослы временами опережали насъ, и мы руководствовались ихъ полузаметенными слѣдами.

Въ верхней части долины мы снова направились къ югу. По близости виднѣлся еще черный сланецъ, но впереди возвышались два мощныхъ отдѣльныхъ массива краснаго песчаника, образовавшіе родъ исполинскихъ воротъ, черезъ которые мы и направились. За ними рѣзко очерченная долина Кара-мурана кончалась, и начинался ландшафтъ, носившій яркіе слѣды разрушенія и соотвѣтствовавшій корытовиднымъ впадинамъ въ периферическихъ горныхъ цѣпяхъ. Главнаго русла, которое бы отмѣчало начало рѣки, не было замѣтно, зато со всѣхъ сторонъ сходились къ упомянутой впадинѣ небольшія сухія русла.

Около подошвы западной части горъ лежали мощные отторженцы, свалившіеся съ своеобразной зубчатой вершины. Издали эти отторженцы казались красными кубиками, но, когда мы приблизились къ нимъ, они оказались величиной съ громадные дома.

Продолжая путь къ югу отъ воротъ, мы ѣхали по безконечной песчаной площади; песокъ былъ покрытъ рябью, но не выказывалъ стремленія образовать барханы. Кругомъ подымались невысокія горы и узкіе гребни, не образовывавшіе, однако, цѣпей въ какомъ нибудь опредѣленномъ направленіи. Не смотря на всю безпорядочность ихъ расположенія, ясно было, что они представляли послѣдніе остатки древняго, разрушившагося мало по малу хребта.

Вѣтеръ все продолжался, и въ 4 часа разразился снѣжный буранъ. Мелкій зернистый снѣгъ хлесталъ насъ въ спину и, крутясь облаками по направленію къ востоку, скрывалъ изъ глазъ всѣ окрестности. Съ большимъ трудомъ могли мы различать слѣды каравана. Снѣгъ, впрочемъ, скоро таялъ на нагрѣвшейся за день поверхности.

Наконецъ, впереди замелькали бѣлые силуэты палатокъ. Караванъ остановился на привалъ у подошвы незначительнаго изолированнаго кряжа изъ песчаника. Небольшой источникъ снабдилъ насъ водою; кругомъ росли рѣденькіе кусты япкака, которымъ наши животныя и принуждены были удовольство-

ваться. Мѣстность вообще была мертвенно-пустынная. Высота равнялась 4,739 метрамъ. Людямъ, видимо, было не по себѣ, и вечеромъ наши провожатые, таглыки, вступили между собой въ оживленную бесѣду по поводу того, кому изъ нихъ сопровождать насъ далѣе до тѣхъ поръ, пока мы вернемся къ человѣческимъ жилищамъ. Каждый хотѣлъ повернуть обратно. Эти негостепріимныя нагорныя области не представляли для нихъ никакой притягательной силы.

9 августа. Ночь, по обыкновенію, выдалась тихая; минимальный термометръ показалъ — 7°, и къ утру чернила въ моей походной чернильницѣ замерзли. Настоящая зима въ началѣ августа!

Пріятель мой Фонгъ-Ши имѣлъ удрученный видъ, жаловался на ужасную головную боль, безсонницу и рвоту. По его настоятельной просьбѣ, я рѣшилъ позволить ему вернуться обратно, если ему днемъ не станетъ лучше.

За ночь никто не бѣжалъ, и караванъ двинулся въ прежнемъ порядкѣ. Овцы и двѣ козы отлично шли подъ надзоромъ особаго пастуха. Козы были намъ особенно полезны; онѣ всегда бѣжали во главѣ стада, увлекая за собой болѣе вялыхъ овецъ. Кромѣ того, я каждое утро пользовался чашкой козьяго молока къ чаю.

По причинѣ все усиливавшагося холода палатку мою подвергли нѣкоторой передѣлкѣ, сложивъ нишу, изображавшую будуаръ, отчего задняя стѣна стала плотнѣе и непроницаемѣе для вѣтра. Края же полъ палатки стали подтягивать подъ войлочный коверъ и придавливать багажными ягданами. Такимъ образомъ, уничтожался сквознякъ, и палатка стойко держалась даже при сильномъ вѣтрѣ.

Далѣе путь нашъ пошелъ слегка въ гору къ OSO. Вокругъ не было видно никакихъ горныхъ породъ in situ, но только небольшіе, низкіе холмы изъ песку и щебня. Впереди подымался незначительный гребень, налѣво отрогъ Астынъ-тага, а направо низкая горная цѣпь, вдоль подошвы которой мы слѣдовали.

Грунтъ былъ настолько рыхлый, что копыта лошадей уходили въ нее цѣликомъ, поверхность-же такая ровная, что еслибы не русла, оставленныя дождевыми потоками, едва-ли можно было бы опредѣлить, въ какую сторону она имѣетъ

уклонъ. Вдобавокъ почва была пропитана сыростью послѣ недавно выпавшаго снѣга, и животнымъ нашимъ стоило большого труда подвигаться по ней. Къ востоку простирались нагорныя равнины, ограниченныя вдали горными хребтами.

Дождевыя борозды направлялись къ западу, пока мы не достигли небольшаго озерка, имѣвшаго въ ширину всего нѣсколько сотъ метровъ. Вѣроятно, оно является однимъ изъ истоковъ Кара-мурана, но теперь было совершенно отрѣзано отъ верховьевъ рѣки. По слѣдамъ, оставленнымъ водою на берегахъ, видно, однако, было, что въ половодье уровень воды въ озеркѣ повышается, и тогда оно высылаетъ ручей къ WNW. Вода въ озеркѣ была слегка солоновата; въ разстояніи нѣсколькихъ футовъ отъ воды вокругъ озерка шло кольцо выцвѣтовъ соли.

Отсюда мы повернули къ юговостоку и направились черезъ небольшую поперечную долину, въ которой преобладали выступы чернаго сланца. Вообще-же горныя породы in situ попадались крайне рѣдко: все разрушилось. Склоны отливали то желтымъ цвѣтомъ отъ песку, то краснымъ отъ распыленнаго песчаника, то чернымъ отъ тонкаго сланцеваго щебня, похожаго издали на уголь или сажу.

Мы переходили черезъ небольшіе гребни и отроги по расположеннымъ между ними саямъ. Послѣдніе направлялись NO и принадлежали къ рѣчной системѣ Черченъ-дарьи. Но всѣ они были сухи, и люди опасались, что мы вечеромъ, пожалуй, не найдемъ воды.

Скоро мы увидѣли, что узкія дождевыя борозды соединялись въ такую-же сухую ложбину, направлявшуюся къ востоку. Главный гребень Арка-тага все еще оставался у насъ на югѣ и, держась прежняго направленія, мы вынуждены были-бы пересѣкать одинъ отрогъ за другимъ, поэтому мы сочли за лучшее поскорѣе свернуть къ югу, чтобы перейти Арка-тагъ и постараться подняться на нагорье сѣвернаго Тибета.

Недолго шли мы по новому направленію, какъ наткнулись на небольшой источникъ, гдѣ и рѣшили, ради вѣрнаго обезпеченія водой, разбить лагерь. Окрестность была совершенно безжизненной. Только кое-гдѣ высовывалъ свои похожіе на войлокъ кусты неприхотливый япкакъ, и наши

проголодавшіяся животныя съ жадностью принялись поѣдать ихъ.

Вода сочилась изъ почвы по каплямъ, и въ нѣсколькихъ метрахъ дальше источникъ уже изсякалъ въ пескѣ. Люди вырыли небольшую яму, въ которой понемногу и скопилась вода. Животныхъ напоили по очереди. Сегодня мы сдѣлали 21 килом., а въ два предыдущихъ дня 26.7 и 28.7 килом.

10 августа запись въ дневникѣ гласитъ: „Лихорадка Фонгъ-Ши все усиливается, пульсъ достигаетъ 120 ударовъ въ минуту, голова болитъ ужасно. Онъ смотритъ совсѣмъ умирающимъ и думаетъ, что съ каждымъ днемъ ему будетъ все хуже. Я и рѣшилъ отослать его обратно. Исламъ тоже опасается, что Фонгъ-Ши умретъ, если мы потащимъ его за собою дальше, или что его болѣзнь причинитъ намъ долгую и гибельную въ этихъ мѣстахъ задержку.

Да, насколько прежде общество Фонгъ-Ши было пріятно, настолько-же тягостно оно стало въ послѣдніе дни, когда онъ непрерывно стонетъ и жалуется на свои недуги.

Но какъ-же теперь быть съ китайцами? Забраться во внутрь Китая безъ переводчика не особенно пріятная перспектива. Къ счастью, я уже успѣлъ извлечь нѣкоторую пользу изъ общества Фонгъ-Ши, заучилъ важнѣйшія слова, а остальному нужда выучитъ.

Въ общемъ Фонгъ-Ши обошелся намъ не дешево. Онъ уже получилъ жалованье впередъ за три мѣсяца, а теперь мнѣ предстояло еще оплатить его обратный путь, да снабдить его лошадью, продовольствіемъ, запасомъ хинныхъ облатокъ, шубой и провожатымъ на случай, если онъ сляжетъ дорогой. Онъ рѣшилъ немного отдохнуть въ Далай-курганѣ и простился со мной растроганный и благодарный.

Горделивыя мечты молодого китайца въѣхать въ ворота Пекина, узрѣть резиденцію своего баснословно могущественнаго императора и, быть можетъ, съ моей помощью добиться тамъ положенія и, наконецъ, смѣнить свою оставленную въ Хотанѣ супругу тюркскаго происхожденія на кровную китаянку, — всѣ эти мечты разсѣялись, какъ дымъ у подножія Арка-тага. Молчаливый, грустный стоялъ Фонгъ-Ши среди этой пустынной мѣстности, глядя вслѣдъ намъ, стремившимся къ желанной, далекой цѣли!“

Ночью шелъ порядочный снѣгъ, и почва была еще совсѣмъ сыра, когда мы двинулись по долинѣ, гдѣ стояли лагеремъ. Рѣшили, что лошадиный караванъ, подвигавшійся быстрѣе, будетъ впредь выбирать направленіе, причемъ Исламу было только внушено держать курсъ по возможности на югъ, чтобы мы, наконецъ, могли перейти черезъ Арка-тагъ. Вообще-же онъ долженъ былъ сообразоваться съ условіями поверхности и съ силами караванныхъ животныхъ. Мнѣ никогда и не случалось быть недовольнымъ его выборомъ, такъ какъ у него былъ зоркій, вѣрный глазъ, и онъ отлично соразмѣрялъ силы верблюдовъ.

Мало-по-малу долина расширилась и перешла въ волнистую нагорную равнину. На лѣво отъ долины показалась удивительно живописная горная страна, представлявшая собраніе сплюснутыхъ и плоскихъ конусовъ съ зубчатыми боками. Конусы состояли частью изъ красноватаго песчаника, частью изъ конгломератовидной, необычайно твердой, кирпично-красной горной породы, похожей на брекчію.

Вершины этихъ конусовъ были покрыты черными горизонтальными слоями чернаго туфа. Слои туфа явно защищаютъ лежащую подъ нимъ горную породу отъ вывѣтриванья. Отдѣльныя вершины видны были издалека, напоминая бакены, разбросанныя по этой равнинѣ. Вокругъ подножій конусовъ лежали большіе и малые обломки туфа, упавшіе съ вершинъ. Мелкіе обломки туфа мы продолжали находить на красномъ пескѣ на довольно большомъ протяженіи по равнинѣ. Около подошвы горнаго массива эти обломки рисовались на красномъ фонѣ черными пятнами.

Туфъ, имѣвшій слегка фіолетовый оттѣнокъ, былъ очень пористъ, ноздреватъ, почти какъ губка, и звенѣлъ подъ ударами молотка. Эти своеобразные красные холмы съ черными шапками видны были издалека, въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути. Къ югу отъ Арка-тага мы видѣли много такихъ отдѣльныхъ туфовыхъ холмовъ.

Около подошвы хребта мы пересѣкли направлявшійся къ востоку сухой сай, довольно значительныхъ размѣровъ, но, видимо, несущій воду лишь послѣ обильнаго выпаденія атмосферныхъ осадковъ. Къ юго-востоку отъ него простирался кряжъ, формой напоминавшій опрокинутую ложку; такая форма

поверхности попадалась намъ потомъ часто. Затѣмъ, шла небольшая впадина, сухое дно которой бѣлѣло соляными отложеніями. Подобныя соляныя озерки также составляютъ характерную особенность мѣстности.

Поверхность нерѣдко казалась совершенно ровною, и мы оказывались на настоящемъ плато. Во всѣ стороны открывался свободный видъ. Только вдали горизонтъ былъ ограниченъ сравнительно низкими горами; ни вѣчно снѣжныхъ вершинъ, ни глетчеровъ не было видно.

Воздухъ былъ ясенъ. Далеко впереди, словно черныя точки, двигались караванныя лошади, и я по нимъ могъ опредѣлить вѣрные пеленги въ полмили. Единственнымъ растеніемъ, способнымъ произрастать на скудной почвѣ являлся япкакъ, но многочисленные слѣды показывали, что области эти посѣщаются время отъ времени антилопами-богу. Исламъ-бай, однако, тщетно выслѣживалъ это быстроногое животное, котораго ему такъ ни разу и не удалось застать врасплохъ.

Небо большею частью было покрыто необыкновенно красивыми, пушистыми и причудливыми бѣлыми облаками, которыя, словно живыя существа, плыли совсѣмъ близко надъ поверхностью земли и кое-гдѣ только открывали чистую лазурь неба.

Затѣмъ мы поднялись на небольшой кряжъ, съ высоты котораго увидѣли на WSW озеро, лежащее между двумя низкими цѣпями горъ. Восточнымъ продолженіемъ его была глубокая долина, которую мы пересѣкли, озеро-же лежало настолько въ сторонѣ отъ нашего пути, что не было расчета сворачивать къ нему.

Здѣсь показалась in situ красная конгломератовидная горная порода, гранитъ и затѣмъ зеленый сланецъ, расположенный почти вертикальными слоями. Всѣ эти горныя породы по большей части выступали всего на высотѣ какого нибудь фута надъ пресѣченной вывѣтрѣлой поверхностью. Онѣ виднѣлись еще издали, вырисовываясь красными или темными линіями, вслѣдствіе чего ландшафтъ казался полосатымъ.

По небольшой ложбинѣ, сырой отъ послѣдняго выпавшаго снѣга, мы поднялись на новый гребень, болѣе значительный, нежели предыдущіе. Съ его слегка выпуклой вершины намъ открылось столь-же неожиданное, сколько отрадное зрѣ-

лище. Передъ нами разстилалась неглубокая впадина, покрытая свѣтлозеленою растительностью, безъ сомнѣнія, скудною, но тѣмъ не менѣе желанною для нашихъ постившихся уже четыре дня животныхъ. Особенно проголодались лошади и теперь нетерпѣливо ржали, въ ожиданіи подножнаго корма.

Эминъ-Мирза, славный таглыкъ, смѣнившій Фонгъ-Ши въ должности моего секретаря, съ удивленіемъ указалъ мнѣ, что караванъ нашъ не выказываетъ намѣренія остановиться. По близости, правда, находилась лужа, но вода въ ней была соленая, и Исламъ, видимо, хотѣлъ сыскать воду,—необходимое условіе для разбивки лагеря. Низенькая, тоненькая и рѣдкая травка представляла не очень-то завидное пастбище; надо было много терпѣнія, чтобы накормиться тутъ. Многочисленные слѣды свидѣтельствовали, что мѣсто это было знакомо антилопамъ. Водились здѣсь и полевыя мыши, питавшіяся травой и ея корнями. Мы видѣли только норки, а самыхъ мышей не видали.

Направо отъ насъ тянулся новый низкій хребетъ; въ одной лощинѣ хребта трава росла гуще, но была уже выщипана дикими животными. Палатки оказались разбитыми около источника, влага котораго питала росшій кругомъ мохъ. Мы сдѣлали въ этотъ день 24.5 килом.

Втеченіе дня дулъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ. Надо было взять на сѣдла теплое платье, такъ какъ погода стояла крайне перемѣнчивая. Когда въ воздухѣ тихо и ясно, становится такъ жарко, что того и гляди испечешься на солнцѣ, но стоитъ набѣжать на солнце облачку или подуть сильному вѣтру, какъ разъ продрогнешь безъ шубы.

На слѣдующее утро трое людей оказались больными и просили день отдыха. Я согласился тѣмъ охотнѣе, что животныя были истомлены шестью тяжелыми переходами и что здѣсь у насъ были подъ руками и подножный кормъ и вода. Только насчетъ топлива было туговато. Япкакъ росъ лишь кое-гдѣ, и люди бродили по окрестностямъ, собирая его корни.

Всю ночь и все утро шелъ снѣгъ; вся поверхность побѣлѣла. Но какъ только взошло солнце, снѣговой покровъ растаялъ, чему много способствовала и сухость воздуха. Снѣгъ былъ зернистый, твердый и весело барабанилъ по парусинѣ палатки.

Отдыхъ для всѣхъ насъ былъ желаннымъ. Кругомъ было тихо, животныя разбрелись далеко отъ лагеря, отыскивая подножный кормъ получше.

Недомоганье людей, однако,. усилилось втеченіе дня. Большинство изъ нихъ жаловалось на головную боль; даже Исламъ-бай лежалъ и стоналъ, и такъ какъ онъ былъ караванъ-баши, то другіе тѣмъ болѣе упали духомъ.

Погода тоже не способствовала поднятію духа; небо хмурилось, снѣгъ съ небольшими перерывами продолжался весь день. Послѣ трехъ часовъ дня подморозило, и поверхность побѣлѣла. Западный вѣтеръ дулъ порядкомъ, и немудрено, что меня не тянуло на воздухъ. Я предпочиталъ сидѣть въ палаткѣ, закутавшись въ шубы, и заниматься разработкой своихъ набросковъ или чтеніемъ.

Закололи овцу, но хотя насъ и было много, мясо осталось несъѣденнымъ, — горная болѣзнь уменьшаетъ аппетитъ. Мнѣ баранина перестала нравиться, такъ какъ ее никакъ нельзя было уварить до мягкости. Пилавъ тоже выходилъ не вкуснымъ,—и рисъ оставался жесткимъ. Приходилось довольствоваться вѣчнымъ жиденькимъ бульономъ изъ баранины, да окаменѣлымъ хлѣбомъ.

Меню было все одно и тоже, повторяясь дважды въ день, и скоро эти трапезы такъ надоѣли мнѣ, что я приступалъ къ нимъ съ нѣкоторымъ содроганьемъ и успокаивался только тогда, когда, одолѣвъ свою порцію, закуривалъ трубку. Въ общемъ-же я чувствовалъ себя хорошо, хоть мы и находились на 4,968 м. высоты.

Утомленіе сказывалось только одышкой и сердцебіеніемъ. Закутанный въ шубы и войлока, я часто просыпался ночью отъ непріятнаго и жуткаго чувства стѣсненія въ груди. Зато головная боль, мучившая меня въ первые дни, совершенно прошла.

На закатѣ погода прояснилась. Тяжелыя черныя тучи уползли къ востоку. Небо въ зенитѣ было ярко синее, на западѣ-же было объято заревомъ, словно отъ далекаго степного пожара; ближайшіе горные склоны отливали рѣзкимъ багрянцемъ. На сѣверѣ горы были еще окутаны густыми облаками, которыя весь вечеръ то и дѣло прорѣзались молніями.

Утромъ 12 августа по лощинѣ, гдѣ былъ расположенъ

лагерь, заструился крохотный ручеекъ, образовавшійся изъ растаявшаго снѣга. Растаялъ, однако, лишь нижній слой, верхній-же былъ еще скованъ морозомъ. Минимальный термометръ показалъ—10.7°. Втеченіе дня мы миновали нѣсколько ручейковъ съ прозрачною водой.

Лощина вела къ небольшому второстепенному перевалу черезъ одинъ изъ отроговъ Арка-тага. Здѣсь преобладалъ красный, мелкозернистый сланецъ. Пастбища становились все болѣе рѣдкими и скудными. Слѣды антилопъ и зайцевъ, однако, попадались по прежнему; тамъ и сямъ попадался и пометъ кулановъ.

Спустились мы съ перевала на другую сторону по рѣзко очерченной долинѣ, въ 4 килом. ширины, заворачивавшей съ WSW къ востоку. Пресѣченное ложе долины было сухо, подножнаго корму не росло никакого. По близости нигдѣ не представлялось удобнаго перехода черезъ Арка-тагъ, и мы продолжали слѣдовать по долинѣ къ востоку; въ томъ направленіи мѣстность представлялась открытой. По обѣ стороны долины рисовались легкими тѣнями отроги хребта, а на заднемъ планѣ возвышался мощный хребетъ, продолженіе Арка-тага, весь окутанный серебрянымъ снѣгомъ. Снѣгъ сіялъ такой ослѣпительной бѣлизной, что мы сначала приняли его за бѣлыя облака на горизонтѣ.

Направляясь къ востоку, мы имѣли Арка-тагъ частью по правую руку, частью прямо впереди; оказывалось, такимъ образомъ, что хребетъ слегка заворачиваетъ къ ONO.

Оставивъ широкую долину влѣво, мы стали медленно подыматься по нижнему склону Арка-тага, пересѣкая безчисленные овраги и балки, по которымъ въ большинствѣ случаевъ текла вода, направляясь въ главную долину. На сѣверѣ мѣстность была открытая, безъ холмовъ. Передъ нами лежало обширное пресѣченное плато, ограниченное вдали на сѣверѣ мощною горною цѣпью съ множествомъ снѣжныхъ вершинъ; это была южная сторона Токкузъ-давана.

Вдали сіялъ раздвоенный пикъ Арка-тага, къ которому мы часъ за часомъ подвигались, но все какъ будто не приближались. Теперь надо было отыскать удобное мѣсто для стоянки, гдѣ-бы нашелся подножный кормъ. О водѣ сегодня безпокоиться нечего было. Пройдя 29 килом., мы разбили палатки

около порядочнаго ручейка, по берегамъ котораго росла сносная трава. Абсолютная высота равнялась 4,975 м. Животныя имѣли еще бодрый видъ, но людямъ, особенно Исламъ-баю, приходилось плохо. 13 и 14 августа намъ пришлось оставаться въ лагерѣ № V. Поводомъ къ такой остановкѣ послужилъ печальный фактъ. Сначала люди увѣряли меня, что животныя нуждаются въ отдыхѣ, но утромъ 13-го мнѣ доложили, что Исламъ-баю очень плохо. Славнаго моего слугу мучило, что я долженъ буду пожертвовать хотя-бы однимъ днемъ изъ-за него, и онъ просилъ другихъ сослаться на усталость животныхъ. У него была сильная лихорадка, пульсъ бился ускоренно, голова страшно болѣла. Онъ не думалъ, однако, что причиной недомоганья была лишь горная болѣзнь: онъ харкалъ кровью и былъ такъ слабъ, что не могъ шевельнуть ни однимъ членомъ.

Въ дневникѣ моемъ записано слѣдующее: „Исламъ попросилъ другихъ попытаться уговорить меня продолжать

Видъ на SW изъ лагеря № V.
(Съ рисунка автора).

завтра путь, а его съ двумя таглыками, также больными, оставить здѣсь. Онъ хотѣлъ поручить ключи, ягданы и все продовольствіе и боевые припасы Парпи-баю, а самъ, если ему будетъ лучше, думалъ попытаться перевалить черезъ Токкузъ-даванъ, пробраться до Черчена и дальше на родину черезъ Кашгаръ.

„Я однако, далъ ему хины и морфину, послѣ чего онъ проспалъ нѣсколько часовъ, затѣмъ я поставилъ ему горчичники, чтобы оттянуть кровь отъ головы. Повидимому, ему очень плохо. Было-бы страшно тяжело лишиться его. Я-бы почувствовалъ себя тогда воистину одинокимъ. Онъ былъ моимъ спутникомъ съ самаго начала, дѣлилъ со мной всѣ лишенія и опасности, не щадилъ силъ и былъ для меня истинной опорой.

„Кто, какъ ни онъ, всегда набиралъ и организовывалъ

караванъ, нанималъ надежныхъ людей, обдумывалъ и закупалъ продовольствіе и слѣдилъ за всѣмъ самымъ разумнымъ и обдуманнымъ образомъ. Десять человѣкъ не стоили его одного; онъ былъ незамѣнимъ. И вотъ теперь онъ лежалъ, словно старикъ, сломленный недугомъ, похожій на умирающаго. Какъ горько было-бы, если-бъ онъ погибъ теперь, на третьемъ году своей самоотверженной службы мнѣ, на которую смѣнялъ свое спокойное житье-бытье въ Ошѣ; эта послѣдняя тяжелая экспедиція была уже седьмою, совершонною нами вмѣстѣ.

„Да, наше вступленіе въ области Сѣвернаго необитаемаго Тибета обѣщало мало хорошаго. Нашъ лагерь походилъ на походный лазаретъ; путешествовать съ такими инвалидами нечего было и думать. Въ такихъ случаяхъ чувствуешь себя связаннымъ, и другого выбора нѣтъ, какъ или оставить больныхъ подъ надзоромъ нѣсколькихъ здоровыхъ или — вернуться. Перспектива возвращенія, однако, наводила на меня настоящій ужасъ. Я долженъ былъ изслѣдовать безвѣстныя нагорья, простиравшіяся къ югу отъ Арка-тага!

„И какъ свободно здѣсь на высотахъ, среди этого чистаго свѣжаго воздуха и постоянно мѣняющихся пейзажей, въ сравненіи съ однообразной пустыней, ея сѣрымъ небомъ, удушливымъ воздухомъ, скорпіонами, шершнями, комарами и недостаткомъ воды! Я радуюсь при мысли, что эти области остались позади, но мои люди боятся безмолвныхъ горъ, и ихъ тянетъ внизъ.

„Болѣзнь Исламъ-бая, тревожащая меня уже сама по себѣ, имѣетъ еще то пагубное послѣдствіе, что другіе люди окончательно пали духомъ, увидавъ своего караванъ-баши въ такомъ жалкомъ положеніи. Имъ уже кажется, что смерть у нихъ за плечами. Только мое спокойствіе еще ободряетъ ихъ. Они радуются, когда я прихожу въ ихъ палатку-лазаретъ и съ удовольствіемъ приходятъ поговорить со мной о нашихъ видахъ и надеждахъ. Вообще-же они не разговорчивы; не слышно болѣе и веселыхъ пѣсенъ."

Самъ по себѣ день отдыха прошелъ спокойно. Въ полдень ручей раздулся и принялъ кирпичный оттѣнокъ, но къ вечеру вода снова сбыла и стала прозрачной. Воздухъ былъ удивительно чистъ и прозраченъ. Горы на самомъ горизонтѣ видны были въ малѣйшихъ подробностяхъ крайне отчетливо.

Днемъ были посланы развѣдчики къ юго-востоку. Они нашли глубокую большую балку, которую Гамданъ-бай считалъ балкою одного изъ притоковъ Черченъ-дарьи, Паткаклыка (Илистая рѣка). Онъ полагалъ, что Литлэдель и перешелъ Арка-тагъ, слѣдуя по верхнему теченію этой рѣки. Гамданъ-баю, казалось, можно было довѣриться, такъ какъ онъ сопровождалъ Литлэделя, но позже выяснилось, что онъ ошибался.

Парпи-бай предполагалъ, что недѣли черезъ двѣ мы опять нападемъ на хорошій подножный кормъ. Жалкая трава вокругъ лагеря № V была горька, и лошади не стали бы ѣсть ея, не будь онѣ такъ голодны. Зато здѣсь и не видно ни слѣда кулановъ; эти быстроногія животныя, вѣрно, умѣютъ отыскать болѣе тучныя пастбища.

Итакъ, Парпи-бай стоитъ за то, чтобы какъ можно скорѣе выступить въ путь, — останься мы здѣсь подольше, лошади могутъ заболѣть. Двѣ изъ нихъ уже плохи, не ѣдятъ и цѣлый день лежатъ. Остальныя, а также ослы и верблюды сравнительно въ хорошемъ состояніи. У насъ есть еще запасъ корму для нихъ, который въ случаѣ нужды можно растянуть на мѣсяцъ, а продовольствія для насъ самихъ хватитъ на два съ половиной мѣсяца.

Вечеромъ Исламъ-бай получилъ 4 гр. морфина, хорошо спалъ ночь и утромъ 14 августа почувствовалъ себя значительно лучше. Онъ могъ уже проглотить немножко хлѣба съ чаемъ и немного погулялъ въ шубѣ, а на слѣдующій день надѣялся быть въ состояніи сопутствовать намъ. Погода стояла непріятная. Отъ 12 ч. до 4-хъ шелъ градъ, потомъ полилъ дождь. Пока шелъ градъ, температура (въ 4 ч. пополудни) равнялась 16°, во время-же дождя быстро понизилась до 9°.

Верблюды каждый вечеръ потѣшаютъ насъ настоящимъ представленіемъ: какъ разъ на закатѣ они величественно, медленно, словно боги, мѣрно раскачивая горбами, направляются къ палаткѣ за обычною мѣркою маиса. Маисъ разсыпаютъ на kускѣ парусины, разостланной на землѣ, верблюды располагаются вокругъ и съ жадностью поѣдаютъ лакомство.

XVI.

Къ подошвѣ Арка-тага.

15 августа. Къ счастью, сегодня Исламу стало полегче, и мы могли въ обычное время выступить. Одна изъ лошадей околѣла; это была первая наша потеря, за которой, къ сожалѣнію, послѣдовали и другія.

Небо было покрыто легкими облаками, которыя задѣвали за относительно невысокіе гребни горъ и какъ-то давили всю окрестность, словно низкій потолокъ комнату. Казалось даже, что на востокѣ нельзя будетъ пройти подъ этими облаками.

Мы продолжали путь къ востоку, слѣдуя по широкой и правильной продольной долинѣ, вдоль сѣверной подошвы Арка-тага. Ложе долины было почти ровное, съ самымъ незначительнымъ уклономъ, а въ глубинѣ ея безсмѣнно сіялъ, подобно маяку, бѣлый раздвоенный пикъ. Направо главный гребень Арка-тага скрывался за однимъ изъ собственныхъ отроговъ хребта. Налѣво отъ насъ тянулась незначительной высоты, свободная отъ снѣга, горная цѣпь.

Въ продольную долину впадала рѣзко очерченная поперечная; по ней, по глубоко врѣзавшемуся въ конгломераты руслу, протекалъ небольшой ручей. Ландшафтъ имѣлъ красноватый оттѣнокъ отъ кирпично-красной сланцеватой горной породы, но русло было покрыто мелкимъ плотно спрессованнымъ щебнемъ зеленаго кристаллическаго сланца, гранита и порфира, которые, вѣроятно находились in situ въ высшихъ поясахъ Арка-тага.

Эта большая поперечная долина, пересѣкавшая продольную, по которой мы до сихъ поръ слѣдовали, прорѣзывала, суживаясь въ настоящее ущелье, горную цѣпь, находившуюся къ сѣверу отъ насъ и загораживавшую отъ насъ Токкузъ-даванъ, а по ту сторону горъ заворачивала, вѣроятно, къ сѣверо-востоку.

Продольная долина стала уже. Мы подвигались по лѣвой береговой террассѣ, и намъ приходилось пересѣкать множество „чаповъ“. По самой большой изъ этихъ балокъ, имѣвшей почти отвѣсные, высотою до 10 м., бока, протекала рѣчка, вблизи

которой скудно росла трава. Погода, какъ нельзя болѣе кстати, заставила насъ остановиться какъ разъ на этомъ мѣстѣ, хотя мы и прошли въ этотъ день всего 16 килом.

Пожаръ въ тростникѣ на озерѣ Кара-куль.
(Съ рисунка автора).

Около полудня на западѣ собрались тяжелыя облака, быстро понесшіяся къ востоку, хотя около земной поверхности

дулъ NO вѣтеръ. Облака быстро стягивались кольцомъ вокругъ насъ. Только на самомъ востокѣ виднѣлся еще быстро таявшій клочекъ лазури, а то вездѣ, куда ни погляди, стояли темныя свинцовыя зловѣщія тучи. Скоро позади насъ послышался слабый вой. Онъ все приближался и усиливался. Поднялся сильный вѣтеръ съ запада, и разразился ужаснѣйшій градъ, хлеща землю и бока горъ.

Мигомъ насталъ полумракъ, загремѣлъ громъ, раздававшійся какъ будто прямо у насъ надъ ухомъ, но молній не было видно. Окрестность совершенно потонула во мглѣ. Градины были не больше маисовыхъ зеренъ, но, подхваченныя вѣтромъ, били съ такой силой, что удары ихъ ощущались даже сквозь шубы и мѣховыя шапки.

На лошадей это незаслуженное бичеванье наводило страхъ, и мы принуждены были съ четверть часа не трогаться съ мѣста, не зная даже, куда ѣхать. Вотъ мы и сидѣли на лошадяхъ, повернувъ вѣтру спины и поднявъ воротники до ушей. Въ какія нибудь нѣсколько минутъ веселая, смѣющаяся, залитая солнцемъ мѣстность превратилась въ полярную область; грунтъ весь побѣлѣлъ и подмерзъ.

Нѣсколько времени ничего нельзя было предпринять, но, когда самая грозная туча пронеслась, мы слѣзли съ коней и поспѣшно принялись за разбивку палатокъ. Градъ продолжался еще съ часъ, покрывъ землю толстымъ, бѣлымъ ковромъ въ вершокъ толщиною. До вечера онъ, однако, успѣлъ растаять, такъ какъ за градомъ, по обыкновенію, слѣдовалъ ливень. Мы успѣли поэтому основательно промокнуть прежде, чѣмъ попали подъ крышу. Бѣдныя животныя остались на дождѣ и холодѣ. Только верблюдамъ все было ни по чемъ, и они сразу принялись щипать траву.

16 августа мы рано выступили въ путь. Погода была вѣтряная и холодная, небо покрыто облаками. Около семи часовъ утра они было разсѣялись, но скоро снова сгустились. Не легко было рѣшить, откуда они брались. Покажется небольшое облачко и начнетъ расти, расти и, наконецъ, покроетъ все небо.

Накануне вечеромъ мы посылали развѣдчиковъ вверхъ по узкой балкѣ, на краю которой мы разбили лагерь. Вернувшись, люди сообщили, что въ верхней части балка очень крута,

узка и камениста, мы и предпочли продолжать путь къ востоку по продольной долинѣ. Не безъ труда перешли мы глубокую балку и направились дальше по холмистой поверхности и мимо небольшого озера, 250 м. въ діаметрѣ, съ прозрачной прѣсной водой; дюжина гусей отдыхала тутъ на пути въ Индію.

Подъемъ сталъ теперь замѣтнымъ, пастбища еще попадались, но все рѣже. Долина была по прежнему заключена между двумя довольно значительными цѣпями горъ; вода, стекавшая по ихъ склонамъ и поперечнымъ долинамъ, собиралась въ горную рѣчку, которая дальше сливалась съ рѣчкой, на берегу которой былъ разбитъ нашъ лагерь № VI.

Наконецъ, мы достигли начала продольной долины и вершины подъема. Здѣсь мы нашли небольшую сухую впадину, по ту сторону которой вода текла къ сѣверо-востоку. Но мы свернули къ OSO по боковой долинѣ, заключенной между мощными горными отрогами и также прорѣзанной ручьемъ, который жался къ высокимъ береговымъ скаламъ и обнажалъ зеленый сланецъ.

Большею частью мы подвигались почти наугадъ, не зная, окажется-ли возможнымъ продолжать путь по долинамъ, въ которыя мы вступали. Постепенно мы заворачивали къ юго-востоку, и направо отъ насъ оказалась мощная горная вершина. Около ея подошвы насъ снова захватилъ сильный градъ, сопровождавшійся дождемъ и снѣгомъ, но все это не помѣшало намъ продолжать путь. Мы начинали уже привыкать, что такая непріятная погода наставала около 1 часу дня, хотя-бы утро и было совершенно ясное.

Окруженные туманомъ, мы достигли довольно плоскаго водораздѣла, такъ же, какъ и первый, разграничивавшаго воды, текущія къ востоку и текущія къ западу. Становилось все яснѣе, что Арка-тагъ въ этой области представляетъ цѣлую систему параллельныхъ хребтовъ, крайне бѣдныхъ удобными для перевала поперечными долинами. По продольнымъ долинамъ мы подвигались безъ малѣйшаго затрудненія. Напротивъ, по поперечнымъ долинамъ мы могли проходить къ югу развѣ лишь небольшіе концы.

Слѣдуя нѣсколько времени къ востоку, мы затѣмъ свернули направо по одной изъ подобныхъ поперечныхъ долинъ,

которая скоро стала очень крутою. Въ устьѣ ея можно было наблюдать въ высшей степени оригинальныя образованія. Она была покрыта слоемъ тонкихъ продуктовъ вывѣтриванья, въ которомъ терялись мелкіе ручейки; въ общемъ грунтъ былъ такъ мягокъ и рыхлъ, что копыта животныхъ тонули въ немъ, и это очень утомляло животныхъ.

Понемногу мы всетаки пробирались вверхъ по все суживавшейся долинѣ и затѣмъ по крутымъ склонамъ до перевала — какъ мы надѣялись, черезъ главный гребень Арка-тага. Съ большими усиліями лошади взобрались на вершину. Но тутъ насъ опять окутало непроницаемымъ туманомъ, пошелъ градъ, и поднялась мятель.

Такъ какъ дороги не было видно, и кромѣ того намъ не хотѣлось упустить случая оріентироваться въ этой горной области, для чего этотъ возвышенный пунктъ представлялъ такія благопріятныя условія, то мы, посовѣтовавшись, рѣшили разбить лагерь на самомъ перевалѣ, абсолютная высота котораго доходила до 5,253 метровъ. За день мы сдѣлали 26, 8 килом.

Быстро разбили палатки. Погода была ненастная, холодная и непріятная; малѣйшее усиліе причиняло сердцебіеніе и одышку. Вѣтеръ пронизывалъ насквозь, градъ такъ и хлесталъ. Подножнаго корму не было никакого, ни единаго кустика для топлива, и за водой людямъ пришлось спуститься глубоко въ расщелину.

Около 5 часовъ дня прояснилось настолько, что на югѣ и юго-западѣ можно было различить рѣзкій, освѣщенный краснымъ свѣтомъ и одѣтый снѣгомъ гребень, черезъ который, повидимому, не вело ни одного доступнаго перевала. Къ югу отъ нашего перевала, который велъ лишь черезъ отрогъ Арка-тагъ и для достиженія котораго мы напрасно употребили столько усилій, виднѣлось глубокое ущелье, въ которое стекали воды съ цѣлаго лабиринта скалъ и цѣпей.

На востокѣ намъ мерещились слабыя очертанія Арка-тага, и въ этомъ направленіи тянулась извилистая продольная долина. Вокругъ насъ въ хаотическомъ безпорядкѣ высились вершины и кряжи, нѣкоторые чернаго цвѣта, другіе кирпично-краснаго или зеленаго, и самые высокіе совершенно бѣлаго отъ снѣга. Относительная высота ихъ была въ большинствѣ

случаевъ не велика, и намъ казалось, что мы находимся на одномъ уровнѣ со многими изъ нихъ.

Скоро, однако, вся панорама заволоклась густыми облаками и снѣжной вьюгой. Плотныя, тяжелыя массы облаковъ быстро неслись надъ гребнями, волочась бахромой своихъ краевъ по неровной ихъ поверхности и, словно кистью, нанося на нее бѣлыя полоски снѣга. Громъ гремѣлъ такъ, что мы почти оглохли, молніи то и дѣло прорѣзали облака. Почва дрожала отъ сильнѣйшихъ раскатовъ, и было какъ-то жутко стоять на самомъ перевалѣ. Я велѣлъ поэтому отодвинуть палатку такъ, чтобы линія гребня пришлась 10-ю метрами выше.

Въ этотъ вечеръ намъ пришлось долго ждать нашихъ верблюдовъ и ословъ. Мы послали двухъ людей отыскивать ихъ. Въ сумерки животныя, наконецъ, показались, и люди съ трудомъ втащили ихъ на перевалъ. Ужинъ мой былъ на этотъ разъ скуднѣе обыкновеннаго. Чтобы вскипятить чаю, пожертвовали ящикомъ, безъ котораго можно было обойтись. Посовѣтовавшись съ таглыками, мы рѣшились продолжать путь къ востоку по крутому восточному ущелью перевала, такъ какъ на югѣ не представлялось никакого прохода.

Мѣсяцъ сіялъ ослѣпительнымъ блескомъ, окруженный замѣчательно красивымъ ореоломъ ярко желтаго цвѣта съ фіолетовой оторочкой.

Но скоро ночное свѣтило исчезло за облаками, и по пустынному перевалу принялся во всѣ стороны гулять вѣтеръ. Ночь была тихая, но холодная (минимумъ — 5. 4°) и, только заползши въ свое логовище изъ шубъ и войлоковъ, я могъ согрѣться.

Утромъ топлива не оказалось, и мнѣ пришлось довольствоваться замороженнымъ какао; питье это было бы очень кстати въ знойной песчаной пустынѣ, но тутъ оказывалось черезчуръ прохладнымъ. Оказалось еще, что верблюды и ослы рано утромъ ушли назадъ по той-же дорогѣ, по которой мы пришли.

Я всетаки пустился въ путь въ сопровожденіи Эмина-Мирзы по направленію, выбранному еще съ вечера, предоставивъ Исламъ-баю въ качествѣ караванъ-баши заботиться о томъ, чтобы и остальные не сбились съ пути.

Проѣхавъ съ часъ, мы отыскали таки слѣды ословъ и овецъ. Они только задали крюку, обогнувъ горный хребетъ,

на перевалѣ котораго мы ночевали. Но проводники верблюдовъ направились не по надлежащему пути; мы, впрочемъ, надѣялись, что они скоро замѣтятъ свою ошибку и постараются отыскать насъ.

Поэтому мы продолжали путь къ востоку по продольной долинѣ. Насколько мы могли заключить, заксны образованія сѣверныхъ продольныхъ долинъ Арка-тага слѣдующіе. Онѣ принимаютъ большинство наиболѣе значительныхъ и обильныхъ водою рѣчныхъ долинъ съ юга; съ сѣвера-же мало или почти никакихъ. Рѣчки, протекающія по продольнымъ долинамъ, жмутся ближе къ низкой сѣверной горной цѣпи, склоны которой всегда круче, нежели склоны южной. Послѣдняя за то богаче рыхлымъ матеріаломъ, образовавшимся изъ продуктовъ вывѣтриванья, тогда какъ склоны сѣверной цѣпи

Видъ на NW изъ лагеря № VI.
(Съ рисунка автора).

вслѣдствіе подмыва рѣкою, часто обнаруживаютъ выступы горныхъ породъ in situ.

Сдѣлавъ около 14 килом., мы увидали въ нѣкоторомъ разстояніи нашихъ ословъ, пасущихся на высокой террассѣ, на лѣвомъ берегу хрустально-прозрачнаго потока, по руслу котораго мы слѣдовали. Палатки были разбиты въ удивительно живописной мѣстности. Пришлось взяться за дѣло всѣмъ, такъ какъ дулъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ.

Сносный подножный кормъ и голодовка наканунѣ побуждали насъ къ однодневному отдыху. Когда, наконецъ, сюда прибылъ съ верблюдами Гамданъ-бай, онъ узналъ мѣстность и въ какихъ нибудь 10 минутахъ ходьбы къ сѣверу нашелъ то мѣсто, гдѣ останавливался на привалъ Литледэль годъ тому назадъ. Литледэль пришелъ сюда съ сѣвера и провелъ здѣсь нѣсколько дней, чтобы высмотрѣть перевалъ черезъ Арка-тагъ.

Но такъ какъ ему въ этомъ отношеніи посчастливилось

не больше нашего, то онъ направился по долинѣ, открывавшейся на востокъ, гдѣ и нашелъ удобный перевалъ, который велъ къ небольшому озеру, къ югу отъ Арка-тага. Мы рѣшили воспользоваться этимъ открытіемъ, и Гамданъ-бай взялся вести насъ къ перевалу Литледэля.

18 августа посвятили отдыху. Я только посѣтилъ мѣсто стоянки Литледэля; между закоптѣвшими камнями еще замѣтно было мѣсто, гдѣ былъ разведенъ костеръ. Кругомъ въ изобиліи валялся пометъ караванныхъ животныхъ, и мы такимъ образомъ обрѣли хорошій запасъ топлива. Кое-гдѣ можно было даже различить тропинку, протоптанную животными, а на берегу рѣчки валялась брошенная негодная рубашка.

Рѣчки, текущія по продольнымъ долинамъ съ запада и

Долина около лагеря № VIII, гдѣ останавливался и Литледэль.
(Съ рисунка автора).

востока, сливались здѣсь въ одну и прорывали сѣверную горную цѣпь, образовывая живописное ущелье. Всюду по сосѣдству виднѣлся черный сланецъ, переслаивающійся съ твердымъ кристаллическимъ сланцемъ; поверхностные слои черного сланца вслѣдствіе вывѣтриванья распадались на тонкіе листики.

Упомянутая рѣчка несла около полудня 6 куб. м. прозрачной воды, которая журчала и пѣнилась между круглыми окатанными камнями. Нашъ лагерь былъ расположенъ какъ бы на полуостровкѣ, образованномъ крутымъ изгибомъ западной рѣчки. Притокъ воды былъ меньше всего утромъ, но затѣмъ все возрасталъ въ теченіе дня. Вечеромъ рѣчка становилась довольно значительной, но за ночь вода спадала и окаймлялась тонкимъ ледкомъ.

Непосредственно послѣ заката холодъ сталъ ощутительнымъ; температура пала на нѣсколько градусовъ ниже нуля. Главнымъ-же образомъ выстуживалъ палатку непрерывный вѣтеръ, улегшійся только къ ночи. Ночи вообще стояли тихія, ясныя, и, вслѣдствіе усиленнаго лучеиспусканія, поверхность почвы подмерзала, но вновь быстро оттаивала съ первыми-же лучами солнца (минимальная температура — 11°; абсолютная высота 5,083 м.).

Вечеромъ распорядился съ таглыками такимъ образомъ. Троимъ было выдано жалованье за все время ихъ службы и дано позволеніе вернуться обратно по той-же дорогѣ. Изъ прочихъ же двое должны были сопровождать меня черезъ Арка-тагъ и затѣмъ уже вернуться домой, а остальнымъ троимъ таглыкамъ вмѣстѣ съ моими постоянными слугами изъ Западнаго и Восточнаго Туркестана предстояло слѣдовать съ караваномъ до тѣхъ поръ, пока мы не доберемся до заселенныхъ трактовъ, когда-бы это ни случилось.

Таглыки, которые должны были сопровождать меня дальше, попросили у меня впередъ половину жалованья, на что я немедленно согласился. Нѣкоторые-же изъ восточно-туркестанцевъ, оставившіе семьи въ Керіи и Хотанѣ, рѣшили воспользоваться случаемъ и послать значительную часть полученнаго ими жалованья съ тремя возвращавшимися домой таглы ками, которые завтра утромъ должны были выдать росписки въ полученіи денегъ и обязательства доставить ихъ по адресу.

Когда съ разсчетами было покончено, мы улеглись на покой. Таглыки, какъ всегда, спали подъ открытымъ небомъ, въ защитѣ бруствера изъ мѣшковъ съ маисомъ и прочихъ пожитковъ.

Проснувшись утромъ 19 августа около 5 часовъ, слуги мои, къ удивленію своему, не нашли въ лагерѣ таглыковъ. Всѣ они, за исключеніемъ моего секретаря Эмина-Мирзы бѣжали. Исламъ немедленно разбудилъ меня и доложилъ о случившемся. Мы собрали военный совѣтъ.

Люди мои спали всю ночь, какъ убитые, и не слышали никакого подозрительнаго шума. Они полагали, что таглыки бѣжали еще около полуночи, чтобы выиграть время и такимъ образомъ обезпечить себя отъ погони. Они хорошо знали, что

для насъ въ этихъ скудныхъ подножнымъ кормомъ областяхъ каждый день былъ дорогъ.

Когда-же мы обревизовали караванъ и наши пожитки, оказалось, что исчезли еще 10 ословъ, пара лошадей и добрый запасъ хлѣба, муки и маиса. Но хуже всего было то, что таглыки получили впередъ жалованье и забрали еще деньги другихъ людей безъ всякихъ росписокъ.

Планъ бѣгства, безъ сомнѣнія, былъ обдуманъ заранѣе, и они хитро выманили у меня впередъ жалованье. Особенно удивляло насъ то, что они могли выбраться изъ лагеря такъ безшумно. Нѣкоторые изъ моихъ людей, правда, слышали около полуночи лай собакъ, но полагали, что собаки лаютъ на верблюдовъ, которые обыкновенно удалялись по ночамъ отъ лагеря, бродя въ темнотѣ, словно призраки.

Но насъ не такъ-то легко было провести. Мы обыскали ближайшія окрестности лагеря, чтобы по слѣдамъ опредѣлить, въ какую сторону направились бѣглецы. Оказалось, что они ушли по разнымъ направленіямъ, разбившись на кучки; сборнымъ-же пунктомъ явилась подошва сѣвернаго хребта; они, видимо, хотѣли съ самаго-же начала сбить насъ съ толку. Двое воровъ шли пѣшкомъ, двое ѣхали на лошадяхъ, остальные на ослахъ.

Такъ какъ ослы наши были сильно изнурены, то импровизированный караванъ не могъ подвигаться особенно быстро. Поэтому я распорядился немедленно пуститься за нимъ въ погоню и, во что-бы то ни стало, вернуть бѣглецовъ со всѣмъ добромъ назадъ, въ лагерь № VIII. За такой гнусный обманъ слѣдовало наказать ихъ. Парпи-баю, дѣльному малому, было поручено руководить погонею, а въ подмогу ему были даны Гамданъ-бай и Исламъ изъ Керіи. Вооружась ружьями и револьверами и сѣвъ на лучшихъ нашихъ верховыхъ лошадей, они пустились во всю прыть по слѣдамъ бѣглецовъ черезъ перевалъ и скоро скрылись изъ вида. Въ случаѣ отказа бѣглецовъ вернуться, преслѣдователи могли дать нѣсколько выстрѣловъ для острастки, но имъ строго было запрещено ранить кого-нибудь.

Намъ, остальнымъ, пока оставалось только терпѣливо ждать. День и ночь прошли, не принеся ничего новаго. Я началъ уже опасаться, что преслѣдователи заблудились; эта бѣда была-бы горше первой.

Въ шесть часовъ вечера на слѣдующій день Парпи-бай и Гамданъ-бай вернулись на въ конецъ измученныхъ лошадяхъ и сообщили слѣдующее.

Они ѣхали по слѣдамъ безостановочно весь день и вечеръ. Лошади, не обремененныя поклажей и успѣвшія уже отдохнуть наканунѣ, шли отлично. Миновавъ мѣста нашихъ лагерей № VII и № VI, преслѣдователи около полуночи замѣтили вдали огонь и направились къ нему.

Достигнувъ мѣста, они увидали около костра нѣсколькихъ людей; это, разумѣется, были наши бѣглецы. Двѣ лошади и ослы паслись неподалеку. Пятеро изъ людей расположились около костра, остальные уже легли спать. Всѣ и люди и животныя были, видимо, истомлены въ конецъ долгимъ переходомъ. Несмотря на преимущества, которыя давало имъ то обстоятельство, что они передъ выступленіемъ отдохнули день, и то, что дорога вела теперь подъ гору, а не въ гору, они были настигнуты погоней, такъ какъ большинство изъ нихъ шло пѣшкомъ.

Когда Парпи-бай съ двумя спутниками подъѣхалъ къ костру, бѣглецы повскакали и кинулись въ разныя стороны. Но Парпи-бай выстрѣлилъ на воздухъ и крикнулъ, что, если они тотчасъ-же не вернутся на мѣсто, то всѣ будутъ перестрѣляны. Тогда они повалились на землю, прося пощады. Бѣглецовъ всѣхъ перевязали, и Парпи отобралъ отъ нихъ всѣ забранныя ими у меня деньги.

Послѣ двухчасоваго сна, рано утромъ караванъ двинулся обратно. Только трое таглыковъ, получившихъ отъ меня окончательный разсчетъ, были отпущены на всѣ четыре стороны. Предводитель бѣглецовъ, сорокалѣтній таглыкъ, организаторъ всего дѣла, былъ принужденъ, какъ воръ, идти всю дорогу пѣшкомъ со связанными руками.

Только въ 10 ч. вечера добрались связанные бѣглецы подъ надзоромъ Ислама изъ Керіи до нашего лагеря. Мнѣ были возвращены всѣ отобранныя у нихъ деньги. Но, кромѣ того, они отняли у насъ два дорогихъ дня, и этой потери ничѣмъ было не возмѣстить. Предводителя подвели ко мнѣ, а остальные расположились полукругомъ.

Я заявилъ ему, что онъ воръ, и что, если-бы онъ попался при такихъ обстоятельствахъ въ руки китайскаго амбаня, ему

пришлось-бы плохо. Теперь-же онъ, дабы внушить ему и его

Судъ надъ бѣглецами.
(Съ рисунка Адлерфельда).

товарищамъ, что нельзя безнаказанно такъ обходиться съ европейцемъ, присуждался лишь къ двѣнадцати ударамъ розгами.

Въ этомъ я разошелся съ моими вѣрными слугами, которые находили, что ему слѣдовало задать основательную порку.

Кромѣ того я заявилъ, что воры должны искупить свое недостойное поведеніе трудомъ, и ночи, ради безопасности, будутъ проводить связанными. Далѣе, они обязаны были: заплатить Парпи-баю, Гамданъ-баю и Исламу изъ Керіи жалованье за потраченные на погоню три дня, сопровождать насъ, пока намъ это будетъ нужно, и при разсчетѣ вполнѣ подчиниться моимъ условіямъ: я заплачу имъ столько, сколько они заслужатъ своимъ поведеніемъ.

Сцена суда вышла очень живописной. Люди стояли передъ палаткой, молча, закутавшись въ шубы, слабо освѣщенные свѣтомъ луны и отблескомъ отъ свѣчки. Мало радости было наказывать бѣглецовъ, но они заслужили наказаніе, и ихъ послѣдующее безукоризненное поведеніе доказало, что мой приговоръ пошелъ имъ въ пользу.

Разумѣется, и люди и животныя, участвовавшіе въ побѣгѣ и въ погонѣ, изнемогали отъ усталости, и намъ пришлось изъ за нихъ пожертвовать еще однимъ днемъ. Такимъ образомъ, въ лагерѣ № VIII мы провели цѣлыхъ три дня. Погода становилась зимней. Послѣ полудня, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ шелъ снѣгъ, а послѣ 3 часовъ задулъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, опрокинувшій мою палатку. Веревки такъ трещали и дергались, что я уже приготовился къ такому казусу, и ничто въ палаткѣ не пострадало. Въ 8 часовъ по бокамъ палатки забарабанилъ дождь, потомъ опять все стихло.

Вечеромъ вся окрестность оказалась подъ бѣлымъ покровомъ снѣга. Только въ рѣчномъ руслѣ выдѣлялась въ сумракѣ черная, извилистая линія рѣки. Всю ночь дулъ сильнѣйшій сѣверо-восточный вѣтеръ, палатку понемногу до того заносило снѣгомъ, что мнѣ нѣсколько разъ приходилось выходить и сбивать съ нея снѣгъ, который къ утру и образовалъ вокругъ нея настоящій валъ. Снѣгъ, однако, замѣтно задерживалъ тепло въ палаткѣ и уменьшалъ сквознякъ. Только поздно утромъ 22 августа снѣжный буранъ прекратился, и мы могли выйти и поразмяться.

Прошли 22-го необычайно мало: всего 3.6 кил. Столь поспѣшный привалъ объяснялся тѣмъ, что мы хотѣли воспользоваться послѣднимъ пастбищемъ. Держась лѣвой стороны от-

крывавшейся съ востока долины, мы поднялись на площадку, гдѣ останавливался со своимъ караваномъ Литледэль, и здѣсь разбили палатки. Караванныя животныя Литледэля оставили здѣсь столько помета, что въ топливѣ недостатка не предвидѣлось. Пометъ сохраняется въ этихъ областяхъ удивительно хорошо, и мы сначала приняли его за свѣжій пометъ кулановъ. А между тѣмъ онъ лежалъ тутъ болѣе года. Это доказывало, что въ этихъ высокихъ поясахъ никогда не выпадаетъ дождя, а только снѣгъ и градъ. Иначе пометъ скоро измельчился-бы, высохъ и его развѣяло-бы вѣтромъ.

И сегодня около часу дня начался градъ. Злѣйшій нашъ врагъ, однако, вѣтеръ, который подымается почти всегда въ одно и то же время дня ежедневно, приноситъ градовыя тучи и продолжается до вечера, а часто даже и всю ночь. Холодныя струи его проникаютъ въ палатку и грозятъ задуть огонь, какъ ни старaешься защитить его. Да и ложе становится такимъ холоднымъ, что, заползая въ него, попадаешь какъ будто въ ледникъ и долго, долго лежишь и щелкаешь зубами, пока, наконецъ, не согрѣешься.

23 августа. Рано утромъ меня разбудила вьюга. Снова стояла полная зима; лошади были всѣ въ снѣгу, торбы ихъ были пусты, и животныя смотрѣли такими скучными, усталыми. Я разбудилъ людей, и скоро караванъ былъ готовъ. Сегодня насъ ожидалъ трудный переходъ. Предстояло перейти черезъ Арка-тагъ по перевалу Литледэля, къ которому взялся проводить насъ Гамданъ бай.

Тихо подвигались мы гуськомъ по рѣчной долинѣ, которая стала суживаться; вмѣстѣ съ тѣмъ относительныя высоты уменьшались, а формы горъ становились болѣе округленными. Лишь въ рѣчной долинѣ скалы были обнажены, вообще же поверхность была вся покрыта рыхлымъ матеріаломъ. Мѣстами горная рѣчка становилась широкой и мелкой. Быстрота ея все увеличивалась по мѣрѣ того, какъ мы подымались въ гору. Хрустально-прозрачная вода весело струилась по своему покрытому тонкимъ щебнемъ руслу. Выступающая здѣсь горная порода — темнозеленый твердый кристаллическій сланецъ. Затѣмъ, рѣчная долина вновь расширилась, образуя бассейнъ, въ который стекается множество мелкихъ притоковъ.

На нѣкоторое время насъ задержала мятель, окутавшая насъ, какъ туманомъ; потомъ мы продолжали путь къ юго-востоку по рѣзко очерченной долинѣ, прорѣзанной однимъ изъ главнѣйшихъ притоковъ рѣки. Въ двухъ мѣстахъ долина развѣтвлялась. Около перваго развѣтвленія нашли остатки одного изъ членовъ экспедиціи Литледэля: высохшій трупъ осла. Его муміеобразное тѣло не подверглось разложенію; цѣлость его свидѣтельствовала также, что ни волки, ни хищныя птицы не знали сюда дороги. Итакъ, ясно было, что до сихъ поръ мы отъ самаго лагеря № VII шли по пути Литледэля.

Впереди, на OSO, и виднѣлся перевалъ черезъ Арка-тагъ. Но, когда я съ Эминомъ-Мирзой взошелъ на небольшой второстепенный перевалъ (5,580 м.), находившійся сѣвернѣе или лѣвѣе перваго, мы, къ изумленію нашему, увидѣли, что слѣды нашихъ лошадей, по обыкновенію, шедшихъ впередъ, направлялись къ сѣверу по боковой долинѣ. Я тотчасъ понялъ, что Гамданъ-бай, бывшій теперь путеводителемъ, ошибся. Караванъ, однако, былъ уже настолько далеко, что окрики наши не могли достигнуть до слуха людей.

Итакъ, послѣ краткаго обзора мѣстности, намъ не оставалось ничего другого, какъ направиться по слѣдамъ каравана, — дѣло было къ вечеру, и мнѣ не хотѣлось заночевать безъ палатки и чаю. Такъ какъ боковая долина, по которой пошелъ караванъ, подъ конецъ сворачивала къ западу, то ясно было, что Гамданъ-бай совершенно сбился съ пути. Мы съ Эминомъ-Мирзой скоро и встрѣтили караванъ, возвращавшійся обратно. Гамданъ-бай былъ очень смущенъ своей грубой ошибкой.

Не думая ни о чемъ, они шли, пока не наткнулись на свои-же собственные утренніе слѣды, описавъ такимъ образомъ полный кругъ, да еще зря перейдя черезъ перевалъ. Гамданъ увѣрялъ, что Литледэль какъ разъ здѣсь не на долго уклонился къ сѣверу, и что онъ, Гамданъ, сворачивая въ долину, былъ увѣренъ, что она скоро снова завернетъ къ востоку и югу. Мнѣ еще не приходилось видѣть такого неумѣнья оріентироваться, и я далъ нагоняй и Гамдану и другимъ за то, что они, какъ бараны, пошли за нимъ.

Повернувъ назадъ, мы разбили лагерь въ устьѣ боковой долины, сдѣлавъ въ этотъ день 22 килом. Тутъ не было и

слѣда подножнаго корма; только масса маленькихъ красныхъ цвѣтовъ росла между камнями.

Вечеръ, противъ обыкновенія, выдался чудесный; воздухъ былъ совершенно прозраченъ. Снѣговой покровъ и легкія облачка сіяли при свѣтѣ мѣсяца ослѣпительной бѣлизной. Во мракѣ тихо, величественно бродили, подобно призракамъ, наши верблюды, освобожденные отъ вьюковъ и тщетно искавшіе подножнаго корма. Лошадей и ословъ привязали, такъ какъ ихъ нельзя кормить, пока они не отдохнутъ часа два. Люди, исключая поваровъ, тоже прилегли отдохнуть послѣ того, какъ разбили палатки. Въ лагерѣ было тихо и спокойно, и мнѣ представился удобный случай произвести наблюденія надъ луной. Но это оказалось не такъ-то легко: холодъ былъ очень чувствителенъ (въ 9 ч. вечера—4°) и пластинка призмы-циркуля съ мелкими дѣленіями сразу покрылась инеемъ отъ дыханья; удержать-же хоть на нѣсколько минутъ въ груди дыханье въ этомъ разрѣженномъ воздухѣ было невозможно.

Когда подошелъ часъ кормежки лошадей и ословъ, они принялись ржать и топать. Имъ подвѣсили торбы съ маисомъ, и онѣ съ хрустомъ стали пережевывать сухой, жесткій маисъ. Затѣмъ, ихъ отпустили до утра бродить на свободѣ.

Какъ тихо, безмолвно на этихъ высотахъ. Мы здѣсь словно гости на чужой планетѣ. Темноголубая міровая бездна сіяетъ передъ нами за снѣжной вершиной Арка-тага. Лишь мерцаніе ночныхъ звѣздъ, медленный полетъ облаковъ и сверканье снѣжинокъ вносятъ оживленіе въ этотъ мертвый пейзажъ. Единственный звукъ здѣсь — металлическій плескъ струй рѣчки о льдинки.

Но и рѣчка отдыхаетъ ночью, затянувшись льдомъ; журчанье мало-по-малу затихаетъ. Но на утро солнышко снова пробуждаетъ рѣчку къ жизни, какъ будто напоминая, что даже среди этой мертвой природы должна идти непрестанная работа по пересозданію земной поверхности.

XVII.

Черезъ Арка-тагъ. Первое соленое озеро.

Итакъ, только 24 августа совершилось радостное событіе — перевалъ черезъ Арка-тагъ. Двинулись мы въ путь только послѣ того, какъ Гамданъ-бай, убѣдившись самъ, увѣрилъ насъ, что маленькая долина вела дѣйствительно къ гребню хребта. Извилистый ручей журчалъ подъ ледяной корой; снѣгъ покрывалъ землю твердымъ, толстымъ ковромъ. Преобладающею горною породою являлся по прежнему сланецъ, слои котораго падали почти вертикально. Когда мы по не особенно крутому подъему достигли перевала, намъ, наконецъ, открылся желанный видъ на югъ.

Перевалъ оказался, однако, не тѣмъ, по которому перешелъ Литледэль; тотъ находился нѣсколько западнѣе. Обстоятельство это Гамданъ-бай могъ констатировать тѣмъ легче, что на томъ перевалѣ люди Литледэля сложили небольшой холмикъ изъ камней. Вѣроятно, въ этой части хребта много удобныхъ для перевала пунктовъ. Каждая долина ведетъ, повидимому, къ какому-нибудь перевалу. Разница въ высотѣ между самымъ переваломъ и сосѣдними частями гребня незначительна. Съ самой вершины гребня снѣгъ сметало вѣтромъ, но въ долинахъ, по обѣ стороны перевала, бѣлѣли пятна снѣга. Абсолютная высота равнялась 5,544 м.

На юго-востокъ, югъ и юго-западъ открывались широкіе горизонты. На востокѣ и западѣ взоръ встрѣчалъ преграды въ видѣ ближайшихъ отроговъ хребта. Южный склонъ перевала оказался гораздо круче сѣвернаго; спускъ шелъ по извилистой, узкой рѣчной долинѣ между поперечными отрогами, идущими отъ боковъ перевала. Эти отроги гораздо короче, нежели идущіе по сѣверному склону. Они довольно обрывисты и круты и переходятъ сначала въ волнистую поверхность, а затѣмъ въ мощную, простирающуюся къ югу нагорную равнину. По равнинѣ тамъ и сямъ разбросаны въ безпорядкѣ горы; съ высоты перевала онѣ казались намъ низкими холмами.

На заднемъ планѣ тянется, уходя изъ глазъ, непрерывная, мощная темносиняя цѣпь горъ, которая, по отношенію къ широкой долинѣ, кажется однако, сравнительно низкою. На

SO и SW возвышаются гребни и вершины, покрытые вѣчнымъ снѣгомъ. На SSW видно маленькое озерко, которое, должно быть, служитъ бассейномъ для стока большей части водъ данной области. Такимъ образомъ, передъ нами былъ первый, не имѣющій стока въ океанъ, бассейнъ Тибетскаго нагорья.

Послѣ долгаго отдыха, мы двинулись внизъ по южному склону перевала. Пріятно было сознавать, что мы, наконецъ, выбрались изъ Восточнаго Туркестана и изъ областей, воды которыхъ стекаютъ въ Лобъ-Норъ. Оставивъ за собою Кунь-Лунь, Арка-тагъ и бассейнъ, расположенный между ними, мы вступили уже на почву Сѣвернаго Тибета, этого высочайшаго горба земли.

Къ востоку отъ насъ простиралась безвѣстная страна; намъ только въ двухъ мѣстахъ предстояло пересѣчь маршруты: 1) Бонвалло и принца Генриха Орлеанскаго и 2) Дютрейля де Рина и Гренара. Послѣдній изъ названныхъ маршрутовъ шелъ, должно быть, гдѣ нибудь по сосѣдству, но намъ такъ и не удалось съ достовѣрностью опредѣлить его положеніе. Маршрутъ Литледэля мы уже покинули. Но до областей, воды которыхъ стекаютъ въ Тихій океанъ, было еще далеко. Еще долго предстояло намъ пробыть въ областяхъ, не имѣющихъ стока водъ въ океанъ.

Погода стояла пока прекрасная, и мы шли по ручью, протекавшему по южной долинѣ; въ настоящее время воды въ немъ было вдоволь, благодаря растаявшему снѣгу. Близь того мѣста, гдѣ ручей выходитъ изъ горъ, мы оставили вправо отъ себя небольшую отдѣльную, рѣзко очерченную гору, послѣдній отрогъ Арка-тага.

Мы направили путь къ юго-востоку, имѣя по лѣвую руку южный отрогъ Арка-тага. Огромная часть этой горной группы простиралась передъ нами, освѣщенная солнцемъ. Виднѣлись большею частью округленныя вершины, но среди нихъ выдавался одинъ очень острый и зубчатый гребень, изъ подъ снѣжной шапки котораго выступали нѣсколько черныхъ скалъ. Это и былъ тотъ раздвоенный пикъ, который мы видѣли на пути между лагерями №№ IV и V. Тогда онъ сіялъ вдали, на краю горизонта, теперь же мы благополучно оставили его позади.

Верхній почвенный слой, состоявшій всюду изъ тонкаго песку и пыли, былъ очень мягокъ и пропитанъ сыростью; нему-

дрено, что животныя наши сильно утомились. Ручей, благодаря незначительному паденію русла, текъ медленно, принималъ множество притоковъ и, заворачивая къ югу и юго-востоку, по направленію къ упомянутому озеру, описывалъ почти полукругъ у подошвы небольшой, изолированной горы, возвышавшейся на равнинѣ. Около юго-западной подошвы горы, мы, къ своему удивленію и удовольствію, нашли кое-какой подножный кормъ, которымъ животныя наши и не пренебрегли послѣ вчерашняго поста. Одинъ изъ верблюдовъ и одна лошадь были сильно изнурены, а одинъ изъ ословъ палъ на перевалѣ.

Я немедленно предпринялъ пѣшкомъ экскурсію на эту гору, откуда открывался отличный видъ, и сдѣлалъ тамъ нѣсколько набросковъ карандашомъ. Отъ фирноваго кольца на высочайшей вершинѣ Арка-тага спускалось нѣсколько небольшихъ ледниковъ, короткіе, покрытые снѣгомъ языки которыхъ были обращены къ югу.

Если бросить взглядъ на востокъ, то съ лѣвой стороны окажется Арка-тагъ, уходящій легкой тѣнью въ даль, а съ правой — южный хребетъ, составляющій, какъ мы послѣ открыли, продолженіе Куку-шили. Между обоими этими хребтами шла широкая долина, очерченная на восточномъ горизонтѣ прямой, едва замѣтно падающей къ югу линіей. Оба хребта тянулись къ западу, насколько хваталъ глазъ, но ближе сюда поверхность между ними была болѣе пресѣченной.

Самая гора, на которой я стоялъ, была довольно своеобразна. На сѣверо-восточномъ и восточномъ склонахъ ея выступалъ обычный темнозеленый сланецъ, уголъ паденія котораго равнялся 16° W 315 N. Вершина же горы была покрыта почти горизонтальнымъ, мощностью всего въ 5 м., слоемъ изсиня черного туфа, продолговатыя и круглыя поры котораго были отчасти заполнены бѣлымъ минераломъ. Туфъ сильно вывѣтрѣлъ. Нѣсколько подобныхъ же отдѣльныхъ горъ съ туфовыми шапками виднѣлось и на югѣ.

Когда я съ Джолдашемъ вернулся къ моей славной палаткѣ, солнце закатывалось на ясномъ бирюзовомъ небѣ. Тамъ и сямъ плавали только отдѣльныя бѣловатыя облачка. Но едва верхній край солнечнаго диска скрылся за горизонтомъ, какъ на западѣ встала темная, грозная стѣна.

Въ нижнихъ слояхъ атмосферы стояла еще полная тишина,

но въ высшихъ дулъ сильный вѣтеръ. Это видно было по темнымъ свинцовымъ тучамъ, края которыхъ были окрашены закатомъ въ багровый, кровавый и фіолетовый цвѣта. Нѣкоторыя изъ тучъ казались совсѣмъ черными, другія слегка про-

Арка-тагъ; видъ на NNW съ туфоваго холма близъ лагеря № XI.
(Съ рисунка автора).

свѣчивали подъ лучами солнца. Нельзя было оторваться отъ этой фантастической, зловѣщей и величественной картины.

Вотъ, нарушая покой природы, зашумѣли первые порывы вѣтра, сначала слабые, затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе. Скоро

разразился настоящій ураганъ. Всѣ мои люди ухватились за веревки палатки, которую иначе унесло-бы. Градъ посыпался съ такой силой, что въ воздухѣ засвистѣло. Животныя наши, испуганно озираясь, перестали щипать траву. Но черезъ 5 минутъ все прошло. Ураганъ пронесся къ востоку. На западѣ не виднѣлось новыхъ тучъ. Спокойствіе возстановилось, и насталъ чудный звѣздный вечеръ.

Но и это продолжалось недолго: къ полуночи окрестность окуталась необычайно густымъ туманомъ, который скрылъ отъ насъ даже гору, у подошвы которой расположенъ былъ нашъ лагерь.

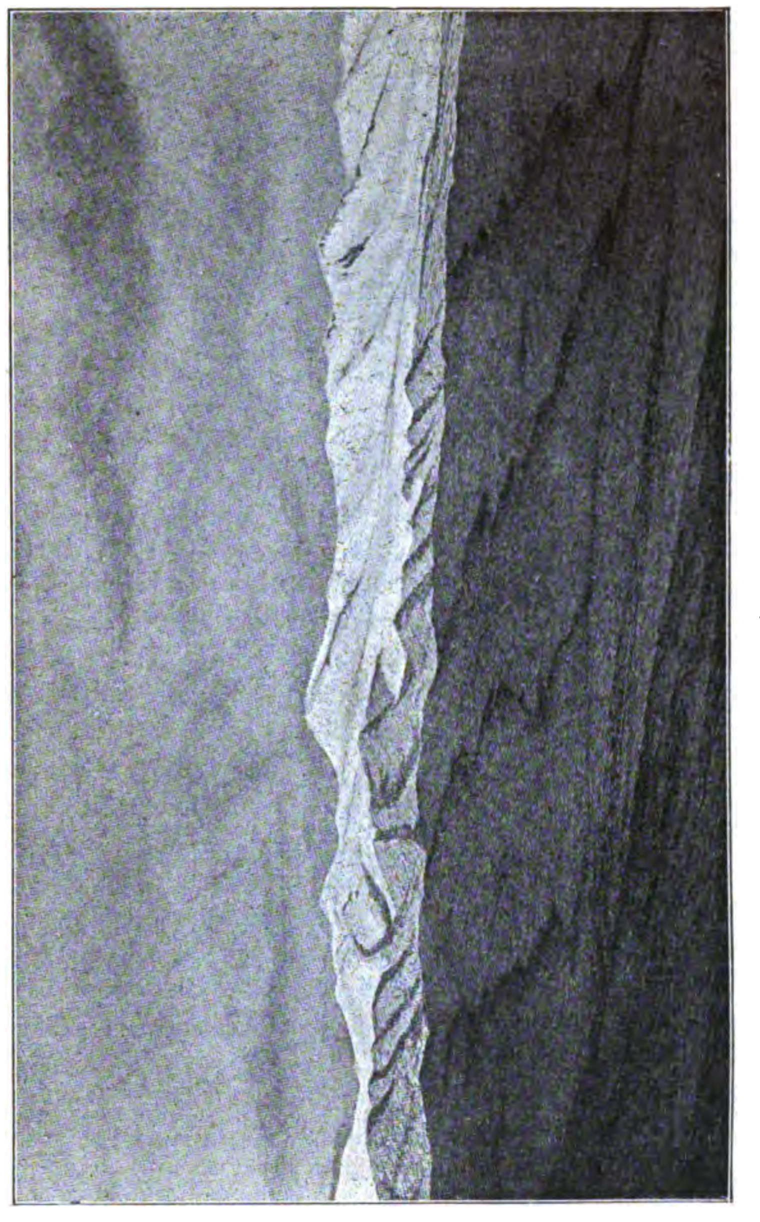
Втеченіе этой послѣдней бури и много разъ впослѣдствіи намъ казалось, что облака несутся непосредственно надъ земной поверхностью. Когда проносится „черная буря“ съ ея нависающими облачными бахромами, бѣлоснѣжное одѣяніе горъ темнѣетъ, но утромъ, когда воздухъ опять становится чистымъ, снѣгъ блеститъ какъ будто еще ярче прежняго.

25 августа. Мы направились къ юго-востоку и подвигались болѣе трехъ часовъ по почти ровной поверхности; лишь текущій къ юго-западу ручей выдавалъ незначительный уклонъ мѣстности по направленію маленькаго озера. Мы перешли черезъ три ледниковыхъ потока, развѣтвлявшихся на множество мелкихъ, то расходившихся, то опять сливавшихся ледяныхъ струекъ. Ни одна изъ нихъ не вырыла себѣ сколько нибудь опредѣленнаго, значительнаго русла. Около каждой струйки почва была пропитана сыростью настолько, что такъ и хлюпала подъ ногами лошадей, которыя часто вязли въ грязи.

Слѣдующій, пересѣкавшій намъ путь, ручей уже текъ къ востоку; такимъ образомъ мы перешли водораздѣлъ, даже не замѣтивъ его. Тамъ и сямъ попадались небольшія площадки съ подножнымъ кормомъ, на которыхъ часто виднѣлся пометъ кулановъ и антилопъ. Налѣво отъ насъ, въ разстояніи почти 3 километровъ, остался отдѣльный небольшой, круглый выступъ, покрытый туфомъ.

Впереди виднѣлось озеро, крайне неправильной формы, не больше 2 килом. въ длину, и со всѣхъ сторонъ изрѣзанное длинными, узкими заливами. Сюда впадали всѣ окрестные ручьи. Это былъ второй бассейнъ, встрѣченный нами на пути, и мы уже съ увѣренностью могли заключить, что вся область къ

востоку между Арка-тагомъ и южной горной цѣпью представляетъ рядъ такихъ небольшихъ изолированныхъ бассейновъ.

Арка-тагъ. Видъ съ юга (недалеко отъ лагеря № XI).
(Съ рисунка автора).

Мы продолжали путь въ томъ же направленіи, но пересѣкшій намъ дорогу длинный, узкій заливъ, заставилъ насъ свернуть къ югу, и вскорѣ мы перешли черезъ обильный водой

ручей, впадавшій въ заливъ. Поверхность становилась все болѣе пресѣченной, и намъ то и дѣло приходилось подыматься и спускаться съ холма на холмъ; эти рыхлые, затруднявшіе движеніе холмы тянулись NO — SW. Позади насъ и налѣво отъ насъ еще сіяли ледники Арка-тага, и разстояніе между ими и нами увеличивалось крайне медленно.

Южная цѣпь горъ была теперь видна лишь съ вершинъ холмовъ. Ручьи струились въ разныя стороны, словно сами не знали хорошенько, куда течь. Выступалъ здѣсь лишь кое-гдѣ черный сланецъ; плиты его высовывались иногда изъ земли, словно могильные камни. Къ нашему удивленію и радости, мы нерѣдко встрѣчали въ теченіе дня тощія лужайки, поросшія травой, называемой таглыками „сарыкъ“ или „яйлакъ-сарыкъ“ (желтый подножный кормъ).

Дальше, по холмамъ и рѣчкамъ, направлявшимся къ озеру ONO, мы достигли довольно значительной долины съ рѣкою, на берегу которой пасся дикій якъ, первый увидѣнный нами. Рѣка дѣлала удивительно крутые завороты къ востоку, югу и юго-западу, омывая гору съ очень крутыми склонами.

Взойдя на ея вершину, мы не знали, въ какую сторону направиться, такъ какъ всюду виднѣлась сильно пресѣченная поверхность — настоящій лабиринтъ горъ и холмовъ, между которыми по всѣмъ направленіямъ извивались ручьи. Въ концѣ концовъ они, однако, сливались, образуя порядочную рѣку, притокъ воды въ которой равнялся 5 куб. м. въ секунду; рѣка эта, вырывъ себѣ глубокое русло, текла къ юго-западу. На насъ, привыкшихъ въ восточномъ Туркестанѣ къ одному опредѣленному направленію всѣхъ ручьевъ и рѣчекъ, стремившихся къ одной цѣли — Лобъ-Нору, эта неправильность и разнообразіе орографическихъ условій производили странное впечатлѣніе. Здѣсь воды текли то къ востоку, то къ западу, то къ югу, то къ сѣверу.

Поэтому мы и не могли составить себѣ точнаго представленія о томъ, куда затѣмъ направится послѣдняя рѣка. Но мы всетаки спокойно продолжали путь къ юго-востоку, подымаясь по крутой рѣчной долинѣ. На скудно поросшихъ травою склонахъ, въ такомъ изобиліи валялся пометъ яковъ и кулановъ, что топлива тутъ хватило-бы на цѣлые годы. Не было недостатка и въ свѣжихъ слѣдахъ животныхъ.

Наконецъ, мы достигли вершины этой возвышенности и внизу, подъ нами, развернулась поразительно величественная картина. По ту сторону, гора крутымъ обрывомъ спускалась къ необычайно большому озеру, тянувшемуся W—O. Вода въ озерѣ отливала чудными свѣтлозелеными тонами, въ мелкихъ же мѣстахъ желтыми. Нелегко было рѣшить, въ какую сторону намъ направиться, такъ какъ восточный склонъ горы, повидимому, падалъ почти отвѣсно въ озеро, вдали на западѣ разстилалось болото, а на югѣ все еще тянулось озеро.

Поразмысливъ, рѣшили сдѣлать привалъ и обслѣдовать мѣстность. Караванъ осторожно спустился по крутизнамъ къ сѣверному берегу озера, и люди отыскали между холмами нѣсколько болѣе защищенное отъ вѣтра мѣстечко для лагеря. Дулъ какъ разъ сильный вѣтеръ съ SO, дававшій мнѣ себя чувствовать, когда я сидѣлъ на вершинѣ, занятый своими набросками и наблюденіями.

Видъ открывался широкій. На юго-востокѣ виднѣлись снѣжныя горы. Къ югу отъ озера поверхность, повидимому, становилась менѣе пресѣченной, за то тамъ виднѣлись еще три маленькихъ озера. Почва между ними была сырая, топкая. Поэтому я поручилъ Исламъ-баю направиться къ востоку по берегу озера, чтобы узнать, можетъ ли тамъ пройти нашъ караванъ. Возвратившись, Исламъ донесъ, что никакихъ препятствій нѣтъ.

Едва мы улеглись на покой, какъ поднялась обычная буря съ запада, сопровождавшаяся на этотъ разъ ливнемъ. До сихъ поръ намъ не приходилось страдать отъ недостатка воды, чего мы опасались, выступая въ путь. Вода повсюду находилась въ избыткѣ, да и подножный кормъ попадался не такъ ужъ рѣдко, какъ увѣряли насъ таглыки, можетъ быть, желая насъ напугать. Около вновь открытаго озера трава росла сравнительно недурная.

Люди попросили поэтому разрѣшенія отдохнуть здѣсь денекъ. Желаніе ихъ было тѣмъ основательнѣе, что нѣкоторые изъ лошадей и ословъ были порядкомъ изнурены, а одного изъ верблюдовъ и вовсе пришлось покинуть на полпути около прѣсноводной лужи. Гамданъ-бай, присматривавшій за верблюдами, полагалъ, что у животнаго лихорадка, такъ какъ оно дрожало всѣмъ тѣломъ, кашляло и 4 дня не дотрогивалось

до маиса. Двоимъ изъ людей и поручено было въ теченіе дня отдыха вернуться къ оставленному верблюду и посмотрѣть, въ какомъ онъ положеніи.

Громъ грохоталъ въ окрестныхъ горахъ, и тучи неслись по обыкновенію къ востоку.

Отдыхъ явился желаннымъ и для людей и для животныхъ, такъ какъ силы страшно падали въ этомъ рѣдкомъ воздухѣ, къ которому не скоро можно привыкнуть. Утромъ больной верблюдъ былъ приведенъ въ лагерь № XII и сталъ ѣсть маисъ.

Парпи-бай настаивалъ, что это не то озеро, мимо котораго прошелъ Дютрейль-де-Ринъ. Но я, хоть и немного зналъ о его путешествіи, полагалъ всетаки, что это то самое. Абсолютная высота озера = 4,927 м.

Послѣ обѣда погода испортилась и помѣшала экскурсіи на западъ къ устью рѣки. Ливень и градъ не переставали до самыхъ сумерекъ. Окрестность была окутана осеннимъ туманомъ; нельзя было даже видѣть, что находится на берегу большого озера. Вѣроятно, осень является здѣсь временемъ наиболѣе обильнаго выпаденія осадковъ. Вечеромъ прояснилось, туманъ разсѣялся, воздухъ сталъ прозрачнымъ, зеркальная поверхность озера отливала самыми красивыми тонами, а горы на югѣ высились, словно стѣны сине-стального цвѣта.

Таглыковъ, бѣжавшихъ изъ лагеря № VIII, мы каждый вечеръ связывали и укладывали спать подъ толстыми кошмами, между мѣшками съ кормомъ для животныхъ; мы постоянно могли ожидать, что они вторично попытаются сбѣжать отъ насъ. Вожакъ ихъ такъ настойчиво просился теперь домой, что я, не имѣя въ немъ особенной нужды, согласился отпустить его. Я только опасался, что онъ не осилитъ долгаго пути, но онъ сказалъ, что отыщетъ на сѣверныхъ склонахъ Арка-тага золотоискателей. Я выдалъ ему порядочный запасъ хлѣба, муки, денегъ, подарилъ осла, и онъ остался очень доволенъ.

Остальные таглыки предпочитали сопровождать насъ до Цайдама и оттуда уже черезъ Чименъ-тагъ или Бокалыкъ вернуться во свояси. Поведеніе ихъ въ послѣднее время было такъ удовлетворительно, что я велѣлъ съ этихъ поръ оставлять ихъ спать на свободѣ.

27 августа мы выступили въ путь къ востоку, слѣдуя по сѣверному берегу озера, а уволенный таглыкъ, нагрузивъ на

своего осла продовольствіе, расчитанное на 2 недѣли, одинъ, какъ перстъ, побрелъ на западъ по нашимъ старымъ слѣдамъ. Мнѣ жаль было бѣдняка, которому предстоялъ такой длинный путь въ одиночествѣ, но самъ онъ былъ радъ-радешенекъ отвязаться отъ насъ. Чтожъ, онъ самъ попалъ въ яму, которую рылъ другимъ; оказалось, что насъ не такъ то легко было ограбить, какъ онъ думалъ.

Больной верблюдъ оправился и съ честью выдержалъ переходъ.

Для животныхъ сегодняшній переходъ былъ особенно легокъ, такъ какъ мы держались береговой линіи и избѣгали холмовъ. Скалы изъ зеленаго сланца, окаймлявшія сѣверный берегъ озера, круто спускались въ воду, но у подножія ихъ образовался щебневый конусъ, который и заходилъ на порядочный конецъ въ мелкую воду. Береговая полоса стала затѣмъ пошире, но въ общемъ была всетаки очень узка. Верхній почвенный слой былъ твердъ; лишь изрѣдка его прорѣзали мелкія русла водныхъ потоковъ. Вода была совершенно прозрачная, соленаго вкуса; температура ея въ полдень равнялась 5° (температура воздуха 15, 5°). По водѣ вдоль берега тянулась узкая полоса бѣлой пѣны и темнокоричневыхъ, перегнившихъ водорослей, выброшенныхъ волнами. Единственными обитателями береговъ были трясогузки и мухи. Къ востоку и западу открывались чудныя панорамы.

Какъ и всѣ озера, открытыя нами впослѣдствіи, это озеро было длинно и узко; такая форма обусловливается широтными горными цѣпями на сѣверѣ и югѣ. Чѣмъ дальше мы подвигались на востокъ, тѣмъ болѣе неправильною и изрѣзанною становилась береговая линія. Тамъ и сямъ встрѣчались небольшія лагуны съ илистыми берегами. Наконецъ, озеро сузилось въ заливъ; вода въ немъ была изжелта красноватаго цвѣта отъ ила, приносимаго рѣкой. Переваливъ черезъ нѣсколько холмовъ, мы достигли рѣки, которая впадала въ озеро множествомъ маленькихъ и большихъ рукавовъ, образовывавшихъ дельту.

На лѣвомъ берегу возвышались красноватые, рыхлые и безплодные холмы, и мы направились по нимъ къ юго-востоку, но скоро почва стала настолько рыхлой, что животныя еле могли подвигаться по ней со своими вьюками. Мы поэтому

направились по боковой долинѣ къ рѣкѣ и затѣмъ вдоль по рѣкѣ до водораздѣла. По ту сторону его вода текла къ востоку. Здѣсь застигла насъ обычная непогода, продолжавшаяся съ часъ.

Въ теченіе дня мы имѣли по лѣвую руку, т. е. на сѣверѣ, свободныя отъ снѣга горы, отроги Арка-тага. Но изъ лагеря № XIII, который мы разбили вечеромъ въ защитѣ одного изъ холмовъ, мы увидѣли ослѣпительно бѣлую раздвоенную вершину, господствовавшую надо всѣми остальными.

Кулановъ мы видѣли множество, но они держались отъ насъ въ такомъ разстояніи, что объ охотѣ за ними не могло быть и рѣчи. Джолдашъ, однако, былъ другого мнѣнія. Онъ пускался за ними и находилъ, повидимому, безграничное наслажденіе въ томъ, что обращалъ ихъ въ бѣгство. Эти охотничьи экскурсіи онъ предпринималъ безпрестанно и всякій разъ неизмѣнно возвращался къ каравану, высунувъ языкъ. Презабавно было смотрѣть на него, когда онъ, бывало, завидитъ кулановъ. Навостривъ уши, съ блестящими глазами, сидѣлъ онъ сначала смирно, не отрывая отъ нихъ взгляда. Затѣмъ медленно направлялся въ ту сторону и, наконецъ, пускался во всю прыть. Какъ только пугливые куланы замѣчали собаку, они уносились съ быстротой вѣтра, и въ нѣсколько секундъ оставляли его далеко позади. Но Джолдашъ не умнѣлъ отъ этихъ опытовъ и каждый разъ, завидѣвъ новаго кулана, начиналъ свою погоню опять, напрасно тратя силы.

Теперь, когда мы расположились лагеремъ, собаки съ нами не оказалось. Сначала я подумалъ, что она устала и идетъ съ верблюдами, но и верблюды пришли, а Джолдаша все не было. Люди видѣли, какъ онъ, преслѣдуя нѣсколькихъ кулановъ, скрылся за горой направо отъ нашего маршрута. Мы и начали опасаться, что онъ слишкомъ увлекся погоней, потерялъ слѣды каравана и заблудился.

Я послалъ одного изъ людей къ тому мѣсту, гдѣ потеряли собаку изъ виду; кстати по близости оттуда оставленъ былъ больной оселъ; человѣкъ вернулся, однако, съ заявленіемъ, что собаки нигдѣ не видалъ, осла же надо бросить, такъ какъ онъ околѣвалъ. Напротивъ, двѣ больныя лошади, которыя тоже отказались идти, оправились. Бодрѣе всѣхъ животныхъ были верблюды.

Вотъ и вечеръ насталъ. Я напился чаю, поужиналъ хлѣбомъ и пилавомъ и выкурилъ пару трубокъ, занимаясь работой, но мнѣ все какъ-будто чего-то не доставало. Джолдашъ былъ первымъ моимъ товарищемъ, ѣлъ и спалъ рядомъ со мной.

Въ три часа утра я проснулся: кто-то тыкался о мою постель. Это былъ Джолдашъ. Онъ визжалъ отъ восторга, махалъ хвостомъ и лизалъ меня прямо въ лицо. Бѣдняга, должно быть, пробѣгалъ весь вечеръ и всю ночь, отыскивая наши слѣды, и до того обезсилѣлъ, что не могъ даже ѣсть, а прямо съ какимъ то блаженнымъ вздохомъ растянулся на своемъ обычномъ мѣстѣ.

28 августа шли по совершенно ровной мѣстности, и животныя, за исключеніемъ двухъ больныхъ лошадей, подвига-

Видъ на SO изъ лагеря № XIV.
(Съ рисунка автора).

лись отлично. — Южная цѣпь горъ рисовалась отчетливо; ея снѣжныя поля не такъ значительны, какъ на Арка-тагѣ. Сегодня мы также перешли черезъ низкій перевалъ, свидѣтельствовавшій, что вчерашній водораздѣлъ былъ второстепеннымъ, такъ какъ большая извилистая рѣка, по которой мы шли, дѣлала заворотъ къ сѣверу отъ него. Теперь, напротивъ, вода текла къ востоку въ совсѣмъ маленькое, прѣсноводное озерко. Къ востоку отъ небольшого перевала простиралась широкая и неглубокая долина, казавшаяся совершенно ровною. Только сухая борозда, оставленная высохшимъ потокомъ, обнаруживала паденіе долины.

Вся эта область богата пастбищами, и куланы водятся здѣсь въ изобиліи. Они ходятъ маленькими стадами въ 3, 4 головы. Въ продолженіе 2 часовъ мы видѣли впереди себя красиваго кулана — одиночку, съ маленькимъ ослинымъ

хвостикомъ. Куланъ бѣжалъ то рысью, то галопомъ, высоко поднявъ голову, сохраняя красивую осанку и держа насъ позади на приличной дистанціи.

Часто онъ останавливался, оборачивался и смотрѣлъ на насъ, издавая какой то своеобразный, хриплый звукъ, похожій на крикъ осла. Но едва мы нѣсколько приближались, онъ снова отбѣгалъ на порядочное разстояніе, и такъ разъ за разомъ, словно указывая намъ путь.

Косматый Джолдашъ, наконецъ, погнался за нимъ, но, замѣчательно: куланъ не испугался, а даже остановился и уставился на собаку, которая была такъ озадачена этимъ, что присѣла. А куланъ, какъ будто забавляясь, самъ ринулся прямо къ Джолдашу, и насталъ его чередъ спасаться. Поджавъ хвостъ, мой песъ пустился со всѣхъ ногъ къ каравану.

Поверхность продолжала оставаться необычайно ровною. Въ $1\frac{1}{2}$ ч. дня начался градъ, и поднялась обычная буря съ запада. Непогода разражается регулярно каждый день почти въ одно время, словно слѣдитъ за нимъ по часамъ.

Наконецъ, мы свернули къ юго-востоку къ одѣтымъ зеленью холмамъ, которые манили насъ отдохнуть. И здѣсь оказалось озерко, въ которое впадало нѣсколько небольшихъ ручейковъ. Привалъ сдѣлали на южномъ его берегу, пройдя въ этотъ день 26,6 килом.

Вода въ озерѣ оказалась чуть солоноватой, но имѣла какой то непріятный привкусъ, такъ что пить ея нельзя было. Исламъ отправился на охоту за куланами, но вернулся ни съ чѣмъ. Вечеръ былъ тихъ и ясенъ, ни звука не долетало до нашего одинокаго лагеря: мы были одни среди этой безграничной пустыни.

XVIII.

Куланы и дикіе яки.

29 августа. Пересѣкли рядъ холмовъ, ограничивавшихъ озеро съ востока, и хрустальную горную рѣчку и очутились въ широкой рѣчной долинѣ съ твердымъ щебневымъ ложемъ, удобнымъ для ходьбы. Новое озеро тянулось влѣво; впадав-

шая въ него на западѣ рѣчка образовала обширную дельту. Остальную часть озера скрывалъ невысокій хребетъ съ округленными вершинами; по правую руку отъ насъ шелъ такой-же; мѣстами въ немъ виднѣлись и снѣжныя вершины.

Въ скудно поросшей травой впадинѣ между хребтами мы спугнули красиваго кулана, который, по обыкновенію этихъ животныхъ, и побѣжалъ галопомъ впереди каравана, преслѣдуемый собаками. На послѣднихъ онъ, впрочемъ, не обращалъ вниманія, зато, пріостанавливаясь, каждый разъ съ большимъ вниманіемъ и удивленіемъ таращился на караванъ, причемъ навастривалъ уши, раздувалъ ноздри и высоко поднималъ голову. Исламъ-баю удалось, забравъ въ обходъ, подкрасться къ нему на выстрѣлъ. Данные имъ по кулану два выстрѣла не

Подстрѣленный куланъ.
(Съ рисунка автора).

причинили, однако, никакого вреда животному. Куланъ отбѣжалъ на нѣсколько шаговъ, потянулъ носомъ и опять устремилъ на насъ недоумѣвающіе и любопытные глаза. Послѣ третьяго выстрѣла онъ повернулся и, прихрамывая, медленно побѣжалъ къ востоку, оставляя за собой кровавый слѣдъ. Итакъ, онъ былъ раненъ; надо было, во что бы то ни стало, добыть его шкуру. Куланъ сталъ нашимъ путеводителемъ и завелъ насъ къ сѣверу гораздо далѣе, чѣмъ это было желательно. Правая прострѣленная нога его висѣла, болтаясь въ воздухѣ; тѣмъ не менѣе онъ далеко оставилъ позади всѣхъ насъ и даже собакъ, хотя онѣ неслись стрѣлою.

Исламъ и Парпи погоняли своихъ лошадей изо всѣхъ силъ. Я и Эминъ-Мирза ѣхали обыкновенной рысью по ихъ

слѣдамъ. Время отъ времени куланъ останавливался, и въ этомъ мѣстѣ образовывалась цѣлая лужа крови. Ясно было, что долго онъ не выдержитъ, и мы терпѣливо продолжали преслѣдованіе въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ.

Подъ конецъ, куланъ некстати вздумалъ покинуть удобную долину и направиться налѣво по холмамъ. По правую руку отъ насъ осталось новое соленое озерко, а съ восточнаго края вершины увала было видно озеро побольше, по южному берегу котораго мы только что слѣдовали. Продолжая ставшую теперь затруднительною погоню, мы достигли небольшого перевала, сѣверо-восточный склонъ котораго круто спускался къ ровному, какъ полъ „саю“, прорѣзанному рѣчкою, впадавшею въ озеро нѣсколькими рукавами. Наконецъ, посреди болота, находившагося на ровной песчаной поверхности между рукавами рѣчки, куланъ упалъ. Исламъ и Парпи, слѣдовавшіе за нимъ по пятамъ, соскочили съ коней и спутали ему ноги. Подъѣхавъ, мы и увидали его живехонькаго, лежащимъ въ самой естественной позѣ. Онъ поглядывалъ на насъ, повидимому, не испытывая особеннаго страха. Иногда онъ пытался встать и сдѣлать нѣсколько шаговъ, но тотчасъ же падалъ, такъ какъ переднія ноги его были спутаны. Бабка правой задней ноги была прострѣлена, такъ что кость обнажилась. Это былъ чудесный экземпляръ, рослый, статный жеребецъ, очевидно, вожакъ стада, которое мы видѣли незадолго передъ тѣмъ. Должно быть, въ силу своей обязанности быть на сторожѣ, оберегать стадо, онъ, желая узнать, въ чемъ тутъ дѣло, и ушелъ отъ стада такъ далеко. По зубамъ ему можно было дать около 9 лѣтъ.

Въ общемъ куланъ больше всего напоминаетъ мула и представляетъ переходную стадію отъ лошади къ мулу, но ближе подходитъ къ послѣднему. Уши у него длиннѣе, чѣмъ у лошади, но короче ослиныхъ; хвостъ, съ пучкомъ волосъ на самомъ концѣ, похожъ на ослиный. Грива тоже вродѣ ослиной, торчащая, длиною до одного десиметра, чернаго цвѣта, рѣдкая; холка переходитъ въ почти черную линію, продолжающуюся вдоль хребта до хвоста. Спина кулана бураго цвѣта, брюхо бѣлаго; на бокахъ бурая окраска переходитъ понемногу въ бѣлую. Носъ острый, уши темныя, внутри бѣлыя. Ноги, начиная съ голеней, тоже бѣлаго цвѣта. Крѣпкія,

но не совсѣмъ твердыя копыта величиною съ лошадиныя. Глаза каріе, съ большимъ, чернымъ зрачкомъ той же формы, какъ у лошади и у осла.

Грудь широкая и сильно развитая, шея также мускулистая. Особенно сильно развиты мускулы заднихъ ногъ, приспособленныхъ къ быстрому бѣгу. Ноздри гораздо шире, чѣмъ у лошади. Когда куланъ время отъ времени, чуя своихъ товарищей, фыркалъ и хрипло ржалъ, ноздри его раздувались въ большія отверстія, окруженныя сильно напряженными мускулами.

Солнечный закатъ. Видъ изъ лагеря № XV. (За невысокимъ хребтомъ лежитъ озеро № 5).
(Съ рисунка автора).

Вообще широкія ноздри кулана соотвѣтствуютъ его объемистымъ легкимъ, приспособленнымъ къ разрѣженному воздуху. Поэтому персы не даромъ разрѣзаютъ ноздри домашнимъ осламъ, употребляемымъ для переноски тяжестей въ горахъ. Опытъ показалъ, что тогда животнымъ легче дышится.

У нашего кулана былъ, если можно такъ выразиться, орлиный носъ въ сравненіи съ носомъ осла, и болѣе изогнутый профиль. Изъ подъ бровей смотрѣли кроткіе, спокойные глаза. Длина его, отъ края верхней губы вдоль хребта до рѣпицы, равнялась 2.31 м., обхватъ туловища сейчасъ за передними ногами 1.47, а передъ задними 1.60 м.; вокругъ

шеи сейчасъ за ушами 0.80 м., а передъ ними 0.89 м. Обхватъ головы поверхъ глазъ 0.86 м., а поверхъ носа 0.47 м. Длина головы отъ темени до края верхней губы 0.65.

Пока его мѣрили и затѣмъ я срисовывалъ, онъ лежалъ смирно, какъ будто не чувствуя боли отъ раны. Его гладили по мордѣ, и онъ не выказывалъ страха.

По окончаніи осмотра и обмѣриванья, бѣдное животное однимъ ударомъ ножа было освобождено изъ плѣна. Потомъ люди сняли съ него шкуру, которую съ величайшею осторожностью растянули и разстелили для просушки на землѣ. Отъ туши отдѣлили лучшіе куски мяса, остальное отдали собакамъ.

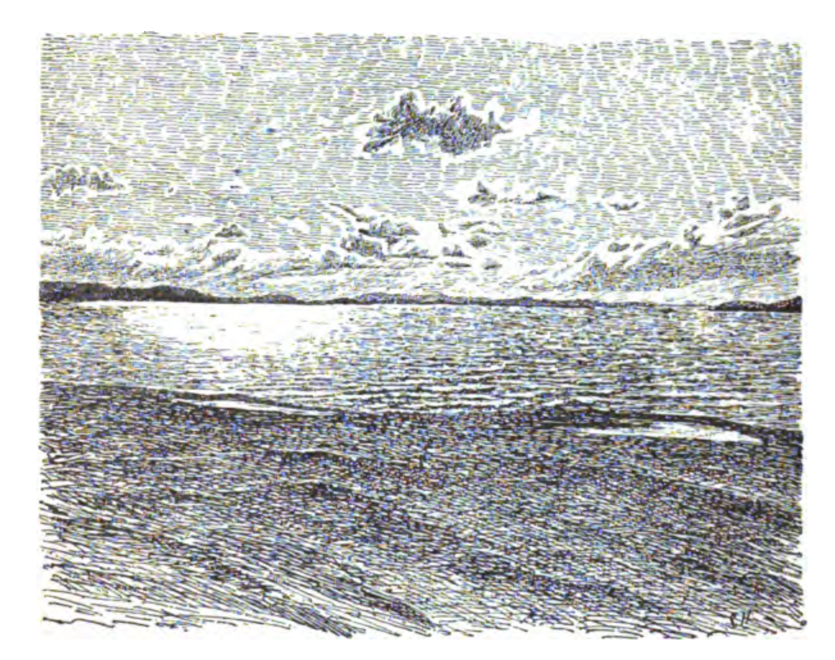
Лагерь № XV мы разбили, сдѣлавъ 25 килом., около подошвы ближайшаго холма и, такъ какъ людямъ пришлось много повозиться со шкурой кулана, да и животныя наши были изнурены, то рѣшили пожертвовать слѣдующій день на отдыхъ; кстати-же приходилось воскресенье.

Западный вѣтеръ и буря, однако, не оставили насъ въ покоѣ и сегодня. Началась непогода, какъ и всегда въ $1\frac{1}{2}$ пополудни. Вечеръ, однако, былъ великолѣпный, и закатъ представлялъ величественное зрѣлище. Горы и холмы на западѣ рисовались черными силуэтами, а высоты на востокѣ горѣли, какъ въ огнѣ.

Въ теченіе отдыха, 30 августа, всѣ постарались хорошенько выспаться; животныя мирно паслись на холмахъ. Я предпринялъ экскурсію къ большому озеру, лежавшему къ западу отъ лагеря.

Горныя рѣчки впадаютъ здѣсь въ небольшую лагуну, которая соединена съ озеромъ узенькими протоками. Вода въ озерѣ такъ насыщена солью, что липнетъ къ рукамъ, но совершенно прозрачна. На берегу у самой воды сидѣло множество бѣлыхъ чаекъ, которыхъ люди называли „хангейтами"; волны то и дѣло обдавали ихъ. Верхній почвенный слой состоялъ изъ сланцеваго щебня и крупнозернистаго песку—продуктовъ разложенія того-же самаго зеленаго сланца, который и до сихъ поръ попадался намъ въ изобиліи. Двумя метрами выше уровня воды явственно выступала береговая линія. Но трудно было рѣшить, обозначала-ли она лѣтній уровень воды или же была отмѣчена набѣгающими волнами. Въ томъ, что волны

могли достигать такой силы и высоты, мы имѣли случай убѣдиться теперь-же, такъ какъ по всему озеру ходили пѣнистыя волны, мѣрно, съ шумомъ ударявшіяся о берега. Вода въ 3 ч. пополудни имѣла температуру 13.3°, при температурѣ воздуха 11.3°. Окруженное, словно рамкой, неособенно высокими горами, озеро лежало почти на одной высотѣ съ лагеремъ № XV, т. е. на высотѣ 4,936 м. Чтобы разобраться

Большое соляное озеро около лагеря № XV. Видъ на западъ.
(Съ рисунка автора).

въ этихъ вновь открытыхъ озерахъ, я рѣшилъ ихъ нумеровать. Это озеро явилось № 5 *).

31 августа мы нашли недалеко къ востоку отъ лагеря совсѣмъ маленькое прѣсноводное озеро, въ которое впадалъ ручей изъ ледниковъ Арка-тага. Налѣво отъ насъ находился темный хребетъ, и мы повернули направо къ OSO по округленнымъ, поросшимъ травою холмамъ. Они вели къ новой продольной долинѣ, бѣдной влагою, но кое-гдѣ поросшей травою и кишѣвшей куланами, антилопами и зайцами.

*) Нѣкоторыя изъ озеръ были такъ малы, что я не нанесъ ихъ на приложенную карту. (*Примѣч. автора*).

Миновавъ озеро № 8, мы достигли небольшого водораздѣла. Незначительныя борозды и ручейки по восточную сторону его направлялись къ озеру № 9. Оно представляетъ изолированный центральный бассейнъ, такъ какъ большіе ручьи, стекающіе съ Арка-тага и параллельнаго послѣднему южнаго хребта, обходятъ озеро.

Гребень перваго изъ названныхъ хребтовъ прятался сегодня за собственными отрогами, въ которыхъ часто выдѣлялись своей бѣлизной великолѣпныя снѣжныя вершины. Съ нихъ стекала довольно многоводная рѣка, направлявшаяся къ NO, къ озеру № 10. Лагерь № XVI мы разбили около родника, пройдя въ этотъ день 30 кил.

Изъ лагеря виденъ былъ на OSO величественный пикъ горы съ колоссальнымъ снѣжнымъ полемъ и маленькими ледниками; на западѣ отъ него виднѣлся цѣлый рядъ вершинъ.

Животныя наши были сравнительно бодры, благодаря ровной поверхности и, хотя и скудному, подножному корму. Нѣсколькихъословъ пришлось, впрочемъ, покинуть здѣсь.

1-го сентября мы сначала шли по низкому, ровному увалу; твердая поверхность его была бы очень удобной для нашихъ животныхъ, еслибы не была вся изрыта маленькими грызунами, которые съ пискомъ скрывались въ ямкахъ. Лошади то и дѣло оступались въ эти ямы.

Высокія горныя вершины, которыя во время нашего перехода по направленію къ востоку шли по обѣ стороны нашего маршрута, я отмѣчалъ на своей картѣ буквами, опредѣляя ихъ положеніе посредствомъ пеленгованья съ различныхъ пунктовъ. Сегодня, когда мы дошли до одной изъ этихъ горъ, зеленый сланецъ исчезъ. Взамѣнъ, голая поверхность на большомъ протяженіи оказалась усѣянной обломками туфа, мощностью до нѣсколькихъ куб. фут.; такой туфъ мы уже видѣли раньше.

Часто попадались небольшія стада, головъ въ 5-6, антилопъ — „юргу“ или, какъ ихъ называютъ тибетцы, „оронго“. У этихъ животныхъ высокіе, тонкіе лирообразные рога. Какъ ни старался Исламъ подобраться къ нимъ на выстрѣлъ, толку не вышло; мы такъ и не добыли ни одной. Онѣ внимательно поглядывали на насъ и затѣмъ легкими, граціозными прыжками уносились по холмамъ вдаль.

За горой опять показалась нѣжная, густая трава. Поверхность такъ была усѣяна пометомъ дикихъ яковъ, что казалась вся въ бурыхъ пятнахъ. Люди подбирали по дорогѣ этотъ отличный матеріалъ для топлива въ пустые мѣшки, болтавшіеся по бокамъ верблюдовъ. Благодаря сносной поверхности, мы прошли цѣлыхъ 33 килом. прежде, чѣмъ остановиться на привалъ въ лагерѣ № XVII.

2 сентября мы держались довольно близко къ южному хребту. Открыли нѣсколько новыхъ озеръ. Горныхъ породъ in situ не было видно; зато поверхность была усѣяна обломками зеленаго сланца и чернаго туфа. Представителями мѣстной фауны явились нѣсколько антилопъ, лисица, ласточки и жаворонки. Но самымъ интереснымъ открытіемъ были найденные нами здѣсь слѣды пребыванія людей.

Въ одномъ мѣстѣ южный хребетъ былъ точно обрѣзанъ, и въ свободномъ пространствѣ возвышалась куполообразная гора со снѣжной вершиной; на западной сторонѣ горы виднѣлся удобный перевалъ черезъ хребетъ. Когда эта часть хребта находилась на прямой линіи къ югу отъ насъ, ко мнѣ подъѣхалъ Парпи-бай и сказалъ, что узнаетъ это мѣсто. По его словамъ, здѣсь именно и перешли „Боволо-тюря" (господинъ Бонвалло) съ принцемъ Орлеанскимъ.

Бѣлая чайка (хангейтъ).
(Съ рисунка автора).

Пройдя порядочный конецъ, мы спустились въ широкую, неглубокую долину съ нѣсколькими небольшими озерами и болотомъ. По моимъ соображеніямъ, мы должны были находиться неподалеку отъ маршрута знаменитой французской экспедиціи и, когда я провѣрилъ свои догадки, по бывшей у меня картѣ Бонвалло, оказалось, что мы какъ разъ на томъ же самомъ пути. И самый заворотъ красной линіи, отмѣчающей этотъ маршрутъ, сталъ теперь вполнѣ понятнымъ.

На картѣ Бонвалло не были, однако, отмѣчены необходимыя подробности, но, безъ сомнѣнія, его Dôme du Sature со-

отвѣтствовалъ моей горѣ Д, а его Volcans de Ruysbrock — чернымъ горамъ съ шапками туфа, обломки котораго виднѣлись повсюду. Упомянутыя озера и болота обозначены на французской картѣ названіемъ „Fondrières et lacs gelés". —

Верблюды наши пошли не той дорогой, какой слѣдовало, уклонившись къ сѣверо-востоку, и я послалъ Парпи-бая въ догонку за ними съ тѣмъ, чтобы онъ повелъ верблюжій караванъ къ югу по тому-же направленію, которое взяли лошади.

Въ широкой долинѣ одинъ изъ людей сдѣлалъ находку, ясно доказывавшую, что мы дѣйствительно пересѣкли здѣсь маршрутъ французовъ, а именно, онъ нашелъ старый верблюжій пометъ и нѣсколько кусковъ бѣлаго войлока, изъ котораго дѣлаютъ попоны, предохраняющія спины верблюдовъ отъ тренія вьючнымъ сѣдломъ.

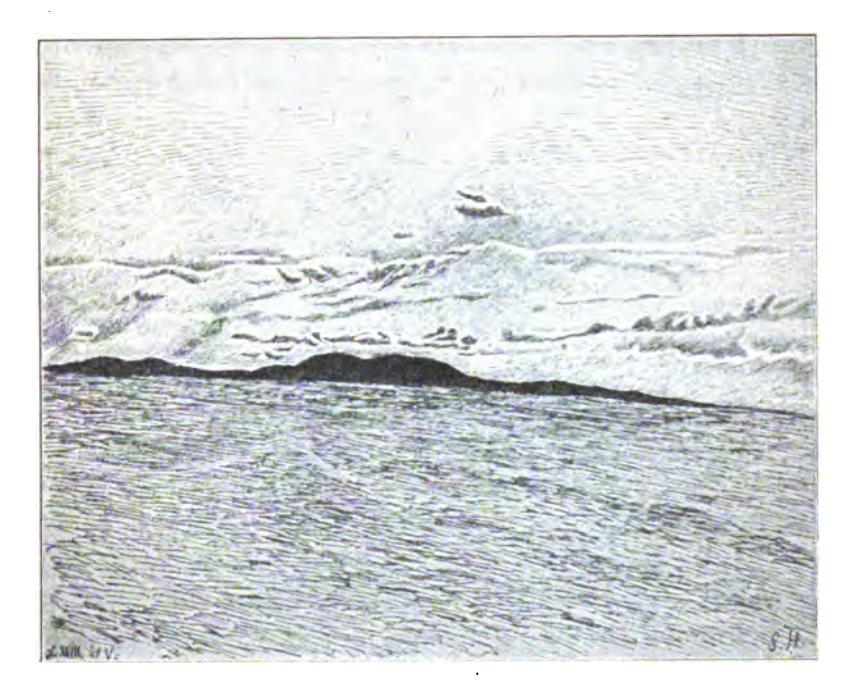
Мы взяли ихъ съ собою, чтобы показать Парпи-баю, который затѣмъ и удостовѣрилъ, что именно такой сортъ войлока изготовляется въ Чархалыкѣ, гдѣ французы запаслись войлоками. Припомнилъ онъ также, что французскій караванъ останавливался тутъ передъ тѣмъ, какъ направиться къ перевалу. Для меня было очень важно опредѣлить пунктъ, гдѣ маршруты наши скрещивались, такъ что оставленныя французами визитныя карточки явились для насъ пріятной находкой.

Около озера № 14 мы разбили лагерь № XVIII (прошли 28.4 кил.; абсолютная высота 5,106 м.). Отсюда видна была на OSO цѣлая масса пирамидальныхъ вершинъ и ледниковъ, и люди опасались, что они преградятъ намъ путь. Бѣдныя животныя наши начали поддаваться. Пришлось бросить одну лошадь, три другихъ были въ такомъ плохомъ состояніи, что и безъ вьюковъ еле тащились съ ослами; еще одна совсѣмъ изнемогла отъ усталости.

Въ теченіе всего вечера и ночи о Парпи-баѣ не было ни слуху, ни духу, и отсутствіе его и верблюдовъ начало уже тревожить насъ. Рѣшили поэтому простоять на мѣстѣ весь день 3 сентября. Утромъ пропавшіе вернулись. Оказалось, что имъ пришлось бросить еще одну лошадь и осла. Одна изъ козъ тоже выбилась изъ силъ, и ее закололи. Верблюды же и остальныя животныя были сравнительно бодры и принялись теперь на свободѣ щипать траву.

Рано утромъ Исламъ-бай увидалъ корову яка съ двумя

телятами, которые паслись по ту сторону озера. Вооружась однимъ изъ нашихъ ружей, онъ направился туда верхомъ. Около обѣда онъ вернулся и съ гордостью объявилъ, что влѣпилъ коровѣ двѣ пули, изъ которыхъ одна пробила ей хребетъ. Онъ привязалъ свою лошадь и затѣмъ ползкомъ подкрался къ животнымъ. Неопытные телята не подозрѣвали опасности, и мать, желавшая спасти ихъ, легко сдѣлалась добычей охотника. Когда же она упала, телята скрылись за ближайшими холмами.

Видъ на западъ изъ лагеря № XVIII.
(Съ рисунка автора).

Послѣ обѣда, подъ вечеръ, я отправился туда, чтобы смѣрить убитое животное и сдѣлать съ него набросокъ въ свой альбомъ. Туша уже раздулась въ безформенную массу, твердую, какъ барабанная шкура. Длина коровы отъ края верхней губы до рѣпицы = 2.46 м.; длина головы отъ роговъ до верхней губы 0.575 м., обхватъ морды поверхъ носа 0.45 м., обхватъ головы поверхъ глазъ 0.75 м., обхватъ шеи сейчасъ-же за ушами 0.71 м. Высота отъ нижняго края копытъ до верхняго края лопатокъ 1.37 м., а до верхняго края бедеръ

1.35 (при прямо вытянутыхъ ногахъ); длина хвоста 0,80 м. Длина роговъ снаружи 0.52 м., а внутри 0.40 м; обхватъ роговъ у корня 0.19 м. Обхвата самой туши не измѣряли, такъ какъ она черезчуръ раздулась. Масти корова была черной; кисть на концѣ хвоста густая; копыта крѣпкія; вымя не особенно значительной величины, зато сосцы большіе. Съ боковъ животнаго, точно бахрома, свѣшивалась клоками густая, черная шерсть. Брюхо, напротивъ, было совсѣмъ оголено. Нижняя челюсть снабжена 8 криво поставленными рѣзцами; верхняя широкимъ роговымъ наростомъ. Весь языкъ тоже усѣянъ роговыми бугорками, которыми животное срываетъ траву, лишаи и мохъ.

Видя, что область эта изобилуетъ яками, мы рѣшили не брать шкуры коровы въ надеждѣ, что нападемъ на болѣе красиваго быка. Люди только вырубили топоромъ лучшіе куски мяса и вырѣзали весь языкъ, которымъ я въ теченіе нѣсколькихъ дней и лакомился за завтракомъ. Мясо-же оказалось жесткимъ и невкуснымъ. Надо было варить его по нѣскольку разъ, чтобъ оно стало хоть немного помягче. Конечно, въ этомъ до нѣкоторой степени виноватъ былъ разрѣженный воздухъ, — вода закипаетъ здѣсь всего при 80 съ чѣмъ то градусахъ*).

Остригли также шерсть съ боковъ и хвоста; изъ нея люди потомъ свили шнурки и бахрому которые надѣвали на лобъ подъ шапку, чтобы защитить глаза отъ солнечнаго блеска.

Въ то время, какъ мы осматривали убитую корову, въ разстояніи 150 шаговъ отъ насъ показалась другая. Она остановилась, съ удивленіемъ глядя на насъ. Наши непривычныя къ охотѣ собаки, однако, спугнули ее, и она быстрой рысью припустилась по холмамъ и исчезла.

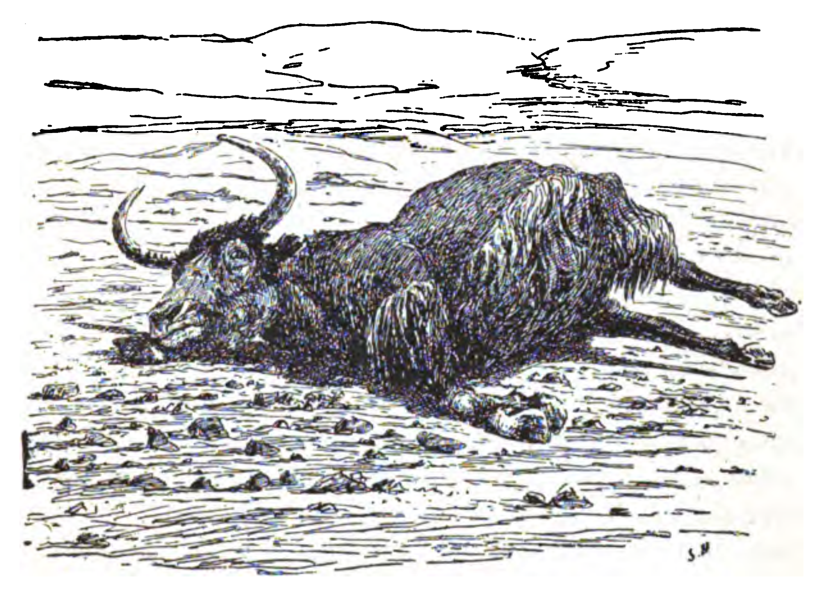
Подъ вечеръ увидѣли мы огромнаго быка, пасшагося въ одиночку. Онъ, повидимому, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на лошадей, пасшихся по близости. Исламъ-бай, котораго била охотничья лихорадка, подкрался къ нему неслышно, какъ пантера, держась все время подъ вѣтромъ, и принялся осыпать животное выстрѣлами.

Якъ упалъ лишь послѣ третьяго выстрѣла, но тотчасъ же

*) По термометру Цельзія.

вскочилъ и бросился на своего врага. Слѣдующая пуля заставила его завертѣться волчкомъ, но затѣмъ онъ опять устремился на Ислама. Такъ онъ падалъ и вскакивалъ нѣсколько разъ; только седьмая пуля уложила его на мѣстѣ.

Исламъ, торжествуя, вернулся въ лагерь и заявилъ, что теперь у насъ въ рукахъ будетъ чудесная шкура. Животное лежало какъ разъ на нашемъ пути, поэтому мы рѣшили, проходя завтра мимо, оставить около яка нѣсколькихъ людей, которые сняли бы шкуру, и верблюда, который донесъ бы ее до

Убитая корова яка.
(Съ рисунка автора).

слѣдующаго лагеря. Послѣдній рѣшено было разбить не въ очень большомъ разстояніи оттуда къ востоку.

Итакъ, 4 сентября мы двинулись дальше. Исламъ отлично замѣтилъ мѣсто между двумя холмами, гдѣ упало животное, каково-же было его, да и наше изумленіе, когда мы, прибывъ туда, не нашли яка! Вѣрный слуга мой былъ такъ пораженъ, что не могъ вымолвить слова. Потомъ онъ сталъ увѣрять, что якъ „взаправду *былъ мертвъ*", когда онъ оставилъ его вчера вечеромъ. По слѣдамъ, отпечатавшимся на мягкой сырой почвѣ, мы, однако, увидѣли, что убитый снова ожилъ и убрался восвояси, не смотря на свои раны. Слѣды показывали также, что

животное безпрестанно падало, опять вставало и тащилось дальше. Особенно далеко якъ не могъ уйти, и мы, идя по слѣдамъ, дѣйствительно увидали съ одного холма, что онъ разгуливаетъ себѣ около озерка, уткнувъ носъ въ землю.

Когда мы подошли къ нему приблизительно шаговъ на 100, онъ обернулся, остановился и, высоко поднявъ голову, воззрился на насъ. Пущенная въ него пуля привела его въ такую ярость, что онъ ринулся на насъ. Мы сочли за лучшее обратиться въ бѣгство, но не успѣли еще стиснуть ногами бока нашихъ пугливыхъ лошадей, какъ якъ былъ уже въ 20 шагахъ отъ насъ. Тутъ онъ, къ нашему счастью, остановился, грозно хрюкая, дико вращая глазами, пыхтя и кряхтя, взрывая песокъ носомъ и рогами и хлеща себя хвостомъ по бокамъ.

Получивъ еще пулю, онъ завертѣлся на мѣстѣ. Джолдашъ бросился было къ нему, но тотчасъ же обратился въ бѣгство, когда разъяренное животное, опустивъ рога и распустивъ хвостъ по вѣтру, съ ревомъ кинулось за нимъ.

Десятая пуля попала яку въ лѣвую бабку, такъ что нога заболталась въ воздухѣ, и онъ, въ бѣшенствѣ отчаянья, опять завертѣлся на мѣстѣ. Одиннадцатая пуля, пронизавъ лопатку и задѣвъ, вѣроятно, болѣе чувствительные органы, положила конецъ его мученьямъ. Якъ упалъ на правый бокъ. Когда мы приблизились къ нему, онъ сдѣлалъ послѣднее неудачное усиліе встать и скоро издохъ безъ судорогъ и агоніи.

Послѣ того, какъ мы соединенными усиліями повернули его и придали ему естественное положеніе, я срисовалъ его. Это былъ чудесный экземпляръ. „Съѣденные“ передніе зубы показывали, что якъ былъ старъ. Оба клыка совсѣмъ ушли въ десны. Внутреннія стороны роговъ были слегка надтреснуты и тоже обличали возрастъ животнаго. Искандеръ, одинъ изъ нашихъ таглыковъ, участвовавшій на своемъ вѣку во многихъ охотахъ на яковъ, сказалъ, что убитому яку было около 20 лѣтъ, и что вообще дикій якъ живетъ среднимъ числомъ шестью годами дольше домашняго, который къ 20 годамъ становится негоднымъ.

Длина туловища отъ верхней губы до рѣпицы хвоста равнялась 3.25 м.; длина хвоста съ пучкомъ волосъ на концѣ 1.07 м.; хвостъ у корня имѣлъ въ обхватѣ 0.19 м. Длина головы отъ темени до верхней губы 0.725 м.; разстояніе на

лбу между глазами 0.43 м. Длина роговъ съ наружной стороны 0.775 м., съ внутренней 0.50 м.; они были сильно изогнуты; въ обхватѣ у корня рога имѣли 0.36 м.; разстояніе между концами роговъ равнялось 0.31 м. Обхватъ головы поверхъ носа — 0.62 м., поверхъ глазъ 1.13 м. Обхватъ шеи за ушами 1.24 м. Туловище, сейчасъ за передними ногами,имѣло въ обхватѣ 2.45 м. Длина шерсти на бедрахъ равнялась 0.65 м., а на переднихъ ногахъ 0.54 м.; длина бороды отъ 0.10 до 1.15 м. Копыта переднихъ ногъ имѣли въ окружности 0.42 м., а въ діаметрѣ 0.11 м.

Дикій якъ-быкъ.
(Съ рисунка автора).

Якъ былъ одѣтъ великолѣпной, густой, ровной шерстью; бахрома на бокахъ была такая плотная, что образовывала мягкую подстилку, когда якъ ложился и, должно быть, вполнѣ защищала животное отъ Тибетскихъ холодовъ. Масти якъ былъ черной, только на бокахъ шерсть впадала въ бурый оттѣнокъ. Вдоль всего хребта шла шерсть подлиннѣе и тоже чернаго цвѣта. Вокругъ маленькихъ карихъ глазъ съ черными зрачками и разрѣзомъ только въ 0.043 м., шелъ скорѣе рѣденькій пухъ, чѣмъ волосъ. На лбу и между рогами, напротивъ, волосъ былъ густъ и похожъ на кудель; на носу шерсть впадала въ сѣрый оттѣнокъ.

Языкъ былъ покрытъ необычайно острыми и твердыми роговыми бугорками, какъ и у домашняго яка; языкъ и десны имѣли синеватый оттѣнокъ. Морда была очень широка, ноздри удлиненныя и сплюснутыя, съ чуть косымъ разрѣзомъ. Рога необычайно могучіе и страшные съ острыми концами. Густая бахрома свѣшивается съ боковъ до самой земли, когда якъ стоитъ, и образуетъ, какъ сказано, мягкую подстилку, когда онъ ложится.

Хвостъ у этого яка былъ огромный, копыта крѣпкія, сильно развитыя, какъ и требуется, чтобы носить такую тяжелую тушу по каменистой неровной поверхности.

Когда животное стоитъ, горбъ образуетъ рѣзко выступающее возвышеніе, круто спускающееся къ головѣ, всегда опущенной носомъ въ землю; къ спинѣ горбъ спускается болѣе полого. Высота яка, если мѣрить съ вершины горба, поэтому гораздо значительнѣе, нежели если мѣрить съ крупа.

Само собой разумѣется, что вѣсъ такой животины громадный. Съ трудомъ могли мы поднять одну голову, а шкуру, чтобы взвалить ее на верблюда, едва подняли 4 человѣка. Съ головы шкуры не сняли, рѣшивъ заняться этимъ на свободѣ въ лагерѣ.

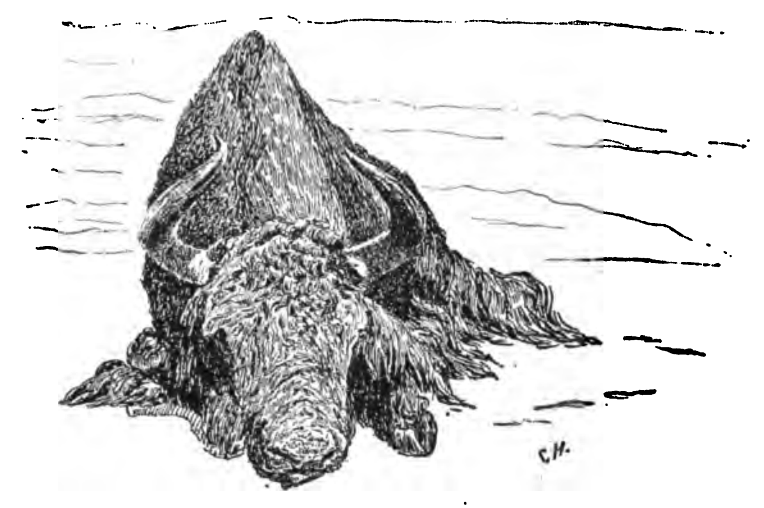
Можно только удивляться тому, что такое огромное животное въ состояніи жить и развивать въ себѣ такую мускульную силу въ этихъ горныхъ областяхъ со скуднымъ подножнымъ кормомъ, который зимою и вовсе пропадаетъ, а лѣтомъ отличается жесткостью и горечью, такъ что наши караванныя животныя могли ѣсть его лишь съ голодухи.

Когда яка преслѣдуютъ, онъ бѣжитъ довольно быстрой рысью, опустивъ хвостъ, слегка приподнявъ голову и волоча по землѣ свою боковую бахрому. Въ общемъ, неуклюжее животное бѣжитъ хотя и тяжело, но очень разгонисто и имѣетъ еще то преимущество, что никогда не запыхается, тогда какъ преслѣдователь скоро начинаетъ задыхаться въ этомъ разрѣженномъ воздухѣ.

Если къ яку подойдутъ поближе, и онъ почуетъ опасность, то пускается галопомъ, опустивъ голову и поднявъ хвостъ кверху. Выстрѣлы и пули заставляютъ его остановиться, а рана — перейти къ нападенію на врага, которому тогда надо держать ухо востро.

Искандеръ и остальные наши таглыки разсказывали, что въ Черченѣ, Чокалыкѣ и Ачанѣ (селенія, расположенныя около сѣверной подошвы Кунь-луня) живутъ „паваны“ — охотники, почти исключительно промышляющіе охотой на яковъ. Они преслѣдуютъ яковъ въ областяхъ Арка-тага и Чименъ-тага, въ Сѣверномъ Тибетѣ, къ югу отъ Лобъ-Нора. Охотника обыкновенно сопровождаютъ двое людей съ ослами, чтобы доставить въ лагерь шкуры.

Большею частью охотники соединяются ради безопасности по двое, по трое или въ цѣлыя партіи. Бываютъ и такіе опытные, ловкіе стрѣлки, которые убиваютъ яка на поваль первою

Видъ яка спереди.
(Съ рисунка автора).

же пулей, пущенной въ сердце. Стрѣляютъ они обыкновенно не далѣе, какъ въ 60 шагахъ, и цѣлятся въ мѣсто за горбомъ. Если пуля попадетъ въ тазовую область, животное падаетъ обыкновенно не ранѣе, какъ на 3-й, на 4-й день. Въ остальныхъ мѣстахъ пуля почти что и не беретъ яка.

Цѣлиться въ голову въ большинствѣ случаевъ значитъ попусту тратить заряды, такъ какъ пуля не въ состояніи пробить толстѣйшихъ черепныхъ костей. Получивъ пулю въ лобъ, якъ только замотаетъ головой да зафыркаетъ. Прострѣлить яку ногу, какъ это ни жестоко, даетъ охотнику то преимущество, что ему легче затѣмъ приблизиться къ живот-

ному на вѣрный выстрѣлъ или спастись отъ него бѣгствомъ, если якъ бросится на врага. Наша охота на яка ясно показала, что всѣ выстрѣлы, попадающіе въ иные органы, кромѣ названныхъ, болѣе чувствительныхъ, не достигаютъ цѣли.

Ружья, которыми бываютъ вооружены эти охотники, изготовляются въ городахъ Восточнаго Туркестана. Это кремневыя ружья, съ тяжелымъ и длиннымъ стволомъ, насаженныя на подставку изъ роговъ антилопы. Положивъ ружье на плечо, охотники ползкомъ подбираются къ звѣрю, пользуясь для прикрытія малѣйшею неровностью поверхности. Приблизившись на вѣрный выстрѣлъ, они опираютъ ружье на подставку и долго хладнокровно цѣлятся прежде, чѣмъ выстрѣлить.

Убивъ животное, охотники тотчасъ снимаютъ съ него шкуру и разрѣзаютъ ее на три части, такъ что двѣ линіи разрѣзовъ идутъ непосредственно вдоль верхняго края боковой бахромы, а третья посреди брюха. Крестецъ и горбъ, называемые „сиритъ“ даютъ самую лучшую кожу, которая идетъ на сѣдла, подпруги, ремни для уздечекъ, кнутовъ и пр., а также на туфли. Кожа съ брюха идетъ обыкновенно на выдѣлку тѣхъ же предметовъ, но сортомъ будетъ похуже. Кожа съ ногъ идетъ на „тюрюки“, мягкія туфли, составляющія обычную обувь таглыковъ. Хвосты яковъ идутъ на „туги“, украшающіе мазары.

Въ Черченѣ, Чакалыкѣ и Ачанѣ шкуры яковъ скупаются купцами, которые везутъ ихъ въ Хотанъ для перепродажи кожевникамъ. Яковая кожа очень цѣнится за свою прочность и неизносимость. За шкуру взрослаго яка — быка охотникъ выручаетъ около 8 рублей; за шкуру коровы или теленка гораздо меньше. Шкуры, снимаемыя съ послѣднихъ, разрѣзаютъ только на двѣ части; цѣликомъ ихъ всетаки не увезти на одномъ ослѣ.

Таглыки основательно считаютъ охоту на яковъ опаснымъ дѣломъ и предпочитаютъ поэтому охотиться за ними цѣлыми партіями. Можно представить себѣ положеніе охотника, на котораго бросится разъяренный звѣрь: охотнику нужно время, чтобы зарядить свое неуклюжее ружье, такъ что ему не легко выйти изъ борьбы цѣлымъ и невредимымъ. Попади онъ только подъ это чудовище, бросающееся на него, выставивъ рога, онъ будетъ раздавленъ въ одно мгновеніе.

Вотъ въ общихъ чертахъ свѣдѣнія, вынесенныя мною изъ знакомства съ этимъ животнымъ, оживляющимъ нагорныя пустыни Тибета и возбуждающимъ наше удивленіе не только своимъ внушительнымъ видомъ, но и тѣмъ, что оно одно изъ тварей земныхъ противустоитъ холодамъ, суровому климату, ужаснѣйшимъ снѣгамъ и бурямъ съ градомъ на этихъ почти недосягаемыхъ высотахъ. Якъ равнодушенъ ко всему этому; градъ, хлещущій его по бокамъ, какъ будто даже доставляетъ ему удовольствіе. Онъ спокойно щиплетъ себѣ траву, когда вьюга окутываетъ его словно облаками. Одно ему не совсѣмъ по вкусу: лѣтнее солнце. И, если день кажется ему очень жаркимъ, онъ принимаетъ ванну въ ближайшемъ ручьѣ или подымается въ область ледниковъ и снѣжныхъ полей и тутъ наслаждается прохладой, валяясь на тонкомъ, бѣломъ, какъ мука, снѣгу.

XIX.

Высочайшее нагорье въ свѣтѣ. Караванъ нашъ все рѣдѣетъ.

Изъ лагеря № XIX, гдѣ мы отдыхали день, виденъ былъ на SO величественный горный пикъ, на двѣ трети своей относительной высоты окутанный сверкающимъ снѣгомъ. Пикъ этотъ, господствовавшій надо всею окрестностью и видимый издалека, словно маякъ, я назвалъ „Скалою короля Оскара“.

Къ востоку отъ лагеря разстилалось большое озеро, по сѣверному берегу котораго мы слѣдовали. Вода была очень горька на вкусъ, но зато отливала прекраснѣйшими тонами, и на волнахъ качались стаи чаекъ. Островов въ озерѣ не было, но впадавшій въ озеро ручеекъ вынесъ въ озеро большую косу ила. Стадо яковъ цѣлый часъ любопытно слѣдовало за нами, но не давало приблизиться къ себѣ на выстрѣлъ. Довольно странно: по берегу вилась тропа, съ виду проложенная людьми верхомъ, или скотомъ. Но таглыки утверждали, что тропу проложили яки и куланы, о чемъ и свидѣтельствовалъ

оставленный животными пометъ. Меня удивляло, что намъ до сихъ поръ не попалось на пути ни одного скелета яка, между тѣмъ какъ мѣстность изобиловала яками. Лишь здѣсь на берегу нашли мы въ первый разъ два черепа и пористыя, побѣлѣвшія кости. Быть можетъ, животныя, чуя приближеніе смерти, уходятъ въ недосягаемыя пустынныя области на высотахъ, или на берега озеръ, гдѣ волны и смываютъ ихъ трупы.

Мы сдѣлали привалъ въ небольшомъ разстояніи отъ озера къ востоку, у подошвы нѣсколькихъ холмовъ, по близости ручья. (Пройдено за день 31 кил.; абс. высота 4,912 м.) Четыре кулана: самецъ и три самки весь вечеръ держались по сосѣдству отъ лагеря, описывая вокругъ него круги и, повидимому, очень интересуясь нами. Они носились быстрой легкой рысью, высоко поднявъ голову, раздувая ноздри и распустивъ хвостъ по вѣтру. Нельзя было налюбоваться на этихъ красивыхъ, статныхъ животныхъ.

7 сентября. То же однообразіе формъ поверхности, какъ и до сихъ поръ. Широкая впадина-долина, заключенная между Арка-тагомъ и южнымъ хребтомъ, по прежнему прорѣзывается цѣлой серіей рѣчекъ, не имѣющихъ стока въ море, а въ центрѣ находится соленое озеро, въ которое впадаютъ рѣчки и ручьи, стекающіе съ окраинныхъ горъ. Къ востоку отъ озера № 15 мы опять поднялись по отлогому, мягкому и пропитанному влагою песчаному подъему на небольшой порогъ, образовавшій водораздѣлъ. На слѣдующій день грунтъ пошелъ твердый и удобный для ходьбы. Перешли черезъ множество потоковъ и прошли въ общемъ 30 кил. Благодаря довольно ровной мѣстности, животныя наши не очень утомились. (Высота лагеря № XXII—4,936 м). Злѣйшимъ нашимъ врагомъ оставался вѣтеръ, который донималъ насъ ежедневно, выстуживая палатку и пробирая насъ сквозь шубы.

9 сентября сдѣлали длинный и трудный путь черезъ низкій перевалъ, граничившій на востокѣ съ озеромъ № 16, а затѣмъ, по широкой, открытой долинѣ до слѣдующаго озера, вблизи котораго и разбили лагерь № XXIII. Форсированный переходъ этотъ стоилъ намъ лошади и осла. Частенько отсутствіе подножнаго корма заставляло насъ дѣлать обширные переходы, пока, наконецъ, мы не находили травы, на этотъ-же разъ, сколько мы ни шли, мѣстность оставалась безплодной. Маису у

Скала Короля Оскара.

(Съ рисунка автора).

насъ оставалось только на 10 дней, и мы поэтому позаботились главнымъ образомъ о лучшихъ нашихъ лошадяхъ. Изъ остальныхъ многія готовы были пасть.

Въ высшихъ областяхъ южнаго хребта стали все чаще показываться ледники. Обыкновенно они точно ледяной броней одѣвали склоны горъ, подобно тому, какъ мы наблюдали на Мустагъ-атѣ, но не образовывали такихъ рѣзко очерченныхъ ледяныхъ мысовъ. Путь нашъ день за днемъ шелъ почти прямо на востокъ.

10 сентября мы шли по безконечной равнинѣ, прорѣзанной ручьемъ, который, дробясь на безчисленное множество рукавовъ, направлялся къ востоку, въ озеро № 18. На берегу послѣдняго мы отдыхали цѣлый день, такъ какъ на окаймлявшихъ озеро холмахъ росла рѣденькая травка. Отдыхъ въ этотъ день явился тѣмъ болѣе кстати, что насъ захватила настоящая зима. Весь день шелъ снѣгъ и градъ, а леденящій вѣтеръ налеталъ со всѣхъ сторонъ. Окрестность буквально тонула въ сплошномъ туманѣ.

Осмотрѣли ящики съ продовольствіемъ, и въ результатѣ оказалось, что впредь надо быть побережливѣе. Муки, хлѣба и чаю могло хватить еще на мѣсяцъ, но насъ было, вѣдь, одиннадцать человѣкъ, и неизвѣстно, сколько времени оставалось еще намъ брести до перваго селенія. Изъ взятаго нами съ собою стада уцѣлѣла всего одна овца. Въ худшемъ случаѣ мы могли питаться мясомъ дикихъ яковъ. Прошло полтора мѣсяца, какъ мы покинули населенныя области, такъ не диво, что всѣ мы сильно соскучились по людямъ и горѣли желаніемъ встрѣтить человѣка, кто бы онъ ни былъ.

Въ теченіе дня нельзя было приняться ни за какія наблюденія, и я просидѣлъ весь день, закутавшись въ шубы и занимаясь черченіемъ карты, или чтеніемъ. Пальцы отъ холода посинѣли и закоченѣли; славно было погрѣть ихъ надъ чайникомъ, когда подали горячій чай. Только поѣвъ или напившись горяченькаго, мы и оттаивали на нѣкоторое время, пока вѣчный вѣтеръ опять не замораживалъ насъ.

Окрестности безжизненны и мрачны. Только чайки кричатъ надъ озеромъ. Кромѣ пожелтѣвшей уже травы, растительности никакой. Вѣтеръ воетъ, зернистый снѣгъ крутитъ вокругъ палатки, волны тихо, монотонно плещутъ о берегъ.

Надъ водой стоитъ словно занавѣсь изъ снѣга, скрывающая противоположный берегъ. Кажется, что находишься на берегу безбрежнаго океана. Находясь такъ долго въ самомъ сердцѣ величайшаго изъ материковъ, начинаешь страшно тосковать по морю.

Палатки бѣлѣютъ среди сѣраго пустыннаго ландшафта; на холмахъ пасутся наши изнуренныя животныя. Нѣкоторыя изъ людей спятъ въ своей палаткѣ, другіе сидятъ на волѣ вокругъ огня, поддерживаемаго пометомъ дикихъ яковъ; отъ костра подымается густой, черный дымъ. Ночь приходитъ, какъ давно жданный другъ. Заползши подъ шубы и войлока, скоро согрѣваешься и видишь во снѣ болѣе благодатныя страны, къ которымъ мы стремимся съ каждымъ днемъ все нетерпѣливѣе. До Пекина еще далеко. Добраться-бы только туда, а тамъ ужъ все равно, что дома.

12 сентября. Въ 5 ч. утра, когда мы стали строить караванъ, вся окрестность до самаго озера была покрыта бѣлой пеленой. Среди этой общей бѣлизны ландшафта, снѣжныя вершины южнаго хребта выдавались уже не такъ рѣзко, какъ прежде. Но утромъ, попозже, солнце растопило большую часть снѣжнаго ковра на южныхъ и юго-восточныхъ склонахъ. Сѣверные, напротивъ, оставались бѣлыми весь день; озерки и ручьи также остались затянутыми ледкомъ.

Температура тоже оказалась въ этотъ день самая низкая за все время нашего путешествія: — 11.7°. Холодъ держался до полудня, и мы сильно мерзли, благодаря упорному нордъвесту. Особенно доставалось рукамъ, — я не могъ ничѣмъ защитить ихъ, такъ какъ каждую минуту приходилось наносить маршрутъ на карту.

Въ теченіе всего дня (прошли 27 килом.) мы держались береговой линіи. Озеро № 18 было, какъ и предыдущія, вытянуто въ направленіи OW и по величинѣ являлось самымъ крупнымъ изъ всѣхъ открытыхъ нами. Къ востоку открывалась величественная безконечная панорама; по обоимъ берегамъ высились горные великаны сѣвернаго Тибета. Бѣлая оторочка пѣны окаймляла всѣ контуры береговой линіи. Волны съ своеобразнымъ металлическимъ плескомъ, вѣроятно, вслѣдствіе разрѣженности воздуха и высокаго удѣльнаго вѣса, ударялись о прибрежный щебень. Въ томъ, что разрѣженность воздуха

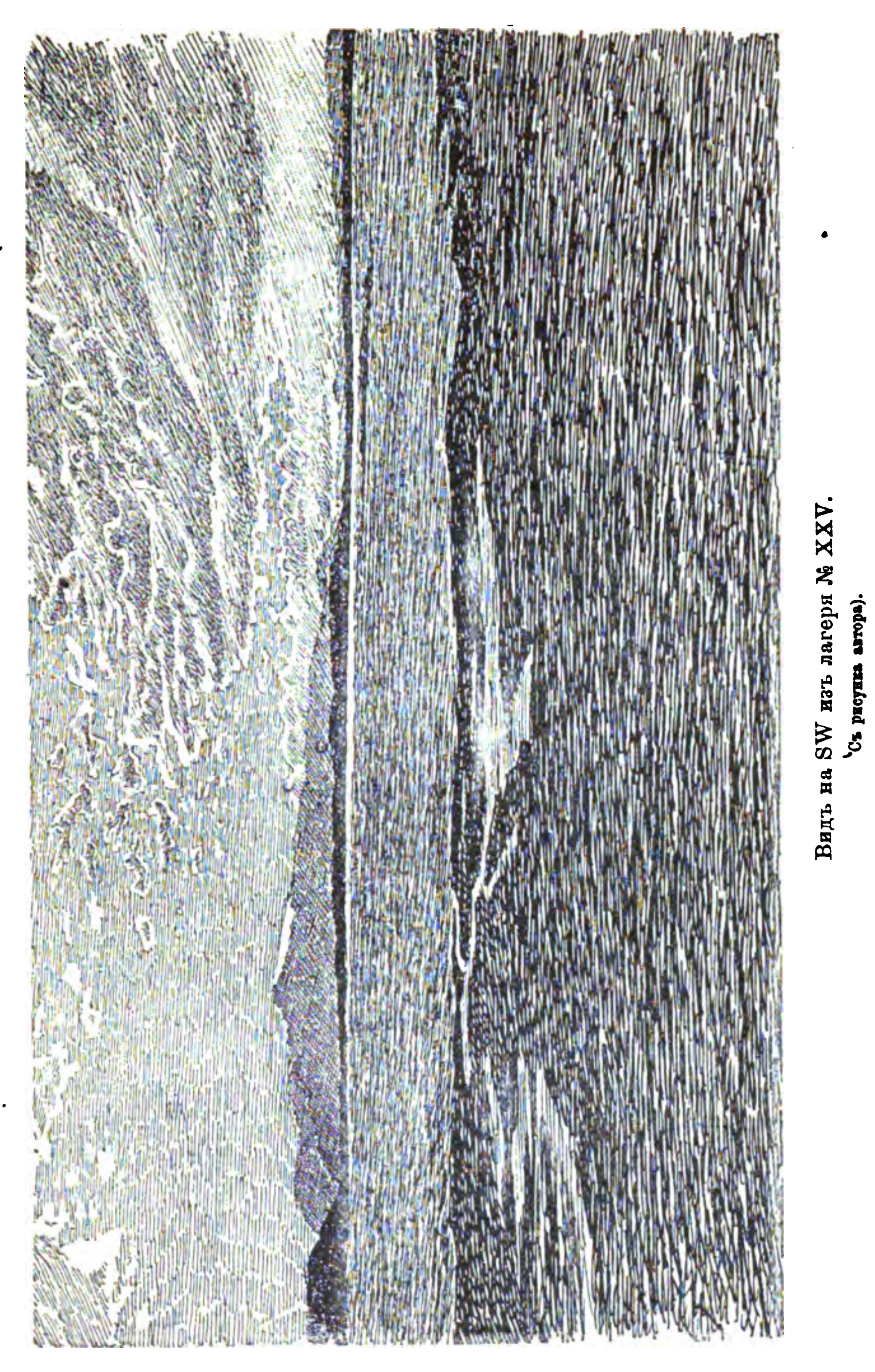
сильно отражается на акустическихъ явленіяхъ, не трудно было убѣдиться. Такъ, напримѣръ, мы должны были говорить на этихъ высотахъ гораздо громче и яснѣе обыкновеннаго, а тиканье карманныхъ часовъ можно было разслышать, только поднеся ихъ къ самому уху.

Въ 11 ч. утра еще было — 0.6° въ воздухѣ и + 7.3° въ водѣ, температура которой со вчерашняго дня упала на нѣсколько градусовъ. Въ первый разъ увидѣли здѣсь слѣды медвѣдя, по которымъ и шли почти весь день. Далѣе замѣтили слѣды лисицы, которая побывала у озера. Миновали нѣсколько маленькихъ ручейковъ. Они стекали съ Арка-тага и образовывали болѣе или менѣе развѣтвленную дельту съ длинными узкими выносами ила. Послѣдніе всѣ были обращены къ востоку, или юго-востоку, — обстоятельство, зависящее, вѣроятно, отъ напора вѣтра.

Во время перехода потеряли одного осла. Рыжая лошадь, усердно служившая намъ и несшая оба ящика съ моими приборами отъ самой Курли черезъ Лобъ-норъ и Черченъ до Хотана и оттуда до сихъ поръ, пала около самаго лагеря, а за ней еще два осла. Силы нашихъ бѣдныхъ животныхъ стали подходить къ концу. Не проходило дня, чтобы мы не теряли одного — двухъ изъ нихъ, и ихъ высохшіе въ муміи трупы, не подвергающіеся въ этомъ холодномъ, рѣдкомъ воздухѣ разложенію, лежатъ тамъ и до сихъ поръ, отмѣчая нашъ маршрутъ.

Положеніе наше становилось тѣмъ затруднительнѣе, что подножный кормъ попадался все рѣже и худшаго качества, чѣмъ въ первую половину нашей Тибетской экспедиціи. Кромѣ того мы теперь убѣдились, что лошади и ослы не пригодны для такихъ высотъ. Одни верблюды держались еще стойко, хотя и сильно исхудали. Люди полагали, что подножный кормъ самъ по себѣ былъ вреденъ для животныхъ. Противъ этого, однако, говорило то обстоятельство, что онъ вполнѣ удовлетворялъ кулановъ и дикихъ яковъ. Большое озеро около лагеря № XXV лежало на высотѣ 4,895 м.

13 сентября мы, пройдя 29 килом., потеряли только одного осла. Въ восточной бухтѣ озера вода, благодаря впадавшей сюда горной рѣчкѣ, была лишь чуть солоноватой, и животныя могли ее пить. Въ 10 ч. вечера температура воды равнялась

Видъ на SW изъ лагеря № XXV.
(Съ рисунка автора).

9.5°, а температура воздуха 3.7°. Утромъ вѣтеръ перемѣнился и задулъ съ юго-запада. Вслѣдствіе этого пѣна, прибитая къ

южному берегу, отдѣлилась отъ него и поплыла по водѣ, словно хлопья.

Къ востоку отъ озера разстилалась равнина съ чуть замѣтнымъ подъемомъ, — продолженіе озерного ложа; идти по этой топкой почвѣ животнымъ было очень трудно. Скоро мы, однако, поднялись и очутились среди настоящаго лабиринта холмовъ. Съ одного изъ нихъ открылся отличный видъ на большое озеро, западный берегъ котораго обрисовывался едва замѣтно. Горизонтъ ограничивался цѣпью бѣлоснѣжныхъ вершинъ.

Пересѣкши равнину, прорѣзанную довольно значительною, впадавшею въ озеро горной рѣчкой, мы по лабиринту холмовъ стали подыматься къ перевалу, который долженъ былъ явиться новымъ водораздѣломъ. Часъ за часомъ медленно, безмолвно подымались мы по безплодной, безжизненной мѣстности, гдѣ ни единый звукъ не нарушалъ тишины.

Наконецъ, мы достигли перевала; по ту сторону его, воды стекали въ совсѣмъ крохотное озерко, вродѣ лужи. Когда я прибылъ сюда, наши палатки были уже разбиты на берегу этого озерка. Пресѣченная поверхность подавала мнѣ надежду, что мы приближаемся къ периферической области и скоро достигнемъ какого нибудь изъ истоковъ Янъ-цзы-цзяна.

Лагерная стоянка № XXVI (абс. высота 5,043 м.) явилась одною изъ самыхъ неблагопріятныхъ. Подножнаго корма почти никакого не было; не водилось здѣсь и яковъ. Чтобы вскипятить воды для чаю, намъ пришлось пожертвовать двумя кольями отъ палатки. Было уже темно, когда усталые верблюды и пять послѣднихъ нашихъ ословъ дотащились до лагеря.

Положеніе наше становилось до нѣкоторой степени критическимъ вслѣдствіе переутомленія животныхъ. Оно начинало напоминать намъ о злосчастной экспедиціи въ Такла-маканъ въ 1895 г. Въ самомъ дѣлѣ, караванъ нашъ таялъ, какъ и тогда. Какъ и тогда, мы съ нетерпѣніемъ обращали наши взоры къ востоку, ища признаковъ измѣненія рельефа поверхности. Зато теперь у насъ не было недостатка въ водѣ, и въ случаѣ, если-бы даже всѣ животныя наши пали, мы сами могли-бы дотащиться до человѣческихъ жилищъ.

14 сентября. Къ списку павшихъ прибавились за день еще лошадь и оселъ. Пролетѣла къ сѣверо-западу, по на-

правленію къ Лобъ-нору, стая гусей, — явленіе довольно замѣчательное въ это время года. Весь день мы шли прямо къ востоку, между гребнями горъ средней величины, по широкой долинѣ, по которой протекалъ прозрачный ручей. То обстоятельство, что путь подымался въ гору очень отлого, не приносило намъ значительнаго облегченія, такъ какъ почва была рыхлая, пропитанная влагой и вязкая, какъ илъ. Тамъ и сямъ бѣлѣли пятна еще не растаявшаго снѣга.

Я надѣялся было, что эта рѣка, съ притокомъ воды 3 куб. м. въ секунду, окажется тѣмъ самымъ верховьемъ р. Напчитай-уланъ-муренъ, которое обозначается на картахъ пунктиромъ, но вскорѣ мы увидѣли, что рѣка впадаетъ въ новое большое озеро. Однако, вода въ озерѣ могла быть прѣсной, и рѣка, пожалуй, вновь вытекала изъ восточной части озера? Предположеніе это казалось тѣмъ правдоподобнѣе, что озеро, видимо, имѣло огромные размѣры; поверхность его сливалась вдали съ линіей восточнаго горизонта. Добравшись до озера, мы слѣдовали вдоль южнаго его берега, пока не остановились на привалъ между холмами (пройдено было за день 28 килом.; абс. высота 4,808 м.).

Первой моей заботой было велѣть достать воды изъ озера № 19. Она была совсѣмъ прозрачная и на видъ чудесная! Глотнулъ — горько-соленая! Итакъ, еще одинъ бассейнъ, не имѣющій стока въ океанъ! На востокѣ насъ ожидалъ еще одинъ перевалъ. Но другого пути не было. Нельзя было свернуть ни къ сѣверу, ни къ сѣверо-востоку, чтобы сократить путь до Цайдама: тамъ высились недосягаемыя стѣны Аркатага, а наши животныя были слишкомъ изнурены, чтобы осилить сколько нибудь трудный перевалъ.

Вечеромъ люди стали просить меня дать имъ день отдыха. Два верблюда и два осла были плохи, и, если выступать завтра-же, приходилось ихъ бросить.

16 сентября. Сегодня прошли цѣлыхъ 32 килом., не потерявъ ни одного животнаго. Озеро казалось колоссальной величины, и мы уже видѣли въ немъ соперника озеру Иссыкъ-куль. Повидимому, намъ предстояло еще много дней идти вдоль его берега. Но, видно, это былъ обманъ зрѣнія или миражъ, такъ какъ уже черезъ какіе нибудь нѣсколько часовъ пути холмы, тянувшіеся по обѣимъ сторонамъ, слились и

образовали постепенно возвышавшуюся темную линію на востокѣ надъ поверхностью озера. Такимъ образомъ, сомнѣнія не было: передъ нами былъ еще перевалъ.

На этотъ разъ мы шли по южному берегу. Пометъ яковъ и свѣжіе слѣды стали опять попадаться часто. Нашли на дорогѣ и рогъ яка съ ясными слѣдами ножа; черепки глинянаго кувшина также говорили о пребываніи здѣсь людей.

Тотчасъ послѣ обѣда, облака сгустились въ тучи, поднялся сильный восточный вѣтеръ, и затѣмъ разразился снѣжный буранъ. Такого бурана не случалось мнѣ выдерживать съ самаго пребыванія моего на высотахъ Мустагъ-аты.

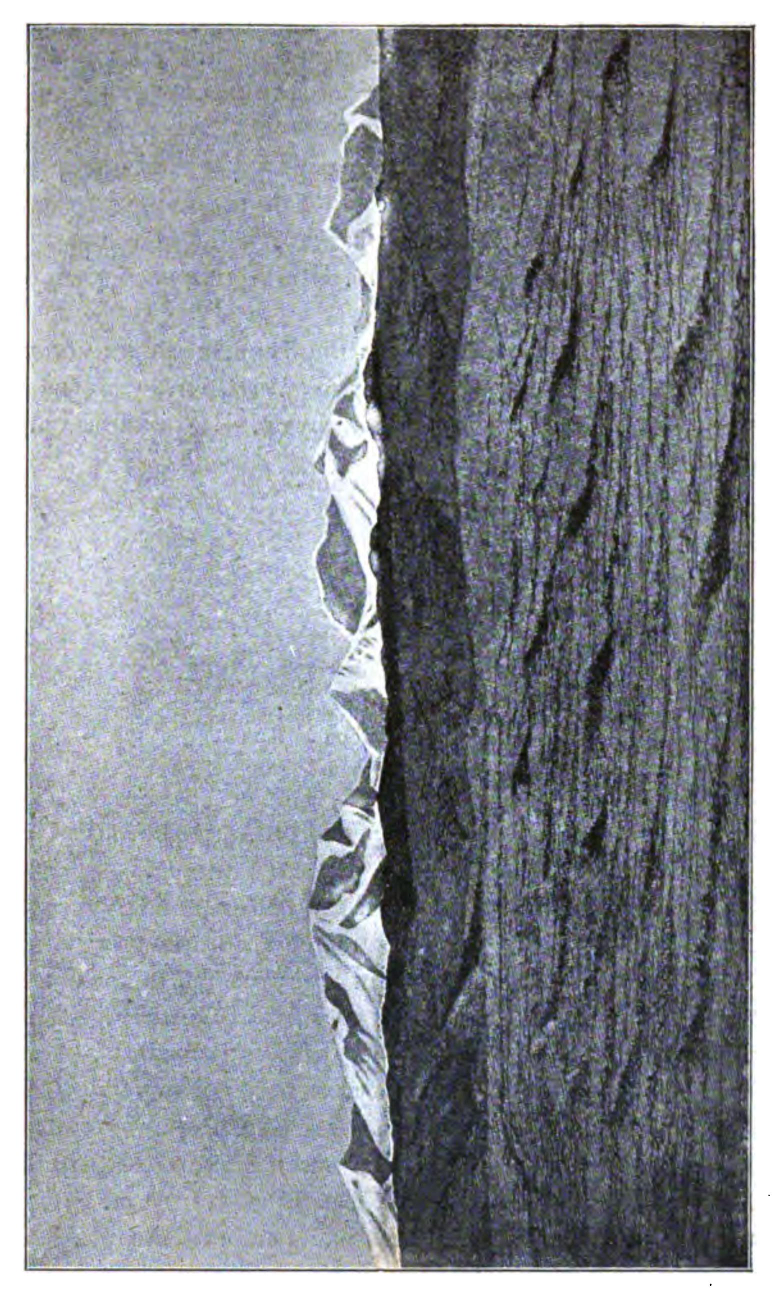
Снѣжная пыль крутилась въ воздухѣ; временами шелъ и градъ. Окрестность совсѣмъ скрылась изъ глазъ, поверхность быстро побѣлѣла, и сами мы были всѣ занесены снѣгомъ. А мы было уже думали, что вышли изъ царства западныхъ вѣтровъ, такъ какъ въ послѣдніе дни дулъ преимущественно восточный вѣтеръ. Черезъ два часа непогода утихла, и снова выглянуло солнце.

Озеро сузилось въ клинообразный узкій заливъ. Мы направились къ OSO, медленно подымаясь по холмамъ къ южному хребту, и снова нашли лужайки, поросшія травой. По правую руку отъ насъ осталась небольшая лужа. Около нея сидѣлъ въ раздумьѣ сѣрый медвѣдь. Джолдашъ дерзко кинулся на него, но, когда медвѣдь самъ выказалъ намѣреніе перейти къ нападенію, собака, поджавъ хвостъ, обратилась въ бѣгство. Медвѣдь затѣмъ исчезъ за холмами.

Мѣстами подножный кормъ былъ довольно сносенъ, во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ гдѣ-бы ни было, послѣ Далай-кургана. Мы рѣшили поэтому пожертвовать ради животныхъ еще однимъ днемъ. Отдыхъ былъ тѣмъ болѣе кстати, что съ ранняго утра шелъ градъ, снѣгъ и дулъ сильный вѣтеръ. Люди, по обыкновенію, усѣлись вокругъ огня и принялись за починку своихъ рваныхъ платьевъ и сѣделъ, прислушиваясь къ чтенію вслухъ Эмина-Мирзы. Самый слабый изъ верблюдовъ сильно страдалъ отъ ссадинъ на мозоляхъ заднихъ ногъ; люди и сшили для него чулки изъ кожи кулана, которые принесли ему значительное облегченіе.

18 сентября. Выпавшій вчера густой снѣгъ сильно затруднилъ животнымъ отыскиванье подножнаго корма. Одного

осла и пришлось бросить; двѣ лошади также не годились больше. Пришлось пустить ихъ идти вмѣстѣ съ четырьмя

Видъ на NW съ восточной части Арка-тага.
(Съ рисунка автора).

послѣдними ослами, изъ которыхъ лишь одинъ былъ въ состоянiи нести легкiй вьюкъ.

Теперь у насъ оставалось только 8 годныхъ для дѣла лошадей, исхудалыхъ и отощавшихъ. Верхомъ ѣхали лишь я, Исламъ-бай и Парпи-бай; остальные люди всѣ шли пѣшкомъ. Изъ верблюдовъ двое тоже были плохи. Остальные были еще бодры. Собаки чувствовали себя отлично, вволю угощаясь мясомъ павшихъ животныхъ.

Погода стояла прекрасная, и поверхность шла совершенно ровная. Близъ подошвы южнаго хребта мы свернули къ востоку и прошли еще 29 килом. прежде, чѣмъ разбить лагерь № XXIX. И здѣсь отдохнули день. Приходилось беречь силы животныхъ.

Въ два часа ночи меня разбудила буря, которая угрожала опрокинуть палатку. Утромъ оказалось, что снѣгу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ навалило на цѣлый футъ. Въ областяхъ, гдѣ

Видъ на югъ изъ лагеря № XXIX.
(Съ рисунка автора).

мы теперь очутились, атмосферные осадки, видимо, выпадаютъ обильнѣе, нежели въ пройденныхъ нами раньше.

Въ 5 ч. пополудни вырыли яму, чтобы измѣрить температуру внутреннихъ слоевъ почвы. Температура воздуха имѣла 3.6°. На глубинѣ 21 сантим. термометръ показалъ 2.9°, на глубинѣ 29 сантим. 1.5°, на глубинѣ 50 сантим. 1.05°, на глубинѣ 70 сантим. 0.5° и на глубинѣ 88 сантим. 0.4°. Сначала шелъ слой тонкаго желтаго песку, а подъ нимъ черноземъ, богатый остатками перегнившихъ растенiй. Верхнiй слой промерзалъ ночью на 2 пальца глубины, и утромъ ѣхать было легче. Но, когда восходило солнце, земля оттаивала.

20 сентября. Прошли 25½ килом. и разбили лагерь № XXX (4,625 м.). Послѣ нѣсколькихъ часовъ пути по округленнымъ холмамъ мы достигли перевала, который отдѣлялъ воды, стекавшiя въ озеро № 19, отъ слѣдующаго бассейна. Мы

тщательно обозрѣли съ высоты перевала всю мѣстность, чтобы рѣшить, какое направленіе избрать. На сѣверо-востокѣ Аркатагъ казался ниже, чѣмъ до сихъ поръ, но мы не рѣшились перевалить черезъ хребетъ съ нашимъ жалкимъ караваномъ. Таглыки полагали, что въ такомъ случаѣ мы потеряли-бы по дорогѣ всѣхъ животныхъ.

На востокѣ виднѣлось новое озеро, новый бассейнъ, не имѣвшій стока! Что-же, конца не будетъ этимъ озерамъ? Съ нашего небольшого перевала восточный склонъ казался,

Видъ на OSO изъ лагеря № XXXI. Озеро № 20.
(Съ рисунка автора).

однако, гораздо круче, нежели западный, и мы предчувствовали уже, что приближаемся къ мѣстностямъ, находящимся на меньшей высотѣ надъ уровнемъ моря, нежели тѣ, по которымъ мы странствовали до сихъ поръ. Стали попадаться и новые роды растеній, обогащавшіе мой гербарій. Палъ еще одинъ изъ ословъ, да и конецъ остальныхъ трехъ, видимо, былъ недалекъ.

21 сентября. Прошли 26 килом. до лагеря XXXI, на берегу озера № 20. Мы шли по теченію рѣчки, стекавшей съ вершинъ южныхъ горъ, одѣтыхъ снѣгомъ; притокъ воды въ

ней равнялся 13 куб. м. въ секунду; она принимала нѣсколько притоковъ. Сегодня не пало ни одного животнаго. Мѣстность однообразная, безплодная. Мы, однако, видѣли яковъ, куланов, антилопъ, зайцевъ, полевыхъ мышей, воронъ, жаворонковъ, трясогузокъ и чаекъ. Изъ насѣкомыхъ видѣли мухъ и слѣпней.

Подъ конецъ, воронкообразное устье рѣки расширялось и образовывало обширную илистую дельту. И это озеро казалось по величинѣ моремъ. На востокѣ земли не было видно. Вдали склоны горъ протягивали другъ къ другу точно пару горизонтальныхъ иглъ, но между ними оставался просвѣтъ, въ которомъ вода сливалась съ небомъ. Береговая линія влѣво уклонялась къ сѣверо-западу, а вправо шла къ югу, такъ что озеро преграждало намъ путь. Мы не знали сначала, огибать-ли его къ сѣверу, или къ югу, затѣмъ выбрали первое; выборъ этотъ и стоилъ намъ 2 лишнихъ дней пути.

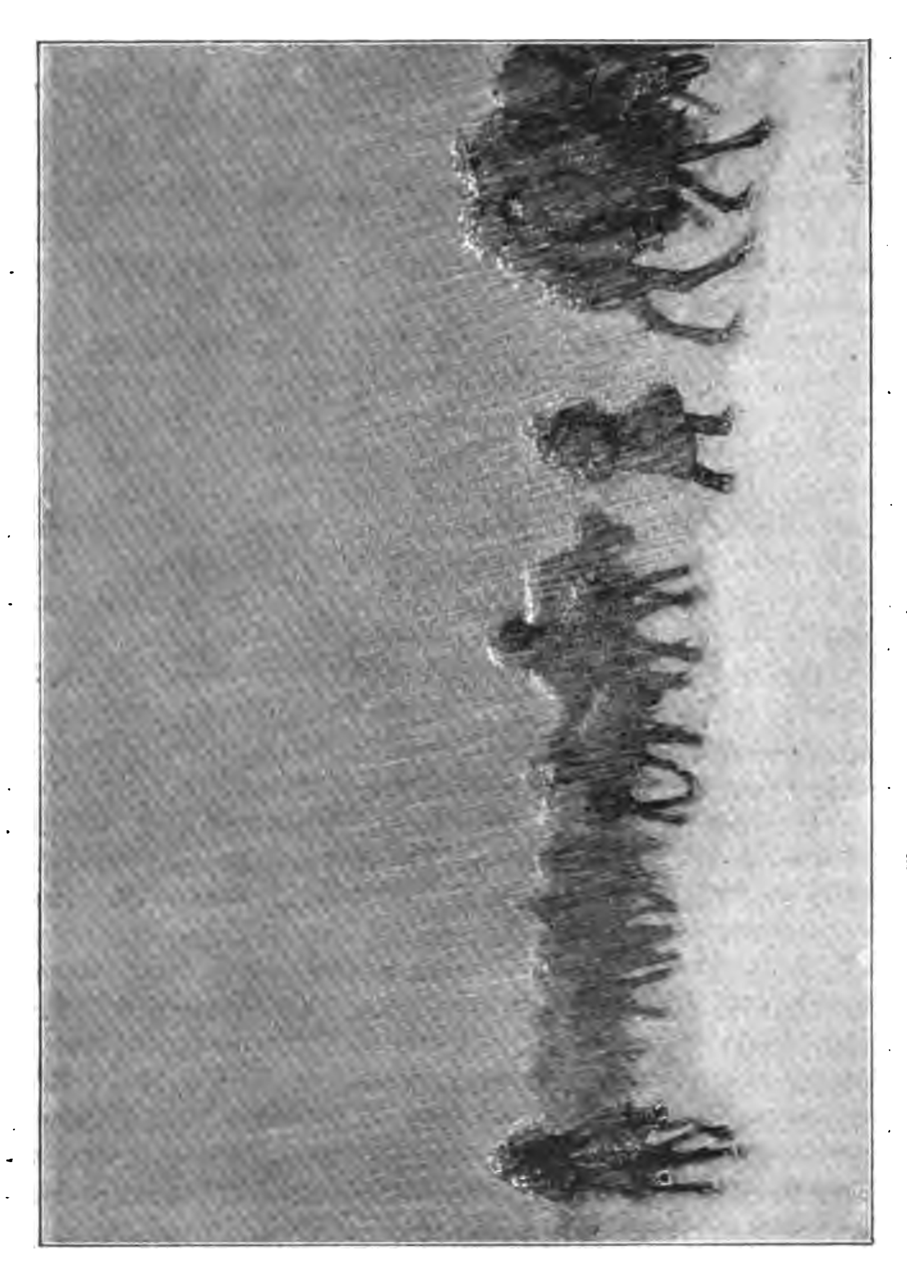
Пока-же мы остановились на берегу, гдѣ росъ сносный подножный кормъ. Озеро казалось глубокимъ, такъ какъ вода была темносиняго цвѣта, и холмы западнаго берега круто обрывались въ воду. Вода въ немъ была горько-соленая. Значитъ, еще одинъ бассейнъ, не имѣющій стока, и еще одинъ перевалъ дальше къ востоку! Это озеро оказалось самымъ большимъ изъ всѣхъ встрѣченныхъ нами на пути. Ни одинъ слѣдъ не изобличалъ, что въ эту мѣстность заходятъ люди.

22 сентября мы прошли $23^1/_2$ килом. до лагеря № XXXII. Дорога въ этотъ день выпала труднѣйшая; половину пути пришлось сдѣлать по крайне неровнымъ, изрѣзаннымъ провалами и оврагами холмамъ.

Порядочный конецъ мы слѣдовали по тропѣ, проложенной яками; тропа эта держалась большею частью на одной абсолютной высотѣ, но за то шла зигзагами и извилинами. Итакъ, и яки предпочитаютъ дѣлать обходы, нежели безпрестанно спускаться и подыматься. Эти холмы примыкали къ берегу и образовывали сѣверные склоны довольно мощнаго хребта, ограничивавшаго озеро съ юга и до сихъ поръ скрывавшаго послѣднее отъ нашихъ глазъ.

Затѣмъ, мы часъ за часомъ ѣхали почти прямо на востокъ, но озеру все не было конца. Мы каялись, что не предпочли слѣдовать по южному его берегу, но продолжали путь, все надѣясь,

не откроется-ли у западнаго края озера какая-нибудь долина, которая вела-бы къ удобному перевалу черезъ Арка тагъ.

Караванъ застигнутъ бурею съ градомъ.
(Съ рисунка [illegible]).

Чѣмъ дальше мы подвигались къ западу, тѣмъ ниже становились холмы, и, наконецъ, мы могли ѣхать по ровной

поверхности, почти у самаго берега. Берегъ прорѣзали многочисленные ручьи, которые — довольно своеобразное явленіе — всѣ впадали въ маленькія прѣсноводныя лагуны, скрыто сообщавшіяся съ озеромъ.

Около 11 ч. утра къ неудобствамъ пути присоединилась еще дурная погода. Небо потемнѣло, и надъ озеромъ разразился сильнѣйшій градъ. Черныя тучи надвигались на насъ съ востока, точно стѣны, и до ушей нашихъ доносился пронзительный свистъ и шипѣнье, словно отъ выпускаемаго изъ паровика пара. Озеро приняло темно-сѣрую окраску, прибрежныя горы исчезли въ туманѣ.

Шумъ становился все сильнѣе. И видно и слышно было, какъ отъ ударовъ градинъ о поверхность озера летѣли во всѣ стороны брызги. Градъ смѣнился снѣгомъ и дождемъ. Затѣмъ вѣтеръ перемѣнился; поднялся ужасающій западный вѣтеръ, дувшій намъ прямо на встрѣчу и леденившій насъ. Лошади напрягали всѣ силы, точно взбираясь на гору. Бѣлые зайчики такъ и прыгали по волнамъ озера, разбиваясь о берега. Наслаждались этой картиной, повидимому, однѣ чайки, преспокойно качавшіяся на гребняхъ волнъ.

Наконецъ, озеро сузилось на западѣ въ острый клинъ. За нимъ начиналась широкая долина. На сѣверномъ берегу возвышался мощный хребетъ, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ, продолженіе Арка-тага. Этотъ хребетъ мы видѣли цѣлый день; его отроги тянулись рядами, словно дома на колоссальной площади.

Отъ оконечности озера лошадиный караванъ направился прямо къ сѣверу, къ подошвѣ этого хребта, — тамъ вдали, въ ущельѣ, бѣлѣли наши палатки. Мѣсто для лагеря выбрано было неудачно — посреди сухого русла горной рѣчки, полнаго камней и щебня. Зато мы были защищены здѣсь отъ вѣтра отвѣсными скалами.

23 сентября. Прошли 22 килом. до лагеря № XXXIII, лежавшаго почти какъ разъ противъ лагеря № XXXI. Такимъ образомъ, два дня пути не подвинули насъ ни на шагъ къ востоку. Весь день продолжалась непогода: сначала непроглядная вьюга, налетѣвшая съ востока, а затѣмъ сѣверный вѣтеръ, дувшій съ сѣверныхъ горъ. Разстояніе между послѣдними и озеромъ, вдоль котораго мы теперь направились прямо къ востоку, равнялось лишь нѣсколькимъ километрамъ.

Налѣво отъ насъ находилась такимъ образомъ вилообразная группа скалъ съ узкими долинами, въ которыя пересохшіе теперь ручьи вынесли мощные конусы щебня. Тамъ и сямъ намъ пришлось перебираться черезъ совсѣмъ отвѣсные холмы.

Видъ на NW отъ лагеря № XXXI.
(Съ рисунка автора).

Около одного изъ нихъ отказалась служить моя славная верховая лошадь, служившая мнѣ съ послѣдней экспедиціи въ Памиръ. Эминъ-Мирза тихонько повелъ ее подъ уздцы, а я пересѣлъ на его лошадь и теперь уже въ одиночествѣ по-

ѣхалъ за караваномъ. Но и эта лошадь свалилась подо мной, и я пѣшкомъ довелъ ее до лагеря.

Славно было попасть подъ крышу палатки, но мои окоченѣвшія руки отошли, только спустя часъ. Весь вечеръ свирѣпствовалъ настоящій сѣверный ураганъ. Палатку мою, хотя она и была укрѣплена основательно, и загнутые внутрь края ея полъ придерживались ягданами, свалило и навѣрное унесло-бы въ озеро, еслибъ я во время не ухватился за одну изъ подпорокъ. Прибѣжавшіе на мой зовъ люди укрѣпили ее съ навѣтренной стороны канатами.

До этого лагеря добрели лишь пять изъ нашихъ верблюдовъ. Обутый въ чулки верблюдъ свалился на пути; люди зарѣзали его и вырѣзали лучшіе куски, которые послужили отличнымъ подкрѣпленіемъ къ нашему провіанту. Всѣ животныя были такъ изнурены, что пришлось остановиться и здѣсь на день.

Выйдя утромъ изъ палатки, я нашелъ къ своему горю мою верховую лошадь издохшей. Въ теченіе шестнадцати мѣсяцевъ она носила меня и въ дождь и въ градъ и никогда не спотыкалась, не падала, что было очень важно для моихъ съемочныхъ работъ. Въ Хотанѣ она отдыхала 4 мѣсяца, стоя въ конюшнѣ Лю-дарина, и послѣ этого отдыха могла поспорить видомъ съ настоящею чисто-кровною англійскою лошадью. Въ послѣднее-же время она исхудала, смотрѣла такой жалкой, лохматой, изнуренной. Съ этихъ поръ я ѣхалъ на небольшой вороной лошадкѣ, купленной въ Курлѣ и побывавшей съ нами на Лобъ-норѣ.

Около лагеря шмыгало много зайцевъ, и нѣкоторые изъ нихъ послужили къ оживленію нашего меню.

25 сентября. Прошли 24 килом. до лагеря № XXXIV (4,744 м.). Весь день шли по берегу, который почти прямой линіей, безъ всякихъ заливовъ, губъ или острововъ, убѣгалъ къ OSO. Въ одномъ мѣстѣ пришлось, однако, перейти небольшой перевалъ, преградившій намъ путь. Съ его вершины намъ открылся чрезвычайно широкій видъ. Къ востоку мѣстность казалась совершенно открытой, и за озеромъ № 20 виднѣлись еще два озера поменьше. По ихъ расположенію и, руководясь бывшею при мнѣ картою Кэри и Дальглейша, я сразу узналъ то мѣсто, до котораго дошла экспедиція этихъ путешествен-

никовъ. Парпи-бай, сопровождавшій ихъ, подтвердилъ мои заключенія.

Вдали на юговостокѣ различалась мощная цѣпь горъ съ снѣжными полями. Небольшіе отроги мѣшали опредѣлить, насколько она соприкасалась съ хребтомъ, бывшимъ у насъ до сихъ поръ по правую руку или на югѣ. Я предполагаю, однако, что она являлась непосредственнымъ продолженіемъ его къ

„Черныя тучи надвигались на насъ съ востока, словно, стѣны".
(Съ рисунка автора).

востоку, извѣстнымъ подъ названіемъ хребта Куку-шили (зеленые холмы). Вѣроятно, мы находились недалеко и отъ области, гдѣ беретъ начало рѣка Напчитай-уланъ-муренъ.

На слѣдующій день разразился буранъ, и мы не трогались съ мѣста. Караванъ насчитывалъ теперь 5 верблюдовъ, 9 лошадей и 3 ословъ; людей-же было 11 человѣкъ. Большинство животныхъ были близки къ концу. Таглыкъ Искандеръ былъ

боленъ и поэтому пользовался привиллегіей ѣхать на ослѣ. Напротивъ, Эмину-Мирзѣ приходилось теперь идти пѣшкомъ, такъ какъ его лошадь отказалась служить. Еще въ лагерѣ № XXX лошадямъ была выдана послѣдняя порція маиса. Съ тѣхъ поръ имъ приходилось довольствоваться небольшой порціею черстваго хлѣба и попадавшимся жалкимъ подножнымъ кормомъ. Для меня и людей пекли свѣжій хлѣбъ два раза въ день; въ топливѣ недостатка не было: яковый пометъ попадался теперь въ изобиліи.

27 сентября. Прошли до лагеря № XXXV $27^1/_2$ килом. Сегодня намъ предстоялъ интересный переходъ, такъ какъ мы должны были снова перевалить черезъ Арка-тагъ и вмѣстѣ съ тѣмъ покинуть нагорья Сѣвернаго Тибета съ его безплодными, неимѣющими стока, соленоводными бассейнами. Въ день отдыха я посылалъ развѣдчиковъ, которые и вернулись съ

Наши послѣднія уцѣлѣвшія лошади.
(Съ рисунка автора).

сообщеніемъ, что на сѣверовостокѣ имѣется удобный перевалъ, къ которому ведетъ также удобный путь.

Черезъ два часа пути по отлого подымавшейся долинѣ мы и достигли этого относительно низкаго перевала. Сѣверный склонъ его также не былъ крутъ. Тутъ пришлось ѣхать по долинѣ, расширившейся мало-по-малу въ большую, открытую площадь, заключенную между горами. Покрытый льдинками ручей игралъ роль путеводителя, а также ножной ванны для людей, которымъ то и дѣло приходилось перепрыгивать черезъ него, что въ широкихъ мѣстахъ и не удавалось. Ноги у людей были обвернуты войлокомъ и лоскутьями шкуры кулана, и на каждой стоянкѣ первою ихъ заботою было просушить обувь.

Миновавъ выдающійся выступъ горы, мы увидѣли мало ободряющее зрѣлище: новое небольшое озерко, въ которое впадали воды нашей области. Видимо, мы попали еще въ одну

не имѣющую стока область. Перевалъ, черезъ который мы перешли, не былъ, такимъ образомъ, настоящимъ; тотъ еще

Лагерь № XXXII.
(Съ рисунка [illegible]).

ждалъ насъ впереди и переходъ черезъ него могъ оказаться гораздо труднѣе.

Наконецъ, мы вступили въ ровную котловину, гдѣ нерѣдко попадался сносный подножный кормъ. Вправо отъ нашего маршрута паслось у подошвы горы чрезвычайно большое стадо яковъ. Исламъ поѣхалъ туда и выстрѣлилъ въ нихъ; стадо раздѣлилось: большая часть бросилась въ горы, остальные сомкнутымъ строемъ кинулись въ сторону ко мнѣ и Эмину-Мирзѣ. Мы были невооружены и чувствовали себя поэтому довольно скверно. Всѣхъ животныхъ было 47 головъ; впереди бѣжалъ красивый быкъ, за нимъ теленокъ и пять старыхъ быковъ. Позади всѣхъ галопировалъ Исламъ-бай. Стадо было окутано облаками пыли. Стукъ ихъ копытъ слышался все ближе; казалось, вотъ, вотъ вся эта масса обрушится на насъ, словно лавина.

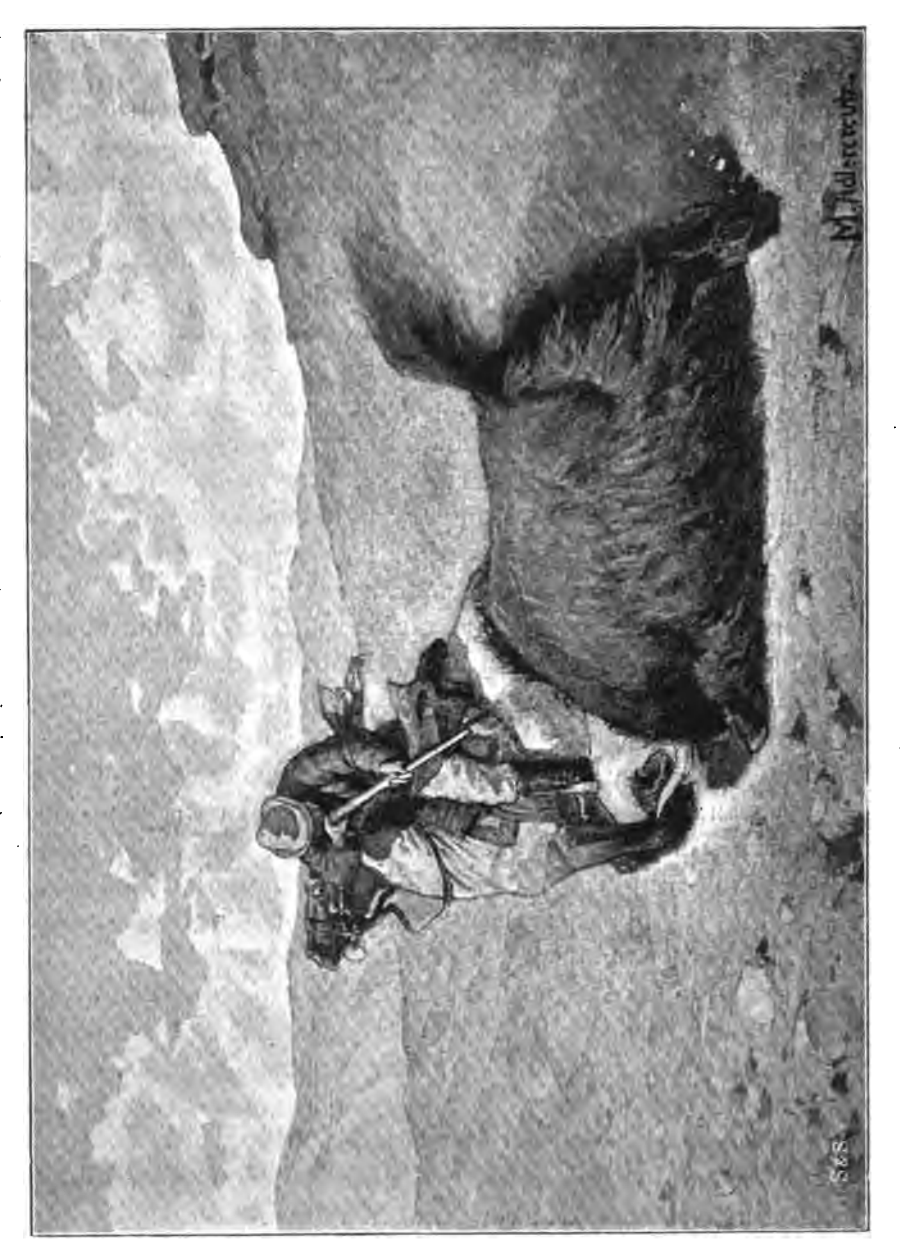
Оказалось, однако, что яки еще не замѣтили насъ. Только въ разстояніи ста шаговъ вожакъ увидалъ насъ и увлекъ остальныхъ въ сторону. Исламъ успѣлъ тѣмъ временемъ слѣзть съ лошади и залечь въ засаду, откуда выпустилъ наудачу пулю въ середину кучки. Пуля ранила одного быка въ переднюю ногу.

Животное въ ярости кинулось прямо на стрѣлка. Исламъ вскочилъ на лошадь и пустилъ ее въ такой карьеръ, на какой только было способно изнуренное животное. Несмотря на то, что якъ прыгалъ только на трехъ ногахъ, онъ догналъ врага черезъ нѣсколько минутъ. Но какъ разъ, когда онъ готовился поднять на рога и лошадь и всадника, Исламъ обернулся и выстрѣлилъ, не успѣвъ даже въ попыхахъ хорошенько прицѣлиться. Но якъ находился такъ близко, что промахнуться нельзя было, и пуля, попавъ въ область сердца, разомъ прекратила эту опасную игру.

Это былъ якъ лѣтъ восьми. Языкъ его и мясо пригодилось намъ, какъ нельзя болѣе, такъ какъ и мука, и рисъ были у насъ на исходѣ. Если-бы послѣдняя пуля не попала въ цѣль, Исламъ погибъ-бы. Охота на дикихъ яковъ не всегда бываетъ счастливой.

Приключеніе это заставило насъ расположиться лагеремъ, хотя мѣстность и не располагала къ этому, — до воды было далеко. Но дѣлать нечего, чтобы извлечь изъ яка всю пользу, которую можно было, пришлось простоять тутъ весь слѣдующій день. Собакъ привязали, чтобы онѣ не испортили намъ мяса.

На ужинъ меня угостили крѣпкимъ и очень вкуснымъ бульономъ изъ яковаго мяса. И съ этихъ поръ на нѣкоторое

Исламъ-бай въ смертельной опасности.
(Съ рисунка Адлеркрейца).

время блюдо это стало ежедневнымъ. На дессертъ меня ожидало, однако, нѣчто еще лучшее. Я только что закурилъ послѣ

ѣды трубку, какъ въ палатку вошли всѣ люди съ Исламомъ во главѣ, крича: „Бисъ, нишанъ тапдыкъ!“ (Мы нашли знакъ!)

Съ этими словами они положили передо мною четыре сланцевыя плитки, покрытыя вырѣзанными на камнѣ тибетскими письменами. Плитки были цѣлы, и каждая, видимо, имѣла значеніе сама по себѣ. Двѣ изъ нихъ были стары, и надпись на нихъ частью стерлась.

Что гласили надписи, зачѣмъ были такъ тщательно вырѣзаны? Можетъ быть, тутъ разсказывалось о какомъ нибудь замѣчательномъ событіи, или давалось какое нибудь важное указаніе паломникамъ, отправлявшимся въ Лассу, такъ какъ, согласно картамъ, главный путь въ столицу Далай-ламы какъ разъ въ этой области сворачивалъ къ юго-западу. Людей моихъ, при видѣ этихъ плитокъ, обрадовала мысль, что, значитъ, въ эту область все-таки заходили люди.

29 сентября передъ тѣмъ, какъ выступить въ путь, я и поспѣшилъ на то мѣсто, на берегу ручейка, гдѣ люди, ходившіе туда за водой, нашли плитки. На берегу ясно виднѣлись слѣды двухъ стоявшихъ здѣсь нѣкогда палатокъ. Здѣсь же виднѣлись расположенные квадратомъ булыжники средней величины, и это само собой наводило на мысль, что тутъ располагались со своими яковыми стадами монголы-номады. По близости мы нашли еще 8 такихъ-же плитокъ съ надписями. Забрать ихъ съ собой всѣ было невозможно. Я и выбралъ двѣ покрасивѣе и полегче вѣсомъ. Остальныя мы зарыли въ землю, чтобы спрятать ихъ: если-бы находка оказалась важной, можно было въ другой разъ вернуться за остальными.

Затѣмъ мы продолжали путь къ сѣверо-востоку, пока не достигли значительной рѣки, струившейся къ востоку. Оказывалось, что озеро № 23 не принадлежало къ неимѣющей стока области, какъ мы полагали. Рѣка вытекала именно изъ озера и прорывала горный хребетъ, бывшій впереди насъ. Мы, однако, продолжали путь въ томъ-же направленіи до незначительнаго перевала, по близости отъ котораго мы нашли черепъ архара, а также видѣли яковъ, кулановъ и антилопъ-оронго.

Кое-гдѣ можно было различить тропу, но проложили-ли ее люди или животныя рѣшить было трудно. Зато небольшая куча камней, сложенная на вершинѣ перевала, была ужъ несомнѣнно дѣломъ рукъ человѣческихъ.

Съ перевала мы спустились въ обширную котловину, богатую подножнымъ кормомъ и прорѣзанную текущими къ SO ручейками. Видно было, что мѣстность эта являлась настоящимъ эльдорадо для кулановъ, такъ какъ ихъ виднѣлось тутъ множество. Мы видѣли стада головъ въ 80 — 200.

Приблизительно на серединѣ котловины мы сдѣлали еще болѣе замѣчательное открытіе, различивъ слѣды 3 верблюдовъ и 6 лошадей, т. е. цѣлаго каравана, направлявшагося къ NW. Вскорѣ мы увидѣли слѣды одинокаго путника, шедшаго въ противоположную сторону. Таглыки говорили, что слѣдамъ этимъ не болѣе 5 дней. Во всякомъ случаѣ мы были недалеко отъ людскихъ селеній. Всѣ мы оживились, люди высматривали новые слѣды, и мы съ минуты на минуту ожидали встрѣчи съ монголами или пастухами.

Дойдя до противоположнаго конца котловины, мы поднялись между двумя отрогами на незначительный перевалъ (4,556 м.), гдѣ у подножія песчанаго холма нашли замерзшіе ключи и разбили лагерь № XXXVI ($24^1/_2$ килом.), потерявъ за день двухъ лошадей.

XX.

Первые монголы.

30 сентября. Ночь была ясная, холодная, а утромъ вся окрестность оказалась въ туманѣ, каждая былинка и кочка въ бахромѣ инея. Къ востоку отъ перевала открывалась довольно широкая, поросшая травою долина, прорѣзанная ручьемъ, по высокому берегу котораго мы и слѣдовали.

На лѣвомъ берегу ручья виднѣлся издалека какой-то черный предметъ, который мы приняли за отдыхающаго быка. Но, когда мы нѣсколько приблизились, люди стали увѣрять, что это „нишанъ“, (путевой знакъ). Мы направились къ нему и были очень поражены, найдя здѣсь въ дикой пустынѣ въ высшей степени оригинальное и красивое „обо“, вѣроятно, воздвигнутое для умилостивленія горныхъ божествъ. Состояло

„обо“ изъ прислоненныхъ другъ къ другу большихъ сланцевыхъ плитъ, покрытыхъ письменами.

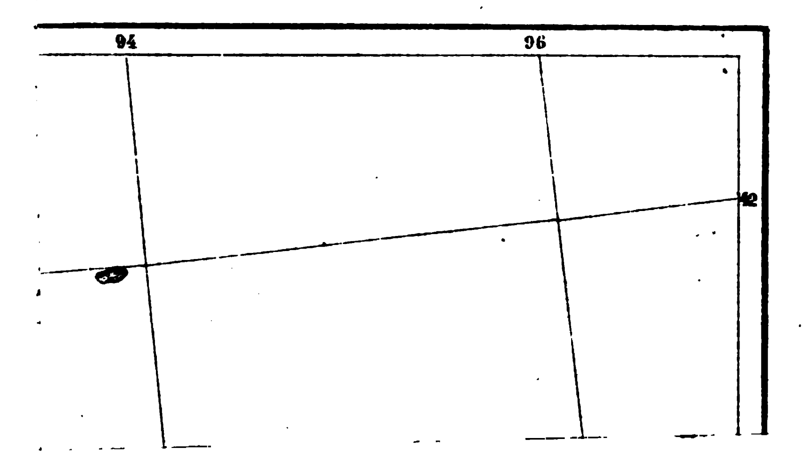
Вотъ мы оживились! Каравану было скомандовано остановиться, и мы расположились лагеремъ около самаго „обо“, пройдя на этотъ разъ едва 9 килом. Работы здѣсь должно было хватить съ избыткомъ дня на два. Подножный кормъ былъ тутъ лучше обыкновеннаго; водой снабжалъ насъ ручей, а то обстоятельство, что перевалъ стоилъ намъ лошади и осла, ясно указывало, что животныя нуждались въ возможно продолжительномъ отдыхѣ.

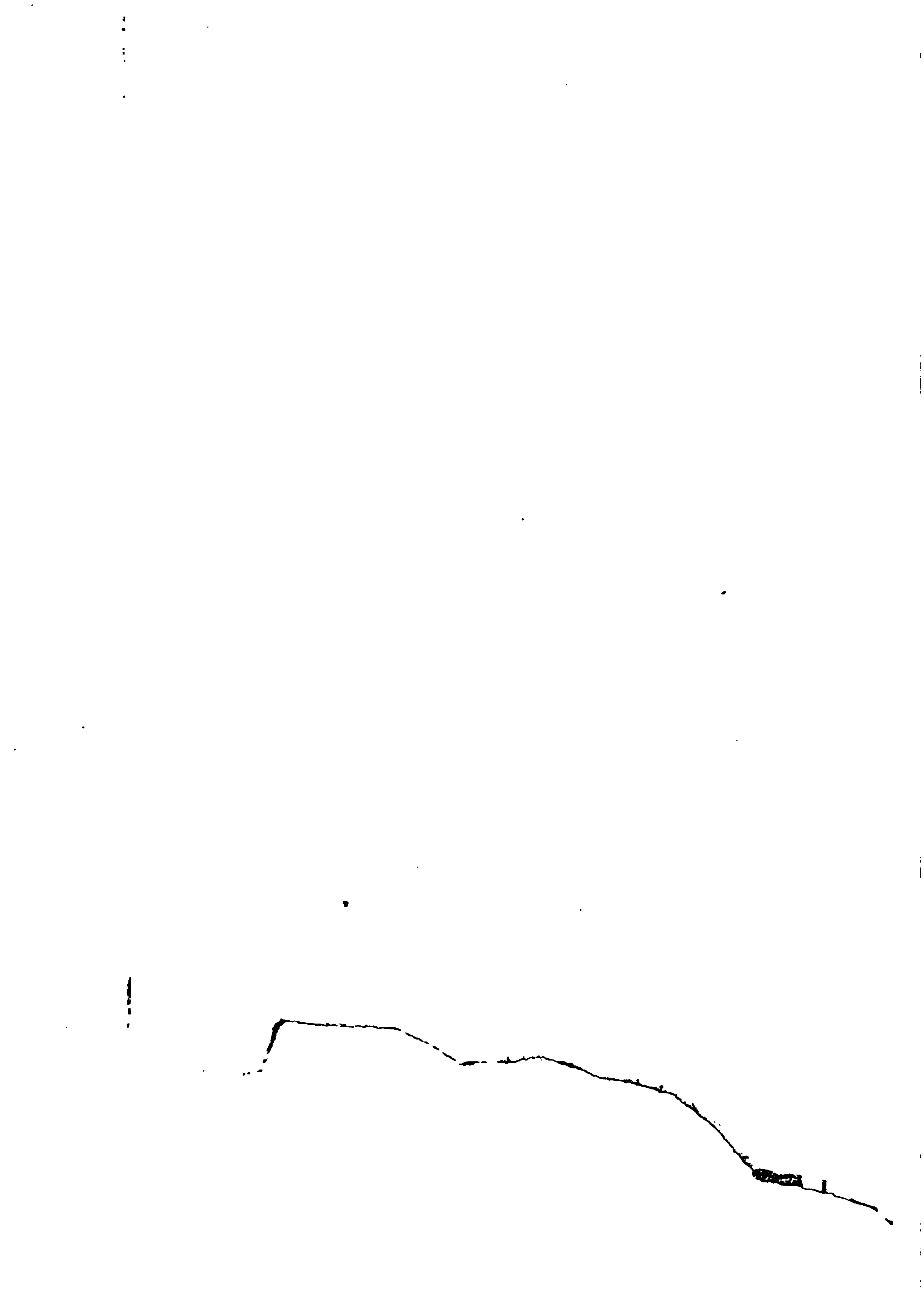
Прежде всего я принялся за наброски и срисовалъ оригинальное „обо“ со всѣхъ 4 сторонъ. Планъ „обо“ напоминалъ конюшню съ тремя стойлами, шириною въ 0.38, 0.53 и 0.67 м. Всего мы насчитали 49 прислоненныхъ другъ къ другу въ наклонномъ положеніи сланцевыхъ плитъ; такъ строютъ карточные домики.

Плита, образовывавшая заднюю стѣну, имѣла въ высоту 1.45 м. и живописно высилась надо всѣмъ сооруженіемъ. Часть ея, возвышавшаяся надъ крышей, была свободна отъ надписи лишь на внутренней сторонѣ; все остальное пространство ея было покрыто большими и малыми письменами. Длина этой плиты равнялась 1.34 м. Около нея находились другія плиты, длина которыхъ доходила до 1.52 м.

Всѣ эти плиты, темнозеленаго цвѣта, были совершенно ровны и плоски, толщиною всего въ 1 сантм. Надо было удивляться, какъ удалось добыть ихъ изъ мѣстныхъ скалъ въ цѣломъ, неповрежденномъ видѣ. Крыша сооруженія, находившаяся всего на 0.61 м. надъ землей, состояла изъ 4 длинныхъ плитъ, длиною въ 2.39 м. Края ихъ выдавались надъ десятью крайними плитами-подпорками. Фасадъ сооруженія былъ обращенъ прямо къ юго-востоку. Письмена, величиною отъ 2 до 10 сантм., видимо, были не высѣчены, а просто выцарапаны какимъ-то острымъ инструментомъ,—иначе хрупкій камень не выдержалъ бы, — и выдѣлялись на темно-зеленомъ фонѣ свѣтлосѣрыми линіями.

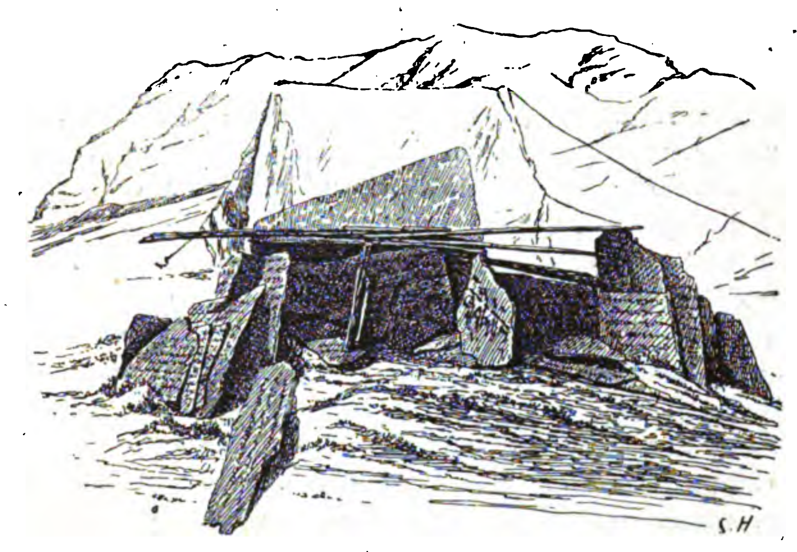
Неподалеку отъ „обо“ виднѣлось нѣсколько закоптѣлыхъ камней; между ними еще уцѣлѣли зола и уголья; ясно было, что здѣсь останавливались осенью монголы-кочевники. Найдя вдобавокъ по близости прямоугольную могильную плиту и

94
96
42

тропинку, мы заключили, что здѣсь, вѣроятно, находится мазаръ, время отъ времени посѣщаемый паломниками.

И тутъ передъ нами всталъ тотъ же вопросъ: что могли вѣщать путникамъ эти безмолвные камни? По всей вѣроятности, содержаніе надписей было религіознаго характера, но, тѣмъ не менѣе, представляло извѣстный интересъ. Быть можетъ, тутъ описывалось какое нибудь происшедшее на этомъ мѣстѣ событіе? Надо было скопировать надписи, чтобы потомъ можно было дешифрировать ихъ. Когда я срисовалъ самое „обо", мы разорили его, разложили плиты въ рядъ на землѣ, и я

„Обо" около лагеря № XXXVII.
(Съ рисунка автора).

принялся копировать надписи, послѣ чего люди ставили плиты на свое мѣсто.

Первыя двѣ плиты были невелики, и съ ними было покончено въ полчаса. Когда же я взялся за третью, вниманіе мое было привлечено однообразіемъ буквъ. Мнѣ показалось, что одинъ и тотъ же знакъ повторялся довольно правильно. При болѣе внимательномъ разсматриваніи и оказалось, что каждая седьмая буква была одна и та-же.

Я всмотрѣлся въ „обо" и нашелъ, что всѣ 49 плитъ были покрыты тѣми же правильно повторяющимися семью буквами. А, вотъ оно что! Понялъ! Это ни что иное, какъ извѣстная

тибетская священная формула: „on mane padme hum“, т. е. „О, сокровище лотоса!“

Копировка письменъ была немедленно прекращена, и завтрашній день отдыха оказался лишнимъ. Мы захватили съ собой лишь двѣ красивыя плитки, какъ образчики, а взятыя у лагеря № XXXVI оставили здѣсь. О томъ, что бы забрать все сооруженіе, не могло быть, конечно, и рѣчи. Оно составило-бы три верблюжьихъ вьюка, и этнографическая цѣнность его далеко уступала его тяжести.

Только что разсматривавшійся, какъ большая достопримѣчательность, „обо“ потерялъ въ моихъ глазахъ всякое значеніе. Я извлекъ изъ него лишь ту пользу, что оно впервые познакомило меня со страстью ламаизма къ преувеличенью и формализму. Вмѣсто важныхъ историческихъ данныхъ о великомъ пути монгольскихъ паломниковъ въ Лассу, который какъ разъ здѣсь пересѣкалъ окраинныя горы Цайдама, мы нашли пустую формулу; красивая сама по себѣ, она становилась безсмыслицей, повторяясь 4,000 разъ кряду. Что за остроуміе написать на бумагѣ 4,000 разъ „Отче нашъ“? А ужь столько-же разъ выцарапать на камнѣ, не жалѣя трудовъ и времени, одну и ту-же молитвенную формулу, прямо глупо.

Я былъ нѣсколько раздосадованъ этимъ приключеніемъ. Но, если результатъ и оказался меньше, нежели я ожидалъ, то все-же вреда отъ нашей остановки собственно никакого не произошло. По крайней мѣрѣ, мы имѣли теперь ясное доказательство, что попали на большой проѣзжій трактъ, ведущій въ Лассу. Объ этомъ свидѣтельствовали и обо, и могилы, и тропинки, и кучи камней. Дальше, въ долинѣ, люди кромѣ того видѣли слѣды двухъ верблюдовъ и нѣсколько большихъ стадъ кулановъ. Таглыки наши утверждали, что куланы никогда не держатся вблизи населенныхъ мѣстъ, и что до послѣднихъ, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, два дня пути.

1 октября мы могли спокойно продолжать путь къ востоку по этой прямой, широкой долинѣ. Около ручья паслось стадо кулановъ, головъ въ 120. Исламъ выстрѣлилъ, но промахнулся, и все стадо умчалось въ горы, поднявъ пыль столбомъ. Животныя длинной, темножелтой, волнующейся линіей безъ малѣйшаго труда взбѣжали на крутизны, но, затѣмъ,

сдѣлавъ большой крюкъ, вновь спустились въ долину, по направленію къ послѣдней нашей стоянкѣ.

Около устья долины мы нашли еще два обо, одинъ состоялъ изъ 63 сланцевыхъ плитъ, поставленныхъ попросту, стоймя вокругъ холмика. Надписи на плитахъ, обращенныхъ къ западу, частью стерлись; должно быть, отъ часто дующаго здѣсь западнаго вѣтра.

Долина впадала въ большую главную долину, прорѣзанную тою-же самою рѣкою, которую мы переходили по близости отъ лагеря № XXXV. На самомъ углу вновь выступалъ гранитъ.

Съ напряженнымъ вниманіемъ ловили мы по пути всякіе признаки близости людскихъ жилищъ. Между прочимъ, видѣли еще одно обгорѣлое мѣсто послѣ костра, нѣсколько кольевъ отъ палатокъ и верблюжій пометъ. Вдругъ Исламъ-бай увидалъ у подошвы противоположной скалы нѣсколькихъ яковъ. Онъ осторожно подкрался къ нимъ на выстрѣлъ и пустилъ пулю, вторую, третью, но безъ успѣха. Тутъ, къ нашему изумленію и радости, откуда-то выскочила старуха и принялась кричать и размахивать руками. Мы сразу поняли, что это были домашніе яки и что мы, наконецъ, послѣ 55 дней странствованія въ пустынныхъ областяхъ, добрались до окраинныхъ людскихъ поселеній.

Неподалеку виднѣлась кибитка старухи. По сосѣдству отъ нея, на правомъ берегу рѣки, мы и разбили лагерь № XXXVIII.

Въ окрестностяхъ паслись яки, козы и овцы старухи, и при видѣ послѣднихъ у насъ потекли слюнки изо рта.

Разговоръ со старухой оказался настоящимъ оселкомъ для нашего терпѣнія. Разумѣется, она не знала, что мы за птицы такія, а изъ насъ никто не понималъ по монгольски. Парпи-бай помнилъ одно слово „бане" (имѣется), а я зналъ изъ географіи общеупотребительныя наименованія вродѣ: „ула"—гора, „голъ"—рѣка и „норъ"—озеро. Но дать съ этимъ скуднымъ запасомъ словъ старухѣ понять, что прежде всего мы хотимъ купить у нея овцу, было не легко. И вотъ, я принялся блеять по бараньи, а потомъ показалъ старухѣ китайскую монету въ два лана, она поняла, и на ужинъ у насъ была настоящая свѣжая баранина!

Люди мои сіяли. Конецъ уединенной тяжелой жизни на высотахъ! Нечего больше скупиться на провизію, не надо питаться жесткимъ яковымъ мясомъ! Быть можетъ, намъ даже удастся теперь спасти остатки нашего нѣкогда столь внушительнаго каравана.

Съ помощью знаковъ старуха объяснила намъ, что мужъ ея отправился въ горы стрѣлять яковъ, но вернется домой до захода солнца.

Въ ожиданіи его я съ Парпи-баемъ и Эминомъ-Мирзой посѣтили кибитку старухи. Завидѣвъ насъ, она со своимъ восьмилѣтнимъ сыномъ учтиво вышла намъ на встрѣчу. Мальчуганъ получилъ отъ насъ кусочекъ сахару, а старуха щепоть табаку, которою сейчасъ набила свою длинную, узкую китайскую трубку. Весь страхъ ея теперь какъ рукой сняло.

Кибитка состояла изъ стараго изодраннаго войлочнаго ковра, наброшеннаго на два шеста; къ серединѣ продольныхъ внутреннихъ сторонъ были подвѣшены два горизонтальныхъ шеста, проходившихъ въ дыры въ войлокѣ и привязанныхъ къ стоявшимъ снаружи шестамъ, въ свою очередь укрѣпленнымъ веревками. Благодаря такому устройству, кибитка становилась болѣе выгнутой и просторной. Посреди крыши было дымовое отверстіе. Шесты были тамарисковые и привезены изъ Гаджира въ Цайдамѣ.

Вѣтеръ задулъ съ запада, поднялась вьюга; мы зашли въ кибитку и принялись разсматривать ея внутреннее убранство. Главною выдающеюся частью меблировки являлся небольшой кубической формы деревянный ящикъ, стоявшій около поперечной стѣны, прямо противъ входа. По словамъ Парпи-бая это былъ „бурхана“ или кумирня въ миніатюрѣ. Послѣ нѣкотораго колебанья старуха подняла крышку, и мы увидѣли въ ящикѣ священныя тибетскія книги, т. е. отдѣльныя длинныя, исписанныя полоски бумаги. Каждая книга, т. е. кипа такихъ полосокъ, была обвернута кускомъ матеріи. На крышкѣ лежалъ пукъ яковыхъ хвостовъ, которымъ старуха, какъ метелкой, смахивала пыль со святыни. Нѣсколько хранившихся тамъ-же мѣдныхъ и деревянныхъ чашъ, видимо, служили священными сосудами.

Хозяйственная утварь состояла изъ китайской фарфоровой чашки, кожанаго ведра, кожанаго-же кувшина, желѣз-

наго котла, мѣдной кастрюли съ крышкой, чайника изъ желтой мѣди, мѣшка съ высушенными травами, игравшими роль благовонныхъ куреній, ножа, раздувальныхъ мѣховъ, огнива, сѣдла, сбруи, рваной одежды, бараньяго желудка съ яковымъ жиромъ и мѣшка съ цзамбой.

Большую часть помѣщенія занимали, однако, куски превосходнаго яковаго мяса. Снаружи около палатки тоже лежало мясо, такъ что намъ пришлось привязать своихъ собакъ.

Мясо оставляютъ такимъ образомъ на воздухѣ, пока оно высохнетъ, почернѣетъ и затвердѣетъ, какъ дерево. Старуха отрѣзала ножемъ нѣсколько ломтиковъ, поджарила ихъ надъ огнемъ и угостила насъ. Мы узнали, что семья эта живетъ здѣсь круглый годъ, чтобы снабжать своихъ сородичей въ Цайдамѣ яковымъ мясомъ.

Посреди кибитки стоялъ на трехъ камняхъ котелъ, а вокругъ шелъ какъ-бы валъ изъ яковаго помета. Собираясь разжечь костеръ, старуха высѣкла огнивомъ огонь и подхватила искры горстью растительнаго пуха, которую затѣмъ сунула въ сухой распыленный лошадиный пометъ, а когда этотъ, съ помощью мѣховъ, затлѣлся, прикрыла его яковымъ пометомъ.

Мяса кулановъ монголы не ѣдятъ, кобылъ своихъ доятъ, и старуха угостила насъ питьемъ, напоминавшимъ киргизскій „айранъ". Лампой служилъ выдолбленный камень, наполненный яковымъ жиромъ и опирающійся на низкій треножникъ.

И мать и ребенокъ носили бараньи тулупы, подпоясанные кушаками, а на ногахъ сапоги. Голову старухи прикрывалъ продолговатый платокъ; концы его были завязаны узломъ на затылкѣ; волосы были заплетены въ двѣ длинныя косы, прикрытыя кускомъ матеріи. Мальчуганъ ходилъ съ непокрытой головой. У него волосы заплетены были въ три косички, торчавшія въ разныя стороны, точно крысиные хвостики.

Вечеромъ, когда мы смаковали свѣжую, вкусную баранину, вернулся домой старикъ съ застрѣленнымъ якомъ. Онъ былъ не мало удивленъ, увидавъ здѣсь чужихъ, но оказался человѣкомъ разумнымъ и отнесся къ дѣлу спокойно. Звали его Дорча.

Типъ его былъ чисто монгольскій: маленькій старичокъ съ обвѣтрѣлымъ, морщинистымъ лицомъ, маленькими глазками и рѣденькой растительностью на губахъ и на подбородкѣ.

Одѣтъ онъ былъ въ бараній тулупъ и кожаные панталоны; ноги были обвернуты кусками войлока, голову прикрывала войлочная-же шапочка. По джагатай-тюркски онъ смыслилъ столько-же, сколько Парпи-бай по монгольски.

Мы, впрочемъ, обходились, какъ умѣли, и скоро стали кое-что понимать. Мѣстность эта называлась Моссото, а рѣка была однимъ изъ истоковъ Найджинъ-гола. Мы спросили насчетъ слѣдовъ трехъ верблюдовъ, видѣнныхъ нами два дня тому назадъ; оказалось, что это одна семья недавно выступила со всѣмъ своимъ скарбомъ въ зимнюю стоянку около Гаджира. Если-бы мы пошли по этимъ слѣдамъ, мы черезъ 5 дней были-бы въ Гаджирѣ. По той-же дорогѣ, по которой мы шли, до Гаджира было восемь дней пути.

Въ одномъ днѣ пути внизъ по рѣкѣ жили Найджи-монголы. На нихъ недавно произвели нападеніе вооруженные съ ногъ до головы тангуты, явившіеся съ юго востока, и ограбили ихъ до чиста. Монголамъ съ тѣхъ поръ приходится жить исключительно яковымъ мясомъ. Они отправили въ Сининъ къ губернатору челобитчиковъ съ просьбой о помощи, и губернаторъ прислалъ имъ муки и хлѣба. Дорча и не совѣтовалъ намъ продолжать путь въ этомъ направленіи, — нельзя будетъ достать даже самаго необходимаго продовольствія.

Старику подарили за его сообщеніе папиросу, набили его пороховницу порохомъ, и онъ остался очень доволенъ нами. Тѣмъ и закончился этотъ счастливый день.

Мы были уже нѣсколько удручены нашимъ продолжительнымъ скитаньемъ по безлюднымъ областямъ, и встрѣча съ людьми подѣйствовала на насъ, какъ жизненный эликсиръ; мы вновь ожили. Обильная водой рѣчка мелодично журчала между гранитными глыбами, и такъ пріятно было прислушиваться къ этой музыкѣ.

Разумѣется, мы провели у монголовъ и весь слѣдующій день, но не оставались праздными. Прежде всего мы купили трехъ небольшихъ крѣпкихъ лошадокъ и двухъ овецъ. Худшихъ изъ нашихъ животныхъ, въ томъ числѣ и двухъ истомленныхъ верблюдовъ, мы совсѣмъ забраковали. Монголы могли угостить насъ лишь козьимъ молокомъ, но мы и ему были рады. Ихъ же мы обрадовали небольшимъ запасомъ чая и хлѣба.

Во время нашихъ переговоровъ около моей палатки вдругъ раздался крикъ: „Медвѣдь!“ Исламъ-бай со своимъ ружьемъ и Дорча со своимъ длиннымъ, неуклюжимъ кремневымъ ружьемъ пустились за звѣремъ. Но тотъ былъ легокъ на ногу и быстро скрылся въ горахъ.

Первые монголы: Дорча, его сынъ и зять.
(Съ рисунка автора).

Меня особенно позабавилъ первый урокъ монгольскаго языка. Дорча былъ необычайно комиченъ со своими отчаянными попытками понять, что я хочу сказать своими жестами. Первымъ шагомъ было изученіе счета, который я быстро и постигъ съ помощью пальцевъ: нигэ, хояръ, гурба, дурбэ, табу,

чжиргуганъ, дологанъ, найманъ, йисунъ, арба, арба-нигэ и т. д. Нетрудно было также усвоить себѣ названія окружающихъ предметовъ: палатки и ея частей, красокъ, частей тѣла, географическихъ названій и т. п.

Такимъ образомъ у меня составился длинный списокъ самыхъ необходимыхъ словъ, и я послѣ перваго же урока могъ разговаривать съ Дорчей, составляя простыя фразы, въ родѣ: „гурба тэмэнъ байна"—у насъ три верблюда; „бамбураши му" —медвѣдь золъ, и т. п.

Съ глаголами было потруднѣе, но всетаки важнѣйшіе я заучилъ въ тотъ-же вечеръ, напр: идги, быть, ѣхать верхомъ, искать, падать, находить, снѣгъ идетъ, дождь идетъ и т. п. Урокъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и гимнастическимъ упражненіемъ, какъ такъ я продѣлывалъ всѣ эти движенія, а разъ даже привелъ Дорчу въ полное изумленіе, принявшись колотить его по загорбку, чтобы узнать, какъ обозначается это дѣйствіе по монгольски.

Въ теченіе двухъ недѣль Дорчи былъ нашимъ проводникомъ, и мы каждый свободный часъ посвящали лингвистическимъ занятіямъ. Я прислушивался также къ его разговору съ сородичами и дѣлалъ быстрые успѣхи, такъ что скоро могъ уже самъ объясняться съ монголами.

Когда одолѣешь первыя трудности и научишься связывать слова въ предложенія, дальнѣйшее совершенствованіе въ языкѣ нетрудно: стоитъ только увеличивать запасъ словъ и упражняться въ разговорѣ.

Зато мнѣ и не было нужды прибѣгать къ переводчикамъ во время нашего долговременнаго пребыванія среди монголовъ; я могъ даже безъ посредничества переводчика вести бесѣду съ „живымъ Буддой" въ монастырѣ Кумбумѣ (Гумбумъ), и съ вице-королемъ Ванъ-я фу. Такимъ образомъ мы избѣжали всѣхъ затрудненій и непріятностей, которыхъ я ожидалъ, лишившись переводчика Фонгъ-Ши.

Утромъ 3 октября я, сѣвъ на свою новую лошадь, вновь опредѣлилъ единицу времени, нужную для прохожденія извѣстнаго пространства, и затѣмъ мы выступили изъ Моссото, куда прибыло изъ горъ еще одно монгольское семейство, чтобы посмотрѣть на насъ.

Сначала мы слѣдовали по лѣвому берегу рѣки, потомъ

свернули къ сѣверу по каменистой боковой долинѣ. Стадо куланов, головъ въ 150, завидѣвъ насъ, исчезло съ быстротой вѣтра. Долина мало-по-малу расширилась и стала плодородной. Около одного озерка Дорча слѣзъ съ лошади и заявилъ, что мѣсто это Ихэ-цаганъ-номунъ (4,390 м.) и что намъ здѣсь надо сдѣлать остановку. Мы такъ и сдѣлали, пройдя въ этотъ день 20 кил.

4 октября проводникъ нашъ повелъ насъ дальше вверхъ по долинѣ, которая постепенно заворачивала къ сѣверо-востоку и востоку. Подъемъ становился вмѣстѣ съ тѣмъ все круче; долина съ обѣихъ сторонъ была окаймлена громадными отторженцами и грудами щебня. Темнозеленый слюдяной сланецъ смѣнился краснымъ и сѣрымъ гранитомъ; перевалъ Ихэ-цаганъ-даванъ (4,974 м. высоты) былъ также сложенъ изъ гранита.

Путь былъ хорошій. Три нашихъ послѣднихъ верблюда подымались по этимъ округленнымъ высотамъ безъ видимаго труда. Видъ съ перевала открывался не особенно обширный, такъ какъ перёвалъ окруженъ вершинами горъ, а восточная долина, дугой загибающая къ сѣверу, заключена между высокими, закрывающими ее горами.

На перевалѣ лежалъ глубокій снѣгъ; на восточномъ склонѣ снѣгу было еще больше, чѣмъ на западномъ. Восточная долина, по которой мы спускались между кучами щебня и отторженцами, очерчена очень рѣзко, тогда какъ западный склонъ отлогъ и образуетъ переходъ къ сѣверно-тибетскому плато. Мы нашли, что низкій перевалъ, который мы перешли къ сѣверу отъ 20-го озера, образовывалъ очень важный водораздѣлъ. Къ югу отъ него вода стекала въ неимѣющую стока область Тибета, а къ сѣверу въ такую-же область Цайдама.

Около того мѣста, гдѣ долина заворачивала къ сѣверу, рѣка, стекавшая съ перевала и успѣвшая уже принять нѣсколько притоковъ, начинала свою разрушительную работу въ гранитныхъ массахъ. Вода такъ и кипѣла въ глубокомъ узкомъ ущельѣ, съ отвѣсными стѣнами скалъ, усѣянномъ на днѣ отторженцами.

Исламъ, ѣхавшій, по обыкновенію, впереди каравана, избралъ этотъ путь. Но Дорча, ѣхавшій за мной, называя мнѣ всѣ эти долины, рѣки и горы, сказалъ, что лучше ѣхать по

гребню горъ, идущихъ по западному краю долины: тамъ верхній почвенный слой состоялъ изъ мягкой, желтой глины. И эти высоты обрывались круто въ балку, гдѣ журчала рѣка; судя по достигавшему до насъ журчанью ея, глубину обрыва надо было опредѣлить въ 100 м.

Тропа, шириною едва въ одинъ футъ, точно обрисовывала рельефъ склоновъ и часто была буквально вырѣзана въ почти отвѣсныхъ стѣнахъ все изъ того-же рыхлаго матеріала. Благодаря выпавшимъ атмосфернымъ осадкамъ, глинистая почва сдѣлалась скользкой. Дорча ѣхалъ впереди, я за нимъ. Вдругъ лошадь моя забрала слишкомъ къ краю рыхлой тропы, нога у нея оборвалась, и лошадь упала. Душа у меня ушла въ пятки, но я всетаки успѣлъ соскользнуть съ сѣдла и растянулся, упершись локтями въ землю.

Лошадь нѣсколько разъ перевернулась, катясь по откосу, пока, наконецъ, не обрѣла подъ ногами опору. Дорча поспѣшилъ внизъ къ ней на помощь. Если-бы лошадь не остановилась во́-время, она скатилась-бы въ пропасть, такъ какъ до края оставалось всего нѣсколько метровъ. А если-бы я во время не соскользнулъ съ сѣдла, я, пожалуй, раздѣлилъ-бы ея участь. Послѣ того я благоразумно пошелъ пѣшкомъ, ведя лошадь за поводъ.

Тропа, извиваясь, спустилась затѣмъ на дно балки, гдѣ мы присоединились къ нашему каравану и поѣхали, пробираясь между безчисленными глыбами, лежавшими и вдоль и поперекъ рѣки. Начался вѣтеръ съ сѣвера, и поднялась сильная мятель, несшаяся намъ прямо въ лицо, скрывая отъ насъ всю окрестность.

Пришлось перейти еще цѣлый рядъ опасныхъ переваловъ прежде, чѣмъ мы добрались до расширенія долины Куку-буръ, гдѣ по берегамъ рѣки разстилались чудныя травяныя лужайки. Прошли за день 27.5 килом.

5 октября. Изъ Куку-бура мы продолжали путь по рѣчной долинѣ. Она была все такъ-же камениста, и наши неподкованныя монгольскія лошади начали страдать ногами. На одномъ открытомъ мѣстечкѣ мы встрѣтили кучку монголовъ верхомъ, вооруженныхъ ружьями. И мы и они были поражены встрѣчей. Съ помощью Дорчи я завязалъ съ ними разговоръ. Рѣшено было разбить тутъ лагерь, хотя мы и прошли еще

только 15 килом. Но мѣстечко (Харато) было прелестное, богатое растительностью и расположенное всего на высотѣ 3,371 м. Въ первый разъ послѣ двухъ мѣсяцевъ пути находились мы на такой незначительной высотѣ, а впереди намъ предстояло спускаться все ниже и ниже, — пріятная перспектива!

Верховыхъ было 6 человѣкъ, между ними одна женщина. Они ѣхали съ Ихэ-цаганъ-гола въ Моссото и затѣмъ дальше въ горы, чтобы запастись на зиму яковымъ мясомъ. Они полагали пробыть въ пути 15 — 20 дней, но продовольствія взяли всего дней на 5 — 6, надѣясь затѣмъ питаться мясомъ

Долина Ихэ-цаганъ-гола.
(Съ рисунка автора).

яковъ. Возвращаясь съ удачной охоты, они везутъ на своихъ лошадяхъ мороженое мясо, а сами идутъ уже пѣшкомъ.

Теперь какъ разъ было время охоты на яковъ. Яки въ это время держатся на окраинахъ Тибетскаго плато, розыскивая подножный кормъ получше. Охота ведется такъ-же, какъ и у таглыковъ. На яка нападаютъ, по крайней мѣрѣ, два охотника заразъ, чтобы имѣть въ запасѣ одинъ или нѣсколько выстрѣловъ, если якъ бросится на одного изъ нихъ.

Монголы были очень веселы; видимо, эта осенняя охотничья экскурсія вносила пріятное разнообразіе въ ихъ монотонную, бѣдную событіями жизнь. Сезонъ охоты на яковъ про-

должается съ мѣсяцъ, и каждая охотничья партія имѣетъ свои опредѣленные участки для охоты, гдѣ охотники живутъ безъ кибитокъ подъ открытымъ небомъ, безъ всякихъ пожитковъ, кромѣ платья на себѣ, сѣделъ, ружей, да небольшихъ мѣшковъ съ кое-какими съѣстными припасами.

Монголы расположились въ кустахъ, около моей палатки, развели огонь между тремя камнями, поставили на нихъ котелъ и, когда я присоединился къ ихъ кружку, привѣтствовали меня дружелюбнымъ: амуръ сайнъ? (какъ поживаете?).

Когда вода закипѣла, одинъ изъ старшихъ вынулъ изъ мѣшка шесть мелкихъ деревянныхъ тарелочекъ и, роздавъ ихъ товарищамъ, насыпалъ въ каждую по нѣскольку горстей поджаренной ячменной муки. Затѣмъ, онъ изрѣзалъ тонкими ломтиками кишку, начиненную застывшимъ бараньимъ саломъ и смѣшалъ сало съ мукою.

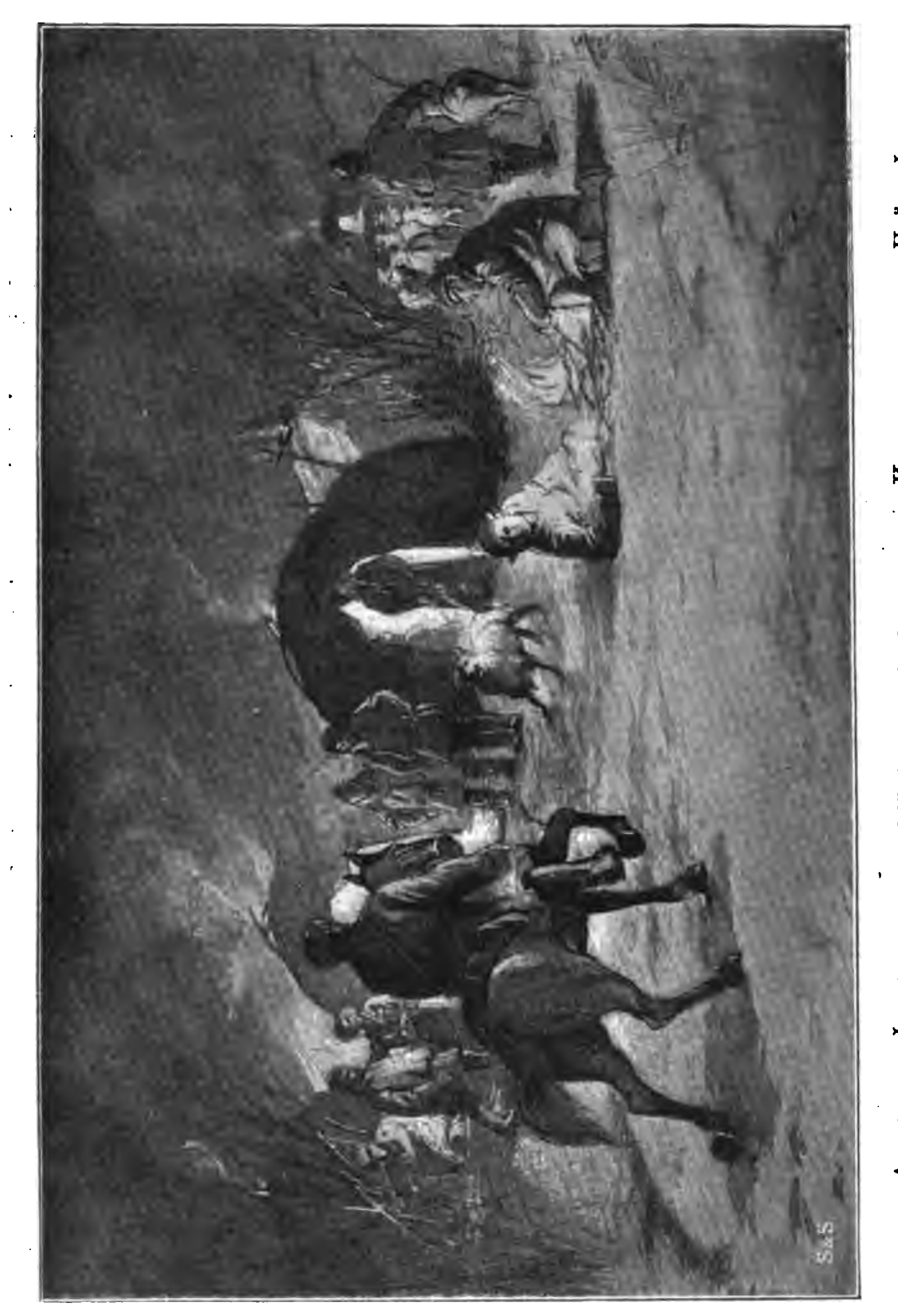
Послѣ этого женщина, поддерживавшая огонь, зачерпнула желѣзной ложкой кипящей воды изъ котла, разлила ее по тарелкамъ, и „цзамба", любимое блюдо монголовъ, было готово. Когда жидкое содержимое тарелокъ было съѣдено, на днѣ ихъ осталось еще столько жира и муки, что можно было прибавить еще по нѣскольку ложекъ воды.

Блюдо это и составляло весь обѣдъ монголовъ. Послѣ обѣда они закурили трубки со сквернымъ китайскимъ табакомъ и пришли въ настроеніе полнаго благодушія. Всѣ они были, повидимому, большіе охотники до трубочки.

Все одѣяніе ихъ состояло изъ тулупа, панталонъ, сапоговъ и шапки. Тулупъ они накидывали прямо на тѣло и, видимо, были нечувствительны къ холоду, такъ какъ правая рука и плечо оставались голыми. Ночью они закутывались въ тулупы и располагались около костра. Въ сильныя-же вьюги, они устраивали себѣ походную палатку изъ ружей, сѣделъ и войлоковъ. Волосы у всѣхъ были заплетены въ косы; молились они, сидя на корточкахъ и перебирая четки, чтобы отмѣчать, сколько разъ произнесутъ молитву: „Омъ мани падме хумъ".

6 октября. Рано утромъ монголы, продавъ намъ пару изъ своихъ лошадей, двинулись дальше. Черезъ часъ собрались выступать и мы, и оказалось, что вновь пріобрѣтенныя лошади ушли по привычкѣ за своими прежними владѣльцами. Приш-

лось двумъ изъ моихъ людей ѣхать въ догонку за ними, и мы

Авторъ подъѣзжаетъ ночью къ первому монгольскому аулу — Ихэ-цаганъ-голъ въ Цайдамѣ.
(Съ рисунка Л. Нюблома).

выступили только около 10 ч. утра. Двое таглыковъ съ тремя верблюдами выступили, впрочемъ, гораздо раньше. За ними

двинулся я съ Дорчей и Джолдашемъ и, наконецъ, лошадиный караванъ.

Мы перешли въ бродъ рѣку, и она долгое время шла у насъ по правую руку. Долина расширилась, и гранитныя скалы обнаружили стремленіе разойтись. За послѣднимъ ущельемъ, гдѣ рѣка жалась къ правой стѣнѣ горъ, открылся на сѣверъ необычайный видъ: горизонтъ образовывалъ здѣсь безконечно отдаленную, совершенно ровную линію.

Теперь мы уклонились въ сторону отъ рѣки, но черезъ нѣкоторое время снова очутились въ ея руслѣ, которое становилось все шире, ровнѣе и бѣднѣе щебнемъ и несло воду лишь лѣтомъ. По этой долинѣ мы ѣхали затѣмъ весь день. Горные отроги, окаймляющіе долину Харато, раздвигались образуя воронкообразное расширеніе, но по обѣ стороны долины, на востокѣ и на западѣ, виднѣлись еще ихъ крайніе побѣги.

Устье долины явилось и границей всякой растительности. Дальше шла совершенно безплодная равнина съ едва замѣтнымъ уклономъ къ сѣверу, которая, подъ конецъ, переходила въ настоящую пустыню. Тамъ и сямъ виднѣлись низкіе песчаные холмы, насыпанные, видимо, WNW вѣтрами. Ни признака жизни, ни слѣда человѣческаго, ни тропинки. Тишь и безмолвіе.

Передъ нами разстилалась безграничная равнина. Просто голова кружилась съ непривычки среди этого безбрежнаго пространства. Только, обернувшись назадъ, можно было остановить взоръ на мощномъ хребтѣ съ его снѣжными вершинами. Вслѣдствіе дальности разстоянія и непрозрачности воздуха, онъ казался стѣной, нарисованной на одной плоскости, нельзя было различить даже устья долины, которую мы только что покинули.

Бассейнъ Цайдама напоминаетъ такимъ образомъ во многихъ мѣстахъ бассейнъ Тарима. Подошвы горъ также опоясываются здѣсь полосой пустыни, за которою уже начинаются оазисы; также текутъ по пескамъ рѣки; но поясъ песковъ не такъ мощенъ и широкъ, центральныя-же части бассейна впадаютъ въ обширныя соленыя озера.

Такъ мы ѣхали къ сѣверу часъ за часомъ и еще задолго до наступленія сумерекъ обогнали верблюдовъ. Полоса пу-

стыни смѣнилась степью, съ зарослями тамариска, сначала скудными, затѣмъ все болѣе густыми; кусты тамариска большею частью росли здѣсь, какъ и въ Восточномъ Туркестанѣ, на буграхъ. Дорча еле могъ найти тропу среди этого лабиринта кустовъ и выразилъ опасеніе, что остальной караванъ

Нищій-монголъ.
(Съ рисунка автора).

ни за что не найдетъ безъ проводника дороги къ мѣсту стоянки. Поэтому онъ, указавъ мнѣ направленіе, по которому я долженъ ѣхать самъ, поскакалъ обратно и прежде, чѣмъ я успѣлъ что либо возразить, скрылся во мракѣ.

Къ счастью, лошади моей эта мѣстность была знакомѣе,

чѣмъ мнѣ, и, проѣхавъ шагомъ съ часъ, я завидѣлъ между кустами къ сѣверу огни. Потомъ послышался собачій лай, и цѣлая стая монгольскихъ собакъ вынеслась на встрѣчу мнѣ и Джолдашу, который, однако, во время успѣлъ спастись у меня на сѣдлѣ.

Вотъ показались и люди и палатки. Я спокойно подъѣхалъ къ одной изъ нихъ, привязалъ лошадь и пошелъ, привѣтствуя шестерыхъ изумленныхъ монголовъ дружескимъ „амуръ сайнъ", усѣлся у огня и закурилъ трубку. Въ углу стояла кринка съ кумысомъ, и я хлебнулъ изъ нея здоровый глотокъ. Напитокъ напоминалъ квасъ и очень освѣжилъ меня послѣ столь продолжительной ѣзды (43 килом.).

Монголы только таращились на меня, не говоря ни слова. Они осмѣливались лишь подкладывать топлива въ огонь и окончательно пришли въ себя не раньше, нежели Дорча, явившійся съ караваномъ черезъ 2 часа, объяснилъ имъ, что мы за люди.

На свободномъ мѣстѣ между кибитками монголовъ разбили наши палатки и разложили костеръ. Ужинъ мнѣ успѣли приготовить лишь къ часу ночи. Послѣдній форсированный переходъ стоилъ намъ двухъ лошадей и осла; теперь у насъ оставалось только 3 верблюда, 3 лошади и 1 оселъ изъ 56 животныхъ, съ которыми мы два мѣсяца тому назадъ выступили изъ Далай-кургана.

XXI.

Между Цайдамскими монголами.

Мы оставались около Ихэ-цаганъ-гола до 11 октября; отдыхъ былъ крайне необходимъ. Прежде всего мы разсчитались съ Гамданъ-баемъ и таглыками, которымъ хотѣлось поскорѣе отправиться на родину черезъ Чименъ-тагъ и Токкузъ-даванъ.

За перенесенные труды и безукоризненную службу они получили двойную противъ условленной плату, большой за-

пасъ провизіи, нѣсколько овецъ и нашихъ забракованныхъ животныхъ, которымъ, однако, надо было дать немного отдохнуть передъ новымъ путешествіемъ.

Слѣдующимъ дѣломъ, требовавшимъ и времени и многихъ соображеній, было снаряженіе новаго каравана. Узнавъ, что

Бурханы изъ Лассы ($^4/_7$ натуральной величины).
(Съ фотографіи Даллёфа).

намъ нужны лошади, монголы день-деньской толклись у моей палатки, предлагая лошадей. Цѣнъ они не заламывали, и мы пріобрѣли у нихъ 20 крѣпкихъ, сытыхъ лошадей.

Но намъ еще нужны были вьючныя сѣдла. Старыя были брошены вмѣстѣ съ павшими по пути животными. Парпи-бай

былъ мастеръ изготовлять сѣдла, матеріалъ доставили монголы, и площадка передъ людской палаткой превратилась въ сѣдельную мастерскую.

Я-же былъ цѣлые дни занятъ изученіемъ языка и разспросами монголовъ насчетъ мѣстныхъ географическихъ названій, климата, образа жизни монголовъ, ихъ религіи и т. п. Большинство изъ нихъ бывало въ Лассѣ и разсказывало много интереснаго объ этомъ городѣ и о пути туда.

Узнавъ, что я очень интересуюсь ихъ „бурханами", — фигурки боговъ изъ терракоты, которыя монголы носятъ въ футлярахъ („гау") на шеѣ, — они стали приносить ихъ мнѣ и даже продавали тайкомъ за хорошую цѣну. Боялись они въ данномъ случаѣ не меня, а другъ друга, являлись въ мою палатку только въ сумерки и просили тотчасъ-же спрятать фигурки на дно моихъ сундуковъ.

Бурханы эти были мастерски сдѣланы въ Лассѣ. Футлярчики часто бываютъ серебряные съ выгравированными оригинальными, красивыми рисунками, съ украшеніями изъ бирюзы и кораллове. Болѣе простые дѣлаются изъ красной мѣди или желтой.

Скоро я совсѣмъ подружился съ обитателями Ихэ-цаганъ-гола. Когда я рисовалъ, они вѣчно сидѣли около моей палатки, а когда заходилъ къ нимъ въ гости, угощали меня чаемъ и цзамбой. Они не выказывали даже и малѣйшей суевѣрной боязни или застѣнчивости, когда я срисовывалъ съ нихъ портреты. Мнѣ даже удалось подвергнуть многихъ изъ нихъ антропологическимъ измѣреніямъ.

Имъ не понравилось только, когда я вздумалъ отмѣтить высоту ихъ роста на шестѣ, подпирающемъ палатку. Они вообще всегда остерегались, чтобы я не дотрóнулся руками до ихъ макушки, можетъ быть, потому, что они возлагаютъ себѣ на голову бурхановъ въ знакъ почитанія, или потому, что ихъ благословилъ Далай-Лама или другое высшее духовное лицо.

Монголы придерживаются одноженства, и женщины у нихъ пользуются куда большею свободою, нежели у мусульманъ. Онѣ занимаютъ мѣста въ общемъ кругу около костра и не носятъ покрывалъ. Тулупы у нихъ держатся только на лѣвомъ плечѣ и на таліи, а вся правая верхняя часть туловища

остается голой. Груди, даже у молодыхъ женщинъ, некрасивыя, отвислыя.

Не думаю, чтобы такая откровенность костюма содѣйствовала сохраненію супружеской вѣрности. Но, пожалуй, они такъ привыкли къ такому оголенію, что находятъ его вполнѣ естественнымъ. Сами монголы увѣряли меня, что нравственность у нихъ куда выше, чѣмъ у мусульманъ. Уже одно то, что мусульмане многоженцы, свидѣтельствуетъ, по мнѣнію монголовъ, о ихъ низкомъ нравственномъ уровнѣ.

Въ первый-же день ко мнѣ явился съ визитомъ самъ старшина Ихэ-цаганъ-гольскій Сонумъ и принесъ въ даръ

„Гау" или футлярчики для бурхановъ ($^1/_7$ натуральной величины).
(Съ фотографіи Даллефа).

прѣснаго молока, кислаго кобыльяго молока и перебродившаго кумыса, похожаго на водку. Послѣдній имѣлъ отвратительный вкусъ, но, должно быть, былъ крѣпокъ, такъ какъ Парпи-бай, нѣсколько неумѣренно хлѣбнувшій его, никуда не годился потомъ весь день. Сонумъ былъ одѣтъ въ огненно-красную мантію и китайскую шапку съ пуговкой и длинными лентами.

На слѣдующій день я отдалъ визитъ. Прямо противъ входа въ кибиткѣ стоялъ небольшой алтарь. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ, поставленныхъ одинъ на другой ящиковъ съ деревянной дощечкой сверху. На послѣдней были разставлены въ рядъ мѣдныя чашечки и блюдца съ водой, мукой, цзамбой и другими приношеніями бурханамъ.

Кромѣ того, тамъ находились священныя книги, вращающіеся молитвенные валики и бурханы изъ Лассы и Дашилумпо. Прикасаясь къ послѣднимъ или глядя на нихъ, нельзя ни курить, ни даже дышать на нихъ. Я, по незнанію, погрѣшилъ противъ этого закона, и бурхана очистили, подержавъ надъ жаровней, съ какими-то благовонными травами. Изображеній не долженъ также касаться прахъ.

Посреди кибитки горѣлъ подъ таганомъ огонь, поддерживаемый тамарисковыми вѣтвями и корнями; на таганѣ стоялъ котелъ. Для гостей приготовили небольшія скамеечки, на которыя и ставились кушанья. Такимъ образомъ, въ кибиткѣ было больше мебели, нежели у киргизовъ. Самыя кибитки называются „ургами"; онѣ очень похожи на киргизскія „карауи". Замѣчательно, эта форма жилищъ распространена по всей огромной Центральной Азіи, у народовъ самыхъ различныхъ расъ, не имѣющихъ даже сношеній между собою. Матеріалъ, изъ котораго кибитки дѣлаются, свидѣтельствуетъ о бѣдности страны другими сырыми продуктами, а форма дѣйствительно самая удобная и практичная.

Около палатки было водружено въ землю копье, — знакъ резиденціи старшины. Вокругъ росли высокіе, какъ деревья, кусты тамариска. Они доставляютъ матеріалъ для выдѣлки разной посуды и другой обиходной утвари, которую монголы мастерятъ сами. Значительную часть домашней утвари и продовольствія, напр. муку, они привозятъ изъ Синина.

Наши знакомцы монголы были настоящими кочевниками. Когда скотъ ихъ съѣстъ весь подножный кормъ въ одномъ мѣстѣ, они переходятъ на другое. Аулъ ихъ былъ расположенъ очень благопріятно, въ сухомъ руслѣ рѣки; воду они доставали изъ колодца, глубиною въ 1.21 м.; изъ колодца-же поили по вечерамъ животныхъ. Особенно развито у монголовъ коневодство. По всей окрестности разносилось лошадиное ржанье; по вечерамъ женщины доили кобылъ. Кумысъ, или закисшее и перебродившее кобылье молоко, и является главнымъ напиткомъ монголовъ. Они держатъ также много овецъ, верблюдовъ и рогатаго скота, земледѣліемъ-же вовсе не занимаются.

Во время нашего пребыванія въ Ихэ-цаганъ-голѣ стояла чудесная погода. Воздухъ былъ чистъ и спокоенъ; около полудня температура подымалась до + 15°. Въ палаткѣ стано-

вилось иногда такъ жарко, что мнѣ приходилось сидѣть въ одной рубашкѣ. Ночи, наоборотъ, были такія-же холодныя, какъ въ горахъ; въ ночь на 12 октября минимальный термометръ упалъ до — 15.1°. Особенно красивымъ бывалъ всегда закатъ, когда хребетъ Цаганъ-ула рисовался на югѣ чернымъ рѣзкимъ силуэтомъ. Да, недурно было въ это осеннее время сознавать, что онъ остался позади.

Въ сумерки, въ аулѣ начиналась суета,—приходилъ скотъ; женщины съ длинными косами, въ широкихъ войлочныхъ шапкахъ, то и дѣло сновали между рядами сытыхъ кобылъ и блеющихъ овецъ, мужчины загоняли стада, а стая длинношерстыхъ черныхъ собакъ подымала страшный гамъ. Мои люди, закончивъ свой трудовой день, усаживались вокругъ костра ужинать, а Мирза громко читалъ имъ изъ хроники объ Имамѣ-Джафарѣ-Садыкѣ. Въ общемъ выходила привлекательная картина. Въ полуоткрытыхъ кибиткахъ блестѣли огни, и мы въ полномъ смыслѣ слова наслаждались благодатнымъ отдыхомъ въ этомъ совершенно лѣтнемъ климатѣ, послѣ долгаго пребыванія въ холодныхъ непривѣтливыхъ горахъ. Въ этомъ плотномъ воздухѣ можно было шевелиться, не боясь запыхаться. Абсолютная высота мѣстности равнялась всего 2,815 м.

Монгольскій лама.
(Съ русской фотографіи изъ Урги).

Хотя мои слуги — мусульмане въ глубинѣ души презирали монголовъ, считая ихъ дикарями и язычниками, обѣ сто-

роны прекрасно уживались, стараясь понять другъ друга. Можно было умереть со смѣху, глядя, какъ Дорча совершенно серьезно выдѣлывалъ невѣроятные жесты и гримасы, чтобы растолковать что-нибудь мусульманамъ. Онъ кричалъ имъ, словно глухимъ, корчилъ гримасы, какъ будто лицо у него было изъ гуттаперчи, прыгалъ и подскакивалъ точно клоунъ. Зато, когда слушателямъ, наконецъ, удавалось понять его, удовольствію его не было границъ. Онъ хохоталъ во все горло и долго кивалъ головой, словно фарфоровый китайскій болванчикъ.

12 октября. Съ самаго восхода солнца, въ лагерѣ царствовали суматоха, шумъ и бѣготня, обычные при сформированіи новаго каравана. Вьюки взвѣшивали и располагали попарно. Ягданы съ хрупкими вещами предназначались для болѣе спокойныхъ лошадей, вещи погрубѣе, палатки и провіантъ — для болѣе рѣзвыхъ. Весь аулъ со старшиной во главѣ былъ на ногахъ. Намъ не хватило веревокъ, и ихъ тотчасъ-же доставили. Женщины нанесли намъ молока на два дня. Когда караванъ уже отъѣхалъ порядочный конецъ, насъ догналъ одинъ молодой монголъ, только теперь рѣшившійся продать своего бурхана.

Караванъ съ виду былъ очень хорошъ и быстро подвигался къ востоку, подъ предводительствомъ опытнаго Дорчи. Я съ чувствомъ особеннаго удовольствія озирался на сытыхъ, крѣпкихъ, отдохнувшихъ лошадей, которыя теперь должны были служить намъ долго.

А какая перемѣна ландшафта! Мы ѣхали по мягкой тропѣ, извивавшейся по ровной степи съ сочною травою. По правую руку высился вдали Цаганъ-ула, налѣво разстилались словно море безбрежныя пустыни Цайдама. Рѣзкимъ измѣненіямъ рельефа, разнымъ неожиданностямъ, столь свойственнымъ горнымъ областямъ, насталъ конецъ, и моимъ глазамъ и перу было мало дѣла. Ландшафтъ сталъ крайне однообразнымъ; оживляли его только овраги, да сухія русла рѣкъ. Въ Баганамага (маленькомъ источникѣ) мы напоили лошадей. На привалъ-же остановились въ степи, гдѣ не было недостатка ни въ водѣ, ни въ подножномъ кормѣ, ни въ топливѣ; прошли 29 килом.

13 октября. Дулъ довольно свѣжій, западный вѣтеръ, наполнившій атмосферу пылью, которая застлала ближайшія

горы. Тропа наша шла къ OSO то по кочковатымъ, пустыннымъ солончакамъ, то по сочнымъ и густымъ зарослямъ камыша, то по сухимъ оврагамъ и балкамъ.

Въ Цакшѣ, до которой было отъ послѣдняго лагеря 31 килом.; мы нашли 10 монгольскихъ кибитокъ, т. е. столько-же, сколько въ Ихэ-цаганъ-голѣ. И здѣсь я встрѣтилъ дружественный прiемъ у старшины; всѣ члены его семьи были заняты изготовленiемъ стремянъ изъ вѣтвей тамариска и ремней.

На слѣдующiй день тропа немного уклонилась къ сѣверу и пошла по обширной солончаковатой, болотистой мѣстности; грунтъ хотя и просохъ отчасти, все еще былъ неудобенъ для передвиженiя. Вдали мы видѣли иногда небольшiе аулы или стада овецъ, которыхъ стерегли мальчики и женщины. До Ихэ-гола, третьяго рукава Найджинъ-мурена (или Найджинъ-гола) было 26 км., и мы еще разъ стали лагеремъ на берегу рѣки, съ которой познакомились еще около лагеря № XXXV.

Дѣвушка-монголка.
(Съ русской фотографiи изъ Урги).

Вечеромъ явилась толпа монголовъ, желавшихъ продать матерiи изъ Лассы; они принесли съ собой водки въ двухъ мѣдныхъ кувшинахъ. Водкой этой они вмѣстѣ съ Дорчей наугощались такъ, что принялись громко кричать и вызывать мусульманъ на единоборство. Борьба имѣла то хорошее послѣдствiе, что полупьяные монголы значительно протрезвились. Послѣ того они заснули крѣпкимъ сномъ, а на другое утро

стали просить дать имъ отдохнуть у насъ денекъ, ссылаясь на головную боль. Но имъ было отказано.

Мы переѣхали вбродъ Ихэ-голъ, ширина котораго доходила здѣсь до 400 м., а глубина была крайне незначительна. Береговыя террасы, высотою въ 5 м., указывали, однако, что лѣтомъ уровень воды значительно повышается. Русло рѣки было слегка усѣяно щебнемъ, и направлялось значительными извилинами къ сѣверу, къ центральному соленоводному бассейну.

Ландшафтъ на противоположномъ берегу былъ также однообразенъ. Во всѣ стороны разстилалась ровная, какъ спокойная поверхность морская, тихая и пустынная степь. Никакихъ животныхъ, ни дикихъ, ни домашнихъ; взору не на чемъ остановиться, отдохнуть. Мѣстечко это называлось Урду-толе (27 килом). Тутъ мы нашли воду и подножный кормъ. Монголы, въ отличіе отъ мусульманъ, тотчасъ по приходѣ на мѣсто пускаютъ лошадей пастись на свободѣ.

16 октября мы прошли только 20 килом. до Тогда-гола (2,786 м.). Обыкновенно цайдамскіе монголы дѣлаютъ ежедневно небольшіе переходы, такъ что понятно, почему они насчитываютъ отъ Ихэ-цаганъ-гола два мѣсяца пути до Лассы и 43 дня до Синина.

Ночь была холодная, минимальный термометръ упалъ за ночь до — 16.3°. Здѣсь было, такимъ образомъ, гораздо холоднѣе, чѣмъ въ Тибетѣ; правда, что континентальная зима съ ея суровыми холодами была уже не за горами. День выдался ясный, чудесный; на югѣ ясно обрисовывались горы, носившія у мѣстныхъ жителей названіе „карангуинъ-ула" или черныя горы. Тогда-голъ течетъ по очень глубокому и узкому руслу, черезъ которое трудно было перебраться, не замочивъ ногъ. Очутившись на другомъ берегу, мы постарались поудобнѣе расположиться въ кустахъ тамариска, намѣреваясь посвятить слѣдующій день отдыху.

Проводникъ нашъ Дорча получилъ здѣсь разсчетъ и могъ вернуться въ свои пустынныя горы, къ дикимъ якамъ, куда его тянуло поскорѣе, такъ какъ онъ боялся, что старуха тревожится его долгимъ отсутствіемъ. Вмѣсто Дорчи я нанялъ молодого, высокаго, крѣпко сложеннаго монгола, по имени Лопсенъ, который много разъ бывалъ въ Лассѣ и Сининѣ и,

такимъ образомъ, прекрасно зналъ эту область. Онъ оказался однимъ изъ лучшихъ моихъ слугъ, всегда былъ веселъ и бодръ и освѣжалъ мои познанія въ монгольскомъ языкѣ.

Лопсенъ живо добылъ мнѣ нѣсколько бурхановъ и „танка" — родъ хоругвей съ изображеніями Далай-ламы и Банчинъ-Богдо*). Какъ онъ ихъ досталъ, не знаю; должно быть, просто на просто стащилъ ихъ у нашихъ сосѣдей, такъ какъ очень боялся, чтобы они не увидѣли этихъ предметовъ.

До Толе было 27 килом., которые мы и сдѣлали 18 октября. Лопсенъ остался на одинъ день со своими, чтобы запастись продовольствіемъ и лошадью, но обѣщалъ скоро догнать насъ. До Толе взялся сопровождать насъ другой монголъ, но такъ и не явился, такъ что мы обошлись безъ проводника, тѣмъ болѣе, что дорога была ясно видна. Между прочимъ, одинъ конецъ пути пришлось пробираться по тамарисковой чащѣ, напоминавшей небольшой лѣсокъ.

Лопсенъ.
(Съ рисунка автора).

Миновали очень живописное „обо". Поперегъ дороги протянуты были между кустами тамариска веревки и шнурки, увѣшанные прикрѣпленными къ нимъ разноцвѣтными лоскутьями. Каждый лоскутъ былъ исписанъ обычной молитвенной формулой. Кое-гдѣ висѣли и бараньи лопатки, также покрытыя тибетскими письменами. Въ общемъ выходило нѣчто, напоминавшее мусульманскіе лѣсные мазары, но красивѣе и живописнѣе.

*) Банчинъ-Ирембучи, духовное лицо, равное въ тибетской іерархіи. Далай-ламѣ.

Затѣмъ, намъ попалось озерко. Тутъ нагнали насъ нѣсколько верховыхъ монголовъ, которые и сказали намъ, что это Толе и что дальше мы найдемъ воду не раньше, какъ въ разстояніи еще дня пути къ востоку. Поэтому мы расположились на стоянку, купивъ у монголовъ мѣшокъ ячменя, который явился желаннымъ кормомъ для нашихъ лошадей. Въ Цайдамѣ трудно вообще доставать ячмень и хлѣбъ. Пшеницу покупаютъ въ Сининѣ, а ячмень хоть и воздѣлывается кое-гдѣ въ этой области, но въ небольшомъ количествѣ.

19-го догналъ насъ Лопсенъ, и подъ его предводительствомъ мы прошли 27 килом. до глубоко врѣзавшейся въ почву горной рѣки Гаттаръ. Теперь на сѣверѣ ясно обрисовывалась горная цѣпь, которая ограничиваетъ Цайдамскій бассейнъ съ этой стороны и которую Лопсенъ назвалъ Курлыкинъ-ула. Вечеромъ мы разговаривали въ моей палаткѣ о предстоящемъ путешествіи въ Сининъ, до котораго, по словамъ Лопсена, было 30 дней пути. Онъ сообщилъ также, что кукунорскіе тангуты извѣстные разбойники и воры, и что въ этой области намъ надо будетъ держать ухо востро. Онъ спросилъ поэтому, хорошо ли мы вооружены и, увидавъ, что у насъ три ружья и пять револьверовъ, успокоился. Далѣе онъ сообщилъ, что въ области Курлыкъ-нора и дальше къ востоку намъ придется довольствоваться малымъ по части продовольствія, такъ какъ дунганы во время послѣдняго возстанія отняли у туземцевъ весь скотъ.

20-го октября прошли по тамарисковымъ чащамъ, зарослямъ камыша и пустыннымъ участкамъ 20 килом. до Тенгеликъ-гола. Южныя горы носили здѣсь названіе Номохунъ-ула. Вообще у цайдамскихъ монголовъ нѣтъ для этихъ горъ одного общаго названія, а все мѣстныя. Горныя рѣки около Гаттара и Тенгелика впадаютъ, какъ и Баянъ-голъ, Хара-усу и Булунгиръ-голъ, въ центральное соленое озеро Голусунъ-норъ, (тростниковое озеро). Найджинъ-голъ, напротивъ, впадаетъ въ расположенное дальше къ западу озеро Доулэцзанъ-норъ, которое на европейскихъ картахъ обыкновенно обозначается неправильно Дабасунъ-норъ, или „Соленое озеро".

На слѣдующій день нашъ путь свернулъ слегка къ сѣверу, такъ что южныя горы стушевались, тогда какъ сѣверныя вырисовывались все яснѣе. По степнымъ и безплоднымъ

участкамъ прошли мы 28 килом. до Ова-тёгёрука, гдѣ раскинулось нѣсколько монгольскихъ кибитокъ и гдѣ насъ, по обыкновенію, радушно встрѣтили. Живущіе здѣсь монголы принадлежатъ къ большому племени Тадженуръ. Надъ нѣкоторыми изъ нихъ удалось произвести краніологическія измѣренія.

Монголы эти ходятъ всегда въ длинныхъ бараньихъ тулупахъ съ поясомъ, изъ подъ котораго они вытягиваютъ тулупъ настолько, что онъ образуетъ какъ-бы мѣшокъ, надѣтый на верхнюю часть туловища. Онъ и служитъ мѣшкомъ, куда они кладутъ разныя вещи; кромѣ того, они носятъ у пояса ножъ, трубку, кисетъ съ табакомъ и щипчики, которыми выщипываютъ волосы изъ бороды, если она растетъ слишкомъ густо. Сапоги они носятъ съ остроконечными носками. Голову прикрываютъ островерхою или круглою шапочкой; часто также головнымъ уборомъ служитъ кусокъ войлока, завязанный на затылкѣ узломъ; ходятъ и простоволосыми. Волоса у нихъ по большей части коротко острижены, густые, темнаго или чернаго цвѣта. Косы у мужчинъ встрѣчаются въ Цайдамѣ гораздо рѣже, чѣмъ въ собственной Монголіи.

Монголъ изъ Ова-тёгёрука.
(Съ рисунка автора).

Цвѣтъ кожи у нихъ красновато-смуглый отъ постояннаго пребыванія на свѣжемъ воздухѣ, а также отчасти и отъ грязи; зубы, мелкіе, желтоватые, но, повидимому, долго сохраняются. Скулы выдающіяся, носъ приплюснутый, небольшой, голова круглая, какъ шаръ, впереди плоская, растительность на подбородкѣ рѣдкая; тонкій пушокъ развивается у мужчинъ послѣ тридцати лѣтъ отъ роду въ весьма рѣдкую бородку.

Въ Ова-тёгёрукѣ мы достали два мѣшка ячменя; это было тѣмъ болѣе кстати, что передъ нами на два дня пути

разстилалась пустынная область. Для перевозки этого запаса пріобрѣли молодую кобылу. Въ теченіе дня отдыха Исламъ-бай занялся кстати очисткой и описью кухонныхъ ящиковъ, причемъ открылъ цѣлый мѣшокъ кофейныхъ зеренъ и бутылку сиропа, подаренную мнѣ больше года тому назадъ патеромъ Гендриксъ. Кофе, чередуясь съ чаемъ, внесъ пріятное разнообразіе въ меню, сиропъ пошелъ на дессертъ.

23 октября путь нашъ свернулъ къ сѣверо-востоку, и намъ предстояло перейти центральную пустынную полосу Цайдама. Вскорѣ растительность стала рѣдѣть и, наконецъ, прекратилась. Голая, безплодная, кочковатая и сырая почва часто бѣлѣла выцвѣтами соли; наконецъ, передъ нами развернулась пустыня.

На половинѣ пути пришлось перейти черезъ Хара-усу, т. е. Черную рѣку. Первый рукавъ ея былъ совсѣмъ узкій и струился по илистому руслу. Русло второго оказалось сухимъ. Русло третьяго глубоко врѣзалось въ мягкую почву и было такъ узко, что мы замѣтили его не раньше, чѣмъ были отъ него въ разстояніи нѣсколькихъ саженей.

Скользкіе берега круто обрывались въ рѣку, и намъ пришлось заступами надѣлать въ глинѣ ступенекъ для лошадей. Лопсенъ, знавшій бродъ, спустился первымъ, но едва лошадь сдѣлала шага четыре по водѣ, какъ погрузилась въ илъ до луки сѣдла, и всадникъ промокъ до пояса. Исламъ-бай попыталъ счастья въ другомъ мѣстѣ, но такъ-же неудачно.

Мы остановились. Люди принялись разъѣзжать по берегу въ обѣ стороны, но и въ ту и въ другую сторону рѣка становилась еще уже и глубже, и Лопсенъ заявилъ, что другого брода нѣтъ. Онъ былъ очень удивленъ такой прибылью воды и полагалъ, что она вызвана сравнительно теплою погодою за послѣдніе дни и обильнымъ выпаденіемъ снѣга въ области Бурханъ-Будды, бѣлыя вершины котораго сіяли на югѣ.

Глубина самой воды, не превышала одного метра, но бѣда была въ томъ, что лошади глубоко погружались въ илъ и того и гляди могли завязнуть. При переправѣ при такихъ условіяхъ могли намокнуть и ягданы до самыхъ замковъ.

Итакъ, хотя мы и прошли всего 12 килом., пришлось остановиться и подождать, пока вода спадетъ. Досадно было, конечно, останавливаться изъ-за какой-то ничтожной рѣчонки

въ 12 м. шириной, среди этой пустыни, гдѣ не было другой растительности, кромѣ жалкой поросли камыша на берегу. „Тернѣніе!“ шепталъ западный вѣтеръ, бурно проносясь надъ пустыней; это ему, безъ сомнѣнія, были мы обязаны повышеньемъ уровня рѣки, задержанной вѣтромъ въ своемъ стремленіи къ западу.

Разбили палатку, лошадей пустили пастись, а въ дно рѣки воткнули шестъ съ надрѣзами, чтобы отмѣчать измѣненія уровня. Къ слѣдующему утру воды убыло только на 2 сант., а камышъ былъ уже съѣденъ нашими лошадьми до чиста. Лопсенъ и двое другихъ людей повели поэтому животныхъ обратно къ пастбищамъ Ова-тёгёрука. Нашъ лагерь лежалъ на высотѣ 2,706 м. надъ уровнемъ моря.

Западный вѣтеръ свирѣпствовалъ съ удвоенной силой. Съ навѣтренной стороны пола палатки вздувалась внутрь пузыремъ, суживая помѣщеніе. Ягданы, придерживавшіе загнутые внутрь концы полъ полатки, качались и сдвигались, колья трещали, и каждую минуту можно было ожидать, что палатку унесетъ вѣтромъ въ рѣку.

И надо-же было случиться такой задержкѣ! Я сталъ уже волноваться, такъ мнѣ нетерпѣлось вернуться на родину. Каждый пройденный конецъ пути казался мнѣ завоеваніемъ, приближавшимъ меня къ пути, ведущему на родину. Вотъ уже полгода я не получалъ никакихъ извѣстій оттуда. Я былъ одинокъ въ теченіе трехъ лѣтъ слишкомъ, проведенныхъ мною въ сердцѣ этого безконечнаго континента, берега котораго казались мнѣ просто недостижимыми.

Меня занимало каждый вечеръ подсчитывать, сколько килом. мы прошли за день и затѣмъ вычитать это число изъ тысячъ километровъ, которые намъ предстояло вообще пройти до нашей отдаленной цѣли, до Пекина. Отъ Хара-усу оставалось до него 2,025 килом. Сколько терпѣнія нужно будетъ еще затратить на этотъ путь, сколько ждетъ насъ еще приключеній прежде, чѣмъ мы на своихъ усталыхъ лошадяхъ въѣдемъ въ ворота этой крайней столицы востока!

Утромъ 25 октября вода, наконецъ, спала настолько, что мы могли перебраться черезъ рѣку. Ящики подняли на сѣдлахъ повыше, и каждую лошадь повелъ особый человѣкъ. Илъ, подъ тяжестью животныхъ, становился все болѣе рых-

лымъ, и послѣднія лошади погрузились особенно глубоко. Но все обошлось благополучно. На правомъ берегу вьюки снова уложили по старому. Тропа шла почти прямо на NNO по пустыннымъ областямъ. Скоро пришлось перейти черезъ главное русло Хара-усу и Булунгиръ-голъ. Дальше къ востоку всѣ эти рукава сливаются и впадаютъ въ Голусунъ-норъ.

Ѣхать по этой поверхности было не особенно пріятно. Верхній почвенный слой состоялъ изъ сухой темносѣрой глины, пропитанной солью, твердой и хрупкой, какъ кирпичъ-сырецъ; безчисленныя ямы и кочки дѣлали поверхность похожей на шведскій сухой хлѣбъ. Напротивъ, летучаго песку здѣсь совсѣмъ не было.

Бассейнъ Цайдама здѣсь довольно узокъ и, пройдя 25 килом., мы снова очутились въ области, покрытой растительностью. Около нашего лагеря, разбитаго въ мѣстности Цахацакъ, не было воды, но Лопсенъ предупредилъ насъ объ этомъ заранѣе, и мы привезли сюда нѣсколько полныхъ мѣховъ.

До Пекина осталось теперь 2,000 верстъ.

XXII.

Тоссо-норъ и Курлыкъ-норъ. Разбойники-тангуты.

26 октября мы прошли цѣлыхъ 39 килом. и достигли сѣвернаго края Цайдамскаго бассейна. Путь нашъ шелъ все въ томъ-же направленіи и по такимъ-же пустыннымъ областямъ. Сначала передъ нами всталъ рядъ низкихъ, безплодныхъ, глинистыхъ холмовъ, самыхъ своеобразныхъ формъ, вродѣ башенъ, стѣнъ и пирамидъ.

Лишь изрѣдка этотъ безмолвный, пустынный, хотя и не лишенный живописности пейзажъ оживлялся неприхотливыми кустами тамариска и саксаула; чѣмъ они питались — Богъ вѣсть, такъ какъ почва была суха, какъ трутъ, и въ теченіе цѣлаго дня мы не видѣли ни капли воды.

Мы миновали цѣлый рядъ низкихъ глинистыхъ перевадовъ. На первомъ изъ нихъ находилось „обо". На второмъ монголы поставили небольшіе шесты изъ корней и вѣтвей саксаула, которые и служатъ путевыми знаками для путешественниковъ. Тамъ и сямъ между холмами разстилались ровные, какъ полъ, участки, бѣлѣвшіе выцвѣтами соли. По словамъ Лопсена, послѣ дождей участки эти заливались водой.

За послѣднимъ переваломъ разстилалась къ сѣверу, насколько хваталъ взоръ, безплодная, песчаная равнина, обѣщавшая хорошій путь нашимъ усталымъ, томимымъ жаждою лошадямъ. Наконецъ, на сѣверѣ заблестѣло озеро; это былъ заливъ Тоссо-нора, окруженнаго словно рамкой глинистыми террасами и холмами, которыя довольно круто спускаются къ водѣ. Здѣсь маршрутъ нашъ слился съ описанной Пржевальскимъ дорогой изъ Дзунъ-дсасака въ сѣверный Цайдамъ.

Вмѣсто того, чтобы продолжать путь къ сѣверо-востоку, что значительно сокращало разстояніе, я предпочелъ взять въ обходъ по западному берегу озера, чтобы прослѣдить контуры его береговой линіи и видѣть, какія впадаютъ въ него рѣки; поэтому мы спустились съ холмовъ внизъ и завернули къ сѣверу по узенькой, низкой прибрежной полосѣ.

Направо отъ насъ разстилалось чудное синее озеро. Виднѣлось нѣсколько островковъ. Въ заливѣ плавала стая величавыхъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, лебедей. Противоположные берега вырисовывались отчетливо и рѣзко и на сѣверо-восточномъ краю озера человѣкъ съ хорошимъ зрѣніемъ могъ различить Цаганъ-обо (бѣлый алтарь). Вода въ озерѣ была очень соленая, и рѣдко разбросанныя вдоль берега кочки казались покрытыми налетомъ инея.

Достигнувъ мѣстечка, гдѣ густо разросся камышъ и кусты тамариска и гдѣ мы нашли прѣсную воду, мы разбили палатки около Цаганъ-намага (бѣлаго, т. е. прѣснаго, источника.) Мѣстечко было славное, и только теперь я понялъ, почему озеро называется Тоссо-норъ, т. е. жирное озеро. Согласно объясненію Лопсена, озеро называлось такъ потому, что располагающіеся здѣсь кочевники не терпятъ недостатка ни въ топливѣ, ни въ водѣ, ни въ подножномъ кормѣ для скота, словомъ, „какъ сыръ въ маслѣ катаются".

Въ самомъ дѣлѣ, какой красивый, богатый красками

ландшафтъ! При солнечномъ закатѣ террасы и холмы противоположнаго берега отливали багрянцемъ надъ голубой поверхностью озера, по которому граціозно, спокойно, скользили лебеди. Вечернія звѣзды не испортили чудной картины. Сіявшій между легкими облачками мѣсяцъ серебрилъ водную поверхность, гладкую, какъ зеркало. Отъ палатокъ и кустовъ тянулись рѣзкія тѣни. Камышевая заросль окружала насъ черной стѣною, а на берегу, словно снѣгъ, бѣлѣли выцвѣты соли.

Взглядъ мечтательно скользилъ по водной поверхности и уходилъ вдаль. Почему эти тихія азіатскія озера съ ихъ пустынными берегами навѣваютъ такое мистически-грустное настроеніе? Можетъ быть, потому, что плескъ ихъ волнъ единственный звукъ, напоминающій одинокому путнику въ этой чужой сторонѣ о родныхъ волнахъ сѣвернаго моря. Почему же какъ разъ эти волны пробуждаютъ въ душѣ грёзы и вызываютъ картины родины? Можетъ быть, потому, что онѣ по волѣ капризнаго вѣтра поютъ тѣ-же пѣсни, что поетъ въ теченіе вѣковъ наше море, ударяясь о шкеры, подобныхъ которымъ нѣтъ на землѣ!

На слѣдующій день мы сначала слѣдовали по самому берегу къ сѣверу, но затѣмъ, когда прибрежная полоса стала неровной и затруднительной для передвиженія, мы снова поднялись на ровную, открытую, усыпанную крупнымъ пескомъ и щебнемъ береговую террасу. Затѣмъ путь нашъ пересѣкъ глубокую, сухую балку, которая, видимо, несетъ воду только въ пору лѣтнихъ дождей. Если глядѣть вдоль балки, Тоссо-норъ виднѣется вдали словно въ отверстіе воротъ.

Затѣмъ, мы достигли того мѣста, гдѣ Голынъ-голъ впадаетъ въ озеро, образуя широкій воронкообразный разливъ, и направились по правому берегу рѣки; поверхность представляла большія затрудненія; это былъ настоящій хаосъ бугровъ съ кустами тамариска, глинистыхъ уваловъ, песчаныхъ холмовъ и чащъ камыша, съ какими мы познакомились на восточномъ берегу древняго Лобъ-нора.

Около Бонкымъ-обо, небольшого четыреугольнаго жертвенника, съ каменной плитой, на которой была высѣчена извѣстная молитвенная формула, мы нашли бродъ черезъ рѣку. Ширина ея равнялась здѣсь 30 м., максимальная глубина

86 сантм. Дно рѣки было твердое, вода прозрачная, такъ что переправа багажа не представила затрудненій.

Монгольское становище въ Цайдамѣ
(Съ рисунка Г. Линдберга).

Теперь путь повелъ почти прямо къ востоку. Направо отъ насъ, на довольно значительномъ разстояніи находился сѣверный берегъ Тоссо-нора; налѣво, или на сѣверѣ, синѣло

огромное озеро Курлыкъ-норъ, называемое также Хара-норъ или Голосынъ-норъ. Широкая камышевая опушка южнаго его берега казалась желтой въ сравненіи съ густой синевой озера и почти совершенно скрывала мѣсто истока рѣки Голынъ-голъ, впадающей въ Тоссо-норъ. На сѣверномъ берегу озера, напротивъ, не было видно камыша, и береговую линію обрисовывали голые южные склоны Южнаго Куку-норскаго хребта.

Крайне интересное явленіе, что два столь близко лежащія озера, какъ Курлыкъ- и Тоссо-норъ, содержатъ одно прѣсную, другое соленую воду. Въ сѣверное озеро, Курлыкъ-норъ, впадаютъ рѣки Балдуинъ-голъ, Баянъ-голъ, Алиханы-голъ и много мелкихъ ручьевъ. Но вытекающая изъ озера р. Голынъ-голъ уноситъ изъ него всѣ попадающіе туда выносы соли изъ горъ, и въ озерѣ остается прѣсная вода. Зато всѣ эти соли собираются въ южномъ озерѣ Тоссо-норъ.

Пройдя 25.5 килом., мы расположились лагеремъ вблизи берега, около Лакимтосъ-обо, самаго красиваго изъ видѣнныхъ нами: оно было сложено на пустынной возвышенности и виднѣлось издалека. Состояло обо изъ трехъ кубической формы жертвенниковъ изъ сырцоваго кирпича, покоящихся на пирамидальныхъ пьедесталахъ. Вокругъ нихъ было воткнуто одиннадцать шестовъ, обрисовывающихъ прямоугольникъ; между ними было протянуто множество веревочекъ. Отъ четыреугольныхъ угловыхъ шестовъ шли діагоналями веревки къ шесту, вышиною 3.60 м., укрѣпленному на самомъ большомъ жертвенникѣ. На эти веревки были навѣшаны тысячи лоскутковъ съ вѣчною формулой: „омъ мани падме хумъ“.

На среднемъ жертвенникѣ зіяло четыреугольное углубленіе. Лопсенъ сунулъ туда руку и вытащилъ множество длинныхъ, узенькихъ полосокъ бумаги съ тибетскими письменами. По его словамъ, здѣсь были замурованы и бурханы, но онъ побоялся ихъ трогать.

Лопсенъ разсказалъ, что „обо“ это посвящено Курлыкъ-норскому шибтыку“ или „эцзэну“ (духу), какъ Цаганъ-обо Тоссо-норскому. Эти „шибтыки“ — духи или добрыя божества, имѣющіе обликъ людей, но невидимые. Шибтыки бываютъ только добрые, и люди обязаны имъ озерами, горами и рѣками и мн. др. Существуютъ поэтому „гадсеринъ-эцзэны“ (земные

духи), „тенгринъ-эцзэны (небесные) „норынъ-эцзэны“ (озерные) и пр. Водятся они всюду, кромѣ пустыни. Поэтому-то въ пустынѣ и нѣтъ ничего, что поддерживаетъ жизнь человѣческую.

При лунномъ свѣтѣ „обо“ имѣло совершенно фантастическій видъ. Три пирамиды рисовались какими-то призраками, тысячи лоскутковъ тихо развѣвались по вѣтру, словно хотѣли навѣять миръ на мятущуюся душу. Странные звуки нарушали безмолвіе ночи. Можно было подумать, что озерные духи устроили воздушный хороводъ надъ темной водной поверхностью. Но это попросту крякали утки въ камышахъ. У восточнаго края озера свѣтилось воココ мракѣ два огонька.

Мальчикъ-монголъ изъ южнаго Цайдама.
(Съ рисунка автора).

28-го октября. Дорога держалась берега озера, направляясь къ OSO. По лѣвую руку у насъ шло, такимъ образомъ, озеро, по ту его сторону Южно-Куку-норскій хребетъ, а по правую пустынная равнина. Курлыкъ-норъ сузился; тростникъ все больше тѣснилъ воду, и вдоль южнаго берега тянулась только узенькая полоска открытой воды.

Мы были одни въ этой пустынной области. Ни признака жизни кругомъ. Лишь валяющіеся тамъ и сямъ лошадиные остовы указывали, что это проѣзжая дорога. Съ самаго Тенгелика мы не встрѣчали ни одного путника монгола. Лопсенъ говорилъ, что чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ мѣстность становится небезопаснѣе, благодаря разбойникамъ-тангутамъ.

Вдали, на восточномъ берегу озера виднѣлись, однако, двѣ одинокія кибитки, но мы продолжали нашъ путь и расположились лагеремъ, только пройдя 25 килом., около Алиханы-гола, рѣки, устье которой все заросло камышомъ. Почва здѣсь была болотистая, и грунтъ ненадежный. Въ одномъ мѣстѣ, съ виду не внушавшемъ опасенія, Исламъ-бай завязъ такъ основательно, что люди съ трудомъ спасли лошадь. Въ теченіе этого перехода мы лишились первой изъ вновь купленныхъ лошадей.

30-го октября мы ѣхали по Барунъ-кёвве, южному берегу Алиханы-гола, и Цзунъ-ула, т. е. Сѣверныя горы, приходились у насъ по лѣвую руку. Географическія названія въ этихъ областяхъ часто крайне примитивны. Самая рѣка была видна лишь мѣстами. Послѣдняя ночь выдалась холодная (— 22.6°), и по теченію неслось много льдинъ, со звономъ ударявшихся другъ о друга и о берега. Дорога вела на Сорго-цзу, до котораго было 29 килом., то по песчаной пустынѣ съ небольшими барханами, то по болотамъ и степнымъ участкамъ.

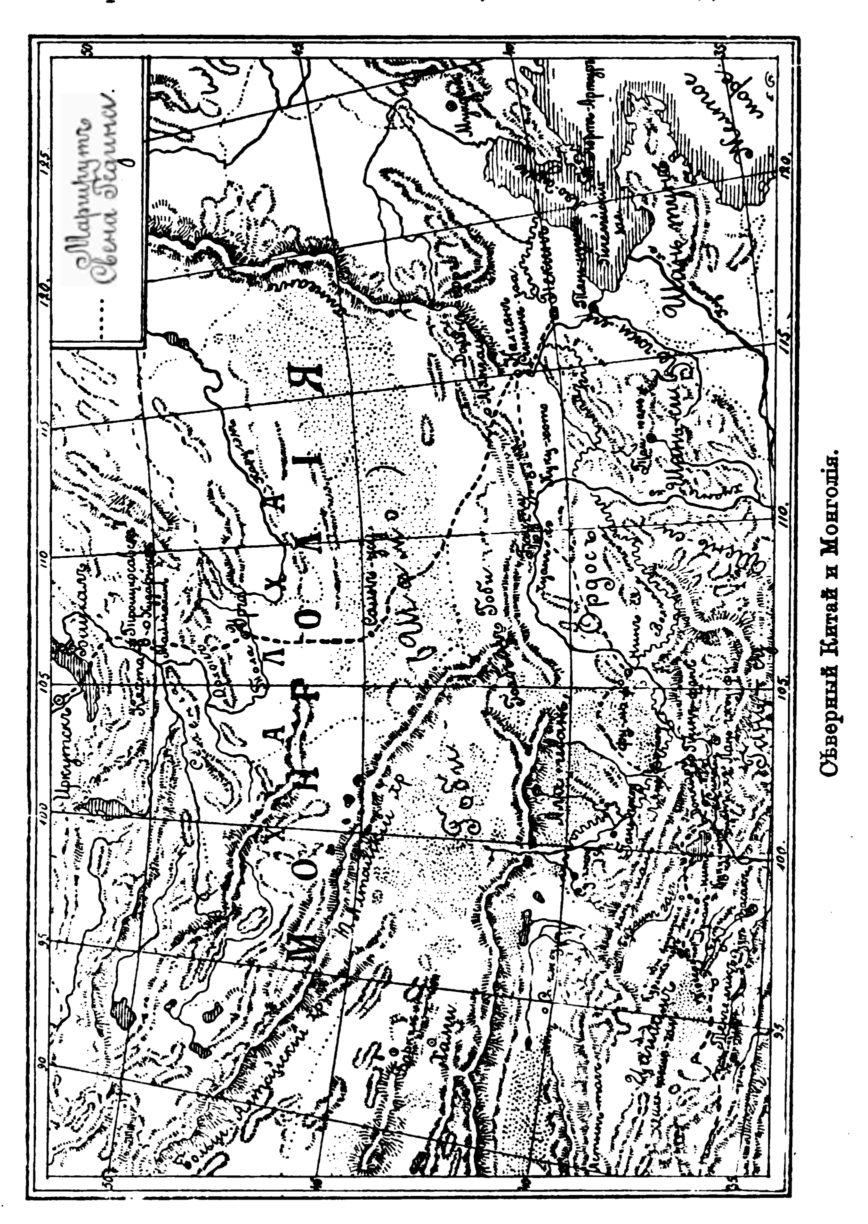
Куда дѣвалась веселость нашего Лопсена? Онъ ѣхалъ хмурый, молчаливый, не отрывая глазъ отъ горизонта, и весь день бормоталъ: „омъ мани падме хумъ". Я спросилъ его о причинѣ такого мрачнаго настроенія; онъ покачалъ головой и сказалъ, что теперь мы приближаемся къ опаснымъ мѣстамъ. Двое монголовъ, которыхъ онъ встрѣтилъ во время нашего отдыха около Алиханы-гола, сообщили ему, что въ послѣднее время разбойники-тангуты опять показались въ области Курлыкъ-нора и увели лошадей у монголовъ.

Онъ и просилъ насъ держать оружіе на готовѣ. Положимъ, мы до сихъ поръ не встрѣчали тангутовъ по дорогѣ, но всетаки они держались въ горахъ, откуда могли видѣть насъ и, руководясь нашими лагерными кострами, могли выслѣдить насъ и, въ лучшемъ случаѣ, украсть у насъ всѣхъ лошадей. Мы зарядили всѣ три ружья и пять револьверовъ и роздали ихъ людямъ вмѣстѣ съ достаточнымъ количествомъ патроновъ.

Но и около Сорго-цзу мѣстность продолжала оставаться тихой и пустынной. Ни въ степи, ни у подножія горъ не виднѣлось ни огонька; ничто не говорило о пребываніи людей. Мы поэтому не тревожились, но лошадей въ сумеркахъ привели въ лагерь и снова отпустили пастись на волѣ лишь на разсвѣтѣ.

Впрочемъ, собаки наши были отличными сторожами и предостерегали насъ при малѣйшемъ подозрительномъ звукѣ.

Вечера и ночи стояли ясные, тихіе и холодные. Уже

Сѣверный Китай и Монголія.

около 4 ч. пополудни чернила на моемъ перѣ застывали, и мнѣ приходилось безпрестанно отогрѣвать ихъ своимъ дыханіемъ. Старая кашгарская моя шуба, лежавшая запакованной

почти годъ, снова пошла въ ходъ. Горячій чай казался вкуснѣе, чѣмъ когда-либо, особенно со свѣжей булкой, которую каждый вечеръ пекъ мнѣ Исламъ-бай.

Маленькая походная желѣзная печка, которая была зашита въ войлокъ и путешествовала съ нами всю дорогу, тоже пригодилась теперь. Ее поставили на землю, посреди палатки; трубу привязали стальной проволокой къ металическому крюку передняго шеста палатки, такъ что конецъ трубы высунулся во входное отверстіе. Затѣмъ, Исламъ затопилъ печку сухими вѣтвями и хворостомъ, такъ что только трескъ пошелъ. Отличная вещь!

Стало такъ тепло, хорошо, уютно. Я чувствовалъ себя точно въ своей комнатѣ, въ Стокгольмѣ. Даже Джолдашу пришлась по вкусу эта затѣя, хотя сначала-то онъ было навастривалъ уши при каждомъ трескѣ сухихъ вѣтвей и громыханьѣ трубы.

Ночью огонь самъ собою погасъ, и въ палаткѣ снова стало холодно. Но что-жъ! Я уже лежалъ, закутавшись въ шубы, выставивъ только кончикъ носа. У меня всегда стояла у изголовья чашка съ чаемъ, оставшимся отъ ужина, но къ утру чай этотъ превращался въ ледъ; то же было и съ чернилами, которыя каждый вечеръ приходилось грѣть надъ огнемъ.

Людямъ тоже не было худо. Они разводили себѣ большой костеръ, вокругъ котораго и располагались. Ночь эта выдалась самая холодная за всѣ $2^1/_2$ года; на воздухѣ было — 26.1°, а въ палаткѣ — 23°, пока-же топилась печка — 3°.

31-го октября мы двинулись по степной области къ Кёвве-кудуку (прибрежному колодцу), находящемуся на южномъ берегу Хара-нора, т. е. Чернаго озера. Озеро это является центральнымъ бассейномъ небольшой, не имѣющей стока области, въ которой собираются воды, стекающія съ окраинныхъ горъ области. Теперь всѣ русла были сухи. По сѣверному берегу тянулись между озеромъ и горами желтые песчаные барханы, а южный изобиловалъ сочной растительностью: колодезь оказался соленоводнымъ. Но до слѣдующаго источника оставался цѣлый день тяжелаго пути, и мы принуждены были поэтому остановиться здѣсь, хотя и прошли всего 14 килом.

Здѣсь стерегла нашихъ лошадей другая бѣда. На мягкой,

рыхлой почвѣ явственно отпечатались безчисленные слѣды медвѣдей, являвшихся сюда изъ горъ лакомиться ягодами. Лопсенъ совѣтовалъ зорко слѣдить за лошадьми, такъ какъ медвѣди имѣютъ привычку залегать въ кусты и оттуда хватать лошадей. Поэтому и здѣсь пришлось привязать лошадей на ночь въ лагерѣ между палатками.

Кромѣ того мы каждую ночь выставляли двухъ караульныхъ, которые смѣнялись черезъ два часа. Чтобы не заснуть и въ то же время давать намъ знать, что они не спятъ, караульные должны были время отъ времени бить въ кастрюли, за неимѣніемъ болѣе подходящаго инструмента. Пѣть имъ было позволено, сколько душѣ угодно, чтобы прогонять дремоту, и я, часто просыпаясь ночью, слышалъ ихъ заунывные однообразные мусульманскіе напѣвы. На зарѣ караульные ложились спать и поручали насъ охранѣ собакъ.

1-го ноября. Ночь прошла спокойно. Ни о медвѣдяхъ, ни о тангутахъ не было ни слуху, ни духу, и мы, вскинувъ ружья на плечи, продолжали путь къ OSO. Скоро озеро скрылось изъ виду, и мы очутились въ довольно широкой долинѣ, съ отлогимъ подъемомъ въ направленіи нашего пути. По обѣ стороны шли средней высоты горные кряжи съ зубчатыми, свободными отъ снѣга вершинами. Дорога шла посреди долины между степными участками, кустами и зарослями камыша, вдоль сухого теперь русла, являющагося въ лѣтнее время водною артеріею области.

На дорогѣ виднѣлись совсѣмъ свѣжіе слѣды медвѣдя, и такъ какъ онъ направился въ ту-же сторону, куда шли мы, то Исламъ-бай и Лопсенъ, выпросивъ позволеніе выслѣдить медвѣдя, исчезли между кустами.

Караванъ шелъ около самыхъ горъ, бывшихъ по правую руку. Когда дорога стала завертывать, огибая скалистый выступъ, я и Эминъ-Мирза остановились, чтобы произвести нѣкоторыя наблюденія. Горныя породы были представлены здѣсь темнолиловымъ сланцемъ, падавшимъ подъ угломъ 53° SO. Затѣмъ, мы догнали караванъ, достигли середины долины и, спустя приблизительно часъ, съ удивленіемъ увидѣли несущихся назадъ вскачь Ислама и Лопсена. Они держали ружья надъ головой и кричали: „Разбойники—тангуты, разбойники—тангуты!“

Наконецъ, они подскакали къ намъ, а вдали показались 12 вооруженныхъ тангутовъ, окутанныхъ облаками пыли. Я скомандовалъ остановиться и спѣшиться. Вьючныхъ лошадей поставили подъ прикрытіе кустовъ тамариска и поручили надзору одного изъ людей. Оружіе было заряжено, и мы съ Исламомъ, Парпи и Лопсеномъ заняли позицію на вершинѣ глинистаго бугра.

Всѣ мы спѣшились и сбросили съ себя тулупы. Трусливые мусульмане дрожали. Парпи уже разъ, два съ половиной года тому назадъ, побывалъ въ такой передѣлкѣ, когда тангуты напали на караванъ Дютрейля де Рина и убили послѣдняго около Тамъ-будды. Пржевальскій и Роборовскій также подвергались нападенію въ этихъ мѣстахъ, и я поэтому вполнѣ сознавалъ серьезность положенія.

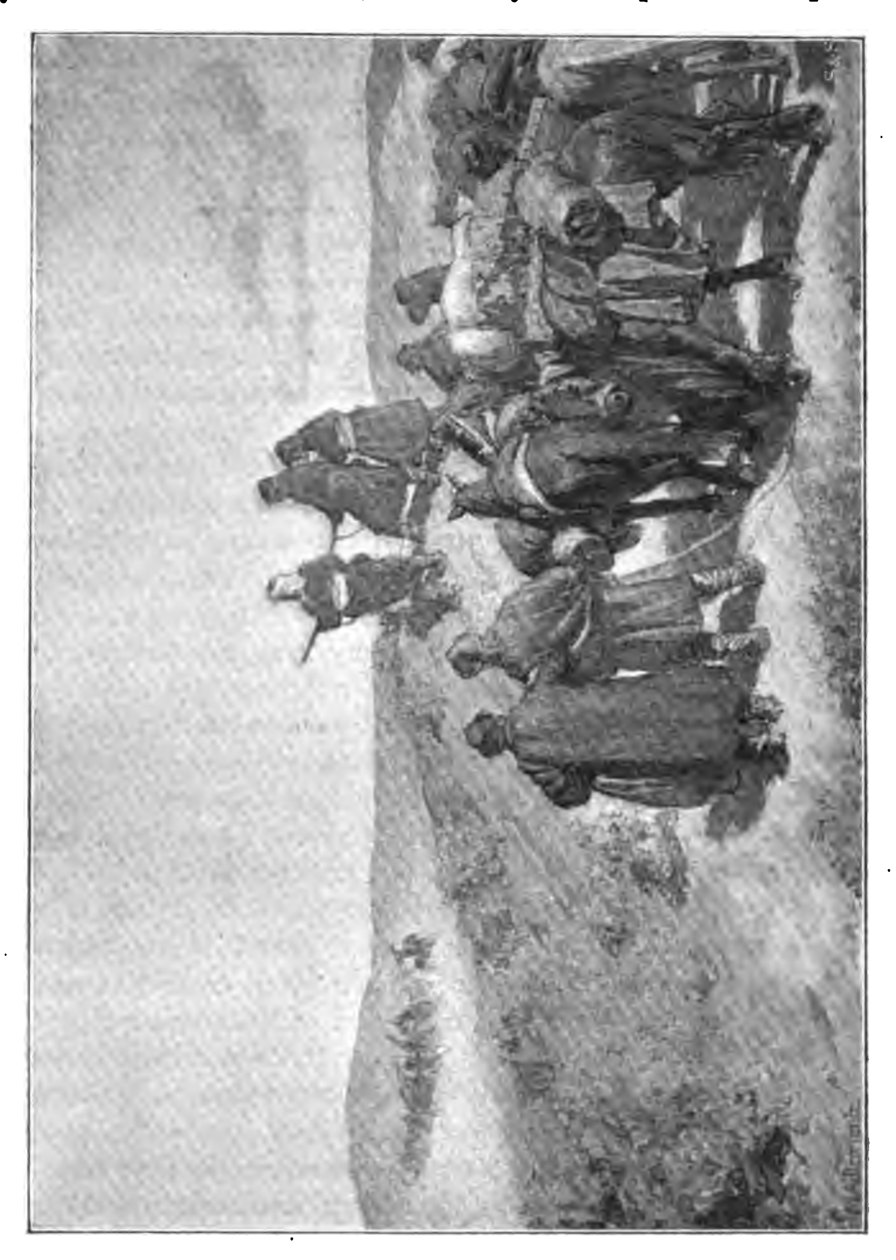
Тангутовъ, какъ сказано, было 12 человѣкъ, и Лопсенъ увѣрялъ, что у нихъ, безъ сомнѣнія, у всѣхъ были ружья. У насъ-же имѣлось всего три ружья и пять револьверовъ, такъ что на сторонѣ непріятеля былъ значительный перевѣсъ. Исламъ и Лопсенъ стрѣляли лучше насъ всѣхъ. Но тангуты также хорошіе стрѣлки, цѣлятся долго и хладнокровно и не стрѣляютъ на вѣтеръ.

Что-же насъ ожидало? Неужели караванъ будетъ уничтоженъ, а съ нимъ погибнутъ и труды послѣдней экспедиціи?

Нѣтъ! Опасность была не такъ велика, какъ казалось. Увидавъ, что насъ много и что въ рукахъ у насъ блещетъ оружіе, разбойники остановились шагахъ въ 150.

Когда пыль улеглась, мы ясно разглядѣли разбойниковъ. Они оживленно совѣщались, сильно жестикулируя и крича. Надо было ожидать, что въ результатѣ они найдутъ нападеніе на насъ рискованнымъ. Мы пока-что выжидали на бугрѣ. Я спокойно продолжалъ курить трубку, что, видимо, успокаивало моихъ людей, и разсматривалъ тангутовъ въ бинокль, который у меня всегда былъ подъ рукой. Послѣ минутнаго совѣщанія разбойничья толпа повернула подъ прямымъ угломъ направо, къ подошвѣ южныхъ горъ, гдѣ и раздѣлилась. Половина пустилась по тѣснинѣ между скалами, а половина, когда мы вновь сѣли на коней и сомкнутой кучкой поѣхали дальше, направилась параллельно нашему пути, въ разстояніи всего 2 ружейныхъ выстрѣловъ отъ насъ.

Долина между тѣмъ сузилась, и путь велъ черезъ узкое ущелье. Лопсенъ боялся, что тангуты поторопятся впередъ,

Разбойники-тангуты.
(Съ рисунка М. Адлерфельдта).

чтобы залечь за скалами и оттуда обстрѣливать насъ. Но другого пути не было, вернуться назадъ тоже было невозможно.

Надо было, слѣдовательно, постараться пройти ущелье

раньше, или, по крайней мѣрѣ, пройти его прежде, чѣмъ тангуты успѣютъ занять выгодныя позиціи. У нихъ, однако, было то преимущество передъ нами, что они въ мельчайшихъ подробностяхъ знали свои скалы, балки и мѣста, удобныя для засады. Кромѣ того, наши лошади были тяжело навьючены, а лошади тангутовъ не обременены ничѣмъ. Тангуты замѣтно и обгоняли насъ, мало-по-малу приближаясь къ дорогѣ, но затѣмъ исчезли между скалами.

Мы изо всѣхъ силъ погоняли лошадей къ ущелью, защитивъ правый флангъ каравана стрѣлками. Тутъ мы снова увидали тангутовъ. Они остановились и, повидимому, не намѣревались нападать. Мы благополучно и проѣхали ущелье, держа курки на взводѣ и не сводя глазъ со скалъ, бывшихъ по правую руку.

По ту сторону ущелья долина снова расширялась, и мы были рады-радешеньки опять очутиться въ открытой мѣстности. Лопсенъ полагалъ, что тангуты взяли въ обходъ по горамъ, намѣреваясь преслѣдовать насъ. Они, видимо, направлялись къ Курлыкъ-нору красть лошадей, но повернули теперь обратно въ надеждѣ на большую поживу отъ насъ.

Подъ конецъ долина перешла въ широкую равнину, и мы, пройдя въ общемъ 34 килом., расположились лагеремъ около Хара-шарынъ-куббъ; тутъ было прекрасное пастбище и прѣсное озерко, питаемое источникомъ. Лошадей пустили къ водѣ напиться и затѣмъ пастись, но не давали имъ далеко отходить отъ лагеря. Курбанъ и Ахметъ все время стерегли ихъ.

Какъ только стало смеркаться, лошадей пустили на привязи пастись въ заросли тростника не далеко отъ палатокъ. Костеръ для приготовленія пищи разложили низенькій и въ укрытомъ мѣстѣ, чтобы огонь не слишкомъ выдавалъ насъ. Лопсенъ очень тревожился, говоря, что тангуты отлично могли наблюдать за нами, притаившись въ травѣ.

Во мракѣ ночи они и дали о себѣ знать. Вокругъ лагеря стало со всѣхъ сторонъ раздаваться ихъ непріятное перекликанье, напоминавшее голоса гіенъ, или шакаловъ. Лопсенъ зналъ эту ихъ хитрость: они такимъ путемъ узнавали, есть-ли у намѣченныхъ ими жертвъ сторожевыя собаки.

Если дѣйствительно таково было ихъ намѣреніе, то они

могли увѣриться, что собаки у насъ есть. Послѣднія всю ночь яростно лаяли и бросались къ озерку, по близости котораго

Тангуты подкрадываются къ нашему лагерю.
(Съ рисунка М. Андреева).

тангуты, видимо, привязали своихъ лошадей. Лопсенъ не находилъ словъ для выраженія своей ненависти къ тангутамъ вообще: говорилъ, что они сами не лучше собакъ и проч.

Приподнявъ полы тулуповъ и держа ружье въ правой рукѣ, они крадутся, припавъ къ землѣ, словно кошки.

Мы были, однако, на сторожѣ. На обоихъ флангахъ стоянки выставлены были караульные, которые безъ перерыва барабанили и пѣли. Спали одновременно только по два человѣка. Черезъ каждыя 5 минутъ Парпи кричалъ: „хабэрдаръ? (стража не спитъ?) Лопсенъ-же молча грѣлъ руки надъ тлѣющими угольями.

Ночь прошла тревожно. Люди расхаживали взадъ и впередъ, лошади фыркали и ржали, кастрюльный бой и крики правильно чередовались, словомъ, мы не на шутку попали въ осадное положеніе. Замыслы тангутовъ, однако, такъ и не удались: имъ не пришлось увести у насъ ни одной лошади.

Таково было наше вступленіе въ страну тангутовъ. Мы съ первыхъ-же шаговъ поняли, что тутъ надо смотрѣть въ оба. Тангуты — извѣстные разбойники и воры, грабящіе своихъ мирныхъ сосѣдей, монголовъ. Послѣдніе, отправляясь въ большіе праздники въ монастырь Гумбумъ (Кумъ-бумъ), собираются поэтому въ большія вооруженныя партіи, такъ какъ миновать область тангутовъ никакъ нельзя.

Я думаю, что люди мои бодрствовали всю ночь больше отъ страха, нежели изъ чувства долга. Имъ было дано приказаніе разбудить меня, если тангуты начнутъ стрѣлять, но я и безъ того просыпался безпрестанно, разбуженный криками: „хабэрдаръ? Въ промежутки между этими окриками, на которые отвѣчали остальные наши люди, поднимали свой дикій вой тангуты.

На восходѣ солнца мы приготовились выступать. Тангуты снова удалились на приличное разстояніе. Но, какъ только караванъ нашъ двинулся къ востоку, они появились опять и заняли оставленное нами мѣсто. По пустымъ спичечнымъ коробкамъ, обрывкамъ газетной бумаги, огаркамъ свѣчъ, они узнали, что тутъ имъ пришлось-бы имѣть дѣло не съ простыми монголами, и они, должно быть, поэтому и отказались отъ дальнѣйшаго преслѣдованія.

2-го ноября мы продолжали путь почти прямо къ востоку и прошли цѣлыхъ 43 килом. по обширнымъ степнымъ участкамъ между обѣими горными цѣпями. Въ горныхъ долинахъ держалось, по слухамъ, множество тангутовъ; и дѣйствительно

мы видѣли на пути безчисленное множество ихъ пересѣкающихся слѣдовъ. Поверхность была ровная и удобная для ѣзды, и мы быстро подвигались впередъ, хотя нѣкоторыя изъ нашихъ лошадей и были уже плохи. Три раза видѣли большія стада кулановъ, скрывшихся въ горы.

Область распадалась на нѣсколько неимѣющихъ стока бассейновъ. Теперь всѣ русла были, однако, сухи. Сначала мы миновали небольшое озеро, затѣмъ обширное; каждое являлось центральнымъ бассейномъ своей области. Почти на серединѣ берега второго озера, называвшагося Серки-норъ возвышался обо, называемый Гадсыръ-удзуръ.

Отъ воднаго запаса озера немного оставалось; только въ трехъ мѣстахъ виднѣлись лужи; все остальное пространство озернаго ложа было сухо и покрыто бѣлыми отложеніями соли. Здѣсь монголы, на пути въ Гумбумъ, наполняютъ свои мѣшки солью, которая въ Донкырѣ и Сининѣ цѣнится на вѣсъ „тарянъ-гурила“, т. е. поджаренной муки, на которую и вымѣниваютъ соль.

Лѣтомъ озеро снова наполняется водой, но бываетъ такъ мелко, что можно было-бы перейти черезъ него вбродъ, не будь ложе его такъ мягко и рыхло. Мѣстность у восточнаго края озера, орошенная источниками и покрытая сочной травой, называется Ёрдэни. Здѣсь сливались съ нашимъ маршрутомъ дороги изъ Дзунъ-дсасака и Номохунъ-хото, двухъ важныхъ монгольскихъ становищъ въ восточномъ Цайдамѣ. Здѣсь мы разбили лагерь. Ночью учрежденъ былъ такой-же строгій караулъ, какъ и наканунѣ, но все было тихо, и никакихъ тангутовъ не показывалось.

На слѣдующій день предстоялъ переходъ въ 25 килом. до Дуланъ-юна. Дорога свернула къ NO по долинѣ Дуланъ-гола; широкая долина была окаймлена обросшими травою холмами и прорѣзана довольно многоводной, прозрачной рѣкой. Вершины горъ направо были покрыты лѣсомъ. На склонахъ паслись болвшія стада овецъ, а около рѣки бродили сотни яковъ. Лагерь мы разбили на правомъ берегу рѣки, въ чудесномъ мѣстечкѣ, недалеко отъ кибитки тангутовъ.

Мы нарочно хотѣли показать тангутамъ, что не боимся ихъ. Двое встрѣтившихся намъ всадниковъ тотчасъ обратились въ бѣгство, и только подъ вечеръ двое другихъ, воору-

женныхъ длинными мечами, отважились приблизиться къ моей палаткѣ. Одѣты они были совсѣмъ, какъ монголы, но ни слова не понимали по монгольски.

Лопсенъ въ теченіе своихъ четырехъ паломничествъ въ Лассу успѣлъ выучиться тангутскому нарѣчію, и мы съ его помощью могли объясниться съ тангутами. Дружелюбный пріемъ нѣсколько ободрилъ ихъ, но всетаки видно было, что они еще не знаютъ хорошенько, что имъ думать о насъ, какъ относиться къ намъ. Они, впрочемъ, продали намъ овцу и принесли вечеромъ молока.

Мы съ намѣреніемъ выбрали для лагеря поросшій кустарникомъ островокъ, между двумя рукавами рѣки, откуда намъ видна была долина. Топлива тутъ было довольно; рѣка весело журчала по камнямъ. Лошадей отвели пастись на ближайшую лужайку, гдѣ онѣ всю ночь и охранялись двумя вооруженными людьми.

XXIII.

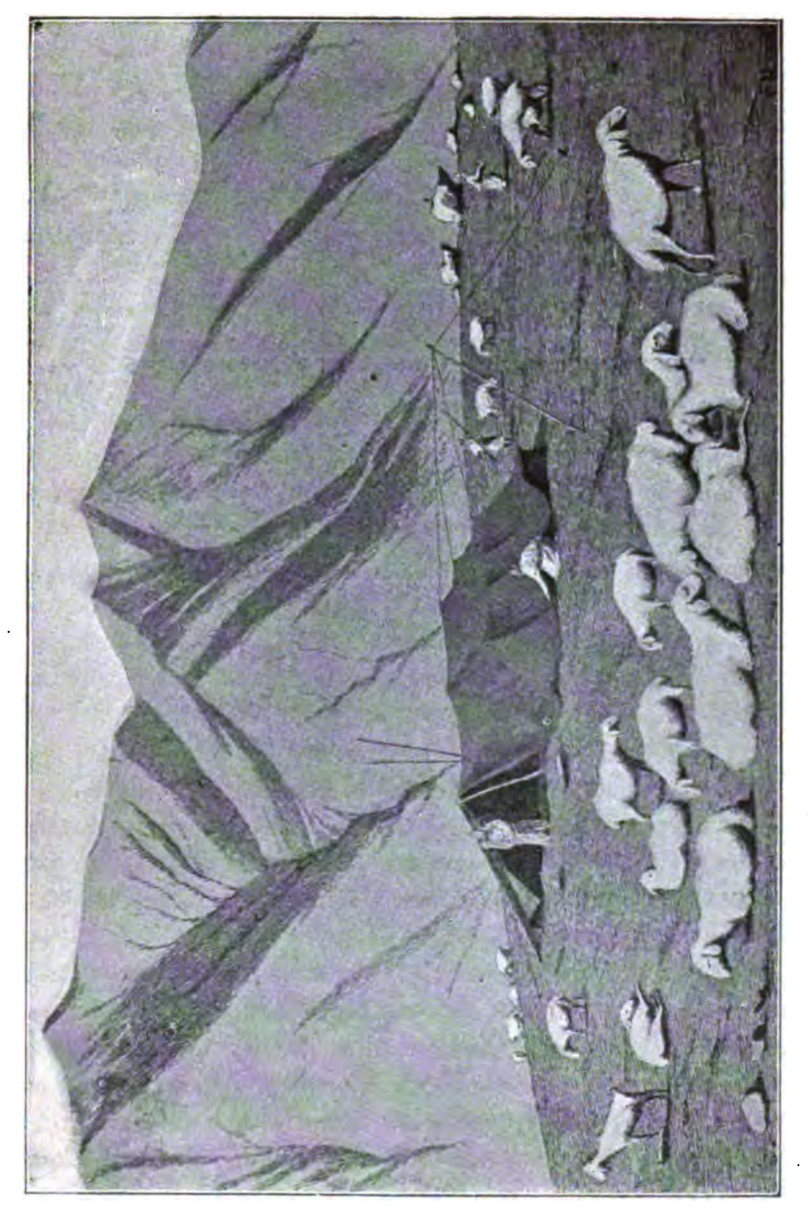
Страна Хара-тангутовъ. Куку-норъ.

Около Дуланъ-юна (Теплой рѣки) мы отдыхали весь день 4-го ноября; измученные ночные караульные наши храпѣли весь день. Лопсенъ, впрочемъ, и тутъ совѣтовалъ намъ глядѣть въ оба, не довѣряя наружному дружелюбію и безкорыстію тангутовъ, продавшихъ намъ овцу и молоко всего за одинъ ланъ. Лопсенъ опасался, что они намѣревались наверстать свое кражею.

Послѣ многихъ отговорокъ онъ, наконецъ, согласился сопровождать меня къ двумъ сосѣднимъ кибиткамъ, а сначала такъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, да и слуги мои мусульмане отговаривали меня. Я-же не видѣлъ въ этомъ ничего опаснаго, такъ какъ собирался посѣтить тангутовъ безоружный, какъ добрый сосѣдъ.

Двѣ черныя кибитки были разбиты одна возлѣ другой. Около кибитокъ встрѣтили насъ шесть сердитыхъ, черныхъ псовъ. Потомъ вышелъ тангутъ, прогналъ собакъ и, узнавъ

отъ Лопсена истинную цѣль нашего посѣщенія — мое желаніе посмотрѣть на ихъ житье-бытье, пригласилъ насъ войти. Я вошелъ и расположился около огня. Двѣ женщины кипятили

Кибатка тангутовъ близъ Дуланъ-юна.
(Съ рисунка автора).

въ котлѣ чай съ мукой и масломъ. Одна изъ нихъ, молодая, была женой хозяина кибитки. У нея было пріятное лицо съ бойкимъ, веселымъ выраженіемъ; у груди ея лежалъ малютка,

котораго она кормила, все время не сводя съ меня глазъ. Другая была препротивная старуха; около нея сидѣла дѣвочка лѣтъ пяти. Одежда женщинъ и самого хозяина была та же, что и у монголовъ. Тулупы были наброшены на лѣвое плечо, остальная-же часть туловища до самаго пояса была обнажена. Молодая женщина отличалась крѣпкимъ и красивымъ сложеніемъ; цвѣтъ тѣла былъ смугложелтый. Типомъ тангуты, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ тѣхъ, кто видитъ ихъ впервые, сильно напоминаютъ монголовъ. Можно было-бы даже принять ихъ за монголовъ, если-бы не другой языкъ и не другая конструкція кибитки.

Посреди кибитки, противъ входа, стоялъ на ящикѣ такой же жертвенникъ, какъ и у монголовъ, а на шеѣ у хозяина висѣлъ такой-же футлярчикъ съ бурханомъ.

Насъ угостили чаемъ. Я разспросилъ насчетъ устройства кибитки, узналъ, какъ называются разныя ея части и занесъ все это въ записную книжку. Это встревожило Лопсена. Онъ опасался, что тангуты могутъ заподозрить насъ въ дурныхъ намѣреніяхъ. Женщины умирали отъ хохота при моихъ отчаянныхъ усиліяхъ выговорить трудныя слова тибетскаго нарѣчія съ нагроможденіемъ согласныхъ въ началѣ словъ. При этомъ онѣ не сводили съ меня глазъ. Волосы у нихъ были заплетены въ множество косичекъ, обрамлявшихъ ихъ грязныя лица и спадавшихъ на плечи, на спину и на грудь. Въ самую среднюю, спускавшуюся по спинѣ, косу и въ двѣ боковыя были вплетены красныя и синія ленты, лоскутки матерій и разныя бусы, которыя болтались и били по спинѣ при каждомъ движеніи головы. Нельзя сказать, чтобы это было особенно удобно.

Кибитка имѣла квадратное основаніе и была раза въ три въ четыре просторнѣе обыкновенной монгольской или киргизской юрты. Формою она напоминала низкую усѣченную пирамиду. Посреди ея шелъ рядъ шестовъ, поддерживавшихъ парусину, т. е. черный, грубый, домашняго тканья холстъ; между шестами было продолговатое отверстіе для выхода дыма.

Вокругъ кибитки была вырыта канава для стока дождевой воды. Посреди кибитки виднѣлся очагъ, сложенный изъ плоскихъ камней съ углубленіями для котловъ и отверстіемъ внизу

для тяги. Между двумя рядами такихъ-же камней хранился запасъ помета для топлива.

Вдоль стѣнъ расположены были холщевые и кожаные мѣшки, съ ячменемъ, мукой, саломъ и солью. Мѣшки эти

Мальчикъ-тангутъ.
(Съ рисунка автора).

также защищали обитателей кибитки отъ сквозняка, пробиравшагося снизу подъ ея полами. На рваныхъ кошмахъ около огня валялись въ живописномъ безпорядкѣ тулупы, козьи бурдюки, куски холста, веревки, сапоги, ружья, два меча, мѣдные котлы, деревянныя чашки, чайники, китайскія

фарфоровыя чашки, четыреугольные ящики для муки, раздувальные мѣхи, сѣдла и сбруя. Большую часть этихъ предметовъ, даже мечи, тангуты изготовляютъ сами. Священные сосуды, бурханы и т. п. были привезены изъ Лассы и Гумбума, а часть остальныхъ вещей изъ Синина.

5-го ноября. Ненастье, небо хмурое, земля покрыта снѣгомъ,—необычайное зрѣлище съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили Тибетъ. Утромъ въ лагерь явились 10 человѣкъ тангутовъ, вооруженныхъ прямыми острыми мечами и одѣтыхъ въ пестрыя, синія и красныя одежды, въ остроконечныхъ шапкахъ на головахъ. Костюмъ придавалъ имъ нѣкоторое сходство съ солдатами. Они принесли намъ два кувшина молока и предлагали купить у нихъ лошадей. Цѣны они запросили, однако, несуразныя, и покупка не состоялась.

Они съ любопытствомъ разсматривали наши пожитки, безо всякой, впрочемъ, назойливости и вообще были очень добродушны и разговорчивы. Особеннымъ почтеніемъ прониклись они къ моему револьверу, заряженному шестью пулями. Я хотѣлъ нанять одного тангута проводникомъ, но они отвѣтили, что иначе, какъ вдвоемъ, не согласны. Я согласился и давалъ каждому по 12 ланъ до Синина, но они требовали 16 ланъ (около 23 рублей), когда-же я пошелъ и на это, они отговорились тѣмъ, что у нихъ нѣтъ свободныхъ лошадей. Навѣрное, они просто не довѣряли намъ и боялись отправиться съ нами. Къ счастью, Лопсенъ отлично зналъ эту область. Вообще, это былъ лучшій изъ всѣхъ нашихъ проводниковъ.

Долина постепенно шла вверхъ, между покрытыми землей округленными горами, средняя часть склоновъ которыхъ поросла хвойнымъ лѣсомъ. Надъ поясомъ лѣсной растительности виднѣлись тамъ и сямъ горныя породы in situ. Въ устьяхъ небольшихъ боковыхъ долинъ были разбросаны кибитки тангутовъ, мрачнаго и подозрительнаго вида, — настоящія разбойничьи гнѣзда. Мы насчитали 25 кибитокъ; всего-же ихъ около Дуланъ-юна до 40. Разумѣется, тангутамъ ничего не стоило перерѣзать намъ путь и одолѣть насъ, еслибы они только захотѣли, но никто не нападалъ на насъ; тангуты выходили изъ своихъ кибитокъ только, чтобы поглядѣть на насъ.

Посреди долины я увидалъ своеобразный, похожій на пирамиду предметъ. Это былъ глиняный кубъ съ такимъ-же цилиндромъ на немъ. Лопсенъ объяснилъ, что это „субурганъ" и что значитъ вблизи есть кумирня. Черезъ минуту мы и приблизились къ стѣнамъ Дуланъ-кита, перваго встрѣченнаго нами осѣдлаго поселка съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали изъ Копы. Внутри стѣнъ находилось нѣсколько домиковъ; нижняя часть ихъ была каменная, верхняя глиняная; было тутъ и нѣсколько кибитокъ. Жители принадлежали къ племени Бангà-монголовъ, пользовавшемуся дурной славой.

Въ западной части поселка возвышался большой четыреугольный домъ съ плоской крышей и окнами. Это и была кумирня или китъ. Здѣсь проживалъ главный лама 25 кукунорскихъ племенъ по имени Худыктынъ-гэгэнъ. Онъ монголъ, воплощающійся въ Дуланъ-китѣ въ теченіе 6,100 лѣтъ. Когда онъ достигаетъ 61 года отъ роду, онъ ложится и умираетъ, но снова возрождается въ лицѣ какого-нибудь маленькаго ребенка, который и дѣлается его преемникомъ. Въ Монголіи, Гумбумѣ и Тибетѣ насчитывается 61 лама такого-же класса.

Пройдя 26 килом. мы разбили палатки сейчасъ на востокъ отъ Цаганъ-нора (бѣлаго озера). Озеро было стиснуто боками долины, и гранитныя скалы во многихъ мѣстахъ круто обрывались въ воду вывѣтрѣлыми крутыми отрогами. Лѣсъ порѣдѣлъ, и послѣднія деревья росли уже такъ высоко на склонахъ, что до нихъ не достать было. Насчетъ топлива у насъ было поэтому туговато.

Лопсенъ былъ въ большомъ горѣ, у него пропала сумка съ провизіей и 10 ланами серебромъ, на которыя онъ собирался купить въ Гумбумѣ верблюда. Сумка служила ему подушкой ночью и, вѣрно, наши почтенные гости тангуты украли ее утромъ, пока люди вьючили лошадей. Я пообѣщалъ ему возмѣстить его потерю, если онъ достанетъ мнѣ въ Гумбумѣ нѣсколько красивыхъ священныхъ флаговъ изъ кумирни, и Лопсенъ мой утѣшился.

6-го ноября. Ночью, въ долинѣ, по сосѣдству отъ лагеря раздался пронзительный вой. Я былъ вполнѣ увѣренъ, что это опять преслѣдуютъ насъ тангуты, намѣреваясь преградить намъ путь. Собаки бѣшенно лаяли, и караульные то и дѣло перекликались. Но я такъ усталъ, что заснулъ, не смотря ни

на что. Утромъ я узналъ, что суматоху эту подняли три волка, подкравшіеся ночью къ моей палаткѣ и погрызшіеся съ собаками.

Выступивъ въ путь, мы направились по широкой, поросшей травою долинѣ сначала къ сѣверо-востоку, затѣмъ къ сѣверу. Ни воды, ни людей нигдѣ не было видно, но о томъ, что мѣстность эта посѣщалась время отъ времени, свидѣтельствовали кучки угля и золы — остатки лагерныхъ костровъ. Горы были сложены изъ гнейса и сильно вывѣтрѣлаго кварца. По срединѣ долины выступала изъ почвы отдѣльная остроконечная скала, похожая на гигантскій зубъ.

Здѣсь намъ попался въ высшей степени оригинальный памятникъ. Это была четыреугольная стѣна, сооруженная изъ гранитныхъ плитъ, толщиною въ $^3/_4$ м., и примыкавшая къ скалѣ. Въ стѣнѣ были широкія ворота, которыя вели во дворъ, вымощенный каменными плитами; каждая сторона его имѣла около 12 м. въ длину. Вывѣтрѣлые камни и покосившіяся стѣны памятника говорили о его древности. Высота стѣнъ равнялась полуторному человѣческому росту. Стѣны были увѣнчаны сланцевыми плитами съ выцарапанною на нихъ обычною молитвенной формулой. Боковыя стѣны были съ внутренней стороны увѣшаны клочками шерсти, лоскутками матерій и костями, тоже покрытыми письменами.

Хотя сооруженіе это, безъ сомнѣнія, играло первоначально роль крѣпостцы, жители этой мѣстности считали его, повидимому, за „обо“. Со двора можно было проникнуть въ высокій и длинный гротъ въ скалѣ, неправильныя и вывѣтрѣлыя стѣны котораго свидѣтельствовали о его естественномъ происхожденіи. Всѣ стѣны были испещрены черными китайскими письменами. Мѣсто это называлось Ганджыръ.

Здѣсь опять оказалось много кулановъ. Сначала мы увидѣли стадо въ 20 головъ, потомъ въ 80. Животныя кучкой поскакали къ перевалу и исчезли. Долина обнаруживала не особенно крутой подъемъ къ NO, къ перевалу Нёкётенъ-Кёттель, на вершинѣ котораго былъ воздвигнутъ „обо“ въ честь божествъ Куку-норскаго хребта. Съ вершины перевала мы увидѣли на сѣверо-востокѣ широкую открытую долину р. Бухаинъ-гола, ограниченную съ сѣвера низкими горами. Гори-

зонтъ открывался вообще обширный, свободный, какъ и въ областяхъ Сѣвернаго Тибета.

Мы спустились съ перевала къ сѣверу по рѣчной долинѣ Нёкётенъ-гола и остановились, пройдя за день 25½ кил., около небольшого, мелководнаго ручейка. Для костра пришлось удовольствоваться пометомъ кулановъ. Зато подножнаго корма тутъ было вдоволь. Здѣсь встрѣтили мы караванъ изъ 50 тангутовъ, шедшій изъ долины Дулана. Тангуты были очень удивлены, но не выказали никакихъ признаковъ враждебности и сообщили, что ѣздили въ Донкыръ за мукой и другой провизіей на зиму. Сами они ѣхали верхомъ на лошадяхъ, а мѣшки съ мукой и прочій багажъ везли на якахъ.

7 ноября. Всю ночь тангуты шныряли вокругъ нашего лагеря, но украсть нашихъ лошадей имъ такъ и не удалось, и утромъ они тронулись въ путь раньше насъ. Нашъ маршрутъ шелъ почти весь день прямо къ востоку (32½ килом.)

Переправа черезъ рѣчку представила большія затрудненія. Исламъ-ахунъ изъ Керіи, ѣхавшій на одной изъ вьючныхъ лошадей, попробовалъ было пуститься вбродъ по водѣ, кишѣвшей льдинками. Но рѣчка оказалась такой глубокой, что лошадь чуть было не потонула. Всадникъ взялъ холодную ванну, а вьюкъ весь вымокъ. Парпи-бай попыталъ счастья въ другомъ мѣстѣ, повыше, но съ тѣмъ-же результатомъ. Наконецъ, Лопсенъ нашелъ сравнительно мелкое мѣсто, гдѣ ледъ пришлось прорубать топоромъ.

Ровная, мягкая поверхность была вся изрыта полевыми мышами, и надо было глядѣть въ оба, чтобы лошади не оступились въ одну изъ этихъ безчисленныхъ ямокъ. Затѣмъ мы поѣхали кустарникомъ вдоль берега Бухаинъ-гола. Рѣчное русло было покрыто щебнемъ, самая рѣка была широка и многоводна, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разбивалась на нѣсколько рукавовъ, была затянута льдомъ. Высота береговыхъ террасъ достигала 5 м.

Болѣе получаса ѣхали по мѣстности, гдѣ, по словамъ Лопсена, 8 мѣсяцевъ тому назадъ, находился лагерь 20,000 дунганъ, бѣжавшихъ изъ Синина.

Они и оставили по себѣ замѣтные слѣды. Трава до сихъ поръ оставалась притоптанной и выжженной, а по ней были разбросаны черепа и кости овецъ, украденныхъ дунганами у тан-

гутовъ, лоскуты войлока, доски и проч. Дунганы, какъ саранча, опустошали мѣстности, по которымъ проходили. Куда они направились, Лопсенъ не зналъ. Но ихъ не было въ Цайдамѣ; вѣроятно, они ушли въ горныя области по верхнему теченію Бухаинъ-гола.

Мы не встрѣтили въ теченіе дня ни души человѣческой. Не видно было ни кибитокъ, ни пасущагося скота; въ этой тихой, пустынной мѣстности безбоязненно рыскали поэтому волки, лисицы, рѣзвились на свободѣ куланы. Дикихъ яковъ намъ не попадалось, но, говорили, что они водятся по верхнему теченію рѣки. Самое названіе Бухаинъ-голъ означаетъ „рѣка яковъ".

8-го ноября. Зима снова набросила на окрестность свой холодный, бѣлый коверъ. Ночью шелъ снѣгъ и жалобно выли волки. Но, когда взошло солнце, снѣгъ растаялъ. Едва мы оставили лагерь, какъ мѣсто наше заняла стая волковъ въ надеждѣ поживиться чѣмъ нибудь послѣ насъ. На собакъ нашихъ они не обращали ни малѣйшаго вниманія, да тѣ и остерегались приближаться къ нимъ.

Намъ предстояло переправиться черезъ Бухаинъ-голъ. Переправа оказалась легче, чѣмъ я ожидалъ. Притокъ воды въ главномъ руслѣ равнялся 17 куб. м. въ сек.; ширина его равнялась 75 м. Чудесная, прозрачная вода безшумно, словно масло, струилась по руслу со скоростью 90 сантим. въ сек. За главнымъ русломъ переправились черезъ 6 рукавовъ, представлявшихъ теперь, и то лишь мѣстами, замерзшія лужи, и, наконецъ, еще черезъ одинъ рукавъ, несшій 4 куб. м. въ сек. и, должно быть, стекавшій съ покрытыхъ землистыми частицами склоновъ сѣверныхъ горъ, такъ какъ вода была мутна.

Мы все больше удалялись отъ Южно-Куку-норскаго хребта, снѣжный гребень котораго рисовался вдали все болѣе легкими, неясными тонами. Теперь онъ заворачивалъ къ OSO, чтобы окаймить южный берегъ Куку-нора.

Тамъ и сямъ опять зачернѣли кибитки тангутовъ. Раза два мы видѣли стада и всадниковъ. Вдали на востокѣ горизонтъ былъ очерченъ ровной темносиней линіей; это и былъ Куку-норъ.

Въ мѣстности, называемой Хады-сэджи, мы разбили лагерь, пройдя за день 22½ килом. Вечеръ выдался тихій, ясный, звѣзды

такъ и сверкали, а окрестъ лагеря въ ущельяхъ мерцали огоньки тангутскихъ костровъ.

9-го ноября мы сдѣлали небольшой переходъ, такъ какъ одна изъ лошадей пала въ началѣ пути, а многія изъ осталь-

Тангутъ изъ Бага-улана.
(Съ рисунка автора).

ныхъ были очень изнурены. Путь нашъ велъ къ ONO, и безграничная водная поверхность Куку-нора выступала все яснѣе. Мѣстность медленно понижалась по направленію къ берегамъ озера. Лишь на NO и ONO рисовались горныя цѣпи съ рѣдкими снѣжными вершинами. Это былъ Сѣверный Куку-норскій хре-

беть, называемый монголами по-просту Цзунъ-ула — „Сѣверныя горы".

Вотъ послышался плескъ волнъ о берега. Вода была не прозрачна, должно быть, отъ волненія. На вкусъ она была значительно менѣе солоновата, чѣмъ вода сѣверно-тибетскихъ озеръ. Безъ сомнѣнія, причиной являлся Бухаинъ-голъ, дельта котораго находилась неподалеку. Льду на озерѣ еще не было видно; около полудня, при температурѣ воздуха 1.9° вода имѣла температуру 6.7°. Путь нашъ затѣмъ пошелъ по берегу, на которомъ волны воздвигли увалъ изъ сланцеваго щебня.

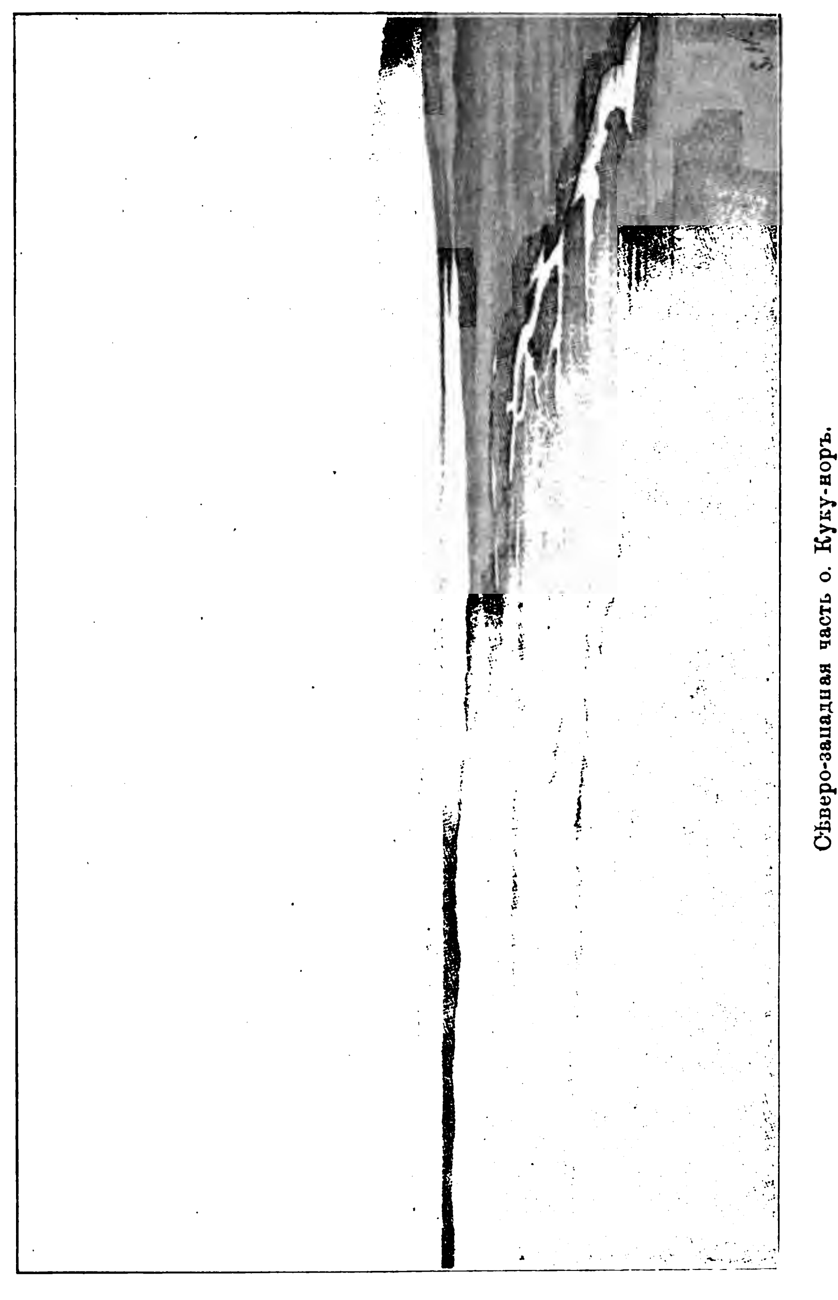
Около ручья Бага-уланъ мы сдѣлали привалъ. Изъ этого лагеря открывалась величественная панорама. Озеру, отливавшему голубоватыми и зеленоватыми тонами, казалось, не было границъ; это было настоящее море, уходившее изъ глазъ. Далеко, далеко, налѣво и направо виднѣлись горные хребты, но, чѣмъ дальше, тѣмъ они становились ниже и, наконецъ, исчезали какъ-бы окутанные дымкой. Края ихъ не сходились, оставляя широкій просвѣтъ на юго-востокѣ. Здѣсь мнѣ дышалось легче; я какъ будто ощущалъ свѣжее, влажное дыханье морского воздуха.

Итакъ, мы, наконецъ, достигли Голубого озера, по тангутски Цо-гомбо, по монгольски — Куку-норъ, по китайски Цзинъ-хэ, расположеннаго на высотѣ 3,040 м. надъ поверхностью моря, и намъ предстояло слѣдовать вдоль его береговъ еще въ теченіе трехъ дней.

Лопсенъ сообщилъ слѣдующую легенду о происхожденіи озера. Въ древности одинъ лама выкопалъ здѣсь глубокую, огромную яму. Затѣмъ взялъ одинъ бѣлый и одинъ черный корень какого-то растенія, протянулъ ихъ надъ ямой и переломилъ черный пополамъ. Тогда изъ корней обильно хлынула вода и заполнила яму. Если-же бы онъ переломилъ бѣлый корень, яма наполнилась-бы молокомъ. И большое счастье, что не случилось такъ, — тогда жители этой мѣстности были-бы лишены любимаго своего занятія — скотоводства. Послѣ того лама поднялся на высокую гору по сосѣдству и сбросилъ оттуда на середину озера глыбу, которая и образовала островъ.

10-го ноября. И въ этомъ лагерѣ мы лишились одной лошади. Вообще оказалось, что монгольскія лошади плохи. Зато онѣ недорого и стоили. У большинства изъ нихъ, послѣ

мѣсяца путешествія, спины были уже стерты въ кровь. Тан-

Сѣверо-западная часть о. Куку-норъ.
(Съ рисунка автора).

гуты, примѣняющіе лошадей исключительно для верховой ѣзды, больше холятъ ихъ, но и требуютъ за нихъ дороже.

Лошадь средняго достоинства стоитъ у нихъ 20 ланъ. Можно было-бы ожидать, что монгòлы, благосостояніе которыхъ гораздо больше связано съ коневодствомъ, нежели благосостояніе тангутовъ, сумѣютъ создать лучшую породу, но на дѣлѣ не такъ.

У тангутовъ роль племеннаго скота играютъ вмѣсто лошадей яки. Наши лошади, взятыя изъ Хотана, были куда лучше этого новаго комплекта. Путь до Копы онѣ прошли безъ малѣйшаго труда. Онѣ, впрочемъ, были лучше упитаны, нежели монгольскія лошади, которыя пробавляются почти исключительно подножнымъ кормомъ.

Путь нашъ снова направился къ востоку въ одномъ километрѣ разстоянія отъ озера. Весь день надъ водной поверхностью выдавался, словно холмъ, скалистый островъ. Ландшафтъ сегодня былъ оживленнѣе. Намъ попадались стада, пасшіяся подъ надзоромъ женщинъ, дѣтей и пастуховъ, вооруженныхъ ружьями или мечами. Встрѣчавшіеся всадники также держали на плечѣ ружья съ фантастической подставкой-рогатиной; за поясомъ-же у нихъ былъ заткнутъ мечъ. Тулупъ, перехваченный поясомъ, былъ частью вытащенъ изъ подъ него и спускался на него мѣшкомъ. На ногахъ у нихъ были сапоги съ торчащими носками, а на головахъ остроконечныя шапки.

Около довольно обильной водой горной рѣчки Ихэ-уланъ мы сдѣлали привалъ (22 килом.). Довольно замѣчательно, что большинство географическихъ названій въ данной мѣстности монгольскія, и ихъ придерживаются и тангуты. Такъ напримѣръ, наименованія Бага-уланъ и Ихэ-уланъ (Малый и Большой красный трактъ) чисто монгольскія и указываютъ на красноватый оттѣнокъ грунта.

Близехонько отъ нашего лагеря раскинулось 10 тангутскихъ кибитокъ, а въ ущельѣ, къ сѣверу, еще 20. Нѣкоторые изъ обитателей ближнихъ кибитокъ явились къ намъ въ гости; у всѣхъ за поясомъ были обнаженные мечи изъ Лассы. Они продали намъ молока, овцу и одну лошадь. Но Лопсену не понравилось, что они увидѣли у насъ столько серебра. Онъ твердилъ, что всѣ они негодяи и только изъ страха передъ нашимъ вооруженіемъ не нападаютъ на насъ.

Тангуты обыкновенно спрашивали Лопсена, правда-ли,

что у насъ въ ящикахъ сидятъ солдаты, и онъ пресерьезно отвѣчалъ имъ, что въ большихъ ящикахъ помѣщаются по два, а въ ящикахъ поменьше по одному, да кромѣ того оружіе. Желѣзную печку съ ея странной трубой тангуты принимали за пушку. На вопросы, зачѣмъ-же мы зажигаемъ ее по вечерамъ, Лопсенъ отвѣчалъ, что такимъ образомъ, мы держимъ ее наготовѣ: въ случаѣ опасности, стоитъ только бросить въ огонь пороху и ядеръ, и труба выпалитъ.

Тангуты разсказали, что девять мѣсяцевъ тому назадъ, черезъ Ихэ-уланъ проходили дунганы и украли здѣсь 400 овецъ, 140 лошадей, коровъ и яковъ.

По словамъ тангутовъ, рѣка должна была стать черезъ 10—15 дней. Ледъ держится обыкновенно около трехъ мѣсяцевъ, но бываетъ непроченъ, такъ какъ въ ясные, вѣтряные дни образуется множество полыній, трещинъ и промоинъ, которыя снова замерзаютъ лишь въ тихую погоду. Самый ледяной покровъ достигаетъ, говорятъ, толщины въ локоть. Благодаря этимъ трещинамъ и полыньямъ, паломники, отправляющіеся на богомолье въ находящуюся на островѣ кумирню, не могутъ ѣхать на лошадяхъ, но должны идти пѣшкомъ. Запасъ продовольствія и топлива на три дня они везутъ на санкахъ, смастеренныхъ на этотъ случай изъ двухъ деревянныхъ брусковъ, составляющихъ остовъ вьючнаго сѣдла.

Часто, однако, случается, что на пути попадается непроходимая полынья, и паломники принуждены бываютъ вернуться назадъ; иногда-же ихъ захватываетъ оттепель на островѣ, и, чтобы переправиться обратно, они должны дожидаться, пока ледъ снова подмерзнетъ. Поэтому паломники никогда не рискуютъ посѣщать островъ въ такое время года, когда ихъ можетъ захватить вскрытіе озера. Тогда имъ пришлось-бы прожить тутъ до слѣдующей зимы. Ламы, проживающіе въ одиночествѣ на этомъ пустынномъ островѣ, существуютъ приношеніями паломниковъ.

Уровень воды въ озерѣ подвергается сильнымъ колебаніямъ. Высокій уровень, по повѣрью жителей, предвѣщаетъ несчастный годъ, низкій — счастливый. И неудивительно, что въ этомъ году, когда вода достигла необычайно высокаго уровня, явились дунганы и ограбили тангутовъ. Не случисьже этого набѣга дунганъ, сдѣлался-бы падежъ скота, или на

самихъ тангутовъ напала-бы злая болѣзнь, или кормы вышли-бы плохіе. Лѣтомъ вода, говорятъ, стоитъ всегда выше, чѣмъ зимою.

Повышеніе, или пониженіе уровня, какъ-бы оно ни было само по себѣ незначительно, всегда бываетъ очень замѣтно по береговой линіи, такъ какъ поверхность здѣсь имѣетъ почти незамѣтный уклонъ въ сторону озера. Въ нынѣшнемъ году береговая линія отодвинулась къ сѣверу на 2—3 килом. дальше обыкновеннаго.

Можетъ быть, это непостоянство уровня и подало почтенному патеру Гюку поводъ узрѣть въ озерѣ „приливъ и отливъ". Патеръ говоритъ слѣдующее:

„Этотъ мощный бассейнъ скорѣе заслуживаетъ быть названнымъ моремъ, нежели озеромъ, такъ какъ, не взирая на его значительные размѣры, вода въ немъ такого-же горько соленаго вкуса, какъ въ океанѣ, и въ немъ также бываютъ правильные приливъ и отливъ".

У западнаго края озера мы миновали, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, „обо" Куку-норынъ. И на восточномъ берегу озера есть обо, воздвигнутый въ честь озерныхъ божествъ и называющійся Цаганъ-ямпинъ или Куша-чулунъ. Онъ посѣщается разъ въ годъ старшинами всѣхъ окрестныхъ племенъ. Кромѣ того, на берегахъ находится нѣсколько мелкихъ „обо".

Сегодня намъ попалось одно крайне примитивное „обо", состоящее изъ вѣтвей и сучьевъ, воткнутыхъ въ землю и украшенныхъ лоскутками мѣха, клочьями шерсти, обрывками веревокъ и т. п. Въ другомъ мѣстѣ находился камень цилиндрической формы, на которомъ разводился огонь. Если около каждаго изъ этихъ „обо" усердно повторять „во здравіе больного" молитву: „омъ мани падме хумъ", то больной выздоровѣетъ.

Куку-норскіе тангуты зимою держатся въ степяхъ около озера, которое, безъ сомнѣнія, умѣряетъ зимнюю стужу, а лѣтомъ перекочевываютъ въ сѣверныя горы. Главный старшина тангутовъ Ганцзы-лама. Онъ является какъ-бы посредникомъ между губернаторомъ сининскимъ и кочевниками и, какъ таковой, облеченъ властью творить судъ и расправу. Всѣхъ преступниковъ приводятъ къ нему для допроса и слѣд-

ствія, которое нерѣдко заканчивается смертной казнью. Въ особенно важныхъ случаяхъ лама сносится съ губернаторомъ, въ другихъ дѣйствуетъ по собственному усмотрѣнію.

Молодой тангутъ съ береговъ Куку-нора.
(Съ рисунка автора).

Въ общемъ страна, конечно, находится въ рукахъ китайцевъ, но способъ управленія ихъ страною оставляетъ желать многаго. Какъ и въ Цайдамѣ, здѣсь мало китайскихъ чинов-

никовъ. Въ данномъ отношеніи обѣ эти провинціи сильно отличаются отъ Восточнаго Туркестана, съ его превосходнымъ административнымъ устройствомъ.

Монголы зовутъ своихъ хищныхъ сосѣдей хара-тангутами, т. е. черными тангутами, вѣроятно, за ихъ черныя кибитки, смуглый цвѣтъ лица и черные волосы, но не потому, чтобы слово „хара" означало, какъ старался увѣрить насъ Лопсенъ, „дурной" и „злой".

Положеніе наше все еще оставалось ненадежнымъ и заставляло насъ постоянно быть на сторожѣ: мы ежеминутно могли ожидать нападенія. Словомъ, мы держались какъ-бы на военную ногу. Къ счастью, пошли опять свѣтлыя, лунныя ночи, и наши ночные караульные могли обозрѣвать окрестности. Собаки каждую ночь яростно лаяли, но обыкновенно тревогу подымали большіе желтовато-сѣрые волки, которые подходили къ нашимъ палаткамъ.

Лѣтомъ Ихэ-уланъ-голъ становится, говорятъ, такимъ многоводнымъ, что его нельзя перейти вбродъ. Теперь его хрустальныя воды тихо струились между камнями, издавая мелодичное журчанье среди ночной тишины.

XXIV.

Черезъ Донкыръ въ монастырь „тысячи изображеній" (Гумбумъ).

Потерявъ четвертую лошадь, мы пріобрѣли осла и отправились 12 ноября дальше къ востоку. Сначала намъ предстояло перейти два замерзшихъ болота; короткіе, сухіе стебли камыша торчали между гладкими, какъ зеркало, льдинами, которыя съ трескомъ ломались подъ копытами лошадей.

Дорога завернула къ OSO и вмѣстѣ съ тѣмъ удалилась отъ берега озера. Послѣднее блестѣло вдали на солнцѣ, словно клинокъ меча.

На степныхъ участкахъ паслись стада антилопъ, а въ одномъ изъ овраговъ ихъ подстерегало шесть волковъ. Анти-

лопы, впрочемъ, были на сторожѣ, и вожаки стада зорко оглядывали окрестность. Почуявъ опасность, они уносились съ поразительной быстротой и легкостью, какъ будто почти не касаясь земли ногами.

Мало-по-малу мы приблизились къ сѣвернымъ горамъ съ ихъ рѣдкими снѣжными вершинами. На юго-востокѣ виднѣлся мощный, покрытый снѣгомъ горный массивъ, а между нимъ и сѣвернымъ хребтомъ виднѣлась какъ-бы выемка — перевалъ Хара-кёттель. Какъ разъ напротивъ, на томъ берегу озера, неясно рисовался хребетъ Южно-Куку-норскій.

Харгынъ-голъ оказалась незначительной горной рѣчкой, но рѣку Голынъ-усу, глубиною въ 60 сантим., покрытую толстою ледяною корою было не такъ-то легко перейти. Неподалеку отсюда проживаетъ на берегу озера монгольское племя Харгы-усу, которое при нападеніи на нихъ дунганъ въ началѣ этого года оказало мужественное сопротивленіе и поплатилось жизнью своего 19 лѣтняго предводителя.

13-го ноября разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ Пекина, убавилось еще на $32^1/_2$ килом., но до Пекина всетаки оставалось еще цѣлыхъ 1,500 верстъ! Ночь была холодная, минимальный термометръ показалъ — 18.4°. Утромъ, на восходѣ солнца температура равнялась 15 градусамъ. Брр! Какъ холодно было вставать, умываться и одѣваться! Платье обыкновенно леденѣло за ночь, и мы согрѣвались, только напившись горячаго кофе. Мы направились по долинѣ Гансыга между горами средней высоты. Всюду росла трава, тамъ и сямъ виднѣлись кибитки, стада и слѣды прежнихъ стойбищъ. Гнались за двумя лисицами, одну изъ которыхъ и поймали живьемъ, благодаря сметливости собакъ.

Хара-кёттель (черный перевалъ) оказался очень удобнымъ, и даже наши изнуренныя лошади перешли его безъ труда. По ту сторону перевала широкая долина медленно спускалась къ Баинъ-хошуну, гдѣ мы и разбили лагерь около горной рѣчки. Дорога обозначилась здѣсь уже явственнѣе. Узенькія тропинки, выбѣгавшія сбоку, сливались въ большую широкую тропу, протоптанную безчисленными копытами лошадей и рогатаго скота.

На встрѣчу намъ попался важный тангутскій старшина въ красной шапочкѣ съ бѣлой мѣховой опушкой; за нимъ

слѣдовала цѣлая свита, тоже верхомъ. Онъ сообщилъ намъ, что въ Донкырѣ находится одна русская женщина, а въ Сининѣ двое или трое русскихъ. Я сразу понялъ, что дѣло шло объ англійскихъ миссіонерахъ; во внутренней Азіи всѣхъ европейцевъ зовутъ „урусами".

Затѣмъ мы встрѣтили пятерыхъ всадниковъ, которые держали въ поводу нѣсколькихъ ничѣмъ ненавьюченныхъ лошадей. Лопсенъ сказалъ, что готовъ поклясться въ томъ, что лошади эти краденыя. Наконецъ, попался намъ навстрѣчу караванъ изъ 60 яковъ, навьюченныхъ всевозможными товарами въ холщевыхъ и кожаныхъ мѣшкахъ и сумахъ. Караванъ сопровождали шесть вооруженныхъ людей, между ними двое китайцевъ. Это были купцы изъ Синина, которые снабжали кукунорскихъ тангутовъ ячменемъ и мукой.

14 ноября мы цѣлыхъ 25 килом. сдѣлали по берегу рѣки, которая, принявъ нѣсколько притоковъ, стала значительною и называлась Цункукъ-голъ. Она течетъ къ Донкыру и Синину и впадаетъ подъ Лань-чжоу въ Хуанъ-хэ. Впервые мы познакомились съ этой рѣкой по восточную сторону Харакёттеля. Такимъ образомъ, мы вышли изъ неимѣющихъ стока областей Центральной Азіи и достигли водъ, изливающихся въ Великій океанъ. Слѣдуя по ихъ теченію, мы могли бы добраться до послѣдняго. Значитъ, конецъ нашему плѣну въ центральныхъ частяхъ континента! Здѣсь снова, послѣ трехъ лѣтъ, мы вступили въ периферическую область. Отрадно было сознавать такое освобожденіе!

Котловина суживалась по направленію къ юго-востоку. Но рѣка прорвала себѣ въ горахъ рѣзко очерченное русло. Горы на сѣверѣ являлись отрогами Нань-шаня. Какъ разъ тамъ, гдѣ долина суживалась, у дороги стоялъ изваянный изъ гранита звѣрь на пьедесталѣ. Мѣсто это называлось Баръхото (городъ тигра); говорятъ, что нѣкогда здѣсь находился китайскій городъ.

Немного подальше мы встрѣтили огромный караванъ монголовъ изъ племени Дзунъ-дзасакъ. Они 10 дней пробыли въ Донкырѣ, дѣлая разныя закупки, и теперь возвращались обратно тѣмъ-же путемъ. Видно, въ этихъ областяхъ поздняя осень лучшее время для долгихъ путешествій; лѣтомъ дорога

бываетъ преграждена разливомъ Бухаинъ-гола, Ихэ-уланъ-гола и др. рѣкъ.

Мы насчитали до 300 верховыхъ; большинство были мужчины; многіе вооружены ружьями. Мечи-же имѣлись у всѣхъ. Были тутъ и женщины, въ живописныхъ, темно-синихъ и красныхъ одеждахъ, и подростки. Закупленный провіантъ— муку, макароны, а также одежду, посуду и обувь они везли, по крайней мѣрѣ, на 1000 лошадяхъ и 300 верблюдахъ. Животныя шли тѣсными рядами, подымая пыль столбомъ. Въ общемъ караванъ представлялъ оживленную, богатую красками картину. Мы не скоро-то миновали его. Изъ рядовъ каравана то и дѣло слышались по моему адресу восклицанія: „урусъ!" Вооруженіе каравана составляли около полутораста ружей; необходимость столь сильнаго прикрытія для каравана ясно говорила о томъ, насколько опаснымъ въ сущности являлся путь черезъ страну тангутовъ.

Разумѣется, такое полчище должно было уничтожать весь подножный кормъ на мѣстахъ стоянокъ по пути. Караванъ вообще дѣлалъ короткіе переходы и подвигался медленно. Верховые ѣхали рядомъ съ верблюдами. Оба фланга каравана были защищены одинаковымъ числомъ вооруженныхъ людей; самый караванъ разбитъ на отдѣльныя группы; разстояніе между ними не превышало, однако, 20 шаговъ; предосторожность не лишняя, на случай нападенія. Земля дрожала отъ топота этой массы животныхъ.

Монголы вьючатъ своихъ животныхъ очень легко. Каждая лошадь несетъ только два небольшихъ мѣшка, вѣсъ которыхъ равняется всего третьей части обыкновеннаго средняго вьюка лошади. Какъ это обстоятельство, такъ и короткіе переходы, объясняютъ, что животныя ничуть не утомляются въ пути. Впродолженіи такого путешествія монголы травятъ пастбища тангутовъ, а ихъ собственныя остаются тѣмъ сохраннѣе.

Паденіе русла извивавшейся по долинѣ рѣки постепенно все увеличивалось; это было замѣтно по безчисленнымъ водопадамъ. Въ одномъ мѣстѣ водная масса, пѣнясь, съ грохотомъ ударялась о гранитныя скалы праваго берега. Тутъ намъ предстояла переправа, оказавшаяся легкой; мы переправились выше пороговъ. Лѣтомъ-же рѣка такъ сильно вздувается, что

переправа черезъ нее невозможна, и приходится пробираться по тропинкѣ по скаламъ.

Мѣстность опять оказалась обитаемой монголами, которые въ большинствѣ случаевъ живутъ здѣсь въ такихъ-же черныхъ кибиткахъ, какъ и тангуты. Долина называется здѣсь Мургуцукъ. Мы разбили лагерь въ томъ мѣстѣ, гдѣ она образовала расширеніе, неподалеку отъ кумирни Шины-китъ.

15-го ноября выдался интересный переходъ. Широкая, но каменистая дорога шла по лѣвому берегу рѣки, и мы уже были гораздо ниже уровня зеркальныхъ водъ Куку-нора. Хадда-уланъ (красные холмы) — небольшой второстепенный перевалъ, съ котораго открывается обширный видъ въ долину и видны 17 „обо", воздвигнутыхъ на высочайшихъ вершинахъ.

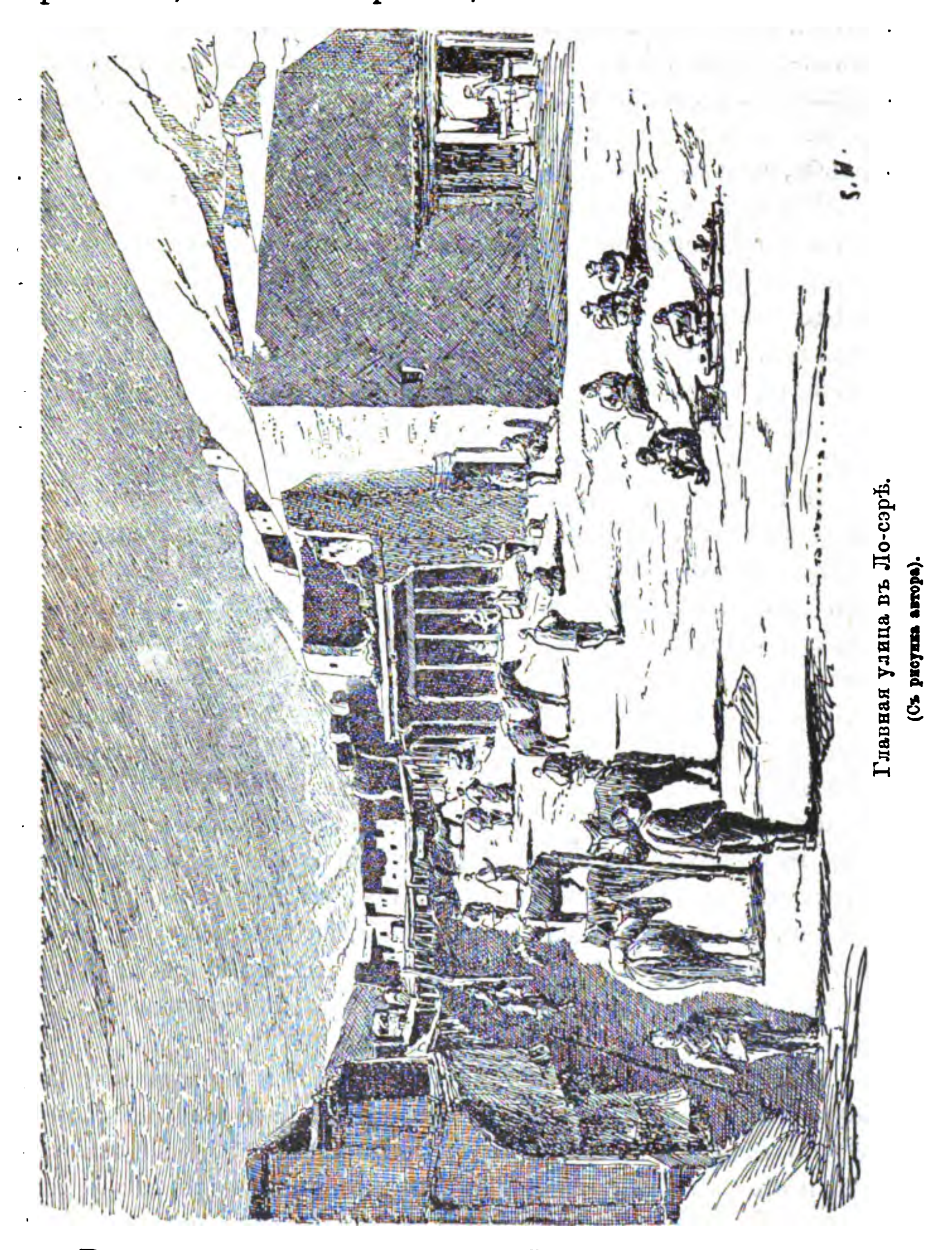
Цаганъ-тохо—поселокъ, обнесенный стѣнами и состоящій изъ глиняныхъ сакль; большинство жителей—китайцы. Около кумирни Брацзинъ-китъ черезъ рѣку былъ перекинутъ шаткій, деревянный мостъ — первый, видѣнный нами за долгій срокъ. Селенія стали попадаться все чаще; жилища были осѣнены тополями, березами, лиственницами и соснами, въ вершинахъ которыхъ вѣтеръ пѣлъ свою чудесную, знакомую намъ пѣсню.

Трактъ становился все оживленнѣе; все чаще попадались проѣзжіе верхомъ: китайцы, монголы, тангуты. Попадались и небольшіе караваны ословъ, навьюченныхъ сельскими продуктами, и двухколесныя арбы, запряженныя мулами. На горныхъ скатахъ паслись стада рогатаго скота и яковъ, а на скалистыхъ выступахъ возвышались кумирни и отдѣльныя „обо". Все говорило о близости города. Сейчасъ послѣ полудня мы и очутились уже въ улицѣ, окаймленной двумя рядами ровно расположенныхъ домовъ. Въ концѣ-же ея возвышались каменныя ворота, ведшія въ Донкыръ.

Мы въѣхали въ городъ и поѣхали по главной улицѣ съ домами, обращенными къ ней живописными фасадами. Что за суетня, за шумъ и гамъ! Съ непривычки мы чуть не оглохли.

Парпи-бай, отправившійся въ городъ рано утромъ впередъ насъ, чтобы предъявить губернатору мой паспортъ, встрѣтилъ насъ у воротъ города и подалъ мнѣ карточку „русской женщины", которая приглашала меня быть ея гостемъ. Я, хоть и полагалъ, что не совсѣмъ-то удобно обрушиться, какъ бомба,

къ одинокой дамѣ, всетаки рѣшилъ отправиться къ ней, подстрекаемый, главнымъ образомъ, любопытствомъ.

Главная улица въ До-сэрѣ.
(Съ рисунка автора).

Въ дверяхъ прекраснаго китайскаго дома, съ четыреугольнымъ дворомъ, встрѣтила меня простоволосая молодая женщина въ очкахъ и китайскомъ платьѣ. Она привѣтливо

спросила меня: „Do you speak english?“ (говорите вы по англійски?). Я отвѣтилъ утвердительно, и у насъ завязался оживленный разговоръ. Она назвалась мистриссъ Рейнгардъ, женщиной-врачомъ. По рожденію она была американкой, но была замужемъ за голландскимъ миссіонеромъ Рейнгардомъ, который мѣсяцъ тому назадъ уѣхалъ въ Пекинъ съ капитаномъ Уэльби, только что вернувшимся изъ путешествія по Тибету.

Мистриссъ Рейнгардъ оказалась олицетвореніемъ любезности и гостепріимства. Нечего и говорить, что я былъ въ восторгѣ отъ встрѣчи съ особой, съ которой можно было побесѣдовать кое о чемъ поинтереснѣе пастбищъ, опасныхъ переваловъ, дикихъ яковъ и домашняго скота. Меня только удивляло, что мужъ ея отважился оставить ее одну среди грубаго населенія. Но, благодаря своимъ медицинскимъ познаніямъ, она успѣла пріобрѣсти здѣсь много друзей.

Я пробылъ въ Донкырѣ два дня, чтобы дать отдохнуть измученнымъ лошадямъ. Я сдѣлалъ визитъ губернатору, осмотрѣлъ городъ и имѣлъ случай познакомиться съ посланцами отъ Далай-ламы къ китайскому императору. Каждые три года изъ Лассы отправляютъ въ Пекинъ подарки, и это единственная подать тибетцевъ. Дары состоятъ по большей части изъ разныхъ матерій, бурхановъ, оружія, сушеныхъ плодовъ и сандальнаго дерева; общая стоимость ихъ достигаетъ 5000 ланъ.

Главный посолъ, лама Гарбуинъ Лозанъ Гиндунъ сообщилъ мнѣ, что всего ѣдетъ 300 всадниковъ, а дары везутъ на 300 верблюдахъ. Употребляютъ они на путешествіе много времени. На путь отъ Лассы до Донкыра идетъ 3 мѣсяца; въ послѣднемъ городѣ они остаются 1 годъ, и 2 мѣсяца ѣдутъ до Пекина, гдѣ проводятъ 3 мѣсяца. Затѣмъ, на обратномъ пути опять проводятъ въ Донкырѣ 4 мѣсяца.

Гарбуинъ пригласилъ меня къ себѣ и показалъ дары, предназначенные для императора. Я купилъ изъ нихъ нѣсколько кусковъ матерій, статуетокъ боговъ, серебряный сосудъ и еще кое-что, чего, такимъ образомъ, императору уже не досталось. Торгуясь, мы попивали чай изъ Лассы при мерцающемъ свѣтѣ масляныхъ лампадокъ, горѣвшихъ передъ походнымъ алтаремъ; двое ламъ пѣли передъ нимъ и били въ гонгонгъ.

Въ Донкырѣ мы пополнили запасъ провіанта, и я съ тѣхъ поръ питался главнымъ образомъ яйцами. Губернаторъ не пожелалъ отдать мнѣ визита, и я далъ понять его толмачу, что онъ, такимъ образомъ, нарушилъ правила и китайской и европейской вѣжливости.

Хозяйка моя сообщила мнѣ относительно возстанія дунганъ, что оно распространилось и на Донкыръ лѣтомъ 1895, и что сами китайцы подали къ тому поводъ. Когда возмущеніе разразилось въ области Синина, китайцы и здѣсь стали готовиться къ войнѣ, лили пушки, ковали мечи, словомъ, вооружались всячески. Многіе, проживавшіе въ Донкырѣ, дунганы подумали, что приготовленія эти направлены противъ нихъ, возмутились и бѣжали въ сильно укрѣпленное мѣсто То-ба по дорогѣ въ Сининъ. Тутъ ихъ осадили китайцы, и они, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ мужественнаго сопротивленія, должны были сдаться.

Объявленіе о сдачѣ привязали къ острію стрѣлы и пустили ее въ китайскій лагерь. Дунганы сдавались подъ условіемъ свободнаго пропуска изъ города. Китайцы обѣщали, но потребовали, чтобы всѣ жители сложили оружіе. Когда-же тѣ вышли изъ города безоружными, китайцы окружили ихъ и большую часть убили. Остальные пробились и спаслись въ горы. При сдачѣ То-ба тамъ должно было находиться до 18 тысячъ дунганъ.

Оставшіеся въ Донкырѣ дунганы были очень встревожены и, опасаясь за себя, послали къ губернатору депутацію съ завѣреніемъ, что они желаютъ остаться вѣрными императору и не имѣютъ ничего общаго съ бунтовщиками. Ихъ и оставили въ покоѣ. Но вотъ, разъ одинъ китаецъ, женатый на дунганкѣ, побилъ ее, и она въ гнѣвѣ крикнула, что скоро-де дунганы перебьютъ всѣхъ китайцевъ въ Донкырѣ. Мужъ донесъ объ этомъ властямъ, и въ результатѣ все дунганское населеніе города, и женщины и дѣти, было вырѣзано, такъ что кровь ручьями лилась по улицамъ.

18 ноября я простился съ мистриссъ Рейнгардъ, и мы сдѣлали небольшой переходъ до упомянутаго выше селенія То-ба. Долина была узка, и спускъ очень крутъ. Рѣка такъ клубилась и кипѣла, что между скалами стоялъ неумолчный грохотъ. Во многихъ мѣстахъ долину ничего не стоитъ пре-

градить, и понятно, почему шайки дунганъ не пробрались въ Донкыръ, несмотря на то, что были всего въ 20 ли оттуда.

Нѣкоторыя небольшія селенія, живописно расположенныя на скалахъ и выступахъ въ извилинахъ рѣки, были защищены стѣнами и крѣпостцой. По направленію къ Донкыру двигались длинные караваны верблюдовъ, позванивая колокольчиками; въ Донкырѣ ведется мѣновая торговля между монголами и тангутами съ одной стороны и китайцами съ другой. Многія селенія разорены въ конецъ въ послѣднюю междоусобицу и представляютъ печальное зрѣлище.

Одинъ человѣкъ изъ То-ба увѣрилъ насъ, что въ городѣ нѣтъ ни одного „дяна", т. е. постоялаго двора, и мы расположились прямо въ полѣ. Самое мѣстечко представляло въ сущности груду развалинъ. Всѣ улицы были завалены щебнемъ и обломками. Лишь кое-гдѣ виднѣлись вновь выстроенные китайскіе дома и лавки. Высокая четыреугольная крѣпостная стѣна была вся продырявлена ядрами. На башнѣ развѣвались китайскіе флаги съ высокопарными надписями, извѣщавшими о побѣдѣ китайцевъ.

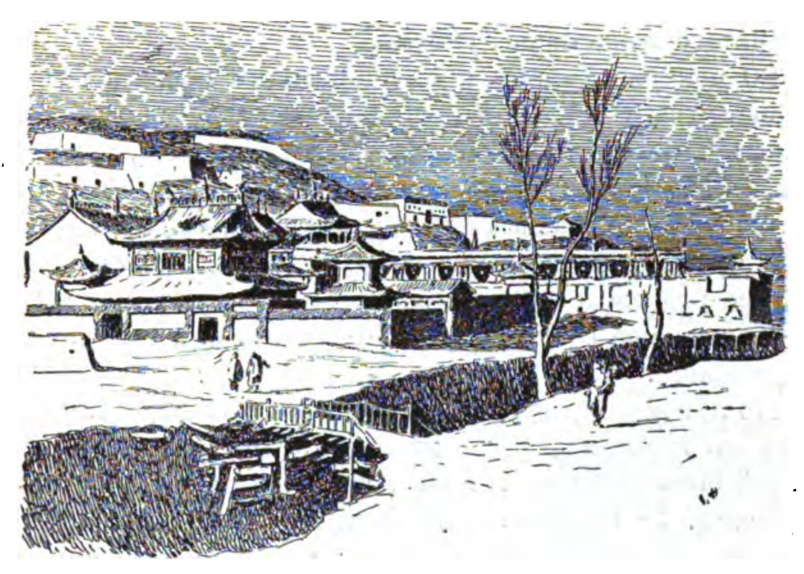
Безъ сомнѣнія, дунганы, все вооруженіе которыхъ состояло изъ копій и мечей, проявили большое мужество и недюжинныя военныя способности, если могли нѣсколько мѣсяцевъ выдерживать осаду города могущественнымъ непріятелемъ. Но, конечно, имъ много помогали выгоды позиціи: мѣстечко полукругомъ обступили крутыя горы, а передъ нимъ течетъ рѣка, мосты на которой были во время уничтожены.

Внутри крѣпостной ограды возвышается красивая китайская кумирня Ли-бе-я, состоящая изъ нѣсколькихъ небольшихъ башенокъ; изогнутыя крыши ихъ съ острыми выдающимися углами были украшены головами драконовъ и разными орнаментами. Главной частью сооруженія является пагодообразная башня съ четырехъярусной крышей. Вся постройка красиво облицована зеленымъ каолиномъ. Кучи кирпичныхъ обломковъ и черепковъ фаянса свидѣтельствовали, что дунганы постарались испортить кумирню. Но даже и въ испорченномъ видѣ она сохраняетъ величественный видъ, гордо возвышаясь надъ развалинами То-ба и блестя на солнцѣ своей красивой облицовкой. Около нея копошилось нѣсколько

китайцевъ, запасавшихся тутѣ кирпичомъ для постройки себѣ новыхъ жилищъ.

На слѣдующій день я раздѣлилъ караванъ на двѣ части. Парпи-бай съ лошадинымъ караваномъ долженъ былъ отправиться прямо въ Сининъ, а я, Исламъ-бай, Лопсенъ, одинъ монголъ и 4 верблюда — въ Ло-сэръ, т. е. китайскую слободу, около которой находится знаменитый монастырь Гумбумъ.

Итакъ, часть нашего каравана продолжала путь по главной долинѣ, а я направилъ путь къ югу по широкой долинѣ

Видъ Гумбума.
(Съ рисунка автора).

съ отлогимъ подъемомъ. Сначала мы перешли дѣлившуюся затѣмъ на 5 рукавовъ рѣку; главное русло ея несло около 25 куб. м. воды въ секунду. Дорога шла одно время, глубоко врѣзавшись между лёссовыми холмами, но затѣмъ приблизилась къ рѣчкѣ боковой долины; притокъ воды въ ней равнялся 6 куб. м. въ сек. Миновали нѣсколько селеній, окруженныхъ хлѣбными полями. Самыми крупными были селенія Юэнь-сянь и Бань-ся.

Рѣчка эта очень удобна для устройства на ней мельницъ, и по берегу расположено ихъ нѣсколько.

Мы оставили рѣку направо и продолжали путь по мяг-

кимъ, округленнымъ горнымъ склонамъ, въ которые врѣзалась дорога, мѣстами высоко подымаясь надъ рѣчной долиной; затѣмъ дорога дугой завернула къ NO.

На скатѣ холма расположилась амфитеатромъ слобода Ло-сэръ. Сначала дома шли въ рядъ только по лѣвую руку, но скоро крыши вынырнули и справа, и, наконецъ, мы вступили на треугольную площадь, гдѣ нашелся постоялый дворъ.

Расположились мы въ маленькой чердачной коморкѣ, куда надо было втащить и всѣ наши пожитки. Внизу у нашихъ ногъ раскинулось все селеніе со своими дворами и закоулками, а на холмахъ на юговостокѣ виднѣлись бѣлыя стѣны знаменитаго монастыря Гумбума.

20 ноября. Утромъ я съ Лопсеномъ пошелъ пѣшкомъ въ монастырь. Ѣздить по этимъ священнымъ тропамъ нельзя,— побьютъ камнями. Ручей Ло-сэръ течетъ къ ONO, ручей Гумбумъ къ N, и около Ло-сэра они сливаются. Ручьи эти текутъ въ глубокихъ руслахъ то между мягкими, округленными то между крутыми холмами; на холмахъ амфитеатромъ раскинулось все это своеобразное царство кумирень, носящихъ въ общемъ названіе Гумбума (Кумъ-бумъ), т. е. „Десяти тысячъ изображеній".

По лѣвому берегу ручья Гумбумъ идетъ дорога, ведущая прямо къ воротамъ, увѣнчаннымъ „субурганомъ" (пирамидальной башенкой) съ шаромъ, шпицемъ и четырьмя львами по угламъ. У воротъ китайскіе купцы настроили ларей и продаютъ богомольцамъ чашки, шелковыя повязки, мѣдную посуду, а также трубки, табакъ, ножи, сушеные плоды и пр.

Карабкаясь по крутымъ холмамъ и каменнымъ ступенямъ, добрались мы до жилища „живаго Будды". Это былъ 30-лѣтній мужчина, коротко остриженный, безбородый, одѣтый въ платье изъ темнокрасной матеріи, оставлявшее руки обнаженными. Стѣны помѣщенія были увѣшаны безчисленными статуетками, заключенными въ рѣзные и расписанные шкафчики, а также священными флагами и знаменами, на которыхъ были изображены разныя тибетскія божества. На возвышеніи около одной изъ стѣнъ сидѣлъ самъ „живой Будда" и бормоталъ, перебирая четки „омъ мани падме хумъ." Лопсенъ снялъ шапку и палъ ницъ передъ нимъ. Онъ милостиво протянулъ

руки и благословилъ Лопсена. Затѣмъ, онъ предложилъ намъ чаю и освѣдомился о нашемъ путешествіи. На мою просьбу о позволеніи осмотрѣть кумирни онъ согласился, но прибавилъ, что срисовывать тамъ что либо строго запрещено.

Получивъ это разрѣшеніе, мы отправились. Центръ монастыря составляетъ цѣлый лабиринтъ кумирень съ четыреугольными, или неправильной формы дворами. Самою главною является кумирня Сирканъ съ острой, круто изогнутой золоченою крышей. Передъ фасадомъ кумирни росло огороженное палисадомъ дерево о пяти стволахъ. Теперь оно было голо, но, говорятъ, что каждую весну на немъ выростаютъ листья

Ламы.
(Съ русской фотографіи).

съ надписью: „омъ мани падме хумъ.“ Листья эти продаются паломникамъ; къ сожалѣнію, запасъ ихъ уже истощился къ нашему прибытію.

Согласно утвержденію Гюка, эта надпись и дала кумирнѣ ея названіе. Но, разумѣется, видѣнное мною дерево было не то самое, которое описывалъ Гюкъ. На мой взглядъ, оно было для этого слишкомъ молодо, да и росло въ другомъ мѣстѣ.

Патеръ-же видѣлъ листья съ упомянутой надписью и говоритъ объ этомъ такъ:

„Прежде всего мы тщательно стали разсматривать листья и, къ полному нашему изумленію, дѣйствительно увидали на каждомъ листочкѣ явственно выступавшія тибетскія письмена. Послѣднія рисуются на зеленомъ фонѣ листьевъ иногда болѣе темными, иногда болѣе свѣтлыми линіями. Казалось, что письмена эти составляли такую-же неотъемлемую частицу листьевъ, какъ и жилки; мы всячески старались открыть тутъ поддѣлку, но напрасно.“

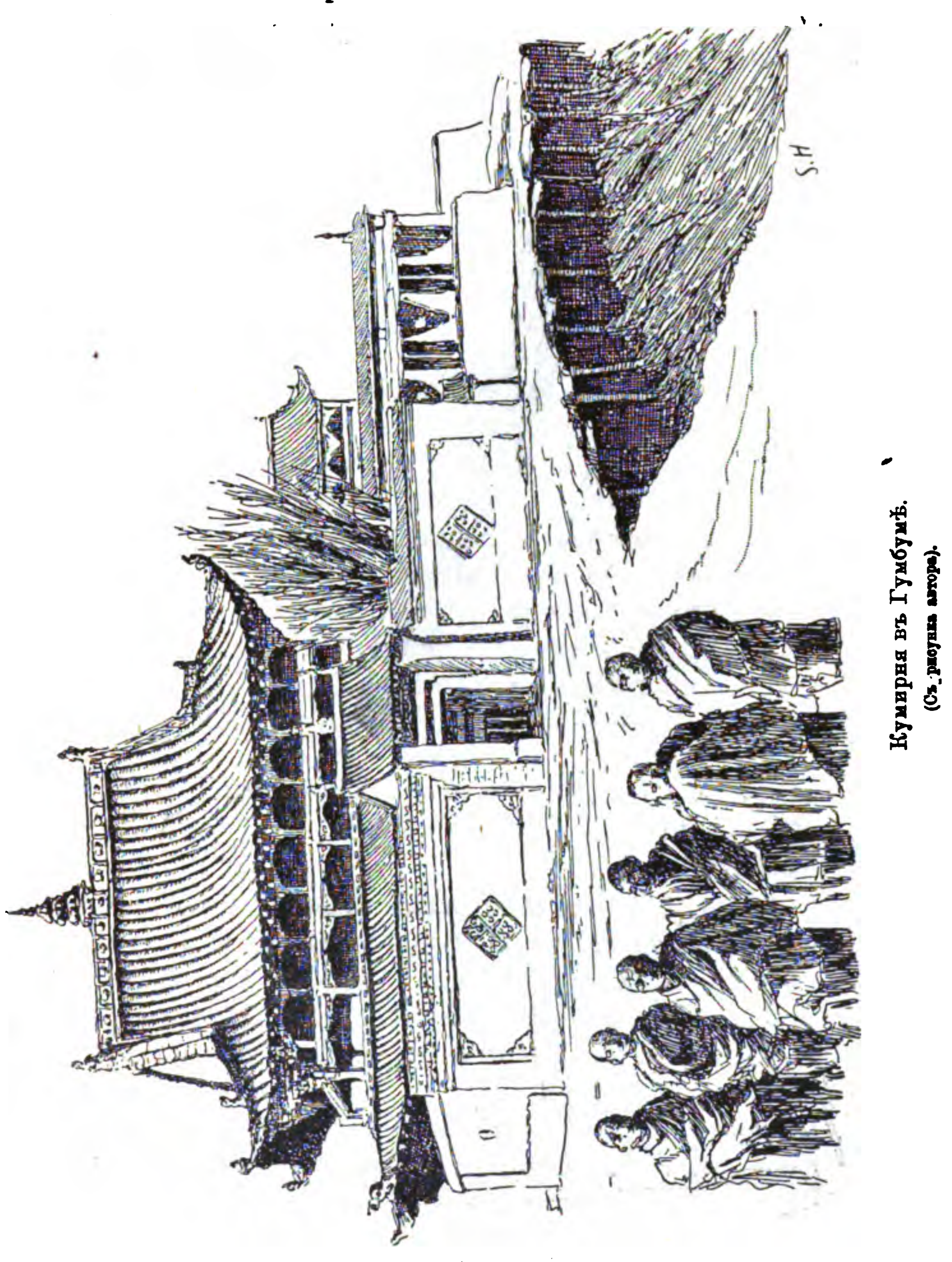
Я лично не видалъ листьевъ съ надписью, а Лопсенъ на мой вопросъ, какъ объяснить это явленіе, отвѣтилъ, что ламы сами оттискиваютъ письмена на листьяхъ.

Фасадъ кумирни представляетъ веранду, крыша которой опирается на шесть деревянныхъ колоннъ, покрытыхъ росписной рѣзьбой. Дощатый полъ былъ весь изборожденъ желобками съ гладко отполированными боками. Возникновеніе этихъ желобковъ я могъ прослѣдить воочію. Какъ разъ въ данную минуту передъ кумирней совершали моленіе нѣсколько тангутовъ и ламъ; каждый, стоя передъ двумя такими бороздками, вдругъ падалъ ницъ и вытягивался во весь ростъ, скользя передъ собой руками по этимъ бороздкамъ, лежалъ съ минуту, уткнувшись лбомъ въ полъ, затѣмъ снова вставалъ, прижималъ сложенныя руки ко лбу и груди, бормоча молитвы, опять падалъ ницъ и такъ разъ за разомъ безъ конца. Мнѣ ужъ надоѣло глядѣть на нихъ.

Передъ ними, въ лицевой стѣнѣ кумирни зіяли три двери, красиво окованныя мѣдью. Двери были открыты, но входы были до половины задернуты занавѣсями. Мы вошли, и глазамъ нашимъ представился настоящій музей. Высокіе своды обширной четыреугольной залы вздымались подъ самую крышу, покрытую позолотой. Глубокій, мистическій сумракъ царствовалъ въ помѣщеніи.

Посреди залы возвышалась колоссальская статуя Цзонкавы около 10 м. высоты, окутанная мантіями, открывавшими только голову и руки. Молчаливо и важно сидѣлъ онъ, презрительно глядя на богомольцевъ, которые въ потѣ лица вышлифовывали въ полу борозды своими грубыми руками. Вокругъ него виднѣлись разныя статуйки поменьше; каждая была

заключена въ особый шкафчикъ или родъ будки съ изукрашенною лицевой стороной.

Кумирня въ Гумбумѣ.
(Съ рисунка автора).

Передъ Цзонкавой горѣло пять лампадъ, а передъ ними стояли на полу полдюжины красивыхъ мѣдныхъ вазъ въ метръ вышины. Въ нихъ хранились съѣдобныя приношенія

божеству вродѣ риса, муки, цзамбы, воды, чая и т. п. Каждая ваза была прикрыта деревянной крышкой съ дырочкой, сквозь которую и видно было содержимое вазы. И на крышкахъ горѣли лампады, увеличивавшія мистическій оттѣнокъ освѣщенія.

Лама.
(Съ рисунка автора).

Статуя Цзонкавы была окружена расположенными четыреугольникомъ колоннами. Къ капителямъ переднихъ ко-

лоннъ былъ прикрѣпленъ въ нѣсколько наклонномъ къ главному входу положеніи прямоугольный, художественной работы щитъ, съ китайскою надписью золотомъ на темномъ фонѣ. Надпись гласила, что властитель этого храма Эдзинъ-ханъ, императоръ китайскій.

„Танка" или храмовой флагъ.
(Съ фотографіи Даллёфа).

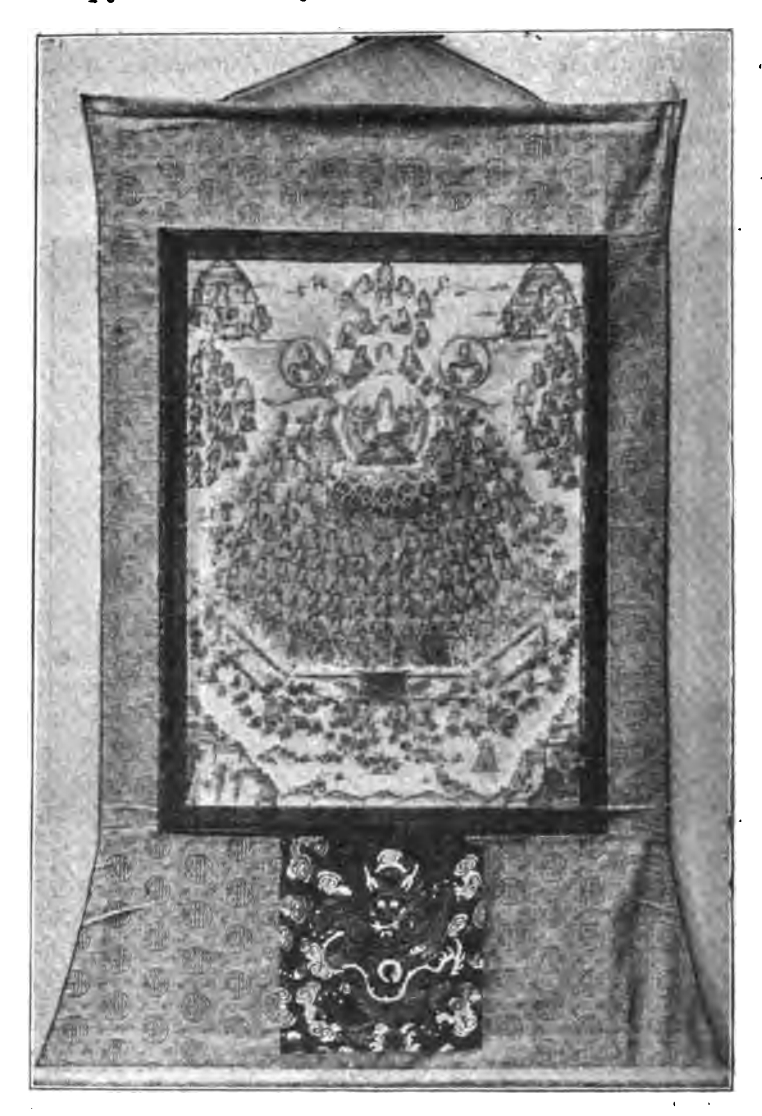
Рядомъ съ изображеніями божествъ и вдоль стѣнъ шли длинныя полки съ безчисленными связками священныхъ рукописей, перевязанныхъ тоненькими ремешками и вложенныхъ въ крышки изъ матерій. Глядя на всѣ эти диковинки, собранныя здѣсь, въ этихъ пустынныхъ областяхъ, испытываешь живѣйшее желаніе унести ихъ съ собою домой.

Сирканъ находится среди лабиринта подобныхъ-же кумиренъ, правда, не имѣющихъ волоченой крыши, но также вмѣщающихъ сонмы болѣе или менѣе крупныхъ, одѣтыхъ въ драгоцѣнныя одежды, статуй съ вызолоченными лицами и руками. Здѣсь-же, окруженная дворами, возвышается кумирня Цвокчинъ-дугунъ; вокругъ нея бѣжитъ галлерея съ колоннами. Въ ней между двумя горизонтальными рядами бревенъ укрѣплены валы, вертящіеся на двухъ стержняхъ. Выкрашенная въ голубой, или зеленый цвѣтъ поверхность этихъ цилиндрическихъ валовъ покрыта золотыми тибетскими письменами. Нѣкоторыя ламы спеціально тѣмъ и занимаются, что обходятъ галлерею и постоянно приводятъ цилиндры въ движеніе. Ось каждаго цилиндра обмотана тоненькими полосками бумаги, на которыхъ оттиснута мелкимъ шрифтомъ молитва „омъ мани падме хумъ," и стоитъ цилиндру сдѣлать одинъ оборотъ, чтобы молитва вознеслась къ богамъ тысячи разъ. Поистинѣ удобный способъ молиться!

Дворы кишѣли ламами; всѣ они были съ обнаженными головами, коротко остриженные, безбородые, смуглые, худощавые. Одѣяніе ихъ состояло изъ куска красноватой матеріи, наброшенной, какъ пледъ или тога, на плечи и обмотанной вокругъ таліи. Правое плечо почти всегда обнажено. Различаются эти ламы между собою, кажется, только тѣмъ, что одни погрязнѣе, другіе почище. Нѣкоторые прямо черны, какъ трубочисты или негры. Зло беретъ глядѣть на этихъ бездѣльниковъ, слоняющихся вокругъ величественныхъ храмовъ. Въ общемъ они были привѣтливы и ласковы, но туги на объясненія. Пришлось удовольствоваться разсказами Лопсена. Онъ много разъ присутствовалъ на храмовыхъ праздникахъ въ Гумбумѣ и былъ освѣдомленъ относительно всѣхъ тайнъ богослуженія.

Есть еще зданіе, называющееся Манцза-хэсынъ съ огромной кухней; здѣсь въ каменный очагъ вмазаны три коллосальные котла, въ которыхъ варятъ для паломниковъ чай и готовятъ цзамбу. Затѣмъ мы вступили во дворъ, вдоль стѣнъ котораго шли колоннады; на стѣнахъ-же были намалеваны изображенія боговъ. Ихъ морщинистые лбы, широкіе носы съ раздутыми ноздрями, вывороченныя губы, закрученные кверху усы и черныя брови дѣлаютъ ихъ болѣе похо-

жими на злыхъ духовъ, чѣмъ на боговъ. Но, изображая ихъ такимъ образомъ, хотѣли, вѣроятно, представить ихъ страшное всесокрушающее могущество.

„Танка" съ изображеніями храмовъ Лассы и Гумбума, Цзонкавы и пр. ($1^1/_2$ м. высоты).

(Съ фотографіи Даллѣфа)

Въ общемъ архитектура оригинальная и фантастическая, выражающая особенности вкусовъ тибетцевъ. Но сына запада, привыкшаго къ гармоніи формъ, она скоро утомляетъ. Она

не производитъ на него того умиротворяющаго отраднаго впечатлѣнія, какое онъ выноситъ, созерцая западные храмы. Здѣсь взоръ бѣжитъ съ одного фронтона, съ одного пестраго завитка на другой, и куда ни взгляни — тотъ-же хаосъ скульптурныхъ украшеній и красокъ, гдѣ синій, зеленый и лиловый цвѣта мирно уживаются рядомъ. Въ глазахъ рябитъ!

Внушительное впечатлѣніе, производимое самыми кумирнями, ослабляется непріятнымъ чувствомъ, котораго я никогда

Серебряная чаша (изъ Лассы), молитвенный барабанъ изъ двухъ череповъ (изъ Гумбума) и молитвенные валики изъ матеріи, мѣди и серебра (изъ Гумбума). ($^1/_6$ натуральной величины).

(Съ фотографіи Далаффа).

не испытывалъ въ магометанскихъ мечетяхъ. Непріятное чувство это возбуждаетъ видъ грязныхъ ламъ, которые день деньской сидятъ себѣ между колоннами, перебирая четки. Стоило же мнѣ приняться за какой нибудь набросокъ, они ползли ко мнѣ изъ всѣхъ угловъ и щелей, какъ тараканы, и обступали меня со всѣхъ сторонъ. Большинство изъ нихъ подростки 10—15 лѣтъ, которые готовятся при монастырѣ къ сану ламъ.

Въ одномъ изъ помѣщеній звонко раздавалась обычная молитва, нараспѣвъ повторяемая толпой мальчиковъ. Выходило довольно красиво. Но славно было вновь очутиться на свѣжемъ воздухѣ. Въ общемъ въ картинѣ этой всетаки не мало общаго съ картиной монастырской жизни и въ нашей дорогой Европѣ.

На холмахъ вокругъ и выше храмовъ амфитеатромъ раскинулись дома. Ряды бѣлыхъ стѣнъ казались изъ Ло-сэра длинными простынями, развѣшанными для просушки. Величиною Гумбумъ превосходитъ и Донкыръ и Ло-сэръ; особенный наплывъ народа бываетъ здѣсь въ храмовые праздники, когда сюда стекаются богомольцы изъ Тибета, Цайдама, Куку-нора и Монголіи.

21 и 22 ноября мы провели въ Ло-сэрѣ, и я еще два раза посѣтилъ Гумбумъ, чтобы срисовать нѣкоторые виды. Услыхавъ, что я покупаю храмовые флаги и бурхановъ, ламы стали являться ко мнѣ въ сумерки съ этими предметами, и я пріобрѣлъ нѣсколько неособенно дорогихъ. Кромѣ того я купилъ разные жертвенные сосуды изъ мѣди, нѣсколько серебряныхъ футляровъ и одинъ „дамару“ или молитвенный барабанъ, сдѣланный изъ двухъ череповъ.

XXV.

Сининъ-фу. Возстаніе дунганъ. Новый караванъ.

23 ноября мы запаковали нашъ багажъ, что взяло порядочно времени, и могли выступить въ Сининъ лишь около полудня. Путь почти весь день велъ между округленными, пыльными, красноватыми холмами; вслѣдствіе оживленнаго движенія, дорога углубилась между ними метра на 4—6 и напоминала карридоръ; впереди и позади себя можно было видѣть свободное пространство, но съ боковъ ландшафтъ былъ закрытъ.

Большею частью ложбина эта была такъ узка, что двумъ арбамъ не разъѣхаться было-бы. Тамъ и сямъ ее пересѣкали ручьи, и вода, естественно, сбѣгала по ложбинѣ, какъ по жо-

лобу. Верблюды скользили и спотыкались, идя по этому мѣсиву. Послѣ солнечнаго заката, когда вода подмерзла, стало еще хуже.

Мы ѣхали по долинѣ часъ за часомъ, минуя по пути встрѣчные караваны, селенія и ручьи. Наконецъ, наступили сумерки и затѣмъ тьма. Да, полная тьма, хоть глазъ выколи. Пренепріятно было ѣхать, не видя ни зги. Наконецъ, проводникъ нашъ остановился передъ стѣной съ гигантскими воротами; это былъ въѣздъ въ Сининъ-фу.

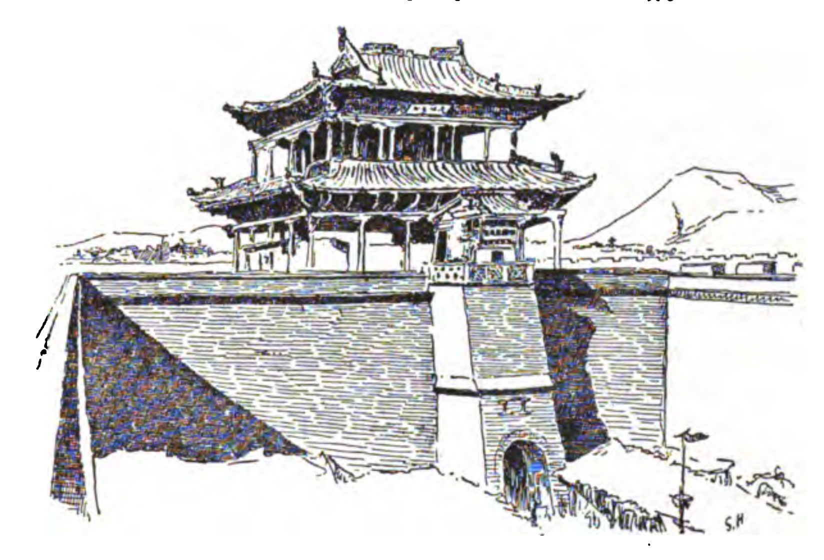
Мы принялись стучать въ ворота ручками хлыстовъ и окликать сторожа, который расхаживалъ по стѣнѣ, колотя въ барабанъ. Ворота запираютъ рано изъ боязни дунганъ, и разъ они закрылись, въ городъ уже не попадешь. Я растолковалъ сторожу, что, если онъ поспѣшитъ въ яменъ къ дао-таю и добьется для путешественника-европейца дозволенія войти въ городъ, то получитъ хорошее вознагражденіе. Сторожъ послалъ гонца, а мы остались ждать во мракѣ у воротъ. Черезъ полтора часа посланный вернулся съ заявленіемъ, что ворота намъ откроютъ — утромъ. Не оставалось ничего другого, какъ отправиться въ ближайшее селеніе, гдѣ мы послѣ большихъ хлопотъ и попали подъ крышу.

Едва успѣлъ я на другое утро одѣться, какъ ко мнѣ явились гости, двое англичанъ, мистеръ Ридлэй и мистеръ Гунтеръ. Они принадлежали къ Внутренней Китайской Миссіи и носили китайскую одежду и косы, такъ что лишь черты лица выдавали ихъ европейскую расу. Мистеръ Ридлэй пригласилъ меня въ свой домъ, и я до 30 ноября пользовался гостепріимствомъ его и его любезной супруги и всѣми удобствами европейскаго комфорта. Мнѣ сначала даже какъ-то неловко было очутиться въ настоящей постели съ тюфяками и простынями, сидѣть за столомъ на настоящемъ стулѣ и ѣсть по цивилизованному, употребляя ножъ и вилку. Я, вѣдь, привыкъ свершать свои трапезы, полулежа, передъ миской съ рисомъ, поставленной прямо на землю.

Мистеръ Ридлэй со своими помощниками Гунтеромъ и Галлемъ занимали китайскій домъ съ большимъ четыреугольнымъ дворомъ, обставленный очень уютно и комфортабельно. Миссіонеры успѣли снискать себѣ горячее расположеніе населенія во время дунганскаго возстанія, когда они обнаружили

столько энергіи и самопожертвованія, ухаживая въ устроенномъ ими-же госпиталѣ за ранеными солдатами. Безъ сомнѣнія, такая дѣятельность и сослужила службу распространенію христіанства среди китайцевъ. Въ воскресенье утромъ я слышалъ изъ своей комнаты псалмы, распѣваемые въ униссонъ, подъ аккомпаниментъ органа, цѣлою толпою китайцевъ.

Но я обязанъ четѣ Ридлэй глубокой благодарностью не только за ихъ сердечное гостепріимство, а и за многія другія важныя, оказанныя ими мнѣ услуги. Сининъ-фу явился важ-

Одни изъ Сининскихъ воротъ.
(Съ рисунка автора).

нымъ пунктомъ на длинной красной линіи, протянувшейся по Центральной Азіи.

Здѣсь надо было совершенно реорганизовать нашъ караванъ, согласно мѣстнымъ условіямъ. Здѣсь-же мнѣ предстояло проститься съ моими вѣрными слугами изъ Восточнаго Туркестана, которые отсюда должны были вернуться къ своимъ далекимъ очагамъ по большому пути черезъ Гань-чжоу, Су-чжоу, Хами и Курлю. Я побывалъ у дао-тая и добылъ для нихъ внушительный паспортъ огромныхъ размѣровъ. Получить его было не трудно, такъ какъ они всѣ почти были китайскими подданными. Призвавъ затѣмъ туркестанцевъ къ себѣ въ

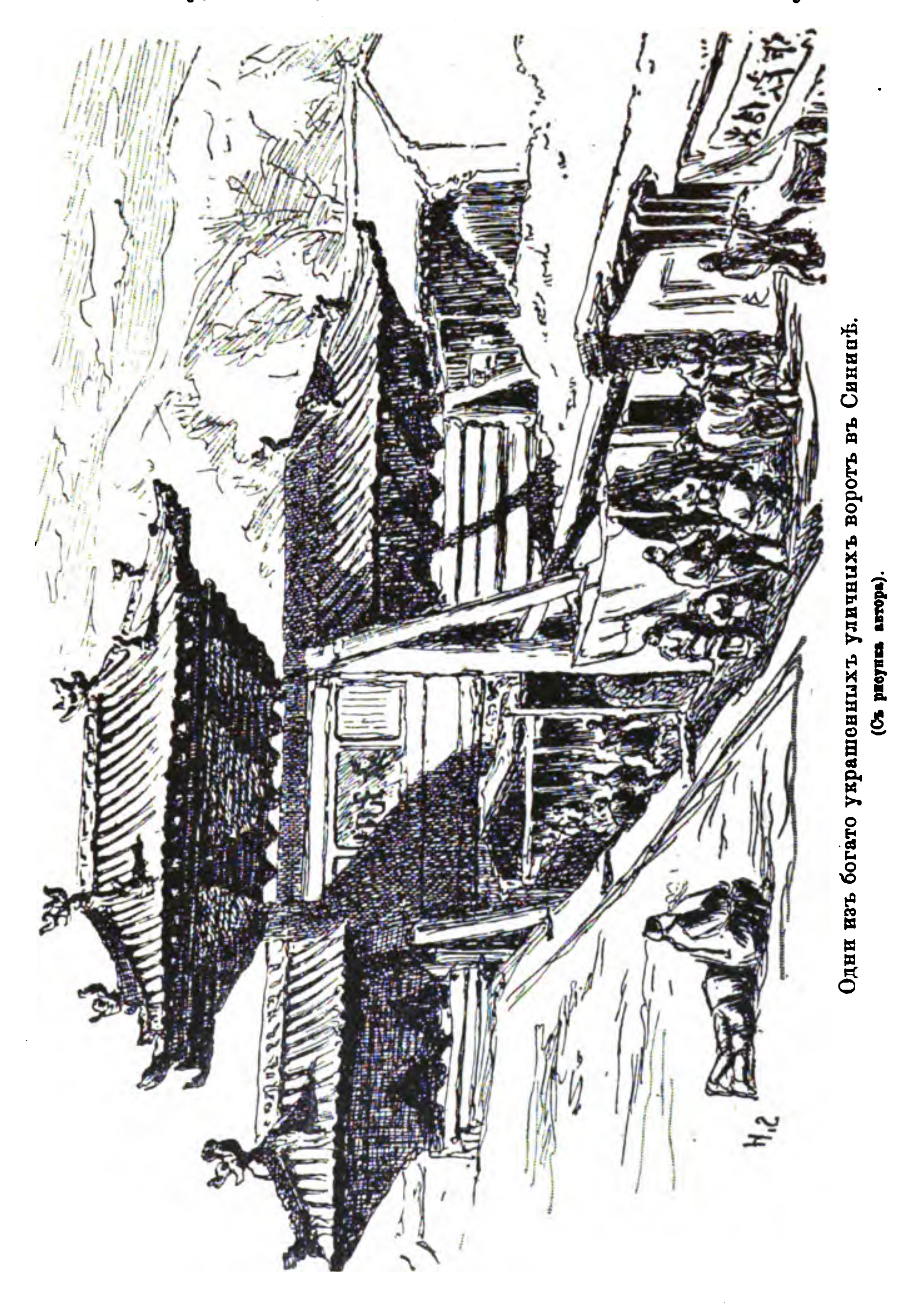
комнату, я свелъ счеты и, когда выяснилось, сколько каждому приходилось получить, далъ вдвое къ ихъ общему удовольствію. Они вполнѣ это заслужили; безъ нихъ мнѣ-бы пришлось туго. Кромѣ того, я отдалъ имъ всѣхъ монгольскихъ лошадей, кромѣ двухъ верховыхъ, нужныхъ для насъ съ Исламомъ, а также обезпечилъ имъ на весь путь продовольствіе, частью натурой, частью деньгами.

Трое слугъ, Ладакцевъ, пропавшихъ изъ отряда капитана Уэльби, встрѣченные нами въ Донкырѣ, куда они добрались безъ ничего, то-же получили денегъ и продовольствіе и должны были отправиться домой вмѣстѣ съ моими слугами. Парпи-бая, который уже однажды совершилъ этотъ путь, они сдѣлали своимъ караванъ-баши, и я далъ ему револьверъ съ боевыми припасами. Всѣ они были очень довольны и благодарны, и мы разстались добрыми друзьями. Надѣюсь, что они достигли своей родины такъ же благополучно, какъ и я.

Послѣ такой чувствительной убыли въ моей кассѣ, мистеръ Ридлэй сосчиталъ и взвѣсилъ оставшійся у меня запасъ серебра. Оказалось 770 ланъ, которыхъ вполнѣ должно было хватить до Пекина. Почтовые курьеры проѣзжаютъ этотъ путь въ 28 дней, а намъ предстояло пробыть въ пути три мѣсяца.

Мѣсто не позволяетъ мнѣ вдаваться въ описаніе Синина-фу. Довольно сказать, что городъ окруженъ, по азіатскимъ понятіямъ, почти неприступной четыреугольной стѣной, очень толстой, массивной и солидно построенной; по гребню ея проходитъ настоящая улица. Видъ со стѣны открывается широкій и величественный. Внутри, за стѣной, разстилается настоящая мозаика китайскихъ крышъ изъ красной черепицы съ головами драконовъ, и сѣть улицъ, параллельнымъ четыремъ сторонамъ стѣны. Главная улица проходитъ городъ насквозь по самой серединѣ; по этой улицѣ расположены главнѣйшіе ямены или присутственныя мѣста, съ украшенными богатой лѣпкой воротами и зловѣще размалеванными часовыми — каменными львами и драконами. Подобныя ворота попадаются кое-гдѣ и на улицахъ; они воздвигнуты на средства, завѣщанныя богатыми людьми, которые пожелали такимъ образомъ сохранить свое имя потомству.

Не могу, однако, покончить съ Сининомъ, не коснувшись

Одни изъ богато украшенныхъ уличныхъ воротъ въ Сининѣ.
(Съ рисунка автора).

въ общихъ чертахъ дунганскаго возстанія, о которомъ много поразсказалъ мнѣ мистеръ Ридлэй.

Возмущеніе, грозившее, какъ и первое дунганское возстаніе, охватить пламенемъ междоусобной войны громадныя пространства китайскихъ владѣній въ Азіи, но во́-время подавленное китайцами, началось въ декабрѣ 1894 г. въ Саларскомъ округѣ, гдѣ двѣ магометанскія секты Ляо-джао и Шинъ-джао (Старая и Новая вѣра) подняли религіозную распрю. Дао-тай Сининскій неразумно вмѣшался въ распрю, велѣлъ арестовать пятерыхъ вожаковъ толка Ляо-джао и пригвоздить ихъ къ городской стѣнѣ. Тогда салары напали на китайскій отрядъ и изрубили его до единаго человѣка. Мандарины вывѣсили на всѣхъ городскихъ стѣнахъ воззванія, приглашавшія остальное населеніе истреблять саларовъ. Дунганы (т. е. китайскіе подданные, исповѣдующіе исламъ) поняли, чѣмъ это пахнетъ и порѣшили, что лучше предупредить врага, нежели быть предупрежденными. И возмущеніе стало быстро охватывать область за областью. Въ іюлѣ 1895 г. оно достигло Синина. Сельскіе жители массами укрывались со своимъ добромъ въ городскихъ стѣнахъ, такъ что народонаселеніе города возросло съ 20,000 до 50,000.

Начались стычки за городомъ и въ долинахъ, ведущихъ къ Синину. Раненыхъ китайцевъ отвозили въ городъ, кумирня была превращена въ госпиталь, и мистеръ и мистрисъ Ридлэй ухаживали за ранеными дни и ночи.

Цѣлыхъ 5 мѣсяцевъ городъ былъ обложенъ, и на стѣнахъ каждую ночь дежурили 3,000 солдатъ. У каждаго десятаго солдата была въ рукахъ лампа, чтобы видно было, не спитъ-ли кто изъ солдатъ и не идутъ-ли дунганы на приступъ. 1-го сентября возмутились жители большого магометанскаго селенія Тунь-куань, собственно предмѣстья Синина, находящагося за восточными воротами города, и перерѣзали всѣхъ китайцевъ. Скоро въ городѣ сдѣлался голодъ и начались повальныя болѣзни. Когда-же истощилось и топливо, китайцы стали, собираясь большими партіями, дѣлать тайныя вылазки изъ города, но дунганы были себѣ на умѣ, караулили ихъ въ засадѣ и умерщвляли всѣхъ.

Нѣсколькихъ мандариновъ, заподозрѣнныхъ въ сочувствіи бунтовщикамъ, чернь выволокла на улицу, таскала ихъ, всячески мучила и, наконецъ, умертвила. Трусливому начальнику города, дао-таю, съ трудомъ удалось спастись. Но, по

окончаніи войны, онъ былъ призванъ къ императору и получилъ шелковый шнурокъ, означавшій: ступай домой и повѣсься. Онъ не послѣдовалъ приглашенію, но лишилъ себя жизни въ Лань-чжеу.

Со дня на день ждали капитуляціи, и китайцы уже роздали своимъ женамъ большія порціи опіуму для принятія въ моментъ сдачи города, чтобы не доставаться въ руки магометанъ. Но, благодаря крѣпкимъ стѣнамъ и превосходному командиру войскъ, генералу Дженъ-таю, городъ продержался до января 1896 г., когда явился на помощь съ 2000 солдатъ генералъ Хо, вернувшійся съ войны съ японцами. Хо былъ отличный человѣкъ, который и до сихъ поръ оставался въ Сининѣ, и я съ нимъ познакомился.

Нельзя и сказать, какую жестокость проявляли обѣ стороны. Маленькихъ дѣтей протыкали копьями, плѣнныхъ подвергали жесточайшимъ пыткамъ. Чернь завывала отъ восторга, какъ дикій звѣрь, когда солдаты генерала Хо возвращались съ плѣнными дунганами, закованными въ цѣпи. Ихъ торжественно проводили по улицамъ Синина въ яменъ Дженъ-тая на судъ. Приговоръ слѣдовалъ быстро, ихъ выводили за ворота и перерѣзывали имъ глотки тупыми ножами. Затѣмъ, вспарывали имъ грудь, вынимали сердце и печень, вздѣвали послѣднія на копья, и солдаты тащили ихъ въ ближайшую харчевню, гдѣ жарили и пожирали ихъ. Китайцы вѣрятъ, что съѣвшій сердце и печень врага, пріобрѣтаетъ и мужество умершаго.

Въ общемъ, говорятъ, пало въ этой междоусобицѣ до 50,000 дунганъ и столько-же китайцевъ. Магометане — способные и храбрые солдаты, но оружіе у нихъ было плохое. При штурмѣ китайцами Тунь-куаня, на одну изъ осыпаемыхъ стрѣлами башенъ поставили караульнаго. Едва послѣдній палъ отъ пули, мѣсто его тотчасъ занялъ другой, когда палъ и этотъ, третій, и такъ до шести разъ. Тутъ предмѣстье было взято, но послѣдній караульный не покинулъ своего поста; тамъ его и взяли.

Китайцы, напротивъ, невѣроятные трусы. Такъ, большой китайскій отрядъ обложилъ одинъ магометанскій городъ недалеко отъ Синина и обстрѣливалъ его стѣны въ теченіе трехъ дней, не смѣя пойти на штурмъ: на стѣнахъ не было видно часовыхъ, и китайцы подозрѣвали засаду. Когда подступив-

шій къ городу съ нѣсколькими сотнями солдатъ, генералъ Хо взорвалъ городскія ворота, на встрѣчу ему вышла слѣпая старуха, послѣдняя обитательница города, и сообщила, что всѣ остальные жители давно ушли въ горы. Она понять не могла, зачѣмъ китайцы подняли такой шумъ передъ пустымъ городомъ.

Положеніе миссіонеровъ въ теченіе этихъ пяти мѣсяцевъ было крайне незавидное. Они, какъ и китайцы, со дня на день ждали, что осаждающіе ворвутся въ городъ, какъ стая голодныхъ волковъ, и не оставятъ въ живыхъ ни единой души. Въ сумятицѣ, конечно, убили-бы и миссіонеровъ, тѣмъ болѣе, что они не отличались по одеждѣ отъ китайцевъ.

Время проводили въ напряженномъ ожиданіи. По ночамъ китайцы часто съ дикими криками и воемъ толпами проносились по улицамъ, и миссіонеры думали, что роковая минута настаетъ. Тогда мистеръ Ридлэй спѣшилъ, обыкновенно, на городскую стѣну, гдѣ расхаживала ночная стража съ фонарями и кнутами, которыми будила засыпавшихъ солдатъ. Днемъ со стѣнъ часто можно было видѣть толпы дунганъ, расхаживавшихъ по окрестностямъ; иногда они занимали горные склоны, которые и казались усѣянными черными точками.

Всѣ китайскія кумирни, находившіяся внѣ городскихъ стѣнъ, были сожжены. Я побывалъ на развалинахъ одной, которая была возведена нѣсколько лѣтъ тому назадъ купцомъ изъ Шань-си. Кучи щебня и золы съ торчавшими изъ нихъ глиняными остовами боговъ представляли своеобразную картину.

Улицы города во время осады представляли ужасное зрѣлище. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, грязь, гніющіе трупы и скученность населенія породили чуму и страшную нужду; маленькихъ дѣтей выбрасывали на улицу, не дожидаясь даже ихъ окончательной смерти, и свиньи и собаки живо справлялись съ ними. Миссіонеры сравнительно не терпѣли нужды, такъ какъ за ихъ важныя услуги въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ солдатамъ Дженъ-тай снабжалъ ихъ съѣстными припасами.

Устрашающимъ памятникомъ мятежа служатъ выставленныя на городскихъ воротахъ маленькія деревянныя клѣтки съ головами вожаковъ дунганъ, попавшихъ въ плѣнъ къ

китайцамъ. На клѣткахъ надписи. Въ одной изъ клѣтокъ находилась, какъ гласила надпись, голова убійцы Дютрейля де Рина, хотя, собственно говоря, невозможно было съ точностью указать, кто изъ нападавшихъ нанесъ заслуженному французскому путешественнику смертельный ударъ.

---

1 декабря я съ моимъ неизмѣннымъ Исламомъ-баемъ, оставилъ Сининъ-фу и домъ гостепріимныхъ англійскихъ миссіонеровъ. Достать въ Сининѣ толмача оказалось невозможнымъ, и мистеръ Галль любезно пожертвовалъ мнѣ своимъ временемъ, согласившись сопровождать насъ до Пинь-фаня. Мистрисъ Ридлэй наполнила наши провіантныя сумы разными рѣдкими лакомствами, вродѣ лепешекъ, картофеля, меда и варенья.

Новый нашъ караванъ состоялъ изъ 6 лошаковъ и 3 людей, которые за 14 таэлей (ланъ) взялись сопровождать насъ до Пинь-фаня. Ягданы разъ навсегда привязали къ выгнутымъ деревяннымъ рамамъ, которыя затѣмъ по-просту подняли на вьючныя сѣдла. Только тѣ предметы, въ которыхъ ощущалась надобность каждый вечеръ, были запакованы такъ, чтобы всегда быть подъ руками. Но лошаки бунтовались и упрямились; одинъ до тѣхъ поръ сбрасывалъ съ себя вьюкъ, пока деревянная рама не разлетѣлась въ куски.

Еще хуже оказались нанятые люди, которые весь путь ссорились и бранились. Я радъ былъ, что нанялъ ихъ только на 6 дней. Сопровождаемые любопытными взглядами жителей выступили мы изъ восточныхъ воротъ и прошли по развалинамъ Тунь-куаня. Здѣсь успѣли выстроить новые дома и лавки только на главной улицѣ. У дороги сидѣли старые нищіе магометане. Предмѣстье было занято теперь всякимъ сбродомъ и солдатами, взявшими себѣ въ жены магометанокъ; тѣ довольно спокойно мирились со своей участью.

Потомъ мы очутились уже въ сельской мѣстности, и недавно столь бойкій трактъ мало-по-малу терялъ свое оживленіе. Долина была широка, открыта и ограничена горными склонами, представлявшими округленныя формы. Затѣмъ, она

ненадолго сузилась въ узкій проходъ, гдѣ постоянно царила тѣнь и гдѣ берега довольно значительной горной рѣки Синина были окаймлены ледяной лентой. Загородивъ этотъ узкій проходъ, называемый Шіо-ша, дунганы надолго прервали сообщеніе между Сининомъ и Лань-чжоу.

Вечеромъ стало холодно и темно. На встрѣчу намъ попался всего одинъ огромный караванъ верблюдовъ. Караваны эти идутъ только по ночамъ, а днемъ животныя пасутся. Перейдя двѣ рѣчки Са-ку-фу и Кунь-янтанъ мы достигли большого селенія Пинь-рунъ-и, гдѣ мы съ трудомъ нашли пристанище на постояломъ дворѣ, биткомъ набитомъ проѣзжими. Надо было тщательно вымести глиняный полъ прежде, чѣмъ разостлать на него войлока, такъ какъ на полу кишѣли всякія насѣкомыя послѣ ночевавшихъ тутъ гостей.

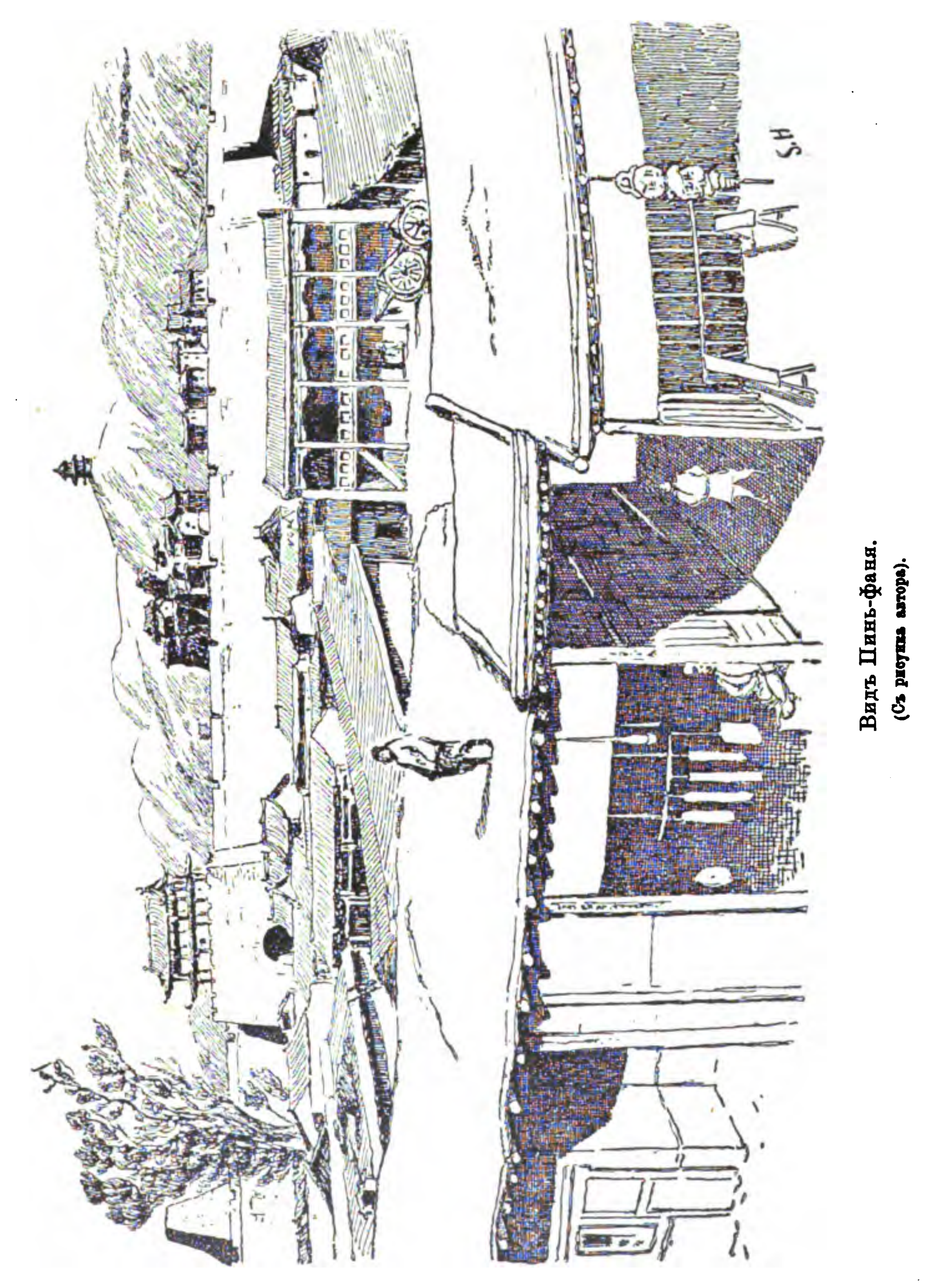
2 декабря. Долина постепенно понижалась и около Да-ша (Большого прохода), ограниченнаго скалами изъ гранита и чернаго сланца, мы миновали узкую балку, куда рѣка, бывшая у насъ по лѣвую сторону, низвергалась водопадами. Затѣмъ, дорога снова расширилась, и показались многочисленныя селенія и поля. Насъ перевезли на паромѣ черезъ рѣку, и мы прибыли въ Ніянъ-бэ; ворота оказались еще не запертыми, хотя было уже темно.

Слѣдующій переходъ мы совершили по густо населеннымъ и хорошо воздѣланнымъ участкамъ. Дорогу пересѣкало множество замерзшихъ каналовъ съ остановившимися, окованными льдомъ мельничными колесами. Въ садахъ росли яблоки, груши, абрикосовыя, персиковыя и сливовыя деревья, а также грецкіе орѣхи; поля приготовлялись къ слѣдующему посѣву. Дорога глубоко врѣзалась въ лёссовую почву, ясно обнаруживая и горизонтальные и вертикальные слои и обнажая старые корни растеній, спускавшіеся иногда до самой поверхности дороги. Рѣка вырыла себѣ русло въ такомъ-же лёссѣ.

Самымъ крупнымъ селеніемъ на нашемъ пути было Као-Міо-цзя. Здѣсь мы остановились позавтракать около открытой харчевни. Намъ часто попадались большіе караваны верблюдовъ, везшихъ тюки съ шерстью изъ Нинъ-ся въ Тянь-цзинъ. Въ Ло-я мы провели ночь.

Продолжая съ 4 декабря путь къ NNO, мы оставили вправо

Ло-я-ша, т. е. долину, по которой течетъ въ Хуанъ-хэ рѣка

Видъ Пинь-фаня.
(Съ рисунка автора).

Droninъ и идетъ кратчайшій, но неудобный путь въ Ланьчжоу-фу. Мы поднялись на первый незначительный перевалъ.

Къ нему вела небольшая долина, и въ концѣ ея возвышались на шестахъ помѣщенныя въ клѣтки три человѣческія головы. Онѣ принадлежали разбойникамъ, грабившимъ по дорогѣ проѣзжихъ. Извилистая ложбина эта вела къ высотамъ Пинь-кушаня и можно было пожалѣть нашихъ лошаковъ, съ трудомъ тащившихся по ней со своими тяжелыми вьюками.

Проведя ночь на низкомъ горномъ отрогѣ въ одиноко стоявшемъ тутъ постояломъ дворѣ Пинь-ку-ку, мы двинулись дальше внизъ по широкой открытой долинѣ Тай-тунь-хо. Рѣка, текущая съ сѣверозапада, протекаетъ по долинѣ тремя рукавами. Черезъ самый большой изъ нихъ, шириною въ 30 м. и глубиною въ $1^1/_2$ м., переправились на паромѣ. На лѣвомъ берегу расположилось нѣсколько селеній; большинство было разорено во время дунганскаго возстанія. Трактъ здѣсь бойкій. Мы то и дѣло встрѣчали толпы монголовъ-богомольцевъ, направлявшихся въ Гумбумъ, длинныя вереницы возовъ съ углемъ изъ залежей, находящихся въ этой области, арбы и цѣлые караваны, нагруженные съѣстными припасами, которые везли въ Сининъ, а также много отдѣльныхъ всадниковъ и пѣшеходовъ.

Изъ селенія Шуань-нью-по мы направились 6 декабря по удобной для ѣзды верхомъ дорогѣ, которая, пересѣкая еще одинъ перевалъ, вела въ Пинь-фань. Для колесныхъ-же экипажей дорога была тяжела, — крута и узка. Чтобы избѣжать столкновенія съ встрѣчными возами, въ этомъ узкомъ, глубоко врѣзавшемся въ горы корридорѣ, возницы бѣгутъ впередъ, издавая громкіе, рѣзкіе крики. Такимъ образомъ, сохраняютъ для себя свободный проѣздъ до расширенія долины, гдѣ повозки могутъ уже разъѣхаться. По главной долинѣ течетъ рѣка Пинь-фань-хэ, дѣлящаяся на 9 рукавовъ. Лѣтомъ рѣка несетъ большія массы воды, какъ это видно было по береговымъ линіямъ.

Дорогу отъ Пинь-фаня до Лянь-чжеу я миную быстро, такъ какъ она хорошо извѣстна и описана другими. Мы выступили 9 декабря, сердечно простившись съ мистеромъ Галль, который получилъ за свои труды одну изъ нашихъ лошадей. Караванъ былъ составленъ заново. Отпустивъ лошаковъ съ ихъ владѣльцами, я нанялъ двѣ большія повозки, видомъ и устройствомъ одинаковыя съ восточно-туркестанскими. На

одну уложили весь багажъ, а надъ другой, предназначавшейся для меня, устроили тунелеобразную крышу, дно-же выстлали соломой и коврами. Запрягли въ повозки по одному лошаку съ припряжкой двухъ пристяжныхъ лошадей впереди. Возницами были два славныхъ китайца, которымъ я далъ понять, что, если они будутъ стараться, то получатъ щедрую прибавку на чай. Мнѣ было тѣмъ важнѣе обезпечить съ ихъ стороны расторопность и услужливость, что я отправился въ путь безъ толмача и долженъ былъ обходиться съ тѣмъ небольшимъ запасомъ словъ, которыя успѣлъ себѣ усвоить.

Въ теченіе 6 дней мы ѣхали по восточнымъ отрогамъ Нань-шаня, минуя ущелья, подымаясь съ горки на горку, съ перевала на перевалъ, и переправляясь черезъ замерзшія и открытыя рѣчки то вбродъ, то по головоломнымъ мостикамъ. Повозки подпрыгивали и громыхали; такая ѣзда чистая мука. Люди шли пѣшкомъ, понукая животныхъ. Въ каждомъ поселкѣ имъ оказывалось нужно сказать нѣсколько словъ знакомымъ, или купить себѣ что нибудь съѣстное на дорогу.

Выступали въ путь мы рано утромъ, обыкновенно тотчасъ послѣ полуночи, а днемъ останавливались на отдыхъ; животныя кормились, и затѣмъ мы еще дѣлали небольшой конецъ до наступленія ночи. На зарѣ ѣхать было такъ прохладно, что я просто мерзъ въ повозкѣ, не смотря на всѣ шубы и войлока. Исламъ, ѣхавшій верхомъ, чуть было не отморозилъ ногъ и затѣмъ предпочиталъ уже идти пѣшкомъ. Возницы-же, все время марщировавшіе около повозокъ, ничуть не зябли; вѣрный мой Джолдашъ тоже чувствовалъ себя отлично. Раза два шелъ снѣгъ, и дулъ ледяной нордвестъ.

Такимъ образомъ ѣхали мы цѣлыхъ 6 дней по важному пути, ведущему вдоль Великой стѣны къ NNW къ городу Лянь-чжеу, причемъ миновали селенія Ву-шинь-и, Та-ку-и, Лунь-го-по, Го-лянь-шень и Хо-дунь-по, въ которыхъ останавливались, и много другихъ.

Въ компанію къ намъ присоединились двое китайцевъ, везшихъ на двухъ возахъ товары въ Лянь-чжеу-фу. Тутъ выгоднѣе путешествовать большими партіями, такъ какъ при встрѣчѣ въ ущельяхъ двухъ обозовъ, съ дороги сворачиваетъ тотъ, въ которомъ меньшее число повозокъ. Кромѣ того, случись что нибудь въ дорогѣ съ одной изъ повозокъ, всѣ другіе воз-

ницы обоза должны придти на помощь и справить дѣло. Выгоды такого соглашенія обнаружились уже утромъ 10 декабря, когда мы достигли праваго берега рѣки Ши-минь-хэ, текущей по широкой и огромной долинѣ и затѣмъ подъ острымъ угломъ соединяющейся съ Пинь-фань-хэ. Широкая, извилистая, съ полнымъ камней русломъ, рѣка была покрыта льдомъ; оставались открытыми только нѣсколько узкихъ полосокъ воды въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теченіе было особенно сильно. Дорога-же проходила какъ разъ по плотному льду, посыпанному пескомъ.

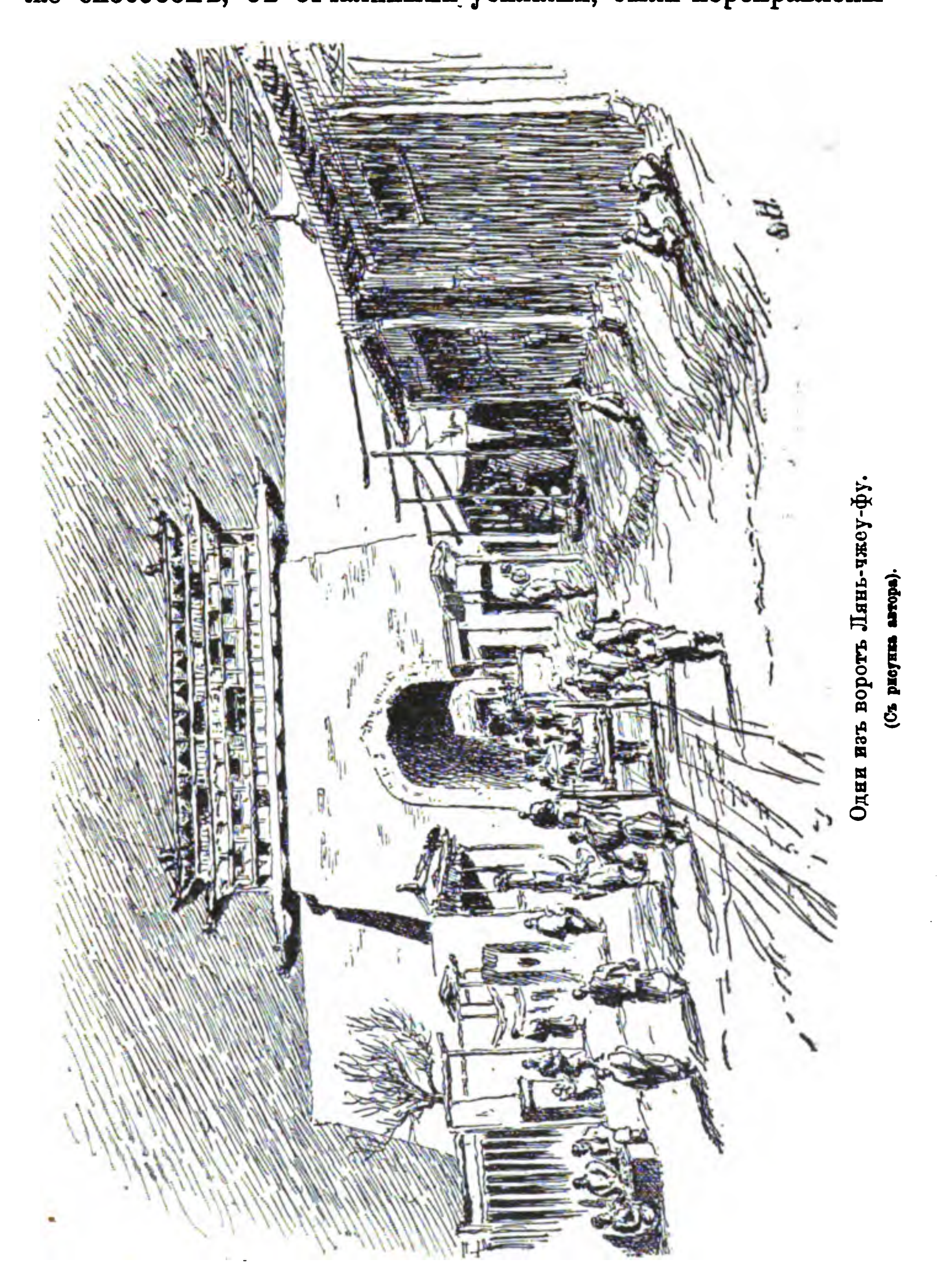
Сначала попытали удачи наши спутники съ одною изъ своихъ повозокъ, запряженной тремя лошадьми. Они пустили лошадей въ карьеръ, но, едва очутились на льду, какъ колеса, словно бритвы прорѣзали ледъ, и повозка плотно засѣла въ тискахъ. Пришлось выгружать весь товаръ и таскать его на рукахъ черезъ рѣку. Общими силами, съ большимъ трудомъ, переправили, наконецъ, и самую повозку.

Стали пробовать крѣпость льда въ другихъ мѣстахъ, повыше, но онъ всюду оказывался слишкомъ тонкимъ, чтобы сдержать наши тяжелыя повозки. Поэтому люди въ одномъ болѣе широкомъ мѣстѣ прямо прорубили ледъ поперекъ русла топорами; глубина воды доходила тамъ до 1 м. Образовалась полынья, наполненная мелкимъ льдомъ и плавающими льдинами.

Спустили на край льда нашу повозку, и затѣмъ лошади однимъ скачкомъ стащили ее въ прорубь, гдѣ она и застряла. Припрягли еще пару лошадей, люди кричали, ухали и хлестали лошадей, стоя на краю льда. Бѣдныя лошади, погрузившіяся въ ледяную воду по брюхо, брыкались, становились на дыбы, спотыкались, чуть не захлебывались, бросались въ сторону и карабкались на ледъ, но люди гнали ихъ въ воду.

Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, молодой человѣкъ, должно быть, совершенно лишенный нервовъ, наконецъ, раздѣлся до нага, несмотря на 10 градусовъ мороза, и полѣзъ въ прорубь, чтобы убрать льдины и камни, попавшіе подъ колеса, и распутать постромки. Дрожь пробирала, глядя, какъ онъ работалъ и нырялъ въ ледяной водѣ! Мнѣ и въ шубѣ-то было холодно. Выйдя изъ воды, онъ сталъ грѣться около небольшого костра, который Исламъ развелъ въ кустахъ на лѣвомъ берегу. Такимъ-

же способомъ, съ отчаянными усиліями, были переправлены

Одни изъ воротъ Лянь-чжеу-фу.
(Съ рисунка автора).

одна за другою и остальныя повозки. Переправа взяла четыре часа времени.

Дорога эта являлась большимъ караваннымъ трактомъ, ведущимъ черезъ Лянь-чжеу въ Восточный Туркестанъ, Урумчи и Кашгаръ. Разставленные по ней телеграфные столбы съ ихъ говорящею стальною проволокою сообщали пустынной мѣстности нѣкоторый отпечатокъ цивилизаціи. Невольно приходило, однако, на умъ, что куда лучше было-бы провести тутъ настоящую дорогу съ мостами черезъ рѣки, чѣмъ воздвигать эту безполезную чудовищную стѣну, которая къ тому-же большею частью была теперь разрушена.

12-го декабря мы, наконецъ, вышли изъ горъ, и передъ нами снова развернулась безконечная равнина. Черезъ два дня мы вступили въ великолѣпныя ворота Лянь-чжеу-фу.

И здѣсь мнѣ выпало на долю счастье пользоваться гостепріимствомъ англійскихъ миссіонеръ, мистера и мистрисъ Бельчеръ, принадлежавшихъ къ Внутренней миссіи, и познакомиться съ двумя молодыми ихъ помощницами миссъ Меларъ и миссъ Пиккель. Обѣ послѣднія жили въ отдѣльномъ домѣ, въ порядочномъ разстояніи отъ дома миссіи, вели собственное хозяйство, держали слугъ китайцевъ и нисколько не боялись за свою безопасность.

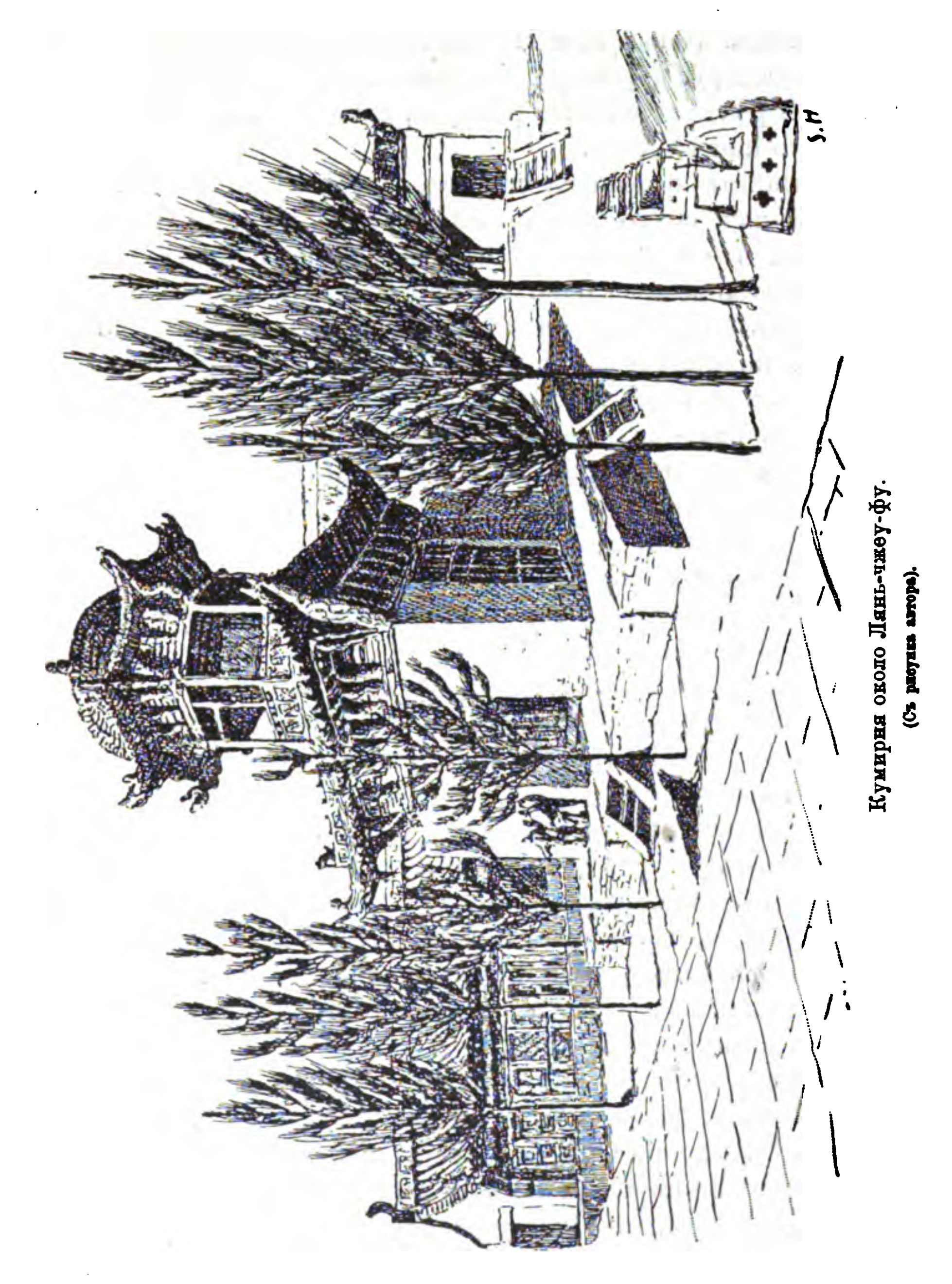
XXVI.

Черезъ пустыню Ала-шань въ Нинъ-ся.

Въ Лянь-чжеу терпѣніе мое подверглось жестокому испытанію: я былъ задержанъ здѣсь на цѣлыхъ 12 дней. Причиной задержки явилась невозможность достать 4 верблюдовъ, нужныхъ намъ для перехода въ Нинъ-ся. Верблюдовъ-то было здѣсь много, но хозяева не соглашались отпустить менѣе 40 головъ заразъ. Къ тому-же Нинъ-ся лежалъ въ сторонѣ отъ большого проѣзжаго тракта, и владѣльцы, боясь, что назадъ верблюдамъ придется возвращаться порожнемъ, заламывали двойныя цѣны.

Дни тянулись скучные, невыносимо долгіе. Самъ мистеръ Бельчеръ оказался въ отсутствіи въ Лань-чжоу, но вернулся

на другой день. Первый вечеръ я, такимъ образомъ, обѣдалъ

Кумирня около Лянь-чжеу-фу.
(Съ рисунка автора).

въ обществѣ трехъ молодыхъ, любезныхъ англичанокъ, со вкусомъ одѣтыхъ въ китайскія платья.

На слѣдующее утро я отправился на телеграфную станцію, нашелъ тамъ чиновника, говорящаго по англійски, и послалъ на Сингань, Нанкинъ и Шанхай телеграмму его величеству, королю Оскару. Черезъ недѣлю я имѣлъ удовольствіе получить, въ видѣ рождественскаго подарка, милостивый отвѣтъ моего высокаго покровителя.

Китайцы относятся къ телеграфу очень скептически. Понятія ихъ о его конструкціи крайне наивны. Такъ они думаютъ, что бумажку съ написанной на ней телеграммой свертываютъ и пускаютъ по проволокѣ, по которой она и несется съ быстротой молніи; изоляторы-же служатъ, по ихъ мнѣнію, промежуточными станціями, на которыхъ бумажки отдыхаютъ въ случаѣ дождя.

Лянь-чжеу-фу послѣ Лань-чжоу занимаетъ въ провинціи главное мѣсто и вмѣстѣ съ окрестными селеніями вмѣщаетъ около ста тысячъ жителей. Городъ имѣетъ обычный, прямоугольный планъ и окруженъ толстыми стѣнами съ четырьмя величественными воротами. Главныя улицы широки и отличаются оживленіемъ; повозки, караваны и народъ такъ и снуютъ во всѣ стороны.

Въ ожиданіи наема верблюдовъ я занялся эскизами и распросами миссіонеровъ, которые сообщили мнѣ много интересныхъ свѣдѣній, посѣтилъ нѣкоторыхъ мандариновъ, и сдѣлалъ кое-какія закупки въ магазинѣ Тянь-цзинъ — настоящемъ пассажѣ съ прекрасными лавками. Между прочимъ, я купилъ двѣ „шо-ло“ или грѣлки для рукъ, похожія на круглыя чайники съ рѣшетчатой крышкой. Ихъ набиваютъ золой, и въ нее зарываютъ нѣсколько горячихъ углей, которые и поддерживаютъ теплоту въ грѣлкѣ въ теченіе сутокъ. Безъ этихъ практическихъ грѣлокъ я-бы не разъ отморозилъ себѣ руки по дорогѣ въ Пекинъ.

Я посѣтилъ находящуюся за городомъ величественную кумирню и набросалъ тамъ нѣсколько эскизовъ. Еще я побывалъ въ селеніи Сунь-шу-шуань, лежащемъ въ 25 ли къ востоку отъ Лянь-чжеу; въ селеніи этомъ находится бельгійская католическая миссія. Епископъ уѣхалъ въ Пекинъ, откуда его ожидали обратно въ іюлѣ, но я нашелъ ласковый пріемъ у трехъ братьевъ, которые угостили меня краснымъ игристымъ виномъ, сигарами и печеньемъ. Церковь съ увѣнчанной крес-

томъ башней, видной на полмили кругомъ, была выстроена въ полукитайскомъ стилѣ; въ сводчатыхъ окнахъ были вставлены цвѣтныя стекла, а на алтарѣ возвышались изображенія Божьей Матери, передъ которыми теплились восковыя свѣчи. Нѣсколько десятковъ крестьянъ китайцевъ молились въ церкви на колѣняхъ, представляя оригинальную и внушительную картину.

Богъ войны (Лянь-чжеу-фу).
(Съ рисунка автора).

Мои чичероне, братья бельгійцы, сообщили мнѣ, что здѣсь есть семьи, насчитывающія въ своемъ роду уже семь поколѣній христіанъ; число-же всей паствы доходитъ до 300 душъ. Проѣзжая мимо церкви, они по доброй волѣ заходятъ въ нее, снимаютъ шапки и крестятся; вообще, набожность ихъ, повидимому, вполнѣ искренняя. При миссіи находятся школы для мальчиковъ и дѣвочекъ. Мы заглянули въ одну изъ комнатъ,

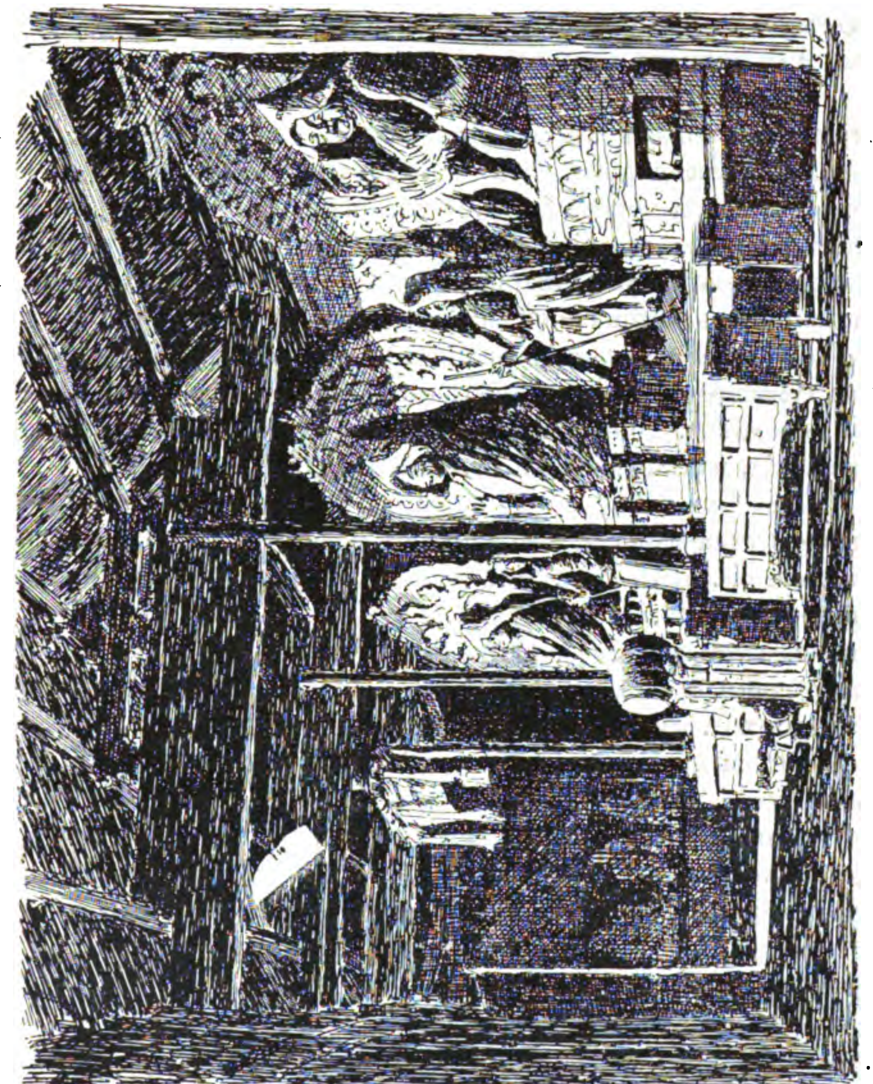
гдѣ за пюпитрами сидѣло двадцать мальчиковъ, склонясь надъ библіей и писаніями Конфуція. Въ большомъ, прекрасномъ библіотечномъ залѣ находились между прочимъ портреты цѣлой арміи католическихъ миссіонеровъ, между которыми я узналъ моего стараго друга, патера Гендрикса. Бельгійскіе миссіонеры имѣютъ также отдѣленіе и часовню въ городѣ, гдѣ служатъ обѣдню въ церковные праздники.

Непріятное впечатлѣніе произвело на меня открытіе, что между католическими и протестантскими миссіонерами нѣтъ добраго согласія; они даже совершенно игнорируютъ другъ друга. Оно, впрочемъ, и понятно, такъ какъ проповѣдуютъ они различныя вѣроученія, и то, что одни насаждаютъ, другіе готовы, если можно, вырвать съ корнемъ. Простительно поэтому, если китайцы иной разъ теряютъ голову. Но, къ счастью, въ Лянь-чжеу-фу хватитъ мѣста для послѣдователей обоихъ вѣроисповѣданій. Я, съ своей стороны, не могу пожаловаться на католиковъ, которые принимали меня такъ-же радушно, какъ и протестантскіе миссіонеры.

Въ Лянь-чжеу-фу я провелъ четвертый сочельникъ въ теченіе этой долгой экспедиціи и уже заранѣе тѣшилъ себя мыслью провести слѣдующій сочельникъ у собственнаго очага на родинѣ. 24-ое декабря всегда являлось для меня тяжелымъ днемъ, пока я былъ на чужбинѣ. И на этотъ разъ онъ прошелъ такъ же тускло, какъ всегда. Я хотѣлъ было добыть изъ горъ елку, но миссіонеры заявили, что это языческій обычай. Мы и провели вечеръ въ болтовнѣ у камина. Но я рано ушелъ къ себѣ, въ большую, холодную, церковную залу, отведенную мнѣ на все время моего пребыванія въ городѣ, и заползъ подъ свои шубы; температура въ залѣ понизилась за ночь до — 15.8.° Первый день Рождества былъ зато отпразднованъ у Бельчеръ хорошимъ веселымъ обѣдомъ съ плумпудингомъ и рождественскими подарками.

26 декабря мы, наконецъ, добыли 3 людей и 8 верблюдовъ. Еще разъ упаковали вьюки въ долгій путь. До Нинъ-ся было 465 кил. Къ большому неудобству нашему, въ этотъ день пришлась суббота; караванъ не могъ быть готовъ раньше сумерекъ, и я хотѣлъ выступить на другой день утромъ, но миссіонеры нашли, что выступать въ воскресенье не хорошо. Тогда я рѣшилъ выступить въ субботу вечеромъ съ тѣмъ,

чтобы дойти къ ночи только до ближайшаго селенія. Но, когда мы добрались до городскихъ воротъ, они оказались уже запертыми, и для насъ открывать ихъ, конечно, не стали. Проблуждавъ часа два въ потьмахъ по узкимъ переулкамъ города мы,

Внутренность китайской кумирни.
(Съ рисунка автора).

наконецъ, нашли жалкій пріютъ на постояломъ дворѣ. Я не хотѣлъ уже мѣшать воскресному отдыху миссіонеровъ.

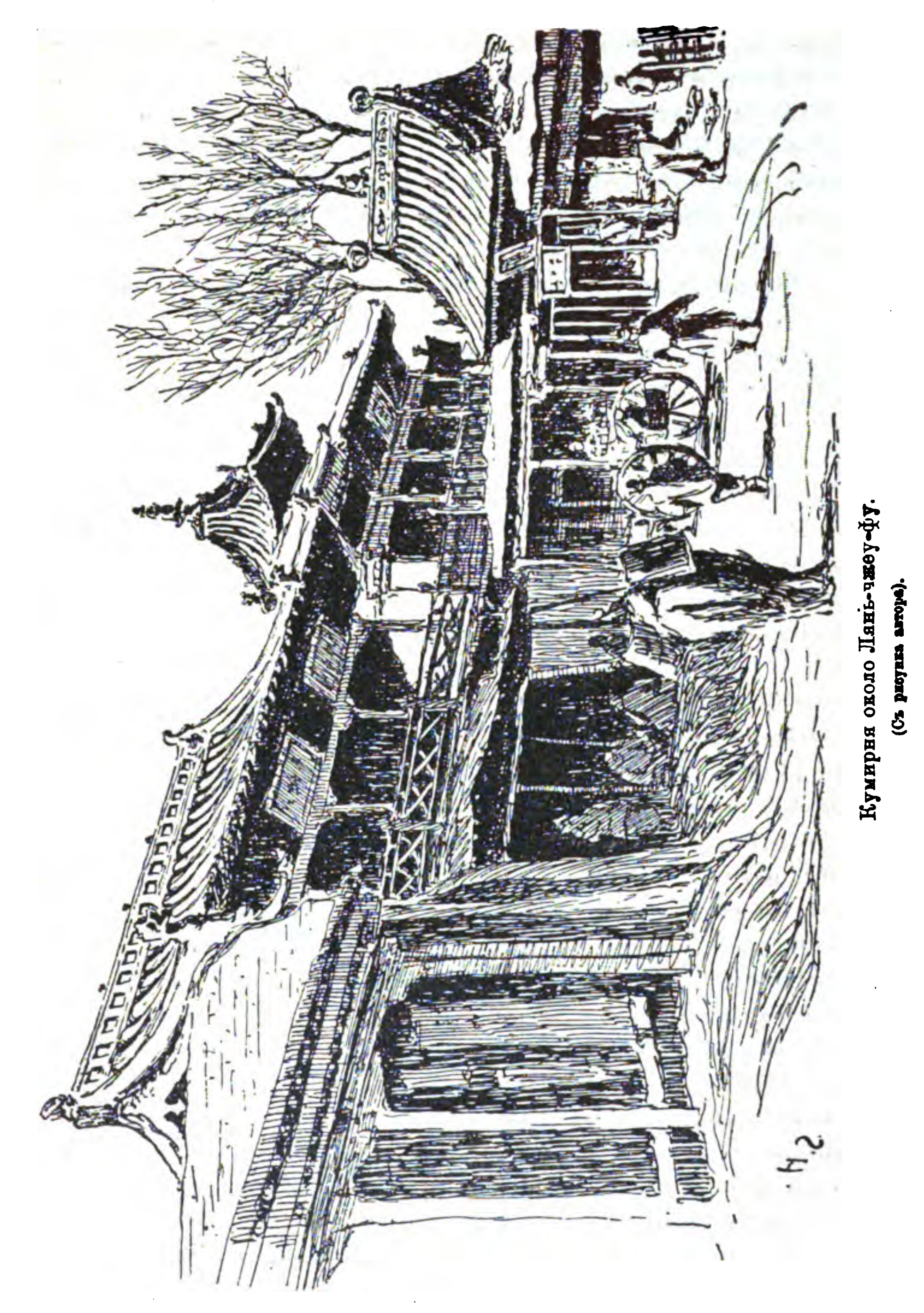
На слѣдующій день рано утромъ мы выступили въ серьезъ, но дошли только до площади за сѣверными воротами

города. Тутъ къ намъ подошли двое оборванныхъ китайцевъ и вступили въ оживленный разговоръ съ вожаками нашихъ верблюдовъ. Затѣмъ одинъ изъ двухъ заговорилъ съ Исламомъ-баемъ бѣглымъ тюркскимъ языкомъ и предложилъ сопровождать насъ до Нинъ-ся за 50 таэлей. Оказалось, что онъ много лѣтъ провелъ въ Кашгарѣ и Акъ-су и что у него есть 9 отличныхъ верблюдовъ, куда лучше нашихъ.

Случай заполучить заодно въ лицѣ вожатаго отличнаго переводчика былъ слишкомъ соблазнителенъ, и мы остановились посреди дороги. Оба новыхъ вожака явились съ 9-ью верблюдами, и черезъ часъ багажъ нашъ былъ перевьюченъ. Благодаря такому пріобрѣтенію, я примирился съ 12-ти дневной задержкой въ Лянь-чжеу. Славно было, наконецъ, навсегда покинуть этотъ грязный и несимпатичный городъ.

Путь на Нинъ-ся шелъ по пустынямъ Ала-шаня огромной дугой — сначала къ NO, затѣмъ къ SO — минуя слѣдующія мѣстечки, колодцы и постоялые дворы, носящіе частью китайскія, частью монгольскія названія.

Дынь-джа-да-мынь . . .	27.4	килом.	разст.	отъ	Лянь-чжеу-фу.
Шань-я-ва	28.4	„	„	„	предыдущаго
Чинь-фань	37.5	„	„	„	„
Нью-ба-шинь-на-цзя . .	17.3	„	„	„	„
Бо-то-гай-цзя	19.3	„	„	„	„
Лей-цзя-хо	31.8	„	„	„	„
Ма-ло-чинъ	31.8	„	„	„	„
Ка-то-хоа	16.7	„	„	„	„
Ло-ча-чинъ	9.4	„	„	„	„
Ву-ге-сянъ	20.9	„	„	„	„
Куку-мёрукъ	20.0	„	„	„	„
Куку-бурту	19.0	„	„	„	„
Ёртенъ-толга	18.6	„	„	„	„
Хашато	29.6	„	„	„	„
Ванъ-я-фу	28.7	„	„	„	„
Джо-джи-тэ-шань	9.8	„	„	„	„
Джо-ва	20.5	„	„	„	„
Да-чинъ	37.0	„	„	„	„
Нинъ-ся-манчжурскій .	33.3	„	„	„	„
Нинъ-ся-китайскій . . .	8.3	„	„	„	„

Кумирня около Лянь-чжеу-фу.
(Съ рисунка автора).

Каждое названіе отмѣчаетъ нашу стоянку, каждая цифра пройденное нами въ теченіе дня разстояніе отъ одной стоянки

до другой. На всемъ пути лежало только два города, на западной и восточной окраинахъ пустыни, а именно Чинь-фань, до котораго было 93.3 килом. или 200 ли, и Ванъ-я-фу.

Въ первый день путь нашъ шелъ все къ сѣверу черезъ селенія, мимо кумирень и садовъ. На югѣ мало по малу заволакивались дымкой и исчезали рѣдкія снѣжныя вершины Нань-шаня. Погода стояла прекрасная, но это было лишь затишье передъ бурей. 28 декабря, съ запада налетѣлъ такой ураганъ, что нельзя было выглянуть изъ „фанзы" (жилья), въ которой не было, впрочемъ, ни дверей, ни окошекъ, а только входное пустое отверстіе. Песокъ и пыль тучами летѣли въ эту убогую лачугу.

29-го продолжали путь къ NNO. Верблюды попались отличные, со спокойнымъ, ровнымъ ходомъ. Пріятно было снова совершать путь на спинѣ одного изъ этихъ выносливыхъ, славныхъ животныхъ. Да и дорога была хороша,— твердая, ровная травяная степь. Мало-по-малу селенія на пути стали попадаться все рѣже и рѣже, но мы все еще встрѣчали караваны ословъ и запряженныя волами повозки, съ разными сельскими продуктами, которые везли на продажу въ городъ.

Направо шли уже низкіе песчаные барханы; это былъ край пустыни. Къ югу отъ селенія Хо-тунь-шинъ-го мы нѣсколько часовъ подъ рядъ подвигались вдоль края болота, причемъ пришлось перейти черезъ его замерзшій рукавъ. Подъ однимъ изъ верблюдовъ ледъ проломился. Животное провалилось въ воду, но вьюкъ не пострадалъ. Прошло съ часъ прежде, чѣмъ удалось вытащить верблюда на сушу.

Солнце сѣло въ туманѣ, и ночью былъ порядочный морозъ (минимумъ — 18.8°). Наконецъ, передъ нами встали стѣны Чинь-фаня, но ворота были закрыты, и пришлось остановиться на постояломъ дворѣ за городомъ.

Въ этомъ городкѣ мы пробыли день, такъ какъ провожатые наши хотѣли закупить продовольствія для себя и верблюдовъ на весь путь по пустынѣ. Начальникъ города пытался уговорить меня избрать большую южную дорогу въ Нинъ-ся. Тамъ-де встрѣтишь и людей, и города, и постоялые дворы. На сѣверной же дорогѣ нѣтъ ничего, кромѣ песку, да еще можно наткнуться на монголовъ-разбойниковъ. Но я велѣлъ передать ему, что, если я вообще испытывалъ въ пути непрі-

ятности, то именно отъ китайскихъ властей, и что я предпочитаю ночевать въ пустынѣ въ своей палаткѣ, нежели отдавать себя на съѣденіе насѣкомымъ постоялыхъ дворовъ.

1 января 1897 г. я рѣшилъ выступить изъ Чинь-фаня, но этотъ мандаринъ не пожелалъ лишить себя удовольствія выпустить меня изъ города, не причинивъ мнѣ непріятности. Двое китайцевъ, которымъ было поручено экскортировать насъ до Ванъ-я-фу, явились ко мнѣ съ заявленіемъ, что не могутъ быть готовы къ отъѣзду раньше двухъ дней. Я отвѣтилъ имъ, что не просилъ никакого экскорта и поэтому не стану медлить изъ-за нихъ ни одного часа, и велѣлъ каравану готовиться къ выступленію. За воротами насъ, однако, окружила цѣлая толпа слугъ изъ „ямена", которые заявили, что мы должны подождать одинъ день, такъ какъ монгольскій паспортъ еще не готовъ, и что имъ поручено задержать насъ силой, если мы выкажемъ сопротивленіе.

Караванъ остался у воротъ, а я, взбѣшенный такою наглостью, отправился въ „ямень." Начальникъ города не принималъ „по болѣзни". Меня окружила въ грязной лачугѣ цѣлая дюжина курящихъ опіумъ писцовъ, которые шумѣли и кричали всѣ заразъ. Улучивъ минуту тишины я заявилъ, ссылаясь на свой паспортъ изъ Пекина, что, если мандаринъ осмѣлится задержать меня здѣсь, я черезъ русскаго посла донесу о его поведеніи Ли-Хунгъ-Чангу, и дерзкій мандаринъ лишится своихъ пуговокъ и своего положенія.

Это подѣйствовало. Переводчикъ вернулся съ приглашеніемъ пожаловать къ мандарину на завтракъ. Но я отвѣтилъ ему, что, если-бы даже его господинъ приползъ на колѣняхъ къ моему каравану, я не удостою его даже взглядомъ. Мандарину оставалось только немедленно снабдить меня паспортомъ и двумя провожатыми.

Писцы вдругъ стали вѣжливыми и оставили свои трубки. Въ какую нибудь минуту мнѣ дали и паспортъ и людей, и мы безпрепятственно могли продолжать путь, радуясь, что теперь уже до самаго Нинъ-ся не будемъ имѣть дѣла съ мандаринами.

За Чинь-фанемъ начинается пустыня, и, чтобы защитить дороги, поля и дома, здѣшніе жители воздвигаютъ небольшія стѣны на пути движущихся песковъ. Согласно картамъ, здѣсь должна была также идти Великая стѣна, но я, при всемъ своемъ

желаніи, не могъ найти и слѣдовъ ея, если только видѣнные нами въ одномъ мѣстѣ развалины глиняныхъ валовъ не были ея остатками.

Прежде, чѣмъ дойти до пустыни, миновали еще нѣсколько одинокихъ дворовъ. По дорогѣ продолжали попадаться многочисленные возы, нагруженные навозомъ, собраннымъ по дорогамъ; навозъ служитъ въ этой бѣдной растительностью мѣстности единственнымъ матеріаломъ для топлива. Его сушатъ на солнцѣ и топятъ имъ „канги", глиняныя лежанки, на которыхъ здѣшніе жители спятъ.

3-го января мы ѣхали по довольно густо заселенной мѣстности. Меня не мало удивило открытіе, что рѣка Лянь-чжеу заходитъ такъ далеко къ NO. Здѣсь она называется Ньюнинъ-хэ. Селенія орошаются выведенными изъ нея арыками. Когда-же послѣднія пересыхаютъ, жители довольствуются водой изъ неглубокихъ (2 метра) колодцевъ.

4-го января шли большею частью по голой степи. Дорога заворачивала къ востоку. По лѣвую руку отъ насъ шла упомянутая рѣка, бывшая здѣсь очень узкой и затянутой хрупкой и опавшей ледяной корой, — вода ушла изъ-подъ нея.

Здѣсь Джолдашъ затравилъ молоденькую антилопу, которая пыталась спастись по льду. Ледъ проломился, и быстроногое животное не успѣло вскочить на ноги, какъ собака настигла его и перегрызла ему горло. Въ этой мѣстности пустыня снабжаетъ жителей топливомъ, и мы встрѣтили нѣсколько возовъ, нагруженныхъ всевозможными степными растеніями.

Вдали, налѣво, виднѣлся низкій горный отрогъ, но озера, показаннаго на картахъ, мы не могли открыть. Намъ, однако, сказали, что рѣка въ лѣтнее половодье образуетъ въ устьѣ временное, быстро исчезающее озеро.

Мѣсто нашей дневной стоянки, Ма-ло-чинъ, состояло изъ трехъ крохотныхъ лачугъ, обнесенныхъ настоящей баррикадой изъ возовъ съ топливомъ. Глубина мѣстнаго колодца равнялась 1.8 м.; солоноватая вода имѣла температуру + 3°.

Въ теченіе слѣдующаго дня высокіе барханы, обращенные крутыми склонами къ востоку, чередовались со степными участками, солончаками и болотами. Въ сумерки мы увидали двухъ китайцевъ, сидѣвшихъ у костра. Они сказали, что до слѣдующаго колодца 50 ли по глубокому песку, мы и остано-

вились здѣсь лагеремъ. Колодезь этотъ, Ка-то-хоа, глубиною 1.4 м., отличался хорошею прѣсною водой, имѣвшей при температурѣ воздуха: — 7.8° температуру + 0.6°.

6-го января мы дѣйствительно углубились въ настоящую пустыню съ барханами въ 10 м. высоты. Но тамъ и сямъ виднѣлись еще то репейникъ, то какой нибудь другой сухой колючій кустарникъ. Ландшафтъ навѣвалъ и грустныя и веселыя воспоминанія о двухъ послѣднихъ минувшихъ годахъ. Джолдашъ, вспрыгнувъ на вершину бархана и увидавъ кругомъ сплошной песокъ, жалобно завылъ, — ему, вѣрно, вспомнились трудные переходы по берегамъ Лобъ-нора.

Монголка.
(Съ русской фотографіи изъ Урги).

Но здѣсь намъ не грозили такія бѣды, какъ въ Такла-маканѣ. Пустыни Ала-шаня отличаются отъ западной Гоби тѣмъ, что идутъ не сплошной полосой, а отдѣльными участками, перемежаясь степными и болотистыми пространствами. Путь, однако, очень тяжелъ, и одолѣть его могутъ только верблюды.

Не смотря на то, дорогой черезъ пустыню пользуются не такъ рѣдко. Мы имѣли случаи убѣждаться въ этомъ ежедневно. Сегодня намъ встрѣтился китайскій караванъ изъ 50 верблюдовъ, везшихъ изъ Бауту разные товары для продажи Ала-шанскимъ монголамъ. Онъ находился въ пути 40 дней. Оба наши китайскіе провожатые оказались отличными малыми, живо справлялись со своимъ дѣломъ по уходу за верблюдами и вьюченью

каравана и держали себя смирно, никогда не ссорились, не бранились.

Поверхность въ теченіе трехъ дней не измѣнялась. Крутые склоны бархановъ по прежнему были обращены къ востоку, что доказывало господство здѣсь западныхъ вѣтровъ. Съ запада или съ сѣверо-запада ежедневно и дулъ болѣе или менѣе сильный вѣтеръ. Иногда мы проѣзжали мимо монгольскихъ стойбищъ, видѣли стада овецъ съ пастухами. Отъ Ву-ге-сяна было уже совсѣмъ близехонько до „Пяти горъ", которыя мы давно видѣли впереди.

Караванная тропа продолжала 8 января извиваться дальше между барханами, и мѣстами ее трудно было различить, такъ какъ всѣ слѣды были заметены. Но хуже всего было то, что въ сумеркахъ мы не могли отыскать колодца. Стало совсѣмъ темно, мы въ это время какъ разъ достигли степного участка, и наши китайцы, рѣшивъ, что вода должна быть гдѣ-нибудь неподалеку, пошли шарить по всѣмъ направленіямъ.

Я съ Исламомъ остался около верблюдовъ. Мы развели костеръ, чтобы китайцы могли, по крайней мѣрѣ, руководиться огнемъ. Издалека, съ востока, доносилось позвякиванье караванныхъ колокольцевъ; оно становилось все явственнѣе и, затѣмъ, постепенно удаляясь, замерло на западѣ. Ясно было, что мы уклонились съ пути. Прошло почти три часа прежде, чѣмъ китайцы вернулись къ намъ — ни съ чѣмъ.

Пока ихъ не было, мы съ Исламомъ видѣли падучую звѣзду. Красивѣе этого явленія я не видалъ. Сильно свѣтящаяся свѣтло-зеленая полоса пересѣкла созвѣздіе Оріона и на нѣсколько мгновеній такъ ярко озарила степь, что свѣтъ отъ костра померкъ. Вслѣдъ затѣмъ ночной мракъ сталъ еще непроницаемѣе. Наконецъ, мѣсяцъ освѣтилъ степь и слѣды каравановъ, и мы еще 2 часа шли къ востоку. Свѣтившійся вдали огонь показывалъ, что мы идемъ вѣрно; наконецъ, усталые до полусмерти добрались мы до колодца Куку-мѣрукъ, по китайски Чи-ши-ги-ньянъ.

У колодца встрѣтили монголовъ съ длинными косами, говорившихъ по китайски. Забавно, что они не слыхивали названія Ала-шань; я такъ и не узналъ значенія этого названія. Песчаную пустыню эту они называли Уланъ-элесу, т. е. красный песокъ, что напоминало о киргизскомъ названіи Кызылъ-кумъ.

Слѣдующій переходъ велъ насъ все по той-же пустынѣ къ самому сѣверному пункту Алашанскаго тракта, Куку-бурту. По пути встрѣтился намъ лишь одинъ монголъ, одѣтый въ нарядную голубую шубу; за поясомъ у него торчалъ кинжалъ въ серебромъ окованныхъ ножнахъ, а ѣхалъ онъ на быстроногомъ, статномъ и длинношерстомъ верблюдѣ-самцѣ.

Среди ночи снова послышались колокольчики, и вокругъ колодца расположился большой караванъ. Началось разъвьючиванье верблюдовъ, которыхъ затѣмъ пустили пастись, разбивка лагеря, загорѣлись костры, китайцы шумѣли и кричали; въ общемъ, картина на темномъ ночномъ фонѣ рисовалась очень живописная.

Верблюжьи караваны, ходящіе между Нинъ-ся и Лянь-чжеу, предпочитаютъ южному болѣе короткому пути сѣверный, болѣе длинный и ведущій черезъ пустыню, главнымъ образомъ, потому, чтобы избѣжать таможенныхъ поборовъ и расходовъ, связанныхъ съ остановками на постоялыхъ дворахъ и вообще съ путешествіемъ по населенной мѣстности. Отправляясь въ путь по сѣверной дорогѣ, вожаки верблюдовъ забираютъ продовольствіе только для себя, — главнымъ образомъ, побольше хлѣба, — верблюды-же питаются подножнымъ кормомъ на привалахъ у колодцевъ, довольствуясь сухой, твердой растительностью пустыни. Въ путь караваны выступаютъ не раньше 3 ч. пополудни, чтобы дать верблюдамъ наѣсться вдоволь, и идутъ до полуночи. Около колодцевъ люди готовятъ себѣ ужинъ: супъ изъ вяленаго мяса и зелени съ накрошеннымъ туда хлѣбомъ и чай.

На пути въ Эртенъ-толга, ведшемъ по слегка пересѣченной степи, мы видѣли выступавшія на востокѣ горы Ала-шань. Колодезь на мѣстѣ нашей стоянки имѣлъ 2.6 м. глубины; вода въ немъ была хорошая, прозрачная. Около каждаго колодца есть деревянная колода, изъ которой пьютъ животныя. Воду изъ колодца берутъ ведромъ, сплетеннымъ изъ прутьевъ.

По отличной, широкой дорогѣ съ твердымъ грунтомъ, извивавшейся по степи желтой лентой, мы достигли, миновавъ колодезь Хашато, городка Ванъ-я-фу, куда прибыли 12 января и гдѣ дали верблюдамъ день отдыха.

Предстояло обдѣлать и кое-какія дѣла. Обоихъ китайцевъ изъ Чинь-фаня отпустили и наняли двухъ новыхъ проводни-

ковъ до Нинъ-ся. Кромѣ того закупили продовольствія и кое-какихъ украшеній, бывшихъ въ ходу у монголовъ. Я сдѣлалъ визитъ монгольскому князю Норво, „вану“, или вассалу китайскаго императора. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и главой города и проживалъ въ обычномъ китайскомъ яменѣ, внутри городской стѣны. Онъ принялъ меня въ просторномъ, но очень простомъ помѣщеніи съ голыми стѣнами. Вокругъ него группировалась свита изъ знатныхъ монголовъ въ китайскихъ одеждахъ, съ косами. Самъ князь былъ привѣтливый, любезный старикъ съ сѣдыми усами, одѣтый въ сѣрый балахонъ.

Разговоръ у насъ завязался оживленный и шелъ свободно безъ участія переводчика. Князя очень интересовало узнать, изъ какой я страны, и мнѣ пришлось начертить на большомъ листѣ бумаги цѣлую карту, чтобы опредѣлить положеніе Швеціи относительно Китая. Одинъ изъ секретарей дополнилъ эту импровизированную карту соотвѣтствующими китайскими надписями.

Географическія познанія присутствующихъ были не особенно обширны. Изъ болѣе отдаленныхъ городовъ они имѣли понятіе только о двухъ: Лассѣ и Хотанѣ, но никто изъ нихъ не бывалъ ни въ томъ, ни въ другомъ. Зато большинство изъ нихъ по нѣскольку разъ побывало въ Гумбумѣ и Ургѣ. Норво полюбопытствовалъ кромѣ того узнать: такъ-ли могуществененъ шведскій король, какъ Цаганъ-ханъ, т. е. Бѣлый царь. Пржевальскаго, бывшаго тутъ много лѣтъ назадъ, князь помнилъ хорошо и называлъ „Никола“.

Ванъ-я-фу можетъ похвастаться обиліемъ именъ. Китайцы называютъ его также Фу-ма-фу и Дынь-юань-инъ; монголы — Ноинъ, Ала-шань-ванъ и Яменъ-доло. Два послѣднія наименованія обозначаютъ, что здѣсь резиденція князя. Городокъ находится едва въ 20 верстахъ отъ средней части Алашанскаго хребта. Хребетъ идетъ въ меридіанномъ направленіи къ востоку, но теперь его едва было видно изъ-за облаковъ пыли. Кратчайшій путь въ Нинъ-ся ведетъ по горамъ, но ради верблюдовъ мы выбрали окружный путь къ югу отъ подошвы горъ.

Въ городкѣ насчитывается 2—3 тысячи жителей; половина китайцы, половина монголы. Главное значеніе городка въ томъ, что онъ служитъ центральнымъ депо для алашанскихъ

монголовъ. Сюда они свозятъ свои продукты и здѣсь закупаютъ все нужное для хозяйства, одежду, украшенія, муку и пр. Окрестности Ванъ-я-фу представляютъ довольно пресѣченную мѣстность; между окраинными холмами течетъ рѣчка, снабжающая городокъ водою. Въ устьѣ ея, говорятъ, образуется временное озерко. О какихъ нибудь крупныхъ, постоянныхъ озерахъ здѣсь не слыхать. Кочевники держатся по преимуществу въ степяхъ, по близости.

Большинство монголовъ, видѣнныхъ нами въ Ванъ-я-фу, носило полукитайское, полумонгольское платье. Поверхъ тулуповъ на нихъ были накинуты цвѣтныя китайскія кофты съ маленькими, круглыми вызолоченными или высеребренными пуговками. Въ городѣ есть очень красивая китайская кумирня съ обычной выгнутой крышей и драконами съ разинутой пастью. Башенки кумирни соперничали высотою съ посаженными кругомъ лиственницами. Обычай китайцевъ обсаживать свои кумирни лиственницами говоритъ о ихъ художественномъ чутьѣ. Лиственницы, со своими отъ природы мягко и красиво изогнутыми вѣтвями, напоминающими линіи крышъ кумирень, составляютъ красивый, гармонирующій съ постройками фонъ.

14 января сдѣлали короткій переходъ мимо полей и селеній до одинокаго постоялаго двора Джо-джэ-ти-шань, называемаго монголами Ихэ-башингто. Ночью я проснулся отъ шума и треска: лачуга трещала по всѣмъ швамъ, пыль и песокъ летѣли ко мнѣ въ конуру и крутились по ней; ураганъ такъ и бушевалъ. Норво далъ намъ въ провожатые двухъ монголовъ изъ ямена, и они посовѣтовали намъ продолжать путь. Они ѣхали на лошакахъ и оказались людьми очень добродушными, не смотря на свой чисто разбойничій видъ. У одного былъ носъ картошкой, у другого никакого.

Мы подвигались на югъ, и вѣтеръ дулъ намъ прямо въ лицо. Въ два часа произошла оригинальная перемѣна: вѣтеръ вдругъ задулъ съ сѣвера, и насъ окутало густыми облаками крутящагося снѣга. Чистая благодать была погрѣть руки около теплой „шо-ло". Вьюки, люди, верблюды — все было занесено снѣгомъ, когда мы достигли Джо-ва (по монгольски Торго).

Дорога, слѣдуя вдоль рѣчки Толы, мало-по-малу заворачивала къ юго-востоку. Пройдя расширеніе долины, мы

вступили въ горы и по отлогому подъему поднялись на незначительный перевалъ Тёмуръ-оденъ, по ту сторону котораго находился постоялый дворъ Да-чинъ. Затѣмъ равнина медленно спускалась къ Желтой рѣкѣ, и дорога дугой завертывала къ сѣверовостоку, такъ что хребетъ Ала-шань очутился у насъ по лѣвую руку.

Проведя ночь въ манджурскомъ городѣ, который носитъ нѣсколько отличный отъ китайскихъ городовъ отпечатокъ только, благодаря нѣсколько инымъ одѣяніямъ женщинъ, мы 18-го января вступили въ китайскій Нинъ-ся и прямо направились въ домъ миссіонеровъ.

XXVII.

Изъ Нинъ-ся въ Пекинъ. Домой!

Для меня было большой радостью встрѣтить здѣсь земляковъ, чету Пильквистъ съ двумя помощниками и одной помощницею. Въ ихъ гостепріимномъ домѣ я отдыхалъ два дня. Что за удовольствіе спать въ хорошо вытопленной комнатѣ, на настоящей постели и имѣть возможность не наваливать на себя цѣлую гору шубъ! Я какъ будто очутился на шведской почвѣ, среди этой чужой, дальней стороны.

Дѣла свои миссіонеры ведутъ въ Нинъ-ся энергично и довольно успѣшно. Число паствы достигаетъ 30 душъ; въ миссіи ежедневно происходитъ толкованіе библіи. На улицахъ раздаютъ летучіе листки съ текстомъ изъ священнаго писанія на китайскомъ языкѣ, которые возбуждаютъ любопытство китайцевъ и привлекаютъ ихъ заглянуть къ миссіонерамъ. Пильквистъ нанялъ также на одной изъ главныхъ улицъ помѣщеніе, гдѣ происходятъ публичныя богослуженія, входъ на которыя открытъ любому прохожему.

Оригинально было слушать вечернія проповѣди Пильквиста на чистѣйшемъ китайскомъ языкѣ. Проповѣдникъ сидѣлъ за столомъ, а передъ нимъ на узенькихъ скамьяхъ сидѣли, выпрямясь, словно аршинъ проглотили, китайцы. Про-

повѣдывалъ онъ съ большимъ жаромъ, стучалъ кулакомъ по столу, и китайцы даже чихнуть не смѣли. Ручаюсь, что они-то ужь не засыпали во время проповѣди!

Госпожа Пильквистъ разсказывала, что рѣдко можно встрѣтить незамужнюю китаянку 20-ти лѣтъ. Часто онѣ выходятъ замужъ даже 12 лѣтъ, а 15-ти такъ сплошь и рядомъ. Маленькія дѣвочки сами просятъ родителей бинтовать имъ ноги и ждутъ не дождутся этого, такъ какъ знаютъ, что не одинъ женихъ и не взглянетъ на нихъ, если у нихъ не будетъ крохотныхъ ножекъ. Операція бинтованья ногъ и начинается съ 5-ти, 6-ти-лѣтняго возраста дѣвочекъ.

Нельзя и представить себѣ, сколько мученій ведетъ за собой эта безумная мода·уродовать ноги. Часто бѣдныя дѣвочки лежатъ вслѣдствіе операціи годами въ постели и плачутъ по ночамъ отъ боли, усиливающейся отъ всякаго движенія. Нерѣдко вдобавокъ ногти вростаютъ у нихъ въ мясо, и можно представить себѣ, насколько неграціозна походка китаянокъ. Онѣ ходятъ, какъ утки, медленно, осторожно, словно ступаютъ босыми ногами по крапивѣ или остріямъ булавокъ. Отъ недостатка моціона ноги становятся худыми, какъ палки. И всѣ эти неслыханныя мученія только для того, чтобы выйти замужъ!

У китайцевъ есть еще другой своеобразный обычай, болѣе распространенный, нежели думаютъ въ Европѣ, обычай выбрасывать новорожденныхъ. Если отецъ и мать находятъ, что у нихъ нѣтъ средствъ воспитывать ребенка, они попросту выносятъ новорожденнаго за городъ и бросаютъ на съѣденіе собакамъ или свиньямъ, или топятъ, какъ щенка. Обычай этотъ тѣмъ болѣе страненъ, что китайцы вообще относятся къ своимъ дѣтямъ съ трогательною нѣжностью, какъ только эти начинаютъ ходить и говорить. До этого-же времени дѣтей считаютъ какими-то бездушными звѣрьками, и, если они умираютъ, закапываютъ ихъ трупики въ землю даже безъ гроба, только обернувъ соломой.

Я посѣтилъ впослѣдствіе одну шведскую миссіонерскую станцію, гдѣ два года воспитывался китайскій малютка. Онъ былъ выброшенъ родителями въ городской ровъ, гдѣ его и подобрали миссіонеры. Окруженный заботливымъ уходомъ онъ сталъ славнымъ ребенкомъ, и, когда ему минуло два года,

родители явились и стали слезно умолять миссіонеровъ вернуть имъ дитя. Конечно, имъ не было отказано. Въ одной-же шведской миссіонерской семьѣ служила старуха китаянка, которая отдѣлывалась такимъ образомъ отъ каждаго изъ своихъ девятерыхъ дѣтей, едва они появлялись на свѣтъ. Жестокая мать и варварскій обычай, вызванный соціальными условіями!

И скудна, въ сущности, жатва, собираемая здѣсь миссіонерами, тяжелъ ихъ путь, на который они вступили изъ человѣколюбія. Одинъ — двое спасенныхъ дѣтей, нѣсколько молодыхъ женщинъ, развязавшихъ подъ вліяніемъ миссіонеровъ путы на своихъ ногахъ — все это лишь капля въ морѣ людскомъ, именуемомъ желтой расой. Но, конечно, добрый примѣръ облагораживаетъ.

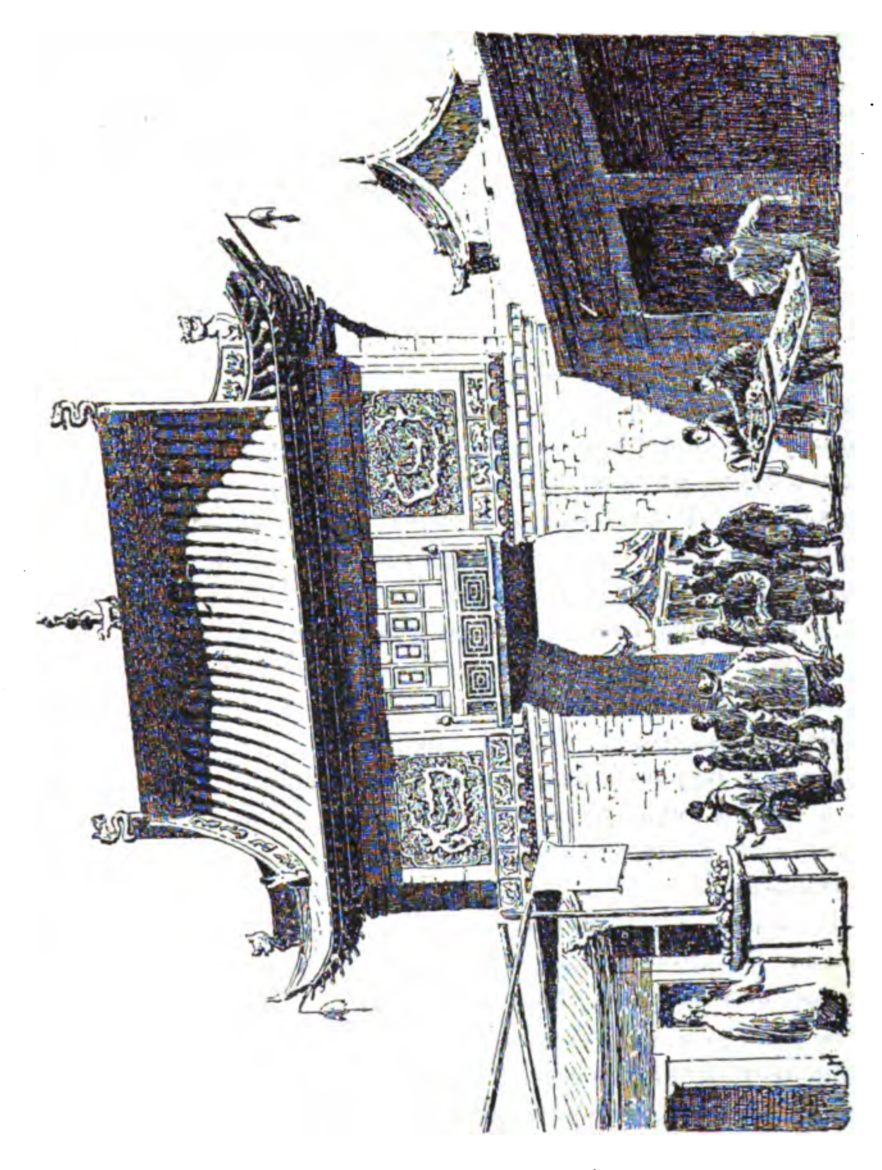
Много также слышалъ я разсказовъ о спасеніи миссіонерами китайцевъ, отравившихся опіумомъ. Во время моего пребыванія у миссіонеровъ, я не разъ просыпался по ночамъ отъ громкаго стука въ ворота. Это приходили звать на помощь къ умирающему. И миссіонеры тотчасъ отправлялись и спасали отравившагося. Иногда возвращенные къ жизни выказывали благодарность своимъ спасителямъ, но вообще чувство признательности не особенно-то развито у китайцевъ.

Чаще всего отравляютъ себя опіумомъ женщины, несчастныя въ замужествѣ. Иногда мужъ только ударитъ жену, или скажетъ ей рѣзкое слово, а она, на зло ему, возьметъ да и отравится. Куренье опіума вообще невѣроятно распространено и между мужчинами и между женщинами. А сколько погибаетъ дѣтей, затянувшихся по примѣру родителей трубкой съ опіумомъ!

До перваго дунганскаго возстанія Нинъ-ся былъ значительнымъ городомъ, вмѣщавшимъ около 60,000 жителей, но возстаніе нанесло непоправимый ударъ его благосостоянію. Теперь въ немъ было не больше 12-15 тысячъ; по близости отъ городскихъ стѣнъ многіе кварталы до сихъ поръ оставались въ развалинахъ. Движеніе, лавки, присутственныя мѣста и населенные кварталы сосредоточены въ центрѣ города.

Въ Нинъ-ся возстаніе разразилось по слѣдующему поводу. Вблизи города расположился значительный отрядъ магометанъ, и одинъ изъ мандариновъ неосторожно проговорился своему слугѣ дунгану, что на слѣдующій день китайцы перебьютъ

всѣхъ дунганъ, находящихся въ городѣ. Ночью слуга улизнулъ изъ города въ лагерь дунганъ и предупредилъ начальника отряда о готовящемся избіеніи, а, вернувшись въ городъ,

Ворота въ Нинъ-ся.
(Съ рисунка автора).

сговорился съ остальными дунганами отворить ворота своимъ единовѣрцамъ, когда тѣ пойдутъ на приступъ.

Такъ и сдѣлали. Дунганы вошли въ городъ черезъ „Малыя Сѣверныя ворота", которыя теперь заложены въ знакъ того,

что ни одинъ дунганъ не посмѣетъ больше штурмовать Нинъ-ся, и въ печальную память о событіи. Дунганы, какъ дикіе звѣри, истребили на своемъ пути все живое. Уцѣлѣло только 2,000 китайцевъ, перешедшихъ на сторону бунтовщиковъ. О хозяйничаньѣ дунганъ въ городѣ до сихъ поръ напоминаютъ многочисленныя развалины.

Теперь между дунганами и китайцами кипитъ глухая вражда. Послѣдніе здѣсь всецѣло въ рукахъ первыхъ, такъ какъ магометане, народъ способный и предпріимчивый, забрали въ свои руки всѣ наиболѣе прибыльныя занятія и скупили всѣ участки земли, годные для обработки. Оригинально, что дунганы, по закону Магомета, не вкушающіе свинины, а также вообще не курящіе опіуму, держатъ въ огромномъ количествѣ свиней и засѣваютъ цѣлыя поля макомъ, чтобы снабжать китайцевъ двумя необходимѣйшими для нихъ продуктами: свининой и опіумомъ. Зато сундуки дунганъ наполняются серебромъ, а китайцы бѣднѣютъ.

Главнѣйшими продуктами Нинъ-ся являются: рисъ, пшеница, просо, бобы, горохъ, всякая зелень, абрикосы, яблоки, груши, виноградъ, дыни и персики. Сады орошаются длинными арыками, выведенными отъ лѣваго берега рѣки. Черезъ Нинъ-ся проходятъ караваны съ шерстью изъ внутреннихъ областей, направляющіеся къ берегамъ Хуанъ-хэ. Лѣтомъ шерсть сплавляютъ по рѣкѣ на лодкахъ.

Часть пути, остававшагося до Хуанъ-хэ, шла по извѣстнымъ уже областямъ, и я лишь вкратцѣ упомяну о нѣкоторыхъ эпизодахъ, случившихся за это время.

Прежде, нежели достичь собственнаго Китая, намъ предстояло еще разъ перейти пустыню, и переходъ этотъ по пустыннымъ пространствамъ Ордоса явился для меня однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ. Я чувствовалъ себя утомленнымъ; съ меня уже довольно было всѣхъ этихъ трудовъ, лишеній и одиночества, и мысль объ остававшихся еще 1110 верстахъ только усугубляла мое нетерпѣніе скорѣе вернуться въ цивилизованныя страны, отдохнуть.

Отъ Нинъ-ся къ Бауту ведутъ много дорогъ. Лѣтомъ всего удобнѣе ѣхать водою (на лодкахъ по Хуанъ-хэ), въ зимнее-же время можно выбирать между крайнею дорогою, ведущею по лѣвому берегу рѣки, и одною изъ многихъ дорогъ,

пересѣкающихъ Ордосъ, область, находящуюся между сѣверной лукою Желтой рѣки и Великою стѣною и заселенную кочевыми монголами. Выбравъ одну изъ послѣднихъ, выигрываешь 5 дней, но подвергаешься всѣмъ трудностямъ перехода по пустынѣ.

Вотъ перечень нашихъ стоянокъ на пути черезъ Ордосъ:

Линганъ-фу	23.4	кил.	отъ	Нинъ-ся	
Пинь-ло	29.8	„	„	предыдущаго	селенія
Хуанъ-чу-чо	15	„	„	„	„
Ши-цзэ-цзя	28.3	„	„	„	„
Лагерь № 1 въ Ордосѣ	12.8	„	„	„	„
Санъ-ю-фынь	21.7	„	„	„	„
Лагерь № III	26.4	„	„	„	„
Бао-я-чинъ	25.6	„	„	„	„
Лагерь № V	33.5	„	„	„	„
Хара-моръ	13.6	„	„	„	„
Боро-читы	20.7	„	„	„	„
Лагерь № VIII	24	„	„	„	„
Да-я-ши	32.5	„	„	„	„
Шоа-шинъ-гунь	27.8	„	„	„	„
Вэ-тэ-шань	22.2	„	„	„	„
Хо-джи-то	34	„	„	„	„
Ха-чинъ-ю-цзя	25.8	„	„	„	„
Бауту	12.5	„	„	„	„

Итого 430 верстъ и 18 дней пути.

Мы выступили 21-го января. Любезные миссіонеры проводили насъ конецъ дороги. Въ теченіе первыхъ четырехъ дней путь шелъ селеніями, расположенными около арыковъ, выведенныхъ изъ Желтой рѣки, которую мы перешли 25-го января около селенія Ши-цзэ-цзя. Хуанъ-хэ была покрыта толстымъ льдомъ, который даже не трещалъ подъ стопами нашихъ верблюдовъ, тѣхъ-же самыхъ, которые везли насъ и нашъ багажъ отъ Лянь-чжоу. Ширина рѣки равнялась 342 м.; ландшафтъ кругомъ былъ голый, пустынный. Рѣка казалась колоссальной ледяной дорогой, исчезавшей за горизонтомъ на NNO.

По правому берегу бѣжала цѣпь низкихъ холмовъ; съ

ихъ вершинъ открывался безпредѣльный видъ на востокъ. Первый-же лагерь въ Ордосѣ пришлось разбить въ пустынной мѣстности и, счастье, что мы, по совѣту нашихъ проводниковъ-дунганъ, захватили съ рѣки два мѣшка льду. Теперь онъ пригодился какъ нельзя болѣе, такъ какъ колодца здѣсь не нашлось.

Въ слѣдующіе дни мы почти всякій разъ останавливались у колодцевъ съ прекрасной водой. Обыкновенно они были очень глубоки и выложены кирпичомъ. 28-го января мы остановились около колодца Бао-чинъ, глубиною въ 40.8 м. Температура воды равнялась 5.7°, но возможно, что она успѣвала нѣсколько охладиться во время долгаго вытаскиванья изъ глубины колодца. Монголы, встрѣченные нами у колодца, увѣряли, что колодцу этому 4 тысячи лѣтъ!

Дорога оставалась превосходной, твердой, почти ровной и прямой. На ней виднѣлись слѣды оживленнаго движенія. Малочисленность-же встрѣчныхъ каравановъ объяснялась тѣмъ, что въ это время китайцы сидятъ дома, празднуя новый годъ. Да и кромѣ того, черезъ Ордосъ идутъ, какъ я уже упоминалъ, много параллельныхъ путей. По одному, болѣе длинному, нежели выбранный нами, ѣздятъ арбы, по другимъ ходятъ верблюжьи караваны.

Сѣверныя части области заселены очень рѣдко и то лишь монголами-кочевниками. Мы всего нѣсколько разъ случайно миновали ихъ стойбища, разбитыя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ сносный подножный кормъ. Въ общемъ, громадныя пространства Ордоса пустынны и совершенно безплодны. Большая часть нашего пути и вилась по такимъ пустыннымъ областямъ.

Особенно томительнымъ дѣлала этотъ путь не тоска по людямъ, не отсутствіе человѣческихъ жилищъ, — мы собственно и не нуждались въ людяхъ, забравъ съ собой полный запасъ продовольствія, — но отвратительная погода. Почти каждый день свирѣпствовалъ сѣверозападный вѣтеръ, который въ соединеніи съ порядочнымъ морозомъ и леденилъ насъ до самыхъ костей.

Собственно говоря, это былъ уже не вѣтеръ, а настоящій ураганъ, несшійся надъ открытыми равнинами Ордоса. Иногда, казалось, что вотъ-вотъ онъ подхватитъ тебя съ сѣдла, или свалитъ съ ногъ тяжелаго верблюда. Шубы и верхняя одежда

не много помогали, — вѣтеръ пронизывалъ и сквозь нихъ. Сколько разъ мы останавливались по пути, наткнувшись на

Свенъ Гединъ въ зимнемъ одѣяніи.
(Съ фотографіи Николая въ Ташкентѣ).

сухіе кусты степныхъ растеній, и разводили костеръ, чтобы хоть немножко отогрѣться!

31-го января разразилась самая ужасная буря съ запада, какую я только запомню. Не было никакой возможности вы-

ступить въ путь. Мы стояли лагеремъ около колодца Хара-моръ (Черная лошадь), а вокругъ разстилалась совершенно открытая мѣстность; отъ вѣтра защиты не было ни малѣйшей, и онъ такъ и бушевалъ по степи. Палатку мою повалило и чуть не изодрало въ клочья.

Люди сложили всѣ вьюки въ кругъ, прикрыли отверстіе сверху войлоками и, засѣвъ въ эту круглую нишу, провели тамъ весь день на корточкахъ. Но согрѣться не было никакой возможности: все кругомъ было холодное, какъ ледъ. Капнешь горячаго чаю на шубу, и капельки тотчасъ застываютъ, словно стеариновыя. Чернила замерзли, писать приходится карандашомъ.

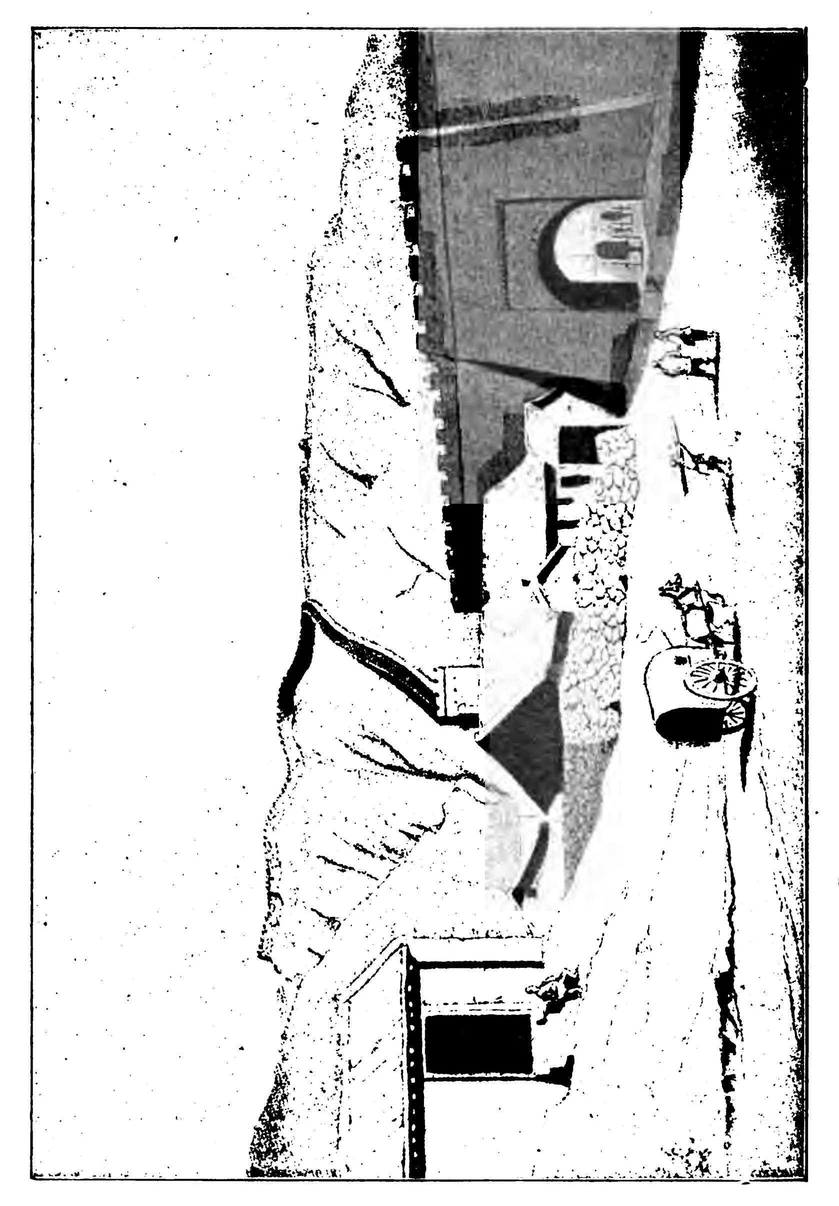
1-го февраля. Такой сильный вѣтеръ при столь низкой температурѣ (—17° въ полдень) очень опасенъ; надо глядѣть въ оба, чтобы не замерзнуть, или не отморозить себѣ чего нибудь. Не знаю, что было-бы съ моими руками, не будь у меня этихъ славныхъ китайскихъ грѣлокъ, въ которыхъ постоянно тлѣли уголья. Днемъ я держалъ грѣлку у себя на колѣняхъ, возсѣдая на спинѣ верблюда, а по ночамъ бралъ къ себѣ въ постель. Не особенно-то пріятно было и умываться: стоило вамъ чуточку замѣшкаться, и вода замерзала у васъ на кожѣ.

Самые сильные холода пришлись на начало февраля: въ ночь на 2-ое февраля — 30°, а въ ночь на третье — 33°. Въ палаткѣ температура понижалась до — 26.8°.

6-го февраля достигли Хо-джи-то, перваго селенія на сѣверной окраинѣ пустыни. На слѣдующій день мы снова перешли черезъ Хуанъ-хэ, имѣвшую 385 метр. ширины, а 8-го достигли Бауту, гдѣ меня съ обычнымъ гостепріимствомъ приняли въ свой домъ шведскіе миссіонеры, чета Гельбергъ. Паства ихъ состояла изъ 10 крещеныхъ китайцевъ. Была у нихъ также школа для мальчиковъ. Дѣло свое они вели съ любовью и энергіей и вообще были одними изъ самыхъ симпатичныхъ людей, какихъ я встрѣчалъ. Они принадлежали къ американскому миссіонерскому союзу „Christian Alliance", раскинувшей отъ Бауту до Пекина цѣлую сѣть миссіонерскихъ станцій, на которыхъ трудились 60 шведскихъ миссіонеровъ.

Но тутъ ужъ терпѣнію моему пришелъ конецъ, да боюсь, что и терпѣніе читателя подвергнуто описаніемъ столь долгаго

путешествія слишкомъ тяжкому испытанію. И вотъ, поручивъ свой караванъ Исламъ-баю и опытнымъ проводникамъ, я 12-го февраля поспѣшилъ въ путь съ однимъ китайцемъ, въ не-

Внутренняя стѣна между Калганомъ и Пекиномъ.
(Съ рисунка автора).

большой двухколесной арбѣ, запряженной лошаками. Проѣзжая черезъ Саладжи, Дёрчи, Бэ-ся-чи и Квэй-ва-шунъ или Куку-хото, я въ каждомъ изъ этихъ городовъ имѣлъ удовольствіе

встрѣтить своихъ земляковъ. Въ послѣднемъ я встрѣтилъ даже 18 шведовъ, одного норвежца и одного датчанина; всѣ они принадлежали къ упоминавшемуся выше миссіонерскому союзу. Квэй-ва-шунъ является центральнымъ пунктомъ; здѣсь вновь пріобщившіеся къ союзу учатся предварительно китайскому языку и затѣмъ разсылаются по станціямъ.

Оттуда я въ теченіе 8 дней черезъ города Майдаръ, Ча-ша-бу-ло, Но-бо-ша, То-до-го, Во-джа-ва и Джа-Джи-чанъ прибылъ въ Джань-джа-ку, или Калганъ, гдѣ Великая стѣна вьется по вершинѣ горъ, возвышающихся по обѣ стороны города. И здѣсь нашлись миссіонеры шведы и американцы. Но мнѣ некогда было отдыхать. Отъ Пекина меня отдѣляли еще четыре дня пути.

Въ Калганѣ я нанялъ себѣ „то-джо“ — паланкинъ, который понесли два лошака, и такимъ образомъ я проѣхалъ долину Нань-хо, перевалилъ черезъ горныя цѣпи, полукругомъ обступающія равнины около Пекина, отдѣляя ихъ отъ монгольскаго нагорья. Ночевалъ я съ моимъ слугой въ Шинъ-ва-фу, До-мо и Нань-хо.

2-го марта мы опять были въ низменной области и ѣхали черезъ многочисленныя селенія, мимо кумирень, черезъ каналы и проч. По пути встрѣчалось много проѣзжихъ и прохожихъ. Въ этотъ день меня обуревало чувство горделивой радости: это былъ послѣдній день моего путешествія по Центральной Азіи. Часы тянулись для меня невыносимо долго, и никогда еще, кажется, не шли лошаки такъ медленно! „Скоро доѣдемъ!“ успокоительно повторялъ мой слуга-китаецъ, но все снова и снова выплывали изъ за горизонта селенія, кумирни и сады, и мы снова путались по длиннымъ, извилистымъ закоулкамъ между селеніями.

Изъ тысячи съ чѣмъ-то дней, проведенныхъ мною въ путешествіи, самымъ длиннымъ показался мнѣ этотъ послѣдній. Наконецъ, вдали между купами зелени показалось что-то сѣрое. „Это стѣны Пекина!“ сказалъ мой слуга. Да, это была городская стѣна Пекина!

Пекинъ являлся конечной цѣлью моей трехлѣтней экспедиціи, и читатели могутъ представить себѣ, съ какими чувствами я въѣзжалъ въ южныя ворота манджурской столицы. Больше часа несли меня лошаки по вымощенной камнями

дорогѣ, вдоль западной и южной стороны мощной городской стѣны, сѣраго цвѣта, имѣвшей въ высоту 13 м. и образовавшей прямоугольникъ, въ который былъ включенъ „Пе-чжинъ-чинъ“ (сѣверная столица). Наконецъ, миновавъ китайскую часть города, мы достигли Небесныхъ воротъ съ ихъ гигантскими четыреугольными надстройками и тунелеобразнымъ сводомъ, подъ которымъ, словно мураши, проползали люди, животныя и повозки.

Отъ воротъ уже недалеко было до улицы европейскихъ посольствъ, на которой, я зналъ, находился французскій отель. За долгое путешествіе платье мое поизносилось, и весь внѣшній видъ мой былъ таковъ, что я рѣшилъ нѣсколько дней провести инкогнито въ отелѣ, чтобы привести себя въ порядокъ.

Женщины монголки.

(Съ русской фотографіи изъ Урги).

Вскорѣ, однако, я увидалъ передъ собой большой бѣлый порталъ, у котораго стояли двое русскихъ казаковъ. Я окликнулъ ихъ, спросилъ, что это за домъ, и услыхалъ, что это домъ русской миссіи. Слова эти прозвучали для моего одичавшаго слуха такъ магически, что я выскочилъ изъ паланкина и вошелъ въ ворота. Въ эту минуту я уже не стѣснялся за свой непрезентабельный видъ, пригладилъ немножко бороду, стряхнулъ съ себя пыль и двинулся въ домъ.

Отъ воротъ вела черезъ садъ мощеная дорожка; на томъ концѣ сада возвышался самый домъ. Я позвонилъ. Отворилъ китаецъ и спросилъ по русски, кого надо. Я освѣдомился,

принимаетъ-ли секретарь г. Павловъ, такъ какъ зналъ, что посолъ графъ Кассини недавно оставилъ Пекинъ, и меня впустили.

Господинъ Павловъ оказалъ мнѣ такой любезный пріемъ, какого только можно пожелать. Онъ уже давно ожидалъ меня, такъ какъ его предупредили изъ Петербурга о моемъ прибытіи, и двѣ комнаты стояли готовыми въ ожиданіи меня уже съ мѣсяцъ.

Вотъ и пришлось мнѣ нарушить свое инкогнито. Меня проводили въ комнату, блиставшую самою утонченною роскошью запада; дорогіе ковры на полу, шелковыя китайскія вышивки на стѣнахъ, античныя вазы въ нишахъ и на пьедесталахъ и — лучше всего — постель, о которой я даже и не смѣлъ мечтать въ послѣдніе дни, ночуя на жалкихъ постоялыхъ дворахъ. На столѣ въ моей комнатѣ лежала гора писемъ и газетъ съ родины; нѣкоторыя были еще отъ прошлаго года, и я поглощалъ ихъ съ восторгомъ, пока портной, китаецъ, говорившій по англійски, занимался моей экипировкой.

Когда съ этимъ было покончено, я сдѣлалъ визиты въ посольства и всюду былъ принятъ съ изысканнымъ радушіемъ. Представитель Англіи Макъ-Дональдъ, французскій посолъ Жераръ и его секретарь графъ де Сарси, нѣмецкій посланникъ баронъ Гейкинъ, американскій Демби и голландскій Кнобель, съ которымъ я познакомился еще въ Тегеранѣ, соперничали между собой любезностью и поздравляли меня съ благополучнымъ окончаніемъ экспедиціи. Получилъ я также привѣтственную телеграмму отъ его величества короля Оскара.

Но годъ, проведенный въ одиночествѣ среди дикихъ и полудикихъ азіатскихъ племенъ, не проходитъ даромъ для европейца. Изысканные обѣды и праздники утомляли меня, я чувствовалъ себя неловко среди избраннаго общества; слишкомъ ужъ рѣзокъ былъ переходъ изъ пустынь Тибета, Цайдама и Гоби въ европейскіе салоны.

Отдохнувъ въ Пекинѣ 12 дней и дождавшись Ислама-бая, я простился съ моими новыми друзьями и направилъ путь домой. Господинъ Павловъ позаботился о моемъ багажѣ, который безплатно былъ отправленъ черезъ Сибирь на мѣсто назначенія. Мнѣ на выборъ представлялись три пути въ Европу. Кратчайшій, морской, велъ на востокъ черезъ Ванкуверъ

и Нью-Іоркъ, удобнѣйшій на пакетботѣ черезъ Индію и Суэцъ. Самый же долгій и трудный былъ сухой путь черезъ Монголію и Сибирь.

Я выбралъ послѣдній и еще разъ, хотя и при другихъ

„Танка“ изъ кумирни въ Ургѣ.
(Съ фотографіи Даллёфа).

условіяхъ пересѣкъ Азію. Въ двухколесной китайской арбѣ, запряженной монгольскими лошадьми, съ кучерами на нихъ верхомъ, мчался я съ быстротой вѣтра по безконечнымъ равнинамъ, пустынямъ и степямъ черезъ Саинъ-усу и Ургу въ Кяхту.

Это былъ для меня новый способъ путешествовать. Верхніе концы оглобель снабжены петлями, въ которыя горизонтально просовывается перекладина, и двое всадниковъ берутъ ее къ себѣ на колѣни, на сѣдла, а двое другихъ всадниковъ обвязываютъ вокругъ таліи веревку, прикрѣпленную къ концамъ перекладины, и вотъ всадники мчатся съ арбою по степямъ во весь духъ; арба прыгаетъ и трясетъ напропалую.

Для путешествія понадобился китайскій паспортъ изъ Цзунгъ-ли-Ямена. Впереди неслись курьеры, чтобы заготовлять

Порталъ храма Майдари въ Ургѣ.
(Съ русской фотографіи).

на пути свѣжихъ лошадей. Кромѣ того отъ станціи до станціи меня сопровождало 20 верховыхъ. Когда четыре везшія арбу лошади уставали, ихъ смѣняли другія четыре; смѣна эта происходитъ такъ быстро и легко, что путешественникъ, запакованный въ повозкѣ, не замѣтитъ этого, если не выглянетъ въ переднее отверзтіе своего „купе".

Дороги собственно никакой нѣтъ, станцій тоже. Свѣжія лошади и люди ожидаютъ путниковъ около монгольскихъ кочевій, и, поэтому, надо знать, гдѣ находятся въ данное время, кочевья. Оттого-то и нельзя было держаться какого нибудь опредѣленнаго пути. Люди гонятъ лошадей во весь духъ по

степямъ, оврагамъ и холмамъ по прямой линіи къ слѣдующему кочевью.

Въ сѣверной Монголіи нѣсколько перегоновъ сдѣлали по глубокому снѣгу на верблюдахъ.

Въ Ургѣ, гдѣ я посѣтилъ величественный храмъ Майдари, мнѣ пришлось разстаться съ вѣрнымъ Исламомъ-баемъ, слѣдовавшимъ за мной въ особой арбѣ. Горько было намъ разставаться, но я не могъ взять его съ собой на родину, какъ онъ ни хотѣлъ этого. Консулъ Луба въ Ургѣ взялъ его подъ свое покровительство и послалъ его, ради безопасности, въ обще-

Озеро № 20 въ Сѣверномъ Тибетѣ.
(Съ рисунка автора).

ствѣ русскаго почтоваго курьера въ Улясутай, откуда онъ черезъ Урумчи вернулся въ Кашгаръ и Ошъ. Съ души у меня свалилась большая тяжесть, когда я послѣ узналъ, черезъ капитана Зайцева, что Исламъ-бай благополучно прибылъ къ своей семьѣ въ Ошъ.

Благодаря любезности господина Павлова, меня отъ самаго Пекина экскортировали казаки. Оттуда я продолжалъ путь въ тарантасѣ, на саняхъ и въ телѣгѣ черезъ Байкалъ и Иркутскъ въ Канскъ, откуда по желѣзной дорогѣ въ 9 сутокъ добрался до Петербурга.

10-го мая 1897 г. я завидѣлъ башенные шпицы Стокгольма, затѣмъ вынырнули и кровли домовъ. И какъ хорошо, какъ несказанно хорошо было, наконецъ, ступить на родную шведскую почву послѣ трехъ лѣтъ и семи мѣсяцевъ странствованія по великой Азіи.

Алфавитный указатель географическихъ названій, именъ собственныхъ и мѣстныхъ словъ и выраженій къ I и II томамъ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Э.

Ю.

Я.

